

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Московский государственный областной университет»

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова»

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Материалы одиннадцатой
Международной научной конференции**

(г. Владимир, 29 сентября – 1 октября)

Владимир
2015

УДК 81
ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ВлГУ

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Ласло Ясаи
(Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия)

д-р филол. наук, проф. *Валентина Васильевна Леденёва*
(Московский государственный областной университет, Россия)

Языковые категории и единицы: синтагматический аспект.
Материалы XI Международной научной конференции (Владимир,
29 сентября – 1 октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015.
– 636 с.

ISBN 978-5-8311-0915-3

В докладах участников одиннадцатой Международной научной конференции обсуждаются вопросы функционирования и взаимодействия языковых категорий и единиц на основе их синтагматических свойств в рамках принятого лингвистикой антропоцентрического взгляда на язык.

Материалы конференции дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем и предназначены для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов.

Редакционная коллегия:

Е.А. Абрамова, К.М. Богрова (отв. секретарь), Е.Н. Варюшенкова, М.Вас. Пименова (отв. ред.),
Н.А. Сафронова, Г.И. Столбунова.

ISBN 978-5-8311-0915-3

© Коллектив авторов, 2015
© ВлГУ, ПИ, кафедра русского языка, 2015
© Издательство «Транзит-ИКС», оформление, 2015

От редакционной коллегии

Сборник материалов XI Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» включает в себя 128 статей лингвистов *Беларуси* (гг. Витебск, Гродно, Минск), *Венгрии* (гг. Будапешт, Ньиредьхаза), *Казахстана* (гг. Алматы, Семей), *Китая* (г. Чжанье), *Латвии* (г. Рига), *Польши* (г. Варшава), *России* (гг. Биробиджан, Брянск, Владимир, Волгоград, Воронеж, Елец, Ижевск, Йошкар-Ола, Киров, Коломна, Липецк, Магнитогорск, Москва, Муром, Нижний Новгород, Омск, Орел, Оренбург, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Смоленск, Сыктывкар, Таганрог, Челябинск, Электросталь, Ярославль и др.), *Украины* (гг. Бердянск, Винница, Днепропетровск, Запорожье, Каменец-Подольский, Киев, Кривой Рог, Львов, Николаев, Ужгород, Харьков, Черкассы), *Чехии* (г. Брно).

Первая конференция с более узким названием («Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект») состоялась в 1995 г. по инициативе доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации **Августа Борисовича Копелиовича** (14.12.1929 – 25.01.2015). За прошедшие двадцать лет проведено десять конференций, каждая из которых сопровождалась сборником материалов, включающим от 88 до 172 статей/тезисов.

В нынешний, одиннадцатый сборник вошла последняя статья А.Б. Копелиовича «Теорема индоевропейского рода» (с. 216-228), посвященная основной научной теме его жизни: проблемам категории рода и именной категории лица в их взаимодействии.

Тематика статей данного сборника, заложенная А.Б. Копелиовичем еще в программе первой конференции, подразделяется на следующие группы: **морфология** (новые подходы к изучению грамматических категорий и единиц, их функционирование в синхронии и диахронии на материале славянских языков – *Е.В. Глинка, Ильдико Палоши, М.А. Рыбаков и Е.В. Трубеева, Е.А. Селиванова, А.А. Соколова, Л.М. Устюгова*), **морфемика и словообразование** (семантика и функционирование морфем, функционально-семантические поля, механизмы производности с точки зрения когнитивной ономазиологии, голофрастические образования, когнитивный подход к решению семантического наполнения словообразовательных рядов – *А.В. Бабанов, М.А. Веденеева, Л.И. Головина, Н.И. Данилина, И.Н. Литвин, Н.А. Николина, Ю.А. Шепель*), **синтаксис** (смежные, но противопоставленные единицы – словоформа, синтаксема, фразема, форма=идиома, партикулярные риторические компоненты, сложные и осложненные предложения, асимметричный дуализм предложения и высказывания, специфика семантической конфигурации пропозиции, типология коммуникативных ситуаций и т.д. – *Е.В. Бувалец, Е.Н. Варюшенкова, А.В. Величко,*

Т.П. Вязовик, А.А. Загнитко, А.А. Калинина, А.В. Канафьева, О.Г. Качан, Е.А. Красина, Н.Д. Кручинкина, П.А. Лекант, Л.А. Мелехова и Л.А. Сергеевская, Т.С. Моница, И.В. Одинцова, А.В. Петров и Л.А. Петрова, Н.А. Сафронова, О.А. Селеменова, О.А. Селюнина, М.Ю. Сидорова, О.И. Соколова, И.М. Сушкова, Л.А. Чернова, Е.В. Шейко, И.А. Шмыкалова и др.), **лексикология, фразеология, лексикография** (новые синтагматические отношения лексем / терминологических единиц, выражение семантики различных видов, редупликации, способы освоения заимствованной лексики, виды выражения оценки в пословицах, эквивалентные фразеологизмы русского, болгарского, латышского языков, топонимика Муромского края и др. – О.Б. Абакумова, Т.А. Алиев, О.А. Анастасьева, К.М. Богрова и А.С. Малахов, Е.С. Емельянова, Ю.Е. Манохина, М.С. Милованова, Н.А. Осьмак, Т.А. Стойкова, М.М. Сывороткин, Е.Н. Теряхина, Ю.И. Трушкина, В.М. Шетеля, Н.В. Юдина и др.), **история языка** (кетский язык, надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г., списки Толковой Палеи, славяно-русские Прологи XIV-XVII вв., памятники деловой письменности Владимирского края XVII в., полногласная и неполногласная лексика в диахронии, язык пушкинского периода и т.д. – Е.Н. Бекасова, О.И. Валентинова, Т.А. Джангобекова, Жень Цзя, Ж.К. Кынова, А.Ю. Козлова, Ю.В. Коренева, Т.Д. Маркова, Л.В. Пивнёва, М.Вас. Пименова, Г.Т. Поленова, М.А. Смирнова, З.К. Тарланов, Т.Г. Трофимович и др.), **диалектология** (Л.П. Михайлова, М.А. Харламова). Кроме того, в сборнике широко представлены статьи, связанные с современными **когнитивными исследованиями языка, речи и текста** с точки зрения синергетического подхода, интегрирующего филологию с комплексом связанных с человеком наук – В.П. Важенина, Т.Е. Владимирова, М.А. Кизиль, И.Р. Королёв, Н.В. Королёва, Н.В. Коч, Н.А. Крапицкая, Ю.А. Максимова, М.Вл. Пименова, О.И. Пьецух, Л.П. Сычугова, Д.А. Темирова, В.А. Федосов и др.). Представлен также **анализ художественного текста и дискурса в антропоцентрической парадигме** (И.Ю. Абрамова, О.Л. Арискина, А.Д. Белова, Л.Е. Бессонова и Н.А. Сегал, Л.И. Гришаева, Эржэбэт Ч. Йонаш, Л.В. Калинина и М.А. Трушков, Е.Н. Клемёнова, С.В. Коростова и О.В. Жилкайдарова, Н.Н. Кошкарлова, Е.А. Крыжко, Э.А. Куц, О.В. Ланская, В.А. Маслова, Е.Ю. Муратова, И.А. Саница, М.А. Хлупина, С.В. Чернова, И.Н. Юдкин-Рипун и др.).

Редакционная коллегия сборника материалов XI Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» выражает сердечную благодарность всем авторам статей и надеется на дальнейшее сотрудничество.

М.Вас. Пименова

АБАКУМОВА Ольга Борисовна (Орёл, Россия)

Орловский государственный университет
abakumova-ob@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В ПОСЛОВИЦАХ (на материале русских пословиц о правде)

Аннотация. В статье представлены два вида выражения оценки в пословицах в зависимости от использования паремии в актуализованном или в неактуализованном режиме. Первый тип оценки связан с использованием национальных кодов культуры, а второй – с фокусом интереса говорящего, использующего пословицу как тактику реализации своей коммуникативной стратегии.

Общеизвестно, что пословицы могут существовать как в неактуализованном, так и в актуализованном режимах. Но это всегда оценочные суждения, хотя оценка не всегда выражается в этих высказываниях эксплицитно. Мы предлагаем различать два вида оценки в пословицах: культурно-детерминированную, которая передается через коды культуры, имеющие особую значимость в пословичной картине мира каждого национального языка, и индивидуально детерминированную, связанную с фокусом интереса говорящего, с реализацией его коммуникативной стратегии [1]. Пословицы понимаются нами как культурно-значимые оценочные суждения, служащие для моделирования и оценки ситуаций действительности и достижения определенных коммуникативных стратегий. Оценочность определяется как один из видов модальности. Модальная рамка оценки включает субъект оценки, объект оценки, аксиологический предикат, оценочную шкалу, стереотипы и интенсификаторы. Оценочная модальная рамка относится к прагматическому аспекту высказывания, но она также связана с семантикой оценочной структуры и образует с ней конструкции, где прагматические и семантические факторы трудно разделить. Субъект оценки и предикат мнения могут относиться и к прагматической составляющей, но объект оценки всегда входит в семантическую структуру высказывания [2].

Существуют разные точки зрения по поводу того, что является объектом оценки в пословицах. Мы полагаем, что в пословице могут оцениваться как ситуация в целом, так и ее отдельные составляющие, являющиеся фокусом интереса говорящего (о фокусе интереса гово-

рящего или прагматическом пике см. [6]). В связи с пословицами нужно различать два типа оценки: культурно-обусловленную, которая проявляется интертекстуально в паремическом дискурсе [1] как совокупности пословиц, объединенных общей темой, и индивидуально-обусловленную, связанную с коммуникативной стратегией говорящего в конкретной ситуации общения. В последнем случае индивидуальная оценка накладывается на культурную с опорой на семантический потенциал конкретной пословицы и контекст. Если говорящий хочет успешно использовать пословицу в речи, он должен: 1) оценить коммуникативную ситуацию и выбрать коммуникативную стратегию, которая направлена на достижение консенсуса, истинного или мнимого; 2) оценить референтную ситуацию (положение дел) с точки зрения ее участников и отношений между ними и отнести ее к определенному типу, то есть интерпретировать и отнести к определенной категории, определив ей место в своей концептуальной картине мира; 3) выбрать из арсенала средств подходящую единицу, которая кратко и экспрессивно называет и моделирует ситуацию и дает ей нужную оценку, соответствующую цели говорящего, отражающую его опыт и отношение и способную вызвать необходимую реакцию со стороны слушающего; 4) скрываясь за авторитетом народной мудрости, побудить слушающего сделать нужный логический вывод о том, как следует поступать в подобной ситуации, опираясь на социальные нормы, принятые в данной культуре.

К средствам оценки и категоризации действительности отечественные исследователи относят культурные коды (см. работы В.Н. Телии, В.Красных и др.). Д.Б. Гудков и М.Л.Ковшова [3] определяют культурный код как систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов, которые прочитываются в этих знаках. Нам представляется, что есть определенная зависимость между референциальным типом пословицы (см. референциальную типологию пословиц О.Е. Фроловой [5]) и возможностями использования конкретных кодов культуры [2].

I. Пословицы с заполненными актантными позициями (по данным старых словарей – 22% русских пословиц о правде, по данным

современных словарей – 19%) могут быть выражены названиями животных, предметов, веществ и именами собственными. Пословицы описывают человека и социальное поведение, поэтому уподобление человека животным уничижительно для него и обычно сопровождается отрицательной оценкой. Зооморфный код культуры активно используется в русских пословицах о правде и лжи (*Не прав медведь, что корову съел, не права корова, что в лес зашла*), а также фитонимический код (*И ракитовый куст за правду стоит*), предметный код (*Заработанный ломоть лучше краденого каравая*), пищевой код (*В бочку меда ложка дегтя*), природный код (*Быль – трава, небыль – вода*), эстетический код (*Песня – правда, сказка (басня) – ложь*) и духовный код культуры (*Бог правду видит да не скоро скажет*). Зооморфный код совсем не находит своего применения в английских пословицах этой тематики. Данный факт можно интерпретировать как показатель различной оценочной составляющей этих культурных концептов, то есть преобладанием положительной оценки в английской культуре и наличием как положительной, так и отрицательной оценки в русской, что подтверждается материалом. Интересно отметить, что зооморфный код культуры появляется в английских пословицах о *справедливости*, которые составляют отдельную тему в английских словарях пословиц в отличие от русских, где по традиции, идущей с 18 века, *справедливость* подается как одно из значений слова и включается в понятие Правды. Духовный код является ведущим и связан с деонтическими нормами социального поведения.

Пословицы с актантными позициями, занятыми референциально связанными актантами (личным существительным, этнонимом, существительным с оценочной семантикой, соматизмом) для оценки качеств человека могут использовать антропоморфный код культуры (*Варвара мне тетка, а правда сестра, Правда у Бога и у цыгана, Мошенники повздорили – и правда наружу*), соматический код культуры (*Худая харя зеркала не любит*), духовный код культуры (*На воре шапка горит*).

Оценка ситуации или деятельности человека в пословицах может происходить с нормативных позиций, в этом случае показателями

являются кванторные слова «каждый», «всякий» (*Всяк правду любит, да не всяк ее говорит/творит. Все люди такие, только мы вот эдакие*). Используется антропный и духовный код культуры.

Пословицы данной категории могут давать оценку как человеку, так и ситуации в целом, то есть в их прагматической структуре можно выделить как узкий, так и широкий фокус интереса говорящего. Субъектом оценки является социум, пословицы представляют общее мнение. Аксиологический предикат в структуре не выражен, но подразумевается, идет опора на социальные стереотипы. Используя расширенный аппарат *lingua mentalis* А. Вежбицкой [7], можно представить смысл пословицы *Окул бабу надул, да и Окула баба надула* следующим образом: (а) желая предупредить тебя о неизбежности справедливого наказания; (б) я говорю, что кто-то обманул кого-то, но и сам был обманут в ответ этим же человеком (ассерция); (в) я полагаю, что ты понимаешь, что это справедливо (пресуппозиция); (г) сделай вывод, зная социальные нормы своего социума: Если не хочешь быть обманутым, не следует обманывать других (логический вывод). Пример демонстрирует этические нормы социального поведения, которые можно вывести из семантики пословиц (см. классификацию норм в работе [4]). Мы расширяем аппарат А. Вежбицкой третьим компонентом, чтобы отразить природу пословицы как оценочного суждения, цель которого оказать воздействие на слушающего. С логических позиций пословица – обобщающая импликация, она является таковой и в речи, когда весь текст пословицы становится антецедентом, а консеквент – тот логический вывод, который должен сделать слушающий, исходя из ситуации и опираясь на деонтические нормы данной культуры.

II. Пословицы с незанятыми актантами позициями, чаще прескриптивного характера, в большей степени отражают соответствие норме, чем оценку ситуации (старые словари – 52% от общего числа пословиц, современные словари – 45% русских пословиц о правде). Используются побудительные предложения (*Правду молвишь, правду и чини*), неопределенно-личные конструкции (*Что ворам с рук сходит, за то ворешек бьют*), обобщенно-личные конструкции (*Что посеешь, то и пожнешь*), пассивные конструкции (*Не пойман – не вор*), непол-

ные предложения (*Врет как сивый мерин*), инфинитивные конструкции (*Лучше умереть, чем неправду терпеть*). Используется гастрономический, зооморфный, предметный и духовный код культуры. Пословицы этой категории имеют предикатный фокус. Используя расширенный аппарат *lingua mentalis* можно представить смысл пословицы *Молодому врать вредно, старому непотребно* так: (а) желая убедить тебя в необходимости говорить правду; (б) я говорю, что что-то молодой лжет и кто-то старый говорит неправду; (в) я полагаю, ты понимаешь, что это плохо, безнравственно; (г) сделай вывод, исходя из знания норм своей культуры: Следует быть правдивым в любом возрасте на основании социальных норм (этические нормы социального поведения).

III. Третью группу составляют пословицы с референциально не-проясненными актантами, выраженными дейктическими или пропозитивными средствами (по данным старых словарей – 26%, по данным современных словарей – 36%).

Оценка моральных качеств человека (духовный код культуры) осуществляется в пословицах с актантами, выраженными субстантивированными прилагательными и числительными (*Глупый да малый правду говорят. Честный правды не боится*). Ядро группы составляют пословицы с актантами, выраженными существительными, обозначающими действие или абстрактное качество: *Правда не стареет. Правда истомилась и лжи поклонилась*. Они характеризуются референциальной неясностью, называют ситуацию, не выделяя в ней актантов. При интерпретации значения предиката как переносного именная группа мыслится как троп (аллегория, антономасия) и соотносится с личным актантом. Объектом оценки является абстрактное качество, которому приписываются человеческие характеристики. Это позволяет выявить специфическую для данной культуры аксиологию абстрактного имени. Эти пословицы используют предметный, пространственный и временной коды культуры (*Правда далеко, а кривда под боком. И правда тонет, когда золото всплывает*). Приведенные примеры показывают действие базовой пространственно-ориентационной концептуальной метафоры: далеко-близко, верх-низ,

прямо-криво (*Не всяк судит по праву, иной и по криву. Правда прямо идет, а не обойти ее, не объехать*). Актантные места могут быть заняты кванторными местоимениями (*Каждому по делам его*), а также неопределенными местоимениями (*Кто за правду горой, тот истинный герой*). Используется духовный код культуры, который является ведущим для всех типов пословиц, в русском языке преобладают этические нормы социального поведения. Пословицы этой категории имеют сентенциальный фокус интереса говорящего.

Анализ семантики и прагматики пословиц о правде в русской культуре показал специфику аксиологии абстрактного имени, которая выражается через национально окрашенные образы. Духовный код доминирует над остальными и показывает специфику заложенных в пословицах деонтических норм поведения в социуме. Это этические нормы в русских поговорках. Референциальные типы пословиц соотносятся с разными типами фокуса интереса говорящего: пословицы с занятыми актантными позициями оценивают как человека, так и положение дел, т.е. как широкий, так и узкий фокус; пословицы с незанятыми актантными позициями имеют узкий предикатный фокус и оценивают поведение слушающего или третьего лица, давая необходимые рекомендации; пословицы третьей категории оценивают ситуацию в целом через аллегорические образы абстрактных сущностей, которым приписываются человеческие свойства. В русских поговорках представлены два аллегорических образа: Правда-истина как высшее знание, идеал, общественный порядок, основанный на справедливости, к которому нужно стремиться, но который не достижим на земле, и крестьянская Правда-матка как реальное положение дел, далекое от идеала, к которому нужно приспособливаться и рассчитывать только на себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: 2013.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Гудков Д.М., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. М., 2007.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
5. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом. М., 2007.
6. Van Valin R.Jr. *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam, Benjamins, 1993.
7. Wierzbicka A. *Lingua Mentalis*. Sydney, 1980.

АБРАМОВА Инга Юрьевна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ДВИЖЕНИЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ С.К. НИКИТИНА (на примере рассказа «Горькая ягода»)

*Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)*

Аннотация. Статья посвящена творчеству замечательного владимирского писателя С.К.Никитина, в ней рассматриваются концепты, включённые автором в текст рассказа «Горькая ягода», важнейшим из которых является концепт «движение», описываются особенности организации семантической структуры произведения.

Понятия пространства, времени и движения занимают особое место как в философской картине мира, так и в теории познания человеком закономерностей мироустройства, отображая целостность бытия, взаимообусловленность его компонентов. Движение невозможно рассматривать вне пространства, что неоднократно подчёркивалось исследователями русских художественных текстов, таких как «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, поэзия Н.С. Гумилёва, «Белая гвардия» М.А. Булгакова и др. Движение является одним из основных «признаков» жизни, деятельности человека. При этом в литературных произведениях данное понятие «может быть рассмотрено широко: движение в буквальном смысле, то есть перемещение (живых существ, предметов) <...> и движение в метафорическом смысле» [10: 67], в духовно-нравственном, ментальном плане, часто определяя концептосферу произведения. Концепт «движение» – один из значимых в творчестве замечательного владимирского писателя С.К. Никитина; анализ этого концепта на материале рассказа «Горькая ягода» позволяет выявить особенности художественного мира автора, увидеть в тексте общечеловеческое, общенациональное и индивидуально-авторское.

По определению известного лингвиста А.И. Горшкова, «авторская индивидуальность определяется тем, чего нет у других авторов», проявляется она не в отдельных словах и выражениях, а «в своеобраз-

зии выбора и сочетания языковых средств» [3: 145], а также расположении текстовых единиц, образующих семантическую структуру текста. Задача толкователя художественного произведения – «показать закономерности сцепления языковых элементов и тем самым проникнуть в сущность художественного произведения» [2: 172]. Концептуальный анализ текста С.К. Никитина может дать читателю представление об уникальном, отличающемся необыкновенной философской глубиной творчестве писателя, культурное и духовное пространство его произведений может помочь каждому человеку приобщиться к настоящим духовным ценностям.

Как известно, анализ концепта художественного произведения проводится с учётом многих аспектов, он предполагает рассмотрение словарных значений слова, единиц лексико-семантического поля, важна этимологическая структура концепта (историческое рассмотрение), образный, ассоциативный, лингвокультурный аспекты.

В рассказе С.К. Никитина «Горькая ягода» «движение» связано прежде всего с образом главного героя, который вводится в текст путём использования номинации обычного для жанра рассказа структурного вида – «имя + фамилия» (*Иван Соломин*), а также поясняющего имя собственное приложения: «*смотрел на всё это из окна вагона-ресторана Иван Соломин – человек свободный*». Приложение, совмещающее в себе, как известно, «атрибутивный и предикативный признаки», является и определительной, и уточняющей по своей семантической функции единицей [8: 232]. Эта языковая единица в произведении С.К. Никитина приобретает и характер текстовой: она начинает и заканчивает текст (см. в последнем абзаце: «*Кружились за окном поля, сверкали речки, мелькали будки, станции, и смотрел на всё это Иван Соломин – человек свободный*»); синтаксический параллелизм конструкций в начальном и заключительном абзацах усиливает смысловое значение слова *свободный*, которое по мере развёртывания сюжета (в том числе и метафорического – человек передвигается в своей нелёгкой жизни от одной остановки до другой) «обрастает» глубинными смыслами. Эта единица определяет субъект действия как 'имеющий право поступать по своей воле, желанию' [9,

IV: 53], то есть такой субъект не ограничен в движении, наоборот, его перемещение имеет широкий территориально-географический охват: поезд, в котором находится герой, следует «с севера на юг», направление движения обозначено разными точками, характеризующими пространство, что осуществляется парой антонимов, выражающей проявление одной и той же сущности в противопоставлении: ‘север – одна из четырёх сторон света, противоположная югу’ [9, IV: 67]. Автором имплицитно используется аллюзия, «ассоциативная отсылка к известному для адресата факту действительности» [6: 207] – фразеологизму «идти на все четыре стороны», то есть ‘куда угодно, куда хочется’ [9, IV: 277]. В тексте С.К. Никитина концепт «движение» тесно связан с другим – концептом «выбора». Выбор – куда хочется, «с севера на юг» в кульминационной точке развития сюжета резко меняется: после неудавшейся попытки примирения с женой герой настойчиво повторяет «я уеду на Север». Неслучайно также, что в конце рассказа одна из главных героинь (Галка) свой жизненный выбор сформулирует так: «Ведь могу я жить, где мне хочется ?!».

Приложение «человек свободный» в тексте произведения несёт и иную информацию – сообщение о субъекте действия, характеризуя его социальную принадлежность [8: 232] – ‘находящийся на свободе, не в заключении’ [9, IV: 53], а также указывая на нравственно-этический подтекст, о чём сообщается в различных эпизодах произведения, эти значения усложняют смысловую структуру слова, выступая в разных текстовых отрезках либо как единое семантическое целое, либо как художественно значимые для раскрытия авторского замысла оппозиции (напр., свободен в передвижении и несвободен в своих отношениях с другими людьми: «Соломин давно не оставался **один** – только шорохи сада вокруг да **невидимая жизнь** улицы **по ту сторону забора**, – и ему стало **жутко**»).

Таким образом, части повествовательной структуры рассказа «Горькая ягода» следует рассматривать не изолированно, а «в их взаимоотношении, то есть с точки зрения синтезирующего (интегрирующего) метода в анализе текста» [2: 124]. Лексические значения единицы «свободный» в тексте актуализированы: «человек свобод-

ный» в территориальном передвижении – «ехал с севера на юг»; «человек свободный» – ехал из мест лишения свободы; «человек свободный» – предполагающий начать новую жизнь, вступить в новые отношения с любимой женщиной, эти значения являются текстообразующими в динамике развёртывания повествования, подчиняя себе и другие эпизоды. Художественная оппозиция «свободный – несвободный», вбирающая в себя разные значения (в том числе и окказиональные, текстовые), благодаря этой многозначности, открывает перед читателем глубинный план прочтения текста: в конце рассказа герой вынужден начать новое «передвижение» (именно это слово употреблено автором в последней, шестой главе рассказа), жизнь, к которой так стремился Иван Соломин, в очередной раз оказалась «по ту сторону», человек в выборе своего пути и «свободен», и «несвободен», а долгожданная встреча так и осталась далёкой.

Речевое поведение главного героя позволяет читателю обратить внимание на номинации, приложимые к характеристике других персонажей, они также входят в «номинативное поле концепта», где каждый его элемент раскрывает какую-либо его часть [7: 97]. Так как герой находится «в пути» (географическом, жизненном, от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему), значимыми являются характеристики пространственного положения персонажей, именно на них строятся образы двух женщин в жизни героя – бывшей жены Саши и «рыжей соседской девчонки» Галки: «жену Соломин называл в мужском роде – Сашкой, что лишь как-то особенно подчёркивало в его глазах её женское обаяние», с ней «они медленно двигались рядом»; и Галка, к которой «привык относиться, как к девчонке, которую таскал за ручку в детский сад». Противопоставление героинь на основе вышеуказанного доминантного признака лежит в основе дальнейшей характеристики «пути» героя в направлении к каждой из них, причём не только в известном значении (движение как перемещение, изменение положения), но и в значении духовно-нравственных исканий в жизни (движение как 'движение души – чувства, страсти' [4: 688]).

В тексте содержится информация о том, что приезд героя «на юг» – не просто «приезд в город» (со значением 'достижение какого-

либо места, передвигаясь на чём-либо' [9, III: 408]), это «приезд» как возвращение «*через те шесть лет, что не был в городе*», возвращение не только физическое, но и духовное (приехать, чтобы «*начать жизнь заново*», о чём читатель узнаёт из реплики героя Саше: «*Давай опять жизнь вместе*»). Однако актуализированному через семантический ряд повторов значению 'желание' (движению 'души, чувства'): «*хочу, не утерплю*» (о встрече с Сашей) в тексте противопоставляются иные смыслы через авторское употребление слов «*надо*», «*приходится*», «*должен*» («*если я **желаю** счастья тем, кого люблю, я **должен** <...> испариться*»), причём нравственное «*движение*», в отличие от территориального, идёт не в прямом направлении (стыдно «*показаться на глаза людям*») – на встречу с Сашей шёл «*окраинами, в обход людных центральных улиц*». Молчание героини воспринимается как крушение, остановка (заставившие изменить «движение» персонажа и в географическом, и в духовном плане): «*Александра подняла голову и опять взглянула на него спокойно, холодно*». Обстоятельства образа действия («*спокойно*», «*холодно*») являются текстовыми антонимами к тем словам, которые используются автором для описания поведения Соломина как равнодушного, ищущего, переживающего глубокие чувства человека («*Чтобы высказаться до конца, человеку немного нужно слов; **всё** **больное, запутанное, трудное**, что **мучит** его, если оно есть, укладывается в одну короткую фразу: «*Я хочу счастья*»). Молчание героини «программирует молчание собеседника» [5: 279], самого героя, Ивана Соломина, поэтому «говорящими», значимыми становятся его скупые движения в пространстве: «*сразу объял и потупился*» ('опустил вниз голову, глаза' [5: 336]).*

Интересно диалогическое построение текста рассказа С.К. Никитина, основная функция которого – «создание полифоничности, введение множественных мировоззренческих точек зрения, выражение различных оценочных позиций» [1: 175]. Ключевое слово Александры в её речевом поведении в адрес героя – «*не опускайся*» – наполнено глубоким подтекстовым смыслом, его переносное значение составляет единое семантическое поле с другой лексической едини-

цей – герой *«потускнел»* ('потерял силы' [9, IV: 429]). Противопоставление героев в тексте С.К. Никитина передаётся не только соотношением реплик, но и элементами семантического поля далёкое – близкое, характеризующими взаимоотношения персонажей (ср. *«недостижимая»*, *«непонятна становилась»*, *«не любила комнаты»* – *«сопровождал»*, *«вернулись в комнаты»*, *«близостью к той же матери-природе»* и др.), сочетаемостью слов с противоположным значением (*«Должно быть, с такой вот суровой любовью и заботливостью пестует своих детёнышей волчица»*, – не раз думал Соломин, наблюдая, как она обращается с их маленькой дочерью), *«счастливое заблуждение»* и т.д.).

В рассказе С.К. Никитина «Горькая ягода» постепенно, по ходу развития сюжета различные проявления *движения* (как душевного порыва и как физического действия) совмещаются: любовь – 'движение души' (*«я люблю тебя, Саша»*) – встречает ответную реплику-молчание (*«взглянула холодно»*), далее – движение «вниз» (*«потупился»*, *«потускнел»*), состояние душевного бессилия Ивана Соломина предопределяет это движение «вниз» как дальнейшую модель поведения героя: *«Соломин оттолкнулся плечом от двери и рывками, точно падая вперёд, пошёл дальше»*. Противоречие *«падая вниз»* – *«идти дальше»* понятно в связи с репликой героини (*«не опускайся»*), происходит своеобразная «переакцентуализация отдельных деталей» повествования [2: 89]: словосочетание *«падая вперёд»* характеризует скорее созидательное начало в действиях героя, а не разрушительное: чтобы не опуститься, нужно это движение *«вперёд»*, даже в том случае, если пока сопровождается другим действием – *«падая»*.

Опорой (*«обопричь на меня»*), чтобы *«не опускаться»* и *«не упасть»* (*«вышел из машины, шатаясь»*), является для героя рыжая Галка. В общем контексте произведения и конкретном эпизоде героиня воспринимается как элемент пространственной характеристики, интерпретируемый следующим образом: то, к чему можно 'прислониться, перенести часть тяжести своего тела' [9, II: 622]. Это прямое значение дополняется переносным: Галка – сила, на которую можно опереться, 'поддержка, помощь в чём-либо' [9, II: 622]. *«Движение»* как осознан-

ная направленность одного человека по отношению к другому с целью оказания помощи приобретает глубоко нравственное, этическое и философское значение.

В конце рассказа путь героя связан с нахождением в одном пространстве с Галкой в «комфортабельном вагоне». Слово «комфортабельный» как характеристика внешней обстановки пространства оппозиционирует в тексте с характеристикой состояния героя, выраженного через несобственно-прямую речь: в вагоне было «до безобразия тихо». Посредством стилистически маркированного наречия меры и степени «до безобразия», употреблённого для выражения 'чего-то, что вызывает возмущение, негодование раздражение' (разг.) [9, I: 74], а также использованных ранее автором речевых единиц «**должен уехать**», «**некого любить, не о ком заботиться**», «**паршиво, когда остаёшься жить только для себя**» выражается негативное восприятие героем необходимости отъезда. Но теперь Иваном Соломиным выбирается не прямолинейный путь, он «*решил просто поездить*», герой свободен в выборе своего территориально-географического «передвижения», при этом автором имплицитно сообщается и о его духовном преображении, стремлении героя к движению как желанию найти свой путь в жизни, где «*работа и кров по душе*», а Галка – помощь в дальнейшем пути-путешествии героя (это преобразование находит в тексте метафорическое выражение – особый текстовый знак: Галке в речи Соломина даётся новая личная номинация – «**царевна-лягушка**»).

Таким образом, содержательная сложность концепта «движение» в рассказе С.К. Никитина «Горькая ягода» обусловлена контекстным употреблением и композиционной расположенностью семантически значимых единиц, лежащих в основе интерпретации семантической структуры текста в целом, осмысления его глубинных смыслов, реализующих художественный замысел автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2005.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. В 4 тт. / В.И. Даль М., 2001.
5. Лисоченко Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе. Ростов-на-Дону.
6. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Ростов-на-Дону, 2006.
7. Попова З.Д., Стернин И.А.. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
8. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. М., 1979.
9. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985 – 1988.
10. Шантали́на Ю.А. Речевая репрезентация мотива движения в поэзии Н.С. Гумилёва. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

АКИМОВА Вероника Викторовна (*Москва, Россия*)

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
akimova_veronika@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИКИ ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЙ В УСЛОВИЯХ КОНТЕКСТА (на примере рассказа К.А. Коровина «А.Я. Головин»)

Аннотация. Статья посвящена семантическим изменениям лексики портретных описаний в условиях контекста. На примере словесного портрета в рассказе К.А. Коровина «А.Я. Головин» анализируется механизм перехода лексической единицы из группы номинативной лексики в группу характеризующей лексики.

Портретное описание литературного героя является одним из значимых элементов словесного художественного произведения. Словесный портрет персонажа связан с сюжетом, отражает взгляд автора на систему персонажей в целом.

По словам лингвиста Л.В. Щербы, целью лингвистического анализа художественного текста является «показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [3: 54]. В этом смысле изучение словесного портрета персонажа представляется важным этапом анализа художественного текста.

В качестве материала для исследования нами был выбран словесный портрет художника А.Я. Головина в рассказе живописца К.А. Коровина «А.Я. Головин».

Нам представляется целесообразным анализировать портретные характеристики согласно концепции Г.В. Стариковой.

В пластическом искусстве и в литературе объектами портретного изображения являются лицо и отдельные его части, предметы одежды, обуви, головные уборы, украшения, аксессуары, мимика, позы, жесты, тело и его части. Многообразие лексических единиц (ЛЕ), называющих данные составляющие, согласно концепции Г.В. Стариковой, относится к номинативной группе.

«Красавец-юноша, блондин, с расчесанным пробором вьющейся шевелюры – с пробором, тщательно приглаженным даже на затылке, – он удивил лохматых учеников нашей Школы. Фигура, прекрасный рост, изящное платье, изысканные манеры (он был лицеистом), конечно, составляли резкий контраст с бедно одетыми учениками Школы. И к тому же на мизинце А.Я. Головина было кольцо – кольцо с бриллиантом!» [2: 102].

В данном портретном описании ЛЕ *пробор, затылок, фигура, рост, манеры, мизинец, кольцо* относятся к номинативной группе: их функции в тексте не позволяют автору выразить собственное отношение к объекту – они лишь называют реалии, утверждают их существование.

Однако портретные описания не могут существовать без лексических единиц, дающих характеристику, оценку той или иной черте персонажа. Такие лексемы, по мнению Г.В. Стариковой, составляют характеризующую группу.

Характеризующие слова могут обозначать как внешние признаки, связанные с физиологией описываемого персонажа, так и его интеллектуальные, психические, эмоциональные особенности, часто указывающие на отношение автора к своему герою. Для обозначения двух описанных групп слов Г.В. Стариковой предлагает использовать термины «внешние признаки» и «внутренние признаки».

В приведенном выше фрагменте можем выделить следующие ЛЕ: *красавец, прекрасные, изящное, изысканные, бедно одетые, резкий контраст*. Все они относятся к группе внешних признаков, за исключением слова *изысканные*, которое включим в группу внутренних при-

знаков. С помощью указанных ЛЕ К.А. Коровин дает оценку своему персонажу, а в данном случае еще и реализует оппозицию «А.Я. Головин – другие ученики Училища живописи, ваяния и зодчества».

Необходимо будет анализировать явление перехода ЛЕ из одной группы в другую. Так, в портретном описании А.Я. Головина находим ЛЕ **бриллиант**, которая по своему значению должна входить в номинативную группу, однако в условиях данного контекста она имеет явно характеризующую семантику. К.А. Коровин завершает портретное описание художника следующим предложением: «И к тому же на мизинце А.Я. Головина было кольцо – кольцо с бриллиантом!» [2: 102]. Оно завершает изображение персонажа, усиливая его положительную во всех отношениях оценку. Читатель понимает, что А.Я. Головин был привлекателен не только за счет своей природной красоты, о чем свидетельствуют ЛЕ **красавец**, синтагма **прекрасный рост** и т.д. Среди прочих учеников Училища живописи, ваяния и зодчества герой выделялся, потому что был хорошо воспитан и дорого одет (*изящное платье, изысканные манеры*). Своеобразной вершиной описания внешности персонажа становится упоминание о кольце с бриллиантом, информация о котором вводится конструкцией **и к тому же**, выступающей как средство интенсификации значения. Таким образом, ЛЕ **бриллиант** мы не можем включить в номинативную группу, а должны, наоборот, оценивать ее как характеризующую.

Далее в рассказе «А.Я. Головин» читаем: «Так и в Школе живописи в Москве – давно то было – не понравилось кольцо Головина, а вместе с ним и сам Головин – его элегантный вид, пробор, изысканный костюм его и то, что говорил он нежно» [2: 103].

Данный фрагмент интересен в свете представленной ранее в тексте рассказа оппозиции «А.Я. Головин – другие ученики Училища живописи, ваяния и зодчества». В данном случае ее средствами вновь выступают характеризующие ЛЕ *элегантный, изысканный* и др. и номинативная ЛЕ *кольцо*.

Употребленная в данном фрагменте номинативная ЛЕ отсылает читателя к портретному описанию заглавного героя. Один из важнейших элементов его образа – кольцо с бриллиантом. Именно ЛЕ *брил-*

лиант, значение которой, по нашему мнению, претерпело изменения в условиях контекста, позволяет ЛЕ *кольцо* участвовать в реализации указанной оппозиции.

Этот факт свидетельствует о том, что ЛЕ *бриллиант* выступает именно как характеризующая, то есть претерпевает семантические изменения в процессе функционирования в условиях контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старикова Г.В. Лексика портретных описаний. Дис. ...канд. филол. наук. Л., 1984. 188 с.
2. «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма: в 2 кн. Кн. 1: Моя жизнь: Мемуары; Рассказы (1929 - 1935) / К.А. Коровин; сост., вступ. ст. Т.С. Еромлаевой; примеч. Т.С. Еромолаевой и Т.В. Есиной. М.: Русский путь, 2012. 752 с.: ил.
3. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

АЛИЕВ Тельман Асадович (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С развитием языковедческой науки латинский язык оказал значительное влияние и на формирование лингвистических терминов, которые перешли в русский язык книжным путем. Как правило, многие из них передаются графическими средствами русского языка и структурно совпадают с латинскими словами. В некоторых случаях они подвергаются фонетической и грамматической обработке, подчиняясь строю русского языка. Все структурные изменения латинских слов на русской почве поддаются строгой классификации, позволяющей выделить более общие, типовые виды трансформаций, характерные для заимствований из латинского языка. Под типами трансформации понимается принципиальное направление изменения формы латинского слова. Можно отметить следующие типы трансформации латинских существительных: Структурно совпадающие с латинскими словами, нараще-

ние, усечение, замещение и слова, образованные различными суффиксами от основ разных частей речи.

I. Структурно совпадающие с латинскими словами, т.е. без фонетических изменений – это латинские существительные женского рода на -a: *affricata* – аффриката, *interlingua* – интерлингва, *ligatura* – лигатура, *nomenclatura* – номенклатура, *pausa* – пауза и слово мужского рода *usus* – узус.

II. Усечение – тип трансформации, при котором фонетический состав латинского слова сокращается за счет конечного звука или комплекса звуков. Это латинские существительные мужского рода на -us и среднего рода -um II склонения, причастие прошедшего времени страдательного залога: *ablativus* – аблатив, *accentus* – акцент, *actus* – акт, *affixus* – аффикс, *apparatus* – аппарат, *archivum* – архив, *argumentum* – аргумент, *aspectus* – аспект, *attributum* – атрибут, *nominativus* – номинатив, *confixum* – конфикс, *conjunctivus* – конъюнктив, *contextus* – контекст, *derivatus* – дериват, *imperfectum* – имперфект, *infixus* – инфикс, *interfixus* – интерфикс, *(modus) conjunctivus* – конъюнктив, *(modus) indicativus* – индикатив, *(modus) infinitivus* – инфинитив, *objectum* – объект, *perfectum* – перфект, *postfixus* – постфикс, *segmentum* – сегмент, *substratum* – субстрат, *subjectum* – субъект, *suffixus* – суффикс, *supinum* – супин, *terminus* – термин, *textum* – текст, *transformare* – трансформ и др.

Сочетания *singularia tantum* и *pluralia tantum* в русских текстах обычно передается латинской графикой.

Причастия настоящего времени действительного залога передаются с основой косвенных падежей с нулевым окончанием и переходят в разряд существительных: *varians (variantis)* – вариант, *formans (formantis)* – формант(а), *vibrans (vibrantis)* – вибрант(ы), *dominans (dominantis)* – доминант(а), *componens (componentis)* – компонент, *referens (referentis)* – референт.

III. Замещение – тип трансформации, при котором осуществляется субституция конечных звуков латинского оригинала, т. е. слова с замещением некоторой части латинских слов русским элементом: *accomodatio* – аккомодация, *adaptatio* – адаптация, *alternatio* – альтер-

нация, applicatio – аппликация, appositio – аппозиция, articulare – артикуляция, assimilatio – ассимиляция, communicatio – коммуникация, contaminatio – контаминация, coordinatio – координация, derivatio – деривация, dissimilatio – диссимиляция, elisio – элизия, excursio – экскурсия, expressio – экспрессия, flexio – флексия, functio – функция, gradatio – градация, incorporatio – инкорпорация, inversio – инверсия, postpositio – постпозиция, praedicatio – предикация, praepositio – препозиция, punctuatio – пунктуация, recursio – рекурсия, reduplicatio – редупликация, substitutio – субституция, transcriptio – транскрипция, transformatio – трансформация, valentia – валентность и др.

В некоторых случаях это происходит под влиянием орфоэпических норм латинского языка, что влияет на передачу графическими средствами русского языка: **ti** перед гласными произносится как русское [ци] (примеры см. выше), **u, a** после **l** (латинское **l** произносится как русское [л']) в русском языке передается через **ю** и **я** соответственно под влиянием [л'] в результате аккомодации: **elatus** – элятив, **plusquamperfectum** – плюсквамперфект, а в остальных случаях через **у** и **а**. Буквенный состав диграфа **ae** передается как «е» (**praedicatum** – предикат, **praefixum** – префикс), а буквосочетание «gu» – сочетанием «гв» в соответствии с правилами произношения в латинском языке: **interlingua** – интерлингва.

IV. Слова, морфологически оформленные аффиксами русского языка. В некоторых случаях родовые окончания прилагательных заменяются русскими суффиксами и эквивалентными окончаниями: **binarius** – бинарный, **lateralis** – латеральный, **latinus** – латинский, **gallicus** галльский (галлицизм), **agentis** – агентивное, **genitivus** – генитивное, **distributus** – дистрибутивное, **localis** – локальный, **spontaneus** – спонтанный, **abstractus** – абстрактный, **defectus** – дефектный (глаголы), **differens** – дифференцирующий (суффикс причастия настоящего времени **-ens-** заменяется русским суффиксом причастия настоящего времени **-ющ-** и окончанием **-ий**).

Некоторые существительные образованы от основы инфекта с помощью продуктивного суффикса **-аци-**, употребляющегося для образования существительных с отвлеченным значением и окончания **-я**:

agglutinare – агглютинация, configere – конфиксация, informare – информация, intonare – интонация, connotare – коннотация, transformare – трансформ и т. д.

V. Слова, образованные различными суффиксами от основ разных частей речи: adverbium – адвербиализация, adjectivum – адъективация, actualis – актуализация, alveolus – альвеолярный, bilabialis – билабиальные, lingua – билингвизм, binarius – бинарный, velaris – веларизация, vulgaris – вульгаризм(ы), dens (dentis) – дентальные, distantia – дистантное, differens – дифференциальные, dorsum – дорсальные, intervocalis – интервокальный, comparativus – компаративистика, consonans (consonantis) – консонантизм, labialis – лабиализация, nasalis – назализация, occasionalis – окказиональный, palatum – палатализация, pronomen – прономинализация, purus – пуризм, significare – сигнификативный, substantivum – субстантивация.

ИСТОЧНИКИ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
3. Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983. 608 с.

АНАСТАСЬЕВА Оксана Анатольевна (*Харьков, Украина*)

Харьковский национальный технический университет
сельского хозяйства имени Петра Василенко
anastasievaxenia@mail.ru

АФОРИЗМ В СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале английского языка)

Аннотация. В статье рассматриваются синергетические принципы самоорганизации дискурса англоязычного афоризма. Анализируются особенности действия параметра порядка применительно к различным уровням самоорганизации системы афоризма: когнитивном, прагматическом, лингвостилистическом.

С конца XX века синергетическая парадигма является одним из магистральных направлений в лингвистике, поскольку дает новые возможности для изучения свойств дискурса, которые остаются недоступными в рамках традиционной прагматилистической парадигмы.

«Синергетический текст – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов» [1: 13-14].

Среди выделенных Е.Ю. Муратовой маркеров синергетичности [1: 151-158] типичными и актуальными для англоязычного афоризма следует признать нестандартные синтагматические связи лексем, интертекстуальность, стилистические фигуры, такие как повторы, сравнение, параллелизм.

Например, афоризм *Democracy means simply the bludgeoning of the people by the people for the people. (Oscar Wilde)* [4] носит признаки интертекстуальности, поскольку отсылает нас к известному высказыванию *Democracy is the government of the people, by the people, for the people. (Abraham Lincoln)*.

С синергетической точки зрения, все цели, авторские задумки дискурса, как бы их не формулировали, являются аттракторами, т.е. зонами притяжения, направляющими все процессы организации и отбора в системе. При этом ограничения со стороны норм языка, традиций жанра, экстралингвистических условий и т.д. можно представить себе как анти-аттракторы (репеллеры), которые отталкивают при отборе и организации элементов дискурса все, что не укладывается в норму. Способность системы (дискурса) к самоорганизации обусловлена ее неравновесным состоянием и наличием иерархическим подсистем [2: 519].

Самоорганизация дискурса понимается не в том смысле, что он возникает независимо от автора, а в том, что автор является одновременно и творческим конструктором дискурса, и орудием аттракторов и репеллеров этого дискурса, которые возникли до автора и независимо от него [2: 520].

Параметр порядка, как наиболее подвижный параметр системы, действующий на всех уровнях самоорганизации, реализует цели дискурса в тексте, подтексте, контексте. Афоризм как тип текста имеет цель донесения мудрости. Для этого реализуется цель подчиненного порядка, как то объективация разнообразных прагматических устано-

вок: 1) констатация, резюмирование; 2) парирование; 3) урезонивание; 4) предостережение, угроза; 5) разоблачение, укор; 6) сетование; 7) (само)оправдание; 8) (само)унижение; 9) обоснование; 10) успокаивание; 11) побуждение; 12) совет; 13) апелляция к авторитету автора; 14) лозунг, слоган; 15) эстетическое воздействие; 16) потрясение неожиданностью аргументации; 17) познание.

На когнитивном уровне происходит формирование замысла автора. Специфическим свойством афоризма является то, что он более тесно, чем другие литературные жанры, связан с человеческой мыслью. В нем отсутствует опосредованность, которая отделяет авторскую мысль от читателя в поэзии, прозе или драматургии — например, сюжет, персонажи, фабула. В афоризме наиболее очевидно проявляется взаимозависимость языка и мышления.

Афористическое высказывание обладает способностью аккумулировать экстралингвистическую информацию и оказывать влияние на формирование мировоззрения адресата, обладает высокой персуазивностью, а также скрытой интенцией.

Прагматический уровень можно лишь условно отделить от когнитивного. На прагматическом уровне происходит создание речевых стратегий и кодов для реализации целей дискурса.

При этом следует иметь виду, что афоризм как самостоятельная единица, представленная в словарях вне контекста, обладает самостоятельным значением и потенциальными прагматическими установками. Практическая реализация этих прагматических установок происходит тогда, когда афоризм употребляется в речи как воспроизводимая единица.

На стилистическом уровне в самоорганизации афоризма также обнаруживаются особенности. Для стилистического синтаксиса характерны такие явления как актуальное членение предложения, гораздо реже сверхфразовое единство. Это обусловлено тем, что большинство афоризмов ограничено одним предложением, часто характеризуется лаконичностью, информативной плотностью. Например, *Knowledge is power. (Francis Bacon)*.

Также необходимо обозначить композиционные особенности афоризма. Афоризмы, как правило, состоят из двух частей: конкретной мысли и вывода. Иногда эти компоненты неразделимы, но они всегда присутствуют. Вывод содержит «соль» афоризма – авторская оценка первой части. Афоризм имеет как бы два аспекта, которые часто находятся в конфликте между собою. Между тем, это противоречие не превращает его в парадокс. Парадоксы всегда противостоят общественному мнению, в то время как противоречия афоризмов гасятся в них самих [3, 79]. Даже в самых противоречивых, на первый взгляд, афоризмах парадоксальность используется только как стилистический прием. Например, парадоксальное высказывание *Punctuality is the thief of time. (Oscar Wilde)* [4], противоречащее распространенному мнению и всем известным рекомендациям, иногда оказывается справедливым, принимая во внимание тот факт, что иногда человек, который приходит вовремя, должен ждать тех, кто опаздывает. То есть в этом афоризме противопоставляется общее правило и жизненный опыт. Таким образом, это высказывание побуждает читателя беречь свое время.

Прагматическая установка в афоризмах реализуется при помощи широкого спектра стилистических средств. Часто афористические высказывания имеют сложную структуру и содержат в разнообразных комбинациях две, а иногда больше стилистических фигур и другие художественные средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратова Е.Ю. Лингвосинергетика поэтического текста. Минск: Изд-во «Простобук», 2011. 219 с.
2. Піхтовнікова Л.С. Дискурс байки у синергетичному аспекті (на матеріалі української, російської та німецької байки) // Незгасимий словосвіт: збірник наукових праць на пошану професора В.С. Калашника. Харків: ХНУ ім. Каразіна, 2011. С. 519-526.
3. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва: Наука, 1990. 419 с.
4. The Oxford Dictionary of Quotations / Elizabeth Knowles. Oxford University Press, 2004. 1768 p.

АРИСКИНА Ольга Леонидовна (Саранск, Россия)

Мордовский государственный университет имени Николая Платоновича Огарёва
ariskina@list.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В.П. СВЕТОВА И А.А. БАРСОВА: АНАЛИЗ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО УРОВНЯ

Аннотация. В сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается языковая личность выдающихся языковедов XVIII в. – В.П. Светова и А.А. Барсова. Анализ лингвокогнитивного уровня данных языковых личностей позволяет смоделировать концептосферу Нового времени.

В самих названиях работ В.П. Светова фигурируют лексемы *опыт, правила, наука, польза, обучающийся, правописание, юношество*, которые можно назвать ключевыми для научно-учебного дискурса этого автора. Действительно, для лингвокогнитивного уровня языковой личности (далее – ЯЛ) В.П. Светова характерно ценностное отношение к читателю, причем к читателю юному, стремящемуся к учению. Именно его он пытается вести по пути познания, поэтому слово *путь*, довольно регулярно употребляющееся на страницах грамматик, тоже можно считать ключевым, например: «Следуя в сем деле показанным Ломоносовым *путем*» [2: VI], «Грамматика есть наука показывающая *путь* къ разсудительному языка употребленію» [2: 5].

Ценность рассуждения (мышления) и связанной с этим процессом речевой деятельности проявилась в использовании автором таких слов, как: *вниканіе, писаніе, примѣры, учиненіе, разсмотрѣніе, разсужденіе, опредѣленія, чтеніе*.

В центре мировоззрения ученого находится язык, с помощью которого становится возможным «изображать дѣяніе вещей, помощи чувств поемлемыхъ нами» [2: 68]. Однако более всего его волнует правописание, в чем ощущается продолжение трепетного религиозного отношения к письменному слову, к букве.

В этом лингвисте сочеталось, казалось бы, несочетаемое: религиозность, выражающаяся в сакральном отношении к букве, к письменному слову и материалистическое видение мира (*опыт, материя, субъект* и др.).

Как и многие ученые Нового времени, В.П. Светов был очень разносторонним человеком. Так, в его мировоззренческих установках

заметна и наблюдательность естествоиспытателя, и образное мышление гуманитария: «Ложные друзья подобны тѣни: ибо какъ оная при солнечномъ сіяніи неотлучною бываетъ спутницею, такъ невѣрный другъ послѣдуетъ всегда блеску щастія; въ нещастіи же покинувъ убѣгаетъ, и такъ какъ тѣнь, когда густые облака сокроютъ отъ насъ солнечные лучи, исчезаетъ» [3: 33]. Его высказывания о человеке часто несут отрицательно-предостерегающую коннотацию: «Человѣкъ, сіе разумомъ одаренное животное, иногда доходитъ до такого неистовства, отъ котораго бы и несмысленные имѣли отвращеніе» [3: 32]. В последнем тезисе интерес представляет определение человека – «животное, одаренное разумом», – в котором читается совмещение преддарвинской теории эволюции человека и божественной составляющей человеческой природы (одаренное кем? Думается, что Богом).

Антропоцентрическая направленность ЯЛ ученого легко объясняется: языком, речью, словом, буквой пользуется человек – человек разумный и человек, впадающий в неистовство, человек действующий, трудолюбивый, стремящийся к учению, познанию и человек ленивый: «Проводящій весь свой векъ въ праздности жизнию своею не можетъ быть доволенъ, и самъ себѣ скучаетъ. На противъ того трудолюбивый въ самыхъ трудахъ и житейскихъ попеченіяхъ находитъ себѣ нѣкое увеселеніе» [3: 33]. Таким образом, ценность человека, его жизни для ученого заключается в труде, в самосовершенствовании, постоянной работе, постоянном поиске, действии: «Жизнь человѣческая заключается въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ; чего ради не должно упускать времени, которое течетъ невозвратно, и то, что нынѣ совершить можно, откладывая до завтра» [3: 32 – 33].

Ценность веры обозначена в реализации лингвокогнитивного уровня и другого выдающегося лингвиста Нового времени А.А. Барсова: «...кого или чего ты боишься? Боюсь Бога как судіи праведнаго... кого или что ты любишь? Люблю Бога как судіи праведнаго [1: 103].

Рассматривая подробнее связь лингвокогнитивного и вербально-семантического уровней, следует заметить, что лексический состав указывает на то, что в центре картины мира А.А. Барсова, в первую

очередь, находился человек. В структуре вербально-семантического уровня ЯЛ тоже представлены несколько пластов лексики, косвенно подтверждающих центральное положение человека в картине мира А. А. Барсова: названия профессий, наименование титулов.

Несомненной ценностью для А. А. Барсова является семья. Слова, используемые в качестве примеров, обозначают не только самых близких, но и дальних родственников. Большинство развернутых примеров связаны именно с этой темой («...кого или чего ты боишься? Боюсь матери...»; «кого или что ты любишь? Люблю мать...» [1: 2, 103]; «почитать отца» [1: 2, 120]; «почитать Родителей» [1: 2, 128] и др.).

Можно предположить, что А.А. Барсов был достаточно сдержанным в оценках человеком или четко разделял рабочую, официальную и неофициальные сферы жизни. Во всяком случае, оценочная лексика представлена очень ограниченно.

ЯЛ А. А. Барсова практически не раскрывается в метафорах. Данного средства очень мало, и в основном это устойчивые метафорические высказывания. Среди них также можно выделить связанные с религиозной тематикой (**ходить въ свѣтъ лица Господня** [1: 122]), характеризующие человека (**этого пня не скоро своротишь, то есть упряма, нашего мѣшка обманули** [1: 120], с эмоциями человека (**очистить сердце** [1: 120] и др.). Возможно, в таком стремлении прежде всего к точности и систематичности описания реализовывалась ЯЛ А.А. Барсова как естествоиспытателя.

Вообще разнообразие высказанных А.А. Барсовым лингвистических идей уравнивается однообразием иллюстраций, в чем прослеживается синтез трансмутации и трансляции в дискурсе этого автора.

Таким образом, анализ лингвокогнитивного уровня ЯЛ двух выдающихся ученых XVIII в. позволяет сделать вывод, что для концептосферы Нового времени важнейшими составляющими были такие ценности, как *вера, человек, наука, язык*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов А.А. Российская грамматика // Российская грамматика А. А. Барсова; Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.

2. Светов В.П. Краткія правила по изучению языка російскаго. М.: Тип. Пономарева, 1790. 190 с.

3. Светов В.П. Опыт нового російскаго правописания утвержденный на правилах російской грамматики. СПб.: Тип. при Императ. Акад. наук, 1773. 42 с.

АСЫЛБЕКОВА Шынар Сериккалиевна (*Казахстан, Семей*)

Алтайский государственный педагогический университет
asylbekova_shynar_91@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИГНАЛЫ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу синтаксических сигналов несобственно-прямой речи в первичном и вторичном текстах. Сравниваются случаи употребления несобственно-прямой речи на примерах рассказов А.П. Чехова и их переводов на казахский язык. Определяются причины совпадения или несовпадения примеров с несобственно-прямой речью в обоих языках.

Одним из способов передачи чужой речи, где происходит взаимодействие автора и героя, является несобственно-прямая речь. В свою очередь, несобственно-прямая речь имеет ряд признаков, с помощью которых можно отличать данное явление от других видов чужой речи.

Несобственно-прямая речь реализуется на трех уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом [1: 57].

В качестве материала исследования синтаксического уровня несобственно-прямой речи, ее специфики были взяты рассказы А.П. Чехова «Беглец», «Детвора», «Справка», «Дома», «Горе» и их переводы на казахский язык.

Творческое выражение автора-переводчика ограничено, так как он пытается в точности передать идею автора первичного текста. В связи с этим можно предположить, что в анализируемых текстах может наблюдаться преимущественно одинаковое проявление несобственно-прямой речи в конструкциях с чужой речью. Именно сравнительный анализ первичных и вторичных текстов позволит определить варианты совпадения и несовпадения в реализации синтаксических сигналов несобственно-прямой речи.

В первичных текстах было обнаружено 50 примеров с синтаксическими признаками несобственно-прямой речи, из которых:

– 9 примеров с вводными словами и словосочетаниями:

«Швейцар, опять проходивший со стаканами, заметил, *вероятно*, беспомощное выражение на его лице, потому что подошел к нему совсем близко и спросил тихо... » («Справка»). В данном примере признаком несобственно-прямой речи является вводное слово «вероятно»;

– 7 – самостоятельных предложений:

«*Выносят ли они разлуку?...*» («Дома»). Самостоятельное предложение содержит не только эмоциональный отклик героя, но и его рассуждения, наблюдения;

– 15 – части сложного предложения:

«У него была одна мысль – *бежать и бежать!*» («Беглец»). Экспрессия внутренней речи героя усиливается за счет использования восклицательного предложения. Также использована смена временного плана: переход авторской речи (глагол употреблен в прошедшем виде «*была*») в сферу речи героя (глагол «бежать» – неопределенная форма глагола);

– 19 – несколько самостоятельных предложений:

«*Андрей бледнеет, кривит рот и хлоп Алешу по голове! Алеша злобно таращит глаза, вскакивает, становится одним коленом на стол и, в свою очередь, - хлоп Андрея по щеке! Оба дают друг другу еще по одной пощечине и режут. Соня, не выносящая таких ужасов, тоже начинает плакать, и столовая оглашается разноголосым ревом. Но не думайте, что игра от этого кончилась. Не проходит и пяти минут, как дети опять хохочут и мирно беседуют. Лица заплаканы, но это не мешает им улыбаться. Алеша даже счастлив: недоразумение было!*». («Детвора»).

Во вторичных текстах выявлено 39 примеров с синтаксическими сигналами несобственно-прямой речи. Из них насчитывается

– 5 – с вводными словами и словосочетаниями;

– 15 – самостоятельные предложения;

– 7 – части сложного предложения;

– 12 – несколько самостоятельных предложений.

Несобственно-прямая речь широко используется как в первичном, так и во вторичном текстах. Употребление данного типа речи может как совпадать в русском и казахском языках, так и не совпадать.

Случаи, когда происходит полное совпадение конструкций с несобственно-прямой речью в двух языках:

– использование в несобственно-прямой речи вопросительного и восклицательного предложений;

– особая интонация при переходе от авторского повествования к несобственно-прямой речи в составе бессоюзного сложного предложения (после слов автора обычно ставится двоеточие). При помощи интонации между данным типом речи и авторской речью устанавливаются причинные, условные отношения, указываются цель, результат действий;

– наличие вводных слов или словосочетаний, которые структурируют ход мыслей героев;

– использование вставных конструкций.

Различия в реализации несобственно-прямой речи в русском и казахском текстах наблюдаются в следующих случаях:

– при замене несобственно-прямой речи прямой или косвенной речью опускают сложные для понимания читателей сочетания;

– не всегда сохраняется пунктуация (вопросно-ответная конструкция);

– употребляются формы местоимений с точки зрения персонажа, а не автора и др.

Например: «Чиновник қаламын сияға батырып алды да, көп малынып кеткен жоқ па дегендей, қаламының ұшына қарады» («Анықтама»). Автор-переводчик Ғ.Ахмедов перевел рассказ А.П. Чехова «Справка» на казахский язык и дал название «Анықтама». Во вторичном тексте нет графического указания (двоеточия – что наблюдается в первичном тексте) на введение несобственно-прямой речи. Отсутствует вопросная конструкция «не много ли он набрал?». В тексте рассказа А.П. Чехова используется слово «умокнул», являющееся

разговорным, автор вторичного текста употребил слово «батырып алды», что означает «обмакнул», имеющее иное, чем в исходном тексте, значение.

Анализ фактического материала позволяет судить о том, что в текстах рассказов А.П. Чехова синтаксические сигналы несобственно-прямой речи используются чаще, чем в казахском тексте.

В связи с лексическими, грамматическими особенностями данного типа чужой речи подробный / близкий перевод не всегда возможен, именно поэтому нередко встречаются случаи несовпадения в реализации конструкций с несобственно-прямой речью в первичном и вторичном текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 1968, 281 с.

БАБАНОВ Андрей Владимирович (*Санкт-Петербург, Россия*)

Санкт-Петербургский государственный университет
ab3907@yandex.ru

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ И СИНТАГМАТИКА ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Аннотация. В статье предлагается функционально-семантическая интерпретация глагольно-именных синтагм с двумя показателями пространственных отношений (предлог и глагольный префикс), принимающая полифункциональность славянских глагольных префиксов за один из факторов выбора глагольного компонента.

Грамматическая концепция функционально-семантического поля (ФСП) разрабатывается А.В. Бондарко и его последователями на протяжении уже более сорока лет. Основной смысл этой концепции состоит в том, чтобы представить различные языковые средства, используемые для передачи однотипной семантики, как некоторую систему. Все средства языка, участвующие в выражении некоторой категориальной семантики, рассматриваются как элементы единого поля, в рамках которого они могут быть либо его ядром, либо ближайшей или отдаленной периферией. Периферийные элементы ФСП, совмещаю-

щие свои функции в рамках данного поля с функциями, присущими другим полям, являются точками пересечения различных ФСП.

Как интересный пример пересечения функционально-семантических полей представляют собой славянские глагольные префиксы. С одной стороны, они являются важным элементом ФСП аспектуальности, составляя в нем если не ядро, то, по крайней мере, область, непосредственно к ядру примыкающую. Это свойственно всем глагольным префиксам, поскольку все они являются основным средством перфективации глаголов несовершенного вида. С другой стороны, многие префиксы являются элементом ФСП локативности, участвуя в выражении пространственных отношений, а в некоторых контекстах выступая единственным их показателем. Но для ФСП локативности префиксы являются хоть и заметным, но периферийным элементом: пространственное значение свойственны не всем префиксам, а для многих префиксов пространственное значение – лишь одна из многих возможностей модификации семантики глагола.

Учет этой полифункциональности префикса и анализ ее влияния на синтагматические свойства префиксальных глаголов позволяют по-новому взглянуть на одно явление славянского синтаксиса, которое активно изучалось в 60-70-е гг., но так и не получило удовлетворительного объяснения. Речь идет о так называемой «префиксально-предложной корреляции», когда «сильное предложное управление глагола ... предопределено его морфемным составом: вычленяемый префикс по звуковому облику и по значению (или только по значению) дублируется предлогом, и, таким образом, падежная форма с предлогом оказывается в непосредственной зависимости ... от наличия в глаголе того или иного префикса» [4: 27], «например: *доехать до дома, подойти к дому, войти в дом, выйти из дома*).» [5: 67] Между тем говорить о «предопределенности» здесь вряд ли есть основания, поскольку наряду с сочетаниями типа *войти в дом, выйти из дома*, можно встретить и сочетания типа *войти со двора, выйти на крыльцо*. Эти отклонения, замеченные многими исследователями (см., напр., [2; 3]), заставили усомниться в «предопределенности», но, видимо, не настолько, чтобы отказаться от не критичного цитирования соответст-

вующих строк из Грамматики-80 (См., напр., [6: 67]). К тому же в работах 60-70-х гг. так и не было предложено объяснения данному явлению, учитывающего все его аспекты (возможны разные предложные конструкции в сочетании с одним и тем же префиксальным глаголом, но при этом в частотности предлогов имеются существенные различия, не коррелирующие с рангами тех же предлогов в частотных словарях). Представляется, что противоречий в интерпретации удастся избежать, если анализ семантики глагольно-именного сочетания строить не как описание реализации валентностного потенциала глагола, реализацию глаголом тех семантических функций, которые не могут быть реализованы его распространителями (о возможности обстоятельств влиять на выбор глагола см., напр., [1: 14-15]).

Пространственная семантика, актуальная для данного акта коммуникации, выражается предложно-падежной формой, которая не только обозначает пространственные отношения с ориентиром, но и называет его. Для реализации аспектуальной семантики, тоже вытекающей из коммуникативной задачи, может требоваться префиксальный глагол. При этом одна и та же аспектуальная семантика может выражаться несколькими префиксами, причем семантика всех этих префиксов синкретична (например, наряду с аспектуальным компонентом содержит пространственный компонент). Если коммуникативная задача предполагает выражение пространственных отношений только с одним ориентиром, уже названным в предложно-падежной форме, то из ряда глаголов с однотипной аспектуальной семантикой выбирается тот, который не вносит дополнительных смыслов, а дублирует уже выраженные. Для выражения же пространственных отношений с разными ориентирами может использоваться потенциал пространственной семантики префикса, особенно если контекст позволяет не эксплицировать один из ориентиров. Ср.:

... *во двор* – эксплицитно выражены пространственные отношения с одним ориентиром ('двор')

<i>вбежать, влететь, войти</i> и т.п.	без дополнительных пространственных характеристик движения
<i>выбежать, выйти, выскочить</i> и т.п.	указание на предшествующую локализацию внутри другого ориентира

<i>сбежать, сойти, стечь</i> и т.п.	указание на предшествующую локализацию на поверхности другого ориентира
<i>Перелезть</i>	указание на локализацию на поверхности или выше промежуточного ориентира
<i>Пролезть</i>	указание на локализацию внутри промежуточного ориентира

Наиболее сложна для интерпретации ситуация, когда предложно-падежная форма и приставка глагола имеют значение аллативной направленности. Представляется, что в этом случае имеет место актуализация некоторых оттенков в семантике префиксов, которые, видимо, следует отнести к полю аспектуальности. Ср.:

... *в деревню* – выражены собственно пространственные отношения с ориентиром ('внутри, в пределах границ')

<i>въехать</i>	акцентирование внимания на фазе движения в непосредственной близости к ориентире
<i>заехать</i>	представление ориентира как неосновной пространственной цели движения
<i>приехать</i>	обобщенная констатация факта возникновения некоторых пространственных отношений с ориентиром

Таким образом, анализ семантики синтагм, включающих два знака, принадлежащих ФСП локативности (глагольный префикс и предложно-падежную форму), подтверждает периферийное положение глагольных префиксов в данном ФСП и показывает необходимость учета их функций как элемента ФСП аспектуальности для адекватного понимания их роли при выражении пространственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 483 с.
2. Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1966. 42 с.
3. Гордеев Ю.М. Поле направленности (глаголы движения и их распространители) в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1974. 20 с.
4. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. / АН СССР; Ин-т рус. языка. М.: Наука, 1980. 709 с.
5. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова и др.; под ред. С.В. Вяткиной. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2013. 432 с.

БЕКАСОВА Елена Николаевна (*Оренбург, Россия*)

Оренбургский государственный педагогический университет
bekasova@mail.ru

О ГЕНЕТИЧЕСКОМ «РАССЛОЕНИИ» СЛОВОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей представления полногласной и неполногласной лексики в гетерогенных словообразовательных гнёздах, что позволяет не только определить направление трансплантационных процессов, но и механизмы «встраивания» иноязычных элементов в систему русского литературного языка.

Одним из важных критериев освоения, вернее, завершающей стадии адаптации иноязычного элемента является его сочетание с исконными элементами. В этих случаях, на наш взгляд, целесообразно говорить о трансплантации, которая может быть представлена на уровне текста, словообразовательного гнезда и отдельного слова. В русском языке такая трансплантация прослеживается в результате многовекового взаимодействия восточнославянских и южнославянских по происхождению рефлексов праславянских сочетаний [1; 2].

Определённый интерес в этом плане представляет выявление и описание особенностей генетически коррелирующих диагностических признаков на словообразовательном уровне, представленных в системе современного русского литературного языка гетерогенными словообразовательными гнёздами. Материалом исследования послужил «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова. Сплошная выборка позволила выявить в словаре 44 словообразовательных гнезда (далее – СГ), совмещающих генетически соотносительные элементы. При этом, несмотря на существующую традицию рассмотрения разных групп праславянских рефлексов как явлений одного порядка, в современном русском языке, как, впрочем, и в его истории, они по-разному представлены в гетерогенных СГ.

Наиболее проницаемой в словообразовательном отношении является группа с полногласными и неполногласными сочетаниями, входящая в 27 гетерогенных СГ, что составляет более 78,6% их общего числа. Прослеживается определенная закономерность соотношения генетически неоднородных элементов внутри указанных гнезд: в абсо-

лютом большинстве случаев (76%) полногласие преобладает над неполногласием, что позволяет предположить, что трансплантировались южнославянские по происхождению элементы в исконное гнездо. Следует отметить, что в гнездах с преобладанием полногласия неполногласие представлено единичными образованиями: в одиннадцати из двадцати одного СГ имеется от одного до трех членов, в семи гнездах — от семи до пятнадцати. Только пять СГ фиксируют достаточно значительное количество слов с неполногласием (от 31 до 62), однако в процентном соотношении к образованиям в восточнославянской огласовке это составляет в среднем не более 32,8%.

Важно отметить, что в иерархии единиц СГ неполногласные образования находятся на границе гнезда, которая с течением времени может измениться, так как большинство из них имеют ограничения в употреблении. Особенно это показательно в тех гнездах, где образования с неполногласием единичны: *болото* (общее количество слов в СГ – 32) – *блато* (устар. (пометы без указания источника даются по ССРЯ, а также в том случае, если пометы в ССРЯ и МАС совпадают), МАС – trad.-поэт.), *блатный**, *блатистый** (БАС – устар.; знак * обозначает отсутствие слова в МАС.); *борода* (33) – *брада* (устар., МАС – trad.-поэт.), *брадатый** (БАС – устар.), *брадобрей* (устар.); *ворон* (6) – *вран** (устар., БАС – устар.), *врановые** (БАС – зоол.); *ворота* (10) – *врата*, *вратарь* (устар.), *вратник**, *вратница** (БАС – устар.), *предвратный** (в БАС нет), *привратниковый**; *голод* (34) – *глад* (устар., МАС – trad.-поэт.), *гладный** (БАС – без помет); *дорогой* (38) – *драгой* (устар., МАС – trad.-поэт.), *дражайший* (устар.); *драгоценный*, *драгоценность*, *полудрагоценный* (без помет во всех словарях); *колос* (30) – *клас** (устар., БАС — устар., поэт.); *мороз* (116) – *мраз** (устар., поэт., БАС — устар.), *мразный** (БАС – устар., поэт.); *черед* (12) – *чреда* (устар.). Аналогичные пометы сопровождают ряд неполногласных образований в других СГ, где превалирует полногласие, например: *младость* (trad.-поэт.), *смладу* (устар., поэт., МАС – trad.-поэт.), *град* (МАС – trad.-поэт.), *влас** (устар., БАС – *власы* – устар.), *здравый* (устар.), *глава* (устар., МАС – высок., устар.), *хлад* (устар., МАС – trad.-поэт.), *древо* (устар., поэт., МАС – trad.-поэт.) и под.

В указанных СГ слова с неполногласием имеют также и другие ограничения, например: *млечник* (бот.), *млечный сок* (бот.), *млекопитающие* (зоол.), *врановые* (зоол.), *младо-* (книжн. Первая составная часть сложных слов (преимущественно названий политических и философских течений), соответствующая по значению словам *молодой, новый* – МАС, т. 2, 279), *дрезогрыз* (зоол.) и под.

Таким образом, неполногласные образования в СГ с восточнославянским генетическим фоном вследствие «ограничений в их употреблении, накладываемых ... действующей (функционирующей) системой», и «стилистической ущербности» в большинстве случаев оттеснены на «далекую периферию гнезда» [3: 17]. Более того, в ССРЯ фиксируется процесс выталкивания подобных образований из СГ. В частности, в конце гетерогенного гнезда с исходным словом *молоко* (т. 1, № 508, с. 622) на исходной ступени находится слово *млеко* с пометой *ср.*, обозначающей, что данное слово «в современном русском языке очень слабо связано с гнездом, но окончательно не порвало с ним свои родственные связи» [3: 17].

Исключением из рассмотренных гетерогенных СГ является гнездо, где преобладание полногласных форм незначительно (55,56%), а в качестве заголовочного вынесено неполногласное слово *среди* (т. 2, № 819, с. 157). В данном гнезде 4 из 6 образований с полногласием обозначены как менее употребительные и стилистически маркированные: *середы* и *середь* – устар. и поэт., то же, что *среди* (МАС, т. 4, с. 81), *средний* – устар., то же, что *средний* (МАС, т. 4, с. 82), *посередь* – прост., то же, что *посередине* (МАС, т. 3, с. 314), а слова *посереды* и *середович* отсутствуют в МАС. Таким образом, есть все основания говорить о переходе данного гнезда в разряд гомогенных.

Следует также обратить внимание на преобладание неполногласия над полногласием при образовании сложных слов (соответственно 33,59% и 66,41%). При этом наблюдается обратно пропорциональный потенциал их использования в разных компонентах: в 2 раза чаще полногласие используется в первом компоненте, чем во втором, а неполногласие, наоборот, – во втором компоненте, чем в первом. И если полногласие/неполногласие одинаково характерны для первой, ли-

шенной поддержки основного ударения, части, то в опорном компоненте, где в русском языке преимущественно падает основное ударение [Гр. 80: 139], в 4 раза чаще встречается неполногласие. Иными словами, наличие неполногласия обусловлено тем, что, как отмечал еще А.А. Потебня, язык не дорожит звуком, если он не имеет смысла.

В ряде случаев наблюдается дублетность в образовании сложных слов, например: *златовласый* (МАС – trad.-поэт.) – *золотоволосый*, *золотовласый*; *златоглавый* (МАС – trad.-поэт.) – *золотоголовый*, *золотоглавый*; *хладнокровный* – *холоднокровный*, *хладостойкий* – *холодостойкий*; *златоверхий* – *золотоверхий*, *златогривый* – *золотогривый*, *златокрылый* – *золотокрылый*, *златорогий* – *золоторогой*, *златокудрый* – *золотокудрый*; *густовласый* – *густоволосый*; *полногласный* (лингв.) – *полноголосый*, *единогласный* – *одноголосый*, *многогласный** – *многоголосый*.

Аналогична структура гетерогенных пяти СГ, где преобладают образования с неполногласием. Слова с полногласием в них также находятся на периферии гнезда и имеют пометы, свидетельствующие о возможном выходе из него, например: *чрево* (15) – *черезво*, *черёво** (устар., обл.), *черевий**, *надчеревный**; *храбрый* (19) – *хоробрый* (устар.); *трезвый* (43) – *тверёзый* (прост.), *тверёзость**; *плен* (17) – *полон* (устар., МАС – нар.-поэт.), *полоняник*, *полоняночка* (устар., нар.-поэт., МАС – trad.-поэт.), *заполонить*, *заполонять* (МАС – устар., разг.), *полоняничный**, *полонять** (БАС – устар., поэт.), *ополонить** (БАС – устар.); *срам* (25) – *сором* (устар. и прост.), *соромный* (устар. и прост.), *соромник**, *соромница** (БАС – обл.), *соромщина** (БАС – устар. и обл.), *соромить**, *соромиться** (БАС – обл.), *соромский**, *соромно** (БАС – устар. и обл.).

Равноправными можно признать полногласные и неполногласные образования только в одном из указанных гетерогенных СГ (ССРЯ, т. 1, № 28, с. 355), ср.: *заглавие* (*заглавный*, *озаглавить*, *озаглавливать(ся)*, *озаглавливание*) – *заголовок* (*заголовочек*, *заголовочный*, *подзаголовок*, *подзаголовочный*). Однако в системе гетерогенных СГ с полногласием и неполногласием данное гнездо является исключением, так как их структурная организация стремится к опреде-

ленной гомогенности, выражающейся, как правило, в вытеснении морфонологических вариантов, содержащих менее употребительные рефлексы. При этом наличие инославянских включений как в «базовое» полногласное, так и неполногласное гнездо в целом составляет не более 34% – своеобразного индикатора допустимого симбиоза словообразовательной парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. О процессах трансплантации в языке // Терминоведение. № 1–3. М., 1997. С. 32–34.
2. Бекасова Е.Н. Процессы трансплантации в истории русского языка // VIII Житниковские чтения (VIII; 2007): информационные системы: гуманитарная парадигма: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 20–22 февр. 2007 г.). Челябинск, 2007. С. 47–49.
3. Тихонов А.Н. Предисловие // Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. С. 3–52.

ИСТОЧНИКИ

- Гр. 80* – Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. 1. М.: Наука, 1980.
- ССРЯ* – А.Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1985. Т. 1–2.
- БАС* – Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. М.-Л.: Изд-во АН СССР: 1950-1965.
- МАС* – Словарь русского языка в 4-х томах. М.: Русский язык, 1999. Т. 1-4.

БЕЛОВА Алла Дмитриевна (*Киев, Украина*)

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
profbelova@gmail.com

ПОСТЫ ПОЛИТИКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка)

Аннотация. Растущая популярность и диверсификация виртуальной коммуникации стимулировали появление виртуальной составляющей политического дискурса. Аккаунты политиков в социальных медиа свидетельствуют об освоении новых жанров политического дискурса, о социальной динамике, о возрастающей компактности интернета, об общей тенденции языкового упрощения коммуникации.

В результате взаимопроникновения современных информационных и коммуникационных технологий (ICT convergence) и доступности многочисленных гаджетов жизнь стремительно переходит в режим оп-

line (globalized “168” world (24×7=168), а режим off-line все чаще превращается в аномалию, прежде всего для молодых поколений (GenY, N-gen). Виртуальное пространство за считанные годы во многом стало альтернативой реальности, придав современному миру гиперконнективность, которая, по мнению многих экспертов, изменит поведенческие модели как индивидуумов, так и организаций [3, 5]. Появились новые термины, обозначающие соответствующие тенденции, теории, прогнозы – Glocalized Networks, “netware”, futureweb, “Netville”, Network capital, “Networked Individualism” [5, 7]. Соцсети, ставшие одним из факторов и проявлений гиперконнективности, уже перестали быть сферой лишь межперсональной коммуникации: в них проникли бизнес и политика, и даже такие консервативные институты как монархия и церковь. Присутствие в социальных медиа стало своеобразным императивом, подобно доступу к Интернет в недалеком прошлом.

Политики, регистрирующиеся в социальных медиа, рассматривают социальные сети и микроблоги как сокращение дистанции между властью и избирателями, как повышение уровня интерактивности и расширение прав граждан (empowerment), развитие e-democracy, возможность саморекламы и улучшения своего имиджа. Наиболее интересным и эффективным использованием Facebook и Twitter становится в том случае, если политики пишут посты сами и подходят к этому процессу творчески. Для политиков кроме дополнительной публичности такая активность таит немало опасностей (вплоть до digital wildfire): слишком критичными могут быть ответы. Высокий социальный статус, положение в обществе и работа команды твитрайтеров, появившихся подобно спичрайтерам, обуславливают и гарантируют соответствие текста поста политика литературному стандарту. Безусловно, в посты активно проникает орфография, закрепившаяся в виртуальном пространстве в сегменте неформального общения и ставшая уже нормой в этом виде коммуникации. Однако многие ответы на посты политиков, особенно критичные, негативные, являются яркими примерами разговорного языка (*ICR@DerLetzteZeuge@David Cameron the sound of bullshit, a Garry Barlow production.. Lol./ DrunkRepublicanBlog*

@DrunkRepub 30 Dec @VP yeah b/c u guys killed FT jobs so everyone took 2 PTs. Great).

Следует отметить, что виртуальная коммуникация заметно повысила роль текстов малой формы, среди которых, например, баннеры, SMS. Микроблоги усиливают эту тенденцию. Особенности Twitter, прежде всего лимит в 140 знаков, заставляют авторов придерживаться определенных орфографических, грамматических и прагматических принципов. Тексты постов политиков вследствие их публичной направленности должны быть лаконичными, логичными, убедительными, содержательными. В целом, посты политиков в социальных медиа свидетельствуют о всестороннем языковом упрощении коммуникации (*linguistic simplicity*), активно обсуждаемом в западноевропейской дискуртологии – наиболее употребительные слова, простейший синтаксис, отсутствие тропов. Не могут поднять такую коммуникацию на качественно иной стилистический, риторический и аргументативный уровень [2,с.237] даже команды журналистов, помогающих политикам самого высокого ранга.

В работах, касающихся межперсонального общения в соцсетях и микроблогах, представлены лексические, грамматические, стилистические особенности, нередко являющиеся отклонением от языковой нормы [1]. Например, известно, что в Twitter наименее грамотны музыканты, а известные женщины пишут явно грамотнее известных мужчин [4, 6]. Подобно тому как несколько лет назад появился сайт с ошибками президента США Джорджа Буша (мл.), так называемыми бушизмами, недавно был создан сайт с содержащими ошибки постами политиков, которые сами политики или их помощники пытались удалить.

Несмотря на индивидуализированный характер общения в социальных медиа, хотя и в рамках модели “один – многим”, посты политиков пестрят штампами, наполнены содержанием, свойственным политическому дискурсу, например: *"We think everyone in America has a right to have adequate health care insurance"* (@VPBiden) *Clean energy is booming in Canada. Clean energy jobs now outnumber oil sands* (@algore). Важной особенностью постов политиков является их перспективная направленность, также характерная для политического

дискурса, прежде всего электорального: *I'm excited to be at #COP20. A time for the world to come together and chart a sustainable course forward for the future./ We're reducing the deficit to build a stronger, healthier economy - and secure a better future for Britain/ Working on my speech for tomorrow, when I'll set out how we make Britain a place everyone can be proud to call home (@David Cameron).*

Лаконичность диктует популярность в постах бинарных оппозиций и синтаксического параллелизма, весьма распространенных и эффективных риторических приемов в англоязычном политическом дискурсе: *Labour's £20.7bn of unfunded spending shows the clear choice for Britain: competence or chaos. People sometimes say all political parties are the same. But the contrast between us & Labour couldn't be more clear. A pleasure to address the Australian Parliament: "Our ties are woven together in the best of times & worst of times." Meeting young footballers going to Ypres to mark the centenary of the Christmas Truce - a true story of peace & hope. Launching our poster in Halifax. The destination is clear: a stronger economy - and a brighter future for everyone In Helsinki with Northern European leaders to discuss how we encourage economic growth through innovation & education. A brilliant speech by @George Osborne "Decide or decline. That is the choice - and we must choose the future" (@David Cameron). Номинативные предложения, обеспечивающие лаконичность, емкость и целостность, вопреки ожиданиям, встречаются чрезвычайно редко: *Health care. Veterans. Cybersecurity. @SenRockefeller has been a voice on so many important issues. We'll miss him (@VPBiden).**

Посты политиков в соцсетях появляются с целью привлечь внимание к фактам, не в полной мере освещаемым традиционными СМИ, создать эффект моментальности и динамичности, которые становятся критериями новостных сообщений в современном мире (*I'm meeting security chiefs this morning to discuss the barbaric murder of Alan Henning. His killers will be hunted down and face justice/ I'm in Turkey discussing with the PM & President how we will work together to keep our countries safe from terrorism/ I'm heading to Australia for a #G20 meeting of world leaders. Problems with the global economy and Ebola will be top of the*

agenda) (@David Cameron). Соцсети предоставили возможность оперативно реагировать на события неординарные, но не подлежащие первоочередному освещению в медиа: *Congratulations to Revd Libby Lane on becoming the first woman bishop in the Church. A historic appointment and important day for equality (Facebook David Cameron).*

Политики используют соцсети и микроблоги для выражения своего личного отношения, эмоциональных переживаний в сложных психологических ситуациях: *Today I visited Auschwitz. Future generations must always learn about what took place here so it never happens again/ My thoughts and prayers are with nurse Pauline Cafferkey who is in a critical condition with Ebola (@David Cameron).* Посты, связанные с драматическими, трагическими событиями призваны создать эффект непосредственной вовлеченности и прямого контакта политика с гражданами. Именно в постах с эмоциональной составляющей наблюдается упрощение грамматики, в частности, опущение связок и глаголов: *Saddened to hear of the death of P.D. James, one of the UK's greatest crime writers, who thrilled and inspired generations of readers (@David Cameron).* Обращает на себя внимание тот факт, что передача положительных эмоций в отличие от отрицательных, не требует ни глаголов, ни прилагательных с соответствующим лексическим значением, отрицательные же эмоции акцентируются дополнительно: *It's beginning to look a lot like Christmas at No.10! Thanks to everyone - inc. reservists & cadets - who came along/ Ceramic poppies to be given to six Commonwealth leaders at G20 summit. cf. I'm horrified by the cold blooded murder of Abdul-Rahman Kassig. ISIL have again shown their depravity. My thoughts are with his family/ I'm appalled by today's attack in Ottawa. I offer my full support to @pmharper and the Canadian people as they deal with this incident (@David Cameron).*

Сообщения политиков в социальных медиа сохраняют главную особенность виртуальной коммуникации - передачу на письме неформального общения, что объясняет лексическую и стилистическую простоту формы. Новая разновидность политического дискурса усиливает его индивидуализированное измерение и предоставляет материал для изучения идиолекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каптюрова В.В. Прагматичні принципи формування повідомлень у соціальних мережах та мікроблогах: автореф. дис. ... канд.філол.наук: 10.02.04 "Германські мови"/Віра Володимирівна Каптюрова; Київ. нац. ун-т. ім. Тараса Шевченка. К, 2014. 20 с.
2. Crystal David. Language and the Internet. Cambridge Univ. Press, 2004. 284 p.
3. Folklore and the Internet. Vernacular Expression in a Digital World. Edited by Trevor J. Blank. Utah State University Press. 2009 . 271 p.
4. Politics and Twitter/ www.economist.com/node/16056612
5. The Global Information Technology Report 2012 Living in a Hyperconnected. Soumitra Dutta and Beñat Bilbao-Osorio, editors/ INSEAD, World// World Economic Forum/ <http://www.weforum.org>
6. The 13 Celebrities With The Worst Grammar On Twitter: <http://www.businessinsider.com/worst-celebrity-grammar-2013-6?op=1#ixzz3O2l968md>
7. Wellman, Barry Little Boxes, Glocalization, and Networked Individualism/ <http://www.chass.utoronto.ca/~wellman>

БЕЛОУСОВА Татьяна Павловна (*Каменец-Подольский, Украина*)

Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко
slov_fil@kpnu.edu.ua

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ БИОЭТИКИ

Аннотация. Статья посвящена процессам метафорического моделирования биоэтического дискурса. Рассмотрены номинативные единицы биоэтики с компонентом – антропоморфной метафорой. Проанализированы когнитивные модели метафорического переноса из донорской зоны *человек* в реципиентную зону *биоэтика*.

Исследование различных языков для специальных целей убеждает в том, что метафоры пронизывают всю сферу человеческого опыта, обладают значимым когнитивным потенциалом.

Концептуальной метафорой называется базовая когнитивная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмысливать одни объекты на основе знаний о других объектах (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Л.М. Алексеева, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, И.М. Кобозева, С.Л. Мишланова, З.И. Резанова, А. Ченки, А.П. Чудинов и др.). Метафорической моделью называют «существующую в сознании носителей языка взаимо-

связь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для понятийной системы сферы-магнита» [6: 419]. Фрейм как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [3: 188] состоит из отдельных элементов, слотов, уточняющих или детализирующих какой-либо аспект ситуации.

Предметом изучения в статье стали особенности актуализации семантических отношений между лексическими единицами донорской зоны ЧЕЛОВЕК с единицами реципиентной зоны БИОЭТИКА.

Интерес к антропоморфным моделям вызван тем, что биоэтика по сути своей является антропоморфной наукой, так как занимается этическими вопросами сохранения жизни во всём её разнообразии. Концептуальный анализ биоэтических номинаций подтверждает тезис о ведущей роли антропометричности в процессе метафоризации [5: 182].

Антропоморфная метафора с донорской зоной ЧЕЛОВЕК реализована в биоэтике фреймами (1) *Человек биологический*, (2) *Человек социальный*, (3) *Человек функциональный*.

Под *человеком биологическим*, вслед за В.В. Овсянниковой, будем понимать человеческий организм как биологическое, живое существо, которому присущи определённые состояния и этапы развития [4: 50]. Для реципиентной зоны актуален слот (1.1.) *Биологический тип человека*. В биоэтике различаются **архаический человек** и **новый / вечный человек** [1: 182]. Первый биологически рождается, размножается, болеет, стареет, умирает, проявляет приверженность традиционным социальным институтам, прежде всего, – институту семьи. Второй обладает биологическими свойствами, потенциально способен биологически размножаться, не болеет, не стареет, может добровольно уходить из жизни путём эвтанази. Учитывая, что первый тип человека, по мнению исследователей, будет сосуществовать со вторым [1: 182], определение *архаический* – ‘свойственный древности, устаревший, несовременный’ (здесь и далее значения приводятся по: [2]) относительно него следует признать метафорой. То же относится к определению *вечный*, ведь стоящее за ним понятие ‘бессмертный, по-

стоянно существующий' с точки зрения стремительного развития биотехнологий весьма относительно.

Наиболее продуктивен слот (1.2) *Психология человека*. В основе метафорического переосмысления входящих в него лексем лежит уподобление состояния природы, окружающей среды, популяции психологическому состоянию человека. Так, в биоэтике **грусть новых городов** – это 'повышенная заболеваемость жителей новых «спальных» районов, связанная с многоэтажной застройкой и отсутствием зелёных насаждений' (ср.: *грусть* – 'чувство и состояние печали, уныния', перенос на основе смыслового элемента 'угнетённое состояние'). Метафоризация существительного *ностальгия* – 'тоска по родине' послужила основанием создания термина **экологическая ностальгия** – 'острая тоска по дикой природе, здоровой окружающей среде' (метафорический «мост» – 'тоска'); психологическое понятие *уязвимость* – 'ранимость, повышенная чувствительность даже к повседневным психотравмирующим ситуациям' легло в основу биоэтических терминов **уязвимость экосистемы, уязвимость ландшафта** и др. ('незащищённость'). Так же: **экологический стресс, экологический шок, капризы природы** и др.

Фрейм (2) *Человек социальный* представляет человека как члена социума, входящего в то или иное сообщество. В биоэтическом дискурсе развивается метафорический образ семьи, организующий слот (2.1) *Семья*. Когда речь идёт об относительно новых формах разума – системах искусственного интеллекта (экспертных системах, ЭС), среди них различаются **ЭС-родитель, ЭС-мать, ЭС-ребёнок, ЭС-внук**, при этом «ЭС-ребёнок представляет собой некоторое подобие ЭС-родителя, однако это не полная копия. Имеется свой личный (индивидуальный) экспертный опыт, который далее, в следующем поколении будет передаваться ЭС-внуку и т. д.» [1: 182].

К слоту (2.1) относится и заимствованная из славянской мифологии номинация **Мать Сыра Земля** – 'животворные силы родной природы'. Отношение заботливой матери к собственным детям проецируется на силы родной природы, порождающие и поддерживающие жизненную энергию человека.

Номинативные единицы, связанные с фреймом (3) *Человек функциональный*, базируются на ассоциациях с (3.1) *Действиями или состояниями человека*. Это термины **звуковое «опьянение»** – ‘возбуждение, возникающее в ответ на громкие ритмичные звуки’ (по субъективным ощущениям аналогично алкогольному опьянению, что и послужило основанием переноса значения); **«зелёная отмывка»** – ‘«подсадные» экологические организации, инсценирующие согласие «зелёных» с антиэкологическими проектами’ (основа переноса – ‘очищение, обеление’).

Слот (3.2) *Предметы, созданные человеком* лучше всего структурирован в обыденной картине мира, потому в биоэтике множество терминов, основанных на артефактной метафоре. Среди них: **биологические часы** (перенос по функции, основа – ‘отсчёт времени’); **озоновый экран** (по функции, ‘средство защиты’); **экологический бумеранг, закон бумеранга** (по функции, ‘возвратность, необратимость’); **очаг загрязнения, очаг землетрясения, эпидемический очаг, эпизоотический очаг** (по сходству местоположения, ‘источник, место, откуда распространяется что-л.’).

Переосмысление предметной лексики на основе сходства по форме и структуре привело к созданию терминов **пищевая цепь, цепь питания, трофическая цепь, новая метаболическая цепь, цепная природная реакция** (ср.: *цепь* – ‘ряд соединённых между собою металлических замкнутых звеньев’, основа переноса ‘линейная последовательность, связь элементов’); **сеть контроля загрязнения атмосферы, европейская сеть по информации и наблюдению за окружающей средой** и мн. др. (ср.: *сеть* – ‘множество переплетённых линий, нитей’; общие элементы – ‘связь’, ‘единство’). Подобно этому в значении термина **узловое сообщество** прослеживается связь с понятием *узловой* – ‘относящийся к месту скрещения, соединения’, т. е. ‘основной, главный, центральный’.

Слот (3.3) *Постройки и их содержимое* дал биоэтике термины: **порог** – ‘наименьшая величина, степень чего-л., при которой возможно проявление какого-л. свойства, качества’: **порог вредного действия вещества, экономический порог вреднос-**

ности, пороговая величина и др.; *ниша* – ‘наиболее подходящее место в биоценозе’ – *экологическая ниша, правило обязательного заполнения экологической ниши*; *обстановка* – ‘условия, обстоятельства, в которых что-л. происходит’: *эпидемическая обстановка, эпизоотическая обстановка, медицинская обстановка, ветеринарная обстановка*. Метафорический адъективный компонент вошёл в состав терминов *парниковый / тепличный эффект* – ‘постепенное потепление климата на планете в результате накопления в атмосфере антропогенного углекислого и других газов’, названных *парниковыми газами*. Подобно покрытию теплицы или плёнке над парником, они пропускают солнечные лучи, но препятствуют тепловому излучению с поверхности Земли.

Таким образом, формирование понятийно-терминологического аппарата биоэтики происходит с участием антропоморфной метафоры: подтверждая свою универсальность, она наряду с экономической, военной и политической метафорой участвует в когнитивном освоении новой междисциплинарной области знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горлов А.А. Биоэтика и будущее человечества // Качественная клиническая практика: науч. журнал. М.: Изд-во ОКИ [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://clininvest.ru/news-det.php?nid=876>
2. Ефремова Т.В. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://onlineslovari.com/sovremennyiy_tolkoviy_slovar_russkogo_yazyika_efremovoy/
3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Фил. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 246 с.
4. Овсянникова В.В. Антропоморфные метафоры в геологическом дискурсе // Язык и культура. 2010. № 1. С. 48-57.
5. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс] // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-203. Режим доступа : <http://lib.znate.ru/docs/index-159711.html>)
6. Чудинов А.П. Постулаты политической метафорологии и современные российские метафоры // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности : материалы всеросс. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление» / отв. ред. проф Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2010. С. 248-254.

БЕРЕЗОВСКАЯ-САВЧУК Наталья Анатольевна

(Кривой Рог, Украина)

ГБУЗ «Криворожский национальный университет»

Криворожский педагогический институт

kafedra_movy_kdpu@ukr.net

ДИСТРИБУЦІЯ ЯК ІНТЕГРАЛЬНА СИНТАГМАТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДИКАТІВ

Аннотація. В предлагаемой статье рассматриваются вопросы истории изучения понятия дистрибуции в отечественной и зарубежной лингвистике, осуществлена попытка сформулировать основы понимания дистрибуции как основного способа выражения синтагматических особенностей языковых единиц, обоснована потребность разделения понятий «сочетаемость», «валентность», «дистрибуция».

Дистрибуцію традиційно визначають як суму всіх оточень мовного елемента або ж як сукупність його валентностей [1; 2; 3; 5; 8]. Проте для репрезентації сутності цього явища й застосування його як прийому чи способу опису предикатів важливо усвідомити підстави й принципи, на яких базоване виділення дистрибуції мовного елемента в окремий семантико-синтаксичний показник поряд із показниками загальної сполучуваності, валентності, інтенції й под.

Термін “дистрибуція” набув значного поширення передусім в американській лінгвістиці. Г. Глісон розглядає дистрибуцію як реалізований лінійний ряд, що не передбачає парадигматичного аспекта [4]. З. Харріс розуміє її як суму можливих позицій мовної одиниці стосовно інших одиниць у різноманітних контекстах [11: 15]. Р. Мразек розширює американські мовознавчі ідеї поняттям про “метричну” дистрибуцію, тобто таку, що зумовлена внутрішніми номінативними зв'язками між словами незалежно від просторових чинників [8: 50]. Поширення уявлень про дистрибуцію в 60-х роках ХХ ст. визначило активність уживання цього поняття в межах прикладного мовознавства [5].

Пізніше поняття дистрибуції стало основою для формування однієї з найпродуктивніших методик структурної лінгвістики – дистрибутивного аналізу, що знайшов широке застосування в лексикології, семасіології, граматиці. Засади дистрибутивної методики були закладені в працях Л. Блумфілда і застосовувалися спочатку в фонетиці та мор-

фології, але поступово були поширені на дослідження різних ділянок мовної системи [10].

У широкому значенні мовознавчий термін “дистрибуція” витлумачений як множина всіх оточень (контекстів), у яких може перебувати певний мовний елемент. Поняття дистрибуції відображає властивість мовних одиниць, яка полягає в тому, що сполучуваність кожної одиниці (окрім речення) з іншими одиницями більш-менш обмежена [2: 432].

Дистрибуція тісно пов'язана з валентністю як явище плану мовлення, що реалізується на рівні реальної комунікації, з явищем плану мови, що виокремлюємо на рівні абстрактного мислення. Проте не можна стверджувати, що дистрибуція є ширшим поняттям, ніж валентність, адже вони належать до різних логічних площин, їх не можна отожднювати, але й не можна розглядати як щось автономне, незалежне одне від одного.

Г. Хельбіг висловлює думку про те, що поняття валентності вужче, ніж поняття дистрибуції [12]. За його твердженням, дистрибуція включає функціонування елемента і за межами речення. Є. Курилович стверджує, що валентність залежить від контексту, а відповідно – дистрибутивних характеристик слова [7]. Г. Уфимцева, Д. Шмельов тлумачать дистрибуцію як форму існування значення [9] і т.д.

Загалом дистрибуція і валентність визначилися як два різних підходи до вивчення зв'язків дієслова: перша лягла в основу семантико-синтаксичного, а друга – кількісно-констатувального, тобто заперечується взаємопов'язаність і взаємопроникнення обох понять [12]. Важливо також, що обидва названі поняття вступають і в співвідношення із загальним поняттям сполучуваності.

Ми схильні підтримати думку В. Кодухова про те, що глибока дистрибутивна методика дослідження мовних одиниць включає до себе різноманітні прийоми, з-поміж яких і аналіз валентності, інтенційної сполучуваності, дистрибутивних формул і под. [6]. Валентність слова у такому розумінні потлумачена як характерна для нього й зумовлена його лексичним значенням і системою мови потенція до поєднання з іншими словами або ж до поширення його словом, словосполученням

чи реченням, що виявляється у вигляді сполучуваності не лише в ієрархічній структурі речення, а й у надфразовій єдності. Сполучуваність, відповідно, – це реалізація валентності в кожному окремому випадку. Дистрибуція – це сума (сукупність) усіх оточень, у яких трапляється мовний елемент.

У семасіологічних і граматичних роботах останніх років дедалі частіше спостерігаємо спроби перенести детально розроблену Празькою лінгвістичною школою методику фонологічного дослідження в сферу лексики й синтаксису. Зокрема, дієвим є посилання на методологічно виправдане твердження про те, що системні відношення мовних елементів базовані передусім на опозиціях.

На перший погляд, труднощі, які виникають під час семантико-синтаксичного дослідження мовних (лексичних) одиниць, можуть бути легко вирішені, якщо й тут застосувати дистрибутивну методику, запозичену з фонології, тобто розглядати проблему вільних і зв'язаних відношень слова-предиката з іншими словами в реченні, проблему постійного й змінного контекстів як проблеми дистрибуції, пов'язаних передусім із систематичним пошуком взаємопротиставлених значень одного і того самого слова, що виявляються шляхом дослідження його оточення (контексту) тощо. Однак практична робота з лексичним матеріалом, спроектованим на його синтаксичну поведінку, змушує дослідника інтерпретувати й удосконалювати цей спосіб аналізу і термінологічно, і методично.

Чітке розмежування у фонології поняття додаткової й контрастивної дистрибуції базоване на розрізненні варіантів однієї й тієї самої фонемі та принципово різних фонем. Зрозуміло, що у випадку роботи з лексичним матеріалом таке розрізнення мусить бути спроектоване на розмежування багатозначності одного слова й різних слів із різними значеннями (омонімів). Проте основне питання полягає в тому, чи можливо на семасіологічному рівні розмежувати протиставлені й додаткові контексти і, відповідно, об'єктивно інвентаризувати й класифікувати значення слів-предикатів.

Очевидно, що на семантико-синтаксичному рівні про дистрибуцію слід говорити в іншому аспекті, ніж на фонологічному рівні. Вихідне положення про те, що дистрибуція – це сукупність усіх оточень, у яких може перебувати мовна одиниця, протиставляючись тим оточенням, у яких вона перебувати не може, дає змогу констатувати, що будь-яке вживання слова в мовленні (контексті) є реалізацією, виявом його дистрибуції. Коли йде мова про вживання різних слів в однакових оточеннях, тобто в однакових синтаксичних моделях із тим самим семантичним наповненням, ми умовно маємо справу з контрастивною дистрибуцією. У випадку, коли протиставляються значення багатозначного слова, реалізовані в різних оточеннях, доцільно говорити про додаткову дистрибуцію.

Уважаємо за необхідне в названому аспекті не запозичувати термінологію з теорії фонологічної дистрибуції, а запропонувати розподіл дистрибуції предикатів на обов'язкову й факультативну. *Обов'язкова дистрибуція* репрезентує таке актантне заповнення позицій предикатного оточення, що повністю реалізує семантику слова-предиката в необхідному контексті. *Факультативна дистрибуція* предиката має уточнювальний характер, що деталізує загальну семантику синтаксичної конструкції (речення). Обов'язковий / факультативний характер дистрибуції предиката верифікує спроба вилучення тих чи тих актантних (адвербіальних) позицій із синтаксичної структури: у разі порушення семантичної цілісності, довершеності речення маємо змогу говорити про обов'язкову дистрибуцію предиката, і навпаки, якщо таке вилучення не впливає на зміст і значення конструкції (чи зокрема предиката), засвідчуємо дистрибуцію факультативну.

Дистрибуцію в семантико-синтаксичному аспекті можна аналізувати й у зв'язку з конкретним словом, і на рівні лексико-семантичних об'єднань слів (груп, парадигм) чи лексико-граматичних класів (частин мови). Під час виявлення дистрибутивного оточення певних об'єднань чи класів слів іде мова про реалізацію спільної семантики в різноманітних моделях сполучуваності. У випадку дистрибуції конкретного слова мова може йти про індивідуальні набори моделей сполучуваності, які

відрізняють це слово від інших слів (синонімів), або ж значення лексеми від інших значень цієї самої лексеми.

Семантична (лексична) дистрибуція виражає здатність слова до поєднання з іншими з огляду на його лексичне наповнення – значення. Синтаксична дистрибуція є властивістю слова як представника певної частини мови, її лексико-граматичного розряду вступати у зв'язки з іншими словами. Це своєрідна здатність слів мати при собі залежні слова (форми слів) або поширювачі.

Отже, поняття дистрибуції є дотичним до інших близьких понять, зокрема теорії валентності, але попри те, що дистрибуція й валентність мають спільний об'єкт і предмет опису, це явища нетотожні, а їхнє розрізнення має принциповий характер.

ЛІТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сборник. М., 1962. № 5. С. 3–12.
2. Булыгина Т.В. Дистрибуция // БСЭ: в 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 8.: Дебитор – Евкалипт. М. : Советская энциклопедия, 1972. С. 432.
3. Влавацкая М. В. Понятие дистрибуции в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 1. С. 39–42.
4. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 339 с.
5. Карельская И.М. Термины «сочетаемость», «валентность», «дистрибуция», «синтагматика» в научной и учебной литературе // Термины в научной и учебной литературе. Горький : Изд-во Горьковского государственного университета, 1988. С. 40–47.
6. Кодухов В.И. Общее языкознание . 5 изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 304 с.
7. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: к теории частей речи // Курилович Е. Очерки по лингвистике : [сб. статей]. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 57–70.
8. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы // Вопросы языкознания. 1964. №3. С. 50–62.
9. Уфимцева А. А. Лексическое значение : Принцип семиологического описания лексики: монография. 2-е изд., стер. М. : УРСС, 2002. 240 с.
10. Bloomfield L. Language. N.Y., 1933.
11. Harris Z. Methods in Structural Linguistics. Chicago : University of Chicago Press, 1951. 384 p.
12. Lehmann W. Proto-Indo-European Syntax. London: Routledge, 1974. 671 p.

БЕССОНОВА Людмила Ефимовна,

СЕГАЛ Наталья Александровна (Симферополь, Россия)

Крымский федеральный университет имени Владимира Ивановича Вернадского
natasha-segal@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена синтагматическому анализу системы языковых средств, реализующих категорию пространство в политическом тексте. Выявляется нерелевантность дифференциальных признаков языковых единиц с пространственным компонентом в политическом дискурсе. Прослежены тенденции модификации и переструктуризации семантической структуры лексических единиц на основе бинарных оппозиций горизонталь – вертикаль, верх – низ, открытость – закрытость, правый – левый, вперед – назад.

Языковые единицы с пространственной семантикой образуют в русском языке лексико-семантическое поле, в котором набор элементов, их семантика и соотношение исторически изменчивы. Результатом развития языковых единиц с пространственной семантикой является сосуществование их прямых, переносных и символических значений. Такие значения служат средством актуализации не только наивной картины мира, но и сферы политической коммуникации. **Актуальность** предлагаемой статьи заключается в выявлении признаков синкретизма у единиц с пространственным компонентом, совмещающих в своей семантике противоположные значения **горизонталь – вертикаль, верх – низ**.

Идея о динамизме языкового знака, его сложной внутренней организации лежит в основе лингвистических трудов конца XIX – начала XX века (работы Б. А. Ларина, С.О. Карцевского, О. Н. Кацнельсона, А. А. Потебни, О. Н. Трубачева). Исследователи утверждают: «... если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» [1: 85]. Рассуждения о соотношении знака и значения находят свое отражение в работах современных ученых. В лингвистических исследованиях последних десятилетий объектом внимания является дискретность лексических значений, наиболее полно отраженная в синкретичном выраже-

нии разных значений многозначного слова. Как отмечает М. В. Пименова, «синкретизм на лексическом уровне (как и на других уровнях языка) проявляется в формально-содержательной языковой асимметрии, при которой один знак может выражать два (и более) значений (семасиологический аспект лексической семантики) и, соответственно, одно значение может выражаться двумя (и более) знаками (ономасиологический аспект)» [3: 405].

В рамках семантико-когнитивного подхода к исследованию категории **пространство** выявлены локативные оппозиции, обладающие признаком синкретизма. Данные оппозиции построены на основе когнитивной оси **горизонталь – вертикаль** и проявляются через ключевые слова, которые эксплицируют в политических контекстах коннотативные компоненты значения, не закрепленные в узусе. К единицам **горизонтального** вектора категории **пространство** относятся слова-репрезентанты **дорога, путь, стезя, колея, тропа**; вертикальный вектор опирается на доминирующую когнитивную оппозицию **верх – низ** на основе мотивационного признака сходства функций с выявлением образных компонентов. Как показал анализ политических контекстов, данная оппозиция представлена такими точками вертикальной оси, как **гора, вершина, пропасть, яма, дно** и др.

Горизонтальный вектор категории **пространство** строится на основе метафорической модели «политика – это дорога / путь», которая предполагает наличие целевого и признакового компонентов, выявляющихся через единицы с локусной семантикой или атрибутивные конструкции. Метафорическая модель «политика – это дорога / путь» отражает возможность политического субъекта достичь политических или социальных целей: **Россия преодолела последнюю преграду на ее пути вступления в ВТО** (ЗН, № 40, 7.11.2012); **Демократические силы должны найти дорогу к объединению** (КП, № 173, 25.09.2013); **Единственным способом выхода из политического кризиса является путь переговоров, диалога и поиска компромиссов** (ЗН, № 14, 18.04.2013).

Средства языковой реализации целевого и признакового компонентов классифицируются на основе грамматического и семантическо-

го критериев благодаря локативам, которые дифференцируются в зависимости от их семантических особенностей и значимости в контексте. При реализации метафорической модели актуализируются такие доминирующие семантические признаки, как 'движение', 'цель' 'направление', 'место', 'время'.

На базе универсальной оппозиции вертикального вектора **верх – низ** проявляется пространственная трехмерная оппозиция **политика – вершина – пропасть**, в которой лексемы **вершина** и **пропасть** являются ее конечными точками. Данная оппозиция лежит в основе категоризации политического пространства и определяет особенности реализации метафорических значений в тексте. Комплексный анализ политических контекстов позволил выделить наиболее активные для языка политики лексемы. Доминирующими вербализаторами **верха** в вертикальном векторе **пространства** являются лексемы **гора, вершина** (*Вслед за политической идет в гору и финансовая стабильность* (Ф, № 48 (210), 26.11.2012); *«Восьмерка» забирается все выше в горы для того, чтобы решать проблемы глобального характера* (Д, № 146, 16.08.2011); вербализаторами **низа** выступают лексемы **пропасть, бездна, пучина, трясина, яма, дно, ров, обрыв, воронка, водоворот** (*Страна продолжает уверенно скатываться в обрыв глубокого политического и экономического кризиса* (КП, № 54, 25.03.2008); *Президент взял на себя неблагодарную ношу – вытащить страну из долговой ямы* (ЗН, № 47, 29.12.2011).

Вертикальный вектор категории **пространство** строится на основе двух метафорических моделей: «политика – это гора/вершина» и «политика – это яма/пропасть». При исследовании метафорических моделей, структурирующих вертикальный вектор категории **пространство**, выявляется целевой компонент, который проявляется эксплицитно и имплицитно: передвижение вверх по вертикальной оси характеризуется движением к цели, передвижение вниз – отдалением от цели.

Ключевые единицы, организующие пространство политического текста, характеризуются многокомпонентностью семантической структуры и особенностями семного варьирования в политических контек-

стах, что определяет модификацию семантической структуры языковых единиц, сопровождающуюся переструктуризацией сем. Прагматическое содержание политического текста обуславливает процесс индуцирования коннотативных сем, в результате чего слова и фраземы приобретают мейоративную или пейоративную коннотацию. Такие локусно ориентированные аксиологические характеристики важны для осмысления человеком внешнего мира и прежде всего социально-политического пространства.

Проведенный анализ когнитивных пространственных оппозиций **горизонтального** и **вертикального** векторов выявил модусную составляющую категории **пространство** в текстах политической направленности. Важным аспектом при этом является установление особенностей пространственного восприятия, отраженного в языковых значениях лексических и фразеологических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 85-90.
2. Некипелова И.М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». № 2 (14). 2011. С.33-46.
3. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм в диахронии и синхронии // III Международная научно-практическая интернет-конференция «Русский язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом»: Труды и материалы (Москва, МГУ, 22-29 ноября 2010 г.). М.: МАКС-Пресс, 2011. С. 402-408.
4. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии. ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.

БЛИНОВА Ольга Александровна (Москва, Россия)
Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД РФ
blinova.o@gmail.com

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XVIII в.

(на материале романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна)

Аннотация. Статья посвящена одной из форм включения чужой речи в текст – несобственно-прямой – на раннем этапе ее становления в английском языке. Текст анализируемого романа и специфика использования в нем несобственно-прямой речи как еще не устоявшегося синтаксического приема представляют сложность и интерес.

Сложившаяся традиция выделять два типа художественной прозы – синтагматическую и актуализирующую – основывается на синтаксическом строе самого текста: «акцент падает либо на синтагматические сцепления, образующие речевую цепь, либо на способы формирования высказывания как коммуникативной единицы» [1: 482]. Объектом рассмотрения нашей статьи является проза *синтагматическая*. Как следует из названия, такой тип прозы наиболее полно раскрывает синтагматическую сторону синтаксического строя языка и построен «на развитии подчинительных связей, которые выражены эксплицитно: при помощи флексий, предлогов, подчинительных союзов и т.п.» [3: 16-17]. Перечисленным признакам синтагматическая проза обязана и другим своим названием — *иерархическая*, так как в ней «господствует идея неравноценности, иерархичности, субординативной связанности частей и доминирующего над ними целого» [1: 483].

Возникновение синтагматической прозы ряд исследователей связывает со становлением норм литературного языка: «Во многих европейских языках (...) периода окончательного становления их литературных письменных форм (...) складывается такой тип прозы, который наиболее полно и конкретно передает мысль пишущего» [3: 16-17]. Это послужило основанием выбора в качестве материала для анализа текста романа Д. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Произведение это печаталось в период с 1759 по 1767 гг.

В качестве предмета исследования выступает одна из форм передачи чужой речи в тексте — несобственно-прямая речь — и ее функционирование в синтагматической прозе.

Несобственно-прямая речь (далее НПР) представляет собой форму передачи речи, сочетающую в себе черты прямой и косвенной. Первые образцы НПР фиксируются в англоязычной литературе у Дж. Чосера (1343-1400), однако в этот период употребление НПР носит еще случайный, фрагментарный характер. Но к XVIII в., по мере того, как происходит стандартизация английского языка, оформляются и способы передачи речи в тексте, в том числе НПР.

В современном английском языке НПР от косвенной речи принимает прономинальную транспозицию (т.е. как в косвенной речи оформляются личные и притяжательные местоимения) и темпоральную транспозицию (глагольно-временные формы делают шаг назад). С прямой речью НПР связана пространственно-временным дейксисом, не меняющимся по модели косвенной речи, а также синтаксическим строем предложения: вопросы и восклицания не превращаются в утвердительные предложения, а сама чужая речь вводится не через подчинительную связь (как косвенная речь), а оформляется как независимое предложение. Также НПР нередко содержит экспрессивные элементы, выступающие дискурсивными маркерами речи персонажа, что также приближает ее к прямой речи.

НПР традиционно разделяется на внешнюю (передающую устную речь) и внутреннюю (передающую мысленную речь персонажей). При этом нередко отмечается, что два этих типа НПР характерны для разных типов прозы: «внешняя НПР относится к актуализирующей прозе, которая характеризуется ослабленными связями внутри предложений и между ними, смысловой раздробленностью, краткими синтаксическими структурами. Внутренняя НПР, напротив, относится к иерархической (синтагматической) прозе, отличительными признаками которой являются распространенность предложений, большое количество средств связи между предложениями и т.д.» [4: 18]. В романе Л. Стерна, однако, и устная НПР относится скорее к синтагматической прозе.

Употребление НПР в романе Л. Стерна представляет особый интерес прежде всего тем, что в XVIII в. в английском языке она еще не успела сформироваться как прием с устойчивыми формальными признаками.

Особенности стиля Л. Стерна скандально известны, в частности нестандартное даже для его современников, обращение с пунктуацией. Тем не менее, распределение голосов повествователя и персонажей, а также обозначение прямой, косвенной или же несобственно-прямой речи представляют интерес: нерегулярности употребления наглядно иллюстрируют процесс становления нового приема в художественной литературе.

Наряду с традиционно оформленными прямой и косвенной речью в тексте романа встречаются и странные на взгляд современного читателя способы включения в текст чужой речи. Например, заключение в кавычки чужой речи, практически не имеющей признаков прямой:

The story ran like wildfire — «The parson had a returning fit of pride which had just seized him; and he was going to be well mounted once again in his life; and if it was so, 'twas plain as the sun at noon-day, he would pocket the expense of the license, ten times told, the very first year: — So that every body was left to judge what were his views in this act of charity» [6: 19].

Употребление прошедших временных форм (*he was going to be well mounted once again in his life...*) и маркер речи деревенских прихожан (*plain as the sun at noon-day*) позволяют отнести этот отрывок в НПР. Однако пунктуационно Стерн оформляет её как прямую речь: тире перед отрывком призвано показать, что далее следует речь прихожан, а не рассказчика. Отметим, что использование кавычек для обозначения прямой речи было в XVIII в. необязательным и в целом нетипичным, для этой цели чаще использовалось именно тире [5: 195].

Приведенный пример также демонстрирует типичную для НПР того времени функцию: передачу коллективной речи, т.е. не индивида, а группы лиц. Е.Я. Кусько отмечает подобные случаи в европейской (испанской) прозе даже более раннего периода: «У Сервантеса, например, коллективная НПР используется для передачи “сомнительных

слухов”, “общественного мнения”, “городских разговоров” и т. п. В случаях, когда необходимо передать высказывание “неопределённого множества”, именно НПР является наиболее адекватным стилистическим средством» [2: 59].

Сходное по структуре употребление наблюдается и в этом примере:

But a villainous affair it is, and will one day so blend and confound us altogether, that no one shall be able to stand up and swear, «That his own great grandfather was the man who did either this or that» [6: 20].

Здесь также использованы прошедшая временная форма (*was* против *shall be able to*) и притяжательное местоимение третьего лица (*his*). Однако присутствует также и подчинительный союз *that*. Маркеров речи персонажа нет – но и конкретного персонажа также нет, это имитация возможной реакции гипотетического героя. Таким образом, налицо и признаки косвенной речи (союз, глагол, местоимение), и прямой (капитализация первого слова, наличие кавычек, но при этом тире отсутствует).

При отсутствии каких-либо видимых различий между двумя данными примерами, можно сделать вывод, что при неустоявшихся правилах оформления косвенной или же прямой речи перед нами промежуточная форма, по которой сложно (если в принципе возможно) определить, речь ли это рассказчика (т.е. косвенная) либо же персонажа (т.е. прямая). Стерн добивается эффекта двусмысленности, который сейчас считается основным стилистическим эффектом НПР.

Между тем, НПР у Стерна уже начинает демонстрировать черты устной речи, ставшие ее характерным маркером к началу XX в. (в данном примере – междометие):

*But the injury of this, he would say, could never be undone; — **na**y, he doubted even whether an act of parliament could reach it* [6: 47].

Таким образом, НПР в романе Л. Стерна отличается сложной синтаксической структурой с обилием встроенных предложений, что делает ее типичным образцом синтагматической прозы. В структурном отношении анализ примеров показывает, что говорить о сформировавшемся приеме в английском языке еще рано, так как наблюдается

ряд нерегулярностей: в частности, заключение НПР в кавычки или же ввод ее посредством подчинительного союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Связка и связность (этюды о синтаксических разновидностях прозы) // Язык и мир человека. М.: 1999. С. 481-488.
2. Кусько Е.Я. Проблемы языка художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Изд-во при Львовском гос. ун-те, Изд-во объединения "Выща школа", 1980. 208 с.
3. Копытов О.Н. Textoобразующая роль модусных смыслов на фоне сферных различий (на материале современной прозы). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2014. 40 с.
4. Омелькина О.В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 25 с.
5. Moss R. Sterne's Punctuation // Eighteen's Century Studies. 1982. Vol. 15, No. 2. P. 179-200.
6. Sterne L. Tristram Shandy and a Sentimental Journey. New York: 1941. 713 p.

БОГРОВА Ксения Михайловна, МАЛАХОВ Александр Сергеевич
(Владимир, Россия)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ (на материале произведений В.А. Солоухина)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость создания Словаря языка В.Солоухина, определяется структура словаря и предлагается образец словарной статьи.

Проблема составления словаря языка писателя – одна из проблем современной лексикографии. Что же понимают под словарем языка писателя? Существует несколько определений словарей такого типа в зависимости от задач, которые ставит перед собой составитель, а также от подхода к отбору объясняемого материала.

Одни словари подразумевают лексикографическое описание всех лексических единиц, встречающихся в произведениях писателя [2]. По такому принципу построен «Словарь языка Пушкина», представляющий «собственно лингвистический труд, в котором фиксируется вся лексика всех произведений поэта» [1: 20-24].

Другие словари включают «обычно слова, употребленные данным автором, демонстрирующие, как преломляется общий язык в идиолекте автора» [1]. Подобный принцип лежит в основе «Словаря к пьесам А.Н. Островского», в котором объясняется не вся лексика, а лишь те слова, значение и употребление которых могут вызвать определенные затруднения у читателей [1: 20-24].

Таким образом, приступая к составлению словаря языка писателя, исследователь должен определить:

1) какие произведения (по тематике, жанровой принадлежности) будут привлекаться в качестве источников языкового материала;

2) какой материал будет включен в словарь: вся лексика, встречающаяся в произведениях писателя, или лексика особая, формирующая идиостиль писателя;

3) какой должен быть принцип расположения материала в словаре;

4) из каких элементов будет состоять словарная статья; как будет фиксироваться значение слова; какие стилистические и грамматические пометы будет содержать словарная статья; какие историко-культурные сведения будут привлекаться и др.

В рамках словаря языка В. Солоухина могут быть описаны с разных точек зрения языковые особенности его произведений, помогающие глубже понять творчество писателя. Творчество В. Солоухина очень разнообразно: оно включает как поэтические, так и прозаические произведения. Среди прозаических произведений есть рассказы, очерки, повести. Многие рассказы и очерки входят в сборники: «Белая трава», «Время собирать камни» и др., поэтому предполагается длительная работа по отбору материала и составлению словаря В. Солоухина. В отдельных выпусках словаря можно зафиксировать лексику конкретных произведений писателя, объединенных общей тематикой или жанром, что позволит не только определить идиостиль В. Солоухина, но и отразить язык этих произведений, существующих независимо от общего контекста творчества писателя и в то же время связанных с ним.

В состав словаря должны быть включены те языковые элементы, которые формируют индивидуальный авторский стиль В. Солоухина: стилистически окрашенная лексика, просторечная лексика, лексика ограниченного употребления, имена собственные, фразеологические единицы разных типов, изобразительно-выразительные средства и др. Остановимся подробнее на некоторых языковых особенностях.

В словаре языка писателя обязательно должна быть зафиксирована стилистически окрашенная лексика, которая нередко встречается в произведениях В. Солоухина и является средством выражения авторского отношения к героям и событиям. Стилистическая окрашенность лексической единицы может проявляться по-разному. Например, на словообразовательном уровне средством выражения стилистической окрашенности являются суффиксы субъективной оценки. Так, в предложении *Первым делом Федор Петрович стал проверять сумки, портфелишки и парты учеников* («Ножичек с костяной ручкой») слово *портфелишко* образовано с помощью суффикса *-ишк-* со значением уничижительности.

Для речевой характеристики персонажей и для создания особой речевой ситуации В. Солоухин использует просторечную лексику. Например, в «Каравае заварного хлеба» автор использует такие просторечные слова, как *шляться* в значении 'ходить, бродить без дела' (*Даже если кошка дома, то рады и за кошку, что сидит на стуле возле печки, а не **шляется** где-нибудь*), *харя* – 'передняя часть головы человека' (*Красная, круглая **харя** Мишки с маленькими голубыми глазками, запрятанными глубоко в красноте, лоснилась и цвела...*).

Свое место в словаре языка В. Солоухина должна найти и лексика ограниченного употребления. Прежде всего, к ней относятся диалектизмы, используемые автором для передачи местного колорита и особенностей речи героев. Очень много диалектных слов встречается в лирической повести «Владимирские проселки»: *кизяк* – 'спрессованный кирпичиками и подсушенный навоз' (*От костра наносило на дорогу душистым дымком, похожим на дымок **кизяка***), *разведриваться* – 'проясниться' (*После обеда стало **разведриваться**, и*

мы повеселели), *синняг* – ‘осиновый лес’ (Захожу в *синняг* (так Воронцов называл осинник), *ничего вроде бы не заметно*) и др.

Встречаются в текстах произведений В.Солоухина и авторские неологизмы, например, глагол *ярчить*, образованный от прилагательного *яркий* с помощью суффикса -е- по аналогии с примерами *синий - синеть*: *Будешь замечать воздух, которым дышишь (он станет прохладным и заметным), звезды, бледные сначала, станут ярчить, разгораться, а вскоре из-за темных былинных холмов выплывет огненная половина луны, похожая на горящий стог сена или клевера («Мошенники»).*

Важным компонентом идиостиля В. Солоухина является ономастическая лексика. Так, например, во «Владимирских проселках» используются онимы разных типов: антропонимы (*Общественный деятель, публицист, председатель Славянского комитета в Москве Иван Сергеевич Аксаков возмущался более других в той степени, в какой был более, по сравнению с другими, последовательным и ярким славянофилом*), зоонимы (*Потом зазвенел колокольчик, и Зорька, дородная, важная корова, вышла на поляну*), топонимы (*До сих пор живут таинственные, не расшифрованные никем названия рек, городов, озер и урочищ: Муром, Суздаль, Нерль...*), идеонимы (*Секретарю и уполномоченному нужны были поля колхоза «Красная нива», на которых уполномоченный наглядно убедился бы, как все на полях сохнет и как растет кукуруза в Кольчугинском районе*), которые можно охарактеризовать с точки зрения словообразовательных особенностей, употребления и происхождения и которые должны найти свое место в словаре языка писателя.

Неотъемлемым компонентом идиостиля В.Солоухина является употребление фразеологизмов и афоризмов: *Лучше всего сказать в таком случае – бес попутал, если бы существовали на свете бесы...* («Мошенники»); *Напротив, я скорее обрадовался бы, если бы он провалился сквозь землю, да, признаться, и самому мне в то мгновение, хотелось провалиться сквозь землю* («Ножичек с костяной ручкой»). Данные языковые единицы также нужно зафиксировать в

словаре, объяснить их значение, а при необходимости дать культурологическую справку.

Идиостиль писателя будет неполным, если не проанализировать изобразительно-выразительные средства, которые автор использует в своих произведениях: эпитеты, метафоры, метонимию, сравнение, синонимы и др.

Таким образом, в словаре должен быть зафиксирован следующий языковой материал: 1) стилистически окрашенные, просторечные и ограниченные в употреблении лексические единицы; 2) имена собственные разных типов; 3) фразеологические единицы и афоризмы; 4) изобразительно-выразительные средства (переносное употребление слов, основанное на метафоре или метонимии, авторские сравнения, синонимические ряды).

Каждая перечисленная выше языковая особенность должна найти отражение в отдельном разделе словаря. Материалы в словаре будут располагаться по алфавитному принципу. Словарная статья может включать следующие структурные элементы: само слово или выражение, его значение, особенности употребления, грамматические и стилистические характеристики, возможные варианты (лексические, словообразовательные, морфологические), иллюстративный материал, а также различные виды комментариев – этимологический, географический, культурологический и др.

В заключение отметим, что Словарь языка В. Солоухина будет способствовать актуализации знаний о языке произведений писателя и может быть использован в практике преподавания вузовских и школьных дисциплин, связанных с изучением Владимирского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махонь С.В. Словари языка писателей // Филолог. Минск: Национальный институт образования, 2010. С. 20-24.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003.

БУВАЛЕЦ Елена Владимировна (*Харьков, Украина*)

Харьковский национальный технический университет
сельского хозяйства имени Петра Василенко
elena_buvalets@mail.ru

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС ДВОЙНЫХ СУБСТАНТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале поэтического текста)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению морфосинтаксического статуса субстантивных биномов с семантико-синтаксическими отношениями зависимости, с семантико-синтаксическими отношениями равноправия, а также единиц, проявляющих тенденцию к переходу в сложное слово.

В современном русском языке функционируют дефиснооформленные парные субстантивные сочетания – субстантивные биномы (СБ). Среди них выделяются СБ с семантико-синтаксическими отношениями зависимости (сочетания с определяющим компонентом – приложением), например, *зима-кудесница*, *поэт-песенник* и СБ с семантико-синтаксическими отношениями равноправия, например, *гуси-лебеди*, *вдох-выдох*, *путь-дорога*. Данные единицы являются сложными образованиями, рассматриваемыми как в рамках синтаксических, так и в рамках морфологических исследований. В современной науке не до конца решенным является морфосинтаксический статус субстантивных биномов. Существует проблема определения границ СБ и сложных слов, поскольку в лингвистике не существует однозначного подхода к пониманию «границ между сложным существительным (словом) и сочетанием существительного с приложением» [2: 58]. Цель данной работы – определить грамматический статус СБ с семантико-синтаксическими отношениями зависимости и СБ с семантико-синтаксическими отношениями равноправия, наметить синкретичные случаи.

СБ с семантико-синтаксическими отношениями зависимости (сочетания с приложением) по своим грамматическим свойствам тяготеет к **словосочетанию**, поскольку характеризуется одним из основных признаков, выделенных В.В. Виноградовым: «Структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его стержнем; это обнаруживается как в

формальной, так и в смысловой стороне словосочетания» [4: 11]. Определяющий компонент СБ (приложение) проявляет зависимость по отношению к определяемому компоненту в первую очередь в семантическом аспекте, грамматическая зависимость ослаблена в силу того, что категория рода у существительного стабильна, а категории числа и падежа каждого из существительных сочетания самостоятельны и могут в ряде случаев не совпадать, в отличие от адъективного словосочетания, в котором грамматические категории прилагательного продиктованы существительным.

Морфосинтаксический статус СБ с семантико-синтаксическими отношениями равноправия определяем как бессоюзное **сочетание однотипных единиц**, в которых выделение главного компонента невозможно. Такие парные сочетания однотипных единиц «широко употребляются в номинативной функции и тем самым раздвигают пределы словосочетаний в сторону так называемых словесных рядов» [4: 45]. Семантическое и грамматическое равноправие компонентов в таких сочетаниях и их возможная семантическая трансформация в сочетания с союзом *и* свидетельствует о сочинительной синтаксической связи между компонентами. Например, *хлеб-соль* – *хлеб и соль*; *и хлеб, и соль*.

СБ с приложением в большинстве употреблений проявляют параллелизм падежных форм. Однако в ряде случаев топоним, который обычно склоняется, функционирует в застывшей форме именительного падежа: *в городе Москва, в аэропорту Борисполь, на озере Байкал* (недефисное оформление данных сочетаний с постпозитивным топонимным компонентом в общеязыковом употреблении отличается от поэтической графики, которая в ряде случаев допускает дефисное оформление подобных сочетаний, например, *над рекой-Москвой*). Топонимные элементы некоторых биномов употребляются как склоняемые компоненты (*на Москве-реке*), или ведут себя «как сложное слово, что подтверждается и ударением (*у Москвѧ́-реки, над Москвѧ́-рекой*)» [7: 379]. СБ с семантико-синтаксическими отношениями равноправия *хлеб-соль* также имеет варианты как склоняемости первого

компонента (*хлебом-солью, за хлебом-солью, хлеба-соли*), так и его употребления в качестве застывшей формы (*хлеб-солью, хлеб-соли*).

Случаи несклоняемости первого компонента СБ в ряде работ характеризуются не как особый вид согласования между определяющим и определяемым компонентами, а как связь, тяготеющая к примыканию: «неизменяемость приложения преобразовывает аппозицию в примыкание к определяемому существительному» (перевод наш – Е.Б.) [11: 493]. И.Н. Кручинина случаи, в которых обычно препозитивное приложение теряет способность к падежному изменению (*жар-птица, царь-девица*), относит к следствию «перерождения согласования в связь *примыкания*» [5: 398], а в сочетании *программа-минимум*, по мнению Н.Ю. Шведовой, реализуется «беспредложное присубстантивное примыкание» именительного падежа [10: 63]. Подобные сочетания с несклоняемым первым компонентом на синхронном уровне проявляют тенденцию к сращению субстантивов и функционированию в качестве одного слова. Под сращением в данном случае мы, вслед за В. В. Лопатыным, понимаем не лексико-синтаксический способ словообразования, как в случае с прилагательными *умалишенный, быстрорастворимый*, при котором «производное слово во всех своих формах полностью тождественно по морфемному составу синонимичному словосочетанию; синтаксическая связь этого сочетания (управление или примыкание) остается живой в структуре производного слова» [6: 536], а процесс постепенного преобразования контактно расположенных атрибутивного существительного и определяемого им существительного в составе бинорма в один словокомплекс. В таких случаях сочетание проявляет тенденцию к утрате словоизменения первого компонента и приобретает признаки **сложного слова**. Признак утраты склоняемости первого компонента при определении сложного слова многими учеными признается основным (например, А.И. Смирницким, Т.Н. Молошной и др.). А.А. Потенбня писал о том, что в таких сочетаниях, как *Дунай-реке, Иисус-Христа, Князь-Василья* «постоянный атрибут так сживается с своим определяемым, что образует вместе с ним одно слово. То, что называется несогласованием атрибута, именно его

неизменяемость, есть только признак его соединения с определяемым в одно слово» [9: 105-106].

В качестве основных критериев отнесения подобных субстантивных биномов к сложным словам исследователи называют: 1) морфологическую цельнооформленность, проявляющуюся в несклоняемости первого компонента [8: 90-91;]; 2) структурную оформленность, закрепленный порядок компонентов [1: 3]; 3) «единое ударение (обычно на последней части)» [12: 313]; 4) критерий семантической цельнооформленности сложного слова, а именно то, что «оно хранится в памяти именно как цельная единица, а не синтезируется при говорении из составляющих его элементов» [13: 66]; 5) признак нерегулярности образования [3: 92]. Данный признак, по нашему мнению, следует охарактеризовать как продуктивность образования сложных слов; 6) признак соотносительности со словосочетаниями или образования по аналогии с уже существующими словами [3: 93]; 7) признак неизменяемости лексического значения сложного слова [3: 93].

По морфосинтаксическому статусу СБ с семантико-синтаксическими отношениями зависимости по своим характеристикам стоят ближе к словосочетаниям, поскольку проявляют смысловую зависимость одного компонента от другого, но не являются словосочетаниями в полном смысле, так как не проявляют полной грамматической зависимости компонентов. СБ с семантико-синтаксическими отношениями равноправия занимают положение сочетаний однотипных единиц, входящих в структуру словесного ряда, и характеризуются равноправием компонентов друг по отношению к другу. СБ с вариативным склоняемым / несклоняемым компонентом проявляют тенденцию к перерождению в сложное слово. Такие сочетания занимают переходное положение между сложными словами и СБ семантико-синтаксическими отношениями зависимости или СБ с семантико-синтаксическими отношениями равноправия.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абакшина Г.М. Сложносоставные слова в русском языке (принципы лексикографической кодификации): автор. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 17 с.
- 2.Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. Сложные существительные и сочетания с приложениями как объект орфографического описания // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 57-76.

3. Бобрик Г.А. К определению признаков сложного слова // Филологический сборник. Алма-Ата, 1971. Вып.10. С. 88-93.
4. Грамматика русского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т.2. Синтаксис. Ч.1. 702 с.
5. Кручинина И.Н. Приложение // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 398.
6. Лопатин В.В. Сращение // Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 2008. С. 536.
7. Михайлова М.С. Приложение // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. [Репр. изд.]. С. 378-380.
8. Молошная Т.Н. Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: Наука, 1973. С. 87-104.
9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
10. Русская грамматика. В 2-х тт. М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 709 с.
11. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.
12. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
13. Уоми И.А., Берков В.П. О статусе сложных слов – эквивалентов свободных словосочетаний // Вестник Ленинградского университета, 1984. № 8. Сер. «История, язык, литература». Вып. 2. С. 66-71.

БУДЕНИС Ольга Генриховна (*Гродно, Беларусь*)

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
ogbudenis@rambler.ru

КОМПЛЕКСНАЯ ПАРАДИГМА ОТЫМЕННЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ С БАЗОВЫМ КОМПОНЕНТОМ *ГРАНИЦА*

Аннотация. В статье рассматривается иерархически организованная комплексная парадигма отыменных пространственных предложных сочетаний с базовым компонентом *граница*.

Цель данной статьи – охарактеризовать парадигмы отыменных пространственных предложных сочетаний [2] с базовым компонентом *граница*.

В лексикографических источниках в качестве предлога с указанным базовым компонентом зафиксирована 1 единица – *за границы* чего [4: 127], однако материал, извлеченный методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), дал список из 11 предложных сочетаний:

к границе чего
к границам чего
вне границы чего
вне границ чего
в границы чего
в границах чего
на границах чего
на границах между чем **и** чем
из границ чего
за границы чего
за границами чего

В структурном отношении данные предложные единицы образуют разветвлённую парадигму, в рамках которой по морфологическому критерию можно выделить собственно падежную, предложно-падежную и предложно-падежно-числовую парадигмы.

В пределах собственно падежной парадигмы различаются только падежные словоформы базового компонента. Сразу оговорим, что данный тип парадигмы в предложных сочетаниях не выделяется, поскольку без препозитивного первичного предлога большинство словоформ в качестве предлога не употребляются. Однако представляется важным знать, сколько падежных словоформ базового компонента могут быть втянутыми в поле предлога. Их совокупность и называем собственно падежной парадигмой.

Собственно падежная парадигма с базовым компонентом *граница* представлена двумя разновидностями – совокупностью словоформ в единственном и множественном числе. Первая состоит из 2 словоформ – *границы* (род. пад.) и *границе* (дат.пад.), вторая – из 5 словоформ: *границ* (род. пад.), *границам* (дат. пад.), *границы* (вин. пад.), *границами* (тв. пад.), *границах* (пр. пад.).

Предложно-падежная парадигма формируется за счет падежных словоформ базового компонента и препозитивного первичного предлога. Такая парадигма также представлена в нашем материале двумя разновидностями (в единственном и множественном числе).

Предложно-падежная парадигма в единственном числе состоит из 2 предложных сочетаний:

– **к границе** чего: *Безымянный оркский герой (почти такой же мальчишка как Грым, выбранный, скорее всего, из-за маленьких размеров и веса) сел на узкий стул за баллонами, взял в руку спусковой шнур, грустно улыбнулся, и взвод смертников покати́л тачку к границе видимости* (В. Пелевин; НКРЯ);

– **вне границы** чего: *В принципе, вне границы общины для ее граждан начинается военное положение: «внешний» (echthros) – то же, что и «враг»* (Ф. Ф. Зелинский; НКРЯ).

Предложно-падежная парадигма во множественном числе объединяет 8 предложных сочетаний:

– **из границ** чего: *Но теперь дело выходило из границ шутки: они, вероятно, не ожидали такой развязки* (М. Ю. Лермонтов; НКРЯ);

– **в границы** чего: *Лукавство Джармуша, впрочем, вполне вписывается в границы авторской иронии* (публ.; НКРЯ);

– **в границах** чего: *Сохранив же колхозы, Хрущёв остался в границах сталинской модели аграрного сектора, обрёл себя и свою политику подъёма сельского хозяйства на неудачу* (публ.; НКРЯ);

– **к границам** чего: *Нагрузки в ведущих футбольных командах порой приближаются к границам человеческих возможностей* (публ.; НКРЯ);

– **на границах** чего: *Принципы оформления души суть принципы оформления внутренней жизни извне, из другого сознания; и здесь работа художника протекает на границах внутренней жизни, там, где душа внутренне повёрнута (обращена) вне себя* (М.М. Бахтин; НКРЯ);

– **вне границ** чего: *Определяли число лиц, изменения иммунологических показателей у которых при герпесе глаза находились вне границ нормы для 95% населения региона Урала* (науч.; НКРЯ);

– **за границы** чего: *Анализ и оценка этой старой-новой книги Н.А. Бернштейна выходит далеко за рамки настоящих заметок, да и за границы моей компетенции, хотя она уже стала предметом моего тщательного изучения* (науч.; НКРЯ);

– **за границами** чего: *Никогда иррациональное, лежащее за границами возможностей человеческого познания, не может быть выбрано при помощи рационального* (С.Е. Еремеева; НКРЯ).

Перечисленные выше словоформы в единственном и множественном числе образуют предложно-падежно-числовую парадигму: *к границе чего / к границам чего, вне границы чего / вне границ чего*.

Если каждый член морфологической парадигмы (предложно-падежной и/или предложно-падежно-числовой) образует с постпозитивным первичным предлогом синтагму, то совокупность подобных синтагм формирует морфосинтагматическую парадигму [3].

Среди перечисленных предложных сочетаний с базовым компонентом *граница* не было зафиксировано контекстов с такими синтагмами.

Однако можно говорить о возможности формирования морфосинтагматической парадигмы предложных сочетаний с другими базовыми компонентами. Например, по нашим наблюдениям, предложные сочетания с базовым компонентом *направление* и препозитивным предлогом *по* образуют морфосинтагматическую парадигму, состоящую из 18 членов [1].

Выламывается из системы названных выше парадигм предложное сочетание усложненного типа, в составе которого имеется союз:

– **на границах между** чем **и** чем: *Это, так сказать, отрицательное определение, положительный смысл которого заключается в том, что здесь (как в другом месте, заявляет и сам автор), дело идет о симптомокомплексах, находящихся на границах между душевной болезнью и душевным здоровьем* (П.Б. Ганнушкин; НКРЯ).

То, что союз входит в состав предложного сочетания, не вызывает сомнения, что обусловлено лексическим значением первичного постпозитивного предлога *между*, требующего наличия двух лексических компонентов синтаксемы, формируемой данным предложным сочетанием. И тогда с учетом союза и при наличии нескольких подобных предложных сочетаний, имеющих парадигмы, можно говорить о морфосоюзносинтагматической парадигме.

Таким образом, предложные сочетания с базовым компонентом *граница* образуют в русском языке разветвленную комплексную 11-членную макропарадигму с иерархической структурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буденис О.Г. Парадигма предложных единиц с базовым словом *направление* // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову (к 50-летию научной деятельности в Белоруссии): сб. науч. трудов. Вып. II / редкол.: Г.А. Цыхун (отв. ред.), А.Н. Гордей (зам. отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2014. С.117-125 с.

2. Всеволодова М.В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: URSS, 2014. 304 с.

3. Конюшкевич М.И. Новации в области белорусского предлога (системное, окказиональное, авторское) // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т ; наук. ред. А.П. Загнітко. Донецьк: ДонНУ, 2011. Вип. 22. С. 121–126.

4. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц / В.В. Морковкина и др.; под общ. ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 432 с.

ВАЖЕНИНА Валерия Павловна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ON THE EFFECTIVE COMMUNICATION STRATEGIES OF BRITISH POLITENESS (the Linguistic Aspects)

Abstract. The article dwells on the grammatical and lexical aspects of the British Politeness Communicative Strategies.

The British are reputed to be reserved people having the tendency to retreat into the privacy and sanctuary of their castle-like homes, shut the door, pull up the imaginary drawbridge and avoid all issues. They have their problems of social inhibition, reticence and embarrassment — the lack of ease and skill in social interaction [1: 134].

All this is true enough, but watching the British, one can't help noticing that there are some unofficial codes of conduct that cut across class, age, sex, religion, sub-cultures and other social distinctions. There are unwritten

rules that define the British national identity and character. This identity, as George Orwell maintained, is continuous, it stretches into the future and the past; there is something in it that persists, as in a living creature.

These unwritten rules of social language usage presuppose a certain choice of commonly accepted expressions and politeness formulae. They serve as a basis for politeness strategies of effective communication. Some authors roughly classify them as the strategies aimed at avoiding directness/negativity and the ways of avoiding uncomfortable silence in different settings [2: 8].

There are safe topics that people from all walks of life usually make small talk about. Weather-talk is the best choice; talking career events as long as you are discussing controversial issues, entertainment news, etc.

As far as the linguistic aspects of English politeness strategies are concerned, they refer to grammar when some tense forms, Modals, Oblique Moods and to the grooming vocabulary that are used for the purpose. The communicative goals are to keep up social bonding.

Distancing is aimed at making requests, suggestions, inquiries, etc. sound less direct and therefore more polite. The Indefinite (the Future or the Past) and the Continuous Tenses replacing the corresponding phrases in the Present Indefinite, are also used to this effect. In offers or polite requests the use of the Past Simple helps remove them from the present moment of speech making them less straightforward.

e. g. You must do it. (direct)

I'll have to ask you to do it. (indirect)

How much does it cost? This is 20\$. That's OK. (direct)

How much will it cost? That'll be 20\$. That'll be OK. (indirect)

I think it'll be nice to invite them to the party. (direct)

I thought it would be nice to invite them to the party. (indirect)

Modals are widely used as common formulae of politeness to express requests, offers, inquiries, opinions, criticism, etc.

e. g. I'd say the meeting might have been arranged in a better way.

Verbal structures like a modal verbs of speaking may be used to express politeness in the way of opinion, desire or intention.

e. g. Would you like...?/ I'd prefer.../ I'd like to.../I'd say.../ I'd think.../ I'd sooner...

The Oblique Mood Conditional Clauses, Subjunctive expressions are used for tactful refuses, personal questions and recommendations.

e. g. You'd rather.../ you'd better.../ you'd best.../ If I were you.../ It would be better if.../ If I could possibly help you.../ I'd better not...

To make emotionally coloured utterances sound casual and less direct adverbs, verbs and special fillers are used creating the effect of understatement and overstatement through negation.

e. g. It was more or less out of place.

The news somewhat shocked me.

The adjectives little/few, the verbs fail/lack, the negative adverbs, double negation create the effect of disagreeing, offering, criticism, negative attitude, dislike.

e. g. He's got little idea how computers work.

He's not without pretensions.

I don't suppose you'll support my idea.

Emphasizing and exaggeration are employed as set formulae of politeness aimed at intensifying the expressions of sympathy, refusal, apology, interest, approval making people feel good.

e. g. I really hate to bother you at this early hour but...

To keep the conversation going some softening, generalising, probability or opening phrases are widely used, making the utterances sound less definite and straightforward.

e. g. They say it's not a proper way to treat animals.

Softening questions are used to implicitly ask for information or opinion, to make offers, suggestions, requests, to ask permission or to give some advice.

e. g. Am I right in thinking this is a true story?

Keep-the-conversation-going or keep-the-ball-rolling strategies are aimed at constantly reacting very politely to what you are being said. Short answers are not acceptable; silence might cause embarrassment.

e.g. It's all very amusing, isn't it?

Yes, very. It certainly is.

The talk shouldn't end abruptly; that's why attention signals should be used showing the interlocutor's interest in what is being said and the adequate reaction to it. Reply questions, exclamations, interjections and fillers are used as attention signals or polite reactions.

LITERATURE

1. Kate Fox. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour.* London, 2004. P. 134.
2. Кузьменкова Ю.Б. *ABC's of Effective Communication.* Obninsk. The Titul. M., 2001. С. 8.

ВАЛЕНТИНОВА Ольга Ивановна (*Москва, Россия*)

Российский университет дружбы народов
kaf_yazik_rudn@mail.ru

А.С. ПУШКИН И КРАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛОВА

Аннотация. В статье обсуждаются особенности организации таких контекстов в литературной практике Пушкина, которые, сделав знак условным, изменили самый принцип семантической организации русского литературного языка и стали свидетельством бесповоротного краха средневекового мирозерцания.

В поступательном движении человеческого сознания средневековое мирозерцание постепенно вымещается светским мировосприятием. Формирование нового сознания не может не отразиться на изменении семантической структуры слова. На смену этической цельности древнерусского слова, когда покрытие духовного и плотского содержания одной и той же буквенно-звуковой последовательностью, исключалось, приходит новая эпоха: теперь одним знаком равно покрывается достойное и недостойное, высокое и обыденное. Смысловая трансформация сакрального слова станет точкой невозврата, свидетельством бесповоротной утраты средневекового бытия.

Смысловыразительная стихия нового свойства получит название «современного русского литературного языка», хотя точнее было бы говорить о светском литературном языке, а ее возникновение будет устойчиво связываться с именем «первого русского поэта».

Именно Пушкин создает контексты, разрушающие семантическую структуру высокого слова. Заданное теснотой синтаксических

связей семантическое взаимодействие высокого и низкого осуществляется только в одном направлении: низкое вытесняет высокое. Мера повреждения проясняется только через возможно более полное восстановление первичного высокого понятия. Чтобы оценить масштаб смысловой трансформации, скажем, слова **духовник** в немислимом прежде взаимодействии этого слова с определением **лукавый**, необходимо выйти за границы очерчиваемого толковыми словарями лексического значения этого слова: *‘духовный отец, исповедник, священник, которому исповедуются в грехах своих’* (Даль 1978), *‘священник, принимающий исповедь у кого-либо постоянно’* (Словарь русского языка в 4-х тт. 1985-1988) - и возобновить смыслы понятийного уровня: священник – тот, кто получает в таинстве Священства особую благодать Святого Духа; благодать – Божественная сила, которую Господь посылает человеку для спасения его души и преодоления греховных помыслов; благодать, подаваемая в таинстве Священства, облакает посвящаемого особой духовной властью руководить верующими в исполнении нравственного христианского закона, совершать таинства и далее, и далее, и далее, раскрывая и уточняя каждый возникающий в объяснении смысловой элемент.

Чем полнее мы восстановим содержание высокого понятия, тем осязаемее станут и непрерываемая взаимосвязанность духовных смыслов, и их катастрофическое обрушение, следующее за нарушением привычной для средневековья сочетаемости высокого с высоким.

В лицейском стихотворении 1815 года, которое было написано Пушкиным как ответ на напечатанное Дельвигом в «Российском музее» восторженное послание «Пушкину», выражение **лукавый духовник** – часть перифрастического обращения к другу:

Послушай, муз невинных

Лукавый духовник...

Правда, не Дельвиг и его поэтическое дарование оказывается смысловым центром стихотворения Пушкина, а творческое призвание самого автора. Но оставаясь на смысловой периферии стихотворения, выражение **невинных муз лукавый духовник**, повреждает эпицентр высоких смыслов русского литературного языка, хотя общее значение

этого выражения, обозначающего всего-навсего поэта, лежит, на первый взгляд, вне этики: *‘тот, веселый и игривый, кому вдохновение доверяет свои секреты’*. И все же одушевляющая стихия поэзии порождает не отвлеченные значения, а образы: обретая, в соединении с эпитетом, телесность, музы (*невинные* музы) перестают быть условными, символическими обозначениями вдохновения и искусства. Но не возбуждение переживаний античности становится свидетельством свершившейся глубинной трансформации сознания русского человека, а тот разрыв знака со значением в слове *духовник*, который достигается соединением вырванных из этических противоположностей сущностей – *духовник* и *лукавый*. Предельная мера синтаксической зависимости в согласовании обеспечивает предельную интенсивность смыслового напряжения, которое - при сочетании высокого и низменного – **оборачивается жестко направленной трансформацией высокого слова**: низкое подавляет высокое.

Смыслоразрушающий потенциал синтаксически сильной связи оказывается столь мощным, что высокое слово вовлекается в процесс саморазрушения. **Линейные отношения выводят этически значимые слова за пределы устоявшейся сочетаемости.**

Условия ближайшего контекста таковы, что независимо от того, было ли уже сформировано и усвоено светское значение слова *лукавый* – *‘и сполненный веселого задора, игривости’* (Словарь русского языка в 4-х тт. 1985-1988) или это слово, вызывало прежде всего представления о враге рода человеческого и возбуждало исторически предшествующие значения: *‘хитрый и умышленный, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, притворчивый, двуличный и злонамеренный’* (Даль 1979), в стихотворении Пушкина будет возобновлено этически значимое значение. Без возобновления этически значимого значения слова *лукавый* и высокое значение слова *духовник* не было бы разрушено так бесповоротно. Без синтаксически сильной связи слова *лукавый* со словом *духовник* невозможно было возбудить этически значимое значение слова *лукавый*. Соединение слова *лукавый* с этически нейтральными словами (*лукавый*

взгляд, лукавые глаза...) возобновления этически значимого значения *'коварный, злой'* могло бы и не дать.

Порождаемые поэтом контексты обладают столь мощной смыслоизменяющей силой, что изменяется не только семантическая структура слова в силу формирования в условиях нового контекста новых значений, а самый принцип организации семантической структуры русского слова. **Светское сознание снимает остроту этической оценки:** в производных значениях светское сознание либо редуцирует этическое начало, либо отвлекается от него. **Историческая значимость созданных Пушкиным контекстов определяется не эстетической ценностью возникающей поэтической действительности, а мерой повреждения семантической организации средневекового литературного языка.**

Показателем изменяющегося сознания станет семантическая трансформация не каждого церковнославянского слова, а этически значимого, в котором отражается христианская мысль о различии добра и зла. Критерием выделения таких слов окажется значение, а не внешние, фонетические и морфологические, церковнославянские приметы.

Вхождение в единое пространство создаваемой Пушкиным поэтической действительности образов, восходящих к античности, и образов, связанных с христианской культурой, - лишь условное проявление обмирщенного мировосприятия. Связь этих литературных образов с первообразами одинаково условна, и потому их взаимодействие, оставаясь фактом поэзии, не становится фактом литературного языка. Взятые из разных временных и мировоззренческих пластов истории человечества они равно оказываются и показателями эрудиции автора, и шаблонности художественного мышления.

На изменение семантической организации русского слова окажет влияние не взаимодействие образов на композиционном уровне (музы – духовник), а линейное взаимодействие слов (*лукавый духовник, духовник музы*).

В конечном счете, в творчестве Пушкина будут семантически трансформированы все слова церковнославянского происхождения,

определяющие смысловой центр христианства (имена Божии, именованья таинств, идеи воскресения, покаяния, причащения, спасения, апостольничества...), и с изменившейся семантической структурой эти слова изменяют принцип организации семантической структуры всего литературного языка. Независимо от того, будут ли потом возобновляться в текстах Пушкина или текстах других авторов первичные (сакральные) значения или нет, изменится ли мировоззрение самого автора или сохранится, высокое значение перестанет быть единственным, а станет лишь одним из возможных значений некогда сакрального знака.

В творчестве первого русского поэта окончательно умрет средневековое слово. Разрушение средневекового принципа соотношения формы и содержания приведет к тому, что знак станет условным. Носитель такого языка будет произвольным «носителем» светского сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
2. Словарь русского языка в 4-х тт. М., 1985-1988.

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

ОБОСОБЛЕННЫЙ ИНФИНИТИВ, ПРИМЫКАЮЩИЙ К СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМУ-ПОДЛЕЖАЩЕМУ

Среди обособленных инфинитивных оборотов, примыкающих к существительному, подавляющее большинство связано с существительным, выполняющим в предложении синтаксическую функцию подлежащего.

В проблемах, возникающих при квалификации инфинитива (инфинитивного оборота), одной из самых важных следует признать проблему отграничения конструкции с присубстантивным инфинитивом от сходных конструкций. Анализируя конструкции, грамматически близкие, похожие по составу элементов, стараемся отграничивать настоя-

щие от похожих. Ср.: У них есть решение – умереть вместе: один умрет, другой сопроводит... (А.Солженицын); Умереть вместе – нелепое решение. Совершенно очевидно, что во втором примере инфинитив умереть выполняет синтаксическую функцию подлежащего, а существительное решение является именной частью составного именного сказуемого с нулевой грамматической частью. Похожим представляется и первый пример. Существительное решение в именительном падеже отделено тире от инфинитива умереть. Однако порядок слов, акцентология и особенно наличие глагола есть в значении настоящего времени, несвойственное современным грамматическим признакам составного именного сказуемого, позволяет считать грамматической основой предложения сочетание есть решение. В этом случае инфинитивный оборот умереть вместе выполняет функцию второстепенного члена предложения.

Подобных примеров, где порядок слов проясняет ситуацию, позволяет находить пусть не очень лексически «нагруженное», но все-таки полноценное сказуемое в глаголе есть или в нулевом его проявлении, немало: И был приказ – освободить город Зареченск (А. Злобин) – ср.: Освободить город Зареченск – был приказ; И еще было счастье: высказывать ему свою ревность, свое право на него (И.Бунин) - ср.: Высказывать ему свою ревность было счастье... Искусственность приведенных для сравнения трансформаций становится убедительным аргументом в пользу того, чтобы считать инфинитивный оборот в оригинальных конструкциях второстепенным членом, а не подлежащим.

Если инфинитив в препозиции обособляется от существительного-подлежащего, то есть все основания считать его определением: Дорожить доверием, а значит, дорожить и беззащитностью ребенка – эта педагогическая мудрость должна преисполнить всю нашу работу (В. Сухомлинский); Сходить, оповестить, написать объявление, расклеить плакаты, достать красную материю... – вся эта работа ложилась на Максима (А. Рыбаков).

В приведенных примерах «инфинитив темы» обособлен, его определительная функция актуализирована согласованными определе-

ниями при существительных, выполняющих роль подлежащих. Ср.: эта педагогическая (мудрость), вся эта (работа). Значительно чаще инфинитивный оборот обособляется при существительном-подлежащем в постпозиции: ...Вижу, что передо мной стоит серьезная проблема – быть ли мне вообще на балу (М.Булгаков); В этих краях существовала когда-то самая страшная казнь – привязывать преступника, чаще богоотступника, в тайге – на съедение гнуса (В. Астафьев); Но как быть, если на его долю выпал горький жребий: увидеть недалекий свой предел – как сказал Гюго, «ужасное, черное солнце, лучами насылающее мрак»? (А. Авдеенко); Подполковникам совсем не нравится инициатива нового начальника разведки – посадить в подполковничье кресло старшего лейтенанта (В. Суворов).

Обособленное определение, выраженное инфинитивным оборотом, имеет оттенок пояснения. Выдвижение значения определения при обособлении инфинитива на первый план позволяет и в конструкции с объектным инфинитивом находить значение определения первичным: Наконец пришел секретный телеграфный приказ из Москвы – ни в коем случае флот не возвращать немцам, а потопить его в Новороссийске (К. Паустовский); ...Слух о «комбедах» полз все выше, все дальше и достиг учреждения, откуда и последовал грозный приказ – ликвидировать «комбеды»... (В. Шаламов). Среди условий, позволяющих считать первичным синтаксическое значение определения, основными становятся сразу три, которые было бы справедливо включить в формулировку правила: Отнесенность к существительному, входящему в состав группы конкретных, отнесенность к существительному, выполняющему функцию подлежащего и обособленность инфинитивного оборота. В функции подлежащего только при обособлении инфинитива встречаются существительные, в других условиях с инфинитивом не сочетающиеся. Это существительные дело, казнь, акция, механика и др.: У женщин есть другое дело: любить и утешать тех, которые жертвуют собой за отчизну, – сказал он ей (Л. Толстой); И действительно, задумывалась грандиозная акция – собрать в столице сотни тысяч людей, чтобы продемонстрировать желание образовать свободную, независимую Литву («Комсомольская правда»); Ну а дальше вся

эта абсурдная человеческая механика – обязательно делать неприятности друг другу – постоянно совершенствовалась («Комсомольская правда»). В этих примерах на определительную функцию инфинитивных компонентов накладываются оттенки пояснения, уточнения, оттенков дополнения, кстати весьма незначительный, обнаруживается в возможности замены инфинитива однокоренным существительным: (дело) любви и утешения; (акция) сбора и проч.

Инфинитив (инфинитивный оборот), примыкающий к существительному, выполняющему в предложении роль подлежащего, ярче, чем в других условиях, проявляет определительное значение. Особенно это касается тех случаев, когда при повествовательном порядке слов в предложении функционирует лексически достаточное сказуемое. Кроме модальных существительных, в качестве подлежащего в исследуемой конструкции могут употребляться немодальные и даже конкретные. Инфинитиву в них также в большинстве случаев свойственна роль определения с различными оттенками: назначения, дополнения, обстоятельства цели. В обособленной препозиции инфинитив (инфинитивный оборот) при существительном-подлежащем выполняет функцию дополнения, в обособленном положении – определения с оттенком дополнения. При существительных, с которыми инфинитив образует объектные конструкции, инфинитив – дополнение с оттенком определения. В примерах с объектным инфинитивом синтаксический синкретизм может быть и неразрешимым, если действующие лица не названы или отчетливо не различаются. При обособлении в таких конструкциях на первый план выдвигается атрибутивная функция. При этом могут иметь место оттенки пояснения и уточнения.

ВЕДЕНЕЕВА Мария Александровна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vedeneeva-ma@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ В ПРИСТАВОЧНО-СУФФИКСАЛЬНЫХ И СЛОЖНОСУФФИКСАЛЬНЫХ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Аннотация. Данная статья посвящена описанию особенностей выражения пространственного значения в именах существительных, образованных приставочно-суффиксальным и сложносуффиксальным способами словообразования. Причем автор разграничивает понятия *категория локативности* и *пространственные отношения*.

Категория пространства как одна из категорий когнитивного характера имеет место во многих сферах науки: в философии, литературоведении, психологии, культурологии, искусствоведении и др. Не составляет исключения и лингвистика, где категория пространства рассматривается как одно из самых сложных явлений, до конца не изученное и полностью (исчерпывающе) не описанное.

В последние десятилетия к вопросам категории пространства, или локативности как лингвистического понятия обращались Г.В. Белякова [1], О.Я. Иванова [2], Л.Н. Федосеева [5; 6] и др. Работы посвящены как разноуровневым средствам выражения пространственного значения (лексическим, словообразовательным, морфологическим, синтаксическим), так и функционированию лексем и синтаксем с пространственным (локативным) значением в современном русском языке. Так, Л.Н. Федосеева в своих работах дает систематическое описание категории пространства (локативности) применительно к различным уровням языка. Кроме того, она разграничивает понятия *пространственные отношения* и *категория локативности*. По ее мнению, категория локативности включает в себя пространственные отношения и пространственные обозначения. Под пространственными отношениями Л.Н. Федосеева понимает «соположение в пространстве какого-либо предмета, события, признака, действия и некоторого пространственного ориентира (локума)», т.е. пространства или предмета, «относительного которого определяется местоположение предмета

(события, признака, действия) и характер их взаимоотношений» (*находиться у реки, митинг на площади, высоко в небе*); а под пространственными обозначениями – «название локумов как фрагментов действительности, которые могут быть ориентирами при определении местоположения субъекта или объекта, вместилищем: *река, площадь, небо...*» [5: 114].

В данной статье мы остановимся на особенностях выражения пространственного значения в приставочно-суффиксальных и сложно-суффиксальных именах существительных.

Приставочно-суффиксальные имена существительные образуются в результате одновременного присоединения к производящей основе и префикса и суффикса, которые в своем функциональном единстве представляют собой особый словообразовательный формант – конфикс. «Вторые компоненты конфиксов имен существительных выполняют классификационную роль названия предмета, лица или абстрактного понятия», а также названия места (пространства, территории, помещения и т.п.). «Модификация этих общих значений производится посредством первого компонента конфикса» [7: 251].

Учитывая особенности словообразовательного форманта и, соответственно, особенностей выражения словообразовательного значения приставочно-суффиксальных имен существительных можно выделить следующие группы производных с пространственным значением:

1. Приставочно-суффиксальные имена существительные локативы, обозначающие какое-либо место (пространство, территорию и т.п.) через отношение пространственного характера к тому, что названо мотивирующим словом. Значение места выражается посредством суффиксальной части конфикса, а посредством префиксальной части уточняется его расположение относительно того предмета или места, что названо мотивирующим именем существительным: *над-две[р'-j(э)]* – СЗ 'место, расположенное выше того, что названо мотивирующим именем существительным *дверь*'; *под-небе[с'-j(э)]* – СЗ 'место, расположенное ниже того, что названо мотивирующим именем существительным *небеса*'; *про-сёл-ок* – СЗ 'место, расположенное между теми

одинаковыми предметами (или местами), названными мотивирующим именем существительным *село*'. В качестве мотивирующих могут выступать также имена прилагательные, входящие в составные географические названия: **За-поля**[р'-j(э)] ← *полярный* (*Полярный круг*), **При-азо**[в'-j(э)] ← *азовский* (*Азовское море*). Большинство имен существительных данной группы соотносимы с предложно-падежными сочетаниями «пространственный предлог + имя существительное в косвенном падеже»: *надхвостье – над хвостом, междуречье – между реками, Приэльбрусье – при Эльбрусе*.

2. Приставочно-суффиксальные имена существительные локативы, обозначающие какое-либо место (пространство, территорию и т.п.) через отношение непространственного характера к тому, что названо мотивирующим словом. В именах существительных данной группы посредством суффиксальной части конфикса также выражается значением места, а посредством префиксальной части конкретизируется особенность проявления признака или особенность совершения действия, которые названы мотивирующими словами: **рас-щел-ин**(а) – СЗ 'место, характеризующееся высокой степенью (обилием) проявления качества того, что названо мотивирующим именем существительным *щель*'; **без-дн-о**(а) – СЗ 'место, характеризующееся отсутствием того, что названо мотивирующим именем существительным *дно*'; **за-лыс-ин** – СЗ 'место, характеризующееся приобретением (наличием) признака, названного мотивирующим именем прилагательным *лысый*'; **по-вар-[н'**(а)] – СЗ 'место, предназначенное для многократного совершения действия, названного мотивирующим глаголом *варить*'.

3. Приставочно-суффиксальные имена существительные, не являющиеся локативами и обозначающие лицо, предмет, отвлеченное понятие или другие реалии (кроме названия места) через отношение пространственного характера к тому, что названо мотивирующим словом. Пространственное значение выражается посредством префиксальной части конфикса (уточняется либо местоположением в пространстве, либо направлением), а суффиксальная часть выполняет классификационную роль показатель названия лица, предмета, отвлеченного понятия и т.д. Все имена существительные данной группы со-

относимы с предложно-падежными сочетаниями «пространственный предлог + имя существительное в косвенном падеже». Например: *при-врат-ник* – СЗ ‘лицо, характеризующееся нахождением возле того, рядом с тем, что названо мотивирующим именем существительным *врата*’ (ср., *при вратах*); *на-пульс-ник* – СЗ ‘предмет, расположенный поверх того, что названо мотивирующим именем существительным *пульс*’ (ср., *на пульсе*); *на-уш-ник* – СЗ ‘лицо, характеризующееся совершением какого-либо действия, направленного в сторону того, что названо мотивирующим именем существительным *ухо*’ (ср., *на ухо*).

Подобное наблюдается и среди сложносUFFIXальных имен существительных.

СложносUFFIXальные имена существительные образуются путем объединения двух основ с одновременным присоединением к опорной основе суффикса. Препозитивная основа и суффикс участвуют в едином словообразовательном акте и представляют собой целостную словообразовательную единицу, имеющую подобно конфиксу, прерывистую структуру и, по аналогии с термином *аффиксоид*, заслуживающую название *конфиксоид* [3; 4]. Суффиксальная часть конфиксоида в сложносUFFIXальных именах существительных, подобно суффиксальной части конфикса в приставочно-суффиксальных именах существительных, выполняет классификационную роль названия лица, предмета, места, отвлеченного понятия и т.д., а препозитивный компонент конфиксоид (препозитивная основа), помимо функции мотивирующей базы, подобно префиксальной части в конфикса в приставочно-суффиксальных именах существительных, выполняет функцию конкретизатора общего словообразовательного значения [4].

Можно выделить следующие группы сложносUFFIXальных имен существительных с пространственным значением:

1. СложносUFFIXальные имена существительные локативы, характеризующиеся пространственной семантикой производящих слов. Имена существительные данной группы, как правило, обозначают место, характеризующееся тем пространством (территорией и т.п.), что названо опорной основой, признак которого уточняется препозитивной основой: *лук-о-мо*[р'-j(э)] ← *лука, море*; *мелк-о-сопош-ник* ←

мелкий (*мелкие сопки*), *сопка*; **нов-о-сёл-ок** (*новое село*) ← *новый, село*; **четвер-о-холм-и**[j(э)] ← *четверо, холм* (*четверо холмов*). В качестве мотивирующих могут выступать также основы имени прилагательного и имени существительного, составляющие географические названия: **Средиземн-о-мо**[p'-j(э)] ← *средиземный, море* (*Средиземное море*). Кроме того, к данной группе имен существительных локативов относятся имена существительные, обозначающие место, характеризующееся действием, названным опорной основой, совершаемым по отношению к тому пространству (территории и т.п.), что названо препозитивной основой: **лес-о-сек-ø**(а) ← *лес, сечь* (*сечь лес*).

2. Сложносuffixальные имена существительные локативы, характеризующиеся непространственной семантикой производящих слов. Большинство имен существительных данной группы обозначают место или сооружение, характеризующееся действием или предназначенное для совершения действия, названного опорной основой, по отношению к тому, что названо препозитивной основой: **вод-о-грей-**[н'(а)] ← *вода, греть* (*греть воду*); **порт-о-мой-**[н'(а)] ← *порты, мыть* (*мыть порты*). Также к данной группе относятся имена существительные, обозначающие место (пространство), характеризующееся наличием того (или наличием чего-либо, подобного тому), что названо опорной основой, признак которого конкретизируется препозитивной основой: **пуст-о-шов-к**(а) ← *пустой, шов* (*пустой шов*).

3. Сложносuffixальные имена существительные, не являющиеся локативами, но характеризующиеся пространственной семантикой производящих слов. К данной группе можно отнести имена существительные, обозначающие лица, имеющие отношение к тому пространству (или территории), что названо опорной основой, признак которого конкретизируется препозитивной основой: **цар-е-дво**[p'-э]ц ← *царь, двор* (*двор царя*); **север-о-мо**[p'-э]ц ← *северный, море* (*Северное море*); **одн-о-станич-ник** ← *один, станция* (*одна ('общая') станция*); **ин-о-плане**[т'-а]нин ← *иной, планета* (*иная планета*). Также к данной группе относятся имена существительные, обозначающие лицо или предмет, характеризующиеся действием, названным опорной основой, совершаемым в пределах пространства, названного препозитивной

основой: **мор-е-хо[д'-э]ц** ← *море, ходить (ходить в море / по морю)*; **дом-о-рост-ок** ← *дом, расти (расти дома)*; **езде/ход-ѳ** ← *езде, ходить (ходить везде)*.

Таким образом, особенности выражения пространственного значения в приставочно-суффиксальных и сложноссуффиксальных именах существительных заключается в том, что значение места выражается посредством суффиксальных частей словообразовательных формантов (это имена существительные локативы), а при помощи первых частей словообразовательных формантов (префиксов у приставочно-суффиксальных существительных или препозитивных основ у сложноссуффиксальных имен существительных) выражается те или иные пространственные отношения. У сложноссуффиксальных имен существительных пространственные отношения могут выражаться также опорной основой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: монография. Астрахань, 2007. 170 с.
2. Иванова О.Я. Лингвокультурная специфика словообразовательной категории локативности (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 221 с.
3. Копелиович А.Б. Образование слов со сложными основами: проблема форманта // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы третьей международной конференции. Владимир, 1999. С. 89-91.
4. Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса: монография. Владимир, 2008. 156 с.
5. Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 450 с.
6. Федосеева Л.Н. Пространственные отношения в современном русском языке: семантика и средства выражения: Дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2004. 211 с.
7. Шуба П.П. О компонентах конфикса в русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 249-253.

ВЕЛИЧКО Алла Васильевна (Москва, Россия)

Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
all_velichko@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена вопросу о винительном / родительном падеже прямого объекта при отрицании. Предлагается вариант трактовки характерной для современного языка вариативности этих форм с позиций коммуникативно-прагматического подхода.

Научная парадигма современной лингвистики характеризуется переходом от изучения языка как системы к изучению «языка в действии» и с ориентацией на говорящую личность, которая отразилась в языке во всей своей полноте.

В этой связи представляет интерес рассмотрение тех изменений, которые происходят в языке, в представлении его явлений и определение их связи с изменениями в восприятии человеком окружающего внешнего мира, дальнейшего познания себя в этом мире, своих потребностей, возникающих в процессе жизни в сообществе. Целесообразно обратиться при этом к основополагающим, основным грамматическим категориям, которые образуют систему данного языка и рассмотреть, проследить связь этих «изменяемых» процессов с точки зрения их связи с языковой личностью носителей языка. Известно утверждение, что все, что есть в языке, создано человеком.

Одной из таких интересных и показательных в этом отношении категорий является грамматическая категория отрицания, основополагающая для любого языка и насколько универсальная, настолько же и национально специфическая.

Мы рассмотрим один конкретный смысловой фрагмент общей категории отрицания, а именно случаи, когда в общеотрицательных предложениях отрицание действия, выраженного прямопереходными глаголами, может влиять на форму прямого объекта. Ср.: *Я не получил письмо / Я не получил письма.*

Сложность вопроса о родительном / винительном падеже существительного, обозначающего объект, обусловлена тем, что единая

старая норма, предписывавшая замену формы винительного падежа формой родительного при глаголе с отрицанием (*Он прочитал книгу – Он не прочитал книги*) в современном языке не выдерживается, расшатана, колеблется. См. подробнее историю вопроса [1: 37 – 38]. В современном языке наметилась тенденция варьировать в определенных условиях формы винительного и родительного падежей. Для таких конструкций сложились три возможности в отношении формы объекта: 1. Родительный падеж обязателен (*Не обращай внимания; Я не услышал от неё ни слова*); 2. Винительный падеж обязателен (*Не морочь мне голову; Я не мог запретить ей выполнить свой долг*); 3. Вариативность родительного и винительного падежей (*Я не получил письмо / Я не получил письма*).

Случаи обязательного, невариативного употребления одной из форм не рассматриваются здесь, так как они не отвечают поставленной задаче. См. об этих случаях подробнее [1: 34 – 44], [3], [2: 433 – 446]. Сконцентрируем внимание на наиболее сложной и интересной стороне этого вопроса – на случаях вариативного употребления.

В существующей литературе случаи вариативности объясняются колебанием современной нормы, действием различных факторов грамматического, лексического и стилистического характера: семантика объекта – его определённая / неопределённая; особенности синтаксической конструкции; лексическая семантика имени, называющего объект; наличие средств, усиливающих отрицание; вид глагола; место существительного по отношению к глаголу и др. Сложное взаимодействие этих факторов ещё больше усложняет картину. Поэтому необходимо выявить системность обуславливающих факторов, проследить логику действующего механизма.

Наши рассуждения опираются на необходимость рассмотрения данного вопроса не только с учетом семантико-лингвистических критериев, но и с позиций коммуникативно-прагматического подхода, учитывающего коммуникативные интенции говорящего, ситуацию общения, её концептуализацию говорящим.

Безусловно, совершенно верным является используемый многими авторами принцип выделения одного основного фактора, определяю-

щего выбор формы винительного / родительного падежа. Таковым обычно называют признак 'определенность / неопределенность объекта'. Однако часто только этого критерия бывает недостаточно для объяснения того или иного конкретного случая. Между тем, на наш взгляд, он получает гораздо большую объяснительную силу, если учитываются ещё два момента: первый касается сути основного признака, второй – роли и принципа действия других дополнительных критериев.

Во-первых, необходимо учитывать, что основной признак выбора 'определённость / неопределённость' создаёт оппозицию форм «винительный – родительный падеж», в которой есть маркированный и немаркированный член. Маркированным членом является форма винительного падежа как указывающая на определённый объект. Форма родительного падежа является немаркированной, т. е. не указывающей однозначно на неопределённость объекта; она передаёт не один, а два смысла, поэтому если речь идёт об определённом объекте, предложение с родительным падежом может быть синонимично предложению с формой винительного падежа. Так, в высказывании *Ты говоришь, что писала мне. Но я не получила твое письмо / твоего письма* возможны обе падежные формы, хотя из контекста ясно, что речь идёт об определённом, конкретном письме.

Во-вторых, что касается роли других признаков, влияющих на выбор падежной формы объекта, то их следует расценивать не как усложняющие, а как проясняющие картину выбора, ибо они непосредственно связаны с оппозицией 'определённость / неопределённость', поддерживают её. Так, в предложениях с формой винительного падежа, маркирующей признак 'определённость объекта', нередко используются лексические и структурные средства, указывающие на определённую объект: например, *Я не люблю **Лесную** улицу; Оля не заметила **Лену**; **Эту** выставку не забудешь; Не хвали **свои** подарки; Он не читал **купленную** книгу; Он не решил задачу, которую ему задали.*

С другой стороны, маркированность формы винительного падежа не допускает ее использования в случаях, когда неопределенность объекта ясна и бесспорна. Так, поскольку абстрактные, отвлеченные существительные (*красота, бесстрашие, любовь, радость, доброта*) обо-

значают неопределенность, они не могут употребляться в качестве прямого объекта при глаголе с отрицанием в форме винительного падежа (ср. **Ее лицо не выражало радость*), и тогда используется форма родительного падежа, которая не реагирует на сигнал 'определенность': *Я не встречал такого бескорыстия, отсутствия зависти; Её лицо не предвещало добра.*

В то же время при наличии слов, указывающих на определённую объект, наряду с ожидаемой формой винительного падежа возможна также форма родительного: *Он не получил твоего письма; Он так и не купил этого журнала; Андрей не читал сегодняшней газеты; Я не смотрела этого фильма.* Такое употребление объясняется немаркированностью формы родительного падежа, безразличной к противопоставлению 'определенность /неопределенность'.

Кроме того, поскольку значение определенности в таком случае достаточно полно выражено (форма винительного сама по себе сигнализирует определенность, известность объекта, а лексические показатели (*этот, твой, сегодняшнюю*) дублируют это значение, усиливают его), говорящий предпочитает родительный падеж, чтобы акцентировать с его помощью другие, более актуальные для него моменты. Так, эта форма может придать высказыванию определённый налёт книжности, даже архаичности, тогда как винительный падеж характерен для разговорной и современной речи. Родительный падеж более экспрессивен, категоричен, может передавать субъективно-модальные значения: недоумение, удивление, неудовольствие, огорчение по поводу неосуществившегося действия: *Он не получил твоего письма, как же он мог узнать о твоих проблемах!*

Из изложенного можно сделать следующий вывод. Использование идеи маркированности позволяет объяснить большинство случаев функционирования форм винительного и родительного прямого объекта в отрицательных конструкциях. Первая форма используется для указания на определённый объект, а форма родительного – и при определённом, и при неопределённом объекте.

Относительно использования обеих форм при обозначении определённого объекта можно сказать следующее. Если говорящий хо-

чет подчеркнуть определённую объект, он использует форму винительного падежа, особенно если это современная книжная речь. Если же он не стремится акцентировать определённую объект или считает, что она достаточно четко выражена другими средствами, и хочет реализовать какие-либо другие коммуникативные потребности, он использует форму родительного.

Подводя итог, можно констатировать, что закрепившаяся в языке вариативность формы выражения прямого объекта в анализируемых общеотрицательных предложениях не случайна.

Закрепившаяся вариативность структуры отражает, закрепляет в языке результат нового, более глубокого и более сложного и дифференцированного восприятия современным носителем языка данного фрагмента смысловой категории отрицания. Это позволяет говорящему точнее, глубже выразить свое видение объекта, о котором здесь идет речь, и точнее и полнее выразить свои потребности как коммуниканта и обеспечить возможность адресату точнее и легче понять полученную им информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982 . С. 37-44.
2. Книга о грамматике / Под ред. А.В. Величко. 3-е изд. М.: изд-во Московского университета., 2009. С. 433 – 444.
3. Падучева Е.В. Еще раз о генитиве в отрицательных предложениях // Вопросы языкознания. 2005. № 5.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна (Москва, Россия)

Институт русского языка и культуры Московского государственного университета имени Михаила Васильевича Ломоносова,
Российский университет дружбы народов
yusvlad@rambler.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И БЫТИЯ

Аннотация. В центре внимания настоящей статьи языковое бытие, в котором формируется и развивается национальная языковая личность со свойственным ей миропониманием и отношением к миру. Обосновывается введение металингвистического понятия экзистенциальной картины мира и бытия как отражения личностных представлений о смысле жизни.

Принятие антропоцентрической парадигмы, переключившей внимание лингвистов от анализа языковой системы к рассмотрению

«человека в языке», предполагает изучение языкового бытия, в котором протекало становление и развитие национальной языковой личности. Однако язык как исторически сложившаяся форма бытия нередко остается на обочине лингвистических исследований.

Вместе с тем, язык исконно антропологичен и его лексико-грамматическая система изоморфна как функциональной потребности в выражении мыслей, чувств и переживаемых состояний, так и заключенным в ней ценностно-смысловым представлениям. Аккумулируя накопленный опыт и ценностные представления предшествующих поколений, языковое бытие становится начальной формой личностного существования.

Присваивая «культурно-языковые» картины мира и особенности его языковой концептуализации, человек становится носителем заложенных в них принципов бытия и представлений о смысле жизни, на основе которых в сознании складывается представление о подлинном существовании. Поэтому язык не только объединяет своих носителей, но и формируют уникального человека с только ему свойственным бытием и отношением к миру, к Другому, к самому себе. Таким образом, знаковая природа языка, удваивающего окружающий мир человека, приобретает при обращении к личностному бытию экзистенциальное измерение.

«Сознание в своей непосредственности, – писал А.Н. Леонтьев, – есть открывающаяся субъекту языковая картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [5: 167]. Поэтому, когда в процессе социализации и обучения происходит более глубокое восприятие и осмысление окружающей действительности, себя и Других, у носителя языка возникает «многомерный образ мира, образ реальности» (А.Н. Леонтьев), в котором находят отражение смысложизненные представления. А. Эйнштейн также отметил, что человек дополняет унаследованную с языком картину мира картиной личностно переживаемого бытия, которое ассоциируется у него с «головокружительным круговоротом собственной жизни» [7: 40].

О целесообразности различения картины мира и картины жизни писала и Н.Д. Арутюнова: «В жизненной сфере, события выстраивают-

ся в последовательности, в ней вступают во взаимодействие внутренние (психофизические) и внешние события, задается семантика конкретно событийных имен. Наконец, именно со сферой жизни связана оценка. Оценить – значит включить в сферу жизни. Только к ней применимо понятие идеала. Картина мира и картина жизни написаны разными красками и под разным углом зрения. Для первой остается более важным пространственное, для второй – временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой» [1: 537].

В этой связи примечательна также позиция М.М. Бахтина, считавшего картину мира неполной, поскольку она принципиально не включает в себя человека со свойственным ему отношением к миру. «Картина мира, где все явления строго разграничены и занимают неизменные места (положения) в иерархии. Эта картина мира глубоко субстанциональна. С ней нельзя шутить, она монолитно серьезна. Здесь нет места для пародии и иронии, для пародирующих масок и переодеваний. Здесь всё равно себе самому. Здесь нет дублирований и второго плана. Незыблемость официальной иерархии» [2: 378]. Поэтому в его работах введены также понятия «ценностно-смысловой картины мира» [2: 134] и хронотопа [3: 378], которые отражают «полноту времени» и «полноту бытия» личности или переживание их отсутствия.

Уникальность личностного мировосприятия опосредована укорененными в сознании смысложизненными представлениями, «объемлющими язык изнутри, придающими всему изначальный импульс» [4: 227]. Поэтому экзистенциальное начало в значительно большей степени аккумулирует в себе национально-культурную специфику, чем ее внешние проявления (выбор предмета речи, речевое оформление сообщаемой информации, тональность и регистр высказывания и т. д.), но обнаружить самобытность языковой личности можно лишь в контексте межкультурного взаимодействия.

Присутствие в языковом бытии и в языковой картине мира экзистенциальной составляющей («образа реальности», «картины жизни», «ценностно-смысловой картины мира», «экзистенциальной простран-

ственности») позволяет ввести металингвистическое понятие *экзистенциальной картины мира* как присутствующей в сознании «ленты жизни», в которой находит отражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный представлениями о смысле существования.

Введение понятия, аккумулирующего в себе национально-культурную специфику языковой личности, позволит дополнить антропоцентрическую парадигму экзистенциальной составляющей. В этом контексте примечательна точка зрения Ю.С. Степанова, который считал, что «сущность языка, – в той мере, в какой она вообще может открыться, – открывается не инструментальному, а философскому взгляду» [6: 28]. Поэтому введенное понятие, объединяя в одном исследовательском горизонте представление о существовании и о сущности, может рассматриваться как своего рода ключ, раскрывающий доминантные особенности языка / речи / дискурса, в совокупности составляющих языковое бытие.

В заключение подчеркнем, что обучение родному / неродному / иностранному языку предполагает обращение к экзистенциальной картине мира и бытия его носителей и развитие способности видеть мир глазами других людей и оценивать себя их глазами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. С. 375– 378.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234 – 407.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
5. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251-261.
6. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука в конце 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 7 – 34.
7. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 39–41.

ВЯЗОВИК Татьяна Павловна (Санкт-Петербург, Россия)

Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского
государственного университета технологии и дизайна
samolva@list.ru

СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ НЕОДНОСЛОВНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ «ВОТ ЗАЧЕМ»

Аннотация. Статья посвящена анализу расчлененных сложноподчиненных предложений с отношениями цели в сопоставлении со связанными структурами, в результате которого автор приходит к выводу, что характер обусловленности в расчлененных структурах претерпевает изменения, связанные с особенностями тема-рематического членения и проявления субъективной модальности.

В центре нашего внимания – расчлененные сложноподчиненные конструкции со значением обусловленности, выражающие целевые отношения с указательным неоднословным местоимением «вот зачем» [1] и подчинительным союзом «чтобы». Они синонимичны связанным предложениям. Например: ***Вот зачем** в романе «Смерть Артура» внятно прекрасен диалог: **чтобы** поступки не затмевали побуждений. – В романе «Смерть Артура» внятно прекрасен диалог, **чтобы** поступки не затмевали побуждений.*

Конструктивным компонентом сегментированной структуры является местоимение «вот зачем». Образованное на базе вопросительных местоимений с помощью ударной указательной частицы «вот», оно неизменно рематично, что связано с особенностью его употребления. Разговорным субстратом литературно-письменного употребления таких местоимений являются вопросно-ответные комплексы: – *Что? – Вот что;* – *Где? – Вот где;* – *Зачем? – Вот зачем.* Вопрос, задавая форму ответа, определяет рему ответа. А так как вопросу соответствует указательное местоимение с частицей «вот», то оно всегда рематично.

Будучи указательными местоимениями, местоимения с частицей «вот» выполняют в тексте анафорическую/ катафорическую функции, вмещая соотносимую с ними информацию. Рематичность местоимений наряду с их анафорическими возможностями приводит к тому, что

конструкция, их содержащая, носит ярко выраженный сегментированный (антиципированный) характер: местоимение и соотносимая с ним информация всегда является ремой, в то время как часть, содержащая местоимение, за исключением его самого, темой. Эта сегментированность проявляется не столько в противопоставлении темы и повода, сколько в расчленении последнего, осуществляемом благодаря его обобщенно-указательной семантике [2].

Так, в анализируемых структурах ремой являются в первой части **вот зачем**, а во второй – **чтобы поступки не затмевали побуждений**, а темой – **в романе «Смерть Артура» внятно прекрасен диалог**.

Данные структуры, как и синонимичные с ними связанные предложения, относятся к конструкциям, выражающим значение обусловленности. Из специфика в том, что в таких предложениях соотнесены две ситуации, одна из которых поставлена в обусловленную зависимость от другой. Такого рода предложения, наряду с отношением цели, выражают причинные, условные, уступительные отношения, а также отношения следствия [3: 562]. К основным признакам, определяющим особенности этого значения, относят также ситуативный характер, а именно биситуативность, т.е. наличие двух соотнесенных друг с другом ситуативных выражений [4]. Это означает, что в предложениях данного типа в обеих частях содержится диктальная информация.

Если с этой точки зрения посмотреть на расчлененные структуры, то выясняется, что наряду с диктальной они содержат модальную информацию, которая имплицитна. Это определяется природой местоимений с частицей «вот». Обратимся к примеру:

*Ага, так **вот зачем** все это было — **чтоб** я писал.*

Первая часть такого высказывания содержит скрытую пропозициональную установку, которая эксплицируется предикатами мнения «думаю», «считаю», «полагаю», в связи с чем могла бы иметь такой вид: **Я считаю (думаю, полагаю), что с этой целью все это было...** Значения этих предикатов характеризует некоторая неопределенность, допускающая разную степень уверенности субъекта речи в

истинности установленных отношений: от безусловной уверенности до сомнения в правильности выделенных связей [5: 10].

Однако особенность неизменно рематичных местоимений с частицей «вот» приводит к тому, что, эксплицируя субъективную модальность в высказываниях, их содержащих, мы наряду с пропозициональным предикатом мнения обнаружим и значение, присущее акцентному выделению: **именно с этой целью, а не** — значение подчеркивания, контрастивности [6: 14]. В связи с этим первую часть высказывания с «вот зачем» можно было бы интерпретировать и как «**Я считаю, что именно с этой целью, а не иной** все это было...» В этом случае пропозициональная установка лишена неопределенности и указывает на безусловную уверенность автора в истинности высказывания, что сближает предикаты мнения с предикатами знания.

Но модус в данных высказываниях содержит еще один дополнительный смысл, создаваемый междометиями («ах», «ага») — это значение удивления, когда человек что-то узнал, понял, сообразил: **Ах, вот зачем ты придумал съемку — чтобы меня в пассажиры перевести; Ага, вот зачем все это было — чтоб я писал.**

С точки зрения грамматической междометия имеют «полную синтаксическую обособленность, отсутствие каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи» [7: 68], т.е. не вступают в синтагматические отношения. Вместе с тем они вступают во взаимодействие с создаваемым местоимением «вот зачем» модальным значением, придавая всему высказыванию смысл, который можно эксплицировать следующим образом: **Я только сейчас понял, что именно с этой целью, а не иной ты придумал съемку...** Этот смысл поддерживается препозицией части, содержащей «вот зачем».

Расчлененность структуры оказывает определенное воздействие на характер обусловленности. Остановимся на этом подробнее. Ученые фиксируют тот факт, что целевые отношения в сложноподчиненных предложениях построены на соотносении ситуаций, каждая из которых заключает в себе признак достаточного основания: главная часть сообщает о предпосылке, которая предопределяет, обеспечива-

ет ожидаемое следствие; придаточная часть сообщает о стимуле. Например, в предложении: *Мы купили лилии, чтобы положить их на могилу Рафаэля* передается информация: (покупка лилий оправдана (стимулирована, мотивирована) желанием положить лилии на могилу Рафаэля) и (покупка лилий обеспечивает возможность положить их на могилу Рафаэля). Таким образом, обусловленность в целевых предложениях имеет взаимонаправленный характер [3: 594].

Вместе с тем в расчлененных структурах наряду с взаимонаправленной диктальной информацией в структуре появляется модальная информация, оценивающая это соотнесение ситуаций. Поэтому в таких расчлененных структурах биситуативность сопровождается имплицитной модальной оценкой. Смысл высказываний сдвигается: речь идет не только о взаимообусловленных событиях, но и об оценке этих событий с позиций говорящего. Например, в предложении *Ах, вот зачем нам так много дается – чтобы потерять нашу уникальную малость* для говорящего существенно не только осознание предпосылки (нам так много дается) и стимула (желания потерять нашу уникальную малость), но и субъективной оценки этого соотнесения ситуаций (***Я только сейчас понял, что именно с этой целью, а не иной нам так много дается...***).

На характер обусловленности оказывает влияние и темарематическое членение высказывания. Неизменная рематичность межфразового средства «вот зачем» и кореферентной ему всей придаточной части смещает взаимонаправленный характер двух взаимообусловленных событий в сторону стимула, который является наиболее значимым для говорящего.

Таким образом, в сложноподчиненных предложениях цели расчлененность структуры модифицирует характер отношений: с одной стороны, вводит субъективную модальность в конструкцию, содержащую находящуюся в отношении обусловленности диктальную информацию; с другой – смещает взаимонаправленный характер взаимообусловленных событий, актуализируя стимул, т.е. часть высказывания, содержащего союз «чтобы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязовик Т.П. Лексический статус неоднословных местоимений и их представленность в словарях // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып.2. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С.323-333.
2. Вязовик Т.П. Указательные местоимения, включающие в свой состав частицу ВОТ // Русский язык в школе. 1980. № 1. С.82-86.
3. Русская грамматика: в 2-х т. Т.2. М.: Наука, 1980. С.711.
4. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.:Эдиториал УРСС, 2001. 348 с.
5. Дмитриовская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 6-17.
6. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104 с.
7. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С.34-61.

ГЛИНКА Елена Витальевна (*Минск, Беларусь*)

Минский государственный лингвистический университет
AlenaGlinka@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ: ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И СКРЫТОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию скрытого проявления и специфике выражения категории одушевлённости в лексике русского языка.

Грамматическим отражением жизни является категория одушевлённости. Одушевлённость имеет морфологическое выражение у существительных мужского рода 1 склонения в единственном числе, а также у всех существительных в форме множественного числа в омонимии падежных форм винительного и родительного падежа у одушевлённых существительных и именительного падежа у неодушевлённых: *Вижу стол – вижу брата* (м. р.); *вижу скамьи – вижу свиней* (ж.р.).

При этом категория одушевлённости/неодушевлённости может проявляться как криптокатегория. Под криптокатегорией мы понимаем семантические признаки, не эксплицированные в плане выражения, но являющиеся существенными для понимания заключённого в лексеме смысла и проявляющиеся в сочетаемости данного слова с другими словами в предложении.

Криптоодушевлённость отличается большей произвольностью и разнообразием форм языкового представления, тесно взаимодействуя при этом с другими языковыми категориями, в частности категориями рода и числа. Выделяются специфические аффиксы, служащие для образования одушевлённых существительных мужского и женского рода. Например, с образованием словоформ мужского рода связаны такие суффиксы, как *-ист*, образующий, по данным Грамматического словаря А.А. Зализняка, около 500 одушевлённых существительных (*активист, болгарист* и т.д.). С употреблением суффиксов *-ач* (*ткач, трубач*), *-ец* (*творец, юнец*), *-тель* (*писатель, искатель*) связаны многочисленные случаи омонимии: *лихач/тягач, лжец/торец, учитель/выключатель*. Одушевленные существительные женского рода также оформляются специфическими аффиксами: *-иц-*, *-ниц-* (*работница, жрица*), *-к-* (*машинистка, сиделка*); но и эти аффиксы многозначны и создают омонимичные формы. Так, *гусятница* – это и работница гусиной фермы, и предмет утвари.

Одушевлённость следует понимать гораздо шире. С одушевлённостью тесно связана криптосемантическая форма числа. Существительные *народ, толпа* выражают, наряду с грамматической (*народы, толпы*), и скрытую форму множественности. Криптоодушевлённость, заключенная в данных словах, проявляется через их сочетаемость: *толпа ахнула, народ безмолвствовал*. Подобными свойствами обладают такие существительные, как *персонал, эскадрилья, семья, коллектив, компания* и др., а также лексемы с суффиксом *-ств-*, обозначающие собирательную множественность. Их одушевлённость так же не эксплицирована грамматически: *человечество, казачество, начальство*, словоформы типа *Ваше превосходительство* и др. Но сочетаемость разрешает это противоречие в пользу одушевлённости, например: *человечество столкнулось лицом к лицу; семья любит и ждет* и т.п.

Криптоодушевлённость может быть представлена и в других частях речи. Так, глаголы мысли, чувства, речи обозначают процессы, свойственные человеку или высокоорганизованному животному (*говорить, задуматься, прислушиваться, чувствовать, бояться, пла-*

кать, смеяться и др.). Некоторые прилагательные также не лишены семантики одушевлённости (*трудолюбивый, чадолюбивый; молчаливый, горделивый, доверчивый* и др.) Они мотивированы или вышеперечисленными глаголами, или существительными, называющими или характеризующими человека.

В познании окружающего мира человек опирается на свои ощущения. Поэтому человек склонен объекты окружающего мира отождествлять с собой, наделяя их соответствующими признаками. В языке это представлено метафоризацией, также заключающей в себе криптоодушевлённость: *юла, звоночек, шишка, шляпа, тюфяк; зелёные* (о членах организации), *красно-коричневые* (как политическая характеристика). В результате происходит взаимодействие признаков одушевлённости/неодушевлённости: *Дон Кихот – донкихот – донкихотство*.

Наличие двух признаков – одушевлённости и неодушевлённости – даёт в комбинаторике четыре подсистемы: 1) зона общности одушевлённости и неодушевлённости; 2) специфика одушевлённости; 3) специфика неодушевлённости; 4) отсутствие грамматического выражения одушевлённости.

В подсистему 2 входят одушевлённые существительные, обозначающие людей и животных (*человек, дитя, пёс, муравей* и т.д.). Эти лексемы могут употребляться в разнообразных формах мужского, женского и среднего рода: *мечтатель – мечтательница; белорус – белоруска – белорусочка; начальник – начальница – начальство* и т.п. Среди специфических аффиксов можно выделить суффикс *-ист-*, образующий около 500 одушевлённых существительных, и существительные с *-лог-* (системолог, вулканолог и др.)

В подсистему 3 входят неодушевлённые существительные, обозначающие предметы и явления. Но сюда войдут далеко не все лексемы с отсутствием словарной маркировки одушевлённости. Это связано с тем, что часть словоформ выражает криптоодушевлённость и поэтому должны занимать иную нишу и в системе языка, и в данной классификационной системе.

В подсистеме 1 группируются лексемы, выражающие одновременно и одушевлённость, и неодушевлённость. В языке это может быть представлено несколькими вариантами:

1) Омонимы: *варшавянка* (жительница Варшавы и песня), *дворник* (человек и механизм), *мать и мачеха/мать-и-мачеха*.

2) Переход из одной части речи в другую: *ведущий, любимый*.

3) Метафоризация: *зелёные, белые и красные, сошка, пешка, звоночек, солнышко, звезда, тюфяк (видели нашего тюфяка?)*.

Подсистема 4 содержит слова тех частей речи, которым не свойственна грамматическая категория одушевлённости, но которые, в свою очередь, выражают криптосемантическую одушевлённость.

1) Среди **прилагательных** выделяется около 150 лексем с суффиксом *-лив-*: *молчаливый, трусливый, ворчливый* и т.п., имеющих семантику характерного для человека признака, и около 10 слов обозначают признак неодушевлённого предмета или явления: *дождливый, бурливый* и др. Прилагательные с суффиксом *-чив-* также соотносятся с одушевлённостью: *влюбчивый, улыбчивый, забывчивый* и др. (на фоне *сбивчивый, морозоустойчивый* и др.). Лексемы с компонентом – *любивый*: *жизнелюбивый, свободолюбивый* (29 лексем, соотносимых с одушевлёнными субъектами) и 5 терминов: *тенелюбивый, влаголюбивый, водолюбивый, светлюбивый, сухолюбивый*.

2) **Местоимения**, прежде всего личные 1 и 2 лица, а также *кто, некто, некий, никто, кое-кто*.

3) **Глаголы** с семантикой мыслительных, речевых, эмоциональных и др. процессов, свойственных человеку: *размышлять, фантазировать, хохотать, тосковать, велеть*. Звуки животных: *ворковать, чирикать, рычать, ржать*. При этом безличные глаголы представляют криптонеодушевлённость (*вечереет, смеркается*). Глаголы *болеет* и *болит* семантически разграничиваются лишь криптоодушевлённостью.

4) **Числительные**: отчасти собирательные, а также образованные от числительных существительные *двойня, тройня, троица, двошник, десятник, одиночка*.

5) **Наречия:** *вдвоём, втроём* и т.п. и наречия, характеризующие действия человека: *пристально, искоса, боязливо, всерьёз, шутливо*. Неодушевлённые: *набекрень, ярко, вприкуску* и подобные.

6) **Предлоги** также могут заключать в себе значение скрытой одушевлённости (производные предлоги): *под руководством, под предводительством*.

Таким образом, можно сделать вывод о значительно более широком языковом представлении одушевленности: главным образом, за счет ее скрытого выражения.

ГОЛОВИНА Людмила Ивановна (*Елец, Россия*)

Елецкий государственный университет имени Ивана Алексеевича Бунина
kafedrapno@mail.ru

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД С ИСХОДНЫМИ ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Аннотация. В статье доказывается необходимость работы с комплексными единицами – словообразовательными гнёздами – для более интенсивного обогащения словарного запаса учащихся, необходимость отбора лексики с учётом её употребительности в речи, рассматриваются различные приёмы усвоения групп производной лексики на примере гнезда с исходными словами со значением цвета.

Обогащение словарного запаса школьников является важнейшей задачей в развитии речи. Поиски методов и приёмов более интенсивного обогащения словаря детей приводят к убеждению в том, что в словарной работе учитель должен использовать не набор разных лексем, ничем не объединённых между собой, как это часто приходится наблюдать на уроках русского языка, а брать комплексные единицы и проводить с ними комплексную работу. Такими единицами могут быть словообразовательные гнёзда, в которых слова объединены общностью корня. В гнезде слова расположены в порядке параллельной и последовательной производности. Исходным словом словообразовательного гнезда является непроеизводное слово, в морфемном составе которого содержится только корень и окончание, а у неизменяемых только корень.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова представлено 12621 гнездо родственных слов, содержащих 126690 производных [2: 4]. Следовательно, на каждое непроизводное слово приходится в среднем 10 производных. Отсюда следует, что словарный запас учащихся должен пополняться в основном производной лексикой, а она может эффективно усваиваться только в работе по словообразованию.

Представленная в гнёздах производная лексика образована различными способами, из которых основными являются следующие: префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный, сложение, сложение с суффиксацией.

Работу со словообразовательными гнёздами можно начинать сразу после того, как учащиеся усвоят основные понятия морфемики: корень, однокоренные слова, приставка и суффикс. В современных программах в разделе «Состав слова» все эти понятия даны во втором и третьем классах.

В качестве дополнительного дидактического материала можно использовать «Словообразовательный словарик» для учащихся начальной школы, где в разделе «Семьи слов» представлены некоторые словообразовательные гнёзда и задания по работе с ними [1]. Начав работу с гнёздами в 3 классе, а также продолжив её в четвёртом при изучении и повторении частей речи, учитель подготовит детей к работе по словообразованию в пятом классе на более высокой ступени. Пользуясь «Школьным словообразовательным словарём» А.Н. Тихонова, учитель может брать определённые типы словообразовательных гнёзд, производя их отбор с учётом способностей и уровня подготовленности учеников [3]. Гнёзда можно давать неполные, исключив из них малоупотребительные в речи слова. При отборе слов учителю поможет собственное языковое чутьё, а также «Частотный словарь», в котором представлена употребительность слов в текстах произведений четырёх жанров литературы объёмом в миллион словоупотреблений [4].

В работе со словообразовательным гнездом учащиеся знакомятся с порядком образования и с различными способами образования

слов, что не вызовет затруднений, так как словообразующие морфемы в словах выделены. При выписывании слов из гнезда и обозначении приставок и суффиксов запоминается их правописание. Кроме того, учителю необходимо производную лексику дать в словосочетаниях и предложениях, чтобы дети понаблюдали за её употреблением в речи и сумели составить свои предложения с изученными словами.

Рассмотрим комплексную работу по усвоению производной лексики на примере словообразовательных гнезд, исходными словами в которых являются имена прилагательные со значением цвета. Эти прилагательные делятся по своей структуре на две группы: 1. Непроизводные, являющиеся исходными в словообразовательных гнездах, такие, как *белый, чёрный, красный, синий, зелёный, жёлтый, алый, серый, голубой, бурый, рыжий, оранжевый, тёмный* и др. 2. Производные, в основном образованные от существительных и прилагательных, такие, как *небесный, светлый, лимонный, землистый, морковный, пепельный, изумрудный, лазурный, золотистый, огненный, гранатовый* и др. Они входят в соответствующие словообразовательные гнезда и являются производными 2-й и 3-й ступеней образования. Приведём фрагменты гнезд с прилагательными первой и второй групп:

белый →

бел-еньк-ий → бел-ёш-еньк-ий	роза →	роз-ов-ый → розов-еньк-ий
бел-оват-ый → беловат-еньк-ий		роз-оват-ый → розоват-еньк-ий

Начинать работу со словообразовательными гнездами, исходными в которых являются прилагательные со значением цвета, следует с наиболее употребительных в речи. Среди самых частотных, конечно, прилагательные *белый* и *чёрный*. Частота их употребления составляет 471 и 473 раза среди миллиона словоупотреблений [4]. Далее по убывающей частотности: *красный* с частотой 371, *зелёный* – 216, *синий* – 180, *голубой* – 137, *серый* – 116, *блестящий* – 109. Некоторые прилагательные получили высокую частотность не только за счёт значения цвета, но и за счёт и других значений, часто переносных.

Самыми объёмными по количеству производных являются, как правило, гнезда, исходными в которых являются самые употребительные в речи прилагательные. В гнезде со словом *белый* 87 производных слов, в гнезде со словом *чёрный* – 46 [3]. В рамках данной статьи при-

водить гнезда полностью нет необходимости, так как указанный словарь, изданный 3 раза, есть у специалистов и в библиотеках. Мы ограничимся иллюстрацией отдельных групп слов из гнезда с исходным словом *белый*. Для работы со словообразовательным гнездом можно использовать интерактивную доску, показать гнездо на экране, на плакате, либо раздать учащимся на карточках. В начальных классах можно взять не полное гнездо, а отобрать в нём около 40 более употребительных слов.

Учитель объясняет построение гнезда и даёт учащимся задания. Сначала следует выяснить значение исходного слова – прилагательного *белый*. Это цвет снега, молока, мела. Можно составить словосочетания: *белый снег, белая бумага, белая кожа* и др. Для обогащения словарного запаса следует дать фразеологизмы со словом *белый* и объяснить их значения: *Белые мухи. Белое золото. Белые ночи. Белая олимпиада. Белый свет. Белый танец*. Задания по усвоению производных гнезда могут быть следующими: назвать прилагательные, образованные от слова *белый*, объяснить их значения и обозначить суффиксы. Учащиеся усваивают, что суффикс *-еньк-* добавляет к слову *белый* ласкательное значение, а суффикс *-оват-* уменьшает признак: *беловатый* – немножко белый, *желтоватый* – немножко жёлтый, *сероватый* – немножко серый и т. д.

Следующая группа производных – имена существительные. Поясняются значения слов *белизна, белила, белок¹, белок², бельмо*. Учащиеся обозначают суффиксы и объясняют образование слов. Например: существительное *белизна* образовано от прилагательного *белый* с помощью суффикса *-изн-*. Приводятся другие слова с этим же суффиксом: *желтизна, голубизна, кривизна*. С суффиксальными существительными составляются словосочетания: *белизна снега, цинковые белила, белок яйца, белки глаз, бельмо на глазу* (в прямом и переносном значении), *вытаращивать бельма*.

В парадигме образований от слова *белый* в гнезде приведен ряд сложных слов с первой частью *бело-*. Учащимся задаётся вопрос: кого называют *белобровый, белобокий, белоголовый, белокрылый, белоли-*

ций, белолобий? Ответ должен быть полным и правильным: *белобокый* – это тот, у кого белые бока. Например, *белобокая сорока*.

В работе с глаголами, образованными от прилагательного *белый*, а также с их производными важным является знакомство учащихся со словообразовательными цепочками, в которых представлены префиксальные, суффиксальные и постфиксальные глаголы, а также отглагольные существительные. В цепочках слова расположены в порядке последовательной производности. Например: *бел(ый) – бел-е-ть – белеть-ся – за-белеться; бел(ый) – бел-и-ть – бели-льщик – белиль-щиц-а; бел(ый) – бел-и-ть – под-белить – подбел-ива-ть – подбелива-ни[ж-э]*. Объясняется способ образования каждого слова, выделяются приставки и суффиксы. Учащимся можно предложить работу со словосочетаниями, в которых нужно выделить глаголы с приставками, объяснить их значения: *белеет парус одинокий, что-то вдали забелело (белеется), побелел от страха, побелить стены, выбелить двери белой краской, отбелить бельё отбеливателем, забелить пятно на стене, выбелить комнату*.

Итак, всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что комплексная работа со словообразовательными гнездами способствует интенсивному обогащению словарного запаса учащихся в процессе усвоения семантики, правописания, словообразовательной структуры производной лексики и её употребления в речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курочкина И.В. Учусь правильно образовывать слова: словообразовательный словарь: пособие для учащихся начальной школы. М.: Дрофа, 2005. 144 с.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 тт. Ок. 145000 слов. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 866 с.
3. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка: пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1978. 3-е изд. М.: Культура и традиции, 1996. 576 с.
4. Частотный словарь русского языка. Около 40000 слов / Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

ГОЛУБЕВА Виктория Константиновна (*Минск, Беларусь*)

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной Академии наук Беларуси
golybka377@mail.ru

СИНКРЕТИЧНЫЕ НАРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ СМЫСЛОВОЙ ОБЪЕМНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье на материале лирики Б. Ахмадулиной выявляются контекстуальные условия, которые обеспечивают синкретизм семантики наречий в поэтическом тексте. Показано, что синтагматика наречий нередко приводит к актуализации их потенциальных сем и, как следствие, к смысловой объемности и образности поэтических строк.

Лексико-грамматические свойства наречия, которое М.В. Панов назвал «грамматическим бобылем» [5: 152], обуславливают специфику анализа слов данной категории. При выявлении их функциональной роли в высказывании основной акцент ставится на семантику и синтактику наречных лексем, поскольку именно семантическое разнообразие наречий возмещает их «аморфологию» [4: 544] и во многом обеспечивает разнообразие синтаксических функций адвербиальных лексем в структуре предложения.

Как известно, в поэтическом тексте – сложно организованной и тщательно упорядоченной структуре – синтагматическое взаимовлияние отдельных лексем оказывается особенно мощным и нередко приводит к значительной трансформации семантической структуры лексем.

Семантический потенциал наречия позволяет ему не просто «на один-два порядка “углубить” признаковую структуру предложения» [4: 556], но и существенно модифицировать семантику определяемого слова. Вместе с тем довольно часто в поэтических текстах наблюдается обратный процесс, когда уже не наречие выявляет в определяемой им лексеме семантическую неоднозначность, а такая смысловая разновекторность наречного окружения контекстуально концентрируется в самой наречной лексеме.

Цель данной статьи – выявить контекстуальные условия, при которых наречия, вступая в тесные синтагматические связи с другими

лексемами, проявляют семантический синкретизм и обеспечивают смысловую объемность поэтического текста.

Материал для нашего исследования мы выбирали из лирики Б. Ахмадулиной. Неповторимое изящество слога и изощренность поэтического языка Б. Ахмадулиной предполагают тщательный отбор языковых средств для реализации художественно-эстетических задач автора.

Как отмечает В.В. Бабайцева, «синкретичные образования характеризуются более богатой семантикой, чем ядерные единицы. Совмещение разнородных признаков в переходных явлениях не является простой суммой синтезирующихся свойств. Сплав дифференциальных признаков типичных единиц... обычно сопровождается семантической конденсацией» [2: 241]. Конденсация вызывает смысловое напряжение наречной лексики в контексте, поскольку два и более семантических элемента, объединенных в одном наречии, не существуют автономно, а начинают каузально соотноситься друг с другом, порождая при этом новый смысл. Такая смысловая плотность адвербиальных лексем возникает при совмещении в наречии, с одной стороны, нескольких семантических множителей одного лексико-грамматического разряда, с другой – нескольких сем разных лексико-грамматических разрядов.

Пересечение сем собственно качественных наречий демонстрирует следующий контекст Б. Ахмадулиной: *Играя в смех, в иные времена, / нога ледок **любовно** расколола* (здесь и далее цит. по: [1]). В данном случае наречие может быть истолковано как 'осторожно, слегка' либо 'кокетливо, жеманно' и др.

Смысловая емкость наречной лексики проявляется и в таких поэтических строках: *А мальчуган, причастный чудесам, / несет в ладони семь стеклянных граней, / и отблеск их летит на красный гравий / и **больно** ударяет по глазам.* Наречие *больно* отражает стремление поэта уравновесить и представить во взаимообусловленности физическую и психологическую составляющие единого созданного им образа. В результате в адвербиальной лексеме органично объединяются семантические доли 'ярко, ослепляюще' (передает физическое воздействие) и 'соблазнительно, искушающе' (психологическое воздействие).

Иногда собственно качественный признак наречия осложняется разного рода обстоятельственными оттенками значения. Ср.: 1) *Их [цветы] дарят **празднично** на память* – наречие *празднично* может интерпретироваться в более конкретном плане ('в честь праздника, по случаю праздника' – временная характеристика действия) или обобщенно ('торжественно'); 2) *Мой голос... / лукавящий на каждом «эль» / **невнятно** склонный к заиканью...* – лексема *невнятно* совмещает признак предмета, выраженный посредством причастия *склонный* ('голос невнятный'), с причинным значением ('неизвестно почему склонный к заиканью').

Усложнение семантической структуры наречия может возникать и в ситуации контекстуального столкновения его с другим наречием. Например: *А я иду (сначала **боком**), – / о, **поскорей бы, поскорей!** – / над темным холодом, над бойким / озябшим ходом пескарей*. В данном контексте в наречии *боком* к семе, указывающей на способ совершения действия, добавляется потенциальная сема 'скорость протекания действия'. Это осуществляется за счет имплицитного противопоставления разной скорости движения лирической героини над пропастью. При относительно медленном передвижении его характер оказывается значимым и заметным; с ускорением движения акцент переносится на скорость осуществления действия.

Употребление наречий в слабой позиции – позиции семантического неразличения – приводит в отдельных случаях к наречной энантиосемии: *...Всякий свет погас. / И только кот дремотно-зорким зраком / **разумно** тратил фосфора запас*. Данный контекст допускает прямо противоположные толкования наречной лексемы *разумно*: она может обозначать, с одной стороны, 'щедро расточая свет в темноте', с другой – 'бережно расходуя единственный источник света'.

Одним из факторов, которые обуславливают семантический синкретизм наречия в контексте, является формальное или смысловое отнесение наречия к нескольким лексемам. Например: *...Рыбья **немота** / не есть ли крик, неслышимый, но зримый, / **оранжево** запёкшийся у рта*. В данном случае, несмотря на грамматическую зависимость наречия от одной причастной формы (*запёкшийся*), наречная лексема

семантически коррелирует с обоими причастиями – *запёкшийся* и *зримый*. В результате каждая из данных глагольных форм акцентирует в наречии разные семантические доли. Обозначая цвет, причем яркий, бросающийся в глаза, наречие согласуется по смыслу с причастием *зримый*. Под влиянием же причастия *запёкшийся* у наречия появляется контекстуальная сема ‘степень проявления признака’ (по ассоциации со степенью готовности чего-либо) – ср.: *сильно запёкшийся; запёкшийся до того, что стал оранжевым*.

Как видно, наречие, первичным и основным категориальным значением которого является признак признака, становится удобным языковым средством передачи «межчувственных сопоставлений» [3]. Поэтому введение в поэтический текст наречия в ряде случаев приводит к созданию синестетического образа, как, например, в следующем контексте: *День октября шестнадцатый столь тёпел, / жара в окне столь приторно желта, / что бабочка... / смерть прервала для краткого житья*. Двусенсорный образ возникает в результате метафорического ассоциативного осмысления наречия: через обозначение вкуса передается оттенок цвета, степень его насыщенности (‘слишком насыщенно, чрезмерно ярко’). Более того, наречная лексема сигнализирует о субъективном восприятии ситуации, так как подчеркивает непривычность адъективного признака *желтый* для конкретного субъекта (лирической героини) в определенный временной период (в октябре, когда краски в природе уже не яркие, а более приглушенные). Так, эмоция служит «посредником» в процессе «удвоения» сенсорной чувственности, а «концентрация разных форм чувственного в синестетической метафоре» отвечает требованию искусства представлять человеческое восприятие мира не в разрозненности впечатлений, а в их гармонической целостности [3].

Таким образом, синтагматические связи наречия с другими лексемами в структуре высказывания в полной мере способствуют реализации семантического богатства самих наречных лексем в поэтическом тексте. Синкретизм семантики (совмещение нескольких сем одного/разных лексико-грамматических адвербиальных разрядов) наречия проявляют при семантическом взаимодействии с определяемыми сло-

вами, при со- и противопоставлении с другими наречными лексемами, а также в случаях семантико-грамматической разновекторности наречий, когда возникают нестандартные адвербиальные сочетания, допускающие вариативность и множественность толкования наречной семантики. Под влиянием контекстуальных условий наречия обогащаются целым спектром ассоциативных смыслов, которые служат источником образности и выразительности поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина Б.А. Сочинения: в 3 т. М.: ПАН, 1997.
2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Галеев Б.М. Синестезия в мире метафор. Электронный ресурс: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/sinmet_r.htm#17. Режим доступа: 16.02.2013.
4. Морфология современного русского языка: учеб. для высших учеб. завед. Российской Федерации / С.И. Богданов и др. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 671 с.
5. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.

ГОНЧАРЕНКО Алина Владимировна (*Киев, Украина*)

Институт языковедения имени Александра Афанасьевича Потебни
Национальной Академии наук Украины
alinagon4arenko@yandex.ua

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПОСЛАНИЯ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО ЕПИСКОПА СИМОНА К КИЕВСКОМУ МОНАХУ ПОЛИКАРПУ

Аннотация. В статье рассматривается лингвогеографическое соотношение между отдельными лексемами, характерными для языка Послания Симона, и их употреблением в современных восточнославянских говорах.

Епископ Симон, как свидетельствуют немногочисленные источники (Послание к Поликарпу, древнерусские летописи), изначально был монахом Печерского монастыря в Киеве. В первые годы XIII века он был возведен в сан игумена Владимирского Рождественского монастыря, а в скором времени возглавил владими́ро-суздальскую епископию. Симон был духовником княгини Верхуславы, дочери Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо), и поддерживал дружественные отношения со всей княжеской семьей. Во времена усобиц между наследника-

ми престола он остался на стороне Юрия Всеволодовича, вынужденного уступить первенство брату Константину, и покинул епископию вплоть до времени возвращения первого на владимирский стол.

Занимая высокую степень в церковной иерархии, Симон, как записано в его «Слове о создании церкви Печерской», инициировал возведение храмов в Суздале и Ростове. Однако деятельность епископа не ограничивалась только церковно-политической сферой. В отечественную культуру он вошел также как один из авторов Киево-Печерского патерика.

В 20-е годы XIII в. Симон пишет Послание к Поликарпу, черноризцу Печерскому. Содержание этого письма позволяет говорить о давнем знакомстве между Симоном и Поликарпом. Некоторые ученые, в частности М.А. Викторова, даже предполагали наличие родственных отношений между ними: «По разности лет и положения церковной иерархии, друзьями они не могли быть; не мог быть Поликарп и в послушании у Симона, не мог быть его келейником по той простой причине, что Симон оставил Печерский монастырь прежде, чем Поликарп мог поступить в него. Таким образом, естественно прийти к заключению, что между ними существовали отношения родственные» [2: 18]. Однако большинство исследователей придерживаются мнения только об их духовном родстве. Написанию Послания, по-видимому, предшествовала просьба печерского инока о содействии ему в получении более высокого церковного сана. Симон не одобрил такое стремление Поликарпа и написал обличительное обращение к нему, которое дополнил девятью рассказами о жизни настоящих подвижников церкви.

Симоново послание как один из центральных компонентов Патерика прослеживается во всех редакциях памятника. Придерживаясь точки зрения Ф.П. Филина, отметим, что «лексика в гораздо меньшей степени была видоизменена позднейшими переписчиками, чем морфология и в особенности фонетика первоначального текста древнерусской литературы» [8: 13]. Таким образом, словарный состав текста письма Симона, представленного в поздней второй Кассиановской редакции по изданию Д.И. Абрамовича, условно можно считать близким к исходному. Кроме того, некоторые лексемы древнерусского текста

продолжают свое существование и в настоящее время. Нередко они прослеживаются в современных диалектах.

Характерно, что в речи Симона встречаются лексемы, которые сегодня фиксируются на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества. В частности, обратимся к неизвестному в настоящее время носителям языка существительному *лядвия*.

На локальной территории, близкой к г. Владимиру, встречаются диалектизмы *ля'двѣя* и *лядвѣя* 'бедро, ляжка', 'ягодица' (Костром.) [5, 17: 263]. В Киево-Печерском патерике лексема отмечается лишь один раз в тексте, принадлежащем владимиросуздальскому епископу. Один из монахов Печерского монастыря по имени Вавила «*боляй лядвіами от лѣть многоъ*» [1: 112]. Определение значения выделенного слова в этом контексте усложняется тем, что в древнерусскую эпоху оно могло называть разные понятия: как поясницу, так и почки [7, 2: 98]. При этом первый семантический компонент, как показывают материалы словарей, имел восточнославянскую основу, а второй развился на базе старославянского языка. В пользу первой семы, как кажется, выступает уточнение того, что монах болел «*от лѣть многоъ*». Однако употребление в тексте существительного в форме множественного числа плохо сочетается со значением 'поясница'. При этом семантическое наполнение современных диалектизмов (см. выше) наталкивает на мысль о наличии у слова еще одного варианта значения. Вероятнее всего, оно также могло обозначать ногу или же конкретнее – ее верхнюю часть. Думается, что термин *лядвия* соотносится с праславянским корнем **leg-* и является производным от восточнославянского *ляга* 'нога, бедро' (ср. русск. ляжка). Показательно также и то, что в диалектах номен *ля'га* в этом значении фиксируется на территории, близкой к Владимиро-Суздальской земле (Тул., Новгород., Волог.) [5, 17: 254]. Анализ переводов текста Патерика на современные русский и украинский языки показывает, что российский литературовед Л.А. Дмитриев понимал это слово как общее название ног: *Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах* [3: 497]. В то же время украинская писательница и переводчица И.В. Жиленко трактует его как нижнюю часть ноги – голень: *Був один*

брат, який багато років хворів на гомілки [4: 100], что, по нашему мнению, не совсем соответствует изначальному контексту. Тем более в древнерусском языке существовали специальные наименования для этой части ноги – *лытка* или же *лысто*. Так, в «Слове о смиренном и многотерпеливом Никоне-черноризце», который попал в плен к половцам, Симон, указывая на издевательства над монахом, говорит о том, что «*Половчинь, мнъвь, бъжати хоцеть, и подръза ему лыста, да не убъжить*» [1: 109]. Однако в настоящее время выделенная лексема не встречается ни в литературной, ни в диалектной речи.

Обличая Поликарпа в его нерадивости, Симон отмечает, что «*все пред Богомъ изочтено есть и до мѣдници*» [1: 120]. Сегодня выделенная лексема встречается только на расположенной в пределах бывшего Владимиро-Суздальского княжества диалектной территории в том же значении, что и в древнерусском языке, *медница* ‘медные деньги’ (Костром.) [5, 18: 70]. В литературных русском и украинском языках номен сохранился в форме *медяк*, ср.: ... *перед Богом сочтено все и до последнего медяка* [3: 509]; ... *все перед Богом пороховано є, аж до мідяка* [4: 108].

В «Слове о создании церкви Печерской», написанном Симоном еще до Послания Поликарпу, автор упоминает о варяжском князе Африкане «*иже отбъже от златыа луды*» [1: 1]. Выделенная лексема сохраняется в говорах на территории, когда-то расположенной в восточной части Владимиро-Суздальского княжества, – *лу’да, луда’* ‘верхняя одежда; плащ’ (Нижегород.) [5, 17: 178]. В то же время в украинском языке встречается существительное *луда’н*, обозначающее старинную блестящую ткань, а также сшитую из нее одежду [6, 4: 552]. Между тем при переводе И.В. Жиленко обращается к термину *корзно* ‘старинная верхняя одежда, похожая на плащ’: *Був у землі варязькій князь Африкан, брат Якуна Сліпого, який загубив, тікаючи, золоте корзно* [4: 11]. Л.А. Дмитриев прибегает к лексеме с общей семантикой: *Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который потерял свой золотой плащ* [3: 413].

Таким образом, наличие в современной диалектной лексике параллелей к словарному составу памятников древнерусской книжности

свидетельствует о консервировании в ней информации на разных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом, словообразовательном, синтаксическом, фразеологическом, и, главным образом, историко-грамматическом. Локальная лексика выступает важным источником при установлении лексического фонда древнерусского языка и значительным образом помогает углубить его этимологическое исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Д.І. Києво-Печерський патерик. К.: Час, 1991. 280 с.
2. Викторова М.А. Составители Киево-Печерского патерика и его позднейшая судьба: историко-литературный очерк. Воронеж: Тип. В.А. Гольдштейна, 1871. 39 с.
3. Киево-Печерский патерик / Подг. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1980. С. 413-623, 692-704.
4. Патерик Києво-Печерський / Упорядкувала, адаптувала українською мовою, склала додатки і примітки Ірина Жиленко. Відп. редактор В.М. Колпакова. К.: Видавничий дім «KM Academia», 1998. 348 с.
5. Словарь русских народных говоров. / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1-40. СПб: Наука, 1965-2006.
6. Словник української мови: В 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І.К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970-1980.
7. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН, 1893-1912.
8. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: По материалам летописей. Л., 1949. 288 с.

ГРИШАЕВА Людмила Ивановна (*Воронеж, Россия*)

Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru

МАКРОСИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА И ПОРОЖДЕНИЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ В ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье через анализ диалектики парадигматических и синтагматических свойств компонентов медиатекстов раскрывается механизм порождения новых смыслов в медиадискурсе. Текстогрмматическое описание способов сочленения отдельных текстовых структур (номинативных цепочек) становится основой для осмысления аксиологического потенциала, приобретаемого в дискурсе изначально нейтральными языковыми средствами.

Проблема соотношения парадигматики и синтагматики, казалось бы, давно казавшаяся решенной относительно ряда важных лингвистических задач, на нынешнем витке развития лингвистики становится

вновь значимой. Такая оценка, в конечном счете, основывается на общем понимании парадигматики как одного «из двух аспектов системного изучения языка», определяемого «выделением двух типов отношений между элементами и/или единицами языка – парадигматических и синтагматических» [8: 366], а синтагматики – как «анализ особых – синтагматических – отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [8: 447].

Одним из основных свойств текста – и дискурса тоже – является линейность следования их составляющих, т.е. номинативно-коммуникативных единиц, чрезвычайно чувствительных к влиянию коммуникативно-прагматических и когнитивных параметров, значимых для процесса взаимодействия коммуникантов как носителей культуры (т.е. для дискурса) и для его результата (т.е. для текста). Поэтому очевидно, что вполне правомерно рассматривать названные феномены также в парадигматическом и синтагматическом ракурсах, понимая последние довольно широко.

Приведенные соображения возникают в особенности в случае знакомства с медиатекстами об инокультурной реальности. Так, чтение on-line-публикаций из немецкого журнала «Der Spiegel», сопровождавших предвыборную кампанию российского президента в 2011-2012 гг., убеждает исследователя в парадоксальности воспринимаемых медиатекстов. Ведь после знакомства с разнообразными медиатекстами, порожденными в разных дискурсивных условиях на одну и ту же тему, встает вопрос: как в медиасреде можно языковыми средствами, изначально нейтральными в семантическом, коннотативном, словообразовательном, лексико-стилистическом и грамматико-стилистическом отношении, создавать аксиологически заряженные тексты.

Поиски ответа на поставленный вопрос убеждают, что медиасреда, а также сами тексты, порождаемые в этой среде, пронизаны многочисленными, не очевидными на поверхности, противоречиями (см. подробнее [5, в особенности с. 8-10, 29-35, 256-257]). Особый ин-

терес в этом смысле вызывает то, что во всей совокупности анализируемых медиатекстах абсолютно доминируют средства, специализирующиеся на прямом нейтральном обозначении соответствующих референтов. Вместе с тем общий итог рецепции этих медиатекстов носителями немецкого языка и культуры – негативное отношение к России, ее руководству, а также к выборной кампании и способам ее ведения. Отмеченное противоречие и стало предметом исследования в монографии [5], часть результатов которого представлена в данной статье особо.

Одним из объяснений отмеченного выше парадокса стало сопоставление содержания стереотипов сознания коллективного субъекта носителей немецкой культуры (см. подробнее [5, в особенности с. 168-177, а также 10; 9]), поскольку при восприятии действительности носители языка и культуры обрабатывают сведения о мире с опорой на стереотипы сознания. При восприятии инокультурной действительности особое значение приобретают негативные стереотипы, апелляция к которым, с одной стороны, облегчает субъекту познания и коммуникации осмысливать поступающие в его мозг сведения. Такая апелляция не может не исказить результаты концептуализации и категоризации сведений о мире, поскольку структура комплексов сведений в разных культурах не является тождественной. Концептуализация сведений об инокультурной действительности с опорой на образцы категоризации, значимые в «своей» культуре, с высокой степенью вероятности способствует конструированию аксиологического фона при рецепции и обработке сведений об инокультурной реальности (см. подробнее о конфликтах оценок в межкультурной коммуникации в [7; 10; 2; 3; 9; и мн. др.]).

В данной статье стоит особо обратить внимание на роль средств обозначения противников и соперников В.В. Путина в период президентской кампании, поскольку, как показал подробный анализ (см. [5: 122-184]), аксиологический потенциал цепочки «Противники Путина» иррадирует на другие цепочки, значимые для семантической и синтаксической организации каждого текста в отдельности и всей их совокупности за более чем полгода в целом, во многом предопределяет

названный выше эффект от рецепции медиатекстов (см. [5, в особенности с. 185-235, 236-249]).

Референт «Противники Путина», вне всякого сомнения, чрезвычайно значим для семантической организации текста, поскольку речь идёт о выборах. Следовательно, в соответствующих медиатекстах обязательно должны присутствовать сведения о кандидатах, их программах, их действиях для достижения своей цели, а также их реакции на действия других участников кампании и о реакции общества на ход кампании. Номинативные цепочки, складывающиеся из разнообразных и разноуровневых обозначений одного и того же референта, изучаются как по задействованным механизмам вербализации (стилистическим, морфологическим, синтаксическим, словообразовательным, лексико-семантическим и др.), так и по соотношению способов вербализации в пределах совокупности кореферентных обозначений. Это позволяет получить, как очевидно, разнообразные сведения о характере концептуализации воспринимаемых инокультурным адресантом текстов сведений, а также об ожиданиях реципиента того, какими должны были бы быть соответствующие тексты. Сказанное справедливо как для обозначения Путина (см. результаты анализа этой номинативной цепочки в [5: 126-136]), выборов (см. подробнее в [5: 177-184]), так и других элементов выборной кампании.

Анализ структуры совокупной номинативной цепочки «Противники и соперники Путина» по всем изученным текстам показал, что в ней абсолютно доминируют, во-первых, имена существительные разных семантических классов и группы существительных разной структуры, например: *die russische Opposition – landesweit Zehntausende Demonstranten – der oppositionelle russische Blogger Alexej Nawalny – Putin-Rivale Michail Chodorkowski – Rechtspopulist Wladimir Schirinowski sowie Sergej Mironow von der linkskonservativen Partei „Gerechtes Russland“ – seine (=Г. Явлинский) liberale Jabloko-Partei – die Massendemonstrationen vom Dezember* и мн. др. Во-вторых, «звенья» этой номинативной цепочки нередко обозначаются единицами оценочной семантики (см. примеры ниже).

В обсуждаемом контексте интересно обратить внимание на соотношение в структуре номинативных цепочек местоимений, с одной стороны, и существительных/групп существительных разной структуры, с другой (см. подробный анализ в [5, особенно с. 236-249, 290-295]). Практически полное отсутствие местоимений в структуре изучаемой номинативной цепочки вступает в откровенное противоречие с закономерностями организации текста, выявленными еще в начале становления теории текста. Удовлетворительно объяснить это можно, учитывая сущность медиатекстов, условия, в которых эти тексты порождаются, а также параметры, так или иначе касающиеся особенностей коллективной идентичности коллективного реципиента анализируемых медиатекстов как носителей определенной культуры.

Во-первых, следует иметь в виду, что анализируются медиатексты, порожденные для компьютерно-опосредованной коммуникации (on-line-версия) и являющиеся, что очевидно из способов их оформления и среды бытования, частями своего рода гипертекста, с которым отдельные реципиенты, естественно, обходятся по-разному. Поэтому, по всей видимости, адресант и стремится обозначать референты контекстуально максимально независимо, так как потенциально эти медиатексты не обязательно воспринимать в строгой последовательности, предопределённой либо журналистом, либо редакцией издания. Проминализация же контекстуально зависима и значительно осложняет рецепцию медиатекста, в особенности при «сканировании» его содержания.

Во-вторых, нельзя пренебрегать закономерностями социопсихологического и культурно антропологического характера, поскольку адресат этих текстов – немецкий реципиент, который, как правило, имеет весьма смутное – за очень редким исключением – представление о конкретных российских политических персонажах. Отсюда и стремление адресанта предоставить ему, реципиенту, довольно полные сведения, необходимые для осмысления сведений об инокультурной действительности на определённом этапе развития предвыборной кампании. Эту задачу адресант решает с помощью существительных и/или групп существительных с весьма разнообразной структурой.

В-третьих, структура группы существительного предоставляет адресанту возможностью минимумом языковых средств сообщить максимум информации, поскольку группы существительного являются вторичным средством обозначения пропозиции и, встраиваясь в другую, синтаксически самостоятельную, структуру, содержательно, будучи равнозначными пропозиции, обогащают текст в целом.

В-четвертых, структура группы существительного позволяет тонко дифференцировать комплекс активизируемых сведений, одновременно сообщая, например, не только об актуальной политической позиции и/или функции обсуждаемого лица, но и о его действиях в прошлом: *Ex-Vize-Regierungschef Boris Nemzow*, или же об отношении адресанта к действиям того или иного персонажа политической сцены: *schmutzige Medien-Kampagne gegen die Opposition*.

Характерно, что обозначения разных референтов многократно повторяются как в одном медиатексте, так и в разных текстах, что справедливо для всех этапов предвыборной кампании. Объяснить это, по всей видимости, можно особенностями бытования текстов в компьютерно-опосредованной коммуникации, принципами организации гипертекстов (как в классической интерпретации, так и в приложении соответствующих представлений к совокупности медиатекстов, сообщающих об одном медиасобытии), а также ролью повторов в пропаганде и в синтаксической организации любого текста.

В анализируемой номинативной цепочке весьма частотны сложные слова, что, с одной стороны, можно объяснить тенденциями, общими для германского словообразования в целом и немецкого словообразования в частности, а с другой стороны, возможностями таких языковых средств служить языковой экономии и их способностью к разнообразному профилированию одного и того же комплекса активизируемых ими сведений; ср., например: *Politrebell*en – *Putin-Gegner* – *Kreml-Gegner* и мн. др.

Весьма частотны также новообразования типа *Anti-Putin-Rede* – *Putin-Kritiker* – *putinhörig* и др., т.е. новообразования с компонентом *Putin-*. На фоне тоже не менее частотных способов обозначения того же референта типа *die Gegner Wladimir Putins* – *ein erbitterter Gegner*

von *Wladimir Putin* закономерно обратить внимание на весьма сложное и отнюдь не однозначное соотношение когнитивной фигуры и когнитивного фона. В каждом отдельном случае В.В. Путин и его позиция являются, с одной стороны, когнитивным фоном, на котором профилируются сведения об оппозиции и конкретных оппозиционерах. С другой стороны, в совокупности медиатекстов, сообщающих о событии «Выборы российского президента» в целом, уже В.В. Путин становится когнитивной фигурой, которая получает дополнительные характеристики через поступки других участников предвыборной кампании, сведения о которых являются когнитивным фоном для профилирования комплекса сведений о такой политической фигуре, как В.В. Путин, ср.: *Demokraten und Andersdenkende gegen die Kritiker des Immer-wieder Präsidenten*.

Интересны в этом контексте также и другие звенья анализируемой номинативной цепочки, которыми протестное движение характеризуется не так и лестно, с одной стороны, и противопоставляется большинству населения, с другой, например, *eine Handvoll außerparlamentarischer Oppositioneller* – *Freunde unserer Freunde* – *Verwandte und Bekannte* – *ein zufällig gemixter Cocktail* – *viele linke Spontis* – *unser liberaler prowestlicher Rebell* – *die Liberalen* – *die meisten Intellektuellen*.

Сказанное выше справедливо по отношению к разным объектам номинации, которые в анализируемой совокупности средств можно распределить по нескольким подгруппам, опираясь на субкатегориальные признаки, и которые в обсуждаемом контексте представляют собой референты с разнообразными характеристиками (см. подробный анализ в [6; а также 5]).

Анализ средств обозначения обращает внимание на довольно значительное число лексических единиц, содержащих оценочную сему в семантической структуре своей лексемы, либо позитивно/негативно коннотированных единиц, коннотация которых или заложена уже системно, или проецируется контекстом (стоит в этой связи обратить внимание на диалектику парадигматических и синтагматических свойств анализируемых единиц): *das Wohl der Putinkritischen Demonstranten* – *Hochburg seiner Gegner* – *der Anti-Korruptions-Aktivist* – *Massenproteste*

gegen Wahlfälschungen – prominente Putin-Gegner – radikale Oppositionelle и мн. др.

Наличие аксиологически заряженных языковых средств в структуре описываемой номинативной цепочки весьма значимо для организации текста, поскольку такие единицы проецируют свой позитивный/негативный заряд на «ближний» и «дальний» (кон)текст в целом и становятся тем самым мощным средством конструирования аксиологического фона (см. об этом подробнее [2]), на котором и доминирующие нейтральные языковые средства воспринимаются как несущие определённый – преимущественно негативный – аксиологический заряд; ср. способы именованья М. Ходорковского, именуемого последовательным противником В. Путина: *der Kremlkritiker Chodorkowski – gegen den inhaftierten Putin-Kritiker Michail Chodorkowski – einer der einflussreichsten Geschäftsmänner Russlands*.

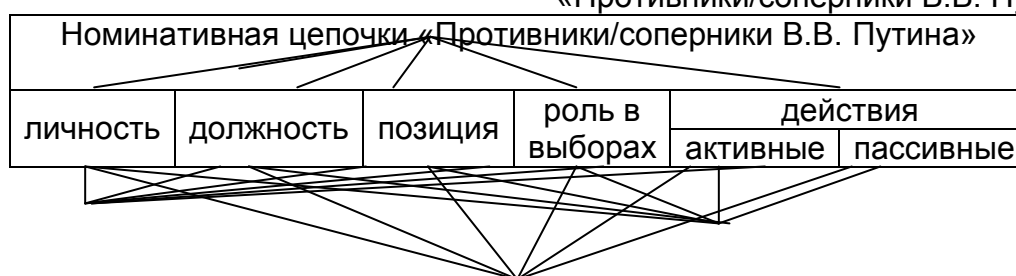
С помощью описанных выше языковых средств реализуются разнообразные номинативные стратегии, которыми решаются разные когнитивные и номинативные задачи (см. подробнее также [5; 6]). Критериями разграничения отдельных номинативных стратегий являются характер решаемой в контексте номинативной задачи, особенности лексической семантики языкового средства, первичность/вторичность значения и др.,¹ а также тип референта и характер ментальной категории, под которую подводится то или иное обозначение. Следует подчеркнуть, что описываемые языковые средства преимущественно используются для решения одновременно нескольких номинативных задач: характеризую, именовать или, описывая, оценить и т.д. Анализ показал, что для обозначения референта «Противники Путина» реализованы такие номинативные стратегии, как стратегии прямой, косвенной, аксиологической идентификации, генерализации, сгущения негативных смыслов, дескрипции и др. (см. подробнее [5; 6]).

Схематичное (см. ниже схему 1) обобщение вклада анализируемой номинативной цепочки в когерентность отдельного текста и гипертекста в целом показывает особую роль сведений о личности и её ак-

¹ О критериях отграничения отдельных номинативных стратегий и об их сущности см. подробнее [1: 58-90; 4].

тивных действиях в организации как отдельного текста, так и гипертекста. (См. схематичное представление разного вклада изученных номинативных цепочек в семантическую и синтаксическую организацию медиатекстов в [5].) Об этом свидетельствует в проанализированной цепочке и доминирование обозначений характеристик противников и соперников В.В. Путина, сведения о которых чаще всего категоризируются аксиологически и воздействие которых на аксиологический потенциал других номинативных цепочек очевиден.

Схема 1. Структура номинативной цепочки «Противники/соперники В.В. Путина».

Чрезвычайно интересным в текстограмматическом отношении является способ сочленения двух номинативных цепочек, основополагающих в текстосемантическом плане – цепочка «Путин» и цепочка «Соперники и противники Путина». Обе цепочки многократно соединяются звеном «Путин», вербализуемым разными способами, а также звеньями «Кремль», «Правительство», «Выборы». В ряде случаев это сочленение осуществляется одновременно несколькими способами: *Proteste gegen Putins Regierung – eine Serie von Protesten gegen die Regierung von Ministerpräsident Putin*. Это показывает плотность внутритекстовых связей, выявляемых по самым разным основаниям. В медиапространстве это оказывается чрезвычайно эффективным средством потенцирования аксиологического заряда, переносимого с одной цепочки на другую, с одного её звена на другие, с одного текста на другие. Следствием такого положения дел становится закрепление представлений об инокультурной реальности, бытующих в конкретной культуре относительно страны в целом, его правительства, ценностных ориентаций носителей иной культуры, с одной стороны, и ценностных ориентаций «своей» культуры, с другой.

Косвенно сочленение названных цепочек происходит и через звенья типа *seinem unterlegenen Gegenkandidaten – mit echter Opposition – schwache Gegenkandidaten – schmutzige Medien-Kampagnen gegen die Opposition*, а также *manipulierte Präsidentenwahl*, т.е. через разнообразные дополнительные характеристики, сообщаемые в дискурсе атрибутами разной этиологии к разнородным объектам внеязыковой действительности.

Таким образом, очевидно, что с помощью текстограмматического анализа можно продемонстрировать, как в дискурсе порождаются новые смыслы, потенциально не только не заложенные в лексико-семантических, грамматических, стилистических свойствах разноуровневых языковых средств, но и в ряде случаев противоречащие этим свойствам вместе взятым или некоторым из них. Кроме того, такой анализ также объясняет вероятное и порой наблюдаемое на практике противоречие между принципиально разными результатами рецепции одного и того же медиатекста единичным и коллективным субъектом, с одной стороны, единичными субъектами с разной личностной и одинаковой коллективной идентичностью, с другой.

Очевидно, что лингвистический анализ структуры некоторой номинативной цепочки, составленной из кореферентных обозначений, позволяет понять, на первый взгляд, неразрешимый парадокс изучаемых медиатекстов: как нейтральными в семантическом и стилистическом отношении языковыми средствами конструируется негативный аксиологический фон, на котором информирование становится оценкой, а сообщение о событии – манипулированием индивидуальным и коллективным сознанием, в ходе которого переструктурируется комплекс сведений о мире в желаемом адресанту направлении.

Следовательно, без учета диалектики парадигматических и синтагматических свойств тех или иных языковых средств в предельно общем контексте (тексте и дискурсе) на сегодняшнем этапе развития лингвистических исследований, пожалуй, крайне проблематично объяснить, как в дискурсе порождаются новые смыслы, которые потенциально могут быть зафиксированы в отдельных текстах, в коммуникативной практике носителей языка и культуры, а также потенциально

конвенциализированы и даже – в отдельных случаях – грамматикали-
зированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева Л.И. Дискурс как реализация когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий коммуникантов // Л.И. Гришаева, Е.Н. Катанова, О.В. Кашкина, М.А. Бойко. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: коллективная монография. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. С. 58-90.
2. Гришаева Л.И. Средства и способы создания аксиологического контекста // Медиатекст: стратегии – функции – стиль. Орел: ООО Горизонт, 2010. С. 80 – 100.
3. Гришаева Л.И. Конфликт оценок в межкультурной коммуникации // Культура как текст. Вып. 11. М.: ИЯ РАН, Смоленск: СГУ, 2012. С. 114- 123.
4. Гришаева Л.И. Номинативные стратегии как инструмент анализа речемыслительной деятельности коммуникантов // Актуальные проблемы современного языкознания и лингводидактики. Сборник научных трудов памяти Н.М. Малкиной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. С. 43-57.
5. Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014а. 295 с.
6. Гришаева Л.И. Когнитивные фильтры и способы конструирования аксиологического фона языковыми средствами // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 11. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014б. С. 61-80.
7. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Изд. 5. М.: Издательский центр «Academia», 2008. 352 с.
8. ЛЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
9. Мануковский М.В. Стереотипы сознания в межкультурной коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2005. 100 с.
10. Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации : коллективная монография под общ. ред. Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой. Воронеж: ВГУ, 2005. 391 с.

ДАНИЛИНА Наталия Ивановна (*Саратов, Россия*)

Саратовский государственный медицинский университет
имени Василия Ивановича Разумовского
Danilina_ni@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО И ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО КРИТЕРИЕВ В ОЦЕНКЕ СИСТЕМНОГО СТАТУСА МОРФЕМ ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Анализ синтагматических и парадигматических связей греко-латинских структурных элементов в составе лингвистических и медицинских терминов позволяет получить их адекватные трактовки в терминах морфемики. Статус терминоположения может быть приписан некоторым радикалам и морфемными комплексами со специфическими значениями.

Пополнение морфемного фонда русского языка греко-латинскими элементами не раз становилось предметом исследований. Явления данной сферы рассматриваются специалистами двух отрас-

лей: дериватологами и терминологами. Дериватологов интересует преимущественно морфемный статус отдельных изучаемых элементов (корень–аффиксоид–аффикс) [4; 7], часто анализ ведется в сопоставлении с переходными морфемами исконного происхождения [7]. Терминологи, напротив, успешно рассматривают многие конкретные модели словообразования на базе греко-латинских структурных элементов, но проблема морфемного статуса каждого из формантов не разрабатывается подробно [1; 2]. «Латино-греческие компоненты в искусственно созданных терминах» имеют «структурное выделение, противопоставленное нормальному членению слов естественного языка», «то, что мы получаем в результате такого членения, не поддаётся ясному морфологическому определению» [6: 102, 104]. Специфика рассматриваемых компонентов закрепляется в особом термине – «терминоэлемент». Нам представляется, что в лингвистическом осмыслении терминологического материала есть место как понятию переходной морфемы, так и понятию терминоэлемента, а та или иная интерпретация греко-латинского этимона зависит от комплекса факторов. Объектом нашего анализа стали две терминосистемы: лингвистики и клинической медицины.

Синтагматический фактор позволяет выделить элементы греко-латинского происхождения, являющиеся с точки зрения морфемного членения безусловными корнями, свободными или связанными. Такие элементы способны быть в слове единственными носителями вещественного значения и сочетаться с приставками и суффиксами, имеющими отчетливо выраженное деривационное значение, ср. [7]. Примеры: *перфект* → *перфективация*, *акцент* → *акцентный*, *-фон-* → *фонация*, *апофония*, *тон* → *тоновый*, *метатония*, *-фикс* → *префикс*, *постфикс*. Они могут становиться вершинами терминогнёзд, включающих дериваты нескольких ступеней словообразования. Например, в гнезде радикаоида **-фон-**43 производных 1 – 4 ступени (*фонема* → *морфонема* → *морфонология* → *морфонологический*); в гнезде термина **перфект** 9 производных 1 – 3 ступени (*имперфект* → *имперфективация* → *имперфектив*). Вопрос о возможности и целесообразности признания подобных корней и радикаоилов терминоэлементами

должен решаться, по нашему мнению, с учетом парадигматического фактора: способна ли данная морфема стать базисом продуктивного словообразовательного ряда. Из приведенных примеров только радикал **-фикс** удовлетворяет данному условию. Он образует 8 префиксальных производных 1 степени, часть которых не имеет латинских соответствий-прилагательных (*префикс*, *трансфикс*) и производящих глаголов (*постфикс*, *интерфикс*), присоединяет префиксы только пространственного значения и обладает отчетливо выраженным терминологическим значением 'морфема с нелексическим типом значения', которое не совпадает к тому же с семантикой корня в языке-источнике (лат. *figo* 'скреплять'). Другие примеры корней и радикалов, являющихся и не являющихся терминоэлементами (см. в нашей статье [3]).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об общенаучных корнях **-лог-** и **-граф-**, которые часто можно встретить в списках суффиксоидов [2]. То, что данные элементы являются связанными корнями, доказывается возможностью их употребления в качестве единственных носителей вещественного значения в составе слова: *дисграфия* 'общее название расстройств письма', *логика*, *диалог*. Анализ синтагматики показывает, что в составе сложений данные корни могут занимать различные позиции, а анализ семантики свидетельствует о том, что в каждой из позиций они обладают собственными терминологическими значениями.

Так, в медицинской терминосистеме корень **-граф-** в начальной и срединной позиции означает 'относящийся к письму' (*графомания*, *дермографизм*), тогда как в конечной – 'прибор для графической регистрации параметров' (*гемодромограф*). Однако следует принять во внимание и парадигматический фактор – соотнесенность с терминами на **-графия** 'процесс графической регистрации или рентгенологическое обследование' (*кардиография*, *одонтография*) и **-грамма** 'результат графической регистрации или рентгеновский снимок' (*кардиограмма*, *одотнограмма*). В этом случае конечная позиция корня представляется относительной, а словообразующим формантом со значением *nomeninstrumenti* следует считать нулевой суффикс и усечение

финали **-и(я)**. Такую же словообразовательную семантику ('процесс'→'прибор') можно видеть и в паре **-скопия / -скоп** (*гастроскопия / гастроскоп*). Показательно, что и в других терминологиях, и в общеупотребительном языке названия приборов с конечным греческим компонентом оформляются бессуффиксально (*телефон, термометр, камертон*) [5: 245]. Поскольку названные соотносительные ряды в терминологии весьма продуктивны, а семантика морфемных комплексов **-графия, -грамма** и **-граф** в значительной мере фразеологизирована относительно семантики своих составляющих, данные комплексы могут быть названы терминологическими элементами.

Корень **-лог-** в начальной и срединной позиции в медицинской терминологии имеет значение 'речь' (*логопедия*), в искусственных терминах других наук – 'слово' (*логограмма, неологизм, логотип*), тогда как древние философские термины (*логика, силлогизм*) сохраняют и другие значения данного корня ('собирать, считать, обдумывать, рассуждать'). В конечной позиции выделяется соотносительная пара **-логия / -лог** со значениями 'отрасль науки / специалист' (*кардиология / кардиолог, диалектология / диалектолог, биология / биолог*). В этом случае, подобно предыдущему, словообразовательное значение *nominaagentis* следует приписать, по нашему мнению, нулевой суффиксации и усечению процессуальной финали. Аналогичный способ образования *nominaagentis* наблюдается и в названиях специалистов отраслей науки с другими финалями: *математика*→ *математик*, *литературоведение*→ *литературовед*, *география*→ *географ*. Оформление *nominaagentis* способом нулевой суффиксации с возможным усечением производящей основы характерно и для других компонентов греческого происхождения (*библиофил, женофоб*) [5: 245], а также для исконно русских образований (*сторож*) [5: 221]. В терминологии есть также несколько слов на **-логия** (*гапология, тавтология, антология, аналогия*) и на **-лог** (*монолог, диалог, полилог*), не входящих в указанный тип соотносительного словообразования. В них радикал **-лог-** имеет значение 'речь'. Таким образом, греческий словообразовательный элемент **-лог-** в большинстве случаев своего употребления выступает как связанный корень с вещественным значением

‘речь, слово’. Члены соотносительной пары **-логия** / **-лог** ‘отрасль науки / специалист’ могут быть названы терминологическими элементами, т.к. формируют продуктивные словообразовательные ряды с четким вещественным и деривационным значением, а семантика корня претерпевает существенный сдвиг в сравнении с этимологической и в сравнении с семантикой корня в инопозиционном употреблении.

В оценке статуса заимствованных корней с фиксированной позицией в структуре слова (т.е. выделенных по синтагматическому критерию) дериватологи опираются обычно на семантические и количественные критерии. Мы полагаем, что в данном случае эффективными могут оказаться и критерии парадигматические. Например, в составе медицинских терминов препозитивные элементы **поли-** ‘сверх нормы’ и **олиг-** ‘недостаточное количество’ по характеру своих парадигматических связей стоят ближе к приставкам, чем к корням, поэтому могут быть описаны как префиксоиды. Так, слова с данными компонентами могут иметь дублиеты и антонимы с приставками: *полидактилия* = *гипердактилия* ‘многопалость’ – *олигодактилия* ‘неполное количество пальцев’ – *адактилия* ‘отсутствие пальцев’, *полиодонтия* = *гиперодонтия* – *олигодонтия* – *анодонтия*. Словообразовательное значение ‘сверх нормы’ выражается в медицинской терминосистеме помимо компонента **поли-** и префикса **гипер-** суффиксом **-оз** (*полицитемия* = *эритроцитоз* ‘повышенное содержание эритроцитов в периферической крови’). Однако в значении ‘многочисленный’ компонент **поли-** в разных терминосистемах коррелирует преимущественно с компонентом **моно-**: *монолог*, *диалог*, *полилог*; *моноартрит*, *олигоартрит*, *полиартрит*. Иногда в ряды изоструктурных префиксальных терминов может включаться компонент **пан-** ‘весь’ (*синхрония*, *диахрония*, *панхрония*; *эпидемия*, *пандемия*).

С заимствованием аффиксов греко-латинского происхождения мы связываем два вопроса: членимость каждого конкретного термина, имеющего во внутренней форме греческий или латинский аффикс; способность того или иного аффикса развивать конкретное значение из абстрактного и оценка этого факта в терминах морфемики.

Вопрос о членимости должен решаться индивидуально применительно к каждому термину. Один и тот же греко-латинский элемент в одних терминах может быть оценен как аффикс, в других – как составная часть корня, подвергшегося опрощению в процессе заимствования. Например, в термине *аффиксаф-* – приставка *ad-* со значением ‘присоединение’, ср. *аллитерация, аспирация, суффикс, постфикс*, а в термине *акцент* (этимологически *ad + cantum*) – часть корня. Проведя соответствующее исследование, мы не обнаружили греческих и латинских аффиксов, которые не выделялись бы в качестве таковых хотя бы в нескольких терминах.

В лингвистике большинство лексем, являющихся в настоящее время вершинами терминогнёзд либо производными первой ступени в гнёздах со связанными корнями, восходит к общеупотребительным латинским и греческим словам, подвергшимся терминологизации либо уже в языке-источнике, либо в процессе заимствования [3], поэтому греко-латинские аффиксы не развивают специальных терминологических значений, отличных от этимологических. Они могут рассматриваться как заимствованные аффиксы без приписывания им статуса терминоэлементов. Дополнительным подтверждением такой трактовки является их способность соединяться в составе слова с русскими корнями (*метаречь*, ср. нелингв. *антивещество, контрудар*). В медицинской терминосистеме, где искусственно созданных терминов намного больше, имеется несколько формантов, развивших узкие терминологические значения, отсутствовавшие в языке-источнике: *-ит* ‘воспаление’ (*бронхит*), *-ома* ‘опухоль’ (*липома*), *-ин* ‘вещество’ (*анти-токсин*), *гипо-* ‘снижение функции’ (*гипомнезия* ‘ослабление памяти’), *-изм* ‘отравление’ (*ботулизм*). Возможно, есть резон в определении этих отрезков как терминоэлементов [6: 103], однако приведенный список представляется нам исчерпывающим, остальные модели терминообразования с участием греческих и латинских аффиксов, хотя и демонстрируют семантические сдвиги относительно этимологических значений аффиксов, все-таки сохраняют базовые семы.

Таким образом, анализ синтагматических и парадигматических связей элементов греко-латинского происхождения в лингвистической

и медицинской терминологиях позволил продемонстрировать возможность адекватной трактовки большинства рассматриваемых компонентов в терминах морфемики. Те случаи, за которыми представляется целесообразным сохранить обозначение «терминоэлемент», выделяются структурно – регулярностью словообразовательного ряда, семантически – наличием элементов семантики, отсутствовавших в языке-источнике, или закреплением единой терминологической семантики за комплексом соседних морфем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бесекирска Л. Интернациональная лексика в медицинской терминологии русского языка: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1997. 265 с.
2. Гущина Л.Н. Сравнительно-сопоставительный анализ медицинских терминов в области онкологии в русском и английском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 158 с.
3. Данилина Н.И. Лингвистические термины латинского происхождения: этимология или деривация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 31-38.
4. Плещинская А.И. Развитие префиксоидного словообразования в русском языке: На материале слов с элементами аудио-, видео-, кино-, радио-, теле-, фото-: Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 166 с.
5. Русская грамматика. Т.1. М: Наука, 1980. 783 с.
6. Суперанская А.В. и др. Общая терминология: Вопросы теории. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
7. Тилембулова С.Н. Трансформированные корневые морфемы (на материале русских префиксоидов и их аналогов в английском и казахском языках): Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 194 с.

ДЖАНГОБЕКОВА Татьяна Анатольевна (*Львов, Украина*)

СОШ № 51 г. Львова
tatjana-dzhangobekova@rambler.ru

ФУНКЦИИ ИНФИНИТИВА В «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ» А. КУРБСКОГО

Аннотация. В статье исследуются функции зависимого и независимого инфинитива, зафиксированного в памятнике XVI в. «История о Великом князе Московском» А. Курбского. Основное внимание автор обращает на типы инфинитивных предложений и особенности их модальности.

Даже краткий обзор основных аспектов исследования инфинитива показывает неоднозначность решения целого ряда проблем, касающихся его синтаксического статуса и особенностей функциониро-

вания в русском литературном языке (См. [1: 81; 4: 475; 5: 36; 9: 272-273; 6: 373-374; 13: 141; 15: 234-236 и др.]).

Основная цель данной статьи – анализ особенностей функционирования инфинитива в роли главного члена односоставных предложений. Наше исследование выполнено на материале памятника XVI века «История о Великом князе Московском» А. Курбского (далее – История) [11]. Язык этого памятника представляет интерес не только как образец литературного языка XVI века, но, не в меньшей степени, и как пример наличия / отсутствия взаимодействия двух книжно-письменных традиций – московской и юго-западной.

В нашем материале имеется более 500 случаев использования инфинитива, при этом 426 примеров отражают употребление зависимого инфинитива, т. е. инфинитива в роли второстепенных членов предложения (169 примеров), а также как компонента составного глагольного сказуемого двусоставных и безличных предложений (соответственно 191 и 66 примеров). Объектом анализа в данной статье является независимый инфинитив, выполняющий функцию главного члена односоставного предложения, так называемого инфинитивного.

1.1. Инфинитивные предложения мы рассматриваем как особую разновидность односоставных предложений, отличающуюся от безличных прежде всего предикативной основой: главный член (сказуемое) в инфинитивных предложениях выражен независимым инфинитивом, а в безличных – инфинитивом в сочетании с глаголом или словом категории состояния: *не стоит, не следует, нельзя, не надо* и др. (иначе В. Л. Георгиева [7: 278-283]). Характер деятеля в инфинитивных предложениях имеет семантико-стилистическое значение, в безличных – структурно-синтаксическое. Анализируемые предложения отличаются от безличных и способом выражения модальности: в безличных предложениях она выражается лексически, в инфинитивных же – «самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами» [3: 268]. Инфинитивные предложения в целом квалифицируются как одно из синтаксических средств выражения модальных значений. Основным значением этих предложений Г. А. Золотова предлагает считать значение потенциальности дейст-

вия и независимости его от воли потенциального субъекта [9: 260]. В инфинитивных предложениях лицо побуждается к активному действию, которое произойдет в ближайшем будущем. В составе сложных предложений указанные предложения могут получать условное значение. Т.Г. Почтенная, один из авторов вузовского учебника, отмечает отчётливо выраженную экспрессивность и эмоциональность инфинитивных предложений, что делает их удобной формой для категорических высказываний со значением повеления и передачи авторских рассуждений, размышлений, тончайших оттенков переживаний героев [5: 79-80].

1.2. Предложения с независимым инфинитивом принято подразделять на две группы – (1) без частицы *бы* и (2) с частицей *бы*. Рассмотрим особенности предложений 1-й группы, зафиксированных в Истории А. Курбского. Например: *Онъ же, яко гордый человекъ, упрямяся, толико: «Ехати да ехати, – рече, – ко святому Кирилу»* [264]. Для предложений такого типа характерны значения долженствования, необходимости, а также желания, неизбежности. В этой группе наиболее распространённым типом являются предложения с дополнением в форме дат. падежа, обозначающим тот предмет или лицо, которому **придётся, должно, необходимо или желательно** совершить действие, названное инфинитивом [8: 44-49]. Например: *...иные словеса отрыгающе хульные съ яростию мноюю, яко и всѣм нам дивитися, зреще* [244]. Характерно, что в переводе А.А. Алексеева этот фрагмент передаётся двусоставным предложением: *...так что <...> мы удивлялись* [245]. Данный тип предложений актуален для всего древнерусского периода [10: 278]. В старорусский период (XV-XVII века) широко распространяются инфинитивные конструкции со значением долженствования, которые становятся обычными для всех жанров письменности [10: 283].

1.2.1. Большая часть инфинитивных предложений с дополнением в дат. падеже являются придаточными предложениями, присоединяемыми союзами *яко*, реже – *яки*, *якъ*. По данным М. В. Ляпон, союз *яко* в Истории А. Курбского относится к числу наиболее употребительных. В основе его семантики лежит модально-оценочный элемент, который

колеблется между «реально-утвердительным и сравнительным значением» [12: 236-238]. В переводе Истории Курбского на месте союза **яко** чаще всего встречается союз **так что**, актуализирующий значение следствия. Ср.: *Ктому болезни различные и моры частые бывали тамо, яко многим уже советовати со вопянием, да покинет мѣсто Казанские и град... [278] / ...случались там различные болезни и частые моры, так что многие уже с рыданиями советовали ему, чтобы бросил он крепость и город Казань [279].*

1.2.2. Исследователи отмечают, что в древнерусской письменности богаче представлены инфинитивные предложения, имеющие значение невозможности произвести действия [10: 281]. Таких примеров сравнительно много и в сочинении А. Курбского: *И сице ему ихъ в приязнь и в дружбу усвояють, яко безъ ихъ совѣту ничесоже устроити или мыслити, воистинну по премудрому Соломону... [226-228] (...чтобы <...> ничего не предпринималось и не решать ... [227-229]); Тогда стрѣл густость такая, яко частость дождя, тогда камения множество бесчисленное, яко и воздуха не видѣти! [250] (...что и воздуха не видно [251]); Понеже другую заповедь отецъ был Феодорит предал имъ <...> «Ктому не токмо женамъ, а ни скота единого отнюдъ женского полу не имѣти тамо» [380] (...не только женщин не допускать туда, но и скота <...>женского пола [381]).* В связи с приведенными примерами считаем возможным обратить внимание на то, что в переводе А. А. Алексеева довольно часто встречается замена инфинитива другими глагольными формами. Это можно рассматривать как один из аргументов в пользу предположения о том, что для старорусского языка конструкции с независимым инфинитивом были более типичны, чем для современного русского. Сопоставление инфинитивных предложений из текста А. Курбского и их перевода представляет известный интерес также с точки зрения модального значения и способов его выражения, однако ввиду ограниченного объема статьи в данном случае мы этого вопроса не касаемся.

2. Вторую группу, как указывалось выше, составляют предложения, включающие инфинитив с частицей *бы*. Такие конструкции получили особое развитие в старорусском языке [10: 283]. В. В. Виноградов

отмечал значительную роль отглагольной частицы *бы*, примыкающей к союзам, которые с этой частицей получают модальную окраску гипотетичности, ирреальности, выражая целевые, следственно-целевые, ирреально-изъяснительные, ирреально-сравнительные, условные значения [2: 85-86]. Например: *Аще бы о нем по ряду воспоминаути, была бы цѣлая повѣсть рыцарства* [332] (условное значение). Подобные значения характерны и для предложений, в которых частица *бы* примыкает к инфинитиву. Например: *Сами же татарова со царемъ ихъ отобращешя во единъ угол и умыслиша не датися живым в руки, точно бы царя живаго соблюсти* [254] (значение желательности); *И отвѣщахъ имъ: «Аще бы из начала и по ряду рѣхъ, много бы о том писати, яко в предобрый руский князей род всял диявол злые нравы...»* [218] (значение необходимости). Кроме значения желательности, необходимости действия для подобных предложений характерно указание на целесообразность действия, постоянную предрасположенность к определённомu действию и т. д. [8: 51-53].

3. Следует отметить, что в Истории Курбского достаточно часто употребляются инфинитивные словосочетания фразеологического типа, имеющие ярко выраженное модальное значение: *вкратце рещи, паче же рещи и поистинѣ рещи*. Они содержат «оценку самого стиля, способа выражения» [4: 576-577]. Например: *Данила Чюлкова и другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ поляницъ и воеводителѣй, вкратце же рещи пагубниковъ бусурманскихъ а обронителѣй краинъ христианскихъ <...> погубленно* [352] (...короче говоря... [352]); *Егда зѣло възъярилося, паче же рѣщи, неистовился от неприятного врага человеческого...* [348] (...вернее же сказать... [349]); *...изымаль тогда брата своего <...> княжа шверского Василя <...> мужа славного и зело храброго, и искусного в богатырскихъ вещахъ, и поистинѣ рещи, пагубу бусурмановъ, яже не токмо отчину свою Сиверу от частого нахождения бѣзбожныхъ измаилтян оборонялъ...* [372] (...справедливо будет сказать ... [373]) и др.

4. В Истории Курбского зафиксированы распространившиеся в XVI-XVII вв. инфинитивные обороты при винительном падеже имени. Например: *Ему же имя было Михаилъ, глаголют его быти с роду*

княжатъ рѣшскихъ [348]. Такие обороты до сих пор сохраняются в западноукраинских и белорусских говорах, но как редкое явление [6: 419]. В нашем материале преобладают примеры, в которых к инфинитиву примыкают имена прилагательные или страдательные причастия. Ср.: *И глаголют его день быти жива и аки не чювши муки тоя лютыя...* [330] (*он был жив ...* [331]); *И овыи глаголють его в томъ монастырѣ удавлена быти за повелѣниемъ его от прелютаго и бѣсчеловѣчнаго кромешника, а друзии поведають, яки бо во единомъ любимомъ его граду <...> сожжена быти на горящемъ углю* [364] (*был он задушен; был он сожжен* [365]) и др.

Таким образом, проведённый нами анализ особенностей использования инфинитива в «Истории о Великом князе Московском» А. Курбского показал высокую степень частотности использования этой грамматической категории, а также разнообразие её функций, характерных прежде всего для книжно-письменного языка Московской Руси. Вместе с тем фактический материал указанного памятника даёт основание предполагать известную степень влияния юго-западных традиций, более тесно связанных с живой разговорной речью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис. Пунктуация: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53-87.
3. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Там же. С. 254-294.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
5. Вомперский В.П. и др. Современный русский язык. Ч. 2. Синтаксис: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. / Под ред. Д.Э. Розенталя. М.: Высш. школа, 1979. 256 с.
6. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О.С. Мельничука / Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков (на украинском языке). К.: Наукова думка, 1966. 595 с.
7. Георгиева В.Л. Безличные предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского. М.: Наука, 1978. С. 230-295.
8. Грамматика русского языка / Под. ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. Т. 2 (Продолжение). М.: Изд-ство АН СССР, 1954. 444 с.
9. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
10. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского. М.: Наука, 1978. 437 с.

11. Курбский А. История о великом князе Московском / Подг. текста и комментарии А.А. Цехановича, перевод А.А. Алексеева // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачёва. М.: Худож. лит., 1986. С. 218-399.

12. Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1971. Вып. 3. Т. XXX. С. 230-239.

13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1938. 450 с.

14. Соболевский А.И. История русского литературного языка / Подг. изд. А.А. Алексеев. М.: Наука, 1980. 194 с.

15. Фурашов В.И. Присубстантивный инфинитив // Фурашов В.И. Современный русский язык. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 234-251.

ЕМЕЛЬЯНОВА Евгения Степановна (*Харьков, Украина*)

Харьковский национальный технический университет
сельского хозяйства имени Петра Василенко
genja_em@inbox.ru

СИНТАГМАТИКА ТЕРМИНОВ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются логические предпосылки развития новых синтагматических отношений терминологических единиц в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы.

В современной лингвистике вопросы взаимосвязи лексем на уровне парадигматики и синтагматики по-прежнему являются одними из самых актуальных (см. работы Ю.Д. Апресяна, М. Войтак, А.А. Загнитко, Е.С. Кубряковой, В.В. Левицкого, Д. Людтке, М.П. Поповой, А.А. Уфимцевой, О.И. Федоренко, Д.Н. Шмелева и др.). В основе структурной организации терминологии лежат законы синтагматики и парадигматики, базирующиеся на естественных закономерностях функционирования любого живого языка, объективно заложенных в самой его природе. В то же время к началу XXI века ни у кого не вызывает сомнения интегративный характер терминоведения, которое находится на пересечении лингвистики, логики, математики и специальных предметных наук (см. работы М.О. Вакуленко, М.Д. Гинзбурга, В.П. Даниленко, А.С. Дедюхиной, В.В. Дубичинского, Т.Р. Кияка, З.И. Комаровой, В.М. Лейчика, С.Д. Шелова и др.). В свете когнитивно-дискурсивной парадигмы, логической предпосылкой разви-

тия новых синтагматических значений, которые регламентируют линейные отношения языковых единиц на уровне лексики, является взаимосвязь между внутренней формой как ведущим элементом системы воплощения научного знания в термине и его внешним формальным выражением.

Сегодня одним из наиболее перспективных направлений изучения отраслевой терминологической лексики является когнитивно-дискурсивное, в основе которого лежит «определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [6: 406]. Формирование новых научных понятий объективно вызывает дальнейшее развитие терминологического значения, его обогащение в связи с отображением новых признаков внеязыковой действительности. Вследствие известной взаимосвязи формы и содержания измененное терминологическое значение имеет определенную новую форму выражения, соответственно термины-лексемы развивают новые парадигматические и синтагматические отношения в профессиональном дискурсе.

В настоящее время в когнитивном терминоведении обсуждается широкая проблематика, в основе которой лежат разработанные в когнитологии понятия. При этом «терминология рассматривается как результат когнитивной деятельности человека, как концептуальная информация, которая уже стала продуктом человеческой обработки и структуризации знаний» [5 : 40]. Не вызывает сомнения тот факт, что новая терминологическая лексика входит и закрепляется в профессиональном дискурсе в результате когнитивной деятельности специалиста той или иной отрасли, заключающейся в концептуализации и категоризации новых и уже имеющих различных типов знания. Сложный характер познания обусловлен множественностью объектов окружающего мира, их признаковым различием, а также степенью познанности и выделенности в сознании, что предполагает взаимосвязь и интеграцию различных когнитивных уровней. К основным относятся три: эмпирическое восприятие (перцептивно-предметная деятельность), понятийное осмысление и интерпретативно-оценочное осмысление [7]. При

этом аналоговые возможности человеческого мышления позволяют эффективно интегрировать новые знания в уже имеющуюся систему, что находит свое отражение на вербальном уровне, а именно при использовании терминов в профессиональном дискурсе. В частности, исследования ряда языков показали, что до 80 % функционирующих в них терминов образовано по компактным, устойчиво воспроизводимым моделям, число которых колеблется от 7 до 10 [1: 152]. Хотя, следует отметить, ряд современных авторов небезосновательно поддерживают идею Даниленко В.П. и Скворцова Л.И., высказанную ими еще в 1982 году в статье «Нормативные основы унификации терминологии» [4]: «Функциональная самостоятельность языка науки делает возможным при общей ориентации на закономерности образования и употребления слов в общелитературном языке появление самостоятельных тенденций терминообразования и терминопотребления, отличных от тенденций общелитературного языка» [4: 15].

В контексте исследования терминологии в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы интерес представляет работа Л.Ю.Буяновой «Термин как единица логоса» [2], в которой логос понимается как «метод объединения смыслов» и выявляется взаимосвязь и взаимозависимость концептуального, понятийного и терминообразовательного аспектов естественно-научной терминологии, на основе чего выстраивается концептуально-категориальная организация ее деривационной системы. В заключение выводятся функции, которые термин как когнитивно-кодовый феномен, будучи элементом логоса, выполняет в пространстве научного дискурса. Следует отметить, что, на наш взгляд, планом содержания термина является именно понятие, а не концепт. Эти два термина, до недавнего времени отождествлявшиеся, на настоящий момент различаются специалистами-терминологами, несмотря на то, что «понятие» и «концепт», безусловно, явления одной природы. Тот факт, что в различных специальных дискурсах могут использоваться одни и те же терминологические лексемы для обозначения различных понятий, объясняется действием универсального закона об экономии языковых ресурсов, а также особенностью современной отраслевой терминологии, которая заключается в стремлении специали-

стов строить мотивированные термины с предсказуемой семантикой [3: 115].

Таким образом, полностью значение термина может раскрыться только в профессиональном дискурсе, где он употребляется только в одном конкретном значении, соотносясь только с одним понятием. Проблему коммуникативной актуализации терминологической лексики в дискурсе на сегодняшний день нельзя считать однозначной, однако наш опыт позволяет утверждать, что именно когнитивно-дискурсивный подход в исследовании современной отраслевой терминологической лексики позволяет при создании новых терминологических словарей [8, 9] наиболее полно удовлетворить актуальные потребности специалистов. Синтагматика в терминологии особенно ярко коррелирует с нормативной практикой, отражая установившиеся модели построения терминов с учетом семантико-парадигматических связей специальных лексем в профессиональном научном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К.Я. Дифференциация средств специальной номинации и дифференцированный подход к их описанию в словарях // Слово и словарь: Сб. научн. трудов по лексикографии. Вып. 12. Харьков-Клагенфурт, 2011. С. 150 – 154.
2. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. Краснодар, 2002. 185 с.
3. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М, 1997. 182 с.
4. Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). М., 1982. С. 5 – 35.
5. Комарова З.И., Дедюхина А.С. Категория как формат знания в когнитивной лингвистике, когнитивном терминоведении и философии науки: История и современность // Термінологічний вісник. 2011, № 1. С. 28 – 46.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. 223 с.
8. Українсько-російсько-англійсько-французький тлумачний словник основних термінів з енергетики та електротехніки / За заг. ред. Є.С.Ємельянової. Харків : Віровець А. П. "Апостроф", 2012. 264 с.
9. Українсько-російський тлумачний словник сучасної загальноінженерної термінології / За заг.ред. Є.С.Ємельянової. Харків: «Цифрова друкарня № 1». 2013. 228 с.

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ЛЕКСЕМ С СЕМАНТИКОЙ ОЦЕНКИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА»

В.И. ДАЛЯ

Аннотация. Статья посвящена одной из проблем современной лингвистики, а именно отражению в языке категории оценки. В работе анализируются особенности описания лексем с семантикой оценки в «Словаре...» В.И. Даля, которые отличаются от способов их описания в современных словарях русского языка.

Категорию оценки мы, как и большинство исследователей, понимаем как совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи.

В общеязыковом плане, по мнению Е.М. Вольф, оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений [1: 5]. Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Субъективный компонент связан с возможностью положительного или отрицательного отношения субъекта оценки к ее объекту ("нравиться/не нравиться", "ценить/не ценить", "одобрять/не одобрять" и т.п.), в то время как объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносятся оценки [1: 24].

С точки зрения философии, оценка – это способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта. Способность давать оценку была присуща человеку на самой заре появления человеческого сознания и детерминирована инстинктом самосохранения. Особой магической силой обладало слово, которое могло как принести спасение, так и навлечь несчастье, болезнь, испортить охоту, помешать пахоте или получению хорошего урожая. Естествен-

но, что по мере эволюции человеческого сознания его оценочная деятельность также усложнялась и развивалась: «В процессе аксиогенеза из архаического ценностного синкретизма в ходе формирования индивидуального сознания («Я-сознания») постепенно вычленились самостоятельные виды ценностей – нравственные, религиозные, политические, эстетические, интеллектуальные и т.д., которые базировались на концептах «добро – зло», «святое – кощунственное», «справедливость – несправедливость», «ум – глупость», «красота – уродство» [4: 5].

Целью данной статьи является анализ особенностей отражения субъективного мнения автора, формирующего субъективный компонент оценочной семантики, при дефиниции полярных оценок, представленных в «Словаре...» В.И. Даля в двух лексемах: **плохой** и **хороший**.

Данные лексемы выбраны в качестве материала описания, поскольку вербализуют на аксиологической шкале два противоположных компонента.

Большинство аксиологов говорят о том, что оценка имеет два основных значения – «хорошо» и «плохо», «+» и «-», которые, на первый взгляд, всегда присутствуют в составе оценочного слова как его семантический компонент. В то же время ученые отмечают, что у многих слов, включающих оценку, знак не детерминирован. В таких случаях рекомендуют обращаться к контексту или ситуации. «Так, *трудный, легкий, важный* – «хорошо» это или «плохо»? Знак «+» или «-» часто нельзя приписать не только отдельным словам, но и словосочетаниям, если они находятся вне контекста: *легкий характер* (но ср. *легкомысленный*, где всегда есть знак «-»), *удобное место*. Между тем наличие оценки здесь очевидно. Знак в этих случаях определяется высказыванием в целом, т.е. местом соответствующей ситуации в ценностной картине мира» [1: 18].

Именно к такому описанию прибегает, на наш взгляд, В.И. Даль. Лексему **хороший** он описывает, прежде всего, через синонимический ряд: *ХОРОШИЙ, лепый, красный, прекрасный, красивый, красовитый, басистый, баской, видный, врачный, казистый, приглядный, пригожий, статный, нравный на вид, по наружности; | добрый или путный,*

ладный, способный, добротный, дорогой, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству [2, Т. 4: 513].

Лексема **плохой** представлена автором также с привлечением её парадигматических, а именно синонимических, отношений следующим образом: *ПЛОХОЙ, дурной, дрянной, лядащий, непутный, нехороший, негодный, негодный, малогодный, неспособный. Худой, ветхий, дырявый или злоторный; дурной, некрасивый; охуждаемый; гадкий, противный; мерзкий, скверный, поганый, отвратительный по виду, качеству; дрянной, плохой, лядащий, недобротный, непрочный, низкого достоинства, малогодный в дело: малоспособный к делу; болезненный, хилый, слабый, дряхлый, вялый; неумеющий; оплошливый, несметливый; противополож. хороший, прочный, добротный, надежный; казистый, видный; или крепкий, здоровый, работающий, умеющий, смысленый [2, т. 3: 117].*

Не анализируя детально каждый компонент этих синонимических рядов, замечаем, что многие члены ряда носят субъективный характер и включены в него именно как носители одного из противоположных компонентов аксиологической шкалы «плохо» - «хорошо». Например, слово **лядащий** (предположительно совр. ленивый) по своей семантике однозначно принадлежит к аксиологическому полю с доминантой 'плохой'. Противоположное значение в современном русском языке выражено лексемой **трудолюбивый**, которую автор не включил в словарную статью, описывающую лексему **хороший**.

Наши наблюдения подтверждают мысль Е.М. Вольф о том, что оценочные слова в зоне плюса и в зоне минуса во многих случаях не составляют противопоставленных (антонимичных) пар. Хотя учёная имеет в виду, прежде всего, аффективную и экспрессивную оценки, но эту же закономерность находим и в других видах оценки [1: 19].

Лексемы **плохой** и **хороший**, вынесенные автором в заголовки статей, представляют собой абсолютные оценки. Внутри словарной статьи, как видим, автор даёт их описание опосредованно через парадигматические связи на лексическом уровне. В словарях современного русского языка определение этих лексем содержит непосредственное описание их семантики, без иллюстрации парадигматических связей:

Хороший, 1. Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению; 2. Достигший умения, мастерства в своем деле, специальности; 3. Обладающий положительными моральными качествами (о человеке); 4. в знач. сущ. хорошее, -его, ср. То, что является положительным, существенным, достойным, заслуживающим признания и т.д. [5: 620].

Хотим вспомнить выводы, сделанные известным исследователем логической оценки А.А. Ивиным, о том, что в языке для правильного понимания оценок важную роль играет контекст, в котором они формулируются [3: 231]. Как известно, В.И. Даль при написании словаря использовал живую речь и свои дефиниции давал, основываясь на речи, высказываниях, собранных и записанных в течение длительного времени. Как утверждает А.А. Ивин, понятие оценочного высказывания может быть прояснено путем противопоставления его высказыванию дескриптивному (описательному), а также с помощью исследования внутренней структуры оценок и их видов [3: 231].

Таким образом, можно сделать вывод, что, определяя слова, основным значением которых является оценка, В.И. Даль использовал, прежде всего, метод актуализации парадигматических связей лексемы. Далее в словарной статье свое мнение автор иллюстрирует многочисленными примерами пословиц, поговорок, фразеологизмов как контекстами, в которых реализуются описываемые оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: в типографии А.Семена, 1863-1866.
3. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 230 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2 изд. М.: Политиздат, 1963. Т. 30. 111 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. Т.4. М.: Русский язык, 1988. 800 с.

ЗАГНИТКО Анатолий Афанасьевич (Винница, Украина)

Донецкий национальный университет
a.zagnitko@gmail.com

КОГНИТИВНАЯ ГЛУБИНА ПРЕДЛОЖЕНИЯ: УРОВНИ, КАТЕГОРИИ, АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивных уровней предложения с последовательным анализом специфики семантической конфигурации пропозиции. Рассмотрены особенности ее обнаружения на различных уровнях предложения, установлены закономерности диагностирования когнитивной глубины предложения, исследованы категории его когнитивных уровней.

Современное понимание предложения претерпело существенную эволюцию от его логического (логико-грамматического) толкования и до многоаспектного дефинирования, когда существенным становится учет многих параметров научного лингвопарадигмального пространства и соотносимость признаков квалификации предложения с определяющими постулатами этого пространства. Обоснование многоаспектности предложения является производным его многогранного использования в речемыслительных процессах, коммуникации и проч.

Определение уровней когнитивной глубины предложения можно осуществлять с обоснованием наличия его формально-грамматической (собственно синтаксической) структуры, где разграничиваемы формы членов предложения (главные и второстепенные), типы связей между ними (структурирующие предложение (предикативная), присловная подчинительная) и др. Указанный уровень можно квалифицировать в качестве базового для установления особенностей реализации устойчивых структур, репрезентирующих пропозитивные единицы. На формально-грамматическом уровне определяемы нормативные и анормативные образования, диагностирующие возможность и невозможность трансформаций, например: (1) *Известный квалифицированный профессор рассказал о возможностях использования солнечной энергии в современных условиях*, где имеющиеся именные группы (*Известный квалифицированный профессор*; *возможностях использования солнечной энергии*; *современных условиях*) являются различными и по содержанию, и по структуре, и по коммуникативной

нагрузке, и по смыслу [12]. По существующим грамматическим правилам именная группа может трансформироваться в ее аналог, где позицию имени существительного занимает местоимение. В анализируемых именных группах актуализируются грамматические ограничения, значимость которых прослеживается и в структурно-грамматическом, и в семантико-синтаксическом планах, ср., напр., нарушение нормы в (2) *Известный квалифицированный он рассказал о них использования солнечной энергии в современных их*, где имеющиеся местоимения (*он, них, их*) являются морфологически нормативными, их позиционный статус не соответствует постулатам русской грамматики. Определяющим в данном случае является наличие собственно пропозитивных структур в структуре каждой именной группы (*профессор* → *известный* + *профессор* → *квалифицированный*; *энергии* → *солнечной*; *условиях* → *современных*), ограничивающим реализацию местоименных аналогов и свидетельствующим о полипозиционной структуре формально элементарного простого предложения (ср. также [7: 2-3, 45-67 и далее]). Диагностирование когнитивной глубины рассматриваемого и подобных простых предложений должно отталкиваться от последовательного определения количества предикатных знаков в их структуре и установлении особенностей заполнения валентно обусловленных позиций непредикатными / предикатными знаками, ср.: *рассказал сказку* и *рассказал о **возможностях использования*** – в последнем случае два непредикатных знака. Поэтому таким важным для определения когнитивных уровней предложения является учет его предикационного внутреннего и внешнего пространства, что позволяет говорить о предикативности как первом уровне когнитивного уровня предложения, соотносимого с его формально-грамматической структурой, предикационном пространстве – как уровне, коррелирующим с семантико-синтаксическим уровнем предложения, где значимым является размежевание субстанциональных и предикатных знаков, учет особенностей реализации пропозиции и проч. Особенность пропозиции обнаруживается в ее нелинейности – составляющие не следуют друг за другом [10: 45, 57, 67-71], предикат является субординатором всех аргументов (актантов). Поскольку про-

позиция выступает начальным способом «упаковки» информации» [4: 249-275; 5: 204-250; 6: 5-10; 10: 68-72], постольку она реализует исходную когнитивную модель, не тождественную линейной структуре предложения. Образую глубинную структуру предложения [11: 23-65, 105-251], она формирует его семантическую основу [4: 265-277]. Наиболее адекватно со структурой пропозиции соотнесена грамматическая морфологически опосредованная категория валентности, объединяющая в своей структуре семь грамем, каждая из которых специализируется и в содержательном, и в формальном аспектах [1: 13-21]. В содержательном плане граммы активной валентности дифференцированы на субстанциональные граммы субъекта, объекта, инструмента, адресата, локатива и проч., а по формальному признаку коррелируют с соответствующим падежом как инвариантом выражения [6: 7-11]. Валентная модель предиката в ее первичном линейном заполнении соотносима с пропозициональной рамкой, ср.: (3) *Ивашка Бровкин думал* (А. Толстой); (4) *Стенька точил топор оселком* (А. Чапыгин) и (5) *Прельстительные юбочки Анхен кружились только по воскресеньям. – раз в неделю бывали хмель и веселье* (А. Толстой), где в (3), (4) линейная композиция предложения соответствует его аргументно-предикатной структуре, что подтверждает и первичность заполняющих валентно обусловленные позиции компонентов ((3) кто? ← думал; (4) кто? ← точил → что? → чем?). Когнитивные структуры базируются на пропозициональной рамочности. Совсем иная ситуация в (5), где субстанционально-аргументная рамка предиката (*кружились*) нарушена неспециализированным заполнением левосторонней субъектной валентности (*Прельстительные юбочки*). В своем лексическом значении глагольный предикат *кружились* (кружиться – несов. в., неперех., возвратн.) предполагает в левосторонней позиции активного производителя действия «совершать круговые движения». Семантическое наполнение предложения позволяет идентифицировать производителя действия (агенса – *Анхен*), заполняющим синтаксическую позицию атрибутивного компонента. Левосторонний валентно обусловленный компонент (*юбочки*), представляющий в данном случае очень важный элемент одежды и реализующий вторичное значение, свидетельствует

о глубинной когнитивной имплицатуре, декодирование которой возможно только при условии последовательного анализа не только анализируемого предложения, но и надлежащем учете текстового смыслового пространства. Без диагностирования последнего возможна квалификация в (4) *Прельстительные юбочки Анхен как юбочки, пошитые Анхен*, хотя в данном случае – принадлежащие Анхен.

Основными категориями когнитивной глубины предложения являются категория валентности в ее различных измерениях (активном / пассивном, первичном / вторичном, формальном / семантическом, специализированном / неспециализированном и др.), категория субстанциональности и категория предикатности.

Для когнитивного анализа предложения, изучения его глубины весьма важным представляется определение особенностей соотношения семантической структуры (разграничение ядерной / полупериферийной / периферийной) с действительностью и установление статуса модификаторов (коммуниктивно-речевые функции, фазовость, каузация, авторизация) и спецификаторов (отрицание, темпоральность, аспектуальность, локативность, квантитативность, атрибутивность и т.д.) в последней. Когнитивные уровни предложения соотносимы с разграничением реального ((6) *Белочка сидела на ветке*), виртуального ((7) *В следующем году я, возможно, буду преподавать в Берлинском университете*) и внутреннего ((8) *Там чудеса: там леший бродит, / Русалка на ветвях сидит, / Там на неведомых дорожках / Следы невиданных зверей, / Избушка там на курьих ножках / Стоит без окон, без дверей...* (А. Пушкин)) миров, что позволяет говорить о разных когнитивных типах предложения, коррелирующих либо не коррелирующих с коммуникативно-ситуативными, коммуникативно-интенциональными и другими установками говорящего.

Основной единицей когнитивного уровня предложения является когнитема, представляющая собой мыслительное содержание, обнаруживаемая в семантических структурах. Когнитема структурирована и воспроизводится каждый раз, когда прослеживаются речемыслительные интенции говорящего. Когнитема соотносима с дифференцированием действительности, реализуемыми концептами и обнаруживается

на поверхностном уровне предложения в определенных синтаксических конструктах ((9) *На улице праздник* (концепт **праздник**) / (10) *На улице ветрено* (концепты **погода** и **ветер**) / (11) *На улице дети* (концепт **экзистенциальность**); (12) *Тигр – хищник* (когнитема **классификатор**), (13) *Иван – мой сын* (когнитема **идентификатор**)) и т.п.). Исследование когнитемы требует последовательного учета различных уровней предложения (формально-грамматического, семантико-синтаксического, коммуникативного и др.), особенностей их соотношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Б.А. О моделировании семантических структур // Значение и смысл речевых образований. Калинин: КГУ, 1979. С. 5-13.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
3. Виноградов Н.А. «Интерпретирующие» грамматические категории: к определению понятия // ВЯ. 2013. № 5. С. 28-45.
4. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2011. 992 с.
5. Загнітко А.П. Теорія граматики і тексту. Донецьк: Ноулідж (Донецьке відділення), 2014. 480 с.
6. Загнітко А.П. Семантико-граматичне енергетичне ядро дієслівності // Мовознавство. 2014. № 5. С. 3–13.
7. Митренина О.В., Романова Е.Е., Слюсарь Н.А. Введение в генеративную грамматику. Введение в генеративную грамматику. М.: Книжный дом, 2012. 376 с.
8. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.
9. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РПГУ, 2011. 672 с.
10. Сусов И.П. Введение в языкознание. М.: Юго-Восток, 2007. 379 с.
11. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
12. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГУ, 2001. 800 с.

ЗЕМЛЯНИК Татьяна Валерьевна (*Минск, Беларусь*)

Белорусский государственный университет
shumskajagoda1900@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ СФЕРЫ «АВТОР – АДРЕСАТ» В ПИСЬМАХ Б. ПАСТЕРНАКА

Аннотация. В данной статье рассматриваются случаи проявления семантического синкретизма сферы «автор – адресат» в письмах Б. Пастернака к М. Цветаевой (характеристика адресата, просьба о прощении, самоуничтожение, похвала, благодарность, употребление местоимения «мы», противопоставление «я – ты»).

В эпистолярной коммуникации, как правило, участвуют двое: автор и адресат. Присутствие автора является прямым, т.к. текст письма принадлежит ему, присутствие же адресата является косвенным. Как считает А.А. Акишина, главной особенностью эпистолярного жанра как одного из жанров монологической речи является личностный характер общения. Именно поэтому «письмо – как жанр, требует учета адресантом ответного восприятия адресатом, что является особенностью любого устного диалога» [1: 57].

В данной статье мы рассмотрим случаи проявления семантического синкретизма сферы «автор – адресат» в письмах Б. Пастернака к М. Цветаевой.

Под **синкретизмом**, вслед за К.Г. Черемных, мы понимаем способность «языковых единиц проявлять одновременно существенно различающиеся свойства и признаки, между которыми нет четкой границы» [5: 11-12]. О **семантическом синкретизме** можно говорить в тех случаях, когда наблюдается «нерасчлененность содержания форм словесного знака в результате его эмансипации от исходного контекста» [5: 12].

Семантический синкретизм сферы «автор – адресат» в эпистолярных текстах возникает при возможности отнесённости значений определенных высказываний к сфере автора и к сфере адресата одновременно. Слова адресанта направлены на установление коммуникации с адресатом, при этом автор с помощью высказываний создает ситуации, в которых принимают участие как автор, так и адресат.

Семантический синкретизм сферы «автор – адресат» прежде всего проявляется в **характеристике, которую дает автор адресату**, таким образом выказывая свое отношение и давая понять, каким выглядит адресат в его глазах. Присутствие собеседника с описанием его внешности или черт характера становится более зримым. Значения данных высказываний принадлежат одновременно и сфере автора, т.к. характеристику собеседника дает он, так и сфере адресата, поскольку описывают его.

Вы чище и крепче меня, потому что не изменились [3: 566].

... знаю Вас и Вашу верность своему лицу, вспыхнувшему разом, в молодости, на все времена, и увиденному в стихе и в жизни, и пущенному на дно души, как переживание облика, постоянно, на все времена [3: 585].

Ты объективна, ты главным образом талантлива, - гениальна [3: 628].

В **просьбе о прощении** также проявляется семантический синкретизм. Автор обращается к адресату с извинением при совершении поступка, который, по его мнению, может быть неприятен адресату: *Простите, простите, простите! Как могло случиться, что плетясь вместе с Вами следом за гробом Татьяны Федоровны, я не знал, с кем рядом иду [3, с. 389].* Извинения могут приноситься по поводу написанного, если автор полагает, что письмо может показаться адресату недостаточно информативным, затянутым, вызывающим негативные эмоции: *В заключение простите за нескладность и длинноту письма [3: 604]. Простите за предшествующее письмо. Хотя в нем, за нескладницей, много правды, и за огорченьем, постоянная нежность, вне которой я ни разу не слышал природы, ни разу с Вами не говорил [3: 610].*

При **самоуничижении** автор демонстративно занимает позицию более низкую по отношению к адресату. Он будто производит сравнение, но всегда не в свою пользу. Тем самым автор делает комплимент адресату, но при этом рассчитывает на его реакцию, должную опровергнуть сказанное (ответный комплимент).

Правда, я говорить не умею, всегда сумбурен... [3: 642].

Обыкновенно же выхожу кретином и гориллой, каков, не в разрезе момента, и в действительности [3: 652].

Похвала – это еще один прием, принадлежащий сфере «автор – адресат». Автор выказывает свое расположение адресату, акцентируя внимание на его достоинствах, показывая, что они не остались незамеченными.

Твоя красота, переданная на фотографии, - красота в твоём особом случае – то есть явленность большого духа в женщине... [3: 661]

О как ты чудно работаешь! [3: 660]

Как ты по-особенному хороша, когда исключительно случайно проносишься в этом вихре участия [3: 666].

В письмах автор может выражать **благодарность** адресату за оказанное внимание или услугу. Т. о. он “переносит” адресата в мир положительных эмоций: оказание помощи другому человеку.

Совершенно же особенное спасибо Вам за «Слова» [3: 410].

Спасибо за карточку и за письмо. Еще большое спасибо за порученье. Я верю в Вас и мне хорошо при мысли, что это напишете Вы и вложите в это свою душу и силу [3: 592].

Интересным, на наш взгляд, случаем подтверждения семантического синкретизма сферы «автор – адресат» является **употребление местоимения “мы”** (в именительном и в косвенных падежах) для обозначения адресатом себя и своего собеседника.

Ты знаешь, Марина, что я целиком с тобой в суждении о вещи, и это слово не должно нас сбивать [4: 22].

Как я рад, что пишу тебе. Мне становится чище и спокойнее с тобою. – Мы думаем одинаково в главном [3: 719].

Эта противоестественность порождена нашей посредственностью и ленью. Когда мы ее победим, они сольются, мы очутимся опять на родине, мы с ними породнимся [1: 603].

Слитность сфер автора и адресата подтверждает случай, обратный вышеназванному. При **противопоставлении “я – ты”** автор акцентирует внимание на созданной границе между собой и собеседни-

ком, тем самым подчеркивая нехарактерность такой ситуации для обычной их коммуникации.

В параллель с приведенным я ставил только Вас. Я говорил об этой искре в Вас одной. Я о себе не сказал тут не слова. Себя я не знаю и не вижу [3: 602].

Я позволял своему чувству жить допущеньем, что мы светопрозрачны друг для друга, т.е. что мое письмо к нему прошло через тебя, и что мои домыслы о вашем знакомстве равносильны невиденным фактам. Твои же слова о нем, т.е. та сторона их, которая была производной и шла в ответ на мою путаницу и беспокойство, не только не успокаивали, а их усугубляли [3: 695].

Семантический синкретизм сферы «автор – адресат» - это особенность эпистолярной коммуникации, при которой значение высказываний в ситуациях характеристики адресата, просьбы о прощении, самоуничижении, похвалы, благодарности, употреблении объединяющего автора и адресата местоимения «мы», противопоставлении «я – ты» принадлежит одновременно и сфере автора, и сфере адресата. При физическом отсутствии собеседника автор компенсирует это использованием разных способов приближения письменной речи к устному прямому общению с равным участием коммуникантов в беседе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А. Письмо как один из видов текста. Статья первая: Общие сведения об эпистолярном жанре // РЯЗР. 1982. № 2. С. 25-30.
2. Кабанова Т.Н. Эпистолярные тексты в частной переписке в аспекте теории речевого общения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГПУ, 2004.
3. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями в одиннадцати томах. Том VII. Письма 1905-1926. М.: Слово / Slovo, 2005. 824 с.
4. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями в одиннадцати томах. Том VIII. Письма 1927-1934. М.: Слово / Slovo, 2005. 768 с.
5. Черемных К.Г. Роль семантического синкретизма в формировании местоименного значения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГПУ, 2012. . – Режим доступа: http://www.docme.ru/doc/232386/rol._-semanticheskogo-sinkretizma-v-formirovanii-mestoimyonn... (дата обращения: 07.02.2015).
6. Черепанова О.А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 692-697. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/8_01.htm. (дата обращения: 07.02.2015).

ИСАКОВА Александра Анатольевна (*Сыктывкар, Россия*)

ООО «Сыктывкар-Автордио»

totoshka_91@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЖАНРА МИНИ-РЕЦЕНЗИИ

Аннотация. В статье анализируется жанр театральной мини-рецензии современной газетной журналистики Республики Коми с применением теории когнитивной модели текста Т. ван Дейка, а также структурных постулатов жанра Е.А. Корнилова.

Современная журналистика функционирует в новых условиях, которые тяготят к тенденции наращивания объема информации с одновременным упрощением, «обеднением» разнообразия жанров [7: URL]. Газеты наших дней отдают предпочтение синтетическим информационным жанрам, универсальным информационным материалам, построенным по строгой структуре [10: URL], а если на страницах прессы встречается материал аналитического или художественно-публицистического направления, то он оказывается усеченным вариантом того или иного жанра.

Тенденция к упрощению коснулась и жанра театральной рецензии. Рецензия – это аналитический жанр журналистики, зародившийся в первой четверти XIX века [12: URL] и являющий собой критический отзыв о произведении, более или менее развернутый целостный, все-сторонний анализ произведения и его основных проблем [8: URL; 11: 66]. Театральная рецензия, по мнению А.А. Тертычного, является тематическим подвидом рецензии и стоит в одном ряду с литературной, киорецензией и т.п. Исследователь Е.А. Корнилов [6: 65-67] (см. также [8: URL]) считает, что у жанра рецензии имеется ряд устойчивых структурных элементов, по которым его можно атрибутировать: 1) информация о произведении (авторе, времени и месте создания); 2) анализ содержания – темы и идеи; 3) анализ формы – средств выражения темы, идеи, системы образов; 4) определение места произведения в творчестве автора или литературном/театральном процессе. На современном этапе жанр претерпел некоторые изменения: исследователи наряду с собственно рецензией выделяют мини-рецензию – жанр, тяготеющий к блоку информационных жанров журналистики, но

имеющий вместе с этим оценочную составляющую [9: URL], которая из-за небольшого объёма публикации становится упрощённой. Эту мысль подтверждают исследования региональной прессы: в 4 республиканских газетах и 2 региональных приложениях российских еженедельников за период 2009-2013 выявлено 14 публикаций, посвященных анализу театральных постановок, 10 из которых относятся к жанру мини-рецензии.

Рассматривая театральную рецензию с когнитивной точки зрения, можно сопоставить 4 элемента, выделенные Е.А. Корниловым, с традиционной моделью текста, выявленной Т. ван Дейком. Согласно его теории, любой текст активизирует у слушателей / читателей развёртывание когнитивной модели той или иной ситуации, иными словами, при восприятии информации происходит постепенный процесс понимания – сопоставления текстовой модели ситуации с общей или частными моделями ситуаций, хранящимися в эпизодической памяти слушателя/читателя. Подобные модели любого рода и тематики имеют ряд обязательных компонентов, включающий Обстановку (Время, Место, Окружение, Условия), Участников, События или Действия, каждый из которых может быть (а в случае текста в жанре рецензии – должен быть) осложнён Модификатором (то есть оценкой ситуации) [3: 167-168]. Рассмотрим, как объединяются два подхода, на примере 2 театральных мини-рецензий на спектакль Национального музыкально-драматического театра Республики Коми «Пармаын вошом БТР» («БТР, затерянный в парме») [4], [5].

Театральная рецензия как Событие (по Т. ван Дейку) или как акт коммуникации (по Р. Якобсону [13: URL]) является многослойной. Первичным Событием (С1) является сам спектакль, который имеет ряд Участников (адресантов: актёров, режиссёра, автора повести и адресатов: зрителей, среди которых – рецензент). Первичное Событие осложнено продолжением (С1') – после представления на сцену для торжественной речи вышел автор повести, превратив остальных Участников События (С1') в адресатов. Вторичным же Событием (С2) будет являться факт опубликования рецензии. Схематически данная структура изображена на Рис. 1.

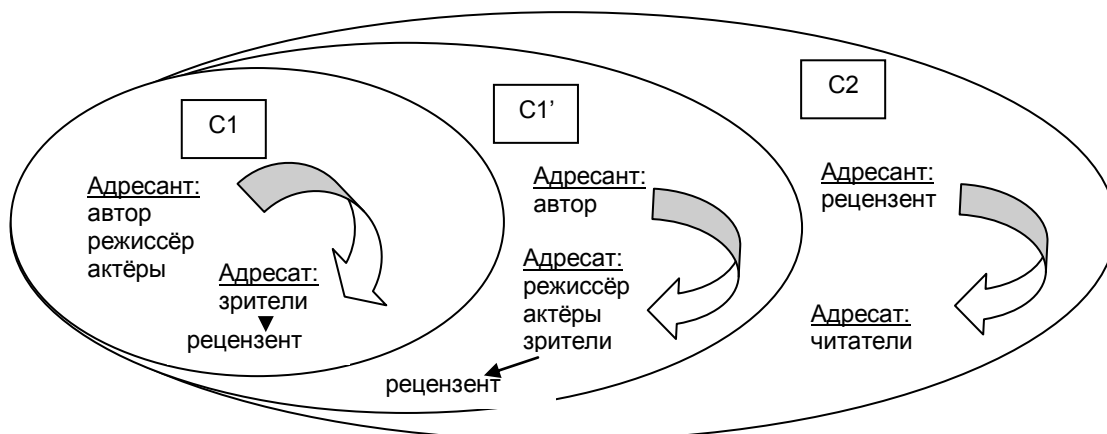

Рис. 1

Для полного понимания характера основного События (C1) следует обратиться к такому компоненту модели текста, как Обстановка. Информация о названии спектакля, его авторах, Месте и Времени его постановки указывается традиционно в лиде: *«Премьера спектакля «Пармаын вошён БТР» («БТР, затерянный в парме») по одноименной повести Владимира Тимина в постановке Светланы Горчаковой прошла на сцене Национального музыкально-драматического театра РК», «В эти дни проходит серия премьерных показов спектакля»*. Место и Время играют ключевую роль в данном Событии. Так, заголовок публикации газеты «Республика» (*«БТР в парме и на сцене»*) объединяет мир реальный (сцена театра) и мир вымышленный (лексема «парма», являющаяся мифодримонимом, восходящим к коми легендам, усиливает ирреальность событий). Рецензент М. Володимерова указывает, что в постановку включена документальная видео хроника, тем самым стирается граница пространства и времени между вымышленным миром литературного произведения и реальными событиями из жизни России, сегодняшним днём и 1993 годом. Компонент Места в данной постановке можно охарактеризовать такими концептами-схемами, как «бескрайнее пространство» (*«техника разбросана по воинским соединениям», «тайга»*), «препятствие» (*«команда сталкивается с различными препятствиями»*), «круг» (*«аномальная зона», «экипаж начинает «кружить»»*).

Связь реального и ирреального своеобразно показана в рецензии Л. Вовк через компонент Условие: *«Мистика, которой немало в спектакле, витала и вокруг него»*. Журналист объясняет мистикой то,

что премьера состоялась спустя 4 месяца после назначенной даты из-за неожиданных увольнений и болезней ключевых актёров.

При описании того или иного компонента модели текста, рецензенты прибегают к разного рода оценкам [1: 75-77]. Рецензия из газеты «Республика», основную часть которой составляет пересказ спектакля, обладает, в основном, имплицитными оценочными элементами. Так, Владимир Тимин представляется автором *«нашумевшей повести»*, пришедшим на премьеру, а следовательно - заинтересованным в постановке (положительная интеллектуальная оценка). Светлана Горчакова, постановщик спектакля, видится человеком с нестандартным мышлением, поскольку упоминается об *«экспериментальном характере»* её постановки. Одним из способов оценки рецензента является гипотеза и подстановка себя на место другого Участника: *«Постановщик спектакля, похоже, ставит задачу акцентировать внимание зрителей на растерянности исполнителей приказа»*. Работа режиссёра и актёров не оценивается М. Володимеровой прямо, но фраза *«автор повести Владимир Тимин поднялся на сцену и поблагодарил режиссера и каждого участника действия»* обнаруживает положительную телеологическую оценку События. Однако у обоих рецензентов наблюдается отрицательная или скептическая нормативная оценка реальных действий начала 1990-х, отражённых в спектакле: *«вот и «пилит» экипаж машины боевой», «Действо начинается с трагических событий», «в злополучном октябре 1993 года»*.

Рецензент газеты «Красное знамя» – наоборот – половину публикации посвящает рассуждениям о спектакле, прибегая к обобщениям. Первоначальный тезис о том, что *«спектакль получился спорный и занозистый», «мешает, порой, полная эклектика»*, имеет отрицательную телеологическую оценку, однако, последующие размышления разрушают данное утверждение: *«возможно, современный спектакль и должен быть таким», «развлекая, поучай», «у «БТР-а» есть все шансы стать изюминкой»*. Положительно с эстетической точки зрения оценивается игра артистов и произведение автора: *«захватывающий сюжет, отличная игра актёров»*.

Итак, благодаря компонентам когнитивной модели текста театральной рецензии можно выстроить структуру театральной рецензии, включая большинство обязательных структурных элементов жанра. Однако на современном этапе театральная рецензия тяготеет к информационным жанрам, что влечёт за собой усечение некоторых обязательных составляющих. Так, среди важных структурных элементов жанра рецензии в каждой из публикаций не в полной мере представлены либо аксиологическая характеристика средств выражения авторской идеи, либо анализ деталей, либо определение места произведения в контексте творчества автора или современного театрального процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Баранов В.И., Бочаров А.Г., Суровцев Ю.И. Литературно-художественная критика: Уч. пос. для факультетов и отделений журналистики. М.: Высшая школа, 1982. 207 с.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Вовк Л. В парме затерялся БТР // Красное знамя. 2009. 24 января.
5. Володимерова М. БТР в парме и на сцене // Республика. 2009. 21 января.
6. Корнилов Е.А. Становление публицистической критики и структурное формирование жанра рецензии // Филологические этюды. Серия «Журналистика». Вып. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1971. С. 65-78.
7. Система средств массовой информации России: Уч. пос. для вузов / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text/61.htm> (дата обращения: 31.01.2015).
8. Смелкова З.С., Ассуирова Л.В., Савова М.Р., Сальникова О.А. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: Уч. пос. М.: Флинта: Наука, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/84.htm> (дата обращения: 12.11.2014).
9. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Уч. пос. М.: Аспект Пресс, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 13.11.2014).
10. Тертычный А.А. Состояние и перспективы развития системы жанров российских СМИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/675> (дата обращения: 1.02.2015).
11. Тертычный А.А. Тяжела ты, шапка рецензента // Журналист. 2000. № 6. С. 66-68.
12. Харитиди Я.Ю. Начало профессиональной театральной критики в России. С.Т. Аксаков. Автореф. на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. М., 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gitis.net/rus/postgraduate/notices/haritidi_auto.shtm (дата обращения: 4.11.2014).
13. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (дата обращения: 6.02.2015).

ЙОНАШ Эржебет Ч. (Ньиредьхаза, Венгрия)

Ньиредьхазская высшая школа
jonase@nyf.hu

**ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И СИНКРЕТИЗМ ПЕРЕВОДА
В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ
(на материале рассказа «Старые фотографии»)**

Аннотация. По различиям двух языков генеалогической терминологии рассмотрим венгерский перевод автобиографического рассказа Л. Улицкой «*Старые фотографии*» из книги «*Священный мусор*». Видно, что русская терминология родственников по браку для венгров оказывается сложной, потому что в венгерском языке лексически не различаются по описательной системе.

Перевод как когнитивная деятельность

Перевод – деятельность, заключающаяся в передаче содержания текста на одном языке средствами другого языка, а также результат такой деятельности. Её теоретическим осмыслением и оптимизацией занимается дисциплина, называемая наукой о переводе (англ. translation studies; нем. Übersetzungswissenschaft или Translationswissenschaft) и включающая в себя несколько направлений, среди которых выделяются теория перевода, анализ перевода, методика обучения переводу. Как и многие другие разделы прикладной лингвистики, перевод по существу междисциплинарен – он связан не только с наукой о языке, но и с литературоведением, когнитивными науками, культурной антропологией, страноведением. Венгерский лингвист, Янош Ш. Петёфи по мере глубинности когнитивного понимания текста различает слабую и сильную позицию восприятия и описания текста. Анализ перевода так же занимает слабую или сильную позицию (7: 15–36):

Междисциплинарность теории перевода и её практических приложений указывают на то, что перевод является не чисто языковым, а довольно сложным когнитивным феноменом. Переводя с одного языка на другой, человек использует как свои языковые знания и способности, так и самые разнообразные экстралингвистические знания (о физической природе мира, об обществе и его культуре, о ситуациях, в которых был порожден переводимый текст и будет восприниматься его перевод и т.д.), причем этапы понимания и

синтеза текста принципиально различаются. Уже Фердинанд де Соссюр (1857–1913) и его ученики показывали важную функцию социологического метода при изучении языковой деятельности, не исключавшего экстралингвистических факторов (2: 144).

В самом общем виде полную схему основных языковых и когнитивных операций, сопровождающих процесс перевода с одного языка на другой (с «языка источника» L_1 на «язык-цель» L_2), можно представить схемой, по которой перевод может осуществляться с разной степенью проникновения в содержание текста. Перевод предполагает, что в его ходе происходит построение некоторого концептуального (понятийного) представления содержания текста, предположительно не зависящего от особенностей входного и выходного языков и учитывающего всю полноту знаний, которые в связи с конкретным текстом могут быть привлечены переводчиком для максимально более глубокого понимания текста и максимально адекватной передачи его содержания на другом языке. Иными словами, перевод по полной схеме – это не подбор переводных соответствий, а максимально глубокое понимание текста с последующим порождением нового текста на другом языке, или, иначе, два последовательных перевода. Сперва на гипотетический концептуальный язык-посредник, а потом, уже с этого языка-посредника, на язык-цель. Сокращенная схема перевода предполагает установление переводных соответствий между смыслами текстов на языке-источнике и языке-цели; при этом смыслы сохраняют особенности этих языков и никакого языка-посредника не постулируется. Наконец, при краткой схеме перевода переводные соответствия устанавливаются непосредственно между выражениями языка-источника и языка-цели (1: 5).

Терминология родства в русском и венгерском

Системы родства – исторически обусловленные системы терминов кровного родства и свойства (родства по браку). Сами по себе эти термины являются частью словарного состава языка и изменяются в соответствии с законами развития последнего; но принципы группировки терминов определяются особенностями социальной организа-

ции и трансформируются по мере её изменения. В силу этого системы родства могут служить источником для изучения социальной структуры общества. Начало научному изучению системы родства было положено Л.Г. Морганом. Он разделил все системы родства на классификационные, в которых целые группы родственников обозначаются одним общим термином, и описательные, в которых родственное отношение каждого отдельного лица выражено специфически. Разграничиваются как прямые и боковые родственники, так и боковые родственники по линии отца и матери (ср. 6: 7).

Типично описательная система – русская терминология родственников по браку. Для венгров она оказывается сложной, потому что в венгерском языке лексически не различаются отношения по мужу и жене. «Тёща» и «свекровь», мать жены и мать мужа означает одно венгерское слово «анёш», «тесть» и «свёкр», отец жены и отец мужа – так же одна лексема «апош». Брат жены и брат мужа называется одинаково «швигер», а по венгерски «шогор», а сестра жены и мужа – «швигерин», то-есть «шогорнё», а для этих родственников муж и жена так же «шогор» и «шогорнё». В венгерском языке нет категории рода, которая может усиливать семантику биологического пола (ср. 8:10) :

Семейное дерево Л. Улицкой и проблемы перевода

По этим теоретическим основаниям рассмотрим венгерский перевод автобиографического рассказа Л. Улицкой «Старые фотографии» из книги «Священный мусор».

Людмила Улицкая – известная российская писательница (1943–). В её книгу «*Священный мусор*» (2012) вошли статьи, эссе, фрагменты интервью разных лет, знаменитая переписка с Ходорковским и отдельный очерк, посвященный борьбе писательницы с раком (Ср . 5:3). «*Старые фотографии*» о семье, о родственниках:

Улицкая, Л.: Старые фотографии (2012)	Ulickaja L.: Régi fényképek (2013)
Я не собираюсь воспользоваться услугами уже существующей лаборатории, которая сегодня дает на основании безмерно расширившихся знаний о структуре генов ошеломляющие сведения о родословных . Мне достаточно того немногого, что я знаю о своих предках (не дальше пятого колена).	Nem akarom felhasználni annak a már létező laboratóriumnak a szolgáltatásait, amely a gének szerkezetéről szerzett végtelen ismeretek alapján elképesztő információkkal szolgál a családfákról . Elég az a kevés is, amit a saját őseimről tudok (nem régebbre visszanyúlva, mint őt nemzedék).
Существует два фотодокумента, висящие у меня в спальне. Одну из фотографий подарила мне к шестидесятилетию моя троюродная сестра Оля Булгакова.	Van két fénykép a hálósobám falán. Az egyiket a hatvanadik születésnapomra kaptam ajándékban az unokanővéremtől , Olja Bulgakovától.
На ней запечатлен наш общий прадед часовщик Гальперин.	Ezen a fotón közös dédapánk , az órásmester Galperin látható.
На второй фотографии (...) книги. Книги принадлежали Михаилу, старшему брату моей бабушки .	A másik képen (...) könyvek. A könyvek Mihailéi, nagyanyám bátyjái voltak.
С детства я помню золотые и кожаные корешки в его квартире в Москве, в Ворониковском переулке, — там по сей день живет его внучка Оля Булгакова с мужем Сашей Ситниковым, дочкой Наташей и внучкой Алисой.	Gyermekkoromból emlékszem a bőrkötéses, arany könyvgerincekre a moszkvai lakásból, amely a Vorotnyikovszkij közben volt – a mai napig ott lakik az unokája , Olja Bulgakova a férjével , (...), a lányával (...) és a kis unokájával , Aliszával.
Бабушка Мария Петровна, дочь этого часовщика, вышла замуж за моего деда Якова Улицкого. От союза Марии Петровны и Якова Утицкого родился в 1916 году мой отец Евгений. (...) В прошлом году я открыла переписку бабушки и дедушки .	A nagyanyám , Marija Petrovna, az órásmester lány a Jakov Ulickijhez ment férjhez. Az ő frigyükből született 1916-ban az apám , Jevgenyij. (...) A múlt évben megtaláltam a nagyszülők levelezését.
По материнской линии – Гинзбурги. Самая старая семейная фотография Гинзбургов сделана в конце XIX века. (...) На ней изображен старый еврей в	Anyai ágon Ginzburgok vagyunk. A Ginzburgokról fennmaradt legrégebbi fotó a XIX. század végén készült. (...) Egy idős zsidó férfit ábrázol kipában. Ő a

ермолке. Это отценаачальник наш, Исаак Гинзбург, мой прапрадед .	mi ősapánk , egyben az én ükarám , Iszaak Ginzburg.
Я родилась в Башкирии, в деревне Давлеканово. (...) В избе жила хозяйка, бабушка, мама, мамин младший брат Виктор, тетя Соня.	Én Baskíriában, egy Davlekanovo nevű faluban születtem. (...) A rönkházban ott lakott a háziasszony, a nagyanyám, anyám, anyám öccse , Viktor, Szonya néni.
Моя бабушка Елена и Соня любили друг друга как сестры , но были не сестры, а тетка с племянницей .	Jelena nagyanyám meg Szonya úgy szerették egymást, mint a testvérek , de nem azok voltak, hanem nagynéni és unokahúg .
Сын Сони ушел в первые дни войны добровольцем, и муж, дедов брат Юлий, тоже был на фронте.	Szonya fia a háború első napjaiban bevonult önkéntesként, a férje pedig, a nagyapám öccse , Julij szintén a fronton szolgált.
Мои сыновья носят фамилию отца , как это теперь принято. Мои двоюродные братья все взяли русские фамилии матерей , как тогда было принято.	A fiaim az apjuk nevét viselik, ahogy ez manapság elfogadott. Az unokatestvéreim mindannyian felvették az anyjuk orosz nevét, amint ez akkoriban szokás volt.
(9)	(10)

В венгерском переводе Йожефа Горетитья различаются три группы семейной терминологии: совпадения, различия и образные описания концепта.

Совпадения в описании концепта

Первая группа представляет собой класс тех терминов, которые по описанию мира, семантическому значению почти совпадают в русском и венгерском. Правда, грамматически в венгерском нет морфологической категории рода, принадлежность выражается притяжательными окончаниями, а синтаксически словосочетания выражаются не аналитически, а одной лексемой (*старший брат*):

РУССКИЙ	ВЕНГЕРСКИЙ
о своих предках внучка	őseimről unokája
наш общий прадед с мужем	közös dédapánk férjével
с дочкой бабушка	lányával nagyanyám
от союза мой отец	frigyükből apám
прапрадед тетка с племянницей	ükarám nagynéni és unokahúg
сын	fia

Различия в картине мира

Во второй группе есть большее расстояние между двумя языками в картине мира, по перспективе описания концепта:

РУССКИЙ	ВЕНГЕРСКИЙ
о <i>родословных</i>	<i>családfákról (о дереве семьи)</i>
не дальше <i>пятого колена</i>	nem régebbre visszanyúlva, mint <i>öt nemzedék (пятого поколения)</i>
переписку <i>бабушки и дедушки</i>	<i>nagyszülők levelezését («великих» родителей)</i>
<i>отценачалник</i>	<i>ősapánk (первобытный отец)</i>
<i>сестры</i>	<i>testvérek (сестры и братья вместе)</i>
<i>дедов брат</i>	<i>nagyarám öccse (младший брат)</i>
<i>старшему брату</i> моей бабушки	<i>nagyanyám bátyjái (старший брат)</i>
<i>мамин младший брат</i>	<i>anyám öccse (младший брат)</i>
<i>двоюродные братья</i>	<i>upokatestvéreim (сестры и братья вместе на уровне внуков)</i>
моя <i>троюродная сестра</i>	<i>upokanővérem (старшая сестра на уровне провнучек)</i>

Третья группа содержит образные тропы и фигуры обоих языков, о которых здесь нет возможности подробно говорить.

Выводы

Лексемы и значения в двух языках частично совпадают, зато есть большее, меньшее расстояние в семантике, особенно в прагматическом аспекте. Перевод возможен, однако, из-за общего концепта семейной терминологии и в том случае, если семантические оттенки грамматических и стилистических отличий дают некоторые потери в переводе (рис. 1.) (4:101):

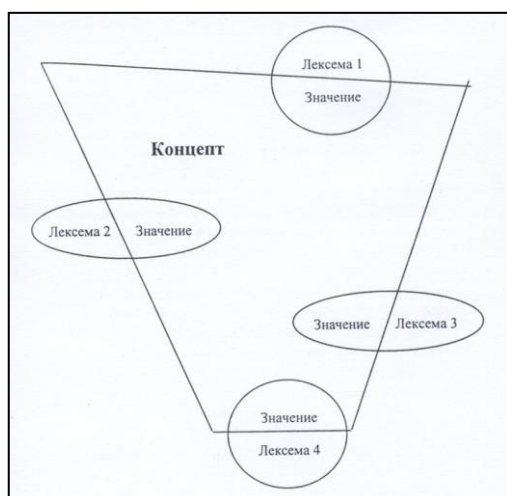

Рис. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия Кругосвет / Главн. ред. Добровольский А.В. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/PEREVOD.html (дата обращения: 2014-09-22).
2. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. М.: «Флинта»-«Наука», 2008.
3. Строганова А. Людмила Улицкая о новой книге «Священный мусор»: «Оказалось, что лишнего нет» ("Русская служба RFI", Франция). – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20121210/203181938.html#ixzz3Eh6EWfLE> (дата обращения: 2014-09-29, 2014-11-17).
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: Восток– Запад, 2007.
6. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Шмидт О.Ю. М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/132751/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B> (дата обращения: 2014-09-22).
7. Petőfi S. J. A nyelvi műalkotás elemzésének néhány aspektusa. In. A humán kommunikáció szemiotikai elemzése felé. Szeged: JGYTF: 15–36.
8. Sandrin. Какой термин придуман для мачехи мужа: Дом и семья. Семейная жизнь. http://www.domotvetov.ru/family/a/49700_219.html (дата обращения: 2014-09-23).
9. Улицкая Л.: Старые фотографии. Священный мусор. М.: «Астрель», 2012. http://www.e-reading.ws/chapter.php/1013893/7/UlickayaSvyaschennyu_musor_%28sbornik%29.html (дата обращения: 2014-07-28).
10. Ulickaja L. 2013. Régi fényképek. Örökbecsű limlom. (перевод: Goretity József) Budapest: Magvető: 19–24.

КАЛИНИНА Алевтина Анатольевна (*Йошкар-Ола, Россия*)

Марийский государственный университет
kalinina.07@inbox.ru

СЕМАНТИКА ЗАПРЕТА И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ: ПРЯМОЙ И ОБРАТНЫЙ

Аннотация. Предметом рассмотрения данной статьи являются прямой (в форме отрицательного) и обратный (в форме положительного высказывания) способы выражения запрета. Запрет, выражаемый средствами «обратного» высказывания, – вариант эмоционально и модально усиленного запрещения, производного от семантики угрозы, осложненный элементами семантики противоположного типа.

В грамматических работах «запрещение» – синоним понятия «побудительное предложение с отрицанием» («побуждение с отрицанием»), представитель зоны отрицательных значений в сфере побудительной речи, отрицательный противочлен оппозиции «побуждение / запрет».

В семантических исследованиях запрещение (прохибитив) трактуется как отрицательный коррелят приказа (А. Вежбицка) [2: 263]. Ср. также: «Прохибитивным коррелятом *приказа* является *запрет*, т.е. своего рода приказ с отрицанием» [3: 32]. Интерпретация запрещения как «приказа с отрицанием» предполагает высокую степень категоричности данной прескрипции.

Глубинно-семантическое представление запрета включает в себя пресуппозицию существования запрещаемого действия или намерения осуществить его. Говорящий имеет своей целью воспрепятствовать осуществлению действия, уже совершаемого говорящим или намеченного им к осуществлению, что позволяет квалифицировать запрет в его эталонной форме как тип реагирующего побуждения, вид волевой реакции на реально осуществляемое либо возможное действие адресата.

В качестве прямого способа реализации данного значения используется структура «побудительно-отрицательного» – отрицательного по грамматическим признакам императивного предложения: *Не приходи сюда больше!* Обратный способ представления данной семантики имеет место при использовании с этой целью структуры противоположного («обратного») грамматического типа высказываний – «побудительно-утвердительных» предложений: *Подойди только!* ('Не подходи!'). Ср.: *Поговори мне еще, так живо в моем желудке очутишься!* (А. Чехов); [Подхалюзин:] ... *Поговоришь, так и увидишь, за что. Вот пикни еще!* (А. Островский); – *Ну-ну! Разговаривай!* – *закричал пекарь* (М. Горький); *Разбуди меня еще раз посередь ночи, разбуди, я те разбужу!* (В. Шукшин).

Как запретительные функционируют в речи положительные по грамматическому оформлению высказывания с семантикой угрозы. Выражаемая в них интенция обратна той, которая получила выражение на поверхностном уровне высказывания, что дало возможность обозначения данных конструкций как «обратно-побудительных»: в предложениях данного типа «... эксплицируется действие слушающего (действие-причина угрозы), “обратное” действию, реально каузируемому говорящим, в случае неисполнения которого собеседника ждет

возмездие» [1: 534]. Ср. также: «В разговорной речи форма повелит. накл. глаголов сов. вида употребляется для “побуждения к запрещаемому” или “обратного побуждения”, т.е. для выражения запрещения называемого действия: *Поговори мне еще!* (т.е. ‘замолчи’)...» [4: 623]. Высказывания данного вида являют собой яркий пример асимметрии в рамках глобального соотношения «форма / содержание» и имеют отношение к «непрямому» употреблению императивных форм.

В обратно-побудительных предложениях значение запрета является производным от семантики угрозы – предупреждения о том, что в случае осуществления действия, названного императивом, собеседника ждет возмездие со стороны говорящего, что дает основание трактовать их как конструкции, предназначенные для выражения целеустановки угрозы [1: 533]. Действительно, запретительное значение обратно-побудительных конструкций неотделимо от семантики угрозы, однако угроза не может рассматриваться как самостоятельный тип целеустановки. Это компонент, имеющий отношение к репрезентации системы стимулов (мотиваций) к выполнению прескрипции. В речи значение данных конструкций прочитывается как запретительное. «В данном употреблении говорящий фактически побуждает не выполнять каузируемое действие, запрещает его...» [5: 233]. Конечная цель говорящего – добиться неосуществления нежелательного для себя действия, а не высказать угрозу в адрес собеседника, совершающего это действие. Высказывание угрозы лишь способ каузации неосуществления действия.

Прямой запрет также может сопровождаться выражением угрозы. Так, в предложениях типа *Не вздумай опоздать!* содержится оттенок угрозы в адрес собеседника. В семантической структуре обратно-побудительных высказываний выражение угрозы – обязательный компонент, семантика первого плана высказывания, а запретительное значение – вторичное, имплицитное, производное от значения угрозы.

Запрет, реализуемый в форме обратно-побудительного высказывания, в отличие от запрета, выраженного в прямой форме (= прямого запрета), утрачивает часть категоричности и силы, свойственной

прямому запрету (= приказу с отрицанием). По степени категоричности он примерно соответствует требованию (= «требование с отрицанием»). Говорящий требует неукоснительного выполнения прескрипции, но, не имея соответствующих властных полномочий, не может рассчитывать на беспрекословное выполнение своего требования, в связи с чем вынужден прибегнуть к фактору устрашения в виде угрозы, чтобы принудить адресата к неосуществлению действия. В ситуации требования, в отличие от ситуации приказа, адресат может не выполнить обращенное к нему требование, т.е., в случае «обратного побуждения», поступить ровно наоборот – вопреки запрету осуществить обозначенное действие. Ср.:

- *Ты что делаешь, подлец, я тебя спрашиваю?*
- *Не видишь разве? Повылазило у тебя нешто?*
- *Что-о-о? Что ты сказал? Повтори!*
- *То сказал, что ступай мимо!* (А. Чехов).

Показательным в этом смысле является и то, что обратно-побудительные высказывания нередко обращены к адресату–не-лицу – животному и даже неодушевленному предмету. Ср.: *Стоило ему оглянуться, как его хлестали вожжой по потному боку и раздавался все один и тот же угрожающий окрик: «Но-но, **оглядывайся** у меня!»* (К. Паустовский). Понятно, что при обращении угрозы в адрес животного отправитель побуждения не может быть абсолютно уверенным в выполнении своего требования. В случае с неодушевленным адресатом говорящий вообще не ожидает с его стороны какой-либо реакции. Ср.: *Еще раз выплюнь!* (обращение к банкомату, который не берет – «выплевывает» – сторублевую купюру).

Ослабление степени силы запрета, высказываемого в форме обратно-побудительного предложения, достигается за счет игры прямым (положительным) и обратным (отрицательным) смыслом конструкции и обусловлено наличием элементов противоположного значения в смысловой структуре высказывания. Побуждение к осуществлению действия (буквальное значение, идущее от положительной формы конструкции) вступает в сложное взаимодействие с семантикой запрета. Результатом сложения противоположных смыслов становится прояв-

ляющееся на этом фоне значение подстрекательства – побуждения к действию, чреватому неблагоприятными последствиями для его исполнителя, в данном случае в виде возможных санкций со стороны говорящего («побуждение к запрещаемому»). Ср. предложение, где отенок подстрекательства достаточно ощутим: *Но, чувствуя, что он нимало не боится отца, Яков уверенно смотрел в его угрюмые, злые глаза, точно говорил ему: «Ну-ка, тронь?!»* (М. Горький). Ср. также: *Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами!* (А. Блок).

Обратно-побудительное предложение содержит модальный компонент ‘не смей’, ‘даже не пытайся’. Именно этот смысл «выходит на поверхность» при использовании с целью выражения угрозы в адрес собеседника стабильных формул *Попробуй только!; Только посмей!* Ср.: – *Все, спи. И только попробуй снять!* (колпачок, надеваемый по требованию бабушки во время сна. – А.К.) (П. Санаев). Наличие данного компонента способствует модальному усилению запрета, но, с другой стороны, свидетельствует и о том, что возможность неповиновения со стороны адресата (возможность того, что адресат «посмеет», «попытается») изначально заложена в семантике «обратного» побуждения.

При обратном способе выражения запрета отношения между адресатом и адресантом расцениваются как конфликтные. Это достаточно агрессивный способ высказывания запрета. Сфера употребления обратно-побудительных конструкций – разговорная речь.

Таким образом, запрет, использующий форму противоположного типа высказываний, – это экспрессивный, эмоционально и модально усиленный вариант требования с отрицанием, осложненный семантикой угрозы в адрес слушающего. При данном способе выражения запрет реализуется средствами положительной структуры. Этим обусловлен своеобразный симбиоз признаков собственно побуждения (побуждения к осуществлению действия) и запрета (побуждения к неосуществлению действия) в семантической структуре высказывания, что находит выражение в столкновении прямого и обратного смыслов

языкового выражения, оказывающих ограничивающее воздействие друг на друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002. 752 с.
2. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 251–275.
3. Изотов А.И. Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). М.: Филология, 1998. 112 с.
4. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
5. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

**КАЛИНИНА Людмила Викторовна,
ТРУШКОВ Михаил Алексеевич** (Киров, Россия)

Вятский государственный гуманитарный университет
grifon.kalinina@yandex.ru; yoga-kirov@mail.ru

О ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ СОЧЕТАНИЙ "ТИПИЧНЫЙ + ИМЯ СОБСТВЕННОЕ" В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье на материале примеров из Интернета и Национального корпуса русского языка рассматриваются случаи нестандартной сочетаемости прилагательного *типичный*: употребление его в конструкциях вида «типичный + имя собственное» (*типичный Киров, типичная Лайза Минелли, типичный «Вольво», типичный ВятГГУ* и др.). Объясняются причины появления подобных сочетаний.

Объектом нашего рассмотрения выступает прилагательное *типичный*, а именно – его синтагматические особенности. Причиной обращения к анализу данного прилагательного послужила его заметная актуализация в современной речи, на что мы уже обращали внимание [2: 54; 5; 6].

Прилагательное *типичный*, значение которого составляют семы ‘свойственный какому-нибудь типу’, ‘образцовый’, ‘характерный’, ‘классический’, ‘средний’ [ср. 1; 3; 4] сочетается обычно с нарицательными существительными и характеризует объект, оцениваемый как стандартный, обладающий какими-либо привычными, узнаваемыми свойствами: *типичный школьник, типичный грипп, типичная англичанка,*

типичное хамство и т.д. Однако в современной речи мы наблюдаем не совсем обычную сочетаемость слова *типичный*. Оно в настоящее время приобретает способность сочетаться с названиями единичных, уникальных, индивидуальных объектов, называемых именами собственными, ср.: *типичный Киров, типичный ВятГГУ, типичный Вася* и др.

Цель настоящей статьи – попытаться объяснить причины появления у прилагательного *типичный* нестандартных для него синтагматических отношений.

Для начала дадим общую характеристику языкового материала, послужившего основой для наших наблюдений. Нами были проанализированы данные Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) – 2341 пример употребления форм *типичный, типичная, типичное*, а также примеры, извлечённые из Интернета, из социальной сети «ВКонтакте»: методом сплошной выборки мы отобрали 350 словосочетаний со словом *типичный* – названия наиболее популярных (по числу подписчиков) сообществ данной социальной сети, таких как *Типичный рокер; Типичная девушка; Типичный Екатеринбург* и т.д. (Всего же в соцсети «ВКонтакте» зарегистрировано более 50 000 сообществ и публичных страниц, названия которых построены по модели «типичный N». – *Прим. авт.*)

Анализ материала показал, что нестандартная сочетаемость прилагательного *типичный* развивается прежде всего в языке Интернета. Так, среди примеров, извлечённых из НКРЯ, сочетаемость с именами собственными отмечена лишь в 25 случаях из 2341 (1,07% от общего количества), в то время как среди примеров из соцсети «ВКонтакте» – в 149 из 350 (42,5%).

Приведём некоторые примеры из НКРЯ: *Катя моя – романтическая дура, Алёшка твой – типичный Лель с дудочкой* (Г. Щербакова. Моление о Еве); *Ему это было свойственно: чудовищное преувеличение, подаваемое как обычное явление. Это типичный Глазков* (К. Ваншенкин. Писательский клуб); *Сценарий очень роммовский, крепкий, социальный, не слишком глубокий. Типичный Ромм конца 30-х* (М. Козаков. Актёрская книга); *Надежда – учительница,*

типичная Амосова, безалаберная, училась в педтехникуме (Н. Амосов. Голоса времён); *Он шепнул: – Вы типичная Лайза Минелли* (С. Довлатов. Встретились и поговорили); *Младший седан – типичный «Вольво»* (К. Зацепин. Младший хранитель традиций); *Типичный цвейговский «Амок» по-русски* (В. Лебедев. Вечный праздник в Москве).

Примеры из НКРЯ, хотя и ясно показывают, что прилагательное *типичный* может сочетаться с разными видами имён собственных (антропонимами, идеонимами, хремотонимами и др.), по причине своей малочисленности всё же не могут служить основой для более или менее важных выводов. Поэтому дальнейший анализ нестандартных синтагматических связей слова *типичный* будет производиться на материале примеров из Интернета.

Все сочетания прилагательного *типичный* с именами собственными можно условно разделить на несколько видов:

1. Сочетания с названиями географических объектов (как правило, городов; 107 примеров): *Типичный Питер. Типичный Екатеринбург. Типичный Донецк. Типичный Воронеж. Типичный Ростов-на-Дону. Типичный Кемерово. Типичный Тамбов. Типичный Нижний Новгород. Типичный Киров. Типичный Крым. Типичный Ярославль. Типичный Казахстан. Типичный Уренгой* и др.

2. Сочетания с именами конкретных людей или персонажей (17 примеров): *Типичный Валентин Стрыкало. Типичный Есенин. Типичный Слендер. Типичный Кей Попер. Типичный Бельфегор. Типичный Локи. Типичный Бальзак. Типичный Мориарти. Типичный Паша Микус. Типичный Максим Горький. Типичный Дарт Вейдер. Типичный Железный Человек. Типичный Стас* и др.

3. Сочетания с названиями игр, фильмов и прочих объектов массовой и медийной культуры (17 примеров): *Типичный Counter-Strike. Типичный Warface. Типичный Властелин Колец. Типичный Minecraft. Типичный WoT. Типичный Point Blank. Типичный Охххуmiron. Типичный Доктор Кто. Типичный SAMP. Типичный Cross Fire* и др.

4. Сочетания с названиями учреждений и организаций (8 примеров): *Типичный ВАЗ. Типичный МГУ. Типичный BMW. Типичный ТНУ. Типичный ГАЗ. Типичный НГУ. Типичный БНТУ. Типичный ВГГУ.*

Все эти объекты уникальны: и компьютерная игра, и населённый пункт, и автомобильный бренд, и герой фильма, и реальный человек. На первый взгляд, мы не можем представить образ «типичного» конкретного города, «типичного» определённого учебного заведения или «типичной» конкретной личности. И, тем не менее, с данными понятиями активно сочетается слово *типичный*, семантика которого, как кажется, вступает в противоречие со значением определяемых им слов. В связи с этим ср. также название фотопроекта *Уникальная типичность*, опубликованного на сайте журнала «Esquire» [см. об этом подробнее 2: 56–57].

Какие же семантические процессы делают возможной сочетаемость «типичный + имя собственное»? Обратимся к более подробному анализу нашего языкового материала.

Например, в сочетаниях слова *типичный* с названиями городов (*Типичный Питер. Типичный Сочи. Типичный Ульяновск* и др.), очевидно, подразумевается, что каждому отдельно взятому городу присущи свои характерные черты, свои особенности: в каждом из них существуют свои достопримечательности, обычаи, темы для шуток и т. д. – всё это и охватывается характеристикой «типичный».

Под определением *типичный* в таких случаях подразумевается подведение под тип *внутри* данного объекта. Это противоречит стандартному процессу типизации (или, в терминах когнитивной лингвистики, категоризации): обычно, чтобы оценить какой-то объект как «типичный», необходимо сравнить его с массой других аналогичных объектов-представителей данного класса. Если по большинству существенных признаков сравниваемые объекты совпадают – значит, они «типичные» представители класса или категории. Так, выражение *типичный южный город* предполагает, что мы сравнили друг с другом некоторое множество разных южных городов, обнаружили у них определённые сходные признаки и вывели некое «среднее арифметическое», которое и назвали «типичным южным городом». В случае же сочета-

ния вида *Типичный Сочи* мы выделяем некоторые характерные признаки *внутри* города Сочи. По сути, мы выявляем уникальность, специфику Сочи, но называем совокупность этих специфических черт словом *типичный* – то есть типичный для Сочи, но не для Москвы или Конотопа. А затем «типичное для города» метонимически становится «типичным городом».

Аналогичные процессы идут и в других выделенных нами группах. В сочетаниях вида *Типичный МГУ* или *Типичный Властелин Колеца* подчёркивается доскональное знание особенностей конкретного учреждения или произведения; в сочетаниях типа *Типичный Валентин Стрыкало* или *Типичный Мориарти* реальные люди и вымышленные персонажи тоже метонимически названы *типичными* за свои особенные, присущие только им черты, стиль, образ мыслей, модель поведения.

Таким образом, сочетаемость прилагательного *типичный* с именами собственными представлена в настоящее время прежде всего в языке Интернета и объясняется выделением существенных признаков *внутри* данного объекта. В таких случаях речь идёт о неповторимых чертах, особенностях и качествах названного уникального объекта, но именно эти черты обобщаются определением *типичный*, в результате чего становится возможной метонимическая замена: вместо нормативной конструкции «типичный + для + имя собственное» появляется нестандартная сочетаемость «типичный + имя собственное».

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М., 2011.
2. Калинина Л.В. Образ человека рубежа XX–XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов: монография. Киров, 2013.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
5. Трушков М.А. Прилагательное *типичный* как средство создания образа человека (на примере интернет-мема «Типичный йог») // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров, 2013. С. 63–69.
6. Трушков М.А. Нетипичная сочетаемость слова *типичный* // Проблемы современной русской словесности: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции, посвящённой 100-летию ВятГГУ 3–4 октября 2014 года. Киров, 2014. С. 123–129.

КАНАФЬЕВА Алевтина Васильевна (Москва, Россия)

Московский государственный областной университет
kafedralekant@yandex.ru

ПАРТИКУЛЯРНЫЕ РИТОРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Аннотация. Доклад посвящён роли вопросительных частиц, или партикулярных риторических компонентов, как облигаторных в риторических высказываниях, имеющих условно вопросительную форму и специфику модальных и эмоциональных значений. Обращается внимание на способность этих компонентов образовывать аналитические сочетания, корректирующие семантику риторического высказывания.

К партикулярным риторическим компонентам высказывания относятся вопросительные частицы *ли, или (иль), разве, неужели (ужель), что за, что если (а что если; ну, а если; ну, а коли (коль), не ли (ль)* и некоторые другие. Наличие их в высказывании создаёт его экспрессивную условно вопросительную форму с разнообразными оттенками модально-эмоционального смысла. В.В.Виноградов отмечал, что отпечаток модальности присущ всем вопросительным словам: «Модальные значения вопросительных наречий и частиц сказываются в их яркой экспрессивной окраске» [1: 742]. Яркая экспрессивная окраска, модальность, присущие высказываниям с вопросительными частицами, явились причиной того, что В.В.Виноградов вывел их за пределы восьми основных разрядов частиц, сблизив с категорией модальных слов: «Класс частиц глубоко внедряется в категорию модальных слов, и тут складываются и развиваются новые, гибридные типы частиц» [1: 666].

Разнообразие частиц этого разряда обуславливает и разнообразие моделей партикулярных риторических высказываний. Наличие в высказывании той или иной частицы приводит к появлению в нём разнообразных оттенков субъективного плана. Партикулярные риторические высказывания с той или иной частицей содержат «скрытую семантику генерализации», представляющую собой обобщение человеческого опыта и осознаваемую социумом [3: 98]. Иначе говоря, скрытая, «теневая» семантика высказываний с частицами декодируется носителями языка без особых усилий, адекватно замыслу говорящего.

В риторических высказываниях с перечисленными выше частицами модальные значения (предположения, недопустимости, невозможности, нецелесообразности) сочетаются с разнообразными эмоциональными оттенками значения, позитивными или негативными (надежды, радости, смятения, тревоги, страха, боязни, осуждения, протеста и др.). Частицы являются необходимым компонентом формы и смысла риторического высказывания: «частицы не только соотносятся с действительностью и не только сообщают дополнительные смысловые строки, но также являются компонентом того высказывания, в которое данная частица входит [3: 93].

Учитывая перечисленные особенности названных частиц, их специфику в представлении модальных значений риторических высказываний, мы предлагаем термин **партикулярный риторический компонент – ПРК**.

Рассмотрим сказанное выше на примере партикулярных риторических высказываний с ПРК **что если** и его эквивалентами (**а что если; ну, а если; ну, а коли; а если; а ежели**). Как отмечает И.П. Распопов, в этой частице «значение неуверенного предположения сочетается с некоторыми другими оттенками значения (неожиданность, необычность, нежелательность предположенного)» [5: 36]. Модальное значение предположения «переплетено» с негативными или позитивными эмоциями говорящего. Например: [Хлестаков] (*испугавшись*) **Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж, если благородным образом, я пожалуй... нет, нет, не хочу!** (Н. Гоголь) – предполагаемость чьих-то действий, неясность, неопределённость, закрытость перспективы сопряжены для говорящего с тревогой, боязнью, страхом. Модальное значение предположения сочетается с другим эмоциональным состоянием говорящего – надеждой на осуществление чьих-то действий, радостью, предвкушением чего-то желаемого: *Я вдруг вспомнила шутливое обещание Сиверса прийти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной... А что, если он не шутил? Что, если он медленно и неслышно подойдёт к балко-*

ну? (И. Бунин). Идентификация конкретного значения риторического высказывания осуществляется благодаря контексту.

Риторические высказывания с ПРК *что если* можно сопоставить с типизированной условно-следственной конструкцией: *Что последует, если что-то произойдёт?*

Частотой употребления отличаются риторические высказывания с ПРК *разве* и *неужели*, значение которых нередко отождествляется, с чем трудно согласиться. Риторические высказывания с *разве* выражают модальные значения недопустимости, невозможности, с которыми сочетаются отрицательные эмоции: а) осуждения *На дворе кто-то кричал: - Вы что, товарищи – шутите? Разве так лошадей держат? Так – свиней не держат!* (М. Горький); б) сожаления, грусти *Но разве я к тебе вернуться смею?* (А. Ахматова); в) назидательного возмущения *Но разве можно быть такой кислятиной? Отчего вы не протестуете? Чего молчите? Разве можно на этом свете не быть зубастой? Разве можно быть такой размазнёй?* (А. Чехов); г) уверения в искренности отношения, чувства *Но тебя я разве позабуду?* (С. Есенин).

Комплекс значений, выражаемых риторическими высказываниями с ПРК *разве*, богаче и разнообразнее, чем «выражение уверенности в противоположном ответе» [4: 647]. О наличии этого значения можно говорить по отношению лишь к некоторым риторическим высказываниям. Например: – *Да это те же татары!* – сказал кто-то. – *Сам ты татарин!* – возразил Перстень, негодуя. – *Разве так идёт орда? Разве бывает, чтоб татары шли пешие? А этого не видишь впереди на сером коне? Разве на нём татарская бронь?* (А.К. Толстой) – риторические высказывания выражают несогласие с иным мнением, возражение, уверенность в противоположном, но одновременно возмущение и даже негодование: *возразил, негодуя*.

Значение *неужели* перекликается со значением *разве*. Однако не следует их отождествлять: *разве* и *неужели* будто бы служат «для выражения уверенности в противоположном ответе» [4: 225]. Такое определение семантики ПРК *неужели* справедливо по отношению лишь к некоторым риторическим высказываниям и требует обязательной кор-

рекировки. Чаще всего уверенности говорящий не проявляет. Пропозиция с ПРК *неужели* представляется говорящему невероятной [1: 270]. Как отмечают те же авторы, «содержание предложения с частицей *разве* противоречит положительным сведениям, которыми ранее располагал говорящий, а содержание предложения с частицей *неужели* – его гипотезам, которые он склонен выдвинуть, но об истинности которых у него нет положительных данных» [1: 275].

В интериоризованной речи риторические высказывания с *неужели* выражают: а) предположение говорящего о нежелательных для него действиях какого-то известного ему лица, сопряженное с негативными эмоциями возмущения, бешенства, ярости: *На мгновение всё так и завертелось кругом Раскольникова. «Неужели, неужели, – мелькало в нём, – он лжёт и теперь?»* (Ф. Достоевский); страха перед неизбежным, предопределённым, подсознательный протест: *Неужели исчезнут и эти ели и этот снег навсегда растает? Люди любимые, неужели вас у меня не станет?* (В. Тушнова); *Надвигались туманы... Неужели во тьме Только ложь и обманы?* (М. Кузмин); *Мы падаем, снова слабея. Ужели напрасен весь труд?* (К. Бальмонт). Говорящий не в силах что-либо изменить, да и не считает это нужным. Он лишь неуверенно пытается заглянуть вперед, в неизвестное и иногда пугающее будущее. В субъективных размышлениях риторические высказывания с ПРК *неужели* представляют собой утверждение истинных ценностей через отрицание мнимых: *Природа дышала примирительной красотой и силой. Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звёздным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщениия или страсти истребления себе подобных? Всё недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственнейшим выражением красоты и добра* (Л. Толстой «Набег»).

На наш взгляд, *неужели* в риторическом высказывании выражает, скорее, надежду на противоположное, а не уверенность.

Частица *что* за определяется В.В. Виноградовым как вопросительно-восклицательная; Грамматикой русского языка 1952 г. рассматривается среди частиц, вносящих эмоционально-экспрессивные оттенки и употребляемых по преимуществу в восклицательных предложениях. В ТСРЯ под ред. Д.Н.Ушакова указано, что она употребляется в вопросе или в восклицании и приравнивается к вопросительным местоимениям – какой? (какая? какое?) [6: 1295 – 1296]. В «Объяснительном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина конструкции с этой частицей отмечены как фразеологизированные выражения: *Что мне (тебе, ему...) за дело до кого-чего-л.* [4: 389].

В риторических высказываниях ПРК *что за* образует цельные сочетания с существительными отвлечённой семантики, которые можно определить как партикулярно-субстантивные риторические компоненты: *что за беда, что за важность, что за вопрос, что за нужда, что за печаль, что за охота, что за радость, что за удовольствие, что за грех, что за надобность* и др. Эти стабильные сочетания являются вспомогательным компонентом аналитической формы главного члена в безлично-инфинитивных конструкциях и выражают значения нецелесообразности, ненужности; осуждения, неодобрения: *Скажите, пожалуйста, что вам за охота так рано жениться? Что за удовольствие в такие молодые годы надевать на себя кандалы?* (А. Чехов); *Что, в самом деле, за нужда мне торчать целыми днями в магазине? Я этот магазин – к чёрту* (А. Ремизов).

Партикулярный риторический компонент *что ли* – яркий образец гибридности – находится в сфере «эмоционального освещения самой изображаемой действительности» [2: 738]. Подобно вводным словам, он включается в различные формы предложений. В составе риторических высказываний *что ли* формирует «обозначение тех эмоциональных или волевых модальностей, которыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь факторов и мыслей» [там же]. В ТСРЯ под ред. Д.Н.Ушакова *что ли* имеет помету: «в значении вводного слова (разг.) – употр. для выражения сомнения, неуверенности, в знач.: или что-н. иное» [6:1296]. Это толкование представляется наиболее точным, адекватно представляющим семантику *что ли*. В риторическом высказы-

вании *что ли* представляет неуверенное предположение: *Тишины хочу, тишины... Нервы, что ли, обожжены* (А. Вознесенский); *Куда мне деться в этом январе? Открытый город сумасбродно цепок. От замкнутых я, что ли, пьян дверей? И хочется мычать от всех замков и скрепов* (О. Мандельштам); *Пётр прирос к земле, повторив: – Что же это? С тоски по отце, что ли?* (М. Горький); [Мамаев] *Врага, что ли, ты нажать себе хочешь?* (А. Островский); *Тоска. Сапоги себе почистить, что ли?* (А. Чехов); *Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?* (С. Есенин).

В риторическом высказывании нередко употребляются целые комплексы частиц. Например, в риторических высказываниях с присубстантивным компонентом *какой* и приглагольным *не*: *Чего-чего, канун свиданья, От нас надменно ты не брал, Томим горячкой ожиданья, Каких я благ не презирал? И, изменяя равнодушно Искусству, долгу, сам себе, Каких уступок, малодушный, Не делал, Завтра, я тебе?* (М. Кузмин); *Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова?* (И. Тургенев). Проминальный компонент *какой* может образовывать сочетания с партикулярными *же, только*: *Каких же благ не презирал? Каких уступок же не делал? Каких только благ не презирал? Каких только уступок не делал? Каких же только благ не презирал? Каких же только уступок не делал?* Эти аналитические комплексы в риторическом высказывании способствуют достижению высокой степени интенсификации утверждения, усилению его эмоционально-оценочной и воздействующей функции.

Наблюдения за функционированием в риторических высказываниях партикулярных компонентов приводит к выводу о том, что благодаря им создаётся не только вопросительность формы, но и широкий и яркий спектр модальных и эмоциональных значений с их оттенками, нюансами, тонкостями. Частицы обладают специфической функцией в создании «скрытой семантики», «теневого высказывания», выходя «за пределы описываемой нормативной ситуации» [3: 91].

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947. 783 с.
3. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
4. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. / Под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 432 с.
5. Распопов И.П. Вопросительные предложения // Русский язык в школе. 1970. № 1. С. 34-37.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: в 4-х тт. М.: 1935-1940.

КАЧАН Ольга Георгиевна (*Минск, Беларусь*)

Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
S.I.VORONEZ@tut.by

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ С ОТТЕНКОМ ЕСТЕСТВЕННОГО РЕЗУЛЬТАТА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Анализируются эксплицитные и имплицитные способы выражения синтаксического значения функционального назначения с оттенком естественного результата и описываются разноуровневые синтаксические конструкции для выражения этого значения в современном белорусском литературном языке.

Праблема суадносін семантыкі і сінтаксісу ў розны час ставілася і вырашалася па-рознаму. Нягледзячы на нават крайнія выпадкі вырашэння гэтай праблемы (напрыклад, сцвярджэнне поўнай незалежнасці сінтаксічных структур ад семантыкі), важнасць семантычнага даследавання сінтаксічных парадыгмаў мае прынцыповае значэнне. І гэта не дзіўна, таму што галоўная задача апісання мовы – "лінейная арганізацыя семантычнай інфармацыі" [1: 18]. Вырашэнне гэтай задачы звязана з выяўленнем і пабудовай як сістэмы значэнняў, аб'яднаных адной семантыкай, так і сістэмы спосабаў і сродкаў яе выражэння.

Сістэма значэнняў сінтаксічнай катэгорыі мэты ў сучаснай беларускай літаратурнай мове мае полеваю структурыраванасць і прадстаўлена вялікай колькасцю рознаўзроўневых сінтаксічных

канструкцый. Набор дыферэнцыяльных семантычных прыкмет і сістэма бінарных апазіцый далі магчымасць акрэсліць межы мэтавага сінтаксісу і размежаваць выпадкі сінкрэтызму і сумяшчэння мэтавай семантыкі з іншымі лексіка-граматычнымі значэннямі, што і складаюць перыферыю семантычнай макраструктуры сінтаксічнай катэгорыі мэты. У перыферыі выразна вызначаюцца тры зоны: у першай зоне значэнне мэты з'яўляецца галоўным, а сумежнае – дадатковым, у другой зоне значэнне мэты і сумежнае значэнне сумяшчаюцца “на роўных правах”, у трэцяй – мэтавае значэнне становіцца дадатковым, а сумежнае – галоўным.

Цікава адзначыць, што амаль усе сінкрэтычныя значэнні мэтавай семантыкі (аб'ектна-мэтавае значэнне, значэнне мэты, ускладненае значэннем натуральнага выніку, значэнне мэты з адценнем прызначэння, значэнне функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку) выражаюцца як экспліцытнымі сродкамі, так і імпліцытнымі. Выключэнне складае значэнне фінальнага інтарэсу, якое знаходзіцца на перасячэнні першай і другой перыферыяльных зон. Толькі экспліцытнымі спосабамі перадаюцца і выпадкі сумяшчэння значэння мэты з іншымі лексіка-граматычнымі значэннямі (мэты і месца, мэты і часу, мэты і спосабу дзеяння, мэты і прычыны, мэты і ўмовы).

Пералічаныя семантычныя разнавіднасці сінтаксічнай катэгорыі мэты і выпадкі сумяшчэння лексіка-граматычнага значэння мэты з іншым лексіка-семантычным значэннем асноўныя, найбольш характэрныя. Безумоўна, магчымы і іншыя семантычныя разнавіднасці і выпадкі сумяшчэння, паколькі семантычныя зрухі ў мэтавай семантыцы адбываюцца пастаянна і заканамернасць гэтых зрухаў носіць аб'ектыўны характар.

Значэнне функцыянальнага прызначэння, ускладненае значэннем натуральнага выніку, характарызуецца адсутнасцю такой дыферэнцыяльнай семантычнай прыкметы, як актыўнае, свядомае дзеянне, накіраванае на дасягненне мэты, і з'яўленнем дыферэнцыяльнай прыкметы неабходнасці. Наслаенне значэння натуральнага выніку адбываецца толькі на значэнне функцыянальнага

прызначэння, паколькі значэнне генетычнага прызначэння а priori ўтрымлівае элементы значэння неабходнасці.

На сінтаксічным узроўні простага сказа значэнне функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку экспліцытна выражаецца **канструкцыямі з залежным бяззлучнікавым інфінітывам або інфінітывам са злучнікам каб**. Фармальна-граматычнымі паказчыкамі значэння функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку ў такіх канструкцыях з'яўляецца наяўнасць у галоўным кампаненце (ГК) канкрэтнага або абстрактнага назоўніка ў спалучэнні з лексічнай адзінкай з мадальным значэннем неабходнасці, а ў залежным кампаненце (ЗК) – дзеяслова ў форме інфінітыва са значэннем дзеяння, рэалізацыя якога магчыма толькі пры наяўнасці таго неабходнага, на што ўказваецца ў ГК. Неабходна адзначыць, што ў некаторых выпадках актуалізуецца не само дзеянне, а характар яго працякання: *На пляце сядзець – не на лаве, Патрэбны і смеласць і прыт* (Якуб Колас). Канструкцыі з залежным бяззлучнікавым інфінітывам непрадуктыўныя, функцыянуюць толькі ў стылі мастацкай літаратуры. Канструкцыі з залежным інфінітывам са злучнікам каб – актыўная форма выражэння значэння функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку ва ўсіх стылях сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Субстантыўныя канструкцыі з залежнай прыназоўнікава-склонавай формай для +род. можна падзяліць на тры групы ў залежнасці ад сродкаў выражэння ГК і ЗК: 1) ГК і ЗК выражаны канкрэтнымі назоўнікамі, 2) ГК выражаны канкрэтным назоўнікам, а ЗК – аддзеяслоўным назоўнікам, 3) ГК і ЗК выражаны аддзеяслоўнымі назоўнікамі: *Гэта веданне неабходна для хутчэйшага авалодання ўсімі скрабамі культуры чалавецтва* (Кузьма Чорны). Найбольш прадуктыўнымі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове з'яўляюцца канструкцыі 2 і 3 груп, яны ўжываюцца ва ўсіх стылях мовы. Фармальна-граматычнымі паказчыкамі з'яўляюцца наяўнасць лексічнай адзінкі з мадальным значэннем неабходнасці, абавязковасці і наяўнасць у ЗК канкрэтнага або аддзеяслоўнага назоўніка.

Канструкцыі з залежнай прыназоўнікава-склонавай формай назоўніка з прыназоўнікам на непрадуктыўныя і выкарыстоўваюцца ў стылі мастацкай літаратуры. Яны характарызуюцца наяўнасцю ў ГК лексічна выражанага мадальнага значэння неабходнасці і канкрэтнага назоўніка або займенніка ў ЗК: *На ўсё ўмельства трэба і практыка* (Якуб Колас). Непрадуктыўнай з'яўляецца і **канструкцыя з ЗК к+дав.**, у якой ГК і ЗК выражаны канкрэтнымі назоўнікамі: *А к вяселлю рубель Часам трэба калі* (Янка Купала). Указаны экспліцытны спосаб выражэння значэння функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку таксама ўжываецца ў стылі мастацкай літаратуры.

На сінтаксічным узроўні складанага сказа значэнне функцыянальнага прызначэння, ускладненае значэннем натуральнага выніку, рэалізуецца **складаназалежнымі сказамі**, часткі якога звязаны падпарадкавальным злучнікам каб і інтанацыяй. У якасці выказніка галоўнай часткі выступаюць словы з мадальна-прэдыкатыўным значэннем, даданая частка можа стаяць як у постпазіцыі, так і ў прэпазіцыі: *А каб быць гаспадаром, каб умець сваімі рукамі будаваць сабе жыццё, трэба навука, такая, што навучыла б вас, як жыццём сваім кіраваць, як трэба наладзіць гаспадарку сваю, каб з яе карысць была, – нам трэба школа* (Якуб Колас). Сфера функцыянавання такіх сінтаксічных канструкцый – публіцыстычны стыль і стыль мастацкай літаратуры.

На сінтаксічным узроўні тэксту даследуемае значэнне рэалізуецца **складанымі сінтаксічнымі цэлымі (ССЦ)**, у якіх у стрыжневым (або стрыжневых) сказе ўказваецца на прадмет, асобу, а ў наступным – на мэту, для дасягнення якой яны неабходны. Структурным сродкам арганізацыі кампанентаў такіх ССЦ звычайна выступае безасабова-прэдыкатыўнае слова трэба: *Толькі трое партызан-падрыўнікоў асталіся ля склада авіябомб, які быў размешчаны ў некалькіх глыбокіх траншэях. Трэба было пусціць у паветра гэтае гітлераўскае дабро* (Міхась Лынькоў). Двухкампанентныя і многакампанентныя ССЦ са значэннем функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку характэрны для стылю мастацкай літаратуры і рэдка рэалізуюць гэтае

значэнне ў іншых стылях сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Мэтавы кампанент як у двухкампанентных, так і ў многакампанентных ССЦ заўсёды выражаецца ў наступным сказе ў складзе ССЦ.

Імпліцытнае выражэнне значэння функцыянальнага прызначэння, ускладненага значэннем натуральнага выніку, заснавана, як і выражэнне значэння функцыянальнага прызначэння, на ведах, атрыманых з калектыўнага вопыту, і экспліцытна выражанай інфармацыі пра прадмет, які не толькі называецца, але і ўказваюцца элементы яго характарыстыкі. Наяўнасць экспліцытнага ўказання на якасць прадмета або на час яго выкарыстання дазваляе гаварыць пра яго прызначэнне: *Мне трэба цёплае паліто і буркі* (Якуб Колас). Імпліцыруецца мэта: 'не замерзнуць; трэба цёплае паліто і буркі, каб не замерзнуць'. *Пасля таго ж, калі выпішуць з бальніцы, трэба доўгі адпачынак, ужо не кажучы пра Барвіху, у якой канечне трэба пабыць* (Якуб Колас). У гэтым прыкладзе імпліцытнае выражэнне значэння бапіраецца на выкарыстанне мнагазначнага слова: 'Барвіха – гэта і чыгуначная станцыя і санаторый'.

Цікава адзначыць, што імплікацыі “паддаецца” не толькі значэнне функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку, але і мадальнае значэнне неабходнасці, якое ў большасці выпадкаў перадаецца экспліцытна: *Кажуць у чаўне тады: – Ну і ну... От жа рыба жыруе, акуні ўсхадзіліся, каб то вудачку тую...* (Міхась Лынькоў).

На сінтаксічным узроўні тэксту імпліцытнае значэнне функцыянальнага прызначэння з адценнем натуральнага выніку перадаецца ССЦ, у якіх у стрыжневым сказе называецца прадмет, паняцце, а ў наступным утрымліваецца экспліцытная інфармацыя аб магчымым характары прызначэння гэтага прадмета, паняцця: *Дождж патрэбен. Душа баліць – кепска расце на полі* (Якуб Колас). Імпліцыруецца значэнне: патрэбны дождж для лепшага росту раслін.

Значэнне функцыянальнага прызначэння, ускладненае значэннем натуральнага выніку, рэалізуецца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове рознаўзроўневымі канструкцыямі экспліцытным і імпліцытным спосабамі.

Выбар патрэбнага спосабу з набору магчымых рэгламентуецца фактарамі лексічнага, граматычнага, стылістычнага і нарматыўнага парадку. Здольнасць сінтаксічнай канструкцыі рэалізаваць канкрэтныя мэтавыя значэнні вызначаецца яе лексічным нападуненнем і граматычнай формай выражэння.

ЛІТАРАТУРА

1. Міхневіч А.Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мінск: “Навука і тэхніка”, 1976. 261 с.

КИЗИЛЬ Марина Анатольевна (Запорожье, Украина)

Запорожский национальный университет
lana.rybka@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ИНТЕРНЕТ-СФЕРЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению английских метафорических терминов Интернет-сферы. Большинство терминов указанной группы образуется путем терминологизации общеупотребительных единиц английского языка. Антропная и параантропная являются основными сферами-донорами их заимствования. При образовании таких терминов метафорический перенос может осуществляться на основе схожести цели использования или функционального назначения объектов или явлений Интернет-сферы, механизма их действия, форм и размеров.

Основными средствами обозначения понятий Интернет-сферы в английском языке являются метафорические термины, которые образуются путем перенесения названий одного референта на другой на основании их сходства [1: 12]. Метафорические термины Интернет-сферы имеют особенный характер: с одной стороны, они соотносятся с техническими понятиями, а с другой, создаются на основе будничных, ежедневных понятий жизни и деятельности человека.

Анализ фактического материала позволяет выделить такие сферы-источники английских метафорических терминов: 1) антропная, где человек, его тело, особенности мышления и т.д. являются сферой-донором заимствования метафорических терминов Интернет-сферы (*nethead, face (time), eyeballs (old) hand*); 2) параантропная сфера-донор – явления и предметы окружающей действительности (*spam,*

ham, salami (attack), lasagna (syndrome), spaghetti (code); (chat) room, doorstop, backdoor, burglar alarm, mirror, filter).

Для образования английских метафорических терминов Интернет-сферы используются также единицы других сфер жизни и деятельности человека, а также его окружения: медицина – *virus, antidote, hygiene, (upgrade) fever, clone*; транспорт – *highway, traffic, crash, bus, tank*; животный и растительный мир – *rabbit, weasel, black widow, tortoise (site), dead tree*; военная сфера – *password, (letter) bomb, explode*.

Метафорический перенос терминов Интернет-сферы осуществляется на основе схожести:

1) цели использования или функционального назначения обозначаемого объекта или явления Интернет-сферы (*bridge – мост – аппаратно-програмное устройство, которое соединяет две или больше физических локальных сетей*);

2) механизма действия (*spider – паук, поисковый агент, space – пространство, пробел*);

3) форм и размеров (*notebook – записная книжка, ноутбук*).

Метафора присутствует в самом названии *Internet – всемирная сеть*. Наиболее универсальными концептуальными метафорами являются следующие: *Internet is the highway; Internet is a living organism; Internet is the sea; Internet is a container/space, Internet is the world; Internet is an archive/a library*.

Метафорические термины Интернет-сферы образуются путем терминологизации общеупотребительных слов, то есть приобретения этими словами терминологического значения [7: 34]. Сущность терминологизации состоит в модификации их семантических значений, в их переходе в терминосистему реалий и понятий Интернет-сферы.

Источником пополнения терминосистемы Интернет-сферы и сферы компьютерных технологий являются также сленгизмы, которые в процессе терминологизации и метафоризации приобретают соответствующее терминологическое значение, например: *geek – компьютерный эксперт; nerd – компьютерный профессионал; get-rich-click – разбогатеть через интернет; dweeb – пользователь, который неправильно использует возможности Интернет-сети, в частности*

отправляет большие по объему сообщения; *glitch* – ошибка в аппаратном обеспечении; *zap* – удалить; *cyberbuddy* – собеседник в Интернете; *hackishness* – программное искусство; *laser printer* – лазерь).

Отмечаем, что наряду со сленгизмами единицами терминосистемы Интернет-сферы являются также жаргонизмы, которыми пользуются как профессионалы, работающие в сфере компьютерных Интернет-технологий, так и простые пользователи Интернета и компьютера, например: *surfен* – искать информацию в Интернете; *Internet – нет, инет*; *information* – инфа; *to login* – логиниться; *slag* – перегрузка компьютерной сети; *mail bomb* – сообщение в электронной почте, которое содержит вирус; *honeypot, spam trap* – сервер электронной почты, который выискивает спамеров; *kewl* – краткое сообщение в блогах и электронной почте; *bloodware* – передача информации за деньги; *browse* – искать что-то в Интернете; *saпon* – официальный источник информации; *jabber* – передавать данные через сеть или чат; *jack in* – подключаться к сети; *logoff* – отключаться от сети; *shareware* – шаровары (ресурс, доступный для совместного использования).

Метафорические термины в подъязыке Интернет-сферы реализует две функции: во-первых, они облегчают ее понимание людьми, которые не имеют специальных знаний в сфере компьютерных технологий, представляя новые понятия через уже существующие; во-вторых, они служат средствами стилистически окрашенного, образного обозначения соответствующих понятий. Образный компонент значения является неотъемлемым компонентом значения большого количества английских метафорических терминов Интернет-сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 11–26.
2. Кияк Т.Р. Семантичні аспекти нормалізації термінологічних одиниць // Вісн. Житомир. держ. ун-ту ім. І. Франка. 2008. № 38. С. 77-80.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: ЧеРо, 2009. 256 с..
4. Махачашвілі Р.К. «Комп'ютерний» неологізм як термін // Мова і Культура. 2005. № 8. Т.1. С. 264-270.

5. Махачашвілі Р.К. Лінгвофілософські параметри інновацій англійської мови у сфері новітніх технологій: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Запоріжжя, 2005. 22 с.
6. Медвідь О.М. Комп'ютерний сленг // Вісник СумДУ. 2005. № 6 (78). С. 50-56.
7. Стрельбіцька Л. Інтернет як полігон розвитку природної мови // Вісник Нац. ун-ту Львівська політехніка. 2005. № 538. С. 33-38.
8. Lengel L. Computer Mediated Communication. London: Sage Publication Group, 2004. 272 p.

КИЙНОВА Жанар Кабдыляшымовна (Алматы, Казахстан)

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
zhkiynova@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ-СИНТАГМЫ В ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается традиционный и устойчивый характер употребления формул-синтагм, включающих соматические славянизмы. Примеры портретных описаний из памятников древнерусской письменности иллюстрируют качественные характеристики внешности человека посредством соматических образов на синтагматическом уровне.

Портретные описания восходят к памятникам древнерусской письменности. В книге Д.С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» описывается традиция создания летописных портретов в контексте «художественного видения человека в древнерусской литературе и художественных методов его изображения». [3]. В исследовании О.В. Творогова прослеживается история создания характеристик-портретов в русской литературе на материале русских летописей, переводных хроник и исторических повестей [6].

В древнерусский период портреты-характеристики имели обобщенный характер с элементами идеализации героя повествования, поэтому это был ярко выраженный образ, признаки которого выражались посредством сравнений и краткой формы прилагательных. Ср.: *перси же его сажени шире, взоръ его паче инъхъ человекъ. лицемъ (взоромъ) красенъ, очима светел.* Об этом пишет и В.В. Виноградов: «Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности,

индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом “я” как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т.п.)» [1: 271–272]. Поэтому в древнерусских памятниках письменности словесные портреты характеризуются статичностью, перечислением внешних признаков человека.

Соматические славянизмы типа *зеница*, *взор*, *очи* (*око*), *перст* (*персты*), *перси*, *чресла*, *длань*, *власы*, *глава* и др. широко использовались в портретных описаниях в составе традиционных формул. Так, в древнерусской повести XII в. «Девгениево деяние» встречаем красочное описание внешности главного героя Дигениса Акрита (из византийской эпической поэмы X–XI вв.) с широким использованием соматических славянизмов в сравнительных конструкциях: **«Бе бо юноша с возрастомъ велми лепъ паче меры, а власы имуще кудрявы и очи вели гораздны. На нь зрети – лице же его, яко снегъ, и румяно, яко червецъ, брови же черны имяше, перси же его сажени шире»** (Девг. Деян. 44).

В древнерусской житийной литературе портретные характеристики уподоблялись обликам святых, связанных с покорностью, смирением, и отсутствие внешней красоты возводилось в ранг добродетели: **«Евфросиния же благообразнъ ставши, главу пониче долу, руцъ согбеннъ имгя на персгъхъ ... и видя ю въ раздрангъй ризгъ и ветсгъй, згло дряхлу лицемъ, ... до реченных дней отшества своего... въ томъ же образъ пребывая, в ризахъ раздоанныхъ, согрѣваема и оутѣшаема божественной благодатию»** (Жит. Евфрос. Сузд. л. 38. об. 63). В портретном описании Александра Невского приводится его сравнение с внешностью библейского персонажа: **«Но и взоръ его паче ингъхъ человекъ, и глас его, акы труба в народъ, лице же его, акы лице Иосифа, иже бг поставиль его египетскый царь втораго царя въ Египтъ»** (Жит. Ал. Невск: 426).

В приведенных ниже примерах слова с неполногласием и соматические славянизмы употребляются в сочетании с определенными словами на уровне синтагмы: **чрънама зеницами, главу пониче долу, глас его, акы труба в народъ, власы имуще**

кудрявы, очи вели гораздны, перси же его сажени шире, взоръ его паче инъхъ человекъ. Подобные формулы становились со временем устойчивыми и традиционными. По определению В.В. Колесова, именно «формула-синтагма, а не текст и не слово являлись основным элементом древнерусского литературного языка» [2: 138].

Старославянское по происхождению слово *зеница* в значении ‘зрачок’, ‘глаз’ находим в «Хронике Иоанна Малалы» (XV в.): «*Астъ Ламониискуи великъ тѣлом, плънь... кудрявъ, добродарь, бровисть, чрънама зеницами*» (Хрон. И. Мал. XV.). Это описание характеризуется идеализацией внешности героя, который представляется нам статным и красивым, с выразительными чертами лицами. Древнерусские портретные описания, в отличие от детализированных словесных портретов в деловых памятниках XVI–XVII вв., «представляют собой качественные характеристики, в которых все признаки идеальны, закреплены за определенной ступенью иерархической лестницы, заданы ритуалом и идеологией. К определенному набору идеальных признаков (которые могут переставляться) присоединяется объект описания (портрет того или иного героя), поэтому индивидуальные приметы внешности в древнерусских портретных характеристиках фактически не встречаются. Так, например, идеальный портрет князя, который включает в себя следующие признаки: “лицемъ (взоромъ) красенъ”, “очима светел”, “возрастом высок”, “плечими великъ”, “тѣньк въ чресла” и т.д.» [4: 86].

В средневековом христианском мирозерцании «душевная доброта» гармонировала с телесной, которая описывалась с помощью соматизмов как основного средства представления человека. Ср.: «*Есть душа, и есть тѣло двѣ существъ суть; есть доброта телеснаа: ... вѣжде протяженны, очи полны, лицо румяно, устны яко оброщены, выя долга, власы кудрявы, прѣсти долзъ, возрастъ высокъ, бѣлость цвѣтущи, сиа доброта отъ естества...*» (ВМЧ. 13–15 ноября. 1558–1559. XVI в. ~ XV в.). Кроме того, метафоричность соматических образов позволяет описать не только внешние признаки, но и воссоздать эмоциональность и пафосность выражаемого содержания. Ср.: «*Власы наша растерзаются, очи не можеа огненныхъ*

слезь точити, язык ми связуется, гортань ми пресыхаеть, сердце ми раставааеть, чресла ми проторгаются, колъни ми изнемогаета, руць ми оцъпиета» (ВМЧ. 25 декабря. 1530–1554. XVI в. ~ XV в.).

Устойчивый характер употребления соматических славянизмов в составе языковых формул наблюдается и в русской поэтической традиции. Так, по мнению П.А. Семенова, «важнейшей особенностью употребления славянизмов-соматизмов в высоких жанрах русского классицизма была **формульность**: славянизмы-соматизмы функционировали в составе традиционных формул (*предстать пред очи, возвести очи, поднять голову, отверзатъ уста*), либо употреблялись в устойчивом, традиционном семантическом окружении, отражающем былую синтагматическую закрепленность» [5: 58].

Таким образом, соматические славянизмы активно употреблялись при описании внешних характеристик человека в составе традиционных формул-синтагм на протяжении их длительного функционирования в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. История слов / РАН. М.: Наука 1998. 1138 с.
2. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 293 с.
3. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
4. Пименова М.В. Стилистические функции прилагательных со значением «красивый» в древнерусских портретных описаниях // Историческая стилистика русского языка / Отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 84–88.
5. Семенов П.А. Эволюция стилистических категорий в русском литературном языке предпушкинского периода: на материале драматургических текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 430 с.
6. Творогов О.В. Из истории словесного портрета в русской литературе XVI века // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. М.: Наука, 1976. С. 123–127.

КЛЕМЁНОВА Елена Николаевна (*Ростов-на-Дону, Россия*)

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

klemenova@yandex.ru

«СМЫСЛ» – КАК МНОГО В ЭТОМ СЛОВЕ....

(размышления о теории смысла)

Аннотация. Статья посвящена описанию подходов к смыслообразованию и интерпретации текста в рамках различных лингвистических теорий.

Подходы к пониманию смысла в науке различны. Рассматривая систему смысла в аспекте диалектики субъект-объектных отношений, М. Проскураков и Л. Бугаева предлагают использовать термин *предположение* текста, который по-Гадамеровски означает опознание концептуальных структур как соответствующих или не соответствующих «рефлексивному содержанию сознания, лежащему в основе исходных схем человеческого опыта, заданного традицией и имеющего языковую природу. Чтобы понимать, необходимо все время недопонимать» [13: 56]. Подобное заключение приводит авторов к пониманию смысла, как самоорганизующейся системы, где опознание понятой информации («светлого пятна сознания») ведет к провоцированию процесса познания и мышления (желания понять что-либо).

Исходя из того, что понимание прогнозирует автор, А. Бугаев предлагает взглянуть на текст как на высказывание конкретного автора, а достичь это можно исходя из представлений слушателя об авторе, о его взглядах, о его системе ценностей, о его целях и т.д. [2]. Чем известнее эти обстоятельства, тем точнее можно реконструировать изначальный смысл сообщения. В случаях близости внутренних языков автора и слушателя и хорошее знание слушателя о языке автора сводит интерпретационные искажения к минимуму.

Зимняя И.А. описывает формирование смыслового понимания как трехуровневую систему иерархического типа [9: 31-33]. Первый уровень – побуждающий. Второй уровень – формирующий. Он направлен на то, чтобы адресат в итоге смог прийти к общему смыслу принятого сообщения. Этот уровень «содержит четыре взаимосвязанные и взаимовключающие фазы: 1) смысловое прогнозирование; 2) вербальное сличение; 3) установление смысловых связей а) между

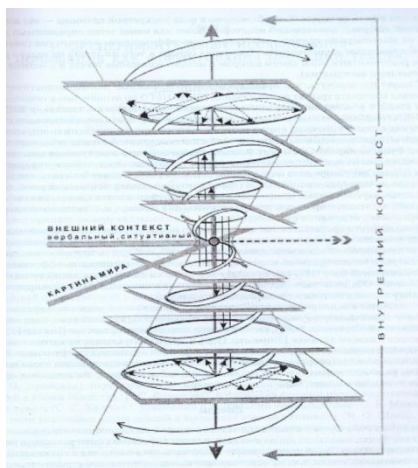
словами и б) между смысловыми звеньями; 4) «смыслоформирование». Третий уровень – реализующий – нацелен на ответную реплику с широким спектром личностного отношения реципиента к замыслу адресанта [9: 33]. Автор отмечает, что подобная схема является примером одномоментного восприятия и опознания поступающего сигнала и характеризуется автоматизмом.

Но большинство исследований, направленных на анализ процесса понимания, всё же не даёт ответа на вопрос о целостности смысла и иерархичности осмысления. Так, О.С. Зорькина пишет: «Процесс понимания начинается с поисков *общего смысла* сообщения, с выдвижения гипотез и лишь потом переходит на более низкие уровни – сенсорные (распознавание звуков), лексический (восприятие отдельных слов) и синтаксический (восприятие смысла отдельных предложений). То есть реальный процесс понимания текста не совпадает с тем порядком, в котором поступает информация. Поэтому адекватное осмысление сообщения может иметь место только тогда, когда между указанными уровнями осуществляется обратная связь, когда «все уровни взаимообуславливаются и взаимоконтролируются» [10: 208].

В результате осмысления текста у индивида должна образоваться проекция этого – ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность/целостность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [8: 325]. Исследование проекции текста как результата понимания является актуальным универ-

сальным механизмом формирования у читателя образа содержания прочитанного текста.

На условия понимания текста распространяется спиралевидная модель идентификации слова, заслуживающая особого внимания с точки зрения значимости *средств языка* в формировании и восприятии текста. В работе Г.Д. Гачева встречается

ся сравнение мышления с лучом, разрезающим, как скальпелем ума, толщу, глубину воображения [4: 80].

Проекция текста участвует в работах А.А. Залевской в спиралевидной модели смысла. Суть модели заключается в том, что реализацию различных функций слова в тексте можно представить в виде двунаправленной спирали, «раскручивающейся» от «тела текста», во-первых, вглубь многостороннего предшествующего опыта индивида, а во-вторых, в проекцию текста, которая формируется, трансформируется, пересматривается в зависимости от множества факторов (от стиля мышления до специального контекста). Подобную схему автор сравнивает с контуром песочных часов при добавлении многочисленных двунаправленных стрелок, отображающих множественные связи между сферами «раскрутки» спирали вниз и вверх «по вертикали» (в опыт и проекцию) и «по горизонтали» [8: 434-436].

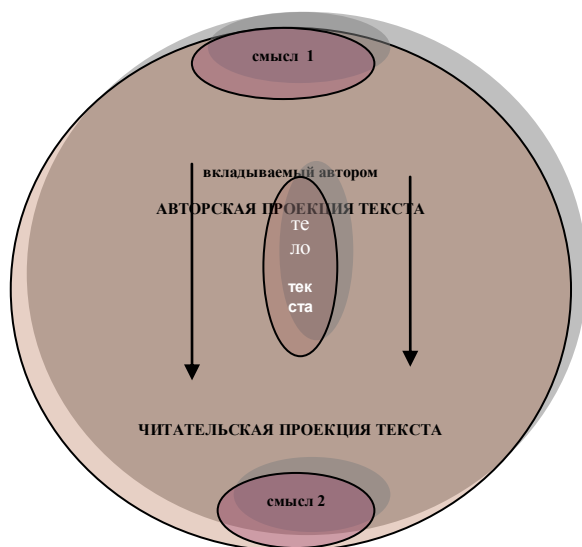
Каминская, опираясь на высказывание Г.И. Богина о том, что «смыслы начинаются не как смыслы текстов, а как смыслы слов» [1: 39], добавляет, что смысл в данном случае аналогичен концепту и непрерывно связан с остальными концептами системы. Подобный подход, на наш взгляд, соотносится с логикой смысла Ж. Делеза, который провозгласил: «думай о смысле, а слова придут сами!». При создании смысла цель нового предложения сводится к «думанию о смысле» при условии, что предложения размножаются, «слова приходят сами» [7: 51]. Описывая выделенный из предложения смысл, Делез заключает, что он независим от предложения, так как приостанавливает и его утверждение, и его отрицание. И тем не менее, автор считает, что смысл – это всего лишь мимолетный, исчезающий двойник предложения, вроде кэрроловской улыбки без кота, пламени без свечи [7: 52-53].

Действительно, объяснение того, что такое смысл текста/выражения, нашло очень простое и образное толкование в работе Делеза. *Смысл* – это улыбка Чеширского Кота, это то, что остается после прочтения, и то, что вкладывается во время написания.

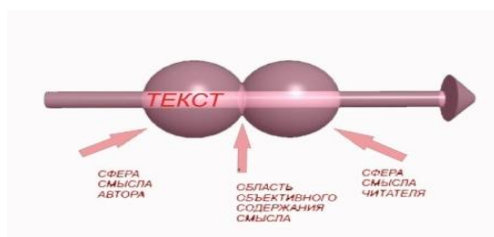
Таким образом, *понимание текста* – это не только конструктивный процесс, опирающийся на единую перцептивно-когнитивную информаци-

онную базу индивида, но и погружение в мимолетный, исчезающий образ смысла.

Принимая положение, при котором со смысла всё начинается и смыслом завершается, сам процесс понимания (интерпретации) текста мы рассматриваем как движение от авторской проекции текста через тело текста к читательской проекции текста, происходящее внутри сферы, названной смыслом с онтологической точки зрения [11]. См. ниже рисунок:

Представленная в рисунке концепция основана на разновидности смыслов: СМЫСЛ 1 и СМЫСЛ 2 являются элементами бесконечного множества «СМЫСЛ», выделенными из него для проекции конкретного текста. Процессы, происходящие на участке между СМЫСЛ 1 и СМЫСЛ 2 изобразим в самостоятельном и увеличенном виде (см. рисунок ниже):

Оставляя неизменной триаду «автор – текст – читатель» и смысл, вкладываемый и понимаемый, с его субъективной и объективной репрезентацией, мы вводим понятие «тело текста» – объемное образование, центром которого являются линейно расположенные

языковые элементы, а окружением – тоже линейно сформированное смысловое целое.

Так, текст в нашей схеме становится объемной осью, внутри которой действует категория связности, а снаружи – категория цельности. Одновременно текст является объектом смысловой проекции, приводящей к образованию двух смысловых сфер: сферы смысла автора (как первичной) и сферы смысла читателя (как вторичной), так как смысл рождается из человека и в человеке (Н. Бердяев).

Точкой пересечения этих сфер является та область, где адресат с максимальной уверенностью может утверждать, что он интерпретировал текст. Мы назвали эту область *областью объективного (универсального) содержания смысла*. Её объективность базируется на языковом материале и поддерживается структурной организацией текста, которая позволяет языковому сознанию воспринимающего «скользить от слова к слову, от фрагмента к фрагменту» (по Гаспарову). Объем зоны пересечения сфер зависит от самого текста и от подготовленности реципиента.

Сферы смыслов автора и читателя складываются из многочисленных ассоциативных полей в результате мыслительных процессов адресанта и адресата. Исходный смысл, закладываемый автором, передается через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи «автор – его проекция текста – тело текста – читательская проекция текста – читатель», при этом означивание и спонтанная интерпретация протекают на базе, как мы уже отмечали, личного опыта и связанных с ним переживаний разных людей [5: 15]. Как образно описал взаимодействие коммуникантов В.фон Гумбольдт: автор у читателя (собеседника) должен затронуть «одно и то же звено цепи чувственных представлений и зачатков внутренних понятий», прикоснуться к одним и «тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему ... вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [6: 165-166].

Таким образом, текст представляется как динамичное явление – источник света или смысла (по Кубряковой), создающий вокруг себя

некоторую ауру (сферу – Е.К.) с кипящей, бурлящей, но живой «начинкой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. Тверь, 1993. 137 с.
2. Бугаев А. Проективная модель связи языка и мышления. – Режим доступа: <http://a-bugaev.chat.ru>.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 351с.
4. Гачев Г.Д. Воображение и мышление. М., 1999. 192с.
5. Григоренко И.Н. Текст как пространство реализации смысла и когниции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 387 с.
7. Делёз Ж. Логика смысла. М., Екатеринбург, 1998. 480 с.
8. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005. 543с.
9. Зимняя И.А. Психология слушания и говорения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973.
10. Зорькина О.С. О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 205-210.
11. Клемёнова Е.Н. Высказывание с кванторными детерминантами как феномен текста. Ростов н/Д: Изд-во РГААИ, 2006. 320 с.
12. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72-81.
13. Проскуряков М., Бугаева Л. Русская ментальность и текст в терминах самоорганизации. – Режим доступа: www.fixed.ru/index.html

КОЗЛОВА Анна Юрьевна (*Коломна, Россия*)

Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт
anna_ko65@mail.ru

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В РАЗНЫХ СПИСКАХ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ

Аннотация. Статья посвящена особенностям состава и функционирования притяжательных прилагательных в списках Толковой Палеи разной территориальной принадлежности, затрагиваются вопросы техники переписывания древнерусских текстов — интерпретация древнерусскими писцами омонимичных форм прилагательных и существительных, которые возникли в результате смешения в протографе памятника букв ц и ч.

Толковая Палея — памятник древнеславянской книжности, в котором вместе с разными дополнениями передаются отдельные книги Ветхого Завета. До сих пор спорными являются вопросы о месте и време-

ни происхождения Толковой Палеи [3]. Текст памятника имеет компилятивный характер: выделяются отрезки с дословным цитированием Священного Писания; фрагменты, в которых библейские книги переписываются редактором-составителем свободно, а также вставки из других памятников — Шестоднева Иоанна Экзарха болгарского, Диалогов Псевдо-Кесария и др.; большой интерес представляют оригинальные рассуждения редактора-составителя Палеи.

Компилятивность оказывает влияние на языковые особенности текста памятника в целом: можно отметить сосуществование разных традиций и грамматических норм.

Предметом данной статьи стали особенности состава и функционирования в Толковой Палеи притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных. Основные тенденции в образовании и функционировании притяжательных прилагательных в старославянском языке были проанализированы Н.С. Трубецким [5], в древнерусском языке — С.В. Фроловой [6].

Какие же особенности состава и функционирования притяжательных прилагательных свойственны тексту Толковой Палеи?

1. В палейных текстах представлена синонимия суффиксов со значением притяжательности **-овъ**, **-инь**, ***-ьj-** и ***-j-** и др. вне зависимости от характера основы. От одного имени существительного могут образовываться прилагательные с разными суффиксами, например: **пет ефрѣинь** — **пет ефрѣкъвъ**, **моисинь** — **моисѣкъвъ** — **моисѣовъ**, **адамовъ** — **адамль**, **ароновъ** — **аронь**, **афамовъ** — **афамль**, **валамовъ** — **валамль** и т. д. Прилагательные с синонимичными суффиксами могут употребляться даже в пределах одного контекста (цитируется по Коломенскому списку 1406 г.): **на селѣ ꙗкоуфъ** (стлб.290) — **на сели ꙗкоуфи** (стлб.386).

Прилагательные с одним суффиксом могут быть образованы от имени существительного, представленного в разных фонетических вариантах: **иаковль** — **гаковль**, **иосифль** — **осифль**.

2. Притяжательные прилагательные в авторском тексте редактора-составителя могут быть мотивированы составными наименова-

ниями, например, от Исусъ Христосъ — предъ ногама ИсѢтъ Хвѣіама (стлб.345), о оубни/ствѣ Исѣтъ Хвѣіѣ (стлб.345); Исѣтъ Хвѣіымь пове-ликмь (стлб.569), по-другому образовано имя прилагательное от сочетания Илига пророкъ: во дни ильины проро/ка (стлб.663).

3. Хотя болгарская исследовательница Толковой Палеи Татьяна Славова указывает, что текст не содержит русских черт [4: 344], отметим некоторые особенности, свойственные именно восточнославянским диалектам. Рефлекс *tj при образовании притяжательного прилагательного от существительного может быть представлен и в виде щ, и в виде ч. В Александро-Невском списке Толковой Палеи встречаем прилагательное антихрищъ (в данном случае*stj) (Л.187а) от антихристъ. В то же время все без исключения списки Толковой Палеи передают прилагательное от Бохмитъ (Магомет) только как бохмичъ: А.-Н.: и прига вѣрѹ бохмицю (Л.75г) — Кол.: вѣры бохмичѣ (Л.69б). Заметим, что именно такая форма Бохмичи зафиксирована еще в одном знаменитом памятнике — Хронике Георгия Амартола, перевод которой был сделан на Руси [2, т.1, ч.1: 93].

4. В тексте Толковой Палеи отмечены два имени прилагательных, в которых предположительно присутствует суффикс -ичъ со значением притяжательности. Одно из них мотивировано именем собственным Иаковъ — иаковичъ, другое нарицательным существительным медвѣдь — медвѣдичъ: Се написано исъ книгъ иже / соуть иаковичи (стлб.251); измтъ ма ѿ оустъ / львовъ и ѿ рѹкѹ мѣдвѣдичю (стлб.751).

Образование прилагательного иаковичъ может быть истолковано по-разному: 1) сущ. Иаковъ → прил. иаковичъ, 2) сущ. Иаковъ → сущ. иаковичъ (‘сын Иакова’) + *j → прил. иаковичъ. С нашей точки зрения, второй вариант происхождения более предпочтителен. С.В. Фролова отмечает в русских летописях такие притяжательные прилагательные, омонимичные именам существительным, как княжичъ, королевичъ, но указывает, что они встречаются очень редко [7: 122].

По поводу второго прилагательного *мѣдвѣдичь* трудно предположить, что оно образовано от существительного на *-ичь*, следовательно, суффикс *-ичь* может иметь здесь значение притяжательности.

5. Анализ текста по разным спискам показал, что церковнославянские или древнерусские рефлексы, реализуемые в разных частях текста, весьма устойчивы.

В то же время переписчики Палеи на разных территориях Древней Руси сталкивались с проблемой передачи притяжательных прилагательных, связанной с тем, что протограф, или, выскажемся более осторожно, протограф русских списков Палеи, был новгородского происхождения. Если основа имени существительного заканчивалась на *-ць*, то исход притяжательного прилагательного соответственно на *-чь*: *отъць — отъчь, дѣвица — дѣвичь*. В списках со смешением букв *ц* и *ч* соответствующие существительные и притяжательные прилагательные выглядели совершенно одинаково.

В Александро-Невском списке такие формы встречаются часто: *родъ рыбны/и и птиць* (Л. 11 б); *ѿ равенъ/ства оца* (Л. 20 б); *оць гла с нбѣ схода* (Л. 21 в); *снѣ члвць* (Л. 22 б) и т.д.

Для преодоления этой омонимичности один из писцов Александро-Невского списка заменяет формы притяжательного прилагательного на форму существительного в Р.п. ед.ч. Укажем соответствия Коломенского 1406 г. и Александро-Невского списков.

Кол.: и тако съ/суды *скуделнича* скрѹши/ша га (Л.198а) – А.-Н.: и тако съ//суды скрѹшь/ши га *скуделни/ка* (Л.13б-в¹) (Цитата из Псалтири 2:9);

Кол.: снѣ бѣи снѣ *двчь* бывакть (Л.138г) – А.-Н.: снѣ би снѣ *двца* бывакть (Л. 186а).

В начале XVI в. с Александро-Невского списка в Новгороде были сделаны две копии — Уваровский список №85 и Музейский список №1197 [1]. Писец Уваровского списка попытался избавиться от смешения букв *ц* и *ч*. Самые большие трудности он испытывал при передаче притяжательных прилагательных: в большинстве случаев написания с *ц* сохраняются. Увар.№85: *тако** и *водѣ /оуста[®]* прѣимши по

слw/веси творцю (Л.34а); ѡцю / власть дръжить (Л.44б); вижь оубо творца дѣла (Л.74б); и вдаша / на селѣ скоудѣницѣ (Л.113в); двѣ лица члци (Л.118г); не бѣ вчюти^ѣ сѧ ѡ кро/вѣи иноплемен'ницѣ (Л.140в) и мн. др.

И в других списках Толковой Палеи по особенностям передачи именно притяжательных прилагательных сразу можно определить, был ли переписан данный список с цокающего антиграфа, даже если во всех остальных случаях смешение аффрикат отсутствует. Например, Хлуд.№182: оу/ставъ приемши по / словеси творца (Л.8об.) — Ср. Кол.: оуставъ примши по / словеси творчи (Л.7б); Сол. 711/653: и авиѣ всѧ твѧ / работаѣ творцѣ пове/лѣниѧ (Л.22) — Ср. Кол.: авькѣ вѣ работакѣ творчю / повелѣнию (Л.20г); Вахр.№89: вѣ оубо творца дѣло (Л.35в) — Кол.: виж же оубо творьча дѣла (Л.34а) и т.д.

Как ни странно, с подобной проблемой сталкиваются и современные исследователи — публикаторы древнерусских памятников. Так, Н.В. Пак указала, что в одном из новых издании памятников Борисо-Глебского цикла Чтение о Борисе и Глебе Нестора было опубликовано по Сильвестровскому сборнику, но с «устранением эффекта цоканья» и других новгородизмов. В 21 случае смешение аффрикат было устранено, но 3 случая остались неопознанными, из которых 2 — это передача притяжательных прилагательных: (1) но умоленъ бывъ ѡ богарѣ, да не ослушакѣсѧ отца, створи волю отцю..... (2) но закона ради царьскаго и послушаниѧ ради отца....[3: 403]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибов Ю.А. Значение палеографических особенностей для определения состава и генеалогии четьих сборников // История и палеография. М., 1993. Ч.1. С.34–55.
2. Матвеев В.А., Щёголева Л.И. Книги временные и образные Георгия Монаха: в 2 т. М.: Наука, 2006.
3. Мильков В.В., Полянский С.П. Палея Толковая: редакции, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника в свете истории его изучения // Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. С.604–631.
4. Пак Н.В. О новом издании памятников Борисо-Глебского цикла сравнительно с предыдущими // RUTHENICA. Киев. 2007. Т. VI. С.397–441.

5. Славова Т. Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжина. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2002. 577 с.

6. Трубецкой Н.С. О притяжательных прилагательных староцерковнославянского языка // Избр. труды по филологии. М. 1987. С.219–222.

7. Фролова С.В. История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -j/-ъj по древнерусским письменным памятникам XI–XVII вв. // САМАРСКИЕ ФИЛОЛОГИ: Серафима Васильевна Фролова: Научные сочинения / под ред. Р.И. Тихоновой. Самара: Изд-во СГПУ, 2006. С.93–195.

ИСТОЧНИКИ

А.-Н. – Палея Толковая Александро-Невской Лавры (XIV в.). РНБ, СПбДА. А I/119.

Кол. - Палея Толковая (1406 г.). РГБ, Тр.-Серг. № 38.

Увар.№85 – Палея Толковая (нач.XVI в.). ГИМ, Увар.№1304 (85/286).

Муз.№1197 – Палея Толковая (нач. XVI в.). ГИМ, Муз. №1197.

Вахр.№89 – Палея Толковая (XVI в.). ГИМ, Вахр.№89.

Хлуд. №182 – Палея Толковая (XVI в.). ГИМ, Хлуд.№182.

Сол.№711/653 – Палея Толковая (к. XVI – нач. XVII в.). РНБ, Сол.№653.

КОЗЛОВСКАЯ Екатерина Станиславовна (*Москва, Россия*)

Российский университет дружбы народов
elaguaverde@yandex.ru

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ЭПОХИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II

Аннотация. В статье рассматриваются основания для появления нелинейной композиции защитительных текстов эпохи судебной реформы Александра II, а также некоторые речевые и языковые способы ее формирования.

Защитительные тексты эпохи судебной реформы Александра II, в отличие от современных, основывались на обращении адвоката к представлениям присяжных о справедливости, а не о законности. Такая апелляция обусловлена различными историческими причинами. Но главной из них становилось неведение, в котором находились присяжные относительно вида наказания за то или иное преступление.

Чтобы оправдать преступника, адвокату второй половины XIX в. необходимо было переключить внимание присяжных с преступления на такие события, которые позволят сформировать нравственный образ обвиняемого. В адвокатском выступлении формировалась

модель действительности, которая подменяла действительность подлинную.

Категория времени становилась неотъемлемым свойством моделируемой действительности защитительного текста и, одновременно, его мощной преобразующей силой, действующей в заранее заданном направлении.

В создаваемой модели действительности само преступление, вопреки внешней логике судебного разбирательства, перестает быть смысловым центром защитительного текста. События изображаются нелинейно.

Когда время свидетельствует против обвиняемого, адвокат нивелирует его важность, находя для этого некое основание, не имеющее отношения к совершенному преступлению.

Например, обвиняемый сделал девушке предложение в день их знакомства, а через неделю убил ее, потому что она передумала. Чтобы такую стремительность нельзя было интерпретировать в ущерб обвиняемому, адвокат обращается к прошлому роману своего подзащитного, который длился три года: *«Замечательно, что ни с Кларой, в течение трех лет, ни с Настасьей, в течение недели, Иванов, несмотря на самые интимные свидания, не вступал в половую связь»* [1: 291]. Три года и одна неделя становятся одинаково незначительными, главное, что подсудимый *«не вступал в половую связь»* ни с одной, ни с другой девушкой. Обесценив факты времени, адвокат создает образ, который представляет обвиняемого человеком нравственным, соблюдающим моральные принципы.

Иногда важность времени, напротив, усиливается, становясь частью линии защиты.

После огнестрельного ранения Лейфхельд умер в больнице через десять дней. За этот период времени он успел сказать, кто в него стрелял. Адвокат обращается к истории болезни жертвы и делает вывод: если в течение проведенного в больнице времени сознание Лейфхельда не было ясным, то доверять сделанному им обвинению нельзя. Более того, адвокат заключает, что сознание жертвы могло помутиться до попадания в больницу: *«<...> в день смерти, так и*

накануне и даже за три или за два дня перед тем покойный Лейхфельд не был в полном уме и здоровой памяти; сознание его было неясно, он бредил. <...> в 7 часов вечера, за 4 часа до смерти, сознание Лейхфельда было неясно. <...> мы имеем возможность думать, что сознание больного помрачилось и гораздо ранее того дня, когда следы этого помрачения в первый раз обнаружались и были занесены в скорбный лист» [2: 449].

Показатели времени представлены в градационной разнонаправленной структуре (позже → раньше → раньше → позже → позже → раньше): «в день смерти» - «накануне» - «за три или за два дня перед тем» - «в 7 часов вечера» - «за 4 часа до смерти» - «гораздо ранее того дня». Временная градация усиливается градацией семантической: «не был в полном уме и здоровой памяти» → «сознание его было неясно» → «он бредил» → «сознание больного помрачилось». Так адвокату удастся доказать, что сознание жертвы перед смертью постоянно оставалось неясным.

Любопытно, что в защитительном тексте даже время, совпадающее со временем объективным, преобразовывается в образ, интерпретируется и, становясь практическим силлогизмом, предъявляется как доказательство невиновности преступника. А противоречия в логике остаются незамеченными:

- **‘вспомнил ребенок об убийстве на шестой день, значит, вспомнил о том, чего не было’.**

За пять дней шестилетний ребенок обязан забыть, что мать убила отца: «Если предположить, что мальчик действовал сознательно, то чем объяснить то обстоятельство, что он **от 17 до 22 августа** никому ничего не говорил <...> Я не могу допустить мысли, чтобы мальчик до такой степени отдавал себе отчет о своих впечатлениях, чтобы **так долго помнить о таком событии** (о том, что мать убила отца. – Е.К.)» [2: 16].

- **‘Тот, кто за два с половиной года оставался свидетелем, а не обвиняемым, невиновен’.**

«<...> я говорю об убеждении, державшемся в течение двух с половиной лет в судебном ведомстве, что князь Оболенский в

этом деле представляется только свидетелем, значит, его действия в такой долгий промежуток времени не представлялись преступными, и все операции с вкладными билетами им нисколько с самого начала не скрывались. Итак, я заключаю, что если кто два с половиной года предварительного следствия не был преступником, то существует относительная вероятность в том, что он в самом деле невиновен. Ведь нельзя так долго заблуждаться в таком вопросе, как вероятность в преступности» [2: 71].

- **‘Прислуга, которая работает в доме пять лет, становится членом семьи и не может совершить преступление против «родственников»’.**

«В августе 1973 года Маргарита Жюжан поступила в качестве гувернантки к детям Познанских <...>. В течение 5 лет Жюжан ежедневно посещала Познанских <...>. Обласканная семейством Познанских, она считала его почти родным для себя» [2: 584].

Время в защитительном тексте не только утверждает значимость событий, формирующий положительный образ преступника, но и помогает адвокату убедить присяжных согласиться с такой оценкой. А поскольку «в самом убеждении заключается элемент внешнего давления» [3: 65], то можно заключить, что в моделируемой действительности защитительного текста время всегда будет связано с манипуляцией. Когда речь идет о защите преступника, смоделировать действительность, не манипулируя категорией времени, невозможно.

Вектором и одновременно способом трансформации всех событий в направлении, необходимом для защиты, становится время. Это категориально необходимое, сущностное свойство защитительного текста, а значит, и той модели действительности, которая в нем создается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреевский С.А. Судебные речи. Москва: Юрайт, 2010. 371 с.
2. Судебные речи известных юристов. Москва: Юрайт, 2011. 695 с.

3. Бахтин М.М. Собрание сочинений, т.5 Работы 1940-х – начала 1960-х гг. Москва: Русские словари, 1996, С. 63-70

КОПЕЛИОВИЧ Август Борисович (Владимир, Россия)

ТЕОРЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО РОДА

Аннотация. В статье грамматический род рассматривается в диахронном аспекте как взаимодействие изоморфных, но различных системных образований.

Светлой памяти профессора Валерия Васильевича Иванова

До сих пор вопрос о происхождении индоевропейского рода остается открытым. Более того, бытует мнение о невозможности решения этого вопроса в принципе. Так, например, после публикации в 1985г. статьи автора «Формирование родовых отношений на базе форм именного склонения в древнерус. языке» во втором номере ж. «Филологические науки» по рекомендации профессора Валерия Васильевича Иванова и, конечно же, вдохновленный этим обстоятельством автор пришел к академику Борису Александровичу Серебренникову. Узнав, что автор работает над проблемой происхождения рода, он с интонацией полной обреченности несколько раз повторил: «Этого никто не может». Прочитав статью, Борис Александрович направил автора в отдел африканистики ИЯ РАН к Виктору Алексеевичу Виноградову – руководителю этого отдела. В этом отделе, где вопрос о согласовательных классах занимает одно из центральных мест, автора приняли дружелюбно и внимательно отнеслись к его докладам о проблемах происхождения и развития индоевропейского грамматического рода. Сотрудничество с учеными-африканистами оказалось достаточно плодотворным и позволило понять, что, несмотря на некоторые важные типологические сходства на уровне современного функционирования, происхождение согласовательных отношений и характер классообразования в индоевроп. и африк. языках представляют собой совершенно разные явления [7: 88-109]. Именно это различие представляет собой особый интерес в аспекте типологических исследований.

Происхождение индоевропейской грамматической категории рода являет собой пример необыкновенно логичного взаимодействия формы и значения в языке. И тот лингвист, который охарактеризовал грамматический род как самую нелогичную категорию, исходил из сложившихся за многие века неверных о ней представлений, до сих пор занимающих господствующее положение в лингвистике. Всякая гипотеза, претендующая на вклад в научную теорию, должна подобно математической теореме опираться хотя бы на некоторые наглядные реалии предмета исследования. Считаем необходимым сказать о тех традиционно сложившихся исходных представлениях, которые, по нашему мнению, делают практически невозможным построение общей теории по крайней мере индоевропейского рода.

Начнем с несостоятельного, но широко распространенного мнения о том, что род в качестве категории принадлежит «самой сущности имени существительного» [13]. Отсюда следует предположение о первичности образования родовых классов субстантивных имен и по этой причине затем последовавшего возникновения соответствующих этому согласовательных отношений. При этом предполагается, что образование в индоевропейских языках трех родовых классов имеет под собой семантическое обоснование, отражающее особенности мышления древнего человека. В связи с этим особое внимание многих лингвистов сосредоточено на изучении лексико-семантического состава родовых классов, хотя семантическое обоснование имеет место лишь (или по крайней мере преимущественно) в системе наименований человека, т.е. именной категории лица и распространяется как отражение этой категории на часть наименований животных. Само представление о женскости или мужскости, которое А. Мейе рассматривал как некое основание для классификации наименований предметов по родовым классам, не могло предварять происхождение родовых отношений, поскольку явилось следствием развития именной категории лица уже в условиях образовавшихся согласовательных отношениях. Ситуация, в которой Береза, в известной песне олицетворяющая женский персонаж и стремящаяся к Дубу прислониться, – яркое отражение развития в индоевропейском именной категории лица не только в ка-

честве явления языка, но и в качестве феномена культуры и менталитета. Именная категория лица оказала влияние на лингвистов, которые распространяли ее семантические особенности на родовые отношения в целом. На этой основе рождались интересные фантастические гипотезы, однако лишенные доказательной базы. Так, например, «Нередко выдвигавшееся в прошлом положение о первичности ... разбиения субстантивов на классы одушевленных и неодушевленных по сей день остается фактически декларативным» [6: 10-11]. В этой недоказанной диахронической схеме одушевленные субстантивы будто бы разделились на мужской и женский роды, оставив неодушевленным быть средним родом. Однако данные, напр., древнегр., новогр., нем., швед. языков и языка северных русских былин позволяют опровергнуть предположение о том, что средний род когда бы то ни было исключал наличие в своем составе одушевленных субстантивов. К недоказуемым можно отнести «догадку» о том, что категория одушевл. / неодушевл. в славянских языках представляет собой «реинтерпретацию хорошо забытого старого» [5]. На наш взгляд, учитывая то многое, что сделано в изучении происхождения грамматического рода особенно в 20 в. (об этом [16]), следует обратиться к достаточно хорошо зафиксированным в письменности реальным языковым фактам.

Так, напр., принципиально важно рассматривать анафорический род, формальное согласование по роду (собственно род в его первичном виде), именную категорию лица, которая в своем развитии изменила характер мотивации согласовательных отношений как комплекс синхронно возникших взаимосвязанных и тем не менее разных по своему образованию, характеру развития, внутренней структуре системных явлений в их взаимодействии. Традиционно анафорический род и именная категория лица рассматриваются как грамматические явления, входящие в понятие «грамматический род» в качестве его особых проявлений. Известно, например, высказывание Е. Куриловича о том, что пока в том или ином языке имеет место анафорический род, можно говорить о наличии в этом языке грамматического рода. Что же касается категории лица, или «**естественного рода**», в традиционной терминологии, то выделенный термин (со всем тем, что за ним стоит) в

этом смысле уже сам по себе более чем красноречив. Между этими тремя названными явлениями действительно имеется столь большое и бросающееся в глаза сходство, что различия между ними представляются не заслуживающими особого внимания. Однако для науки различия не менее важны для анализа языковых фактов как в синхронном, так и в диахронном аспекте, чем сходства. Эта в общем-то банальная сентенция достаточно актуальна применительно к рассматриваемой нами языковой ситуации.

Начнем с того, что самостоятельность любой грамматической категории предполагает наличие минимальной единицы (МЕ) со своими формальными и семантическими особенностями. Так, МЕ грамматического рода может быть представлена формулой $S + A$, где S обозначает имя существительное, знак A обозначает флексию согласуемого слова (именно флексию, так как лексическая семантика согласуемого слова не имеет к выражению рода никакого отношения). МЕ грамматического рода является аналитической и вычленяется из состава согласовательной модели: словосочетания или сочетания подлежащего с родоизменяемым предикативным словом: **свежая газета, публика молчала.**

Что касается МЕ анафорического рода, то она выходит за пределы словосочетания и предикативного центра, ср.: *У кабинета **врача, к которому** нам рекомендовали обратиться, оказалась большая очередь.* Формула выделенной МЕ имеет следующий вид: $S = S_p$, где S обозначает субстантив, а символ S_p обозначает субстантивное местоименное слово, на месте которого могут быть относительные и личнo-указательные местоимения. Знак (=) указывает на соотносительность по роду и числу двух элементов формулы, относящихся к одному парадигматическому классу. При этом S_p символизирует слово, а не только флексию, с помощью которой устанавливается формальная или смысловая соотносительность по роду, именной категории лица и числу между замещающим и замещаемым словом. Изоморфизмом грамматической соотносительности компонентов МЕ по грамматическим категориям по отношению к категории рода объясняется самая возможность использования для обозначения этой соотносительности

термина «согласование», несмотря на различия между названными явлениями. Согласование же в точном значении этого термина предполагает отношение разнофункциональных в синтагматическом и синтаксическом (функциональном) плане частей речи, неизменное наличие атрибутивных отношений между существительным и зависимыми от него родоизменяемыми словами. МЕ анафорического рода исключает подобные синтаксические отношения, а ее компоненты никогда не образуют равнопадежную группу, поскольку, как правило, управляются разными словами.

Анафорический род, если понимать это как замещение субстантивов соответствующими местоименными словами, явление по своему происхождению иного порядка, чем грамматический род, и имеет место в языках, в которых полностью отсутствуют эксплицированные родовые отношения (нулевой род). Так, например, в тюркских языках, где об эксплицированном грамматическом роде речь не идет, личные и указательные местоимения выполняют заместительную функцию так же, как и в родовых языках, например, в азерб.: *О колди 'он пришел, она пришла'* [2]. С возникновением эксплицированного грамматического рода в языке ему уподобляется и система анафорических возможностей языка, как это произошло в индоевропейском.

Анафорический род взаимодействует не только с грамматическим родом, но и с именной категорией лица, в сфере которой провоцирует в ней, например, возникновение смыслового согласования. В этом плане анафорический род занимает некоторое промежуточное положение между грамматическим родом и именной категорией лица (подробно об анафорическом роде см. [19]).

Именная категория лица представляет собой более сложную систему, чем грамматический род, поскольку включает в себе два уровня и, соответственно, два типа минимальных единиц. На первом уровне системы корреляций по признаку рода и пола МЕ равна слову. Имеются в виду корреляции типа *мать – отец, дочь – сын, сестра – брат* и т.п. супплетивные пары, получившие различие по роду в связи с его (рода) происхождением в индоевропейском языке. Ср.: в лат. сохранились морфологически не различающиеся формы слов, обо-

значающих лиц мужского и женского пола: *pater, patris* 'отец', *mater, matris* 'мать', *frater, fratris* 'брат', *soror, oris* 'сестра'[4]. То же наблюдается, например, в немецком. Родовая отнесенность этих форм приобретена в период развития семантической именной категории лица на базе складывающихся родовых отношений. К лексическому уровню относятся, естественно, и однокоренные коррелятивные пары типа *умница – умник, скромница – скромник, непоседа – непосед, гулена – гулен* и тому подобные, правда, мало сохранившиеся в рус. языке корреляции, характеризующиеся немаркированностью по признаку рода-пола форм женского морфологического рода и производностью маркированных по названному признаку форм мужского рода (категория лица мужского пола). Ср.в нем. *Hans Jurgen war eine Weise...*[3]. В современном русском языке господствует категория лица женского пола, характеризующаяся немаркированностью форм мужского морфологического рода и производностью маркированных по признаку рода-пола форм женского рода: *начальник – начальница, ученик – ученица, волшебник – волшебница, узник – узница, вожатый – вожатая, ведущий – ведущая* и т.п. (подробно об этом в [9]).

В системе лексики, принадлежащей категории лица, весьма широко используется в качестве словообразовательного средства вариативность имени существительного по роду типа *соусник – соусница, метод – метода, рельс – рельса*. Этого типа вариативность особенно широко используется при образовании женских фамилий: *Петров – Петрова, Пушкин – Пушкина, Калюжный – Калюжная* и т.п.

В период развития в индоевропейском родовых отношений вариативность субстантивного имени типа *пéтрō 'скала' – пéтрoς 'камень'* широко использовалась в качестве средства различения близких понятий. На базе данного словообразовательного средства активно развивалась и именная категория лица на первом уровне своего становления (на материале лат. и древнегр. это показано в [12]). Использование вариативности субстантивного имени в качестве словообразовательного средства сыграло большую роль в становлении родовых классов и в морфологическом обособлении существительных от прилагательных, вариативность же последних осталась их категориаль-

ной особенностью. В свою очередь, именно эта особенность прилагательных создавала возможность для субстантивов закрепляться в разных родовых классах в пределах трехродовой системы.

Именная категория лица принципиально противопоставлена категории рода прежде всего тем, что является, в отличие от нее, категорией семантической. И в тех языках, в которых на первом уровне развития категории лица, как это прослеживается в греч., лат, рус., возникает морфологическая недостаточность, приводящая к невозможности образования маркированных коррелятов на морфологическом уровне; в качестве фактора, восполняющего эту недостаточность выступает синтаксис. Таким образом, уже в недрах первого уровня категории лица назревает то противоречие, которое разрешается развитием второго (синтаксического) уровня именной категории лица, именуемой общим родом. Возможность смыслового согласования поддерживается в русском языке наличием в нем скрытого формального согласования типа *этот домина* (дом), *сильный ветрище* (ветер).

На синтаксическом уровне МЕ именной категории лица, с одной стороны, сравнилась с МЕ грамматического рода по протяженности и структуре и в этом плане может быть представлена формулой S + A так же, как МЕ рода. С другой стороны, резко изменился принцип формирования согласовательной модели: принцип выбора формы согласуемого слова изначально по формальному признаку постепенно сменился в рамках категории лица принципом выбора по смыслу. Компонент указанной формулы A приобрел вариативность по роду относительно компонента S. В окончательном варианте МЕ именной категории лица должна быть представлена формулой S+A_{M/F}. Произошло событие, разрушительное для грамматического рода.

В системе единиц протяженнее слова сохранились те же отношения, которые сложились между производящими и производными словами на первом уровне. Например: *круглая сирота* (она и он) – *круглый сирота* (он), *большая умница* – *большой умница* (категория лица мужского пола); *наш врач* (он и она) – *наша врач* (она), *молодой бухгалтер* – *молодая бухгалтер* (категория лица женского пола). Становление категории лица женского пола на синтаксическом уровне

происходило и происходит буквально на глазах нашего поколения (20-й век – начало 21-го); начало же становления категории лица мужского пола лингвистика относит к 13-му веку [1]. Тот факт, что смысловое согласование является более поздним явлением по сравнению с формальным отметил еще Александр Афанасьевич Потебня краткой формулой «наш воевода из наша воевода» [18: 70]. Теперь мы уже знаем, что эта формула может быть применима к сфере употребления существительных любой морфологической формы, поскольку нам известно, что *наша врач из наш врач*. А.А. Потебня нам подсказал, что смысловое согласование предваряется полной индифферентностью синтаксиса (согласовательных отношений) к семантике пола, что наглядно доказывается материалами русских былин (см. [8: 84-109]). В начальном периоде развития каждой из названных семантических разновидностей именной категории лица отсутствует противоречие с формальным согласованием по роду. Таким образом, сама структура именной категории лица с ее двумя семантическими разновидностями подобно разрезам археологических раскопок хранит в себе сведения об истории своего взаимодействия с категорией рода. А между тем именная категория лица в качестве особой системы еще не стала в индоевропейском масштабе предметом исследования (впрочем, в этом плане интерес представляет работа [17]).

Что касается возникновения родовых (согласовательных) отношений, то для понимания этого явления следует обратиться к особенностям такого явления, как падежный параллелизм. Особенности падежного параллелизма, как и сфера применения самого термина не получили должного описания в лингвистической литературе. Более того, падежный параллелизм не осознается как самостоятельный способ организации текста. Так, например, в статье «Приложение» отношения между семантически зависимым (определяющим) и определяемым именем представлены как «согласование на началах параллелизма» [10: 398]. Точнее было бы говорить о совпадении грамматических значений благодаря параллелизму. Имеется в виду падежный параллелизм, хотя данный термин вообще не представлен в «Терминологическом указателе ЛЭС» (зафиксирован лишь термин «синтаксический

параллелизм»). Смещение согласования и падежного параллелизма связано с общим для них признаком – тождеством грамматических значений слов в синтаксической конструкции. С нашей точки зрения, падежный параллелизм предполагает грамматическое сходство двух или более имен, реализующих одну и ту же валентность управляющего слова (об этом подробно в [7: 4-17]). (См. также [14]) Иначе говоря, согласование – это подчинительная связь, а параллелизм – результат соподчинения двух и более слов одному и тому же главенствующему слову. Сошлемся на следующее высказывание И.И. Мещанинова: «Определение и определяемое могут стоять в одном и том же падеже и роде, получая управляемую форму от другого члена. Вся такая синтаксическая группа объединяется управляемой формой, и члены ее оказываются взаимосогласованными, ср. «(читать) громким голосом», «отцовский дом, отцовскому дому» и т.д.» [15: 97]. Падежный параллелизм может быть отделен от согласовательных отношений имен по роду и числу в ряду однородных членов: *Нас угощали яблоками, вишней, арбузом*. Однако в данной статье будет рассматриваться проявление падежного параллелизма в разных двухкомпонентных синтаксических и словообразовательных управляемых конструкциях типа **имя + имя**. В этой конструкции возможны сочетания слов разных именных частей речи. Общим признаком двухкомпонентной именной конструкции является грамматическая синонимия флексий лексических составляющих. Так, например, в сложносоставных словах типа *диван-кровать, возле дивана-кровати, с диваном-кроватью* и т.д., в которых сочетаются имена разных склонений, мы наблюдаем грамматическую синонимию флексий при их фонетической разнооформленности. То же в сочетании числительных: *двести, двухсот, двумястами; двадцать три, двадцати трем, двадцатью тремя* и т.д. Подобная ситуация характерна и для сочетания современных прилагательных с существительным: *большой город, из большого города, о большом городе; большой деревни, о большой деревне*.

Ситуация несколько меняется в тех случаях, когда в конструкции **имя + имя** сочетаются имена одного класса (склонения). В этом случае наблюдается не только тождество грамматической семантики ком-

понентов названной конструкции, но и омонимия (фонетическая равнооформленность) флексий. Это мы видим в конструкциях типа субстантив + субстантив: *врач-окулист, врача-окулиста, врачу-окулисту* и т.д.; *книжка-малютка, книжки-малютки, книжкой-малюткой, о книжке-малютке*. То же в сочетании однотипных числительных в косвенных падежах: *пятидесяти, пятьюдесятью; двадцати пяти, двадцатью пятью*. Омонимия флексий наблюдается и в сочетании прилагательных с существительными адъективного склонения *юный вожатый, юного вожатого.; сапожная мастерская, сапожной мастерской, сапожную мастерскую и т. д.*

Сопоставление конструкций разного частеречного наполнения показывает, что все именные части речи ведут себя относительно падежного параллелизма совершенно одинаково. Прилагательное отличается от существительных только тем, что изменяется по классу (склонению), приспособляясь в этом отношении к классу имени существительного: *юный вожатый, юному вожатому; юная вожатая, юной вожатой*. Во-вторых, все компоненты рассматриваемой нами конструкции, включая числительные (в косвенных падежах) и прилагательные, самостоятельно и одинаково подчиняются управляющему слову и находятся благодаря этому в отношениях соподчинения (параллелизма) в ряду с обычно семантически главенствующим компонентом (существительным).

Особую роль в истории русского и многих индоевропейских языков сыграла конструкция **ИМЯ + ИМЯ** с изменяющимся по родам прилагательным в качестве зависимого компонента. Следует сказать, что реализация принципа омонимии флексий в современном русском языке резко сузилась именно в сфере функционирования названной конструкции в сравнении с древнерусским, что связано с образованием полных (членных) прилагательных и их абсолютным господством в функции определения в конструкции **ИМЯ + ИМЯ**. Иную картину мы наблюдаем в древности, когда прилагательные в своем абсолютном большинстве относились ко второму и первому именному склонению. В рамках этих двух склонений прилагательные и существительные не различались в плане морфологии. Подобная картина представлена в

латыни и древнегреческом языках, что со всей очевидностью свидетельствует об общеиндоевропейском характере этого явления.

Обратимся к зафиксированным в древней письменности примерам: *въ чръвь китовъ, отъ кваса фарисъиска и отъ кваса Їродова, въ мѣхы вѣтхы* (А.А. Дементьев. «Сборник задач и упражнений по старославянскому языку». 1975). В подобном сборнике того же автора, посвященном исторической грамматике русского языка, представлены аналогичные конструкции: *държа роусьскоу землю, въ путины железны, Новъ городъ, Нова города, Нову городу, Новъ городъ, на стулъ золотъ*. Еще в творчестве Г.Р. Державина использование кратких прилагательных в функции определения было поэтической нормой: *Ручейком ли где журчащим / Зной омоешь летня дня*. Нам в наследство от того времени достались вполне понятные и привычные нам словосочетания типа *на босу ногу, средь бела дня* и т.п.

Именно падежный параллелизм обеспечивал в словосочетании *прилагательное + существительное* омонимию флексий по всей парадигме склонения. В свою очередь омонимия флексий в названной конструкции в системе первого и второго склонения, в древний период получившая статус нормы, определила деление субстантивных склонений на продуктивные и непродуктивные. В условиях, когда прилагательные имели в рассматриваемый период только два склонения [11: 41], а существительные значительно больше, последние из непродуктивных склонений начали переходить в первое и второе склонение, подчиняясь принципу омонимии флексий как установившейся нормы. Существительные из-за нестойкости склонений и способности к варьированию по сути согласовались с прилагательными. То же самое происходило в др.-греч. и лат., с той лишь разницей, что более ранняя письменность этих языков зафиксировала большее количество прилагательных непродуктивных склонений и их переход в продуктивные склонения. Сопоставление древнерусского с названными выше языками позволяет сделать следующие выводы. (1) Перестройка субстантивных склонений по родам и переход непродуктивных склонений во второе и первое склонение под давлением принципа омонимии флексий в качестве складывающейся нормы представляют собой единый

процесс. Объединяя эти два кажущихся разными процесса, мы практически отвечаем на до сих пор не нашедший объяснения вопрос о причине и направлении самого процесса. Родовые (согласовательные) отношения сформировались в сфере первого и второго склонения как отражение внутренней структуры системы древнего индоевропейского имени. Именно падежный параллелизм в условиях принадлежности атрибутивных и субстантивных имен к одним и тем же склонениям оказался организатором родовых (согласовательных) отношений, которые возникли в названных выше индоевропейских языках.

Все это в значительной мере объясняет, как сложилась современная система субстантивного имени, в которой подавляющее большинство субстантивных имен принадлежит ко второму и первому склонению.

Следует сказать, что когда речь идет о родовой ситуации в том или ином языке, то, естественно, должны быть представлены в описании все три категории в качестве единой системы, но если не учитывать особенностей каждой из этих трех отдельно взятых категорий, что имеет место в большинстве научных работ, посвященных индоевропейскому роду, а тем более без учета взаимодействия между ними, то окажется весьма проблематичным построение общей теории индоевропейского грамматического рода как в синхронном, так и диахронном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.; Наука, 1984.
2. Азербайджано-русский словарь в 4т. / Под ред. М.Т. Тагиева. Баку: ЭРГЮН, 1997. Т. 3-й.
3. Вертиев С.В. Общий род как общеиндоевропейская грамматическая категория. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
4. Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. Изд-е 3. М.: Рус. яз., 1986.
5. Ельмслев Л. О категории личности / безличности, одушевленности / неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 114-153.
6. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977.
7. Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М. – Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГГУ. 2008.
8. Копелиович А.Б. Очерки по истории грамматического рода. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1988.
9. Копелиович А.Б. Категория лица и грамматический род // НДВШ. Филологические науки, 1991, № 3. С. 40-49.

10. Кручинина И.Н. Приложение // ЛЭС. М.: СЭ. 1990.
11. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / М.: АН СССР, 1953.
12. Лабцова Е.Е. Родовая вариативность имени существительного (на материале латинского языка с привлечением фактов древнегреческого языка). Дис. канд. филол. наук. М. 1999.
13. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
14. Маркина С.В. Параллелизм как вид синтаксической связи. Дис... канд. филол. наук. Иваново. 2010.
15. Мещанинов И.И. Типология структуры предложения // Вопросы общего языкознания. Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания. Л. 1967.
16. Негрышев А.А. История изучения индоевропейского рода: концепции, парадигмы, направления. Монография. 2-е изд. стер. Владимир: ВФ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. 205 с.
17. Новикова М.Р. Именная категория лица (на материале индоевропейских языков). Дис ... канд. филол. наук. М., 1999.
18. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3-й. М.: Просвещение, 1968.
19. Руденкова И.В. Анафорический род в его отношении к грамматическому роду и именной категории лица (на материале индоевропейских языков). Дис ... канд. филол. наук. М., 2010.

КОРЕНЕВА Юлия Викторовна (Москва, Россия)

Московский государственный областной университет

uv.koreneva@mgou.ru

ЖИТИЙНЫЙ ЛИНГВОКОНЦЕПТ “ПОКАЯНИЕ”: ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИКИ

Аннотация. Статья посвящена функционированию лингвоконцепта “Покаяние” в преподобническом житии. Специфика слова-имени концепта раскрывается через анализ его синтагматических особенностей, также определяется его место в концептосфере жития, организованной вокруг макроконцепта “Святой/Святость”.

Агиографическая концептосфера представляет собой систему, выстроенную вокруг концепта “Святой/Святость”, который для данного жанрово-дискурсивного пространства является базовым. Житийное повествование имеет прагматическую установку на описание определённого типа святости (равноапостольный, святитель, преподобномученик и др.). В исследовании преподобнических, т.е. монашеских, житий выделяется особая группа «личностных» лингвоконцептов, т.е. слов-номинантов концепта. К таким «личностным» концептам, наполняющим поле макроконцепта “Святой/Святость” относятся: “Смире-

ние”, “Терпение”, “Подвиг”, “Любовь”, “Чудо”, “Крест”, “Скорбь”, “Молитва” и др. В этом же ряду находится концепт “Покаяние”, теснейшим образом связанный с лингвоконцептом “Грех” (о семантических свойствах и объёме данного лингвоконцепта в русском языке и в русском агиографическом тексте подробнее: [4; 5].)

Словами-репрезентантами концепта “Покаяние” в житиях преподобных старцев Оптинских являются соответствующее существительное, а также слова *раскаяние*, *покаяться* и синонимичная единица *исповедание* (частотность невысока).

- *Слово Старца целительно действовало на их души, открывало зрение грехов и двери покаяния* [6: 73].

Концепт воспринимается как трехсторонняя единица сознания и имеет понятийный, образный и ценностный компоненты [2]. Синтагматические свойства лексемы, вербализирующей концепт, отражают как раз образную сторону бытования концепта. Бытование концепта детерминируется жанрово-дискурсивным пространством, в котором данный лингвоконцепт фигурирует. Агиографическая концептосфера «задаёт» векторы семантического развития концепта, поэтому о тех или иных концептах можно говорить как об агиографических, понимая под этим определённый семантический объём, раскрывающийся в данной концептосфере. Такой тезис аргументируется исследованием контекстуального употребления слов-номинантов концепта с последовательным выделением семантико-когнитивных признаков, имеющих жанрово-дискурсивную «привязку». Поскольку концептосфера агиографии является частью православного религиозного дискурса и соответствующей концептосферы, то раскрытие семантических свойств того или иного концепта должно совершаться как минимум через призму православного святоотеческого учения:

- *Покаяние нам естественно. Это действие совести нашей. Оно состоит в сознании своих погрешностей и в сожалении о них* [8: 459].

Понятийная сторона лингвоконцепта “Покаяние” достаточно прозрачна: абстрактная единица процессуального типа, внутренняя форма которой связана с действием *kajati*, этимологически объясняемом

как 'почитать', 'ценить', 'бояться', 'наказывать', 'мстить', 'каяться' [9: 1, 390]. Примечательно, что в составе параллельной греческой единицы *μετάνοια* 'раскаяние, покаяние'; 'изменение жизни'; 'отвращение от грехов'; 'возвращение к Богу' [1: 139] имеется приставка, означающая перемену, изменение чего-либо, а глагольный корень *νοέω* – 'понимать'; 'различать'; 'обдумывать'; 'представлять' [1: 145] – указывает на семантику ментальных действий. Следовательно, при опоре на греческие данные (важность русско-греческих семантических связей в религиозном дискурсе очевидна) слово **покаяние** минимально семантизируется как 'изменение внутреннего состояния, образа мыслей'. В христианском смысле покаяние есть всегда процесс не простого изменения, но качественного, связанного с исправлением себя:

- *Таким образом, основные смысловые нюансы, связанные с термином «каяться», сводятся к следующему: почувствовать искреннее сожаление по поводу совершенных ранее грехов, отречься от греха и внять зову Божию, желая угодить Ему в будущем [3: 253].*

- *Покаяние не совершается [т.е. не оканчивается] до гроба и имеет три свойства или части: очищение помыслов, терпение находящих скорбей и молитву, т.е. призывание Божией помощи против злых прилогов вражиих. Три эти вещи одна без другой не совершаются. Если одна часть где прерывается, то и другие две части там не тверды бывают [7: 206].*

Через осознание греха и ощущение ужаса от содеянного человек стремится к исправлению своего внутреннего состояния и принимает решение исправиться. Грех искажает человека, «окривляет» его, а через покаяние и таинство исповеди человек выпрямляется, приводит себя в соответствие с образом Божиим. Именно в таком понимании употребляется слово *покаяние* в житиях:

- *Преподобный обладал удивительным дарованием не только влиять на души вопрошавших, вызывая в них **чувства покаяния** и страха Божия, но и мудро притом рассудить, как в каждом конкретном случае урочевать эти души [6: 148].*

В житиях старцев Оптинских лингвоконцепт "Покаяние" частотен при описании действий преподобного старца по отношению к нуждаю-

щимся в духовной помощи людям – мирянам (в большинстве случаев) или кому-либо из братии, послушникам или монахам. **Покаяние** (варианты: **раскаяние, покаяться; исповедание грехов**) комбинируется в ближайшем контексте с лингвоконцептами “Грех” и “Исповедь”.

- *Так, однажды некто **покаялся** перед ним в некоторых **согрешениях**, а о других умолчал [6: 148].*

- *Старец несколько раз подолгу с ним занимался и нашел у него **затаенный грех**, который он не объяснил священнику, сомневаясь в прощении его. Старец убедил его, что нет греха, который бы не прощало человеколюбие Божие, если в нем **каются**, – и он на исповеди принес в нем **покаяние** и, получив разрешение, удостоен был причастия Святых Таин [6: 200].*

Синтагматические свойства лингвоконцепта “Покаяние” указывают и на смысловую близость данной единицы с другими концептами не только в мини-контексте (словосочетании или предложении), но и в тексте жития в целом. Векторная схема синтагматики лингвоконцепта “Покаяние” при анализе житий преподобных старцев Оптинских может быть представлена как трехчастная структура:

1) внешняя форма покаяния: таинство исповеди:

- *Наконец, на **исповеди** Старец, с помощью Божией, убедил его оставить ложное мнение, что его прокляла мать, и вместо того смириться перед нею и с **чувством раскаяния** испросить у нее прощения в оскорбительном мнении о ней [6:199];*

2) внутренний путь: человек/душа → грех (как действие внешнее и/или внутреннее с очевидным результатом) → **покаяние** (как ментальное действие, переходящее в действие внешнее, т.е. исповедь):

- *Нет **греха**, который бы устоял **против покаяния**. Оно – дар, данный падшему естеству человеческому <...> Им очищается, изглаживается всякий грех [8: 455].*

- *Непримиримая вражда, раздоры семейные, тяжкие **нераскаянные грехи** чаще всего были причинами заболеваний, а потому и врачевал Старец болящих, при помощи Божией, благодатию **таинства покаяния** ... [6: 191].*

- ...имел преподобный от Господа великий дар прозорливости. От пронизательного его взора не могли утаиться душевные тайны приходивших к нему Сам высказывал все утаенное, побуждая своих духовных детей к **чистосердечному исповеданию** всех смущающих помыслов [6: 43];

3) результат покаяния: *прощение грехов* → *Святое Причастие* → *надежда на спасение души*:

- Это и есть выражение истинной христианской любви, превосходящей другие благодеяния и состоящей в том, чтобы **заблуждающегося научить, согрешившего исправить, погибающего взыскать и приобрести во спасение** [6: 181].

Лингвоконцепт “Покаяние” синтагматически неразрывен с лингвоконцептами “Грех” и “Исповедь”, что может быть аналитически квалифицировано как ядерное синтагматическое свойство данного концепта. Такая сочетаемость является базовой и в житийном произведении, и в православном религиозном дискурсе в целом. В дальнейшем синтагматическом расширении лингвоконцепт “Покаяние” связан с концептом “Спасение” (души), и в этом векторе возникает связь также к концептами “Чудо”, “Радость”, “Страх Божий”, “Смирение”, что, несомненно, включает лингвоконцепт “Покаяние” в агиографическую концептосферу, а именно в поле макроконцепта агиографии “Святой/Святость”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана. М., 1997. 240 с.
2. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: Подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. науч. трудов. Изд-е 2-е, доп. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редколл.: Трошина Н.Н. (отв. ред.) и др. М., 2008. С.127-155.
3. Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета. Словарь-справочник/ Авторы-составители К. Барнуэлл, П. Дэнси, Т. Поп. СПб.: «Библия для всех», 2000. 495 с.
4. Козина Н.О. Грех // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 60-74.
5. Коренева Ю.В. Концепт Грех в языке и агиографическом тексте // ФИЛОЛОГОС. Выпуск 13 (2). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. С.60-66.
6. Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. Изд. 2-е. Свято-Введенский монастырь. Оптина Пустынь, 2004. 511 с.

7. Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского. М., «ДАРЪ», 2007. 352 с.

8. Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). М.: ДАРЪ, 2008. 776 с.

9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 500 слов: Т. 1-2. М.: Рус.яз., 1993.

КОРОЛЁВ Игорь Русланович (*Киев, Украина*)
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
korolyovigor@gmail.com

УКРАИНСКОЕ, РУССКОЕ И ЛИТОВСКОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КООПЕРАТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ «ПРИВЕТСТВИЕ»

Аннотация. В статье рассматривается украинское, русское и литовское речевое поведение в кооперативной коммуникативной ситуации “приветствие”. В частности, определены базовые приветствия в украинском, русском и литовском речевом поведении, а также выявлены основные универсальные и национально-специфические особенности отдельных приветствий украинцев, русских и литовцев.

Актуальность темы исследования связана с необходимостью системного и комплексного описания кооперативной коммуникации в целом и ее разновидностей в частности в связи с появлением новых аспектов ее изучения в современном языкознании: коммуникативно-прагматического и лингвокультурного, поскольку особенного внимания требует рассмотрение соотношения родной и неродной коммуникативных культур, в том числе и коммуникативного поведения как отражения действительности в языковом сознании человека.

Целью статьи является установление универсальных и национально-специфических особенностей речевого поведения украинцев, русских и литовцев в кооперативной коммуникативной ситуации “приветствие”. Отметим, что литовские культурные и коммуникативные нормы значительно ближе к славянским в целом и украинским в частности, чем к англосаксонским, особенно учитывая гипотезу о существовании балто-славянского этнического и языкового единства. Сравнивая речевое поведение украинцев и русских как представителей славян и литовцев как представителей балтийских народов, в том чис-

ле и в кооперативной коммуникативной ситуации “приветствие”, необходимо учитывать длительные связи Литвы с Польшей (156 лет Объединенного Польско-Литовского государства – Речи Посполитой), а также то, что в отдельных регионах современной Литвы, в частности в Вильнюсском районе и так называемой Малой Литве, в разном соотношении проживают русские, поляки, белорусы и украинцы, другие балтийские народы [3: 51; 7: 206].

Приветствие (укр. *вітання, повітання*, лит. *pasisveikinimas*) – обращение к кому-нибудь с приветом; речь с выражением добрых пожеланий, расположения; укр.: “слова або жести, звернені до когонебудь під час зустрічі на знак прихильного ставлення, доброзичливості” [5: 686]. Приветствие принадлежит к наиболее часто употребляемым этикетным высказываниям в коммуникативном поведении всех этносов, с помощью которого реализуется фатическая функция языка (устанавливается контакт между собеседниками, происходит начало интеракции). Такие поздравления, как укр. *Доброго ранку (дня, вечора)!* (рус. *Доброе утро (добрый день, вечер)!* лит. *Labas rytas (laba diena, labas vakaras)!* связаны с формой благопожелания, поскольку здороваясь таким образом мы желаем адресату доброго и хорошего утра (дня, вечера) и добра на весь день. Хотя во всех трех коммуникативных культурах такие единицы речевого этикета, как укр. *здрастуй, здрастуйте*; рус. *здравствуй, здравствуйте*; лит. *sveikas (-a), sveiki* и др., используются коммуникантами как способ приветствия, но этимологически означают пожелание здоровья, реализуя непосредственно свою первичную функцию пожелания здоровья. Эквивалентными приветствиями у украинцев и русских являются выражения типа укр. *добрий ранок (день, вечір)*; рус. *доброе утро, добрый день (вечер)*. В речевом поведении украинцев, в отличие от русских и литовцев, лексему *привітання (вітання)* можно употреблять не только как способ приветствия собеседника, о чем указывают лексемы рус. *приветствие* или лит. *pasisveikinimas*, а и в коммуникативных ситуациях «поздравление» и «пожелание». Не случайно украинцы часто могут использовать глаголы *бажаю* и *зичу* в коммуникативных ситуациях

как обычный способ приветствия: *бажаю (зичу) Вам доброго ранку* [1: 58].

Распространенными приветствиями в украинском речевом поведении являются *Здоровенькі були!* или *Доброго здоров'я!* Употребляются эти формы чаще тогда, когда адресант старается нежно и искренне поприветствовать, желая адресату крепкого здоровья. В русском речевом поведении также присутствует форма приветствия *Доброго здоровья!*, более характерная для старшего поколения коммуникантов. Украинцы и русские употребляют и просторечные формы приветствий, как укр. *Доброго здоров'ячка* и рус. *Доброго здоровьица (здравьица)*, ныне используемые коммуникантами более старшего возраста. В то же время рус. *Здравия желаю!* употребляется в военном дискурсе как форма приветствия солдата с офицером (младшего по званию военного со старшим), используемое изредка и в других дискурсивных практиках. В институциональных типах дискурса в украинском и русском речевом поведении официальную тональность общения, особенно во время торжественных мероприятий при обращении к большой аудитории демонстрируют следующие выражения: укр. *Вітаю вас!* или *Дозвольте вас (при)вітати!* и рус. *Приветствую вас!* или *Разрешите (Позвольте) вас (по)приветствовать!* Если эти приветствия обращены к одному адресату, то будут использоваться так называемые формы обращения на *Вы*. В деловом официальном общении украинцы также могут употреблять такие приветствия, как *моє (в)шанування!* *Моя пошана!* (просторечная и почти архаизированная форма, которая не содержит официальности и указывает на непринужденность взаимоотношений между коммуникантами *моє шануваннячко!*) [1: 62]. У русских эквивалентом этих поздравлений в институциональных типах дискурса является форма *моё почтение!*, нередко указывающая на разницу в возрасте и социальном статусе собеседников, когда ее употребляет младший по отношению к старшему. Хотя иногда эти высказывания в украинском и русском речевом поведении могут использоваться в конце разговора и иметь фамильярный характер. Русские приветствия *доброе утро, добрый день (вечер)* содержат слово *добрый* в устаревшем, фразеологически связанном значении рус.

хороший [6: 63]. В украинском языке подобная сема у прилагательного *добрий* также присутствует – *гарний*. В литовском языке украинским лексемам *добрий* – *гарний* и русским *добрый* – *хороший* отвечают также две лексические единицы *labas* – *geras* [9: 158, 876], но в поздравлении литовцы, в отличие от украинцев и русских, не могут использовать лексему *geras* (укр. *гарний (гарного ранку (дня, вечора)*; рус. *хороший (хорошего утра (дня, вечера)*), а употребляют только *labas* (*labas rytas, laba diena, labas vakaras*) [8: 23]. В речевом поведении литовцев приветствие может реализовываться одним словом *Labas!*, но такое выражение имеет определенный оттенок фамильярности. В ситуациях официального приветствия *labas rytas, laba diena, labas vakaras* ответом может служить повтор *Labas, labas!*, как правило употребляемый собеседником с целью нивелирования официального характера беседы, в частности для установления дружественных или даже фамильярных отношений [4: 20]. Украинцы и русские в кооперативной коммуникативной ситуации "приветствие" также могут реализовывать соответствующую тактику сближения с собеседником, что будет достигаться такими коммуникативными ходами, как укр. *Здрастуй, здрастуй* (фамильярное – *привіт, привіт*); рус. *Здравствуй, здравствуй* (*привет, привет*). В литовском речевом поведении прилагательные *sveikas, sveika, sveiki, sveikos* и *labas* в формулах приветствия отличаются разной степенью десемантизации: в слове *labas* уже утрачена функция номинации, оно употребляется как этикетный знак и, вероятно, является лишь междометием [4: 20]. В такой же преимущественно фамильярной разговорной речи украинцы и русские часто употребляют приветствие *Здоров(о-а)!*, ярко свидетельствующее о гендерном статусе участников процесса общения [6: 64], поскольку подобное приветствие в основном распространено среди мужчин и характерно для речевого поведения людей преимущественно низкого социального статуса. Хотя изредка встречаются случаи употребления подобной формы приветствия и среди женщин или в приветствии женщины к мужчине прежде всего в неинституциональных дискурсивных практиках, что свидетельствует о близости отношений коммуникантов. В украинском речевом поведении может использоваться и усечённая

форма *Добрідень* (*добривечір*), придающая приветствию преимущественно торжественный характер и приподнятое настроение.

В трёх исследуемых лингвокультурах приветствия в основном связаны с пожеланиями, отвечающим определенному времени суток (укр. *добрий ранок* – рус. *доброе утро* – лит. *labas rytas* тощо), а также являются высказываниями – пожеланиями здоровья. В литовском речевом поведении слово *sveikas* (-a) в приветствии еще сохранило значение, грамматическую форму прилагательного (*sveikas* – *здоровый*) и функцию номинации, но его значение также меняется и оно употребляется в начале общения [4: 20]. Литовцы могут использовать в народных формах приветствия следующие выражения: *Sveikas gyvas! Sveika gyva!* (*Жив-здоров! Жива-здорова!*) и в множ. числе *Sveiki gyvi* (*к мужчинам*) / *Sveikos gyvos* (*к женщинам*) (*Живы-здоровы!*), где эти слова являются лишь знаком приветствия в неинституциональных дискурсивных практиках, хотя в них еще сохранена форма прилагательного. Также эти формы в литовском речевом поведении могут быть ответом на вопрос: *Labas! Kaip gyveni? Kaip tu? – Aš sveikas gyvas / sveika gyva*. В украинском и русском речевом поведении следующие выражения: укр. *Живий-здоровий! Жива-здорова! Живі-здорові!*; рус. *Жив-здоров! Жива-здорова! Живы-здоровы!* – в основном употребляются коммуникантами в ответ на приветствие. Если же они присутствуют в приветствии адресанта, то выполняют в первую очередь уточняющую и интимизационную функции.

Таким образом, сопоставляя речевое поведение украинцев, русских и литовцев в кооперативной коммуникативной ситуации “приветствие”, можно заключить вывод, что в украинском и русском речевом поведении ярче раскрывается и эмоциональнее реализуется фатическая (контактоустанавливающая) функция, чем в литовском. Так, украинскому *Привіт* и русскому *Привет*, употребляемым в основном в неинституциональных дискурсивных практиках при общении хорошо знакомых людей, в литовском языке соответствует стилистически нейтральное и характерное, в частности, для институциональных дискурсивных практик *Sveiki!* Это литовское приветствие *Sveikas! Sveiki!* может соответствовать украинскому и русскому *здоров(о-а)!* [9: 224], хотя,

в отличие от речевого поведения украинцев и русских, где оно стилистически сниженное, маркированное просторечно-грубоватым оттенком и чаще используется мужчинами, в литовском речевом поведении подобная форма приветствия стилистически нейтральна и не имеет гендерной специфики, поскольку этому символу грубоватой мужественности (укр. и рус. *здоров(о-а)!*) в литовском языке отсутствует полный эквивалент [4: 21]. В кооперативной коммуникативной ситуации “приветствие” репрезентированы формальные этикетные формулы, совпадающие в разных лингвокультурах, согласно которым можно отследить и некоторые особенности национального менталитета. Украинцы и русские, например, не апеллируют к прошлому, приветствуя гостей, подчеркивая важность нынешнего момента и используя выражения: укр. *Ласкаво просимо!* или *Будь ласка, проходите! Запрошуємо!* (рос. *Добро пожаловать!* или *Проходите, пожалуйста! Приглашаем!*). Эти приветствия украинцев и русских фактически объединяют два значения, поскольку непосредственно к приветствию добавляется приглашение. Как отмечает Й. Паужа, для литовцев в соответствующих формах приветствий важной является апелляция к прошлому, актуализирующаяся в их речевом поведении, например, как *Sveiki atvykę!* (укр. *Здрастуйте тим, хто прибув!* та рос. *Здравствуйте, прибывшие!*). Таким образом литовцы выражают радость, акцентируя внимание не только на моменте самой встречи, а и на том, что гости прибыли к ним живы и здоровы [4: 21]. Так, путешествуя по Литве, можно услышать стандартную вербальную форму приветствия от сотрудника отеля во время регистрации: *Laba diena! Sveiki atvykę! Aš – Rasa.* Лишь после этого они могут выражать дальнейшее гостеприимство, используя формы *Prašom užėiti!* (укр. *Будь ласка, проходите!* рус. *Пожалуйста, проходите!*), *Maloniai kviečiame!* (укр. *Запрошуємо!* рус. *Приглашаем!*) и т.д. По мнению Г. Чепайтене, приведенный пример свидетельствует о меньшей эмоциональности литовцев, по сравнению с русскими (как и украинцами – И.К.), поскольку для последних значительно важнее выразить радость непосредственно в момент общения, а не апелляция к событиям, пусть и положительным, которые предшествовали встрече [10: 48]. Как отмечает А.Б. Лихачёва, речевое пове-

дение литовцев определяется двумя самыми важными особенностями национального характера: сдержанностью и одновременно – их эмоциональностью [2: 5], что, как нам кажется, свидетельствует об определённой степени амбивалентности коммуникативной культуры этого балтийского народа и вызвано прежде всего историческими, географическими, социально-культурными и другими факторами формирования и развития литовского этноса.

Таким образом, приветствия в исследуемых лингвокультурах создают прежде всего благоприятную атмосферу общения, поскольку коммуниканты выражают уважение друг к другу с помощью ритуализированных благопожеланий, ведь многие из них этимологически обозначают пожелания здоровья, хорошего дня, удачи и т.п. Наличие разнообразных выражений для приветствий в речевом поведении украинцев, русских и литовцев связано с тем, что используются они в институциональных и неинституциональных дискурсивных практиках, используемых интерактантами, отличающимися по возрасту, социальному статусу, гендерными и психологическими характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богдан С.К. Мовний етикет українців : традиції і сучасність. К.: Рідна мова, 1998. 475 с.
2. Лихачёва А. Об особенностях литовской коммуникативной культуры в связи с понятием “национальный характер” // Коммуникативное поведение. Вып. 27. Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во “Истоки”, 2007. С. 4–16.
3. Михальченко В.Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас, 1984. 224 с.
4. Паужа Й. Особенности русского и литовского коммуникативного поведения в ситуациях проявления речевого этикета // Коммуникативное поведение. Вып. 27. Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во “Истоки”, 2007. С. 16–31.
5. Словник української мови. К.: Наукова думка. 1970-1980. Т. 1. С. 686.
6. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. 158 с.
7. Foster D. Europos šalių etiketas. Vilnius: “Algarvé”, 2004. 437 p.
8. Kučinskaitė A. Lietuvių kalbos etiketas. 2-asis pataisytas ir papildytas leidimas. Vilnius: Mokslas, 1990. 110 p.
9. Rusų-lietuvių kalbų žodynas / sud. Lemchenas Ch., Macaitis J. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000. 939 p.
10. Čepaitienė G. Participinių įvardžių vartojimo tendencijos kreipiantis į adresatą // Filologija. 2005. № 10. P. 20–25.

КОРОЛЁВА Наталья Васильевна (Киев, Украина)

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
kardea@yandex.ru

ЛАТИНОЯЗЫЧНАЯ АНАГРАММА КАК КРИПТОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Аннотация. Статья посвящена использованию анаграммы в качестве метода защиты приоритета научного открытия. С началом эпохи великих научных открытий анаграммирование превратилось в инструмент защиты авторского права, что было с успехом использовано такими выдающимися учеными, как Г. Галилей, И. Ньютон, Р. Гук и многие другие.

Первые попытки защиты записанной информации почти совпадают во времени с возникновением самой письменности: ведь помимо тех, кто стремился сохранить тайну, всегда находились желающие раскрыть чужие секреты. И хотя письменная речь определенное время функционировала как криптографическая система, ибо только избранные владели искусством слова, а для неграмотных буквы алфавита были всего лишь набором непонятных символов, вскоре возникла необходимость в изобретении дополнительных шифровальных средств. Основным способом защиты информации заключался в превращении осмысленного текста в «винегрет» из букв. Значительные достижения в этой сфере принадлежат Древней Греции и Риму, где были созданы первые шифровальные устройства, а использование криптографических приемов обрело широкую практику. Наиболее популярными в античном мире были две системы шифров: замены и перестановки. В первом случае все знаки исходного текста менялись на знаки ключа с сохранением указанного порядка, а обладание ключом предоставляло возможность превратить закодированную информацию в оригинальный текст. Во втором случае менялась лишь последовательность знаков, без их замены на другие символы [1: 4-18].

С течением времени один из вариантов шифра перестановки – анаграммирование, суть которого состоит в расчленении элементов аутентичного текста и создании нового путем рекомбинации знаков, превратился в действенный механизм защиты от несанкционированно-

го овладения информацией. С его помощью скрывали содержание сообщений, предназначенных только для избранной группы людей.

С началом эпохи великих научных открытий в среде интеллектуальной элиты возникла традиция зашифровывать с помощью анаграмм собственные изобретения и открытия до момента их официального обнародования. Поскольку дешифровка подобных сообщений посторонним человеком исключалась вследствие сложности самого процесса, главной заботой автора было обеспечение надежного тайника для оригинала.

Анаграмма как метод защиты приоритета открытия была с успехом использована гениальным астрономом Галилео Галилеем. В 1609 году он самостоятельно конструирует первый телескоп и начинает наблюдение за звездным небом, а уже в декабре 1610 года направляет своему покровителю Козимо II Медичи письмо со странной фразой *Haec immatura a me iam frustra leguntur o.u.* (*Я исследую это преждевременно и поэтому бесполезно*), в котором сообщает о ходе работы. За расшифровку загадки Галилея берутся выдающиеся ученые и искатели дармовой славы. По мнению Кеплера, известного немецкого математика и астронома, открывшего законы движения планет, смысл послания был следующим: *Macula rufa in love est gyratur mathem, etc.* (*На Юпитере есть красное пятно, которое вращается согласно законам математики*). И хотя этот вариант оказался неправильным, удивительно, как мог догадываться Кеплер о существовании красного пятна, открытого в 1660 году Дж.Д. Кассини!

На самом же деле сообщение выглядело следующим образом: *Cynthiae figuras aemulatur mater amorum* (*Мать любви повторяет виды Цинтии*). В нем говорилось о том, что механизм изменения фаз Венеры соответствует фазам Луны: мать любви – Венера, а Цинтия (или Кинфия) – один из эпитетов Артемиды, римской Дианы, богини луны [3: 53].

Но были у Галилея и ошибочные открытия. Телескоп с тройным увеличением не давал четкого изображения, а потому, наблюдая за Сатурном, ученый не смог разглядеть его кольцо. Отметив только невыразительные объекты с обеих сторон, он решил, что это спутники

планеты – по аналогии с уже открытыми им спутниками Юпитера. Расплывчатость вида не позволяла говорить об этом факте с уверенностью, и Галилей прибегнул к модному приёму, чтобы закрепить за собой первенство без вреда для научного авторитета: сообщил об открытии, правильность и достоверность которого вызывала сомнение, в короткой шифровке, толкование которой казалось сложным для всех, кроме него самого. В августе 1610 года он отправил письмо с анаграммой *smaismrmilmepoetaleumibvnenugttaviras* тосканскому послу в Праге и попросил его передать копию Кеплеру, восхищавшемуся подобными лингвистическими упражнениями. Отбросив несколько букв (иногда они действительно добавлялись для большей путаницы), математик получил фразу: *Salve umbistineum geminatum Martia proles* (Приветствую вас, двойнята-близнецы, потомки Марса). По его мнению, Галилей открыл спутники Марса. На самом же деле Кеплер, увлеченный поисками всемирной гармонии, невольно выдал желаемое за действительное. Он сам пришел к такому выводу, ссылаясь на обычную геометрическую прогрессию: поскольку на Земле спутник один, а у Юпитера – четыре (так тогда думали), то у Марса, расположенного между этими планетами, соответственно, – два. Оба спутника Марса, Демос и Фобос, существовали на самом деле, но открыли их гораздо позже – в 1877 году, и поэтому попытка дешифровки оказалась лишь очередной гениальной догадкой Кеплера.

Между тем Галилей, исключив две лишние буквы, 13 ноября открывает тайну существования спутников Сатурна императору Рудольфу: *Altissimum planetam tergeminum observavi* (Я заметил, что самая дальняя планета тройная) [6: 119]. Но, к сожалению, и он допустил ошибку: полвека спустя кольцо Сатурна разглядел в телескоп с 92-кратным увеличением голландец Х. Гюйгенс.

Следует отметить, что составление анаграммы с полноценным содержанием было чрезвычайно сложным искусством. Поэтому большинство ученых пользовались упрощенной схемой анаграммирования, отмечая лишь количество букв. Так, Исаак Ньютон, известный открытием силы притяжения, увлекаясь в студенческие годы алгеброй, пришел к выводу, что дифференцирование и интегрирование являются

взаимно обратными операциями: *Data aequatione quodcunque fluentes quantitates involvente, fluxiones invenire: et vice versa*. Опасаясь, что его идеей могут воспользоваться, он запатентовал приоритетность открытия, закодировав его в одном из писем в виде анаграммы: *6a 2c 2d ae 13e 2f 7i 3l 9n 4o 4q 2r 4s 8t 12v x* [7: 70].

Упомянувшийся нами голландский астроном, механик, физик и математик Христиан Гюйгенс засвидетельствовал одно из своих открытий надписью-анаграммой на собственном телескопе: *X [pedem] 3 Febr. MDCLV Admovere oculis distantia sidera nostris vvvvvv ccc rr h n b q x*. Наряду с обычными сведениями о фокусном расстоянии телескопа (10 футов) и дате его выпуска (3 февраля 1655), он приводит отрывок из Овидия (*Приблизить к нашим глазам отдаленные звезды*) и набор непонятных букв. Летом того же года учёный разослал нескольким друзьям копию этой надписи, чтобы задекларировать свое первенство в открытии спутника планеты Сатурн – Титана, а 5 марта 1656 в трактате *De Saturni luna observatio nova* уже сам открывает тайну: *Saturno luna sua circumducitur diebus sexdecim horis quatuor* (*Спутник обращается вокруг Сатурна за 16 дней и 4 часа*). Впоследствии, правда, выяснилось, что орбитальный период Титана значительно меньше указанного количества дней [2: 10].

Продолжив наблюдения за планетой, Гюйгенс обратил внимание и на загадочные объекты, впервые замеченные Галилеем. И хотя он пришел к правильному выводу относительно их природы, сначала все же осторожно сообщил об открытии анаграммой: *7a 5c d 5e g h 7i 4l 2m 9n 4o 2p q 2r s 5t 5u*. Три года спустя, когда результаты исследований были обнародованы под названием *Systema Saturnium*, буквенно-цифровая комбинация наполнилась содержанием: *Annulo cingitur, tenui plano, nusquam cohaerente, ad eclipticam inclinato* (*Она окружена легким кольцом, которое нигде к ней не касается, и которое наклонено относительно эклиптики*) [2: 138].

Кроме астрономии, в сферу интересов Гюйгенса входили также физика и механика – именно ему принадлежит изобретение спиральной пружины для регулировки хода часов. Главным конкурентом голландца на этом поприще науки был английский натуралист, отец экс-

периментальной физики Роберт Гук. Исследуя свойства упругости металлов, он работает над решением той же проблемы – руководствуясь указаниями Гука, часовщик Томпсон создает для Карла II первые пружинные часы. Между учеными шли постоянные споры за право первенства, поэтому неудивительно, что результаты тщательно скрывались. Гук, как и другие ученые, пользовался анаграммами из латинских букв, расположенных в алфавитном порядке: в 1676 году он издает работу *A description of Helioscopes and some other Instruments*, в которой приводит две короткие фразы: *ceiinossttuv* и *cediinnoopsssttuu*. Объяснение к ним появилось лишь через несколько лет в публикации под названием *De potentia restitutiva*. Первая из анаграмм содержала формулировку закона пропорциональности – *Ut tensio sic vis*, а вторая – закон упругости – *Ut pondus sic tensio* [5: 52].

После большого пожара 1666 года в Лондоне известный архитектор и руководитель восстановительных работ Кристофер Рен приглашает Гука на должность первого помощника. Купол собора Святого Павла был построен с использованием изобретенного им метода проектирования арки в форме перевернутой цепной линии. В 1675 году он задокументировал этот метод привычным образом: *a b 3c 2d 5e f 2g 8i 2l 4m 5n 2o p 2r 3s 6t 8u x*. С полным вариантом – *Ut pendet continuum flexile, sic stabit contiguum rigidum inversum* – общественность ознакомилась в 1705 году, уже после смерти выдающегося физика [4: 152]. Предложенная Гуком арочная конструкция с успехом используется даже сегодня – именно на ней остановил свой выбор гениальный каталонец Антонио Гауди при постройке Дворца Гуэля и Каса Мила.

Технический прогресс, определив место анаграммы в точке пересечения естественных и гуманитарных дисциплин, отнес ее к сфере криптографии и предоставил новую жизнь, превратив на определенное время в инструмент защиты авторского права. Исследователи, не завершившие предварительную проверку или не имеющие полной уверенности в достоверности полученных результатов и поэтому не желающие выносить их на суд общественности, все равно стремились подать заявку на первенство – на тот случай, если кто-то вдруг опередит их во время испытательных работ. Анаграмма стала залогом по-

лучения заслуженной славы и надежным гарантом собственного места в истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адигеев М.Г. Введение в криптографию. Часть 1: Основные понятия, задачи и методы криптографии. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2002. 36 с.
2. Andriessse C.D. Huygens: The Man Behind the Principle. N.-Y.: Cambridge University Press, 2005. 440 p.
3. Fermi L., Bernardini G. Galileo and the Scientific Revolution. Mineola, N.-Y.: Courier Dover Publications, 2003. 128 p.
4. Lancaster L.C. Concrete Vaulted Construction in Imperial Rome: Innovations in Context. Cambridge, N.-Y.: Cambridge University Press, 2005. 274 p.
5. Meli D.B. Equivalence and Priority: Newton Versus Leibniz. Including Leibniz's Unpublished Manuscripts on the Principia. Oxford: Oxford University Press, 1996. 328 p.
6. North J.D. The Universal Frame: Historical Essays in Astronomy, Natural Philosophy, and Scientific Method. Hambleton: Continuum International Publishing Group, 1989. 384 p.
7. Suisky D. Euler as Physicist. Berlin, L.: Springer, 2008. 338 p.

**КОРОСТОВА Светлана Владимировна,
ЖИЛКАЙДАРОВА Оксана Васильевна**

(Ростов-на-Дону, Россия)

Южный федеральный университет
svetolen@yandex.ru

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале произведений А.П. Чехова)

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционирования эмотивно-оценочных глаголов в художественном тексте, которые рассматриваются как маркеры эмотивной ситуации, представленной в перволичном и в третьеличном повествовании. Семантика глаголов актуализируется за счет синтагматических связей с эмотивно-оценочными квалификаторами.

Художественный текст представляет собой особое коммуникативное и эмотивно-оценочное пространство, в котором реализуются процессы «оязыковления» концептуальной картины мира автора. Аксиологические и интеллектуальные интенции повествователя находят свое выражение в синтагматических связях глагольных лексем, репрезентирующих и отношение говорящего к содержанию высказывания, и отношение автора к самому субъекту речи, персонажу.

Рассматривая эмотивно-оценочные глаголы как маркеры эмотивности, следует выяснить характер отношений между категориями

эмотивности и оценочности, поскольку эта проблема не является однозначной. Рассматривая оценку как модальность, Е.М. Вольф выделяет признаки оценочного отношения субъекта к объекту: «Эти признаки следующие – «эмотивность», или оценочность», как собственно отношение по признаку «хорошо/плохо» [1: 12]. Е.М. Вольф считает, что в большинстве случаев эмотивность как аспект оценки неотделима от обозначения свойств объекта, отношения субъекта к объекту: «Эмотивность выступает на первый план в оценочных выражениях типа *Какая прелесть!*, в высказываниях, включающих аффективные слова вроде *прекрасный, отличный, скверный, дрянной*. Большинство слов-оскорблений также включает прежде всего эмотивный компонент оценки: *Так, болван!* – в первую очередь говорит об отношении говорящего к объекту оценки, а не о свойствах последнего. Важно, однако, подчеркнуть, что эмотивность имеется во всех оценочных выражениях, отражая присутствие в них субъекта..» [1: 38 – 39]. Таким образом, ученый делает весьма важный, на наш взгляд, вывод о том, что эмотивность всегда одновременно выражает и оценочность, т.е. средства актуализации категории эмотивности являются одновременно и способами выражения оценки. Однако оценка может включать и рациональный компонент, причем он преобладает, если в высказывании используются предикаты мнения. В этом случае эмотивность нейтрализуется, даже если используются аффективные слова, слова с эмотивным компонентом семантики (ср. *Какой отвратительный тип! – Я считаю его отвратительным*).

Анализируя эмоциональность как текстовую категорию наряду с модальностью и оценкой, Т.В. Романова относит эмоциональную оценку к составляющим субъективной модальности, утверждая, что «модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего)». [2: 16]. Значимым является утверждение ученого о дифференциации двух видов текстов: цель одного – выражение эмоций, это эмотекст, т.е. эмотив, цель другого – эмоциональная оценка. Рассматривая функционирование эмотивно-оценочных глаголов в художественном тексте, мы определяем данную

семантическую группу глаголов, передающих эмоциональные переживания, отношения и состояния, как глаголы эмоциональной оценки, в которых оценочность доминирует, а эмотивность является частью коннотативного значения в эмотивном контексте. Таким контекстом можно считать авторские комментарии к чужой речи, речи героя, представляющей собой эмотивное высказывание. В подобных случаях глагол авторской ремарки имплицитно содержит значение речи/мысли, например:

— *Не пускать!* — повторил толстяк.

— *То есть... почему же меня не пускать?* — **обомлел** Кокин. — *Я из редакции!* (Тряпка).

Авторские комментарии к диалогическим репликам персонажей позволяют создать образ эмотивной ситуации, представить внутреннее состояние персонажа, переживающего и оценивающего свои поступки и действия окружающих, например: *Секретарь **ошалел**, точно его **оглоблей по голове съездили**. Прежде всего он ужасно **сконфузился**. Как хотите, а густой запах виолет де парм, новые перчатки и завитая голова плохо вяжутся с унижительной ролью человека, которого не пускают и перед которым лакеи растопыривают руки, да еще при дамах, при прислуге!* (Тряпка).

Обычно в третьеличном повествовании план автора и план персонажа отграничены друг от друга, автор занимает позицию наблюдателя над эмоциональным состоянием говорящего героя. Однако последнее эмотивное высказывание представляет собой точку зрения персонажа, оформленную как авторское обобщение реакции персонажа в эмотивной ситуации. Синкретизм данного эмотивного высказывания определяется традиционной оппозицией между формой и содержанием: принадлежащее авторскому объективированному повествованию, оно тем не менее содержит эмотивно-оценочные смыслы, исходящие от персонажа, о чем свидетельствует и уточняющая конструкция *да еще при дамах, при прислуге!*, относящаяся к модусу героя.

Глагольная лексема *ошалел* в синтагматическом ряду с устойчивым эмотивно-оценочным сравнением просторечного характера *точно его оглоблей по голове съездили* приобретает однозначную негатив-

но-оценочную коннотацию, семантика глагола при этом значительно интенсифицируется. Эмотивно-оценочная семантика глагола *skonфузился*, описывающего эмоциональное состояние персонажа, усиливается за счет оценочного наречия *ужасно*. Оценочный знак глагола уточняется в его толковании: *skonфузиться* - 'заробеть, не знать куда руки деть, не знать куда деваться, не знать куда глаза деть, переконфузиться, прийти в смущение, прийти в замешательство, оробеть, за-смущаться, не знать куда деться, не знать куда руки девать, обескуражиться, застесняться' [4]. Очевидно, подобное состояние человек может испытывать только при посторонних, свидетелях эмотивной ситуации, в которой он был унижен публично. Выбор эмотивно-оценочных глагольных лексем в тексте рассказа позволяет говорить о субъективно-модальном плане автора, его отношении к ситуации и самому персонажу.

Перволичный нарратив в рассказах А.П. Чехова отличается от третьеличного повествования в плане репрезентации категории эмотивности. Персонифицированный повествователь-рассказчик более свободен в выборе глагольных лексем с эмоционально-оценочной семантикой, причем он детально представляет собственное эмоциональное состояние, например: *Мне стало совестно, точно я сам брал взятку. Я покраснел, залепетал какую-то чепуху и под конвоем двадцати женских смеющихся глаз **попятился** к выходу* (Без места).

Анализ глаголов, функционирующих в рассказах А.П. Чехова, позволил сделать вывод о доминировании семантики эмоциональной оценки, причем преимущественно негативной. Глаголы эмоциональной оценки, функционирующие в рассказах писателя, могут быть условно разделены на 3 лексико-семантические группы: 1) глаголы речи или сопровождающие речь (*мямлить, залепетать, простонать, взвизгивать, выругаться, заикаться, всхлипывать, рыдать, плакать, злорадствовать и т.п.*); 2) глаголы, описывающие внешнее состояние в эмотивной ситуации (*покраснеть, побледнеть, побагроветь, трястись, дрожать, зябнуть, съежиться, хмуриться, беспокойно задвигаться, **на лице его вспыхнуло отвратительное вы-***

ражение гнева, обиды, жадности и т.п.); 3) глаголы внутреннего эмоционального состояния (*унижаться, обомлеть, ошалеть, пылать ненавистью, возненавидеть и т.п.*). Выделенный последний фрагмент содержит метафорическое глагольное сочетание с номинантами эмоций, которое может быть квалифицировано и как внутреннее состояние персонажа.

Некоторые глаголы первой группы, не сопровождающие речевой акт, могут выполнять иную функцию – внешнего описания эмоционального состояния персонажа. Однако семантика большинства рассмотренных глагольных лексем синкретична: они одновременно означают физическое, ментальное или речевое действие (иногда имплицитно) и эмоциональное состояние персонажа, причем значение эмоциональной оценки оказывается доминирующим.

Таким образом, по нашим наблюдениям, глагольные лексемы со значением психической деятельности реализуют в текстах рассказов А.П. Чехова функцию описания эмоций как в третьеличном, так и в перволичном авторском повествовании. При этом семантика глагола интенсифицируется благодаря его синтагматическим связям с устойчивыми сравнениями, фразеологическими оборотами разговорно-просторечного характера, наречиями с негативно-оценочным значением. Большинство рассмотренных эмотивно-оценочных глагольных лексем имеют синкретичную семантику, поскольку могут обозначать не только физическое или ментальное действие, но и эмоциональное состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2006. – 280 с.
2. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 310 с.
3. Словарь синонимов русского языка. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://xn----7sbfc3aaqnhaffduk9p.xn--p1ai/>

КОЧ Наталья Владимировна (*Николаев, Украина*)

Николаевский национальный университет
имени Василия Александровича Сухомлинского
nataliakoch62@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДИХОТОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА

Аннотация. В статье отстаивается мысль о реальности существования в психике человека дихотомических концептов. Концептуализация информации по дихотомическому принципу соответствует природе человека, свойствам его мышления и имеет социальную основу. Основным механизмом формирования концептуальной дихотомии является рефлексия.

Многоаспектные подходы к изучению феномена концептуальной картины мира и различных способов описания концептов как ее составляющих обоснованы, прежде всего, задачами того научного направления, в рамках которого осуществляется исследовательский поиск. *Диахроническая когнитивная лингвистика* предполагает изучение когнитивной деятельности человека (закрепленной средствами знаковых, в частности языковой, систем) в ходе ее эволюционного развития. Динамичность процесса концептуализации знаний и опыта предполагает создание адекватных исследовательских моделей, отражающих логику смыслопорождения, характер аккумуляции информации, принципы ее трансформаций, формы закрепления в сознании и т. д.

Основной формой фиксации смыслов (в частности ключевых культурных), на наш взгляд, является концепт, который реконструируется в диахронии (*диахронический концепт*) как структурно бинарная монарность. Бифуркационные линии генезисного развития таких когнитивных биномов целесообразно рассматривать как взаимозависимые смысловые континуумы, объединение которых формирует целостное восприятие фрагмента картины мира, характер развития которой определяется существованием в рефлектирующем сознании элементарных единиц культурного кода – **дихотомических концептов** (дихотомия как основной конституирующий принцип культурно значимых концептов обоснован в ряде наших статей, посвященных концептуальному анализу ключевых понятий Древней Руси; см: [6; 7; 10]).

Под *концептуальной дихотомией* мы понимаем сопоставитель-но-противопоставительные отношения двух рефлектирующих понятий в пределах одного смыслового целого. Однако при этом как бы взаимоисключающие отношения противоречащих или внеположных членов этого целого при отрицании дополняют признаки друг друга, выполняя компенсаторную функцию (в качестве доказательства можно привлечь «принцип дополнительности» Н. Бора, концепцию дополнительности Ж. Деррида и другие естественнонаучные и гуманитарные теории).

Если рассматривать дихотомический концепт как гносеологический конструкт, т. е. умозрительную гипотетическую модель, построенную с исследовательской целью по законам логики и имеющую языковые формы выражения, следует допустить, что такая концептуальная схема может усложняться и приобретать тернарные (трихотомия), квартерные (*тетратомия*) и др. конфигурации. Однако исходным, базовым способом организации информации в мышлении является биномная модель. Ее смысловая наполняемость обеспечивается, как правило, на поверхностном уровне языковыми реализациями противопоставления. Возможные комбинации членов дихотомии зависят от логики построения модели и определяются типом системных отношений между ними (контрарные, комплетивные и др.). Например, как один концепт можно рассматривать дихотомии «вера – неверие», «вера – знание» и т. п.

Функциональность одного члена дихотомии (реализация его смыслов) невозможна без функциональности своего «vis-à-vis». Такие компоненты мыслятся (рефлектируются) только в пределах образуемого ими концептуального единства. Философским обоснованием концептуальной дихотомии являются диалектические законы единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания (последний закон и закон перехода количественных изменений в качественные объясняет динамические трансформационные процессы в диахроническом концепте). Априори такое системное единство закладывается в психике человека посредством процесса первичной концептуализации в форме строгой симметрии (абсолюта), но в процессе развития сознания трансформируется и может приобретать ассиметричные формы,

что доказывается многочисленными исследованиями мифологических и древних картин мира с их фундаментальными оппозициями «жизнь – смерть», «добро – зло», «свет – тьма», «день – ночь» и т. п.

Так, на примере анализа восемнадцатого псалма, построенного на парном противопоставлении «день – ночь», Д. С. Лихачев показывает, что одним из доминирующих принципов текстообразования древнерусской литературы является стилистическая симметрия. Глубинный механизм стилистической симметрии – психологическая оппозитивность восприятия действительности – отражен на поверхностном уровне с помощью лексической оппозитивности: «...члены симметрии могут *как бы* противостоять друг другу по смыслу, иметь, *казалось бы*, диаметрально противоположные значения: «*День дъни* отъригаетъ глаголы его, и *ношть ношти* възвъштаеть разумъ» (Пс. 18, ст. 3). «День» первого члена симметрии как бы противостоит «ночи» второго члена. Но так может показаться только невнимательному читателю. На самом деле «день» и «ночь» в равной степени *означают в данном случае одно и то же*: не часть суток, а сутки в целом» [8: 172] (курсив наш. – К. Н.).

Можно предположить, что основой абсолютных симметрий является бинарный синкретизм. Профессор М. Вас. Пименова объясняет явление синкретизма как исконную нерасчлененность, характеризующую неразвитое состояние какого-либо явления. Исследовательница убедительно доказывает существование «синкретем», в основе которых лежит метонимическое синкретичное значение, отражающее древнюю концептуальную форму ментальности [9: 19–48].

Профессор В.И. Карасик считает бинаризм важнейшим конститутивным признаком, позволяющим отнести концепт к той или иной категории: «Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их антиномический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конститутивного признака концепта. Эта бинарность может иметь различные направления, уточняющие концепт диалектически или логически, например, сущность – явление, жизнь – смерть, свобода – необходимость» [4: 98]. Заметим, что бинарность, с нашей точки зрения, носит не уточняющий, а *определяющий* конституирую-

щий характер мышления, в частности его способности к концептуализации на основе таких логических операций мышления, как сопоставление, тезис/антитезис и др.

Понимание сложности интерпретации концептосфер привело ученых к необходимости описания концептов с помощью бинарной модели, структура которой определяет характер концептуализации фрагментов действительности, однако компоненты такой модели анализируются исследователями как отдельные, хотя и тесно связанные концепты (см., например, диссертацию Т.В. Григорьевой «Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке»). В своих работах лингвисты постулируют идею существования концептов и антиконцептов (С. Ю. Степанов), концептуальных диад (Н.А. Новикова «Концептуальная диада «жизнь-смерть» и ее языковое воплощение в русской фразеологии, паремиологии и афористике»), концептуальных оппозиций (М.Д. Невинская «Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе»), конфликтующих категорий (Н.В. Попова «Дихотомия конфликтующих категорий во фразеологических картинах мира русского и французского языков»), антонимичных концептов (М.А. Садыкова «Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет/light» и «тьма/darkness» в текстах священного писания») и т. п.

Мышление противоположностями, обоснованное в трудах древнегреческих философов (Зенон, Гераклит, Протагор, Сократ, Аристотель), открывает перспективы для формирования разных уровней рефлексии. Так, согласно взглядам Гераклита на энантидромию как действие обязательного закона обращения всего существующего в свою противоположность, концепт должен рассматриваться как *энантидромический*, предполагающий обращение концептуализированного Нечто в свою противоположность в пределах одного смыслового целого.

Возможность формирования диалектических способов мышления, необходимых в процессе осознания ключевых социальных, морально-этических и иных понятий, обуславливает, прежде всего, *рефлексия*. Используемая философами оптическая метафора отражения

света в определении рефлексивных понятий применима в объяснении феномена существования в сознании структурно дихотомических концептов. Согласно учению Г. Гегеля, рефлексивное соотношение понятий – это «свечение» (зеркальное отражение) одного понятия в другом, то есть их диалектическое взаимопроникновение, что характерно, с позиций диалектики, каждому понятию сущности, имеющему свой парный антипод [2: 433]. Речь идет об относительных понятиях, которые тождественны и одновременно противоречат друг другу. Они представляют собою некое симметрическое единство, содержащее в себе отрицающие и утверждающие компоненты целого.

Итак, в структуру дихотомического концепта входят противопоставленные по семантике понятия, связанные между собой отношениями рефлексии. Традиционное психологическое трактование рефлексии как способа осознания окружающей действительности и самого себя как части реальности уточняется замечанием Э. Кассирера, который утверждает, что рефлексия заключается в «способности выделять из всего нерасчлененного потока чувственных феноменов некоторые устойчивые элементы, чтобы, изолировав их, сосредоточить на них внимание» [5]. Функцию таких устойчивых элементов, с нашей точки зрения, выполняют рефлектирующие оппозиции концептуальных дихотомий.

И. Кант в «Критике чистого разума» определяет рефлексивные понятия как средство, служащее для сравнения уже данных понятий. В соответствии с «антиномиями чистого разума» они включают одинаковость и различие, совместимость и противоречие, внутреннее и внешнее, материю и форму [3]. Таким образом, если два понятия мыслятся вместе (то есть, с нашей точки зрения, как один концепт), имея общее и специфическое, утверждая друг друга и противореча друг другу, они рефлексивны (одновременно анализируются рассудком). Однако их содержание формируется не только внутренне (по определению), но и под влиянием внешних (исторических, социальных) факторов.

Внутреннее формирование понятия лингвисты отслеживают, прежде всего, с учетом этимологии слов, его номинирующих, а также анализа их семантических изменений. Внешнее – используя конкрет-

ный культурно-исторический контекст, на фоне которого и описываются эти изменения, а также процесс его культурного рефреймирования. При этом концепт условно помещается в некий хронотоп, который позволяет объяснить экстралингвистические причины образования концептуального единства рефлексивных понятий. Например, оппозиция «право – обязанность» как исходная база дихотомического концепта ПРАВО/ОБЯЗАННОСТЬ сформировалась в древнерусской культуре благодаря рефлексии своих компонентов. По-видимому, в этот период правовые модели поведения в большей степени отвечали рефлексивной природе и когнитивной целостности диады «право – обязанность», что уместно прокомментировать умозаключением Г. Гегеля: «То, что можно требовать от человека на основании права, представляет собой некоторую обязанность» [1: 54]. Существовавший в Древней Руси такой вид права, как *обязательственное право*, основывался на описании типов правоотношений между лицами по договору (по обоюдному согласию, воли) либо как следствие нарушения прав одного из лиц (*деликта*) [7].

Как правило, глубинная дихотомическая структура имеет на поверхностном уровне свое вербальное выражение, чаще всего репрезентируемое антонимическими парами (в том числе контекстуальными). Отсутствие «гомонимного соперника» (термин В.И. Шерцля) в языке указывает на *имплицитную оппозиционность*. Однако, по верному замечанию Б. Уорфа, «идея двух групп всегда присутствует в нашем сознании, хотя и не всегда находит внешнее воплощение» [11: 194].

Обязательность внешнего воплощения более очевидна при исследовании древних языков. Так, наличие в древнерусском языке большого количества конфронтирующих лексем объясняется необходимостью детального толкования некоего «сгустка смысла», нуждающегося в предельно четкой дифференциации своих признаков, и указывает на существование инкорпоративного способа презентации фрагментов действительности. Перспективным в исследовании такого рода инкорпорации является, например, анализ так называемых «нетных» слов (ср. ст.-русс. *нетный список*), которые активно продуциру-

ет древнерусский язык в результате мысленного представления понятия по бинарной модели (в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» дефиниции таких слов занимают более 300 страниц): *нечеловеколюбивый, нечестивитися, нечувствовати, недобро, незлобие, неневеста* (так!), *неправитель, нелюди, нецеломудрство, непрочитание, невремя, небоец, неслуга, неслучай, несовет, нелюбовь* и т. д. (СлРЯ XI: 8–362). Семантическая избыточность поверхностных структур «нетного» словаря древнерусского человека (ср. ряд слов: *нелюбовь, нелюбление, нелюбовство, нелюбость, нелюбовье, нелюбие, нелюбие*) свидетельствует о повышенной информативности древних текстов. Ситуация, когда несколько номинаций представляют один и тот же фрагмент глубинной структуры, характерна для начального этапа познания и оправдана коммуникативными задачами *человека рефлексирующего*.

Итак, методика моделирования концептуального пространства с помощью понятия «дихотомический концепт», основанная на философском и психологическом понимании природы бинарности, по нашему убеждению, является перспективной в когнитивистике. Наши исследования доказывают, что процесс образования и развития концептуальной картины мира, безусловно, взаимосвязан с рефлексивным становлением сознания: рефлексия является одним из главных принципов и механизмов концептообразования (как смыслопорождения) по бинарной модели и, в то же время, концепт является первоосновой рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 тт. Т. 2. М. : Мысль, 1971. С. 7–209.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. : Мысль, 1974. 452 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
4. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. 260 с. С. 95–108. Режим доступа: www.philol.msu.ru/~slavphil/
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/347224>.
6. Коч Н.В. Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема // Наукові записки. Серія «Філологічні науки». Кіровоград: РВВ КДПУ, 2010. Вип. 89 (1). С. 316–320.
7. Коч Н.В. Рефлексивность понятий «право» и «обязанность» в древнерусской лингвокультуре: лингвофилософский и когнитивный аспекты // Наукові

записки. Серія «Філологічні науки (Мовознавство)». Кіровоград: РВВ КДПУ, 2015. Вип. 128. С. 59–65.

8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1979. 360 с.

9. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

10. Пруткая (Коч) Н.В. Бинарные концепты как самостоятельные единицы концептуальной картины мира // Київська старовина. 2008. № 6. С. 59–70.

11. Уорф Б.Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике / Сост., ред. и вступ. статья В.А. Звегинцева. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 183–198.

КОШКАРОВА Наталья Николаевна (*Челябинск, Россия*)

Южно-Уральский государственный университет
nkoshka@rambler.ru

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена определению жанрово-стилистического статуса новых образований политического дискурса. Жанровое пространство политической коммуникации рассматривается с точки зрения расширительного подхода, когда анализируется прагматика того или иного жанра. Типология жанров политического дискурса опирается на литературное и журналистское понимание жанра.

Целью настоящего исследования является анализ жанрового пространства современного политического дискурса. В известной работе «Семиотика политического дискурса» Е.И. Шейгал выделяет ряд параметров структурирования политического дискурса с точки зрения составляющих его жанров: институциональность, субъектно-адресатные отношения, социокультурная дифференциация, событийная локализация, полевая структура, жанровая интенция [5]. Однако время неумолимо движется вперёд, и вместе с изменениями социального характера трансформируется политическое коммуникативное пространство, что не может не влиять на номенклатуру жанров политического дискурса.

В.В. Дементьев считает проблему поиска методов анализа нового материала особенно актуальной для российского жанроведения, так как «с одной стороны, коммуникативное пространство в России подчи-

няется общемировым закономерностям, с другой – постсоветская Россия «открывает заново» многие сферы общения, которые существуют во всём мире на протяжении веков» [2: 19]. Таким образом, вопрос об идентификации речевых жанров, в том числе и особенно в рамках политической коммуникации, остаётся до сих пор нерешённым. Так, не получил окончательного ответа вопрос, стоит ли рассматривать жанры политического дискурса как комплексные образования, отражающие лишь бахтинское определение речевого жанра, или с учётом интеграции в анализируемом феномене достижений различных направлений исследования речи и языка (например, журналистика).

Полагаем, что именно второй путь жанрообразования отвечает современным тенденциям развития научного знания, когда на стыке нескольких областей знания рождается новая теория, отражающая содержательно-формальные характеристики того или иного явления. Такая позиция созвучна и мнению В.В. Дементьева, который полагает, что «идея расширительного понимания РЖ при одновременной внутренней дифференциации данного явления, по возможности более детальной» является более предпочтительной [1: 18]. При этом автор отмечает, что сторонники расширительного подхода признают жанровый тип системности базовым или гиперонимическим / родовым, а сужающая тенденция пытается уточнить, конкретизировать понятие «речевой жанр» через ужесточение дефиниции и последовательное отграничение данного явления от смежных феноменов.

На необходимость и очевидность дополнения традиционного понимания жанра указывает и А.В. Курьянович, что, по мнению исследователя, обусловлено «присутствием в семантике и прагматике жанра целого комплекса культурно значимых, когнитивных, социопрагматических особенностей, существованием устойчивой тенденции к его дискурсивному развёртыванию и наличием репрезентанта в виде вербального коммуникативного события – текста» [3: 49]. Исходя из тезиса М.Ю. Федосюка [4] о том, что как речевые жанры можно квалифицировать и монологические тексты, и диалог, классификация традиционных и самых продуктивных жанров политической коммуникации в зависи-

мости от формы существования (диалог и монолог) выглядит следующим образом:

I. Монологические жанры:

- 1) новостные жанры (короткая новость, расширенная новостная заметка, информационное интервью-монолог);
- 2) Послание Президента;
- 3) инаугурационная речь;
- 4) партийная программа;
- 5) разновидности политической рекламы;
- 6) авторские статьи;
- 7) книга;
- 8) прогноз.

II. Диалогические жанры:

- 1) политическое интервью;
- 2) пресс-конференция;
- 3) теледебаты;
- 4) общественно-политическое ток-шоу;
- 5) политическая дискуссия;
- 6) круглый стол.

Как видно из приведённой классификации, она опирается на литературное понимание жанра М.М. Бахтиным и журналистскую типологию жанров. Отдельным жанром является комментарий, который, с одной стороны, представляет собой отклик в форме авторского монолога на резонансные события, а с другой, становится началом диалога с целевой аудиторией по поводу комментируемого факта. Таким образом, типология жанров политического дискурса не является застывшей и не подвергающейся изменениям структурой, а испытывает на себе влияние экстралингвистических и лингвопрагматических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев В.В. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры. Омск: Омский государственный университет. 2009. С. 17-29.
2. Дементьев В.В. Жанры новых сфер общения // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. 2011. С. 19-36.

3. Курьянович А.В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2013. 220 с.

4. Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. № 5. 1997. С. 102-120.

5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 368 с.

КРАПИЦКАЯ Наталья Адамовна (*Минск, Беларусь*)

Белорусский государственный университет
natalia.krap@mail.ru

СОВМЕЩЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ ПОСЕССИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее частые случаи синкретизма значений отсубстантивных английских прилагательных.

Под синкретизмом мы понимаем совмещение основного посессивного значения у английских отсубстантивных прилагательных с некоторыми дополнительными значениями. Прилагательные, имеющие такие совмещенные значения, были отобраны методом сплошной выборки из словаря Лонгмана [1]. Исследование отобранного материала проводилось с использованием компонентного анализа в сочетании с трансформационной методикой (см. подробнее [2, 3]). Возможно, что о видах подмеченного нами явления синкретизма значений у упомянутых единиц говорить еще рано, однако некоторые закономерности явно прослеживаются. О них и пойдет речь далее.

В ходе анализа значений отобранных единиц наше внимание привлекли случаи трактовки значений производных прилагательных с привлечением существительных, синонимичных существительным-производящим базам: *flavorful* 'having a strong pleasant **taste**'; *formless* 'without a definite **shape**'. При изучении значения таких существительных в их дефинициях мы встречали существительные, являющиеся производящими базами анализируемых нами отсубстантивных прилагательных *shape* 'outer **form**'; *flavour* 'the particular **taste** of a food or drink'. Поэтому далее, когда встречаются подобные случаи, мы в сло-

варных дефинициях исследуемых прилагательных в скобках будем приводить примеры таких существительных.

Как уже отмечалось ранее, посессивное значение у прилагательных наиболее часто сочетается со значением количества (см. [4, 5]). Категории посессивности и количества, являясь чрезвычайно важными в жизнедеятельности человека, очень интересно, на наш взгляд, сочетаются и актуализируются в значениях исследуемых языковых единиц. Сема количества, совмещаясь с посессивным значением, может передавать идею единичности, значение 'один и / или более', а также неопределенной множественности. Значение единичности в словарной дефиниции посессивного прилагательного может передаваться существительным в единственном числе с неопределенным артиклем или числительным '*one*', значение множественности – существительным во множественном числе и соответствующими английскими словами и выражениями со значением большого количества, как, например: *many, much, a lot of, lots of, plenty of, etc.* Примерами таких прилагательных являются: *flawed* 'having **a mistake** or **weakness** (flaw)'; *hyphenated* 'containing **a hyphen**'; *hooked* 'having **one** or **more hooks**'; *freckled* 'having **freckles**: a lightly freckled face'; *industrial* 'having **many industries** : an industrial nation'; *influential* 'having **a lot of influence** ... : an influential politician'; *airy* 'an airy room or building has **plenty of fresh air**: an airy first floor restaurant with sea views'.

Значение количества может также сочетаться со значением меры и выражаться с помощью слов-идентификаторов *full of, enough*, например: *eventful* '**full of** interesting or important **events**: She's led quite an eventful life'; *airless* 'not having **enough air** or having air that doesn't move, so that it seems difficult to breathe: The evening was muggy and airless'.

К числу посессивных прилагательных с дополнительным количественным значением можно, на наш взгляд, отнести и такие прилагательные, у которых в дефиниции присутствует слово с усилительным значением (интенсификатор) '*very*': *energetic* '**very** active because you have **a lot of energy**: an able and energetic politician'; *foggy* '**very misty** because of fog: a foggy day in November'.

Наши наблюдения показывают, что к посессивному значению может добавляться и значение подобия. В таких случаях в дефиниции прилагательного присутствуют слова-идентификаторы '*like, the shape of*: *elliptical* 'having **the shape of** an ellipse: The earth's orbit is elliptical'; *frosted* 'covered with FROST, or with something that **looks like** frost; *horned* 'having horns or something that **looks like** horns: a horned cattle'.

Спектр совмещенных с посессивным значений может включать и сему локативности. Она может эксплицироваться значением глагола-идентификатора или передаваться локативным предлогом с обстоятельственным выражением, как, например, в прилагательных: *oily* 'covered with oil or **containing** a lot of oil: oily skin | oily rags'; *facial* '**on** your face or connected with your face: facial hair'. Значение глагола *contain* 'to have something **inside**, or have something as a part', трактуется с использованием идентификатора *inside*, уточняющего местоположение чего-то.

Достаточно частотными, по нашим наблюдениям, являются случаи наличия в дефинициях посессивных прилагательных уточняющих элементов (спецификаторов), часто передающих также и коннотативную оценку: *angular* 'having **sharp** and **definite** corners: an angular room'; *odorous* 'having a smell (odour), especially a **pleasant** one'; *tasty* 'food that is tasty has a **good** taste: a wide selection of tasty cold meats'; *tasteless* 'food or drink that is tasty is **unpleasant** because it has no **particular** taste'; см. также значения прилагательных *eventful*, *flavorful*, *formless*, обсуждаемых выше, в дефинициях которых присутствуют спецификаторы *interesting or important*; *strong*, *pleasant*; *definite*.

Привлекает также внимание и структура дефиниции исследуемых прилагательных: она может быть достаточно краткой и простой, как в случае с упомянутыми выше прилагательными *angular*, *elliptical*, *flavorful*, *flawed*, *hyphenated*, или значительно усложненной, как у прилагательных *airless*, *energetic*, *tasteless*, *tasty*. Однако, это предмет отдельного рассмотрения, не входящего в цели данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Ed. Harlow, Essex: Longman: Longman: Corpus, 2001. 1668 p.: ill. + Appendix: 22 p.

2. Крапицкая Н.А. К методам определения значения прилагательных (на материале современного английского языка) // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы XIV респ. науч.-практ. конф. (Брест, 12 марта 2010 г.). В 2 т. Т. 1 / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; редкол.: Н.А. Тарасевич [и др.]. Брест: Альтернатива, 2010. С. 102-104.

3. Крапицкая Н.А. Выделение посессивных прилагательных (на материале современного английского языка) // Язык – когниция – коммуникация : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3-6 ноября 2010 г. / редкол. : З.А. Харитончик (отв. ред.) и др. Минск : МГЛУ, 2010. С. 137-138.

4. Крапицкая Н.А. Синкретизм значения английских посессивных прилагательных (отбор материала) / Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы IV Междунар. науч. конф., Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 24 октября 2014 г. / редкол. : Л.М. Богатикова и др. Гомель: Изд. Центр ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. С. 143-146.

5. Крапицкая Н.А. Значение количества у английских посессивных прилагательных // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, БГУ, 30 октября 2014 г. / редкол.: В.Г. Шадурский и др. Минск : Изд. Центр БГУ, 2014. С. 110.

КРАСИНА Елена Александровна (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

elena_krassina@mail.ru

АСИММЕТРИЧНЫЙ ДУАЛИЗМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается природа взаимодействия предложения и высказывания как основных единиц синтаксического континуума. Их корреляция предполагает понимание предложения как сложного двустороннего знака, как виртуальной языковой единицы, как некоторой формы содержания, а высказывания – как единицы речевой деятельности, как формы выражения. Между предложением и высказыванием существуют отношения симметрии-асимметрии, в основе чего лежит ассоциативный механизм функциональной эквивалентности.

Принимая за аксиому характеристику языка и речи И.А. Бодуэна де Куртенэ как сущности и явления, когда язык существует потенциально, а речь реальна и реализует потенциал языка, определим понимание предложения и высказывания для обсуждаемого вопроса. В триаде **речевая деятельность – речь – язык** предложение принадлежит языку, поскольку эта единица встраивается в иерархию абстрактных языковых единиц, обладает парадигматическими характеристиками хотя бы на уровне модели или структурной схемы; в системе абстрактных единиц языка отвечает условиям «входит в» и «состоит

из», хотя в отдельных случаях нейтрализуется по отношению к слову и морфеме – значимым двусторонним единицам (известный пример А.А. Реформатского “I” – “Ступай!”). В речи, в речевой деятельности предложение “чудесным образом превращается” в высказывание, поскольку приобретает коммуникативную функцию, оформляется интонацией и порядком слов, наделяется интенциями говорящего и слушающего и др. Тем не менее, высказывание не использует какой-либо другой формальной языковой модели, кроме той, которую имеет предложение. Это позволяет наделить предложение свойством быть динамической формой и даже оперировать сложной единицей – предложением-высказыванием. Таким образом, взаимодействие предложения и высказывания в коммуникативной функции часто приводит к их отождествлению, по крайней мере, к некоторой симметрии, которая обнаруживается в акте коммуникации и результирует в акте означивания фрагмента действительности, ситуации или события.

Гармония симметрии нарушается, как только встречаем такие употребления, которые являются “грамматически правильными”, но “коммуникативно неуспешными”, что порождает некую аномалию и приводит к непониманию между говорящим и слушающим. Обратимся к примеру:

1. (А почему они не ходили к реке, Они боялись водоворотов и стрежени, ветра и волн, омутов и глубинных трав. А может быть, реки просто не было? Может быть). *Но как же она называлась? Река называлась* [3: 21].

2. (Если не ошибаюсь, в районе станции три или четыре дачных посёлка.). *А как называлась станция?* – я никак не могу рассмотреть издалека. *Станция называлась* [3: 25].

Река называлась. Станция называлась – грамматически правильные предложения, построенные по модели $N_1 - V_{fin}$, однако их содержание не соотносится с предложениями такой же структурной схемы, как например: *Мальчик читает. Дождь идет* и под. В чем же дело? И какую роль играют вопросы, предшествующие им?

Прежде всего, обращает на себя внимание семантическая неоднозначность. Вместо опущенного названия можно поставить любое,

даже неопределенное: *как-то, как-нибудь, по-разному* и др. Возможна и такая интерпретация: *Река называлась рекой, Станция называлась станцией*, и подобная тавтология снимала бы явную смысловую незавершенность.

Незамещенность сильной синтаксической позиции превращает такие предложения в аномальные с точки зрения их семантики и коммуникативной функции. Полагаем, что в подобных случаях предложение состоялось, а высказывание – нет, т.е. форма выражения – структурная, грамматическая, синтаксическая, любая – принадлежит также предложению, а высказывание оказывается смысловой пустышкой. Возможно, что грамматическая семантика предложения, его категориальная семантика предикативности не коррелирует с номинативным минимумом предложения и тем более – с семантикой высказывания, которая получает дополнительные стимулы со стороны интонации, коммуникативной цели и др.

На подобные случаи обращал внимание Ш. Балли, когда обсуждал более сложные случаи грамматической амфиболии во французском языке: грамматическая правильность построения предложения не приводила к пониманию или хотя бы не обеспечивала со-понимания между говорящим и слушающим, например: *Sophie quitte Anna rassurée*, когда непонятно, кто же именно успокоился – Софи или Анна [1: 37].

Объяснение, которое лежит на поверхности, связано со относительной свободой системы, которая, в отличие от структуры, не накладывает строгих ограничений. Ограничения накладывает символическая функция языка, которая способствует двойному означиванию: семиотическому на уровне системы, парадигматики языка и семантическому – в синтагматике языка. Как пишет проф. Л.Г. Зубкова, «Принцип знака в языке как посреднике между внешним миром и внутренним миром человека воплощается в принципе двойного означивания – семиотического (в слове) и семантического (в предложении)» [2: 122].

Категориальная семантика предложения позволяет рассматривать предложение и как номинативную единицу, референтом для которой служит ситуация, событие, фрагмент действительности. В этом

смысле предложение сближается со словом и ему свойственно семиотическое означивание. Приобретая множество дополнительных смыслов, будучи единицей речи, речевой деятельности. высказывание обнаруживает явно выраженную синтагматическую организацию, а потому означивание в высказывании семантическое. На самом деле, и тот, и другой тип означивания присутствует в обеих единицах, речь идет только о мере и степени проявления. Дуализм предложения и высказывания заключается не просто в том, что высказывание как бы дублирует предложение, выполняя функцию формы выражения, а оказывается солидарным с предложением как формой содержания, тем самым они образуют некий двусторонний знак в рамках речевой деятельности, в котором высказывание становится означающим, а предложение – означаемым. И этот знак обладает известными свойствами и принципами словесного знака: условностью, произвольностью, линейностью и материальностью означаемого (отчасти) и др. Обе стороны знака в единстве и взаимодействии стремятся выразить содержание, но каждая обладает специфическими индивидуализированными средствами, а потому они означивают нечто подобно синонимам и стремятся к симметрии. Наоборот, в силу различий семиотического и семантического означивания они выступают как омонимы, точнее – омоформы, и поэтому выявляют асимметрию. И симметрия, и асимметрия обнаруживаются на уровне символической (семиотической) функции языка и обусловлены номинативной спецификой предложения и коммуникативным ракурсом высказывания.

Наконец, возвратимся к роли вопросов, эксплицированных в примерах из произведения С. Соколова. Такие вопросы могут носить и латентный характер, быть имплицированы в высказывании, формируя его модусно-диктумную организацию, при этом, как правило, модус имплицуется, а диктум эксплицируется. Методику представления модусно-диктумной организации предложил Ш. Балли как способ выявления смыслов с помощью системы вопросов [1: 46–48]. Поскольку в высказывании обнаруживается два компонента: **модус** – представление точки зрения субъекта говорящего и **диктум** – повод для высказывания, то и логически количество и качество латентных вопросов бу-

дет определяться этим двумя компонентами. Ш. Балли различает полные и частичные. диктальные и модальные вопросы: полный диктальный вопрос *Что случилось? Что происходит?* Частичный диктальный вопрос соответствует понятию специального вопроса, типа: *Что случилось вчера в центре города?* Полный модальный вопрос – это вопрос, верифицирующий истинности/ложность высказывания, это так называемый «да-нет» вопрос, который отражает основное содержание высказывания – утверждение/отрицание, например: *Саша дома? Дождь кончился? Морозит?* Частичный модальный вопрос обращен к верификации части высказывания, что, как правило, маркировано частицей и/или интонацией, сравните: *Будет ли фильм в пять часов? Разве он не знал о семинаре?* В случае с высказываниями типа: *Река называлась. Станция называлась*, модусно-диктумная организация которых оказывается неопределенной, единственный способ её установления уже реализован в тексте С. Соколова: *А как называлась станция? Но как же она (река. – Е.К.) называлась?* Предложенные автором вопросы сочетают в себе частично диктальный и частично модальный принципы – вопросительное слово, повтор диктума, частицы и союзы, акцентирующие внимание, поэтому оказывается непредсказуемым единственно возможным вариант ответа, следовательно, ответ может быть дан на любой из четырех типов вопросов, равно как и на один из них, к чему и прибегает автор в целях создания художественного приема и стиля. Полагаем, что эти примеры лишней раз свидетельствуют об асимметричном дуализме предложения и высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
2. Зубкова Л.Г. Языковые единицы и категории в свете сущностных свойств языка и системные принципы // Языковые категории и единицы. Сб. научных статей: К 85-летию профессора А.Б. Копеолиовича. Владимир: Транзит-ИКС, 2014. С. 118 – 125.
3. Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком: Романы. СПб.: Симпозиум, 1999. 325 с.

КРУЧИНКИНА Нина Дмитриевна (Саранск, Россия)

Мордовский государственный университет имени Николая Платоновича Огарева
ndk-07@mail.ru

СИНТАГМАТИКА РАЗНОУРОВНЕВЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Аннотация. Дискретной единице любого языкового уровня в речевой реализации языка свойственно вступать в подчинительные отношения с другими одноуровневыми дискретными единицами и, в соответствии с линейным характером развертывания этих отношений, формировать синтагмы.

Выделение синтагматического плана связано, как известно, с именем Ф. Соссюра. Синтагматические отношения важны тем, что они актуализируют единицы языка в его речевом выражении. Интегративный подход к определению понятия синтагмы позволяет отнести к синтагмам и сложные по структуре и особенностям линейного соположения пропозитивные синтагмы [3]. Ф. Соссюр предложения считал наиболее типичными синтагмами [8: 156]. Отнесенность предложений к синтагмам Ф. Соссюр объяснял тем, что они относятся к речевым явлениям.

Синтагматический план предполагает наличие дискретных одноуровневых единиц в их линейном расположении относительно друг друга [12: 103]. Это могут быть как фонетические, так и грамматические, и лексические конструкторы. Не случайно Е. Курилович нашел общность в конструировании таких, казалось бы, разноуровневых конструктивных единиц как слог и предложение [7: 10].

На фонологическом уровне при актуализации фонем звуки вступают, в соответствии с закономерностями фонетической синтактики конкретного языка, в подчинительные отношения. В результате проявления активной фонетической валентности, происходит полная или частичная (в зависимости от фонетических системных закономерностей конкретного языка) ассимиляция предыдущего или последующего синтагматически зависимого звука.

В грамматике и лексической семантике подобное синтагматическое подчинение называется согласованием. Мы считаем, что ассимиляция и согласование — это разные аспекты проявления наиболее жесткой формы подчинительных отношений конститuentов синтагм.

При этом происходит уподобление зависимого конституента главному в одном или нескольких дифференциальных признаках [6: 277-278].

Семантическая маркированность синтагм синтаксического уровня синтаксически обеспечивается вязанным наличием общей семантической составляющей: общей сему или несколькими общими семами. При этом возможно и интегрирующее семантическое влияние одних сем на другие в рамках меронимических отношений. Применительно к синтагматическому конструкту синтаксического уровня было введено понятие интегрирующего, общего для конституентов синтагмы признака – понятие **синтагмемы** [2: 280].

Сформулированное Ф. Соссюром положение о существовании в языке синтагматики (наряду с парадигматикой) в современной отечественной и зарубежной лингвистике используется при введении этой ипостаси анализа языковых единиц на теоретической основе [4: 41-73; 3] как одного из языковых постулатов [9: 302] и считается одной из важнейших заслуг Ф. Соссюра [1: 30].

Интерес лингвистов к синтагматическому плану языка состоит в изучении правил и особенностей комбинаторики одноуровневых конституентов. Синтагматическое измерение языка, обозначенное Ф. Соссюром, позволило теоретически обоснованно анализировать разные виды конструкций в линейной прогрессивной последовательности конституентов: от уровня дистинктивных единиц, формирующих слоги, до уровня пропозитивных синтаксем.

Ф. Соссюру свойственно понимание синтагмы как любого бинарного конструкта. Так как синтаксические конституенты синтагм характеризуются бинарностью, в них имеется главный член и зависимый член. Б. Потье главный член синтагмы называет основой, а зависимый – присоединенным (adjoint) членом [11: 18].

Значимость синтагматического плана оценивается лингвистами весьма однозначно: так, по мнению В. Никиса, отношения между элементами более важны, чем сами элементы, рассматриваемые изолированно [10: 179]. Такое утверждение нам представляется логичным, так как актуализация лексико- семантической значимости лексем

невозможна вне синтагматического плана, где их значение раскрывается благодаря сочетаемости с другими лексемами.

Л. Теньер, не противопоставляя синтагматический и парадигматический планы, имплицитно показал их органическую связь друг с другом и переход одного плана в другой [13: 21-24].

Линейный характер синтагматических образований означает их протяженность. Поэтому Ф. Соссюр назвал их сочетаниями, имеющими протяженность. Ф. Соссюр определяет линейность, т.е. протяженность, как невозможность одновременного произнесения двух элементов [12: 103]. Линейность конструктивных единиц обеспечивается отношениями соположения, последовательности. Ю.С. Степанов описывает в этой интерпретации отношения в рамках синтагм как отношения линейности между языковыми единицами в потоке речи [9: 302], поэтому Ф. Соссюр синтагматические отношения называет отношениями *in praesentia* [12: 171].

В непропозитивных синтагмах, традиционно называемых словосочетаниями, синтагмообразующую роль выполняют части речи, так как словосочетания классифицируются по принадлежности главного члена к той или иной части речи.

В пропозитивных синтагмах, представленных в инвариантном выражении простыми двусоставными предложениями, синтагмообразующим фактором выступает функциональная корреляция глагольных актантов – актуализаторов глагольной валентности и лексического содержания глагола-предиката [5: 63-64].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: Высш. школа, 1966. 200 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
3. Кручинкина Н.Д. Интегративный подход к определению понятия синтагмы // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. межвузовский научный альманах. Вып. 2. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 59-63.
4. Кручинкина Н.Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта. Монография. Саранск: МГУ.1998. 104 с.
5. Кручинкина Н.Д. Синтаксические и семантические особенности пропозитивных синтагм // Функционально-структурные особенности романских языков. Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2013. С. 58-65.

6. Кручинкина Н.Д. Согласование единиц как общеязыковая закономерность // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. В 2 т. М., 1995. Том 1. С. 277-278. .
7. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: ИП «Тривиум», 2000. 490 с.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 7–285.
9. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
10. Nuyckes V. La sémantique. P.: Belin, 1998. 365 p
11. Pottier B. Présentation de la linguistique. P.: Klincksieck, 1967. 71 p.
12. Saussure de.F. Cours de linguistique générale. P.: Payot, 1995. 523 p.
13. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P.: Klincksieck, 1959. 690 p.

КРЫЖКО Елена Анатольевна (Бердянск, Украина)

Бердянский государственный педагогический университет
korolyovigor@gmail.com

ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА И ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА В ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления исследования дискурса в лингвистике: построение дискурса адресантом, изучение процесса понимания дискурса адресатом; выделяются основные типы и структурные особенности дискурса, а также описываются базовые подходы к дискурс-анализу.

Как отмечается во многих работах [1; 3; 7; 8 и др.], термин «дискурс» близок по содержанию к понятию «текст», но в определении первого подчеркивается его динамический характер, то есть текст понимается как статический объект, результат языковой деятельности, а дискурс как разворачивающийся во времени, характеризующий сам процесс языкового общения.

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», *дискурс* – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [9: 136-137].

Существует широкое понимание дискурса, представленное в работах французских постструктуралистов [4], согласно которому дискурс включает одновременно два компонента: 1) динамический процесс языковой / речевой деятельности, вписанной в социальный контекст; 2) результат этой деятельности, либо текст.

На сегодняшний день преимущественно отказались от трактовки дискурса только как связного текста, поскольку всякий текст есть связный, в том числе и по своему определению [8]. Сейчас термин «дискурс» часто используется как родовой для номинации всех типов употребления, функционирования, использования языка [1].

Общей чертой всех научных определений дискурса есть его толкование через диалог [9: 136-137]. Это вызвано тем, что дискурс как коммуникативный акт предусматривает наличие двух фундаментальных актеров: говорящего и адресата. Поэтому в дискурсологии выделяют два направления: 1) исследование собственно построения дискурса адресантом и 2) изучение процесса понимания дискурса адресатом [5]. В последнее время формируется еще одно направление – рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса [6]. Таким образом, дискурс, как и другие языковые сущности (морфемы, слова, предложения), устроен по определенным правилам, характерных для определенного языка. Существуют некоторые глубинные принципы построения дискурса, выявление которых и составляет цель дискурсивного анализа.

Одним из первых, кто обратил внимание на структуру дискурса, был Т. ван Дейк [3]. Благодаря его трудам последовательно различают *макроструктуру* (глобальную структуру) и *микроструктуру* (локальную структуру). Так, макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания. Макроструктура в концепции Т. ван Дейка – это последовательность макропропозиций, то есть пропозиций, выведенных из пропозиций исходящего дискурса по определенным правилам (правила сокращения (неважной информации), обобщение (двух или больше однотипных пропозиций) и построения (то есть комбинации нескольких пропозиций в одну). Макроструктура – это всегда полноценный текст.

Макроструктуры соответствуют структурам долговременной памяти – они подытоживают информацию, удерживаемой на протяжении достаточно длительного времени в памяти людей, услышавших или прочитавших определенный дискурс. Построение макроструктур реципиентом – это одна из разновидностей так называемых стратегий понимания дискурса [3]. Кроме «макроструктуры» ван Дейк выделяет также понятие *суперструктуры* – стандартной схемы, по которой строятся конкретные дискурсы [3]. В постсоветской лингвистике исследованиями, связанными с макроструктурой дискурса, занимались Е.В. Падучева [11], А.Н. Баранов [2], Г.Е. Крейдлин [10] и другие учёные.

Современный этап исследования макроструктур характеризуется активной направленностью к когнитивной лингвистике. В основу этого подхода было положено изучение стереотипных представлений человека о действительности, которые в когнитивистике называются *схемами*, влияющими на форму порождающегося дискурса. В частности, микроструктура дискурса определяется Т. ван Дейком как деление дискурса на минимальные составляющие [3]. Такими минимальными единицами считаются предикации (клаузы), поэтому дискурс – это прежде всего цепочка клауз.

К актуальным проблемам исследования микроструктуры дискурса относится изучение роли дискурсивных факторов в языковой структуре, то есть их влияние на более мелкие языковые составляющие – грамматические, лексические и фонетические. Отбор языкового материала под влиянием дискурсивных факторов современной лингвистикой рассматривается с двух позиций: 1) с позиций референтного выбора, когда способ наименования объекта таких дискурсивных факторов, как расстояние до предыдущего напоминания определенного участника, роль этого предыдущего напоминания в своей клаузе, значимость этого участника для дискурса в целом и т.д. [8]; 2) с позиций дискурсивного контекста, который обуславливает употребление так называемых дискурсивных маркеров, то есть специальных слов, обозначающих структуру дискурса, ментальные процессы говорящего (слова *вот, ну, так сказать*), контроль над ментальными процессами адресата (слова *понимаешь, видите ли*) и т.д. [7].

Лингвистическое описание макро- и микроструктур дискурса основывается на теории риторической структуры, в которой обосновывается предположение, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей этого дискурса с помощью некоторой осмысленной связи. Такие связи называются риторическими отношениями. В корпус риторических отношений входят последовательность, причина, условие, поступок, развитие, фон, цель, альтернатива и др. Таким образом, вопрос структуры дискурса в основе является вопросом о связности дискурса.

Аналогично в глобальной и локальной структуре различают *глобальную* и *локальную связность* [3]. Глобальная связность дискурса обеспечивается единством темы / топика дискурса. Тема – это то, о чем идет речь в данном дискурсе. Под локальной связностью дискурса понимают отношения между минимальными дискурсивными единицами и их частями [3]. В научной литературе детально описаны четыре типа локальной связности, характеризующие нарративный дискурс: референтная (тождественность участников), пространственная, временная, событийная [3].

Определив основные направления дискурса в современной лингвистике, можно говорить об их междисциплинарном характере, чем в некоторой степени объясняется содержательное наполнение еще одного термина – *дискурсивный анализ* (или *дискурс-анализ*). Дискурсивный анализ характеризуется разнообразием подходов, которые можно сгруппировать по трем направлениям: 1) *анализ бытового диалога* (или анализ разговора, конверсационный анализ) – это применение общих принципов этнометодологии к языковому взаимодействию, благодаря чему строится простая систематика чередования реплик в процессе разговора и анализируются так называемые смежные пары (типические последовательности реплик (вопрос – ответ, приглашение – принятие приглашения и т.д.) или реплики корректирования разговора); 2) *исследование информационного потока*, состоящего в переосмыслении в когнитивных терминах процесса получения и усвоения информации человеком, а также способа языковой корреляции культурных концептов и синтаксических структур; 3) *когнитивная функциональная грамматика* объясняет когнитивные основы грамматического

выбора говорящего, применяя психологическое понятие фокусного внимания вместо понятия топика.

Таким образом, разнообразие подходов к дискурсивному анализу отразилось и на разнообразии его методов. В частности, анализ бытового диалога, основывающегося на эмпирическом материале, требует метода интроспекции и статистических тестов, а также разработки методики транскрибирования устных текстов. Анализ информационного потока невозможен без психолингвистических методов, в том числе свободного эксперимента. Когнитивная грамматика предусматривает моделирование мыслительных процессов в аспекте отображения их поверхностной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докладов: В 2-х т. Т. 1. СПб.: Политехника, 2003. С. 9-18.
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2001. 358 с.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 224 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Изд-во "Ad Marginem", 2000. 511 с.
5. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функциональные и когнитивные теории // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 276-339.
6. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
7. Красных В.В. Анализ дискурса // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 242-250.
8. Левина Г.М. Невербальная вербальность: некоторые вопросы и уточнения к понятию «дискурс» // Мир русского слова. 2003. № (15) 2. С. 64-71.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
10. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянских культур, 2005. 223 с.
11. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.

КУЩ Элина Алексеевна (Запорожье, Украина)

Запорожский национальный технический университет
elina.e2010@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУБЕЖДЕННОГО ДИСКУРСА ПОЛИТИКОВ

Аннотация. Статья посвящена изучению аксиологических особенностей предубежденного дискурса политиков. В статье анализируются фрагменты современного англоязычного политического дискурса Великобритании и США, функционирование которого регулируется доктриной политической корректности. Несмотря на использование политически корректных и онтологически нейтральных средств номинации чужих наций, дискурс англоязычных политиков свидетельствует об их предубежденном отношении к представителям исламских и азиатских стран, поскольку их характеристика осуществляется политиками исключительно при помощи негативно-оценочных единиц.

Проблема предубежденного дискурса политиков привлекает внимание не только лингвистов, но и конфликтологов, политологов, социологов. Изучая особенности предубежденного дискурса политических деятелей разных стран, лингвисты говорят о том, что именно политический дискурс наряду с дискурсом современных СМИ является одним из основных средств влияния на массовое сознание людей, формирования их убеждений и ценностных ориентаций в современном мире [4: 32; 6: 17].

Под предубеждениями обычно понимаются “негативные и стереотипные представления и убеждения представителей одного социального, этнического, политического сообщества о другом” [1: 87]. Исследователи предубежденного дискурса указывают на существование различных предубеждений, которые определяют особенности восприятия, поведения и действий по отношению к субъектам предубежденности: представителям других наций, этнических меньшинств, культур, религий.

Предубеждения, выявляемые в дискурсе политиков, обычно направлены на представителей других наций, этносов, партий, политических групп, социальных деятелей. Безусловно, такой дискурс является оценочным, поскольку выявляет систему ценностных представлений и ориентаций политиков.

Понятие ценности является фундаментальным для ряда гуманитарных наук: философии, социологии, психологии, этнологии, лингвистики. Ценности изучаются аксиологией (от греч. *axios* – тот, кто имеет ценность, *logos* – теория, наука). Объектом исследования аксиологии являются природа ценностей, критерии их выделения, их виды и иерархии, а также способы познания. “Ценности – это абстрактные идеи, позитивные, негативные, отображающие человеческие убеждения и установки о субъектах, их поведении, целях, объектах, явлениях окружающей действительности” [2: 3-4]. Основой каждой ценности является представление – верное или неверное, сознательное или несознательное, общечеловеческое или этнокультурно обусловленное – касательно конкретного субъекта, объекта или явления.

Известно, что дискурс политиков, в первую очередь его институциональные виды, регулируется принципами и нормами политической корректности, согласно которым в официальных речах следует избегать использования лексических единиц, которые дискриминируют людей по их умственным и физическим особенностям, сексуальной ориентации, возрасту, внешности, расовым, этническим, возрастным, гендерным признакам, расовой, этнической, культурной, религиозной принадлежности, социальному статусу [3: 126]. Лингвокультурный феномен политической корректности возник в США в 60-х гг. XX столетия, а его доктрина распространилась впоследствии не только в англоязычных странах, но и практически во всем мире.

Несмотря на то, что политическая корректность не единожды подвергалась сильной критике за свой прескриптивный характер, именно благодаря ей были утверждены новые языковые и этические нормы общения, соблюдение которых является желательным, а иногда и обязательным для сохранения имиджа говорящего. В первую очередь это касается сфер институционального общения.

Так, например, соблюдение правил и норм политической корректности в дискурсе англоязычных политиков стран происходит путем использования политически корректных этнонимов – официальных названий наций и этносов. Однако использование официальных этнонимаций не является свидетельством толерантного и непредубежден-

ного отношения к ним. В первую очередь это касается дискурса британских консерваторов по вопросам иммиграции, например:

Many Afro-Caribbeans, Pakistanis, Bangladeshis, Iraqis, Iranians, Afgans, Kurds and other people of Asian descent came here illegally. They overstretched public services, imported diseases. That is why we didn't want these people to stay here [5].

Несмотря на то, что для номинации иностранцев представитель консервативной партии М. Ховард использует политически корректные этнонимы *Afro-Caribbeans, Pakistanis, Bangladeshis, Iraqis, Iranians, Afgans, Kurds ... people of Asian descent*, данный фрагмент дискурса актуализирует предубежденные представления политика о них. Поэтому для их характеристики политический деятель использует негативно-оценочные единицы *came here illegally; overstretched public services, imported diseases*. На предубежденность политика по отношению к иностранцами указывает также предложение *That is why we didn't want these people to stay here*, использование которого дает возможность консерватору подчеркнуть то, что они являются нежелательными для страны. Концентрация негативно-оценочных единиц, используемых для характеристики иммигрантов из азиатских стран, способствует пейоризации этнонимов, которые являются средствами номинации субъектов иммиграции.

Проанализируем фрагмент дискурса одного из политиков США:

New threats of international terrorists have renewed the public's cause for alarm. People are afraid of the immigrants from Islamic countries. We aren't only becoming targets for "terrorists" and "extremists", but we are also producing "new-generation terrorists" ourselves. We should implement measures to ensure that foreign imams will be able to understand the American way of life [7].

В отличие от предыдущего фрагмента представители чужих наций обозначаются политиком не по этнонациональной, а по религиозной принадлежности. Для этого он использует словосочетание с религиозными терминами *immigrants from Islamic countries, foreign imams*. Указанные единицы являются нейтральными. Однако в речах политика они обретают не только негативно-оценочные коннотации, но и становятся

средствами выражения этнических предубеждений по отношению к иммигрантам из исламских стран. Последние ассоциируются у политика с террористами и членами экстремистских группировок, которые могут навредить американцам. Поэтому средством их номинации выступают словосочетание *New threats of international terrorists* и предложение *We aren't only becoming targets for "terrorists" and "extremists"* с негативно-оценочными единицами. Кроме этого, предложение *but we are also producing "new-generation terrorists"* свидетельствует и о предубежденном отношении политика к потомкам таких иммигрантов. При помощи предикативной конструкции *have renewed the public's cause for alarm* и предложения с онимом *We should implement measures to ensure that foreign imams will be able to understand the American way of life* представители исламского мира характеризуются в дискурсе политика как те, которые вызывают беспокойство и страх у американцев, не понимают их способ жизни и не разделяют ценности американского общества.

Таким образом, политически корректные единицы, как и другие онтологически нейтральные средства номинации, приобретают дополнительные коннотации в дискурсе политиков Великобритании и США. Причинами таких коннотаций являются их предубежденные и этноцентрические представления о чужеземцах. Такие представления отображаются в значении соответствующих лексических номинативных средств, в речах политиков они обретают коннотативные семы, которые приводят к появлению ocasionальных оценок у онтологически нейтральных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон И.С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 9. С. 187–201.
2. Красавский Н.А. Аксиологическая лингвистика и этносознание // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2002. С. 3-8.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
4. Dijk T.A. van. Ideology: a Multidisciplinary Approach. London: Sage Publications, 1998. 374 p.
5. Howard M. It's Time to Set an Annual Limit to Immigration. Режим доступа: http://www.conservatives.com/tile.do?def=news.story.page&obj_id=119049 &speeches=1 – Название с экрана.

6. Racizm at the Top. Parliamentary Debates on Ethnic Issues in Six European States: [ed. by R. Wodak & Dijk T.A. van]. Klagenfurt: Drava Verlag, 2000. 412 p.

7. Tirkophope E. Islamic Threat. Режим доступа: <http://hot.com.politica.usa=72237&speeches=1> – Название с экрана.

ЛАНСКАЯ Ольга Владимировна (*Липецк, Россия*)

МБОУ СОШ № 14 г. Липецка

o.vlad.lanskaja@rambler.ru

КОНЦЕПТ «ДОМ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА (по роману Л.Н. Толстого «Война и мир»)

Аннотация. На материале главы VII (часть четвертая, том второй) романа Л.Н. Толстого «Война и мир» в статье исследуется концепт «дом». В тексте рассматриваются ключевые слова *дух*, *охота*, *чудак*, номинации лексико-тематических групп «дом», «границы дома», «настроение», «музыка» и др. Данные лексические единицы раскрывают характер дома Илагина, его атмосферу, позволяют сделать вывод, что концепт «дом» восходит к смыслам «род», «состояние души человека», «единение», «любовь к Отечеству».

Концепт «дом» рассматривается во многих работах (см. исследования М.А. Дмитриевской, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и др.). Данная единица ментальности является одной из основных в русской культуре. Дом воспринимается как свое пространство, защищающее человека от внешнего мира. Первоначально – это место рождения человека и его смерти, создания семьи, сохранения рода. Именно в пространстве жилища формируются нравственные, духовные ценности человека, определяется его отношение к миру, складываются традиции, которым он должен следовать. Домом называют и Отечество. Отсюда использование большого количества ассоциаций, связанных со словом *дом*.

Слово *дом*, являющееся ядром одноимённого концепта, воспринимается как ключевое в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

Проанализируем с этой точки зрения главу VII (часть четвертая, том второй), которую условно можно назвать «В гостях у дядюшки». В ней описано посещение дома Илагина после охоты.

В первом предложении главы точно определено место и время действия – вечер, деревня Михайловка, домик в саду: «Когда *ввечеру*

Илагин распростился с Николаем, Николай оказался на таком далеком расстоянии от дома, что он принял предложение дядюшки оставить охоту, ночевать у него (у дядюшки) в его деревне *Михайловке*» [2: 271]; «Дядюшка слез с лошади у крыльца своего деревянного, заросшего садом домика» [2: 272]. Дом в тексте воспринимается как центр особого мира. Он неотделим от природы и ассоциируется с благодатным местом, так как находится в саду.

Далее Л.Н. Толстой подробно описывает жилище Илагина, в которое попали Николай, Наташа и Петя Ростовы. В лексико-тематическую группу «дом» входят слова с семами 'место действия', 'пространство', 'комната'. Это номинации *дом (домик), передняя, сени, коридор, зала, гостиная, кабинет, комната*, словосочетания *холостая охотническая, заднее крыльцо, людская для охотников*, а также слова *стол, диван, стулья, кресло* с семами 'мебель', 'вещи': «Через переднюю дядюшка провел своих гостей в маленькую залу с складным *столом* и красными *стульями*, потом в *гостиную* с березовым круглым *столом* и *диваном*, потом в *кабинет* с оборванным *диваном*, истасканным ковром и с портретами Суворова, отца и матери хозяина и его самого в военном мундире» [2: 272]; «Дверь в конце *коридора* (который дядюшка называл *колидор*) вела в *холостую охотническую*: так называлась *людская для охотников*» [2: 275]. В словосочетаниях *холостая охотническая, людская для охотников* слова *охотническая, для охотников* связаны с ключевой в романе Л.Н. Толстого номинацией *охота*, которая, по М. Фасмеру, имеет значение «воля, веселое расположение духа» [4: III, 176]. Данная лексическая единица имеет семы 'желание', 'любимое занятие', 'азарт', 'традиции'.

В тексте четко выстроен путь героев: *крыльцо* → *сени* → *передняя* → *зала* → *гостиная* → *кабинет*. Центром дома является кабинет, в котором по-хозяйски ведет себя охотничья собака: «Ругай с невычистившейся спиной вошел в кабинет и лег на диван, обчищая себя языком и зубами» [2: 272-273].

С помощью номинаций *крыльцо, ковер, портреты, стены, ступени, шкуры, ширмы, занавески* в тексте определена и граница дома: «Дядюшка снял Наташу с лошади и за руку провел ее по шатким до-

щатым *ступеням крыльца*»; «В доме, не оштукатуренном, с бревенчатыми *стенами*, было не очень чисто»; «В сенях пахло свежими яблоками и висели волчьи и лисьи *шкуры*» [2: 271]; «Из кабинета шел коридор, в котором виднелись *ширмы* с прорванными *занавесками*» [2: 273]. При этом значение слова *портреты* восходит к смыслам «род» (портреты отца и матери), «включенность человека в пространство истории России» (портрет дядюшки в военном мундире), «память», «уважение к прошлому», «славные имена России» (портрет Суворова). То есть пространство дома дядюшки свидетельствует о том, что это пространство русского человека, чувствующего свою неразрывную связь со своим родом, с историей Отечества.

Обращает на себя внимание еще одна особенность жилища помещика: оно напоминает крестьянскую избу. Отсюда в тексте использовано словосочетание *с бревенчатыми стенами*, определение *не оштукатуренном* (в доме).

Дом Илагина патриархальный: на стенах *шкуры* зверей, в комнатах запах собак, многочисленная челядь. В лексико-тематическую группу «дворовые люди дядюшки» входят слова *дворовые*, *большие* (в значении «*большой члвк. большакъ, старшій*» [1: I, 113]), *малые* (в значении «*молодой, недоросшій*» [1: II, 293]), *женщины*, словосочетания *человек пять*, *дворовые мужчины*, *экономка дядюшки*, имена собственные *Аринка*, *Митька*, *Анисья Федоровна*, *Анисьюшка*: «*Человек пять, больших и малых, дворовых мужчин* выбежало на парадное крыльцо встречать барина»; «Присутствие Наташи, женщины, барыни верхом, довело любопытство *дворовых* дядюшки до тех пределов удивления, что многие, не стесняясь ее присутствием, подходили к ней»; «– *Аринка*, глянь-ка, на бочку сидит» [2: 272]; «*Митька* настроил и опять задребезжал *Барыню* (курсив Л.Н. Толстого. – О.Л.)»; «*Анисья Федоровна* вошла и прислонилась своим тучным телом к притолоке» [2: 275]; «– Посмотри-ка, *Анисьюшка*, что струны-то целы, что ль, на гитаре-то?» [2: 276].

Дом дядюшки – это еще и особая атмосфера беспричинной радости. В лексико-тематическую группу «настроение» входят номинации с семами 'радость', 'хорошее настроение', 'счастье': «Лица их (Ни-

колая и Наташи. – О.Л.) горели, они были очень голодны и очень веселы»; «<...> Наташа подмигнула брату, и оба удерживались недолго и звонко *расхохотались*, не успев еще придумать предлога для своего смеха» [2: 273]; «Наташе так весело было на душе» [2: 274]; «– Извольте слушать, графинечка, – сказала она (Анисья Федоровна. – О.Л.) Наташе с *улыбкой*, чрезвычайно похожей на улыбку дядюшки» [2: 275]; «Анисья Федоровна покраснелась и, закрывшись платочком, *смеясь*, вышла из комнаты»; «Чуть-чуть что-то *смеялось* в его лице, с одной стороны под седым усом, особенно *смеялось* тогда, когда дальше расходилась песня»; «*Улыбающееся* лицо Анисьи Федоровны явилось опять в дверях» [2: 276]; «Дядюшка встал, и как будто в нем было два человека – один из них серьезно *улыбнулся над весельчаком*, а *весельчак* сделал наивную и аккуратную выходку перед пляской»; «– Ну, графинечка, чистое дело марш! – *радостно смеясь*, сказал дядюшка, окончив пляску»; «Что значила *улыбка* Николая»; «Наташа с счастливой улыбкой утвердительно кивнула головой» [2: 277]; «Наташа была в *восторге* от пения дядюшки» [2: 278].

Перечисленные номинации связаны с эффектом зеркального отражения, с уподоблением: радостное настроение свойственно всем и всему: и Ростовым, и дядюшке, и Аксинье Федоровне, и другим домочадцам Илагина. Даже неодушевленные предметы изменяются: они тоже улыбаются: «Все отзывалось сочностью, чистотой, белизной и приятной улыбкой» [2: 274].

Связано пространство дома и с образом жизни дядюшки. Порядки своего дома Илагин распространял на всю округу, околоток. Пользовался он у окружающих необыкновенным уважением. Жил по природному календарю: весной и осенью охотился в полях, лето проводил в саду, а зиму – дома. Главное для Илагина – охота. Весь смысл жизни дядюшки восходит к противопоставлению «охота – служба», к смыслам «помощь окружающим», «жизнь в согласии с природой». В лексико-тематическую группу «отношение к людям» входят словосочетания *призывали судить семейные дела, делали душеприказчиком, поверяли тайны, выбирали в судьбы* [2: 274] с семами 'доверие', 'уважение', 'совесть', 'честность', 'доброе отношение к окружающим'.

Отсюда использование для его характеристики определений *благороднейший, бескорыстнейший* (чудак) [2: 274]. Слово *чудак*, восходя к лексеме *чудо*, связано с греческим *χῦδος* «слава, честь», с древнеиндийским *kaviṣ* «учитель, мудрец» [4: IV, 377-378]. Связана данная номинация и с древнерусским *кудесъ* «чары, колдовство» [4: II, 400]. По В.И. Далю, *чудак* - «человѣкъ странный, своеобразный, дѣлающій все не-полюдски, а посвѣому, вопреки общаго мнѣнья и ѳбыка» [1: IV, 612]. По Н.М. Шанскому, общеславянское слово *чудак* имеет значение «удивлять» [3: 497]. Слово же *чудо* восходит к слову *чутти* «слышать, ощущать» [3: 497]. То есть данная лексическая единица имеет семы 'мудрый', 'колдун', 'необычный человек', 'чуткое восприятие окружающего мира'.

Пространство дома определяется и с помощью ключевого слова *дух* (в значении «отличительное свойство, сущность, суть, направление, значенье, сила, разумъ, смыслъ» [1: I, 503]), номинаций, входящих в лексико-тематические группы «музыка» и «танец». В лексико-тематическую группу «музыка» входят слова *музыка, струны, звуки, гитара, песня, Барыня, аккорд, темп, арфа, мотив, балалайка*; в лексико-тематическую группу «танец» – словосочетания, обозначающие танцевальные движения героев. Это словосочетания *сбросила с себя платок, забежала вперед дядюшки*, ключевое слово *дух* [2: 277]. Песня и танец, по сути, ритуальны. В них отражается душа человека, всего народа. И песня, и танец символизируют единение всех, независимо от социального положения, возраста, положения в семье. В них отражается душа русского человека, то соборное начало, которое свойственно всем в доме Илагина.

Итак, концепт «дом», восходя к смыслам «традиции», «душа русского человека», «любовь к Отечеству», репрезентируется ключевыми словами *дух, песня, танец, чудак*, характеризующими пространство патриархального дома в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
2. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. V / Л.Н. Толстой. М.: Худож. лит., 1980.

3. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1975.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.

ЛЕКАНТ Павел Александрович (Москва, Россия)

Московский государственный областной университет
kafedralekant@yandex.ru

ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА ИМЁН ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье характеризуются и обобщаются словоизменительные и категориальные качества имён времени; рассматриваются смежные, но противопоставленные единицы – словоформа, синтаксема, фразема, форма = идиома – в аспекте парадигматики и синтагматики.

Именами времени мы называем номинативно ограниченный класс слов, категориально и формально представляющих часть речи – имя существительное. Они называют отрезки времени, определяемые природой планеты Земля (*сутки, день, ночь, утро, вечер; лето, осень, зима, весна; год*), календарное деление времени (*месяц; век; час, минута, секунда*). Существительные, имена времени, по синтаксическим законам русского языка входят в структуру словосочетаний и предложений: *Ах, он любил, как в наши лета Уже не любят...* (А. Пушкин); *Какое горькое томленье Всю жизнь, века без разделенья И наслаждаться и страдать...* (М. Лермонтов); *Снова быть зиме, а потом весне, и восходит вновь солнце рыжее...* (Р. Рождественский); *День и ночь в боях сменяя, В месяц шапки не снимая, Воин твой, защитник-сын Шёл, спешил к тебе, родная...* (А. Твардовский); *К вечеру эти облака исчезают...* (И. Тургенев); *Пособите. Вот уж сутки Точка данная за мной...* (А. Твардовский).

К основному классу имён времени примыкает, условно говоря, периферия. Это слова, детализирующие основные разряды (названия дней недели, месяцев), а также варьирующие отдельные обозначения с учётом образа жизни человека или его восприятия, так сказать, «пульса времени»: *полночь, полдень, рассвет, закат, вечность, миг, мгновение*. Они отчасти дублируют парадигматику основного класса,

но в целом они непродуктивны: *Твоей любви я жду как дара И вечность дам тебе за миг* (М. Лермонтов); *И в праздник, вечером росистым, Смотреть до полночи готов На пляску с топаньем и свистом...* (М. Лермонтов); *Долги ночи, жёстки зори В ноябре* – к зиме седой (А. Твардовский); *Не думай о секундах свысока. Наступит время – сам поймёшь, наверное: свистят они, как пули у виска, - мгновения, мгновения, мгновения* (Р. Рождественский).

В употреблении имён времени совокупно представлены объективное и субъективное, рациональное и эмоциональное. Объективно прямая, первичная номинация фрагментов времени и их соотношение. «Время отделимо от человека, но человек неотделим от времени» [1 : 688] . У этой «неотделимости» необычайно широкий и яркий спектр проявления и представления – чётко упорядоченный.

Во-первых, человек (лицо говорящее) *выбирает* из имён времени нужное для обозначения бытия, продолжительности действия и пр.: *Снаружи стояла осенняя ночь* (К. Паустовский); *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...* (А. Блок); *Под вечер иногда сходилась соседей добрая семья* (А. Пушкин); *У меня по весне праздник бывает...* (Д. Мамин-Сибиряк).

Во-вторых, человек выражает своё отношение не только к событию, но и ко времени, когда оно происходит: *В один прекрасный летний день барыня с своими приживалками расхаживала по гостиной* (И. Тургенев); *Во дни блаженства мне в раю Одной тебя недоставало* (М. Лермонтов).

В-третьих, именно человек, русский человек развивает, совершенствует систему форм имён времени и даже любовно её украшает эмоциональными, так сказать, колокольчиками: *ноченька, денёк, часок-другой, зорька, на недельку* и т.д..

Проблема форм имён времени, их парадигмы очень сложна. Конечно, она включена в общую проблематику единства слова, его форм, его лексического тождества: «Слово представляет собой известную систему словоформ и значений» [14: 11]: *Мне вновь ночей не спать* (Р. Рождественский) – имя времени называет не только время суток, но и время сна.

Больше того, **грамматическая** форма слова так или иначе предопределяет и реализует его валентность. «В понятие грамматических форм слова включаются не только разновидности его морфологической структуры, но и различные сочетания его с другими формами слов или словами [5: 48]. **С каждым часом ночь холодеет** (К. Паустовский); **Всё утро я ловлю рыбу** (К. Паустовский) – окружение (синтагматика) имён времени не только детализирует, но и нейтрализует омонимию падежных форм.

Вообще употребление падежных, а тем более, предложно-падежных форм имён времени в значительной мере и мотивируется, и реализуется строением словосочетания и предложения. «... Именно подчинение выстраивает словоформы в иерархически организованную структуру, т.е. создаёт предложение как таковое» [11: 141]. В предложении **Через несколько дней я проснулся среди ночи от раскатов грома** (К. Паустовский) словоформа *среди ночи* мотивирована значением глагола, но выбрана из группы: *ночью, в середине ночи, в полночь, около полуночи*, а синтаксическая предложно-падежная словоформа *через несколько дней* «имеет своё собственное структурно-смысловое значение» [6: 53]. В предложении *Наши руки пахнут дымом и брусничкой – этот запах не исчезает неделями* (К. Паустовский) словоформа *неделями* имеет добавочное значение длительности (неопределённой); ср.: *неделю* – определённый отрезок времени.

Особого внимания и специального описания заслуживают предложно-падежные формы времени. Ср.: **И перед утром сон желанный Глаза усталые смежил...** (М. Лермонтов); **По утрам воздух на Прорве пахнет горьковатой ивовой корой** (К. Паустовский). Если в первом тексте обозначен относительно определённый момент времени, то во втором тот же временной отрезок представлен как неоднократно повторяющийся; см. также: **По ночам холодный ветер дул с гор <...>** (отметим неупотребительность *по дням*); а также: **По вечерам мы собирались около радио и слушали сводки о боях в Испании** (К. Паустовский); **По дням вот волки одолевают** (Д. Мамин-Сибиряк).

Итак, уже при первоначальном обращении к проблеме парадигматики имён времени приходится отметить некоторые причуды и шалости русской грамматики. Однако главное всё же впереди.

В.В. Виноградов, рассмотревший всесторонне вопрос о формах слова, пришёл к решительному выводу. «... С грамматической точки зрения целостность и единство слова оказывается в значительной степени иллюзорным» [5: 35] . Отчасти этот вывод связан с тем, что он различает «синтетические и аналитические формы словоизменения» [5: 44] .

Имена времени в полной мере обладают этими формами словоизменения: *Я каждым **утром** пробуждён Для сладкой неги и свободы* (А. Пушкин); *И уже обыкновенно То, что минул целый **год**, Точно **день*** (А. Твардовский); *И я ушёл к **зиме**, на север, И целый **день** бродил в лесах* (И. Бунин); *Каждый **день** к **вечеру** Шацкий ходил на ливенскую почту...* (К. Паустовский); *Но в наше **время** решено, Что всё старинное смешно* (М. Лермонтов); *До самого **вечера** барыня была не в духе* (И. Тургенев).

Самыми продуктивными аналитическими формами имён времени являются предложно-падежные. А.М. Пешковский подчёркивал «полную соединяемость» форм существительных с предлогом – единую форму [12: 90] . В падежной парадигме имён существительных эти формы сосуществуют с беспредложными, так сказать, на равных: «Аналитическими формами слова следует признавать лишь сочетания, которые входят в единую систему грамматических противопоставлений с морфологическими формами слова» [2: 90] .

Однако предложно-падежные формы, в том числе имён времени, имеют собственное структурно-смысловое содержание, благодаря значению предлогов: *Люблю я больше **год от году**, Желаньям мирным дав простор, Поутру ясную погоду, Под **вечер** тихий разговор* (М. Лермонтов); *По **вечерам** кромешная темнота окружает дом* (К. Паустовский); *За тобой **через года** иду, не колеблясь* (Р. Рождественский); *Срок ли приблизится часу печальному, В **утро** ли шумное, в **ночь** ли безгласную...* (М. Лермонтов); *Концерты происходили по **ночам*** (К. Паустовский). Здесь уместно вернуться к замечанию В.В. Вино-

градова об «иллюзорности» грамматического единства слова. Предложно-падежные формы имён времени – это, конечно, *синтаксические формы слова* [7: 37] – *синтаксемы* [8: 4]. Собственно падежные формы, с предлогом или без предлога, т.е. *словоформы*, употребляются в составе словосочетания и предложения в присловной или в приосновной позиции с участием синтаксических средств – порядка слов, интонации. Ср.: *Я пишу всё это осенней ночью. Осени за окном не видно, она залита тьмой* (К. Паустовский) – присловная позиция; *И годами с грустью нежной – Меж иных любых тревог – Угол отчий, мир мой прежний Я в душе моей берёг* (А. Твардовский) – приосновная позиция. «Синтаксические средства не могут совпадать с морфологическими прежде всего потому, что они гораздо богаче морфологическими» [13: 26]. К синтаксическим средствам, кроме упомянутых выше, следует добавить валентность как отношение мотивирующего и мотивируемого. См.: *Я мечтаю о вас. Ожидаю вас жадно ночи и дни* (Р. Рождественский); *Тамара часто у окна Сидит в раздумьи одиноком И смотрит вдаль прилежным окном, И целый день, вздыхая ждёт ...* (М. Лермонтов).

В аспекте парадигматики падежная система русского языка является многослойной – так сколько падежей? «В самом деле значения косвенных падежей имён существительных как в сочетаниях с предлогами, так и в беспредложном употреблении настолько разнообразны и далеки, что приходится традиционные обозначения родительный, творительный и предложный падежи считать условными именами групп морфологических омонимов [4: 15].

Наряду с основной, типичной формой синтаксемы – предложно-падежной – имена времени представлены беспредложными словосочетаниями; см.: *Румяным вечером иль утра в час златой Из-под куста мне ландыш серебристый Приветливо кивает головой* (М. Лермонтов); *Этой ночью первый снег летел в окно. Этим утром снег идти не перестал...* (Р. Рождественский).

Особая форма синтаксемы – сочетание имени существительного времени с местоимениями *весь, каждый*, представляющими «смысл всеохватности, всеобщности» [15: 16]: *Чтоб, всю ночь, весь день*

мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел... (М. Лермонтов); «Ну что же, – подумал Потапов, – с каждым днём делаешься взрослее» (К. Паустовский); Шли мы лесами **весь день** и почти **всю ночь** без дорог (К. Паустовский); **Впервые за всё лето** на душе было легко и спокойно (В. Белов); **И странные, дикие звуки** **Всю ночь** раздавались там (М. Лермонтов). Сюда же можно отнести синтаксему с именем прилагательным **целый**: **Но мой Онегин вечер целый** Татьяной занят был одной... (А. Пушкин); а также фразеологизм **круглый год**.

Свойством **воспроизводимости** обладает синтаксема, включающая одинаковые формы имён времени **день** и **ночь**. Однако отнести её к фразеологии нет оснований: слова не утратили прямое лексическое значение; но синтаксема в целом имеет добавочный смысл **длительности**. Этот смысл, так сказать, «дозирован». Ср.: **Но, Боже мой, какая скука** С больным сидеть **и день и ночь** (А. Пушкин) – долго; **Начался листопад. Листья падали дни и ночи** (К. Паустовский) – непрерывно; **День и ночь** роняет сердце ласку, **День и ночь** кружится голова... (П. Герман) – постоянно; **Где в трясине, в ржавой каше, Безответно – в счёт, не в счёт – шли, ползли, лежали наши днём и ночью** напролёт (А. Твардовский) – очень долго, бесконечно; **Он выстукивал восьмёрки упорно и зло. Днём и ночью. В зиму и в осень** (Р. Рождественский) – так же; **На войне встречали люди Долгий счёт ночей и дней** (А. Твардовский) – очень долго, бесконечно.

Особым и важным аспектом времени, выражаемого именами, является смысл расширения, движения – «бег времени». Русский язык имеет специальную форму, можно сказать, модель в виде повтора имени времени с участием предлогов: **день за днём, год от года, изо дня в день** и под. **Давно отверженный блуждал в пустыне мира без приюта. Вослед за веком век** бежал, **Как за минутою минута**, **Однообразной чередой** (М. Лермонтов); **А бедный Пруд год от года** всё глож (И. Крылов); **Грустно в нашем саду. Он день ото дня** краше (Б. Пастернак); **А завтра снова мир залить** вставало солнце ало. **И день за днём** ужасно злить меня вот это стало (В. Маяковский); **И час за часом** край всё шире, Уже он день и два в окне... (А. Твардовский); **Его [Андерсена] страсть к путешествиям** усиливалась **изо дня в**

день ... (К. Паустовский). В реализации этого смысла участвует окружение (глаголы, компаративы и пр.). Мы полагаем, что эти формы можно назвать **фразами**: они обладают цельностью, непроницаемостью, воспроизводимостью. Однако, в отличие от фразеологизмов, лексемы не утрачивают и не изменяют номинативного значения; добавочный смысл принадлежит форме.

Имена времени нашли место и в системе фразеологии – «ближе всего» в **формах-идиомах** [9: 260]: *на время, в пору* (вводное слово); *на часок, на минутку: Любить... но кого же?.. на время – не стоит труда...* М. Лермонтов). Более сложно квалифицировать такие наименования времени, как *день-деньской, во веки веков, денно и ночью* и пр.

Наша идентификация имён времени с частью речи именем существительным довольно проблематична, несколько условна. Мнение о **переходе** словоформ *днём, летом* и пр. в наречия имеет значительную историю, правда, обычно делаются те или иные оговорки, а то и «смягчения». По Богородицкому, «В этом переходе флексийной формы в наречие не следует видеть уменьшения знаменательности, а только изменение значения, которое <...> принимает более общий характер...» [3: 193]. Признавая переход, сторонники этого мнения соглашались, что **те же** словоформы в сочетании с прилагательным – существительные: *утром – ранним утром*, и добавляли, что наречие *утром* сочетается с наречием *рано* (заметим: *утро* – это «рано», а сочетания *рано* (или *поздно*) *днём* (?) невозможны). Л.В. Щерба считал, что «Самый деликатный вопрос – отличие наречий от существительных» [16: 72]; и резюмировал: «... Может случиться, что одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории» [16: 66].

В нашем случае речь должна идти об одной и той же **форме**, т.е. о грамматической омонимии, которая нейтрализуется «лексической однородностью слова» [4: 31]. Конечно, нельзя игнорировать некоторый отход словоформы от парадигмы и её адвербиальную функцию, – отход, но не отрыв, как в случае *миг – мигом*.

Скорее всего, мы имеем дело со свойственной грамматическому строю русского языка *гибридностью*, именно «гибридными, промежуточными типами <...> между именем существительным и наречием [4: 32]; в именах времени гибридность представлена наиболее чётко [10: 30]. Справедливости ради, нужно сказать, что наша «традиционная» грамматика покусается на очень узкий круг имён времени и только на одну падежную форму – творительный множественного числа (*утром, днём, вечером, ночью; весной, летом, осенью, зимой*) – в пользу части речи *наречие*. См.: *Было утро. Щебетали птицы. Ночью мне не снилось ничего* (Р. Рождественский); в составе словосочетания (с прилагательными «в широком смысле») эти словоформы – полноценные существительные. Ср.: *Из Ливен я уехал поздней осенью* (К. Паустовский) – здесь имя времени – существительное – ещё и уточняется; *румяным вечером, вечером росистым* (М. Лермонтов) и под. – прилагательные-эпитеты исполняют и формальную службу.

Формы творительного падежа множественного числа, безусловно, существительные (*вечерами, зимами* и пр., но вот «причуда!» – *летами* – вряд ли). В этих формах, под влиянием семантики предиката, создаются оттенки повторяемости или длительности. Ср.: *Кто ты? И зачем ты здесь со мной встречалась вечерами* (И. Бунин) – повторяемость; *Мне по крайности вначале Днём соваться не с руки. Мне идти туда ночами*, *Ну, а ночи коротки* (А. Твардовский) – повторяемость; *Леса моросили дождём облетающей листвы. Этот дождь шёл неделями* (К. Паустовский) – длительность; *Наши мамы вестей месяцами от нас ожидали* (Р. Рождественский) – длительность.

Добавим, что эти формы (безбрежный «темпоратив» [8: 231]) наличествуют во всём основном составе имён времени: см. приведённые выше *неделями, месяцами*, а также *годами, веками; сутками, часами* и даже *временами* (пожалуй, наречие).

В нашем обзоре системы форм имён времени, а также смысловых параметров обозначился запас образности, выразительности, который, конечно, используется в художественной речи. Есть и другая сторона образности имён времени – метафорическая. «Поэтическая речь по своему существу многозначна. Поэтому естественное для себя

место метафора находит именно в поэтической речи. Её функция – вызывать образы, представления, а не сообщать информацию» [1: 367].

Метафора имеет разные основания, различные формы и цели. Ср.: *Улыбкой ясною природа Сквозь сон встречает утро года* (А. Пушкин) – образ **весны**; *Весна моих промчалась дней* (А. Пушкин) – образ **юности**.

Обобщённый образ времени – имя **час** (обычно с зависимой формой род. п. – значение состояния). Ср.: *Придёт ли час моей свободы? Пора, пора!* – ожидание (А. Пушкин); *И вот наконец наступил час моего торжества* (К. Паустовский) – ирония; *Час разлуки, час свиданья – им ни радость, ни печаль...* (М. Лермонтов) – патетика; *С первых дней години горькой, В тяжкий час земли родной Не шутя, Василий Тёркин, Подружились мы с тобой* (А. Твардовский) – кроме имени **час** (о горести, скорби), здесь **година** в торжественно-патетическом и скорбном звучании, слово не используется как **имя** времени.

Метафоричность имён времени может быть созвучна с метафоричностью предикатов. Ср.: *День быстро угасал. На смену ему шла тишина ночи со слабым заревом звёзд* (К. Паустовский); *Ненастный день потух* (А. Пушкин); *Как всегда, полночь смотрит немymi глазами* (Р. Рождественский); *Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ...* (Б. Пастернак); *Всё дико; нет нигде следов Минувших лет: рука веков Прилежно, долго их сметала* (М. Лермонтов); *Лета к суровой прозе клонят, Лета шалунью рифму гонят...* (А. Пушкин); *...а тут – не знай ни зим, ни лет, сиди, рисуй плакаты!* (В. Маяковский).

Особая образная сила заключена в **сравнении** с участием двух имён времени: *Переправа, переправа... Темень, холод. Ночь как год* (А. Твардовский); *Вослед за веком век бежал, Как за минутою минута, Однообразной чередой* (М. Лермонтов).

Только художественная речь, поэтическая речь может использовать имена времени и как объективное средство, и как образное средство субъективности и экспрессии. Никто, кроме А.С. Пушкина, не может с таким блеском представить и философический и иронический

образ времени, как «Телега жизни»; здесь есть имена времени *с утра, в полдень, под вечер* и «ямщик лихой *«седое время»*. Мудрая метафора *телега жизни* завершается метафорой же: *А время гонит лошадей*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 855 с.
2. Арутюнова Н.Д. О критерии выделения аналитических форм / Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 1965. С. 87 – 93.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.-Л., 1935. 354 с.
4. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 13 – 32.
5. Виноградов В.В. О формах слова / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С.33 –50.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1975. 349 с.
7. Золотова Г. А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.
8. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. М., 1988. 429 с.
9. Лекант П.А. К вопросу о минимальной единице фразеологии / Очерки по грамматике русского языка. М., 2002. С. 258 – 265.
10. Лекант П.А. Гибридные слова и гибридные части речи / Грамматические категории слова и предложения. М., 2007. С. 28 – 32.
11. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб, 1994. 227 с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 443 с.
13. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста. М., 1961. 169 с.
14. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Владимир, 2010. 366 с.
15. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М., 1998. 174 с.
16. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63 – 84.

ЛИТВИН Ирина Николаевна (*Черкассы, Украина*)

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого
Orinija@rambler.ru

МОТИВАЦИЯ РУССКИХ ОТСУБСТАНТИВНЫХ НАРЕЧИЙ МЕРЫ И СТЕПЕНИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме мотивации наречий в когнитивно-ономасиологическом аспекте, в частности, рассматривается механизм модусной мотивации русских отсубстантивных наречий меры и степени типа *ужас, страх, страсть*.

Традиционно проблема мотивации как процесса означивания представлений о референте на базе мыслительной и лингвистической его связи с другой реалией рассматривалась на грани словообразования и лингвистической семантики (О.И. Блинова, Е.А. Земская,

О.П. Ермакова, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, М.Н. Янценецкая и др.). Однако мотивация – феномен не только языковой системы, но и человеческого сознания. В русле когнитивной ономазиологии качественно новое понимание мотивации предлагает Е.А. Селиванова: «Мотивация – это сквозная для модели порождения [наименований] психоментальная операция, результатом которой является семантико-ономазиологическая зависимость языковых знаков (производного и производящего), возникшая на основе сложной системы коннекций концептов человеческого сознания» [5: 158].

Для анализа мотивации Е.А. Селивановой применен когнитивно-ономазиологический анализ, предполагающий встречное исследование: от ономазиологической структуры обозначаемого к структуре репрезентации знаний об обозначаемом и наоборот. Результатом такого анализа является выявление закономерностей селекции ономазиологического признака и базиса из мотивирующей базы структуры знаний об обозначаемом, приравнивающейся к модели ментально-психонетического комплекса [концепта], который «включает структуру истинностных знаний об обозначаемом (уровни диктума), его оценку (модус), ассоциативно-терминальный компонент, сформированный на основе связей диктума с другими ментально-психонетическими комплексами, а также множественные реляции с другими психическими функциями и проявлениями: ощущениями, чувствованиями, интуицией, образами и т.д.» [5: 322]. В зависимости от статуса фрагмента ментально-психонетического комплекса, который избирается в роли мотивационной базы, выделяется пропозитивная, ассоциативно-терминальная, модусная и смешанная мотивация [5: 112–114; 6: 160].

Цель нашей статьи – описать механизм модусной мотивации наречных производных со значением интенсивности.

Среди русских отсубстантивных наречий со значением интенсивности выделяется группа слов с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной оценочностью: *ужас, страх, страсть, смерть, жуть* – производных от именительного падежа существительных. Их механизм производства на уровне лексико-грамматических свойств описан Е.М. Галкиной-Федорук: «Существительные, выступая в несвойствен-

ной им роли определения, теряют свое прежнее предметное значение и переходят в определенно-качественные слова при глаголе» [2: 384]. С синтаксических позиций генезиса двучленных и трехчленных предложений А.В. Попов объяснял производство этих наречий как слияние двух предложений в одно: *Он смерть бьется* первоначально значит: *Он бьется так, что может произойти смерть. Он страх любит – он так любит, что делается страшно* [по: 2: 289]. Лингвисты последовательно отмечают коннотативное значение рассматриваемых наречий: О. Есперсен обратил внимание на распространенность эмоциональных наречий типа *страсть (какой ловкий)* и т.п. в женской речи [8: 233–234], В.В. Виноградов также обращал внимание на «яркую эмоционально-качественную окраску» [1: 288] таких слов. Наличие психоэмоционального компонента в семантике мотиватора данных слов приводит к мысли о доминировании модуса при образовании данных наречных производных.

Модус – один из компонентов мыслительных структур в ментально-психонетическом комплексе (Е.А. Селиванова), коррелирующий с психическими функциями эмоциональных ощущений, чувствований, переживаний, которые закрепляются в оценке концепта [5: 169], тем самым отражая ее психический механизм, заключающийся в релятивно-антропоцентрической проекции окружающей действительности на сферу чувств, ощущений, образов.

Когнитивный механизм производства наречий типа *страх, ужас* объясняется селекцией модусного компонента мотиватора, коррелирующего с сильными эмоциональными ощущениями, придающими наречию значение интенсива и погашающего содержание денотата [3]. На базе абстрактных существительных *страх* “Очень сильный испуг, сильная боязнь” [7: 4, 283]; *ужас* “Чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения” [7: 4, 473]; *страсть* “Ужас, страх” [7: 4, 282]; *жуть* “Тревожное чувство страха, ужаса” [7: 1, 489]; *смерть* “Прекращение жизнедеятельности организма” [7: 4, 152]; *беда* “То же, что несчастье” [7: 1, 67] формируются наречные лексемы со значением “Очень, чрезвычайно, в высшей степени” [7: 4, 152; 282; 283; 473; 1, 67; 282]: – *Мальчики, милые! Я так рада! Где вы были? Куда вы ездили? Я*

жуть рада (В. Рошин); *Мне страх не нравится, что ты поэт, Что ты сдружился с славою плохую* (С. Есенин); – *А я, дядя Карп, страсть по тебе соскучился* (Ф. Гладков); – *Он хороший... строгий такой... и ласковый. Сильный... ужас* (В. Осеева); [*Почтмейстер:*] *Смерть люблю узнать, что есть нового на свете* (Н. Гоголь); *Хороший мужик... беда хороший* (Н. Златовратский). На концептуальном уровне рассматриваемые наречные производные занимают место интенсификатора в структуре концепта, на синтаксическом – выполняют роль обстоятельства меры и степени, примыкая к эмоционально-экспрессивным глаголам, прилагательным, наречиям. При этом наречные производные не теряют эмоционально-экспрессивной коннотации: оценочный компонент плеонастически актуализируется как в самом наречии, так и в слове, к которому примыкает наречие (*ненавидеть, любить, скучать, рад* и т.п.). Но если в контекстном окружении оценочно-экспрессивная окрашенность отсутствует, то производное наречие реализует лишь экспрессивное коннотативное значение меры и степени, погашая оценочность (ср.: *Страх тихо вокруг*).

Довольно часто коннотативное значение рассматриваемых лексем усиливается словами *как, какой*: *Очень поэтично, – сказал Пастухов, – но ты смерть как скучно рассказываешь* (К. Федин); *Оно, слышь, ветрено поначалу в тайге было. Зверь такую погоду страсть как не любит* (Г. Марков); – *А я б не могла сестрой, право слово, – я крови ужас как боюсь* (А. Фадеев). Сочетаясь со словом *сколько*, данные наречные лексемы обуславливают усилительность значения неопределенного количества “очень много”: *Страх сколько было возни с нашими многочисленными гостями* (Кюи); *Шутка ли, сколько вы на меня истратили. Ужас сколько денег!* (Ф. Достоевский).

Примечательно, что в существительном-мотиваторе подобных слов заключена, как правило, отрицательная оценочно-эмоциональная окраска, тогда как в производном наречии как отрицательная, так и положительная, при значительном преобладании последней: *Дед у нас ужас какой смелый* (К. Паустовский); *Нет нигде такой малины, как у нас на свежих вырубках. Жирная растет ягода. Ее и медведи*

страсть любят (С. Антонов). Тем самым наблюдается полюсное оценочное смещение в процессе производства и употребления данных наречий. Исключение составляет наречная лексема **чудо**, образованная от существительного **чудо** “Нечто небывалое, необычное, что вызывает удивление” [7: 4, 691], которая всегда имеет положительный модус: *Его черный сюртук, рыжая борода и золотые очки были **чудо** как хороши* (А. Толстой).

Подобный процесс семантического сдвига эмоциональных ощущений, сопряженных с определенной оценкой, к значению интенсивности наблюдается в наречиях как русского, так и других языков. Ю.В. Откупщиков отмечает, что это частотное явление. Так, русский предикатив *больно* “ощущая душевную или физическую боль” теряет значение денотата, сохраняя при этом эмоциональные ощущения, вызываемые этим словом, приобретает значение интенсивности “очень, весьма сильно”. Ср.: *Что ж мне так больно и так трудно?* (М. Лермонтов) и *Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась та лошадь* (М. Лермонтов); *Больно тихо едем* (С. Антонов). Немецкое слово *sehr* имело изначально значение “мучительно, больно”, в современном немецком языке наречие *sehr* реализует значение “очень” [4: 53].

Подобный механизм образования характерен и для русских отадъективных наречий со значением меры и степени *страшно, ужасно, смертельно, жутко* – “чрезвычайно, очень сильно: о степени проявления интенсивности чего-либо”: *Наше с тобой искусство – **страшно** бедное искусство* (А. Куприн); *Было раннее утро, и мне **смертельно** хотелось спать* (Салтыков-Щедрин); *Зима выдалась **жутко** холодной и вьюжной* (Г. Марков).

Исследование наречных производных, мотиватором которых является модус, позволяют сделать вывод о том, что в номинативных единицах фокусируются эмоции, оценки, опосредующие восприятие человеческим сознанием мира и себя в этом мире; а также о продуктивности процесса семантического сдвига от психоэмоциональных ощущений к значению интенсивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
2. Галкина-Федорук Е.М. Наречие // Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1952. С. 362–393.
3. Литвин И. Н. Мотивация русских отсубстантивных наречий в когнитивно-ономасиологическом аспекте: дис...канд. филол. наук. Киев, 2002. 193 с.
4. Откупщиков Ю.В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. 3-е изд., испр. М.: Просвещение, 1986. 176 с.
5. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. Киев, 2000. 248 с.
6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. Полтава: Довкілля-К, 2008. 712 с.
7. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
8. Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur u.s.w., 1925. S. 233–234.

ЛЫЗЛОВ Алексей Игоревич (*Смоленск, Россия*)

Смоленский государственный университет
aleksej-lyzov@yandex.ru

ПОВТОР КАК ЭЛЕМЕНТ СЕМАНТИКИ НЕКОТОРЫХ КОМПАРАТИВНЫХ ПАРЕМИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу интенсификации оценочных значений в паремиях английского языка. Логико-семантическая категория оценки на синтаксическом уровне может выражаться в рамках категории степени сравнения. Интенсификация семантики оценки может быть осуществлена путем использования повтора. В статье изучаются различные виды повтора.

Суждения человека о мире зачастую имеют оценочный характер. Оценка – квалификация действительности относительно определенного стандарта по признаку «хорошо/ плохо» [7: 16]. Слово «оценка» употребляется обычно для обозначения выраженного в языке установления ценностного отношения между субъектом и предметом. Под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса. Это предложения, выражающие убеждения людей в том, что есть добро, а что есть зло [6: 25]. Оценка есть сложное действие, производимое сознанием субъекта при восприятии и обработке информации о внешнем мире. Человек изучает различные предметы и явления с целью нахождения у них различных свойств, которые затем подвергаются шкалированию относительно системы понятий, где базовыми элементами являются поня-

тия «хорошо» – «плохо». Слово «axis» переводится с латинского как «ценный», поэтому слово «аксиология» и все его производные значения и являются синонимами слова «оценка» и его дериватов. В ряде трудов по тематике оценки предлагается выделить круг вопросов, касающихся оценки, в отдельный раздел – аксиологическую лингвистику, где ценностный аспект значения рассматривается как способ выражения различного рода категорий культуры, закрепленной в национальной картине мира [1: 100].

Суждения человека могут быть представлены в виде паремических единиц. Термин «паремия» происходит от древнегреческого слова *paronimia*, которое переводится как «поговорка, пословица, изречение, притча». Паремиология, как известно, тесно связана с наивными представлениями о мире, национальной культурой, духовной жизнью и фантазией носителей языка. Во многих английских паремиях находит воплощение ценностная категоризация социальных ситуаций, отражающая стереотипы и стратегию социального поведения человека, жизненно важные для него ценности. Как руководство по решению жизненных проблем, пословица подводит итог, выражает суждение о ситуации или предлагает линию поведения [10: 79]. Г.Л. Пермяков утверждает наличие в паремических единицах логического контекста. Он является сторонником точки зрения о том, что пословицы и поговорки нужно рассматривать в логико-семантическом плане, поскольку данные единицы являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами [9: 19]. Паремии, с одной стороны, объективируют различные экстралингвистические факторы жизнедеятельности индивида в социуме, а также выявляют ряд внутриязыковых средств и способов, которые отображают в знаковой форме ряд черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества.

Паремии, в которых задействованы формы категории степени сравнения, раскрывают систему предпочтений. Н.Д. Арутюнова называет подобные высказывания «предложениями операционального предпочтения», которые «базируются на аксиологической связке-компаративе, соединяющей между собой пропозиции, представленные в развернутом или свернутом виде» [3: 224]. Подобного рода высказы-

вания составляют центр функционально-семантического поля компаративной оценки.

Целям интенсификации оценки в паремиях операционального предпочтения в английском языке служит лексико-грамматический повтор. Повтор – фигура речи, состоящая в повторении слов, словосочетаний или предложений в составе одного высказывания, повтор сопровождается выражением субъективно-оценочного отношения говорящего к предмету речи [8: 155]. Эта фигура привлекала внимание ряда исследователей английского языка [2: 251; 5: 212]. Поскольку паремии принадлежат к сентенциональным высказываниям, то они представляют собой пример повтора в рамках предложения. Э.М. Береговская называет повтор «синтаксисом равновесия» [4: 17]. Фигура повтора имеет двойственную природу. С одной стороны, он объективирует оценки, совместно с эмоционально-экспрессивными оттенками коннотативного значения. С другой стороны, повтор – это средство логической а не только эмоционально-экспрессивной эмфазы. Повтор привлекает внимание слушающего к ключевым словам высказывания.

Модель **better N₁ than N₂** в паремиях с семантикой операциональных предпочтений строится по принципу дословного повтора синтаксической конструкции. При этом повторяется форма сравнительной степени и сравнительный союз или прилагательного **good: good acts are better than good intentions** (ODP) (букв.: «хорошие дела лучше хороших намерений»). Рассмотрим некоторые компаративные паремии английского языка, объективирующие различные виды повтора, который является интенсификатором оценочных значений.

Дословный повтор. Паремии, реализующие модель дословного повтора характеризуются прямой, безобразной номинацией. Например: **better a husband with a beetle brow than a husband with a beetle head** (EPSRE) (букв.: «лучше муж некрасивый, чем муж глупый»); **good acts are better than good intentions** (ERPD) (букв.: «добрые дела лучше добрых намерений»); **better to do nothing than to do ill** (EPSRE) (букв.: «лучше ничего не делать, чем делать плохо»).

Антонимичный повтор. Паремии, которые задействуют антонимы, являющиеся достаточно сильными экспрессивами, также задейст-

вуют прием прямой номинации. Антонимы могут задействовать характеристики различной тематики. Например, тематику времени: **better one word in time than two afterwards** (ODP) (букв.: «лучше сказать одно слово вовремя, чем два, когда уже поздно»); эмоционально-оценочные темпоральные признаки: **better be an old man's darling than an old man's slave** (EPSRE) (букв.: «лучше быть любимой старика, чем рабыней молодого»). Для паремий английского языка, в которых объективирован повтор, допустимо и использование не прямой номинации: **better an egg today than a hen tomorrow** (ODP) (букв.: «лучше яйцо сегодня, чем курица завтра»).

Синонимический повтор. Использование в паремиях синонимов в качестве элементов рассматриваемой фигуры речи – повтора допускает не прямое, образное толкование значения паремических единиц. Паремии английского языка со значением оценки, построенные при помощи модели: **better N₁ than N₂**, реализуют различные виды образности. Образы фауны встречаем в паремической единице: **a sparrow in the hand is better than a pheasant that flies by** (ERPD) (букв.: «лучше воробей в руке, чем пролетающий фазан»). Тематика еды реализована в единице: **a clean feast is better than a dirty breakfast** (EWDP) (букв.: «чистый праздник лучше грязного завтрака»). Ключевые понятия социальных отношений отражает единица: **better an open enemy than a false friend** (EPSRE) (букв.: «лучше явный враг, чем неискренний друг»).

Гиперо-гипонимический повтор. Гиперо-гипонимические отношения в рамках исследуемых паремий реализуют отношения, построенные по семантической оппозиции «много» - «мало». Для данного вида повтора свойственно как образное, так и необразное описание действительности. Примером прямой номинации служит паремия: **better to suffer a great evil than to do a small one** (WDP) (букв.: «лучше быть в обиде, чем в обидчиках»). Образное отражение мира, действующее тематику стихий, реализует паремическая единица: **better a little fire to warm us than a great one to burn us** (EPSRE) (русск.: «лучше небольшой костер, который нас согреет, чем большой, который нас сожжет»).

В качестве вывода хотелось бы отметить, что паремии, в которых задействованы формы категории степени сравнения, способны раскрывать систему ценностных предпочтений народа – носителя того или иного языка. В паремиях, выражающих операциональное предпочтение, встречается повтор, который является средством интенсификации оценочного значения. Данные единицы строятся на основании модели: **better N₁ than N₂**. В описываемых паремиях английского языка встречаются такие виды повтора, как дословный, синонимический, антонимический, гиперо-гипонимический. Рассматриваемые паремические образования могут иметь как образную, так и необразную семантику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Финта: Наука, 2010. 288 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. АН СССР; Ин-т языкозн. М.: Наука, 1999. 538 с.
4. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. 204 с.
5. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. 3-е изд. М.: 1981. 334 с.
6. Ивин А.А. Основания логики оценок; ред. Э. Г. Храстецкий. М.: Изд-во МГУ, 1970. 230 с.
7. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 5-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2008. 328 с.
9. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки об общей теории клише). М.: Наука, 1970. 240 с.
10. Taylor A. Selected Writings on Proverbs. Helsinki, 1975. 675 p.

Источники материала и сокращения:

1. EPSRE: Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М.: Рус. Яз. - Медиа, 2003. 467с.
2. ERPD: Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., исправл. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
3. ODP: SPEAKES J. The Oxford dictionary of proverbs. 5th edition, Oxford University press. NY, 2008. 388 p.
4. WDP: APPERSON G.L. [et al.], The Wordsworth dictionary of proverbs. Apperson Wordsworth editions Ltd. Hertford-London, 2006. 656 p.

МАКСИМОВА Юлия Александровна (Ижевск, Россия)

Удмуртский государственный университет
maksik517@mail.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ/НАРОДА
– ДЕЙСТВИЕ СТИХИЙ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ»**
(на материале работы Л.Д. Троцкого «История русской революции»)

Аннотация. В статье описывается функционирование метафорической модели «Деятельность партии/народа – действие стихий неживой природы» в политическом дискурсе Л.Д. Троцкого. Исследуемая модель структурирована фреймом «Стихия», который разворачивается с помощью метафоризации стихий ветра и воды. В результате проведённого исследования отмечается, что прагматический потенциал метафор стихийных бедствий содержит высокую степень тревожности.

Метафорическая модель «Деятельность партии / народа – действие стихий неживой природы» структурирована фреймом «Стихия», который разворачивается с помощью метафоризации стихий ветра и воды.

Прагматический потенциал метафор стихийных бедствий содержит высокую степень тревожности: метафорические выражения создают образ опасной, непредсказуемой действительности. В такой стране трудно выжить и противостоять происходящим процессам практически невозможно. Большая частотность использования данной модели создает не просто негативный образ описываемой революционной действительности, а такой, который не поддаётся контролю со стороны человека. Как отмечают А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов в статье «Метафоры общественного диалога: война или согласие?», «никакого разумного воздействия на эту силу, никакой активной позиции для человека представить себе просто невозможно» [1: 62]. В связи с этим неслучайно и сочетание рассматриваемой модели с моделью «Политика – это война» в следующем контексте:

*Какой душераздирающий трагизм в том факте, что широкие круги партии – под **отдалённые раскаты надвигающейся исторической бури** – копошатся в организационных мелочах, заподозревают старейших и лучших товарищей, идущих в первых рядах международной социал-демократии, в теоретических грехах, которых*

*обвинители не способны даже формулировать, призывают к **крестовому походу** против половины партии <...>.*

<...> Все чувствовали ужас положения, почти сознавали преступность раскола, но никто не мог вырваться из стальных тисков истории... [З: 63].

Революция описывается как буря ('сильный ветер большой разрушительной силы, сопровождаемый обычно дождём, снегом, градом' – БАС), сопровождаемая раскатами. В данном примере происходит противопоставление: революция – это необузданная, обширная в своих масштабах стихия, описываемая как нечто вселенское, всеобъемлющее; представители партии на фоне революции выглядят маленькими, ничтожными существами, что подчёркивается глаголом «копошиться» '1. Шевелиться, двигаться (в разных направлениях и на каком-либо ограниченном пространстве). 2. *Разг.* Возиться с чем-л., хлопотать, заниматься чем-л.' (БАС). Противопоставление подчёркнуто и на стилистическом уровне: «копошиться» во втором значении имеет помету «разговорное».

Тревожность описываемых событий усиливается за счёт включения в контекст военной метафоры, представленной фреймом «Война и её разновидности», которая контекстуально расширяется религиозной метафорой и артефактной метафорой механизма. Крестовые походы – захватнические походы западно-европейских феодалов в XI-XIII вв., проходившие под прикрытием религиозных лозунгов (освобождение «гроба господня» и «святой земли» Палестины из-под власти «неверных», «защита католицизма» и т. д.). Тем не менее, на фоне бушующей стихии все внутренние противоречия партии кажутся ничтожными и тщетными.

Метафорическая модель «Деятельность партии / народа – действие стихий неживой природы» пересекается также с морбиальной и артефактной метафорой в следующем примере:

*<...> Между тем ленинская оценка международной обстановки меньше всего была иллюзорной. **Симптомы**, которые он наблюдал сквозь сито военной цензуры всех стран, действительно **знаменовали приближение революционной бури**. В центральных империях*

она через год потрясла старое здание до самого фундамента [3: 337].

Буря представлена как разрушающая стихия, которая наносит вред зданию государства.

Вода – ещё одна стихия, с помощью которой Л.Д. Троцкий описывает революционные события.

«Осмысление водной движущейся стихии в ее уникальной значимости выводит на прозрение её универсализма, превращение объекта осознания в «мировое событие» – со-бытие, как пишут М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, стоящее как бы на линиях, пронизывающих любые эпохи, любые человеческие структуры, какие бы они ни были – культурные, социальные, личностные. Природный объект становится принципиально большим, существует как бы вне времени» [2: Электр. ресурс].

Образы водной стихии часто у Л.Д. Троцкого фиксируются в составе метафор при изображении природных реалий и явлений: водоворот, прилив, половодье. Интересно, что вода выступает как деструктивная стихия, несущая в большинстве случаев разрушение.

Центральные империи вовлекли в водоворот войны Турцию и Болгарию. Останутся ли эти две страны юго-восточными органами австро-германского империалистического блока («Срединная Европа») или превратятся в разменную монету при подведении счетов, война, во всяком случае, дописывает последнюю главу в историю их самостоятельности [3: 127].

*<...> Оставаясь, для Ленина, все еще демократической, русская революция должна была дать толчок социалистическому перевороту в Европе, который затем должен был **вовлечь и отсталую Россию в свой водоворот*** [3: 321].

В водовороте революции работа найдет мало читателей; она и издана будет только после переворота [3: 335].

Водоворот – ‘вращательное движение воды в реках, морях и т.п.; место, где происходит такое движение; стремительное, увлекающее за собой движение; круговорот’ (БАС).

В следующем примере революционные события представлены как прилив:

*<...> Пока лозунг восстания имел для руководителей немецкой коммунистической партии преимущественно, если не исключительно, агитационное значение, они попросту игнорировали вопрос о вооружённых силах врага (рейхсвер, фашистские отряды, полиция). Им казалось, что непрерывно нараставший **революционный прилив разрешит военный вопрос сам собой** [З: 272].*

Прилив – ‘периодически повторяющийся подъём уровня открытого моря’ (БАС). Прилив имеет свойство смывать всё, что находится на пути его движения, это явление, которым человек не может управлять, руководимое силами природы.

В следующем примере мы наблюдаем действие ещё одного необузданного природного явления – наводнения:

<...> Революция ещё не имеет своего ритуала, улица ещё в дыму, массы ещё не умеют по-новому петь, заседание течёт без порядка, без берегов, как река в половодье, Совет захлёбывается в собственном энтузиазме. Революция уже могуча, но ещё наивна детской наивностью [З: 293-294].

По нашему мнению, представление революции в образе стихии показывает природную естественность произошедших социальных перемен. Уподобление войны стихии показывает ее страшную разрушительную силу, но в то же время и могущество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Метафоры общественного диалога: война или согласие? // Знание – сила. 1991. №10. С. 60-63.
2. Красноярова Н.Г. Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpiu-15.pdf> (дата обращения 10.04.2013).
3. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

МАНОХИНА Юлия Евгеньевна (Харьков, Украина)

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет
julia_manokhina@bk.ru

СИНТАГМАТИКА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СЕМАНТИКОЙ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ (на материале украинского языка)

Аннотация. Статья посвящена специфике сочетаемости имен существительных с семантикой собирательности с различными частями речи, связи характера сочетаемости с особенностями их предметно-понятийной соотносительности.

Проблему синтагматических отношений в русском и украинском языкознании исследовали многие ученые, среди них В.В. Богданов, В.Г. Гак, М.П. Кочерган, Е.С. Кубрякова, Л.А. Кудрявцева, Л.А. Лисиченко, Л.А. Новиков, Б.А. Плотников и др. Очерчивая специфику синтагматики, М.П. Кочерган справедливо указывает: «Синтагматика – один из двух системных аспектов в изучении языка, который рассматривает отношение между последовательно расположенными языковыми единицами при их непосредственном сочетании в реальном потоке речи или в тексте, т.е. закономерности сочетаемости языковых единиц» [6: 545].

Поскольку в статье речь будет идти о синтагматике имен существительных с семантикой собирательности (далее ССС), то хотелось бы уточнить, что собирательность мы понимаем, вслед за И.А. Высоцкой, В.И. Дегтяревым, Г.И. Миськевич, И.Э. Еселевич, как совокупность функционально однородных предметов, которые воспринимаются как единое целое [1: 12; 3; 4: 4-5; 5: 13].

К именам существительным с семантикой собирательности мы относим имена существительные, учитывая в первую очередь их внутреннее логико-понятийное содержание, что является основным принципом семантического подхода (что и послужило причиной уточнения термина – Ю.М.). Семантический подход к пониманию природы собирательности представлен в трудах К.С. Аксакова, В.А. Богородицкого, Ф.И. Буслаева, А.М. Пешковского, в исследованиях И.А. Высоцкой, А.Н. Гвоздева, В.И. Дегтярева, И.Э. Еселевич, О.О. Лешковой и др.

Сохраняя содержание понятия «собирательность», ССС отличаются формой выражения этого значения, в частности семантический поход предусматривает отнесение к ним субстантивов, в которых собирательное значение выступает как элемент лексического (*группа, полк, табун* и т.д.), существительных с обобщенно-собирательным значением совокупности (*много птицы в лесах*), с лексико-словообразовательным значением совокупности (*учительство, профессура, родня, зверье*), существительных с семантикой собирательности как результатом метонимии (существительное *серебро* имеет собирательные значения: 1. 'предметы из серебра', 2. 'серебряные медали', 3. 'деньги'). Семантика собирательности проявляется также формой «винительного собирательного» (термин Г.А. Золотовой) в словосочетании типа *идти в солдаты*.

Анализируя синтагматические отношения ССС, воспользуемся сформулированным В.Г. Гаком основным законом семантической сочетаемости слов: для того, чтобы два слова правильно соединились, они должны иметь, кроме специфических, отличительных сем, хотя бы одну общую сему [2: 384].

Как показывает материал исследования, существительные с семантикой собирательности имеют широкие синтагматические возможности, поскольку имя существительное является одной из центральных частей речи и называет реалии бытия, в частности предметы в их совокупности.

Наиболее продуктивной является сочетаемость ССС с качественными и относительными именами прилагательными разных лексико-семантических групп. Среди качественных это прилагательные, которые дают качественную характеристику эмоционально-психического состояния, воли, темперамента человека (*Веселе школярство не проминуло і з того посміялись* (Панас Мирний)), а также те, что называют физические и физиологические характеристики человека (*Під вітром і холодом ледве пленталися хворим, виснаженим натовпом* (П. Капельгородський)). Процесс абстрагирования при образовании понятия совокупности лиц

сопровождается потерей конкретных черт, признаков, присущих отдельному лицу. В совокупности лицо теряет способность к индивидуализации. Признак при этом распространяется как типовой на всю совокупность и потому приобретает более обобщенное значение.

ЛСГ «Темпоральные прилагательные» является универсальной, поскольку сочетается с ССС тематических групп, куда входят ССС-названия совокупностей лиц и не-лиц. Синтагматика ССС, называющих совокупности растений и артефактов, является более продуктивной с прилагательными ЛСГ «Физические свойства предметов и явлений», что объясняется наличием общих сем (*Довге гарбузиння вилізло на курінь і почіплялось по тину* (І. Нечуй-Левицький)). Подгруппы ССС, представляющие обобщенные совокупности животных, более продуктивно соединяются с ЛСГ «Темпоральные прилагательные», «Пространственные прилагательные», в то же время для видовых названий совокупностей животных характерно соединение с прилагательными ЛСГ «Качества животных», так как они называют конкретные признаки животных (*Зріст довгошийого лелеки складає 100 –125 см* (з енци.)).

Активность выявляют также прилагательные, обозначающие материал, вещество, соединяясь с ССС-названиями совокупностей артефактов. Например: *З Москви привозили багацько усякого краму – книжок гражданських та духовних, срібного, мідяного, олов'яного і камінного посуду* (Д. Багалій); *Там його [Василія] вдягли в шовковий одяг, годували найліпшими стравами, поїли найдорожчими винами* (П. Загребельний).

Синтагматические отношения существительных с семантикой собирательности с числительными проявляются по-разному. Поскольку среди ССС есть существительные типа *лес, полк, табун*, которые не выражают неделимое единство, то они легко образуют формы множественного числа и соединяются с количественными числительными: *Загинули пасажери, загинув екіпаж – 78 людей!* (Л. Костенко); *У Кармадонській ущелині льодовик накрив російську знімальну групу, понад сто чоловік* (Л. Костенко). Если семантический акцент перемещается с количественного проявления

ССС, например, на предикат, то исчезает потребность в числовом уточнении значения: *Однак чомусь екіпажу було наказано не покидати аварійне судно* (Л. Костенко).

Некоторые ССС, обозначая неделимое единство, имеют параллельные формы единственного и множественного числа и сочетаются с количественными числительными, что свидетельствует о преимуществе денотативного компонента над сигнификативным в значении этих лексем: *Ще одне сузір'я легко знайти на нашому небі* (з журн.); *Зодіакальні сузір'я – ті, по яких у своєму річному переміщенні серед зірок рухається Сонце* (з журн.). Иногда в контексте понять количественное проявление таких лексем помогает наявность имени собственного, отображая существование в природе единственного неповторимого предмета, явления: *Боже мій, як це гарно – кохати жінку під метеоритним дощем з-під сузір'я Персея!* (Л. Костенко); *А може, вона ровесниця Грюнвальдської битви і відлетіла в сузір'я Ворона на свій перигей?* (Л. Костенко).

Отметим сочетаемость практически всех групп ССС с неопределенно-количественными числительными, что объясняется абстрактностью их семантики, например: *Було багато усякого посуду, частина його призначалася, щоб украшати покої* (Д. Багалій); *В кущах і на деревах наших лісів, у садах і на левадах живе багато птаства та дрібного звіра* (О. Воропай).

Сочетаемость ССС с глаголами также основывается на наличии общих сем. ССС-названия людей, независимо от степени представленности денотативно-сигнификативного компонента, сочетаются с глаголами (выделено 20 ЛСГ), в которых выделяется сема «лицо».

Особенностью глагольной синтагматики всех ССС является сочетаемость с глаголами, обозначающими действия, направленные на: а) объединение (*збиратися, збігатися, групуватися, товпитися, юрмитися* тощо): *В тіні високих, припалих пилюкою акацій...радісно галасує, юрмиться дітворя* (О. Гончар); б) разъединение (*поділитися на, розбігтися, розбрестися, розійтися, розкотитися, розлетітися*, тощо): *Чи важать тепер назви, в час, коли людство*

поділилося на порядних людей і негідників? А втім, хіба воно не було розділене так завжди? (П. Загребельний). Грамматическое оформление совокупности в ССС не влияет на такую сочетаемость.

Значительное количество глаголов, сочетающихся с ССС, – это вербативы с компонентом -ся, поскольку глаголы с таким формантом реализуют функцию деятеля как множественного субъекта. Например: *А молоде частіше юртується біля Баглаєвого або ще далі, біля Орлянченкового двору* (О. Гончар); *Коло зомлілої зібрався натовп* (О. Гончар).

Активность синтагматической потенции анализируемых существительных подтверждает факт семантической общности разнородных по морфологической оформленности существительных, объединенных лексико-семантической категорией собирательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2002. 117 с.
2. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 367-395.
3. Дегтярев В.И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков // ВЯ. 1982. № 4. С. 92-101.
4. Еселевич И.Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1979. 158 с.
5. Миськевич Г.И. Словообразовательная категория собирательных имен существительных в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1970. 28 с.
6. Українська мова: енциклопедія / [за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка (співголови) та ін.]. К.: «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004. 681 с.

МАРКОВА Татьяна Дамировна (*Нижний Новгород, Россия*)

Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Николая Александровича Добролюбова
tatiana.markova2012@yandex.ru

ПЕРФЕКТ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СКРЫТОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СЛАВЯНО-РУССКИХ ПРОЛОГАХ XIV-XVII ВЕКОВ

Аннотация. Статья посвящена формам перфекта, используемым в славяно-русских текстах Прологов XIV-XVII веков. Благодаря своим уникальным семантическим возможностям, формы перфекта функционируют как синкреты, в которых реализуется категория эвиденциальности, тесно связанная с категориями темпоральности и модальности.

Одной из скрытых функционально-семантических категорий, компоненты которой обнаруживаются в темпоральном содержании текстов церковнославянской редакции XIV-XVII веков, является категория эвиденциальности. В частности, в текстах славяно-русских Прологов эвиденциальная семантика (в широком смысле) передаётся прежде всего формами плюсквамперфекта и перфекта, нередко функционирующими как инферентив и (или) адмиратив. «Основное противопоставление, выражаемое категорией эвиденциальности, – наличие/отсутствие прямой засвидетельствованности сообщаемого. В случае непрямой засвидетельствованности далее могут различаться вербальная информация из некоторого «вторичного» источника <...> и инференция – вывод, делаемый говорящим на основе его фоновых знаний и событий в реальном мире» [5: 328]. Причём высказывания с отношениями засвидетельствованности (эвиденциальности) выражают, как правило, две разнородные ситуации, одна из которых как бы включена в другую («ситуация в ситуации») [4]. Словосочетание «ситуация в ситуации» вполне адекватно передаёт специфику семантики славяно-русского перфекта, в котором прошедшая ситуация включена в контекст настоящего или надвременного, в аспекте которого и оценивается.

«Во многих языках значение косвенной засвидетельствованности передаётся с помощью форм перфекта или форм, восходящих к перфекту – таджикский, дари, армянский, болгарский, турецкий и др.» [1:

42]. Семантика эвиденциальности, по мнению ряда учёных, связана с результативностью: говорящий на основе наблюдаемого и достоверного результата приходит к определённому заключению (инференциальность) [1].

В ряде языков перфект является не только основным, но и единственным средством выражения эвиденциальных значений: «Багвалинский язык, который относится к аваро-андийской подгруппе нахско-дагестанских языков <...>, располагает единственным средством грамматического кодирования источника и новизны информации – глагольной формой перфекта. Перфект совмещенно выражает значения косвенной засвидетельствованности и адмиратива; его употребление сигнализирует, что говорящий не является свидетелем описываемой ситуации и/или что описываемая ситуация не соответствует его ожиданиям. Перфект вводит в рассмотрение ситуации, локализованные в прошлом; соответственно грамматическое выражение эвиденциальных значений ограничено прошедшим временем» [6: 351]. При этом значение багвалинского перфекта не исчерпывается эвиденциальной семантикой, но включает в себя результативное и собственно перфектное значения [6: 355]. А собственно перфектное употребление «связано прежде всего с речевым режимом дискурса и практически не встречается в нарративах» [6: 358], что весьма напоминает традицию функционирования перфекта в Прологах при передаче речи персонажей, причём с интенцией имитировать естественную устную речь. В подобных случаях в перфекте нередко реализуется и инференциальное значение (когда говорящий делает вывод о том, что ненаблюдаемая ситуация в прошлом имела место, на основании её последствий, существующих в момент речи).

По мнению П.В. Петрухина, в типологической перспективе у древнерусского перфекта всегда была «предрасположенность» к развитию эвиденциальной семантики и соответствующей модернизации формы [3]. Однако, с нашей точки зрения, своеобразная «экспансия» перфекта – это ещё и культурологический феномен, так как действия, обозначаемые формами перфекта в текстах книжных жанров, – это действия, находящиеся в аксиологическом фокусе повествования (или

поучения). Поэтому типологическая заданность – это предпосылка, а не причина известной версии развития перфекта в истории русского языка. Причина здесь имеет экстралингвистическую природу. В книжном древнерусском стандарте перфект используется как форма, позволяющая придать особый ценностный статус тому или иному действию, включённому в нарративную последовательность. В связи с этим, в частности, «перфект – как результативный, так и нерезультативный – часто имеет суммирующее значение, представляя события не так, как они происходили во времени, а так, как они отражены в памяти» [3: 320-321].

Унаследованные от праславянского модальные семантические пласты в восточнославянском перфекте актуализировались тогда, когда появился социальный заказ языку: отразить ценностную семантику вечности относительно привычного для человека времени. Перфект оказался единственной глагольной формой, которая могла служить для передачи темпоральных, модальных и эвиденциальных смыслов, причём формой, которая могла бы передать «внеглагольность», «вневременность» вечности.

Перфект славяно-русских Прологов – это результатив, инферентив и адмиратив. Причём нередко формы перфекта функционируют как синкреты, когда форма результатива, скажем, используется и в инферентивном значении, если имеющиеся в момент речи косвенные следы ситуации столь очевидны, что позволяют однозначно сделать вывод о том, что ситуация имела место. Текстовое функционирование претеритных форм в славяно-русских Прологах не оставляет сомнений в том, что реализация эвиденциальной семантики осуществляется не только с помощью форм перфекта, но и, точнее, с помощью всей претеритной парадигмы, в рамках которой наблюдаются известные функционально-семантические оппозиции. В частности, к перфекту функционирует плюсквамперфект, формы которого нередко реализуют значения презумптива. При этом причастие на –л в составе древнерусского перфекта оказывается более актуальным, чем связочный глагол, именно в аспекте эвиденциально-модальной перспективы развития формы.

Текстовое функционирование древнерусского перфекта выводит на передний план наличие аксиологического статуса действия, с одной стороны, и наблюдателя, для которого результат действия является достоверным – с другой. Таким наблюдателем может быть персонаж, в репликах которого используется перфект, либо собственно повествователь, либо Бог как высшая инстанция, которой известно всё. Далее, превращаясь всё более и более в повествовательное время благодаря устной традиции и теряя парадигматические значения благодаря превращению в универсальный претерит, перфект теряет и свою эвиденциально-модальную уникальность.

Именно с перфектом связана своеобразная «обратная перспектива» повествования в Прологах – та самая «обратная перспектива», которая лежит в основе русского иконописания. Всё дело в том, что результативность, обозначенная перфектом, как ранее уже говорилось, принципиально отличается от любой другой – к примеру, аористной – результативности. Аорист тоже фиксирует факт и может обозначать результат. Но в случае использования аориста наблюдателем является человек. Это и есть прямая перспектива. Такая ориентация, по мнению Е.В. Падучевой, ориентация на наблюдателя-говорящего, «заложена многообразными способами в структуру языка», причём «без ориентации на говорящий субъект язык не обладал бы своей уникальной и удивительной способностью с помощью весьма ограниченных средств достаточно точно и однозначно описывать бесконечные в пространстве и во времени реальные и нереальные миры». Более того, именно говорящий, повествователь, наблюдатель является точкой отсчёта времени, ведь «для персонажа время происходящих с ним в данный момент событий настоящее – и никакое другое» [2: 410-411]. При обратной перспективе отсчёт времени другой – в аспекте аксиологии вечности, когда наблюдателем становится Бог. И именно перфектом обозначается вечностно-аксиологизированная результативность.

Таким образом, перфект – особое время, ставшее в русской обработке этернально-эвиденциальным. Другие претериты ушли, и система времён максимально упростилась. И эта перфектная модификация произошла параллельно с образованием временного вектора, уст-

ремлённого в будущее: всё из настоящего и будущего становится значимым для Вечности под взглядом Наблюдателя, превращаясь в перфект. Всё, а не выборочно, как было сначала. Это очень высокая духовная планка, заявленная этносом и зафиксированная в языке через идеологически значимые тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козинцева Н.А. Связи засвидетельствованности с другими грамматическими категориями // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 37-46.

2. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

3. Петрухин П.В. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 313-329.

4. Полянский С.М. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения): Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm> (дата обращения: 06.02.2012).

5. Сумбатова Н.Р. Категория эвиденциальности в сванском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 316-350.

6. Татевосов С.Г. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 351-397.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна (Витебск, Беларусь)

Витебский государственный университет имени Петра Мироновича Машерова
mvavit@ tut.by

СИНКРЕТИЗМ ЯЗЫКОВОГО, РЕЛИГИОЗНОГО И КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ МОЛИТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу синкретизма религиозного, языкового и культурного смыслов в рамках поэтической молитвы, которая сама по себе синтетична, ибо, с одной стороны, направлена к Богу, а с другой – пребывает в своей материальной оболочке – Слове.

В последние десятилетия в лингвистику проникает идея единства всего сущего, т.е. представление о мире как о целостном феномене, в соответствии с которым, начиная со второй половины XX века, активно объединяются разные области научных знаний, например, естественные и гуманитарные науки; появились кибернетика, когнитивистика, синергетика (интергрированные области исследования). Синкретизм

становится ведущей мировоззренческой идеей всякого научного знания.

Молитва, исследованию которой посвящен наш доклад, синкретична как целостная система: в ней соединяются религиозные, языковые, культурные смыслы.

Писать о поэзии вообще без видения ее сквозь призму христианства – значит упрощать ее духовную мощь. Поэт всем строем поэтического мышления создает собственное молитвословие. Как сказал Г.Г. Гадамер, «...в стихотворении язык возвращается к своей основе, к магическому единству мысли и события, пророчески взывающему к нам из сумрачных глубин праистории» [5: 142] . Думается, что в высшей степени это верно в отношении поэтического языка молитвы.

Размышлять о языке богообщения без видения его сквозь призму поэтической молитвы нельзя. Язык, по П. Флоренскому, – это свет божьей благодати, излитой на человека. В некотором смысле язык является средством развития культурно-религиозных установок общества. Поэтому язык молитв следует изучать как особый язык со своими законами; вот некоторые из них – неравноправный диалог, высокая стилистика молитвы, особое торжественно-покаянное звучание и ритм, исчислимое содержание.

Итак, именно в поэзии с помощью Слова опускаются на землю горные силы. Такое сведение возможно несколькими путями. Это и есть пути духовности русской поэзии. Первый путь – через библейскую тематику («Рождественская звезда» И. Бродского и Б. Пастернака); второй – через тематику христианских праздников и обрядов («Молитва» М. Лермонтова, А. Хомякова и ряда других русских поэтов); третий – через Слово вообще, приобщающее к Божественной Тайне. С помощью такого Слова создается максимальное число ассоциаций – неожиданных и странных, которые как бы приоткрывают завесу над тайной смысла. Слово в стихотворении переосмысливается, обогащается включением его в самые разные созвучные ряды, растут ассоциативные возможности слова. Н. Матвеева: *«Когда потеряют значенья слова ..., на землю для их обновленья приходят поэты».*

Расцвет жанра «стихотворная молитва» приходится на 19 в. Это стихотворения П.А. Вяземского «Научи меня молиться», Н.Ф. Щербиной «Утренняя молитва», Ю.В. Жадовской «Молитва», А.А. Григорьева «Покаяние» и др. [1].

Именно в этот период поэзия с наибольшей силой репрезентирует идею Бога, а потому ее нельзя понять по-настоящему, игнорируя эту сторону: «Бог в культурном ареале, начиная с первых веков православия, был своеобразным вместилищем морали, гуманистических традиций, питающих искусство, в том числе искусство слова» [6: 38]. Именно в молитве происходит соединение языкового и культурного начал.

Отношения науки (лингвистики) и религии – сложные и неоднозначные. Есть самые разные подходы к решению данной проблемы. Один из них отвергает науку как препятствие на пути к спасению и достижению святости. По радикальному тезису святителя Игнатия (Брянчанинова), «кто ищет премудрости вне Христа, тот... обретает и усваивает себе лжеименный разум, достояние духов отверженных» [3: 559]. Разделяет эту мысль проф. А. Осипов [9].

Еще один путь – от науки и культуры, которые необходимы, т.к. с их помощью происходит «очеловечивание мира» и «обожение человека» [4: 642]. Сейчас многие современные ученые выступают за синтез науки и религии, во-первых, потому, что многие науки возникли из христианского миропонимания: именно «христианские богословы... дали мощный толчок к появлению научного знания» [8: 46]. Только с эпохи Возрождения начинается противостояние науки и религии.

Александр Мень писал, что истина Священного писания не может находиться в противоречии с наукой [7], потому что научные и религиозные знания находятся в состоянии дополнительности. Нильс Бор, развивая свою теорию, утверждал, что существует дополнительность между рациональной и иррациональной сферами [2]. Его современник П.А. Флоренский считал, что на пути к цельному мировоззрению следует синтезировать веру и разум, интуицию и рассудок, богословие и философию, искусство и науку [11].

Отношения языка и поэзии всегда интересовали и лингвистов, и поэтов. Таинственное поэтическое слово лежит в основе поэтического микрокосма. О. Мандельштам называл поэта «собирателем и нанизывателем» слов, который, взяв обычные, всем известные слова, располагает их так, как никто другой расположить не может. При этом рождаются новые смыслы. Хайдеггеровская концепция языка близка нам пониманием того, что «язык в чистом виде – это стихотворение» [12: 16]. И действительно, кроме слова, в ткани художественного текста нет ничего, поэтому именно слово делает текст таким, каким его видят читатели, именно в слове – особая тайна и красота поэзии. Мы не должны забывать, что русское слово сакрально. Для русских характерна вера в слово как в непосредственное созерцание Божественной истины. Язык – основной источник веры. Во-первых, вера заключена в самом языке: первая и главная функция древнего языка скорее всего была сакральной. Во-вторых, вера репрезентирована с помощью языковых средств, т.к. она консервируется в языке и хранится в нем веками. Даже в самых обычных словах зашифрована связь человека и Бога. Например, слова, корень у которых *-образ-* тесно связаны с *Образом Божиим*, т.е. *иконой*. Отсюда все *безобразия* – связаны с утратой, потерей образа Бога. Стремление к *первообразу* – закономерно (ср. понятие первообразного слова у А.А. Потебни).

Думается, что в исследовании молитвы как лингвистического феномена важными являются богословские знания о молитве, которые позволяют увидеть единую картину: здесь научная логика дополняет интуицию и происходит соединение разных осмыслений объекта. Наука и религия обращаются здесь к одному объекту с разных сторон, вырисовывая дополняющие друг друга объяснения. И эта дополнительность позволяет видеть в объекте целостность, которая включает в себя и Богообщение, и эстетический элемент, т.е. красоту обращения к Богу.

Молитва не просто пространство общения лингвистов и теологов, а особый объект, возникший на идее реализации цельного знания (школа Всеединства В.С. Соловьева) как сложная форма единения, при которой происходит стирание границ между этими сферами в ду-

ховном мире человека. Постичь глубину молитвы нельзя лишь через рациональное, ибо она по природе своей сверхрациональна и рождает глубинную гармонию мира и души.

Думается, что одной из красивейших молитв на русском языке является «Молитва» М. Ломоносова:

*Мирозаступница. Матерь воспетая,
Я пред Тобою с мольбой.
Бедную женщину, мраком одетую,
Ты Благодатью прикрой.
Если постигнут меня испытания,
Скорби, утраты, враги,
В трудный час жизни, в минуту страдания
Ты мне, молю, помоги.
Радость духовную, жажду спасения,
В сердце мое положи.
В Царство небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи.*

Это образец просительной молитвы, о чем свидетельствуют прямые просьбы: *прикрой Благодатью, помоги, укажи*, а также мольба: *Я пред Тобою с мольбой, молю*. Лирическая героиня просит о *Благодати, духовной радости и жажде спасения*. Но главная просьба – указать праведный путь к Богу.

Язык молитвы чист и прозрачен. Как известно, язык имеет несколько ипостасей, а схииерхимандрит Софроний (Сахаров) говорил даже о разных языках: есть язык бытовой, есть язык науки, философии, но есть также и язык богообщения, который по сути является отдельным языком [10]. В стихотворной молитве мы также видим особый язык. Именно эта ипостась языка менее всего изучена, кроме, пожалуй, лексического пласта.

Выводы. Для исследования молитвы нужен синтез религиозных, философских и лингвистических знаний, потому что сама молитва – синкретичное явление, в ней заключено и материальное (Слово) и Дух: молитва с позиций филологии выступает как культурно-исторический

феномен и литературный памятник, с позиций богословия – это содержание живого опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева Э.М. Русская стихотворная «молитва» XIX века: Антология. Томск, 2000.
2. Бор Н. Избранные научные труды. Том 1. Под редакцией Е.И. Тамма, В.А. Фока, Б.Г. Кузнецова. Составитель У.И. Франкфурт. М.: Наука, 1970.
3. Брянчанинов И. Аскетические опыты. Т. 1. М., 1996.
4. Булгаков С.Н. Сочинения в 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М., 1993.
5. Гадамер Г.Г. Философия и поэзия. // Актуальность прекрасного. М., 1991.
6. Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русское слово в лирике XIX века. М. Наука, Флинта, 2010. С. 596.
7. Мень А. О науке и религии // А. Мень. История религии. Т.1. С. 171-179.
8. Новиков Ю.Ю. О дополнительности науки и религии // Христианство и наука. М., 2014. С. 46.
9. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М., 1997.
10. Софроний (Сахаров). Рождение в Царство непоколебимое. М., 2000.
11. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 321 с.
12. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб., 2003. 317 с.

МАТУСЕВИЧ Александра Александровна (*Киров, Россия*)

Вятский государственный гуманитарный университет
philol@vshu.kirov.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СЕМАНТИКИ И СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (на материале сайта «ВКонтакте»)

Аннотация. Статья посвящена феномену нестандартной лексической сочетаемости слов в результате их семантической трансформации в условиях сетевой коммуникации.

Сочетаемость – одно из фундаментальных свойств единиц языка, основанное на лексико-семантической природе отношений между словами [2: 121]. Оно может проявляться как при образовании элементов более высокого уровня, так и при обнаружении скрытых категорий и новых, переносных значений слов. Границы сочетаемости слова определяются его семантикой, а сама семантика нередко может изменяться под влиянием наиболее частотного и постоянного контекста, в

котором слово употребляется [4: 159]. Под воздействием активных процессов в языке нормативные сочетания слов в той или иной степени нарушаются, что приводит к возникновению ненормативных, нестандартных, нетривиальных, окказиональных сочетаний: «в сознании читателя остаётся значение модели, но в то же время в результате замены управляемого слова возникает и новый смысл» [6: 94]. В настоящее время данный феномен наиболее ярко отражён в интернет-коммуникации, в частности в языке пользователей социальной сети «ВКонтакте». Предметом нашего исследования является нестандартная сочетаемость слов на материале данного сайта. Сразу отметим, что все примеры в данной статье приводятся с сохранением особенностей орфографии, пунктуации и стилистики пользователей сайта «ВКонтакте».

Качественное изменение семантики слова в социальной сети «ВКонтакте» в одних случаях мотивируется названием определённых сервисов сайта: в данной коммуникативной среде слова приобретают новые значения для того, чтобы в полной мере отразить широкий спектр возможностей, которые предоставляет пользователю социальная сеть [3:89]. В других случаях семантика слов переосмысливается и трансформируется непосредственно в языковом сознании пользователей, что значительно расширяет лексическую сочетаемость данных слов, наделяет их той или иной экспрессивной окраской.

Так, например, в первом случае лексема *ВКонтакте* (а также её разговорно-речевые варианты *Контакт*, *контакт*, *Контактик*, *контактик*, *ВК*, *вк* и др.), помимо основного значения 'название сайта', в сети приобретает такие семы как 'место', 'помещение', 'информация', 'предмет', и вступает в качественно новые словосочетания с глаголами со значением пребывания, нахождения где-либо (*не зря в контакте сидишь*; *сиджу в контакте*; *в контакте есть переводчик*; *ты в 4 часу в контакте была*; *часто бывает в контакте*; *чего он не в контакте??*; *поговорить вне контакта*; *в контакте-то ты ведь присутствуешь*; *смогла найти вас в контакте*), целенаправленного движения, действия (*ты как вообще выходишь в контакт через мобилку?*; *все-таки вылез в контакт*; *вышла в контакт*; *в*

контакт не выходила просто; села и засела в контакт; вылез из контакта; я тут два дня не выходила в контакт; а вдруг он выйдет в контакт и увидит; сейчас добрался до контакта), восприятия (*посмотри в контакте; увидела в контакте*), коммуникативного взаимодействия (*в контакт я редко чего сейчас выкладываю; люди пишут о себе в контакте; в контакте еще по любому спешимся; ты в курсе, что в контакте можно конференцию делать?; писала в контакт; я вон со своей через контакт в основном общаюсь; кинуть в контакт; ты в контакте ответила; прочитал тут в контакте*) и т.п.

Во втором случае, ввиду некоторых экстралингвистических причин, лексема *Контакт* семантически из объекта действия переходит в субъект, активного деятеля. В речи пользователей она может сочетаться с глаголами состояния, обозначающими физическое или психическое состояние живых существ или предметов, что приводит к образованию переносного, метафоричного значения слов (*контакт живи!; контакт не болей; контакт тупит; вконтакте глючит*). Также она вступает в качественно новые отношения с глаголами воздействия и волеизъявления (*контакт зло – не дает; контакт ее блокирует; контакт засасывает меня; контакт не позволил*) и т.д.

Сознательно нарушая нормы лексической сочетаемости слов, авторы тем самым заполняют стандартные синтаксические модели нестандартным лексическим материалом, из-за чего «нарушаются привычные смысловые связи и происходит смешение границ нескольких семантических классов, в результате этого процесса проявляется перераспределение сем» [1: 67].

К примеру, такие глаголы, как *кидать, чистить, заливать, постучаться* в условиях интернет-коммуникации приобретают соответствующие переносные значения: *кинуть* – ‘отправить’, ‘прислать’, ‘переместить’, ‘выложить в Интернет’, его синоним – *залить*; *чистить* – ‘удалять’; *постучаться* (чаще всего «в друзья») – ‘отправить заявку, чтобы включить пользователя в список друзей’. Отсюда привычные нормы их сочетаемости ослабляются и расширяются (*любую фотку можно кинуть?; я тебе кинула на стенку одну песенку; можешь*

кинуть ссылку?; кинь мне номер Сани; хотела тебе видео в тему кинуть; все, кинула тебе в папку; залей обратно исходники; можешь вк залить; скоро фоты залью; стучись в друзья; все, постучалась к тебе; не хочет свои флешки чистить; ты почистила стену; чищу друзей; чистила историю сообщений).

В разряде существительных рассмотрим, к примеру, такие слова, как *стена* – ‘виртуальная гостевая книга’ и *лента* – ‘упорядоченная совокупность новостей’. Ср.: *пишу маме в личку, она отвечает мне на стене; буду тебе тогда всякие штуки приятные на стену кидать; у меня никогда не было на стене тыщи сообщений "с днюхой"; всю стену мне за*ирает вечно; еще песню на твоей стене включил; а можно я вот эту выложу одну на стену??; а как сменить аву, без того, чтобы она вылезла на стену?; не стала омрачать тебе стену)); ты стену решила почистить?; а че за орех у тебя на стене??; это что за парад эпичности в моей ленте?; из всей новостной ленты только бы их смотрел; ленту читаю.*

Итак, мы видим, что нормы сочетаемости в дискурсе социальных сетей могут подвергаться качественным изменениям и часто соседствуют с «творческим, нетипичным соположением семантических компонентов текста» [5: 68]. Несмотря на это, рассмотренные словосочетания по своей грамматической структуре являются вполне допустимыми. Стоит также отметить, что такие изменения носят объективный и закономерный характер и чаще всего вызваны экстралингвистическими факторами, изменениями условий жизни, появлением новых устройств, сервисов и т.д. Интернет-лексика непосредственно отражает меняющуюся действительность и представляет собой перспективную область для дальнейшего лингвистического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влавацкая М.В. Сочетаемость слов: норма и её нарушение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-3.
2. Ковалев В.П. Окказиональная сочетаемость слов как экспрессивное средство художественной прозы // Русский язык в школе. 1976. № 2.
3. Матусевич А.А. Семантическая вариативность слов как феномен современного сетевого общения // Социальные варианты языка – VIII: Материалы международной научной конференции 8-9 апреля 2014 года. Н.Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014.
4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.

5. Шилихина К. М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 2.

6. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

МЕДВЕДЕВ Евгений Юрьевич (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

eugene_medvedev@mail.ru

МЕХАНИЗМ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ЕГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье поднимается проблема исследования особенностей проявления языковой личности говорящего и определения ее мировоззренческого потенциала. Отношение человека к окружающему миру просматривается не только в прагматическом смысле высказывания, но и в выборе тех или иных языковых средств для его выражения.

Считается, что высказывание человека о чем-то характеризует предмет разговора. Мы попробуем показать, что это далеко не всегда так. Зачастую моя речь свидетельствует больше обо мне самом, чем о том, на что она направлена.

Рассмотрим это на примере противоречивых высказываний разных людей о книге выдающегося философа и богослова отца Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» [4: 862].

Теодицея – это «оправдание Бога», общее обозначение религиозно-философских доктрин, стремящихся согласовать идею «благого» и «разумного» божественного управления миром с наличием мирового зла, «оправдать» это управление перед лицом темных сторон бытия [6: 197].

Сравним:

Епископ Феодор (Поздеевский): «Как теодицея книга отца Павла может удовлетворить самый требовательный вкус, изощренный в философии и богословии».

Н.А. Бердяев: «К сожалению, нужно сказать, что у свящ. Флоренского эстетизм не всегда сопровождается хорошим вкусом. Местами безвкусна духовная риторика языка этой книги...».

Как мы видим, разные люди отзываются об одной и той же книге по-разному. Но почему так происходит?

Вероятно, что противоречия в характеристике являются следствием различия критериев, на которых основывается оценка.

Но как же быть в ситуации, когда разные оценки даются по одному критерию?

Сравним:

**Критерий оценки:
нужность (важность) оцениваемой книги для читателей**

«Думается, что ее [книгу] **будут читать с интересом** и люди богословски образованные, и философствующие, и просто интеллигентные» (Епископ Феодор (Поздеевский))

«Книга свящ. Флоренского никому не нужна, она лишь документ души, от себя убегающей» (Н.А. Бердяев)

Можно ли считать эти высказывания объективными? Очевидно, нет. Потому что объективности можно добиться, если описывать объект, исходя из свойств самого объекта. Однако в приведенных высказываниях нет цитат из текста, подтверждающих позицию говорящих. Речь субъекта связана с объектом опосредованно и, следовательно, выражает субъективную оценку.

Кроме того, подчеркнем, что в приведенных примерах объект оценивается разными людьми по одному и тому же критерию. И поскольку оценки даны не просто разные, а взаимоисключающие, они «нейтрализуют» друг друга, как плюс один на минус один в сумме дают ноль.

В результате о труде П.А. Флоренского мы не узнали ничего.

Но зато мы можем узнать, что **важно для говорящего** об этой книге.

Субъективные высказывания оценочны. А оценка – это особая форма мысли, при которой «объективный мир членится говорящим с точки зрения его [говорящего] ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда, истины и неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного и т.д.» [3: 60].

Получается, что оценка «продиктована» не свойствами самого оцениваемого объекта, а субъективной ценностной шкалой говорящего.

Рассмотрим это на примере:

Епископ Феодор (Поздеевский):
«...все – и частное, и основное в христианстве –
с необыкновенной ясностью
выявляется в своем высшем смысле и единстве».

Н.А. Бердяев: «...свящ. Флоренский написал изысканную стилизованную книгу для немногих, **малодоступную и малопонятную**».

Н.А. Бердяев охарактеризовал книгу Флоренского как «малодоступную» и «малопонятную». Но это высказывание не является объективной характеристикой самой книги. Из этой оценки можно сделать вывод лишь о том, что книга священника Флоренского является «**малодоступной**» и «**малопонятной**» именно для Бердяева.

Рассмотрим еще один пример:

*«Искусственно **стилизованные** и ядовитые цветы «православной теодицеи» для ищущих высшей точки жизни ныне обладают ценностью лишь от противоположного»;*

*«Но от этой **стилизованной** простоты, **стилизованной** тихости, **стилизованного** смирения веет жуткой мертвенностью».*

Стилизация – это придание произведению искусства характерных черт какого-нибудь определенного стиля, подражание с целью воспроизведения форм какого-нибудь стиля [5: 16].

Таким образом, для Бердяева переживания Флоренского, описанные в теодицее, не являются подлинными, истинными. Исходя из оценки Бердяева, в книге Флоренского есть подражание простоте (но не сама простота), подражание тихости (но не сама тихость), подражание смирению (но не само смирение).

Кроме того, слово смирение (сознание своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия) [5: 13] в сочетании со словом «**стилизованное**» утрачивает свой сакральный смысл. Подобное высказывание можно интерпретировать как иронию.

Ироничны, как нам кажется, и следующие слова Бердяева: «Книга свящ. Флоренского – **замечательная** книга. Ее **упадочный дух** не сразу и не легко распознается».

Это высказывание фактически содержит несколько утверждений:

1) книга упадочна по духу (*упадочный* – ‘свойственный эпохе упадка, являющийся выражением упадка; являющийся выражением упадка энергии, активности, свидетельствующий о неверии в свое дело, об усталости’) [6];

2) упадочный дух книги распознается не сразу;

3) эта книга замечательная.

Ирония проявляется в том, что книга оценивается положительно («*замечательная*») по негативному признаку упадочности.

Ирония бывает истинной (когда объект насмешки ничтожен и сам в себе носит возможность быть осмеянным) и ложной (когда объект делает ничтожным сам иронизирующий, разрушая высокое и достойное) [2: 488].

В случае ложной иронии отношение иронизирующего к объекту начинает приписывать эти свойства самому объекту.

Из оценок других людей мы не можем узнать, действительно ли книга П.А. Флоренского «провоцирует» осмеяние самой себя, поскольку, как мы показали выше, эти оценки субъективны. Но субъективная оценка в этом высказывании представлена говорящим как истинная (то есть отношение Бердяева к книге Флоренского «навязывает» эти свойства самой книге). Поэтому мы рассматриваем иронию Н.А. Бердяева как ложную.

Следующая фраза характеризует не столько книгу П.А. Флоренского, сколько отношение Бердяева к православию: *«В его книге так много традиционно-православного недоброжелательства к людям и к миру, но в форме стилизованного, эстетического негодования против еретической жизни и еретической мысли».*

Это высказывание также содержит несколько утверждений:

1) для православия традиционно недоброжелательство;

2) в книге Флоренского много традиционно-православного недоброжелательства;

3) недоброжелательство к людям и к миру представлено в форме «*стилизованного, эстетического негодования*».

Этот вывод также не подтвержден цитатами из книги. По этому высказыванию мы не можем сделать заключение, что православие действительно недоброжелательно к людям, но то, что Бердяев считает его таковым, очевидно.

Рассмотрим еще несколько высказываний:

«Очень враждебна эта книга новой религиозной жизни, духу творческому»; *«Свящ. Флоренский с огромными духовными усилиями заглушил в себе ростки новой жизни, умертвил в себе новую душу».*

В приведенных высказываниях присутствует так называемая оппозиция с нулевым членом [1: 47]. То есть говорящий прямо не выражает противопоставление «новая религиозная жизнь» - «старая религиозная жизнь», «новая душа» – «старая душа», «дух творческий» – «дух нетворческий». Но по контексту мы понимаем, что такая оппозиция существует. И поскольку труд Флоренского негативно оценен на основании его враждебности, вероятно, что сам Бердяев причисляет себя как раз к представителям «новой религиозной жизни» и носителям «духа творческого» и «новой души».

Общеизвестно, что Н.А. Бердяев был представителем так называемого «нового религиозного сознания». И мы в рамках данной статьи не претендовали на первооткрытие этого факта. Нам было важно показать, что даже если бы мы ничего не знали о мировоззрении Бердяева, то смогли бы узнать из его же высказываний о, казалось бы, стороннем объекте. Важно отметить, что нигде в рассматриваемых высказываниях Бердяев не говорит прямо о своих ценностях и идеалах. Эта информация представлена опосредованно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валентинова О.И. Эстетика и лингвистика полифонии. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2001. 141 с.
2. Гегель. Эстетика. М. 1973, Т. 4. С. 488.
3. Ли В.С., Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике. Алматы, Казак университеті, 2008. 146 с.
4. Свящ. Павел Флоренский. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. С. 862-888.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.4.: С – Я. М.: Русские словари, 1995.
6. Философская энциклопедия. Т.5. М., 1970. С.197.

**МЕЛЕХОВА Любовь Александровна,
СЕРГИЕВСКАЯ Любовь Алексеевна (Рязань, Россия)**

Рязанский государственный университет имени Сергея Александровича Есенина
l.sergievskaia@rsu.edu.ru

КОННОТАЦИИ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Категория синтаксического коннотатива имеет систему специальных средств выражения экспрессивно-стилистических оттенков семантики на уровне бессоюзного сложного предложения. Коннотации, оформленные с помощью бессоюзной связи, призваны актуализировать, интенсифицировать и акцентировать определённые компоненты сложного высказывания в зависимости от его коммуникативного задания.

Бессоюзная связь в аспекте синтаксического коннотатива является продуктивным средством выражения добавочных семантических оттенков сложного предложения и выступает как экспрессивно-стилистический приём. Например: *Я знаю: в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь* (А. Пушкин) – бессоюзная связь подчёркивает оценочную семантику первой части, которая выражает субъективную модальность и по функции близка к вводному компоненту.

Актуальность изучения коннотаций на уровне бессоюзного сложного предложения обусловлена их употребительностью, высоким семантическим потенциалом и отсутствием специального описания, создающего полную картину функционально-семантических свойств коннотативных средств как специфического явления в рамках сложной конструкции. Имеются отдельные наблюдения, посвящённые экспрессивному бессоюзию. Например, А.П. Сковородников в статье «Об экспрессивном бессоюзии в контексте теории стилистических фигур» представляет «микросистему элокутивных терминов в области бессоюзия» [3: 53] и обозначает круг проблем, связанных с асиндетоном. При этом автор статьи опирается на теорию бессоюзия, разработанную Е.Н.Ширяевым [4]. Открытые вопросы, связанные с определением условий экспрессивного бессоюзия в сложном предложении, отражают новизну и теоретическую значимость нашей статьи.

Цель статьи – анализ коннотативных смыслов и средств их выражения на уровне бессоюзного сложного предложения.

Коннотативное бессоюзие имеет специфичные формальные показатели, основными из которых являются: интонация, структурный

параллелизм, анафора, антитеза, эллипсис предикативной части, антонимы, лексический повтор. Одно предложение может содержать несколько средств выражения коннотации, например: *Не напрасно дули ветры, / Не напрасно шла гроза* (С. Есенин) – анафора, лексический повтор, синтаксический параллелизм (инверсия компонентов и тождество структуры частей сложного предложения) актуализируют семантику обстоятельства. Наблюдаются случаи, когда пропуск союза (бессоюзная связь сама по себе) служит выразительным средством, а другие структурные компоненты (если они и присутствуют в контексте) являются сопроводительными стилистическими показателями экспрессии. Примеры: *Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать / – В Россию можно только верить* (Ф.Тютчев). Отсутствие союзов с семантикой причины и следствия выполняет не только ритмическую функцию стиха, но и акцентирует категоричность действий, обозначенных инфинитивами; актуализирует их причинно-следственные отношения; создаёт динамику утверждений; подчёркивает значимость заключительной строки как вывода из сказанного.

Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна... (А. Пушкин) Здесь бессоюзие расширяет семантический потенциал отношений между частями предложения: наблюдается синкретизм пояснения и причины во второй части. Перечисление усиливает мотивацию императива первой части, приобретая градационный характер.

Относительно структуры коннотативного бессоюзия действует закономерность: чем лаконичнее высказывание, тем выше степень его экспрессивности. Поэтому наиболее яркие коннотации возникают при минимуме компонентов предложения: *Сказано – сделано* (посл.); *Я царь – я раб; / Я червь – я бог* (М. Державин); *Дал слово – держи* (посл.). Такие утверждения отличаются предельной категоричностью.

Коннотации бессоюзного сложного предложения имеют широкий диапазон характеристик в зависимости от типа высказывания и его лексического наполнения. Общая семантическая целенаправленность экспрессивного бессоюзия заключается в актуализации определённого

компонента его семантической структуры. Приведём некоторые примеры.

Актуальное отрицание оформляется с помощью экспрессивного бессоюзия, антитезы, анафоры, антонимов лексического повтора и структурного параллелизма, например: *Мы хотели песен – не было слов, мы хотели спать – не было снов* (В.Цой) – коннотация несоответствия прошлого «положения дел» желаниям говорящего; *Молодость ушла – не простилась, старость пришла – не поздоровалась* (посл.) – коннотация сопоставления фатальных событий, их неизбежности, предопределённости, необъяснимости. В таких случаях наличие союзов явилось бы избыточным средством, препятствующим передаче данных оттенков.

Актуальный императив выражается в бессоюзной трёхчленной структуре с перформативной первой частью и акцентом на семантике причины в третьей части, например: *Я очень рекомендую вам: изучайте русскую литературу, это вам поможет* (М.Горький). Здесь императив приобретает коннотацию настоятельной и мотивированной рекомендации. Актуализация побуждения происходит также в двучленных конструкциях по модели «императив следствия + индикатив причины» [2: 239-249]: *Учись мой сын: наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни* (А. Пушкин). Мотивация побуждения предназначена для большей его убедительности, а следовательно, для усиления воздействия на адресата не волевым путём, а методом убеждения.

Актуальная градация достигается рядом однородных действий с семантикой последовательности: *Пришёл, увидел, победил*. Бессоюзная связь обеспечивает динамику действий с коннотацией решительности, осознания полной целесообразности неременного и безоговорочного их выполнения.

Бессоюзная связь обладает способностью актуализировать любой компонент семантической структуры сложного предложения, оформляя при этом выражение определённой коннотации в зависимости от коммуникативной задачи высказывания и возможностей дополнительных средств выразительности в рамках данного контекста.

Функция коннотативного бессоюзия заключается в общей стилистической окрашенности высказывания по типу конструкций разговорной речи. Именно этот факт обуславливает употребительность и продуктивность бессоюзных предложений в пословицах: *Сделал дело – гуляй смело; Живи просто – проживешь лет со сто; Не плюй в колодец – пригодится воды напиться; Легко подружиться, тяжело разлучиться; Семь раз отмерь – один отрежь*. Двучленная структура с бессоюзной связью частей отражает закономерности построения высказываний, выполняющих функцию совета, назидания, наставления [1]. При этом заметим, что семантические модели «причина + следствие», «следствие + причина», «условие + следствие» являются наиболее приспособленными для выражения разного рода советов, включающих императивный компонент.

Бессоюзие как актуализатор выполняет акцентологическую роль, например: *Ах, увял головы моей куст, / Засосал меня песенный плен* (С. Есенин) – бессоюзная связь плюс инверсия главных членов предложения подчёркивают информативную значимость действий, выделяют их перечислительный характер. Бессоюзие как интенсификатор обозначаемых действий особенно ярко проявляется при отношениях градации. При этом продуктивными сопроводительными средствами служат лексический повтор, структура периода, инверсия, синтаксический параллелизм, анафора. Примеры: *Клянусь я первым днём творенья, / Клянусь его последним днём, / Клянусь позором преступления/ И вечной правды торжеством* (М. Лермонтов); *Я отрёкся от старой мести, / Я отрёкся от гордых дум* (М. Лермонтов). В таких случаях коннотации принадлежит также ритмомелодическая функция (создаётся ощущение архитектурной гармонии), что является существенным при передаче динамики действий однородного ряда.

Наблюдения коннотаций, которые выражаются с помощью бессоюзной связи, показали, что для синтаксического коннотатива важную роль играют сопровождающие средства выразительности (структурный параллелизм, лексический повтор, анафора, инверсия, однородный ряд компонентов), однако бессоюзие и самостоятельно, без этих

средств, способно выполнять коннотативные функции. Коннотации бессоюзия заключаются, главным образом, в актуализации компонентов высказывания, интенсификации действий, создании ритма и «мелодии» стихотворной строфы. Акцентологическая функция экспрессивного бессоюзия необходима для такой смысловой организации предложения, которая координируется с интенциями говорящего и с помощью соответствующих коннотаций воздействует на адресата. Исследование бессоюзия в аспекте теории синтаксического коннотатива представляется перспективным, так как анализ условий функционирования конструкций с бессоюзной связью позволит открыть новые области синтаксиса современного русского языка с позиций его экспрессивно-стилистических возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелехова Л.А. Коннотация императива. Дис... канд. филол. наук. М., 2012.
2. Сергиевская Л.А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке. Дис... д-ра филол. наук. М., 1995.
3. Сковородников А.П. Об экспрессивном бессоюзии в контексте теории стилистических фигур // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 5-6(13-14). Красноярск, 2004.
4. Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

МЕЛЬНИКОВА Елена Александровна
(*Нижний Новгород, Россия*)

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
missis.eleamelnikova2011@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ПРЕКРАСНЫЙ* В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «НОЧНЫЕ ДОРОГИ»

Аннотация. Статья посвящена функционированию оценочных прилагательных в художественном тексте. На примере прилагательного *прекрасный* в романе Г. Газданова «Ночные дороги» показано, как оценочная единица, участвуя в выражении субъектной семантики текста, под влиянием контекста обогащается новыми смысловыми оттенками.

Коммуникативная грамматика выделяет четыре типа признаков, выражаемых именами прилагательными: наблюдаемые, информативные, эмоциональные и оценочные. Оценочные признаки формируются в концептуальной сетке человека и накладываются на предмет [5: 72],

поэтому оценочные прилагательные обладают большими возможностями для выражения субъектной семантики в высказывании и – шире – тексте [3: 84]. Употребляясь в художественном тексте, оценочное прилагательное может испытывать такие смысловые трансформации, которые приобретают особую значимость для формирования субъектной перспективы высказывания. Мы рассмотрим данное явление на примере функционирования оценочного прилагательного *прекрасный* в романе Г. Газданова «Ночные дороги».

Это прилагательное – самое распространенное в романе среди оценочных (48 употреблений), несмотря на то, что в целом роман содержит отрицательную оценку ночного Парижа. «Новый словарь русского языка» [2] дает следующие толкования этого слова:

- 1) а) Отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый.
- б) Привлекательный внешне, производящий очень приятное впечатление.
- 2) То же, что: отличный.

Начнем анализ со второго значения, реализующегося в более простых контекстах.

Зачастую оценка предметов как прекрасных помещается автором в контрастный контекст. Так, в нижеприведенном предложении, где *прекрасный* имеет дополнительное значение ‘дорогой’, оценка субъектом-повествователем вещи, принадлежащей человеку, контрастирует с его поступком:

Человек в прекрасном костюме, ... которого я отвез на Лионский вокзал, дал мне сто франков, у меня не было сдачи; он сказал, что разменяет их внутри, ушел – и больше не вернулся...

Использование оценочного прилагательного позволяет автору расширить субъектную перспективу текста, при этом контекст с прилагательным может получать дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску: *Потом он [Федорченко – Е. М.] купил прекрасные, дорогие часы на руку, – но они стояли всю неделю, он заводил их только в субботу и воскресенье, говоря, что иначе механизм изнашивается.*

Оценочный признак *прекрасный* передает точку зрения Федорченко, тогда как информативный признак *дорогой*, приобретающий

контекстуально наведенное оценочное значение, относится к сфере автора. Между разными типами признаков в контексте фразы выстраиваются каузальные отношения, что, вкупе с возникающей внутрисловной многозначностью, создает авторскую оценку Федорченко как ограниченного человека.

Теперь проследим, как реализуется первое значение исследуемого прилагательного. Чаще всего слово *прекрасный* характеризует проститутку Алису. Вот как описано первое впечатление повествователя о ней:

Она была настолько хороша собой, что, когда я ее увидел, мне на секунду стало трудно дышать; особенно замечательны были ее красные, казавшиеся необыкновенно сочными губы, длинные синие глаза и прекрасные зубы....

Физическая красота – первое, что бросается в глаза при встрече с этой женщиной и потому становится ее постоянной характеристикой. В дальнейшем автор «тиражирует» прекрасное в Алисе:

...я говорил с ней, наклонившись над столиком и вплотную приблизившись к ее прекрасному, незабываемому лицу; Я никогда не мог представить себе такого изумительного совершенства. У нее были твердые, далеко отстоящие друг от друга груди, чуть суживающийся и с волшебной незаметностью расширяющийся живот, сверкающая кожа и длинные ноги идеальной формы; через несколько секунд мне стало казаться, что это прекрасное тело начинает струиться и плыть перед моими глазами.

Но, высоко оценивая физическое совершенство Алисы, автор исчерпывает этим все положительное в ней.

Все прилагательные, призванные описывать вызывающую вдохновение красоту, описывают лишь внешние, «профессиональные» достоинства Алисы. (Об этом в романе говорится прямо: *Ее [Алисы – Е.М.] необыкновенная красота действовала прежде всего на эстетическое восприятие...*)

Таким образом, из двух подвидов первого словарного значения реализуется лишь подвид б) – ‘производящий приятное впечатление’.

Однако и данное значение трансформируется в ткани текста. В контексты со словом *прекрасный* автор вводит прилагательные и существительные с негативнооценочной семантикой. Показательно в этом плане (в том числе за счет многократного повторения) следующее сразу после первого впечатления героя от Алисы упоминание *прозрачной и непроницаемой пленки, характерной для людей, не привыкших мыслить*. Здесь же автор помещает информативное прилагательное *животный*, которое в функции интенсификатора приобретает оценочность, и отадъективное признаковое существительное *глупость*, усиливающее контраст. В итоге возникает антиномия: *прекрасный внешне – пустой внутренне*:

...посмотрев внимательно на эту красавицу, я заметил в ее глазах ту же полупрозрачную пленку, тот же налет животной глупости, который я так хорошо знал и который был характерен почти для всех женщин ее ремесла. Но она была настолько прекрасна, буквально прекрасна собой...

Практически каждое упоминание Алисы в романе сопровождается эпитетом *прекрасный*, что наводит на мысль об ироничном [1: 96] употреблении данного прилагательного. Лучше всего это видно в предложении:

Казалось, творческое усилие, которое вызвало из небытия ее существование, создало это совершенное тело и прекрасное лицо – и исчерпало себя, и на долю Алисы, кроме этого, не выпало ничего: ни желаний, ни страстей, ни даже намерений.

Зададимся вопросом, почему для описания Алисы используется прилагательное *прекрасный*, а не более «спокойное» *красивый*. Во-первых, оно характеризует эстетическое впечатление героя-повествователя. Во-вторых, вероятно, оно передает и самооценку героини. Возможно, это прилагательное имело популярность в определенных кругах – мире парижских улиц (известно, что первоначально диалоги романа были написаны на арго [1: 85], а из диалогов слово вполне могло «перекочевать» и в косвенную речь), использовалось как единственное слово для описания самого совершенного, что ценилось в этой среде.

Макроконтекст романа усиливает иронию и антиномию прилагательного *прекрасный*, создавая устойчивое комбинаторное приращение смысла: *прекрасный* – ‘очень красивый внешне, но бессодержательный внутри’.

И только для самого главного героя, противопоставляющего себя обитателям дна [4], существует иная трактовка прекрасного – это нечто далекое от повседневной обыденности:

...я с наслаждением подумал, что можно забыть обо всей этой навязчивой трагедии и вспомнить о иных вещах, которые были далеки от меня и прекрасны, и чем дальше, тем прекраснее, чем прекраснее, тем дальше.

Из сказанного понятно, что расширение субъектной сферы высказывания, обыгрывание многозначности, контекстуальное окружение и частотность употребления прилагательного могут изменять его лексическое значение, создавая комбинаторные приращения смысла, что особенно очевидно в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Добросконица Н.В. Париж как художественный феномен в романах Г. Газданова: дис. ... канд. фил. наук. Киров, 2012. 204 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Энциклопедии & Словари <http://enc-dic.com/word/p/Prekrasn-12366.html>
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
4. Семенова Т. Повествователь в произведениях Г.И. Газданова – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2002/semenova_gazd01.html gaz_avtogr.gif (1617 bytes)
5. Сидорова М.Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации // Русистика сегодня. 1994. № 2. С. 69 – 79.

МИЛОВАНОВА Мария Станиславовна (Москва, Россия)

Государственный институт русского языка имени Александра Сергеевича Пушкина
mashamilov@yandex.ru

ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА СМЫСЛОВ (семантика *противительности*)

Аннотация. Статья посвящена проблеме *парадигматики и синтагматики смыслов* на примере субъективной семантики противительности – ее пересечениям с пространственной семантикой, а также с семантикой отрицания, уступки, волевого ограничения.

Развитие значений в любом языке подчиняется законам мышления и соответствует общему принципу развития мышления и языка – от конкретного к абстрактному: «Исследования семантических изменений показывают в первую очередь, что отвлеченные и абстрактные значения вырастают, как правило, из более конкретных» [1: 470]. Первичные конкретные отношения – это *пространственные* отношения, доступные непосредственному зрительному восприятию, на их основе развивались последующие производные отношения – *временные, причинные, посессивные* и другие [3: 247]. Результаты современных исследований предлогов, чьи «...диахронические пространственные значения стоят у истоков всех прочих значений» [6: 31], подтверждают эту хорошо известную мысль. Восходит к пространственным значениям и актуальное в русском языке значение противительности.

Противительность – одна из разновидностей противопоставления, если под противопоставлением понимать *объективное* (пространственное) противопоставление, *логическое* (объективно-логическое) и *субъективное* противопоставление, т.е. собственно противительность. Два вида противопоставления – *логическое* и *субъективное* – обязаны своим происхождением отношениям пространственным, *объективным* по сути. Связь между исходным – *пространственным* и новым – *противительным* значением можно определить как соотношение *объективного* и *субъективного*.

Мысль о логическом противопоставлении и мысль о противительности соотносятся с двумя формами восприятия пространства – это *реальное пространство* и *пространство геометра*

(В.И. Вернадский). Стремящееся к абсолютной объективности и нейтрализующее возможность субъективного отношения *логическое* противопоставление как принцип научного мышления в своей основе имеет упорядоченное, геометрически выверенное пространство. *Противительная* семантика (*субъективное* противопоставление), являясь производной, восходит к эмпирическому, стихийному восприятию пространства.

В истории развития человеческой мысли переход от стихийного и образно-мифологического к новому типу сознания был связан с четкой организацией пространства. Французский исследователь античной философии Ж.-П. Вернан пишет: «...эта [новая] мысль имеет глубоко геометрический характер. Идет ли речь о географии, астрономии или космологии, она постигает физический мир и проецирует его в пространственные рамки, которые больше не определяются религиозными категориями возвышенного и низменного, небесного и подземного, но образуются взаимными, симметричными, обратимыми соотношениями» [2: 13].

Тем не менее даже пространственные, т.е. самые что ни на есть *объективные* отношения, могут быть пересмотрены. Например, два дерева, стоящие друг против друга, или человек и стоящее напротив дерево – это факт расположения в пространстве и ничего более. Связи между предметами могут возникнуть по воле наблюдающего субъекта – человека, преобразующего всё в своем сознании: *дуб* и *рябина* в народной песне; *два дерева* в стихотворении М. Цветаевой (*Два дерева хотят друг к другу. Два дерева...*); лирическая героиня стихотворения А. Ахматовой и *клён*, что *напротив* («Третий Зачатьевский»).

Если же позиции двух расположенных друг против друга объектов занимают два человека (два *субъекта*), то такое пространственное расположение дает возможность возникновения личностных, *субъективных*, отношений. Субъективные отношения, определяемые в первую очередь понятиями *свой* – *чужой*, имеют варианты – от полного согласия и единства (понятие *другой* совпадает с понятием *друг*) до непонимания и враждебности (понятию *другой* соответствует понятие *враг*, т.е. *противник*). Между двумя полярными точками понимания /

непонимания, согласия / несогласия, дружбы / вражды существуют разнообразные промежуточные варианты, в том числе нейтральная позиция, когда понятие *другой* соответствует понятию *иной* с возможным развитием отношений по линии сближения как с понятием *друг*, так и с понятием *враг*.

Развитие отношений противительности на основе пространственных отношений, определяемое организацией пространства и положением человека в пространстве, связано с положением *один против / напротив* другого – ‘лицом к лицу, глаза в глаза, прямо перед собой’. Следовательно, тот, кто против / напротив, – противник / враг, в отличие от того, кто рядом – это друг. Ср.: *Где же мне быть, как не на фронте! Только мне хотелось бы сражаться, как сражались в старину: один на один. Чтобы я видела его лицо, а он моё* (Н. Чуковский. Цвета земляника).

Процесс преобразования пространственных отношений в противительные отражает, например, история слова *противный*, первичным, исходным значением которого было значение локальное (‘находящийся против / напротив, расположенные друг против друга’), унаследованное от значения слова *против*: *Наш дом белый, а противный розовый; Две противные сосны*. Ср. также значение ‘встречный, навстречу’: *Противный ветер* [4: III, 520]. В результате метафорического переноса развиваются значения *противоположности* ‘иной, другой, противоположный, обратный’ и *противоречия* ‘несовместимый с чем-л., противоречащий чему-л.’. Эти значения находятся на периферии современного употребления и сохраняются в устойчивых оборотах: *доказательство от противного* (ср. разг.: *попробуй доказать противное*), *в противном случае, противное природе*. Контаминация двух значений (архаичного и актуального) лежит в основе многочисленных шуток и каламбуров: *в совсем противном случае; А что касается зарубежных премий, то в последнее время нашим кинематографистам их дают от противного. Чем противнее, тем больше шансов получить* (ЛГ, № 48, 2006); *Жена быстро забеременела, как шутили в батальоне – «так быстро, что даже противно природе»* (М. Шишкин. Записки Ларионова).

Основным значением слова *противный* в современном русском языке становится значение 'неприятный', переводящее его в разряд *субъективно-оценочных* слов. Субъективный компонент семантики прилагательного, унаследованный от слова *против* (*против / напротив* → *противник = враг*), получает дальнейшее развитие в сторону усиления негативной коннотации, ср. современные производные: *противно, опротиветь, противенький, противнущий* (разг.-просторечн.), *противозина* (просторечн.) и др.

История слов *противостоять, противопоставить*, включающих в свой состав словообразовательный элемент *противо-*, отражает движение в развитии семантики противительности и историю метафорического преобразования объективных пространственных отношений в субъективные противительные. Любопытно употребление этого слова в контексте конкретной политической ситуации – например, в период так называемых «цветных» революций на Украине и в Киргизии: люди выражали несогласие с действиями властей многодневным стоянием на площади перед парламентом. В этом случае можно говорить о диффузном значении слова *противостояние* и его словообразовательного элемента *противо-*: соединяются одновременно прежнее (пространственное) и актуальное (противительное) значения.

Против в устойчивом обороте *друг против друга* может выражать синкретичное значение – значение *враждебного противостояния* и указывает на исконную связь двух значений – пространственного и противительного: *Теперь собеседники стояли друг против друга. У Корейко было штормовое лицо, в глазах мелькали белые барашки. Великий комбинатор сердечно улыбался. Враги подошли близко к настольной лампочке, и на стену легли их исполинские тени* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок); *Мы по-прежнему стояли друг против друга, как два противника* (А. Мердок. Дитя слова. Перевод Т. Кудрявцевой).

Пространственные отношения, организуемые глаголом *стоять*, переплетаются с субъективно-противительными отношениями, которые раскрываются в общем контексте предложений. Синкретизм лексической семантики современного слова фиксирует этап исторического

процесса формирования противительных отношений на основе пространственных.

Противительные отношения как метафорически переосмысленные пространственные отношения наследуют характер *стихийного*, т.е. *субъективного*, чувственно-волевого, восприятия реального пространства – *пространства не-геометра*. В отличие от логико-философской мысли о противопоставлении, обращенной к созданию схематизированных и рационализированных форм выражения действительности и стремящейся к созданию *симметричных* конструкций, мысль о противительности обладает формой *асимметричного* противопоставления. Противительность всегда отмечена асимметричным строением, поскольку один из двух компонентов обладает *большой силой* – силой воли говорящего субъекта.

В процессе развития семантика противительности вступает в синтагматические отношения с такими субъективными по своей сути смыслами, как отрицание, уступительность (= согласие в той или иной степени), волевое ограничение (как разновидность отрицания). Собственно, многогранная семантика противительности объединяет все эти смыслы в качестве сем – компонентов структуры [5]. Объединяющим началом и точкой соприкосновения смыслов становится *модальность*. Возникновение «семантических соприкосновений» (М.В. Ляпон) определяется необходимостью выражения тончайших смысловых оттенков, раскрывающих *позицию субъекта* в его отношении к миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 603 с.
2. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 220 с.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М.: Международные отношения. 1977. 264 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1994.
5. Милованова М.С. Противительность как структурно-семантическая категория // Филологические науки. 2010. № 3. С. 40–50.
6. Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 12–54.

МИХАЙЛОВА Любовь Петровна (*Петрозаводск, Россия*)

Петрозаводский государственный университет
posnm87@bk.ru

ФОРМАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ПРЕДЕЛАХ ЭКСТЕНЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МАКРОСИСТЕМЫ*

Аннотация. Статья посвящена лексическим единицам, возникшим в русских говорах под влиянием особенностей фонологической системы иностранных языков в зонах активных полиэтнических контактов. Слова, имеющие один этимон, по-разному модифицированные в местных микросистемах, соотносятся друг с другом то как варианты, то как неродственные лексические единицы.

В составе лексической системы русских говоров наблюдаются особые единицы, которые отличаются от общераспространенного или диалектного слова наличием нерегулярного признака, появление которого обусловлено усвоением какого-либо явления фонологической системы соседних иностранных языков, отсутствующего в русском языке. Это фонетические варианты, как правило функционирующие в современных полиэтнических зонах, первоначально употребляемые, по всей вероятности, носителями нерусского языка, которые усваивали русскую речь, приспособлявая ее к своим речевым привычкам. Каждая историко-культурная зона, выделяемая на европейской части России, в течение тысячелетий формировалась как «зона постоянного этнического, языкового и культурного смешения и существования разных типов, зона билингвизма и постоянной смены одного языкового типа другим» [1: 415]. Опираясь на положения Г.П. Мельникова о процессе воздействия одной системы на другую, превращении интенций в экстенции [4: 47], на наш взгляд, модифицированные под внешним влиянием слова целесообразно квалифицировать как экстенциальные лексические единицы [5: 6].

В значительном по объему слое лексики отражается целая система экстенциальных признаков [5: 7-9], каждый из которых выступает в качестве своеобразной синтагматической характеристики, отличающей лексико-фонетический вариант от исходного слова. Ср. примеры

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

из известных диалектных словарей: 1. **ода́** 'вода' Белозер. и **водá**; 2. **лы́за** 'большой ком земли, глыба' Прионеж. КАССР и **глы́за** в том же значении Арх., Волог., Сев.-Двин., Новг., Ленингр., Перм., Урал., Сиб., Олон., Кемер., Алт., Том., Тобол., Забайк., Иркут., Енис., Хакас. АССР, Амур., Якут.; 3. **соплошнóй** 'смежный, соединенный без промежутка, сплошной' Новос. Тул., Мещов. Калуж. и **сплошнóй**; 4. **пазлó** 'большой, широкий рот', **драть пазлó** 'громко, грубо кричать, орать' Волог., Влад., **пазлáть** 'кричать, орать' Ср.-Обск. и **базлó** 'горло, глотка' Нижегород., Яросл., Влад., Перм., **базлáть** 'громко кричать' Твер., Волог., Влад., Перм., Сиб.; 5. **оргáлина** 'раздвоенный ствол' Люб. Новг. и **рогáлина** 'деревянная палка с развилкой на конце' Приамурье.

В первых словах представленных пар отражены следующие процессы: 1. исчезновение [в] в начале слова перед гласным, что может объясняться тем, что «выпадение *v* в начале слова перед *o*, *u*, *ü*» характерно для всех прибалтийско-финских языков [2: 33], 2. упрощение сочетаний согласных в анлауте, отсутствующих в финно-угорских и тюркских языках [3: 119; 6: 158], 3. появление вставного гласного для ликвидации анлаутных консонантных сочетаний, 4. замена звонкого звука глухим, обусловленная также особенностями финно-угорского консонантизма, 5. метатеза плавного [р] и гласного: **ро-** > **ор-** в связи с влиянием такой особенности тюркских языков, как отсутствие звуков *l*, *r*, *n* в анлауте [6: 158].

В приведенных лексемах указанные синтагматические явления возникли на начальном этапе адаптации, для которого характерно рассогласование признаков исходной структуры слова, и не включаются в парадигматические отношения. Однако процесс переструктуризации, заложенный на первом этапе, в целом (если учитывать бóльшую часть лексики, в которой представлен экстенциальный признак) продолжается: во-первых, происходит накопление однотипного материала, во-вторых, протекает процесс «взаимосогласования синтагматических параметров элементов системы с парадигматическими» [4: 82]. Иными словами, постепенно углубляется процесс адаптации, повышается уровень системности экстенциальной лексики.

Данные словаря экстенциальных лексических единиц свидетельствуют о наличии в русских говорах этимологических комплексов, в составе которых находятся лексико-фонетические варианты и самостоятельные лексемы, обладающие какими-либо признаками иноструктурного воздействия. Иногда экстенциальный признак может проявляться не в одной единице, а в группе родственных образований, функционирующих параллельно исходным.

Примером могут служить единицы, в которых отражается мена звуков **б ~ в**: 1. варианты **обод** и **обод** 'овод', **ободно** 'много оводов' Пинеж. Арх. функционируют в одной микросистеме – пинежских говорах в сравнении с общеизвестным **овод** и диалектным **оводно** 'о большом количестве оводов, слепней, мошек, беспокоящих скот в период летней жары' Пошех., Рыб. Яросл., Костром., Волог., Арх., Вят., Киров., Свердл.; 2. слова **ободница** и **ободница** 'муха; овод; слепень' Пск., Калинин., известные в говорах западной зоны, семантически несколько обособлены от исходного **оводница** 'летняя пора, когда много оводов' Пудож. Олон., Кадуиск. Волог., Волог., известного межзональным обонежским говорам северного наречия; 3. особняком стоит как самостоятельная лексема **ободьяница** 'овод' Бат. Новг., не имеющая непосредственной исходной единицы, возникшая параллельно со словами второй группы в точечном ареале. На уровне макросистемы происходят изменения не только семантического, но и словообразовательного характера.

Некоторые этимологически родственные группы демонстрируют наличие абсолютно разных с учетом современного морфемного членения лексических единиц, например, **рукотельник**, **укотерник**, **лукотерник**, **котерник**, **котельник**, **окотерок**, **укоторок**, **укотерка**, **укотерт**, **укутерат** и др., выступающие в параллель к более широко распространенному **рукотерник** 'полотенце для рук'. В данной этимологической группе отражаются разные экстенциальные признаки. Включение подобного рода лексических единиц, возникших на почве билингвизма, в экстенциальную макросистему позволяет уточнить этимологию неясных диалектных слов. Описываемые явления, репре-

зентированные в русской лексике, служат своеобразным кодом этнокультурного взаимодействия.

Количество экстенциальных признаков в пределах группы родственных слов, а также наличие или отсутствие производных в ее составе дает основания для решения статуса лексической единицы в системе говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А.С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 419–416.

2. Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М.: Наука, 1975. С. 5–122.

3. Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 18–107.

4. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395 с. .

5. Михайлова Л.П.. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2013. 352 с.

6. Тенишев Э.Р., Поцелуевский Е.А., Дыбо А.В. Тюркские языки // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия в 3 т. / Ин-т языкознания. М.: Наука, 2001. Т.3. 2005. С. 154–168.

МОНИНА Тамара Степановна (*Электросталь, Россия*)

Новый гуманитарный институт
tamaramonina@gmail.com

СИНТАГМАТИКА КАК ПОЛЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Аннотация. В статье рассматривается механизм вербализации универсальных концептов в национальной концептосфере. На примере семантической универсалии «Пища» показаны способы актуализации национальных вариативных концептов в структуре синтагматического поля.

Взгляд на язык как на материализацию сознания человека поставил вопрос о единицах, в которые оформляется понятийная сфера. В качестве понятийного инвентаря были выделены концепты – мыслительные единицы, представляющие собой квант структурированного знания. Концепты выступают своеобразными кирпичиками, элемента-

ми, из которых в процессе мышления складываются комплексные концептуальные картины. Д.С. Лихачевым в отечественную филологию был введен термин «концептосфера», под которым понимается область знания, составленная из концептов как составляющих ее единиц. Концепты существуют как единицы мышления в когнитивном сознании человека вне обязательной связи с языком, однако следует подчеркнуть, что основным способом реализации концепта является язык. Концепт репрезентируется в языке разноуровневыми языковыми знаками, системно организованными синтагматическими и парадигматическими отношениями, вследствие чего национальная концептосфера обуславливается не только этнокультурной спецификой народа, но также особенностями системно-структурной организации языка. Языковая материализация концептосферы становится языковой картиной мира – ментальной репрезентацией всех сведений о мире, которыми располагает человек как культурно детерминированный тип, будь он индивидуальным или коллективным субъектом [1: 3].

Базовую основу концептуальной картины мира составляют семантические универсалии, структурированные понятийными категориями Аристотеля, которые, по его мнению, являются высшими сущностями объективного бытия: Сущность (Субстанция), Количество, Качество, Отношение (Соотнесенное), Где? (Место), Когда? (Время), Положение, Обладание (Состояние), Действие, Претерпевание (Страдание).

Универсальные семантические концепты выступают формой фиксации национальных прототипов. Именно таким образом открывается возможность создания языковой картины мира. Если те или иные концепты коммуникативно релевантны, они получают стандартную языковую единицу для вербализации. Одним из основных механизмов создания национальных концептов является синтагматическое расширение семантических универсалий. В случае коммуникативной необходимости в качестве средства объективации концептов выступают развернутые высказывания и описания – словосочетания. Отнесение В.В. Виноградовым словосочетания к номинативным единицам получило повсеместное признание в отечественном языкознании

(О.А. Ахманова, В.П. Сухотин, В.Н. Ярцева и многие другие). Это положение не потеряло свою объяснительную силу и сегодня. Номинативность как основное свойство словосочетания в теории речевых актов связывается с референцией – отнесенностью актуализированного, включенного в речь имени или именной группы к объектам действительности. С точки зрения Дж.Р.Серля, референция предмета или явления не может быть осуществлена без дескрипции или другой возможной формы идентификации предмета (или явления): «...необходимым условием намерения говорящего осуществить референцию к конкретному объекту при употреблении того или иного выражения является его способность дать идентифицирующую дескрипцию этого объекта» [2: 191]. В пределах словосочетания денотативное значение главного компонента конкретизируется, сужается рамками актуализации зависимого компонента. Приименные зависимые слова в предложении часто играют весьма существенную роль в формировании его общего смысла. В частности, определение часто становится необходимым, обязательным в смысловом отношении. Функция референции, которую выполняют атрибутивные словосочетания, является основой перехода номинации в именование, и часто подобные словосочетания по значению являются пограничными между свободными и фразеологизированными словосочетаниями. Компоненты фразеологизированного словосочетания, ставшего именованием, теряют свое первичное значение: *страстбургский пирог* – ‘паштет из гусиной печени’. Приписывание признака существительному с архисемой «Пицца» каузирует образование тематической подгруппы, которая получает сему: «вид/сорт» продукта – *муромский огурец, вестфальская ветчина, коломенская пастила, поздеевская капуста, тульский пряник и т.п.* Система противопоставленных друг другу сортов того или иного продукта закрепляет общеязыковую семантику именованного: *грецкий орех – мускатный орех; гречневая крупа – манная крупа.*

Словосочетания, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры, формируют весьма важную концептуальную область, проявленную в национальной языковой картине мира. Так, например, но-

минации русских национальных продуктов: *квашеная капуста, соленый огурец, моченые яблоки* – ярко демонстрируют специфику национальной кухни. В системе языка подобные номинативные словосочетания могут быть противопоставлены другим по признаку «свое / чужое»: *подсолсолнечное масло – оливковое масло, ржаной хлеб – пшеничный хлеб*. Часто лексемы – наименования национального продукта – получают в языке синтагматическое расширение в качестве семантического указателя на его национальную характеристику: *французское шампанское, русская водка, португальский портвейн, испанский хамон, английский пудинг*.

Антологический и национальный пласты языковой картины мира задают ментальный каркас ее индивидуального восприятия языковой личностью как части социума: реализация субъективной модальности языковой личности опирается на языковую картину мира как способ осуществления когнитивных операций. Так, противопоставленность понятий «русское», «нерусское» представлено в творчестве А.С. Пушкина дихотомией «свое – чужое», которая помимо номинативного компонента включает в себя также и аксиологический. Русскость, народность семейства Лариных, которым поэт симпатизирует, подчеркнута словосочетанием, актуализирующим сему «русский»: *У них на масленице жирной водились **русские блины**...* При описании Онегина, напротив, употребляются словосочетания, включающие в свою семантику сему «иностранный / чужой»; *strasбургский пирог, лимбургский сыр*.

Таким образом, языковую картину мира можно представить как некую стратификацию, которая принципиально подразделяется на три уровня: 1) антологически-прототипический – базовый концептуальный инвариант, присущий всем языкам без исключения, 2) национально-специфический вариант, детерминированный культурными кодами этноса, 3) индивидуально-субъектный когнитивный вариант, отражающий личностное мировоззрение языковой личности. Увеличение семантического объема концепта происходит за счет его синтагматического расширения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева Л.И., Попова М.К. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы ее репрезентации. Воронежский государственный университет, 2003. С. 13-38.
2. Серль Дж.Р. Референция как речевой акт // НЗЛ. 1982. Вып. 13. С. 179-202.

МОРДКОВИЧ Жанна Владимировна

(Нижний Новгород, Россия)

Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Николая Александровича Добролюбова
jann83@mail.ru

СЕМАНТИКА ПАДЕЖНОЙ ПАРАДИГМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье сопоставляется семантика падежных значений русского и турецкого языков, в результате чего отмечается ряд несовпадений, свидетельствующих о различии представлений о пространстве и времени в русской и турецкой картинах мира.

По справедливому замечанию А.Я. Шайкевича, грамматическая категория падежа «отличается исключительным разнообразием своих проявлений», что значительным образом затрудняет «межъязыковое сравнение склонения» [6: 109].

Немало споров вызывает и неоднородный количественный состав падежей в разных языках вплоть до полного отсутствия данной грамматической категории в ряде языков. Сущность подобных разногласий сводится к вопросу выражения падежных значений не только падежными формами, но и какими-то иными средствами, к которым относятся чередование фонем (или внутренняя флексия), изменение интонации (мена тонов), артикли и иные служебные слова, порядок расположения слов в предложении. «Разумеется, языков, в которых так или иначе не передавалось бы грамматическое отношение имени к другим словам в предложении, не существует. Весь вопрос в том, какими средствами это достигается» [2: 269].

Падеж является центральной грамматической категорией имени существительного в русском и турецком языках. Категория падежа в обоих языках реально мотивирована, не формализована, т.е. грамматическое значение соотносится со словом и предметом, обозначает

(различием и соотношением падежных форм) типовые отношения предмета к предмету или предмета к процессу. Традиционно в турецком языке выделяется стандартное для языков количество падежей – шесть (хотя не все тюркологи разделяют мнение о таком количественном составе турецкой падежной системы).

Основной падеж в турецком языке, соответствующий в русском именительному падежу, так же является самостоятельным и независимым по сравнению со всеми остальными падежами. Функциями основного падежа являются назывная, лежащая в основе названий предметов или понятий, и предикативная. Остальные (косвенные) падежи выступают «как более зависимые, менее самостоятельные образования» [2: 267], предполагают отношение к другим словам в словосочетании и предложении. Функция косвенных падежей «сводится к выражению многообразных отношений между словами» [2: 267].

Основной падеж, родительный падеж и винительный падеж в турецком языке относятся к синтетическим. Их значения определяются теми синтаксическими конструкциями, в которых они встречаются. Основной падеж обозначает субъект действия, винительный падеж – определенный объект при глаголе, родительный – определение к имени.

Местный падеж, исходный падеж и дательный падеж в турецком языке относятся к пространственным. В отличие от синтаксических, значение пространственных падежей более конкретно. Три пространственных падежа турецкого языка описывают типичные ситуации: 1) нахождение где-либо (локатив): *İstanbul'da* 'в Стамбуле', 2) движение куда-либо (аллатив): *İstanbul'a* 'в Стамбул'; 3) движение откуда-либо (аблатив): *İstanbul'dan* 'из Стамбула'.

Однако пространственные падежи не отделены резко от синтаксических. Например, турецкий дательный падеж синкретичен, совмещает в себе черты синтаксических (адресат действия) и пространственных падежей (движение куда-либо), в отличие от русского дательного падежа. В русском же языке вся падежная система состоит из синтаксических падежей. Пространственные же отношения передаются в основном аналитически, предложными сочетаниями.

Для падежей русского языка характерна многозначность и многофункциональность. В одном падеже совмещаются различные функции, например, в русском творительном – значение орудия (*пишу ручкой*) и переносного образа действия (*пишу небрежным почерком*), значение так называемого предикативного падежа (*его выбрали командиром; он был еще ребенком*) и ряд других. Падежи турецкого языка, наоборот, однозначны, выполняют одну конкретную функцию.

В турецком языке, подобно другим агглютинативным языкам, падежные аффиксы стандартны и однозначны, падеж и число выражается отдельно. Во флективном русском языке именные флексии синкретичны, одновременно обозначают падеж и число.

Наличие формальной нейтрализации в формах падежей русского языка (*стол* – именительный и винительный падежи), (*стене* – дательный и предложный падежи) свидетельствует о большей подвижности и неустойчивости категории падежа в русском языке, в отличие от стандартности турецкого.

Итак, падеж в русском и турецком языках – морфологосинтаксическая категория, раскрывающая сложные синтаксические отношения между словами. «Своеобразие грамматической категории падежа заключается в том, что в ней синтетическими (морфологическими) средствами выражены синтаксические функции» [6: 109].

При сопоставлении далеких друг от друга языков отчетливее выступают ожидаемые различия и неожиданные сходства тех или иных языковых явлений, отражающих этнически обусловленное своеобразие интерпретаций пространственно-временного континуума [1; 4]. По результатам сопоставительного анализа категории падежа в турецком и русском языках отмечается не только некоторая общность падежных значений и функций при полном расхождении их средств выражения, но и проявление весьма неодинаковых представлений о пространственно-временной картине мира [3; 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура: материалы III международной научной конференции. Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 82-84.
2. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. 488 с.

3. Вережкина Т.В. Универсальность и уникальность пространственно-временных представлений русского народа и их отражение в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2009. 24 с.

4. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия АН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 3. С. 3-24.

5. Михеева Л.Н. Время как лингвокультурологическая категория. М.: Флинта: Наука, 2006. 96 с.

6. Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М.: Добросвет, 2006. 200 с.

МОРОВОВ Дмитрий Вадимович

(Нижний Новгород, Россия)

Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Николая Александровича Добролюбова
d7879788@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ КАК ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ- ПУБЛИЦИСТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена негативному прогнозу как особой форме скрытого призыва, использующейся в материалах полемического и провокационного характера, размещаемых в Рунете.

Призыв – самая открытая и явная словесная форма воздействия на человека. Призывающий четко определяет, кого и к чему он побуждает. М.А. Осадчий выделяет следующие атрибуты призыва [5]: действие (к которому призывает манипулятор); объект (к которому применяется указанное действие); императив (глагол в форме повелительного наклонения или функционально эквивалентной форме); адресат (тот, кто должен выполнить действие). Особенно актуальна квалификация высказывания с точки зрения наличия в нём призыва при необходимости обнаружения в тексте признаков экстремизма. Однако далеко не всегда призыв выражается эксплицитно. Создатели экстремистских материалов разрабатывают всё новые и новые формы неявного выражения призыва, делая невозможным применение к таким материалам существующих в России законодательных норм. В свою очередь, русская категория императивности [2] начинает реализовываться как текстовая категория, а парадигма возможных вариантов реализации этой категории приобретает открытый характер.

К примеру, М.А. Осадчий предлагает считать призывы, в которых императив заменен на форму мягкого воления («Товарищ, настало время выкинуть эту власть из кабинетов!»), косвенными призывами [4]. Помимо косвенных призывов нередко применяются скрытые призывы – персуазивные высказывания, направленные на изменение алгоритма поведения адресата [4]. Текст, в котором обнаруживается скрытый призыв, не содержит прямых или косвенных побуждений к тем или иным действиям, но в той или иной степени направленно программирует действия читателя.

Один из способов вербализации скрытого призыва – описание программы действий. Вместо того чтобы, например, открыто призвать к свержению власти, автор называет шаги, которые приведут к такому событию, и последующие желаемые читателем перспективы. Пример – статья из газеты Национал-большевистской партии «Курс», в которой описывается вооруженный захват власти представителями этой группировки. После чего автор перечисляет последствия: честные суды, развитие предпринимательства и т.п. [1].

Скрытый призыв также реализуется в форме простейшей провокации. Автор сознательно формирует негативное представление об объекте действий и его угрозе для читателя. Так он подводит реципиента манипуляции к ответу на эту опасность – например, симметричному акту агрессии.

Авторы, желающие побудить читателей к свержению власти, истреблению той или иной социальной, национальной или религиозной группы или подобным действиям, вынужденно осваивают тактику скрытого призыва. На сегодняшний день юридически невозможно квалифицировать такие тексты как содержащие экстремистскую составляющую. Наряду с этим появляются новые формы скрытого призыва. Например, негативный прогноз. Суггестивный потенциал негативного прогноза заключается в формировании у читателя нежелательного образа будущего и стремления этот образ изменить (не допустить осуществления прогноза).

Исследование, целью которого является определение сущности негативного прогноза и возможности квалифицировать его как скрытый

призыв, проводится на материалах (с осени 2013 г.) Рунета. Статьи, содержащие негативный прогноз как средство выражения призыва, например [6], обладают рядом сходных черт: в них имеет место имитация научного дискурса, оценка достоверности прежних прогнозов автора, использование культурных брендов, собственно негативный прогноз.

Имитация научного дискурса снижает порог критического восприятия. Читатель может трактовать тезисы и выводы статьи не как выражение авторского мнения, а как результат научного исследования, так возникает доверие к предлагаемой точке зрения [3: 107]. При этом используется терминология и псевдо терминология, тезисно-аргументативная форма изложения материала, формулируются выводы. Нередко используются искусственно проведённые исторические параллели или непроверяемые статистические данные.

Весьма успешно манипулятор, предлагающий читателю негативный прогноз, может использовать культурные бренды, безошибочно вызывающие в сознании реципиента этнически заданную реакцию. При этом не имеет решающего значения, в каком контексте употребляется тот или иной бренд: «Утверждения манипуляторов не обязательно должны совпадать со стереотипами. Прикрытие манипуляции достигается и высказываниями, абсурдно противоречащими стереотипам – важно загнать мышление в накатанную колею» [3: 197]. В такой псевдонаучной форме, с апелляцией к культурным и историко-этническим стереотипам, подаётся собственно негативный прогноз, цель которого состоит в том, чтобы подтолкнуть читателя к немедленным ответным действиям, заранее заданным авторами материалов.

Квалификация негативного прогноза как манипулятивного приема и разновидности скрытого призыва может показаться необоснованной. Прогноз – одна из популярных разновидностей аналитической статьи как жанра журналистики. Регулярно публикуются прогнозы развития экономики, сельскохозяйственные прогнозы и, конечно, прогнозы погоды. При этом прогноз нередко бывает негативным – рост инфляции, уменьшение всходов пшеницы или продолжительные осадки. И в данном случае это чаще всего не манипуляция и не призыв. Необ-

ходимо разграничить негативный прогноз как разновидность скрытого призыва и негативный прогноз как предупреждение о возможных неблагоприятных событиях в будущем, содержащееся в аналитической статье. Отличие негативного прогноза как манипулятивного приема состоит в подмене компетентного и научного осмысления проблемы имитацией научного рассуждения. При этом имеет место подтасовка фактов для подтверждения гипотезы автора и использование культурных брендов, при помощи которых автор манипулирует сознанием читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. М.: Изд. Дом «Арбитражная практика», 2006. № 4. С. 45-56.
2. Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994. 229 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004. 528 с.
4. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). [Электронный ресурс]. – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/II/osadchy.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).
5. Осадчий М.А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2012. 72 с.
6. Электронные материалы:
http://www.echo.msk.ru/blog/piontkovsky_a/1267672-echo/,
<http://www.echo.msk.ru/blog/vadimslutsky/1275898-echo/>

МУРАТОВА Елена Юрьевна (*Витебск, Беларусь*)

Витебский государственный университет имени Петра Мироновича Машерова
mouratova@tut.by

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается семантический синкретизм языкового знака в поэтическом тексте на материале поэзии XX века. Доказывается, что семантический синкретизм языкового знака происходит на всех уровнях языковой системы, особенно активно это происходит за счет нестандартных синтагматических связей лексем в поэтическом тексте, а также на фонетическом и морфологическом уровне.

Современный поэтический текст представляет собой специфический объект исследования, поскольку в поэтическом языке слово обретает новое качество. Как писал А.А. Потебня, поэзия – всегда иноска-

вание, а проза – «выражение элементарного наблюдения» [8: 151]. Основные положения о феномене эстетического в художественном слове, выработанные в первой половине XX века, остаются неоспоримыми и актуальными до сих пор. К ним, в первую очередь, относится выделение двух типов значений слова в поэтическом тексте: «ближайшее» и «дальнейшее» (Потебня), «традиционная условность» и «семантическая новизна поэтического словоупотребления» (Ларин), «прямое» и «поэтическое» (Винокур), «основное» и «боковые значения» (Эйхенбаум), «номинативно-предметное» и «иное, новое» (Виноградов), «первый смысл» и «второй смысл» (Звегинцев).

Значимость слова в поэзии совершенно иная, нежели в естественном языке, потому что в поэтическом тексте во внутрискруктурные отношения вовлекаются не только слова, но и другие элементы: отдельные звуки, звуковые сочетания, последовательность сочетаний слов, грамматические категории, характер рифм, ритм, симметрия, гармония и т.д. Для поэтического языка соотношение «язык – реальная действительность» несколько иное, поскольку, как писали члены Пражского лингвистического кружка, организующий признак искусства – это направленность не на означаемое, а на самый знак. Если в различных областях общения языковой знак является отражением действительности, носителем информации о ее предметах и явлениях, то в поэзии языковой знак сам является информацией, сам предстает предметом: в поэзии все признаки означающего являются значимыми, актуальными, его языковая форма самодостаточна и не является прямым отражением внеязыковой действительности.

В современной поэзии семантический синкретизм языкового знака проявляется особенно активно, и происходит это на всех уровнях языковой системы.

Рассмотрим механизм образования новых смыслов в поэтических текстах на фонетическом уровне: *Как плавно выступала пава, / пока была ее пора! – / опалом пагубным всплывала / и Анной Павловой была* (Б. Ахмадулина). Смыслообразование возникает за счет актуализации фонетического уровня стихотворения. Из 77 звуков 58 являются гласными (33), сонорными (15) и звонкими согласными

(10), т.е. само фонетическое качество преобладающих звуков создает насыщенность голосом, а не шумом. При этом 11 раз повторяется ударный «а». Выражение связывается в единую фонетическую фракталь посредством модуляции звуков: плв (*плавно*) – впл (*выступала*) – пв (*пава*) – бл (*была*) – п (*пора*) – плм (*опалом*) – пбм (*пагубным*) – впл (*всплывала*) – пвл (*Павловой*) – бл (*была*). Сближение слов с фонетически близкими комплексами звуков – *плавно, пава, всплывала, Павлова* – углубляет семантическую структуру текста: в значение лексемы *всплывала* «проникает» сема значения *плавно*, одновременно *Павлова* получает оттенки значений всех трех созвучных слов. В конечном итоге не только лексемы передают, как именно выступала пава (*плавно, всплывала опалом, двигалась с легкостью и грацией балерины Анны Павловой*), но «переплетение» звуков как будто тоже передает все изгибы и тонкости ее движения.

Смыслообразующую роль может играть повтор ударных гласных: ***Свело. Свело. Свело. / С тобой. С тобой. С тобой. / Алло. Алло. Алло. / Отбой. Отбой. Отбой*** (А. Вознесенский). За счет фонетического строя стихотворения – постоянного повтора ударной фонемы [О] – действие разворачивается не во фрактале «телефонный разговор», а во фрактале «разрыв, боль, одиночество». Благодаря смыслопорождающему процессу, который организуется не только на базе словарных значений лексем, но, главным образом, на базе фонетической организации стихотворения, имитирующей телефонные гудки, рождается художественный образ человека, нервно сжимающего телефонную трубку и напряженно вслушивающегося в безразличные телефонные гудки, которые становятся символом одиночества, душевного надрыва их слушающего, сложности отношений между двумя людьми. При этом в лексемах *свело* и *отбой* ярко проявляется глубинный семантический синкретизм: *свести* – не только *соединить*, но – *согнуть, скорчить*; *отбой* – не только *сигнал конца разговора*, но конец отношений, понимание невозможности их продолжения. В данных примерах очень наглядно, на наш взгляд, «самая форма уже переходит в содержание, сливаясь с ним в неделимое целое» [3: 631].

Аналогичная самоорганизация глубинных смыслов слова в поэтическом тексте наблюдается на синтагматическом уровне. Например: 1. *Как детский поцелуй, спокойно дышит стих.* 2. *Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко.* 3. *Любила снег ласкать пальба.* 4. *Затеplen Апрель. Возмужалостью тянет из парка.* 5. *Встает в колонны рев скота* (Б. Пастернак).

Смыслорождающий процесс может быть отчасти представлен и «раскодирован» собственно языковыми механизмами. Проиллюстрируем эту мысль некоторыми примерами из М. Цветаевой: 1) *Зубочистками кончаются наши романы / С гастрономами.* 2) *Шорохами опояшусь, / Шелестами опушусь.* 3) *Ты в глаза мне вбрызнул смех, / Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.* 4) *Днепром разламывая лед / Русь – Пасхою к тебе плывет.* 5) *Не устанем / Мы – доколе страсть есть! / Мстить мостами.* Везде в данных строчках наблюдается диффузное наложение разных семантических фракталей, которое осуществляется следующими языковыми средствами: при фазисном глаголе *кончатся* и психическом *мстить* появляются не пропозитивные, а предметные дополнения – *зубочистками, мостами*; при глаголах физического действия *опоясать, опушить, вбрызнуть, разламывать* – непредметные существительные. Как тонко заметила Н.Д. Арутюнова [1], конкретное дополнение при глаголе психического действия прочитывается как свернутая пропозиция, а пропозитивное существительное при конкретном глаголе ведет к дематериализации глагола. В нашем конкретном случае: *мстить мостами* – мстить тем, что *кто-то* (чаще – родной и близкий человек) бросится с моста; *вбрызнуть смех, мазурку* – наполнить радостью и счастьем.

Изменение и увеличение валентных связей слова в поэтическом тексте за счет трансмерных отношений может быть потенциально неограниченным. Например, у Б. Ахмадулиной есть такие строки: *А далее – летите вверх или вниз, / в кровь разбивая локти и колени / о снег, о воздух, об углы Кварнеги, / о простыни гостиниц и больницы.* В данном предложении синтагматика связи глагола с существительным проявляется специфически. Казалось бы, перед нами глагол физического действия *разбивать* и существительные, отра-

жающие конкретные жизненные реалии: *снег, воздух, простыни*. И, тем не менее, их сочетание рождает иное, подтекстовое значение, пропозиция в предложении не складывается из прямых лексических значений слов. Нестандартность синтагматической связи между глаголом *разбивать* и последующими существительными, имеющими в контексте общее значение «обо что», обусловлена тем, что эта связь не отражает естественную организацию внеязыковой действительности, поскольку в реальной жизни простыни не имеют углов и невозможно разбиться непосредственно о снег или воздух. В реальной жизни «разбивать (ся) обо что» – единая фракталь, в данном же тексте художественно образуются две разные фракталы: «разбивать (ся)» и «обо что», имеющие разное семантическое наполнение. Изменение фрактальности рождает новые глубинные смыслы: те, к кому обращены эти строки, будут в жизни ошибаться на пустом месте, разбиваться даже там, где это невозможно (*о снег, воздух*), изобретать для себя, вольно или невольно, препятствия и трудности (*углы простыней*); жизнь будет суетлива и не особенно радостна (*простыни гостиниц и больниц*). Неузуальная связь в каждом сегменте высказывания представляет собой свернутую пропозицию, не складывающуюся из лексических значений представленных слов.

Семантический синкретизм языковых единиц наблюдается и на уровне морфологических категорий. Эстетические возможности таких элементов морфологии, как род и число существительных, вид, залог, наклонение, время и лицо глагола, формообразование в рамках лексико-грамматических разрядов прилагательных и др., не раз рассматривались в научной литературе как эстетическая ценность поэтической и художественной речи.

Докажем это анализом потенциальных возможностей категории лица глагола в поэтическом тексте. Наиболее частотны процессы смыслообразования происходят за счет рассогласования форм грамматического лица. Виды такого рассогласования различны. Например, смыслообразование может происходить, когда при варьировании форм лица возникает ситуация отстранения лица говорящего, присвоения им потенциальной речи адресата: 1. *Вот мы лежим. Нам пло-*

хо. *Мы больной... Чем я, больной, так неприятен мне, / так это тем, что он такой неряха... 2. Он гудит себе гудит, / веточки качает. / На пенечке кто сидит? / Я сидит, скучает* (Л. Лосев). Особенно ярко потенциальные возможности категории лица проявляются в условиях грамматической антитезы. Так, у М. Цветаевой: **Сню тебя или снюсь тебе**, у Б. Ахмадулиной: **Сама ль я слышу? Слышится ли мне?**

Современной поэзией активно осваивается семантический потенциал **категории рода** существительного: *Тридцать первого числа / лета красная пришла. / Пудель белая бежала, / мелким хвостиком трясла* (А. Левин). 1. *А в старом фильме (в старой фильме) / в окопе бреется солдат... 2. Прощай, мой товарищ, мой верный нога, / проститься настало нам время* (Л. Лосев). *Ты кричишь, что я твой изувер, / и, от ненависти хорошея, / изгибаешь, как дерзкая зверь, / голубой позвоночник и шею* (А. Вознесенский). Проанализируем последний пример. В русском языке слова на мягкий согласный с нулевой флексией в именительном и винительном падежах не различаются по роду вне конкретного контекста, т.е. они потенциально «готовы» к перемене рода без изменения своего фонетического облика. В данном примере речь идет о женщине, поэтому изменение мужского рода существительного *зверь* на женский понятно, грамматически и художественно оправданно. Употребление формы *зверь*, которая *изгибает голубой позвоночник*, рождает образы из породы кошек – диких, дерзких, смелых, гибких, красивых (тигрица, львица, пантера и под.). И одновременно с этим складывается образ самой женщины и личность мужчины, которому нравится именно такая женщина.

Таким образом, семантический синкретизм языкового знака в поэтическом тексте выявляется на всех уровнях языковой системы и играет важную смыслообразующую и художественную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты: [стихи]. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 464 с.
3. Белый А. Символизм: кн. ст. М.: Мусагетъ, 1910. 633 с.
4. Вознесенский А. Лирика. М.: Эксмо, 2007. 351 с.

5. Левин А. Песни неба и земли: избранные стихотворения 1983-2006 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 275 с.
6. Лосев Л.В. Стихотворения из четырех книг. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. 178 с.
7. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1965. 730 с.
8. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 342 с.
9. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995. 7 т.

НИКОЛИНА Наталия Анатольевна (*Москва, Россия*)

Московский педагогический государственный университет
admin@riash.ru

ГОЛОФРАСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются новообразования, возникшие в результате голофразиса, определяются их типы и особенности структуры, отмечаются функции, в которых выступают голофрастические образования в современной речи.

Голофразис обычно рассматривается как неузуальный способ русского словообразования, в результате которого возникают окказионализмы разной структуры. Голофрастические образования до сих пор недостаточно хорошо изучены, что отражается в пестроте и разнообразии их терминологических обозначений, ср., например: лексикализованные фразы, голофрастические конструкции, номинализованные вербальные конструкции, голофрастические структуры, композит-комплексы. По-разному определяется и статус голофразиса в системе способов словообразования. Так, В.П. Изотов и И.А. Ковынева считают его самостоятельным способом словообразования, имеющим синтагматический характер [2], [3], другие же исследователи характеризуют его как окказиональную разновидность лексико-синтаксического способа или – применительно к синхронии – сращивания. В работе Т.В. Поповой, Л.В. Рацибурской и Д.В. Гугунавы «Неология и неография современного русского языка» голофразис трактуется как проявления идеографической деривации, в рамках которой выделяется интеграция – «образование нового слова на базе словосочетания или целого предложения путем ликвидации пробела между сло-

вами» [4: 109]: *слова слились в одну фразу; политика-как-продолжение-войны-только-другими-средствами.*

С нашей точки зрения, голофразис целесообразно рассматривать как особую неузуальную разновидность сращения, понимаемого широко. В литературном языке продуктивны только модели, в основе которых слияние подчинительного словосочетания, преимущественно наречия (реже существительного) и прилагательного или причастия: *впередсмотрящий, здоровьесберегающий, вечнозеленый, азотсодержащий* и др. Голофразис как объединение в одну единицу целого предложения или его части также может квалифицироваться как сращение, которое в этом случае рассматривается как слияние синтаксических единиц разных типов. Одновременно в современной русской речи все большее распространение получает слияние сочинительных сочетаний слов; см., например: *...Зацепившийся за флаги **серп-и-молот** плел золотую паутину на ветру* (М. Яснов); *Про **истину-добро-красоту** / Забыть придется лет на тридцать* (Л. Рубинштейн). Активизация окказиональных форм сращения, таким образом, происходит на фоне интенсивного развития чистого сложения. Объединению в одно целое подвергаются различные соположенные компоненты речи.

В последние десятилетия в художественной речи и языке СМИ активизировались голофрастические сращения, в составе которых сохраняются синтагматические связи элементов и наблюдается «непогашенность» (Р.Ю. Намитокова) синтагматических отношений между ними. Их распространение во многом связано с влиянием западноевропейских языков, прежде всего английского, в котором широко используются дефисные комплексы, объединяющие элементы разных синтаксических структур. В то же время голофрастические образования встречались в русской речи и раньше, например в философских текстах. «Отмечен случай появления голофрастической конструкции в XIX веке – *Хренредькинеслаще*. Это псевдоним писателя В. Карцева... Более раннее употребление голофрастических конструкций обнаружено в творчестве В.К.Тредиаковского: так, например, в “Тилемахиде” встречаем: *Рцы, коль-без-кротости юноша пыщ, без скромности*

дерзок». Сложно судить, насколько дефисные написания В.К. Третьяковского осознавались им в качестве отдельных слов. Однако сам этот факт достаточно показателен» [3: 10].

В современной речи встречаются голофрастические образования разной структуры. Это сращения:

1) простого двусоставного предложения: *Мать Юры, по-прежнему баловавшая Валю яблоками и шоколадом, и всегда с неизменным “Юраприслал” ...рассказывала за чаем, как она была у Соловьевых и какое у них семейное счастье* (А. Ремизов); *тут-кто-то-жил-уже* (Н. Азарова);

2) простого односоставного предложения: *Под большим черным зонтиком прогуливается Люблюкошек – пожилой господин в шляпе и пенсне* (К. Драгунская);

3) сложного предложения: *Они стремятся к гудкам электричек, к клавишам компьютера, зазывному подмигиванию “видяшек”, двум порциям по 20 коп., к как-хорошо-что-тебя-никто-не-узнает-на-улице...* (Ю. Шинкаренко); *Не-знаю-где-град* (Д. Бобышев);

4) опорного слова и придаточного предложения: *тут дождь навеки промочил / все-что-имело-место-быть* (Е. Клюев);

5) придаточного предложения или фрагмента простого предложения: *Я не пишу тебе, потому-что-я-не-скучаю...* (К. Маренникова); *Кому-то-там-наверху надоели... мои детские и подростковые мытарства* (М. Палей).

Отмеченные слияния оформляются в современных текстах преимущественно как дефисные комплексы, однако встречаются и слитные написания; ср., например:

...страна у нас – трава с огоньками станций.

И что есть еще балет, дед-и-баба-танцуй.

(А. Найман)

Недаром

в наш веселый шумный кубрик старшина гармонь принес

Дайте рублик

Дрожу, как пес.

(Л. Лосев)

Голофрастические сращения могут занимать разные позиции в предложении (тексте), ср.: **О-Бог-опять-снега** / как может быть что есть (Г. Айги); **Мы пьем из смерть-с-пути-сметафор** (В. Мельников); **Американский бар набитый как трамвай** / Где – **извините-я-не-говорю по-русски** (Н. Искренко).

Слияние компонентов предложения приводит к удлинению новообразования, увеличению его объема и к ослаблению границ между членами словосочетания или предложения, при этом, как уже отмечалось, в составе комплекса сохраняются синтаксические отношения между ними, в результате в тексте функционирует слово-предложение. Например: *Правда, я был далек от психологии “подумаешьэканевидадь”*. (А. и Б. Стругацкие); *...Беги от бумаги / К “бог-с-ним-что-скажут”* (К. Чекмарева).

В то же время «сжатие» предложения в одну целостную единицу сопровождается преобразованием этой единицы, утрачивающей предикативность. Голофрастическое образование приобретает новые синтагматические связи, «внутренний» синтаксис дополняется внешним:

*Но-чью шаги-на-по-мощь
это всего-лишь
стук – слышишь
своего
сердца*

(Н. Азарова)

Сращение, лежащее в основе голофрастических образований, может сочетаться с суффиксацией или взаимодействовать со сложением: **Ни-во-что-не-погруженность... ничем-не-взволнованность... ни-к-кому-не-расположенность... и такая... ничем-вроде-бы-не-потревоженность, но и ни-на-чем-не-распятость** (Вен. Ерофеев); **Люциферова периодика / Там-где-на-заждались-издат...** (Д. Новиков); **Дома своим первым цветом / распустились / на земле / всеравночьи** (Н. Азарова).

Одновременно голофрастические сращения регулярно подвергаются субстантивации, сигналами которой служит употребление их с

предлогами или (реже) с согласуемыми формами прилагательных и местоимений, см., например: *Музыка отлучилась в **я-не-скажу-куда*** (В. Куллэ); *...давай играть: / в войну, / в **не-наступишь-на-ногу-умрёт-мама** / в падающего толкни* (А. Горбунова).

Субстантивация свидетельствует о переходе коммуникативной единицы в номинативную. В результате голофрастические образования функционируют в речи как существительные; см., например: *Вечером Юлька возвращается к мужу, а я к пустому окну и к **“не-бояться-ночами”*** (К. Щербино). При этом возможно (хотя и редко) их употребление в атрибутивной функции: *Полжизни она проводила теперь ... в милом нетребовательном трёпе..., незаметно дозревая до романчика **все-равно-с-кем*** (М. Кучерская).

Распространение голофрастических образований в современной русской речи обусловлено поисками обозначения реалий и явлений, тесно связанных в сознании говорящих, а также понятий, не имеющих целостной номинации. Такие сращения являются многофункциональными. Они, во-первых, выполняют «в современной речи функцию “фразеологизации” речевого сегмента» [1: 304] и используются для передачи цитат, воспроизведения устойчивых высказываний, речевых стереотипов, свертывания фрагментов прецедентных текстов: ***Куда-ж-нам-плыть?*** (Е. Клюев); *Какой бы увидали мир / И мухомор и каланчу / **И-чуден-этот-Днепр**...* (Н. Искренко).

Во-вторых, голофрастические образования могут выступать в оценочной функции. Слияние синтаксических единиц в одно целое часто выражает безразличие говорящего к отдельным компонентам предложения, в результате сращение может использоваться как средство иронии или пренебрежительной оценки. Кроме того, голофрастические образования выполняют в современной речи собственно номинативную функцию. Эти неузуальные единицы в этом случае

– либо отражают поиск (выбор) наименования: *Прихода Эвридики и не заметили бы, если бы не **соковыжималка-или-как-ее-там*** (Е. Клюев);

– либо служит средством эвфемистической замены: *Самые отважные из магов на всякий случай начинали трястись при одном его*

*имени, самые трусливые на всякий случай говорили **Том-произнесение-имени-которого-сопряжено-с-определенными-физическими-трудностями*** (А. Жвалевский, И. Мытько);

– либо участвуют в метатекстовой игре: *...Где **Том-Кого-Автор-Напропалую-Называет-нормальным-именем-но-все-предпочитают-обходиться-такими-вот-Идиотскими-намеками*** (С. Панарин).

В современных художественных текстах встречаются слияния слов и компонентов предложения, которые передают особенности чужой речи, отображая ее темп и характер звучания; см., например: ***Все-кончается-слезами** – / **Вот что Вы еще сказали*** (Е. Клюев); *...Сейчас начнется, юбку расправит на коленках – иииии: **когда-замуж-выйдешь?!*** (Е. Некрасова).

Особенно часто такие голофрастические сращения используются при передаче аллегорической речи: *Мама то прибежит в комнату, то опять убегает на кухню, на ходу звенит колокольчиком: “...**день-джинсовую-рубашку-тебе-идет**», **«тарелки-протри-так-не-ставь...**”* (А. Мамедов).

Как видим, образования, в основе которых – «сжатие» предложения, неоднородны и разнообразны по функциям. В их составе различаются сращения, выполняющие номинативную функцию, дефисные комплексы, выступающие как способ фразеологизации, и образования, служащие средством передачи чужой речи. Последние вряд ли могут быть отнесены к собственно сращениям, их целесообразно рассматривать как прием имитации чужой речи, получивший распространение в современной художественной речи.

От сращений следует отличать и слияние компонентов предложения, служащее средством передачи оптической или оценочной точки зрения персонажа; см., например: *Недавний спонтанный поход в православный храм... оставил в том, что зовется душа, неприятный осадок. **Темные-всегда-одинаковые** старухи с недобрыми глазами ... казалось, готовы были сожрать* (Н. Рубанова). В данном случае это также художественный прием построения текстового фраг-

мента, отражающий особенности восприятия персонажа и нерасчлененность его впечатлений.

Голофрастические образования занимают промежуточное место между словом и предложением. Процесс номинализации – превращения синтаксической единицы в слово – остается, как правило, незавершенным, степень узуальности рассматриваемых образований различна, большинство их сохраняет окказиональный характер. В то же время активность сращений в современной русской речи свидетельствует о расширении в современной речи возможностей этого способа словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 431 с.
2. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Дисс. ...доктора филол. наук. Орел, 1998. 498 с.
3. Ковынева И.А. Голофразис как способ словообразования в русском языке. Автореф. дисс. ...кандидата филол. наук. Орел, 2007. 23 с.
4. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2005. 166 с.

НИКУЛКИНА Ольга Геннадьевна (Брянск, Россия)

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
info@br.ranepa.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ИМЕН-СИМВОЛОВ В ТЕКСТАХ АВТОРСКИХ СКАЗОК

Аннотация. В статье рассматривается динамика плана содержания некоторых сказочных онимов при вторичном употреблении их в художественном контексте.

В текстах авторских сказок встречаются отдельные имена, генетически связанные с русскими народными волшебными сказками, но выступающие с новым метафорическим значением. Такие имена мы называем именами-символами, или именами-метафорами.

Самым известным сказочным царем является царь Горох. Имя **Горох** обычно считают мифоантропонимом [7: 84]. Но следует иметь в

виду, что в древнерусском языческом антропонимиконе среди прочих многочисленных именовании значился и антропоним **Горох**, от которого образована фамилия Горохов. Учитывая этот факт, можно предположить, что создатели или интерпретаторы народных сказочных текстов, стремившиеся использовать при именовании царей редкие и даже экзотические имена, в ряде случаев вполне могли обращаться и к старому дохристианскому антропонимикону, изобиловавшему ставшими явно необычными после укоренения христианства и христианских имен антропонимическими обозначениями. Не исключено также, что имя царя **Гороха** в русской волшебной сказке осталось как антропонимический факт самых давних (первоначальных) сказочных текстов, в том числе и тех, которые становились собственно сказочными в период трансформации древнего мифа в сказку.

Если разрабатывать мифологическую подоснову сказочного антропонима **Горох**, то можно обнаружить, что оно имеет сакральное значение и восходит к периоду культовых обрядов, где анализируемое имя считалось словом-табу и обозначало громовержца Перуна. Когда божество было забыто, имя утратило сакральность, приобрело шуточный характер и стало ассоциироваться в народе с добрым и глупым царем.

Кроме того, имя царя **Гороха** могло иметь в качестве источника нарицательное слово *горох*, обозначавшее как растение из семейства бобовых, так и сами семена, зерна этого растения. Гороховые зерна имели в архаичной культуре глубокий символический смысл. Горох использовался в похоронно-погребальном обрядовом комплексе и его одновременно относили к числу атрибутов с отчетливой эротической и продуцирующей семантикой [2: 115–116; 3: 51–53].

Если учесть, что царь **Горох** живет в «тридесятом царстве», то есть в параллельном (потустороннем) мире (по интерпретации В.Я. Проппа), то можно предложить следующее прочтение сути сказочного царя в древнейших текстах, предшествующих собственно сказке: Горох олицетворял некую мыслимую сущность, находившуюся по ту сторону бытия и обуславливавшую рождение всего существующего в земном мире. В своих истоках имя **Горох** вполне могло быть

именованием тотемного предка как синкретического прообраза персонажей сказок и смежных со сказками жанров эпического творчества, в частности царей и правителей «тридесятого царства» [5: 66–110]. В сказках образ царя Гороха является несколько комичным, что объясняется обстоятельствами формирования сказки из предшествующих мифов. Предполагаемая нами интерпретация образа и имени царя **Гороха** исходит из понимания фольклорной традиции как консервативной: в ней прежняя форма (в том числе исходное имя), сохраняясь столетиями, тем не менее, наполняется постоянно новым содержанием.

Сказочный антропоним **Горох** (царь), зафиксированный в тексте сказки Д.Н. Мамина-Сибиряка «Сказка про славного царя Гороха», употреблен в окказиональном значении ‘веселый царь’: *Пока был молод царь Горох, больше всего он любил повеселиться* [6: 348]. Это значение сказочного поэтонима, актуализированное в авторской сказке, затемняет первичный древний содержательный пласт этого имени собственного в первоисточнике.

В волшебной сказке именем **Кощей** обозначен фантастический персонаж, похищающий невесту героя, а само значение имени может быть истолковано по-разному.

Имя **Кощей** принято ассоциировать со смертью. Исследователи указывают постименное значение слова *кощей*, в частности ‘скупой богач’, ‘волопита, который похищал девиц и морил их голодом’, ‘захватчик’, ‘ростовщик’ [4: 57].

А.Н. Афанасьев ассоциировал образ Кощея с оцепененным (считая глагол *оцепенеть* синонимичным глаголу *окостенеть* в значении ‘застыть, оцепенеть, сделаться твердым, как кость, от сильной стужи’) состоянием природы вследствие холода, вьюги, вихря [1: 154–155].

Ю.С. Степанов связывает языковое значение онима **Кощей** с несколькими основами и соответственно отмечает три ипостаси персонажа. Главная из них означает ‘тот, кто имеет отношение к костям’ (**Кощей** из прилагательного **kostjъ-jъ* – ‘костлявый, худой’ или **kostь-sějъ* – ‘тот, кто сеет кости’). При такой интерпретации Кощей – прообраз человека в племени, ведающего посевом костей, посредник между

живыми и мертвыми. Закапывание костей животных в первобытной культуре символизировало восстановление гармонии в природе: кости давали «всходы», и убитые животные возрождались. Две второстепенные ипостаси представлены значениями 'пленник' (др.-рус. *кощеи*, *кощии* – 'отрок, мальчик, младший отрок княжеский, пленник, раб' - из тюрк. *koşci* 'невольник' [263: 362]) и 'распорядитель судьбы, жребия' (ср. элемент *-кошь//къшь*, входящий в имя богини плодородия *Макошь*) [8: 82–87].

Имя **Кощей** в сказке Д.Н. Мамина-Сибиряка «Сказка про славного царя Гороха» ассоциируется со скупостью, употребляясь только в составе сравнения: *И скуп сделался царь Горох, как Кощей* [6: 351]. Т.Н. Кондратьева фиксирует одно из отыменных значений мифонима **Кащей** – 'скупой богач, корыстолюбец' [4: 58].

В авторской сказке имя сказочного персонажа оторвалось от народного источника и попало в иной, авторский дискурс. Соответственно затемнилось и мифологическое значение, лежащее в основе номинации, произошла метафоризация в составе сравнительного оборота при обозначении иного (действующего) персонажа сказки, и на первый план выступило явно вторичное значение мифонима **Кощей** – 'скупец, скряга'.

Имена-метафоры выполняют номинативно-идентификационно-дифференцирующую и стилистическую функцию, поскольку являются яркими языковыми средствами, позволяющими раскрыть идейно-тематическое содержание произведений.

Приведенные примеры показывают, что семантическим ядром, способным к развитию переносных, метафорических значений, оказываются те или иные периферийные признаки, составляющие коннотативный компонент значения слова.

Рассмотренные поэтонимы свидетельствуют о динамике плана содержания онимов при вторичном употреблении в художественном контексте. В этих случаях на номинативную функцию накладывается метафорическая функция: имя становится метафорическим знаком. Основой метафорического употребления имени является фоновое знание. Свойством таких имен-метафор является переплетение архе-

типической символики, сказочных коннотаций и индивидуально-творческой метафорической символики. Имена-метафоры синхронно реализуют свойства и мифологического знака, и образного средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Сов. Россия, 1986. 366 с.
2. Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. Мн.: Беларусь, 2004. 592 с.
3. Коваль У.І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: даводнік па ўсходнеславянскай міфалогіі. Гомель: Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай: і дзелавой інфармацыі, 1995. 180 с.
4. Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени: опыт словаря. Казань: Издательство Казанского университета, 1983. 111 с.
5. Криничная Н.А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. Л.: Наука, 1988. 192 с.
6. Мамин-Сибиряк Д.Н. Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку// Сказки русских писателей. М.: Дет. лит., 1984. С. 347–372.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; Академия наук СССР, Институт языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Терра – Азбука, 1996. Т. 4. (Т – Ящур). 1996. 864 с.

ОДИНЦОВА Ирина Владимировна (Москва, Россия)

Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
odintsova.irina@gmail.com

КОРРЕЛИРУЮЩЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВ *ДОЛЖЕН* И *НАДО* ПРИ ВЫРАЖЕНИИ НЕОБХОДИМОСТИ

Аннотация. В статье анализируется коррелирующее употребление модальных модификаторов *должен* и *надо* при выражении необходимости в русском языке. Рассматриваются условия, когда в предложении эти слова способны замещать друг друга.

Предложения со словами *должен* и *надо* отличаются эгоцентризмом модальных предикатов. Ситуации с этими модальными модификаторами полисубъектны, что делает высказывание с ними полифоничными по смыслу.

В предложениях с *должен* и *надо* выделяются, по крайней мере, три субъекта. Например, в диалоге:

Андрей: — Ты был на последней выставке?

Олег: — Нет.

Андрей: — Ты **должен** сходить на выставку, тебе понравится.

в формировании смысла предложения *Ты должен сходить на выставку* принимают участие следующие субъекты: Андрей — субъект модальной оценки, который обычно совпадает с субъектом речи; Олег — субъект денотативной потенциальной ситуации; Олег — субъект волюнтативности, то есть субъект, благодаря волевым усилиям которого, возможно превращение потенциальной ситуации в реальную. Употребление слов *должен* и *надо* находится в прямой зависимости от конфигурации участия названных субъектов в формировании смысла предложения. Это употребление может быть коррелирующим, когда слова *должен* и *надо* способны замещать друг друга: *Мы должны говорить и помогать друг другу* (Л. Толстой) — *Нам надо говорить и помогать друг другу* или неварьированным, когда в предложении может быть употреблено только слово *должен* или слово *надо*: *Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться* (М. Лермонтов). *Лужин, озираясь, остановился, и улыбающаяся женщина спросила у него, что ему надо* (В. Набоков).

Коррелирующее употребление слов *должен* и *надо* возможно при условии, если в предложении выражается значение необходимости, и в формировании этой семантики участвуют все три названных субъекта: *«Вы должны уехать... — продолжала Анна Сергеевна шёпотом. — Слышите, Дмитрий Дмитрич? Я приеду к вам в Москву. Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда, никогда не буду счастлива, никогда!»* (А. Чехов). *«Ах, я должен тебе сказать, — это великолепно...»* (В. Набоков). Субъект волюнтативности и денотатив-

ный субъект при коррелирующем употреблении слов *должен* и *надо* совпадают.

Испытывать чувство необходимости может только человек, поэтому субъектом волюнтаривности может быть только одушевленное лицо. В предложениях со словом *должен* субъект волюнтаривности не всегда присутствует в смысловой структуре предложения (например, при выражении предположительности: *Я почему-то подумал, что он **должен** хорошо играть в шахматы – с деревянными фигурками ему проще взаимодействовать* (Н. Кожевникова). В предложениях же со словом *надо* субъект волюнтаривности вмонтирован в структуру конструкции с *надо* в форме дательного падежа, который может быть формально выражен и не выражен. Употребление дательного падежа не обязательно в случае, если субъект оценки и субъект волюнтаривности — одно лицо: ***Надо** было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра* (М. Лермонтов); обобщенное лицо (носитель коллективного опыта): *Только, брат, имей в виду, - жениться с умом **надо*** (И. Бунин). Если же субъект оценки и субъект волюнтаривности — разные лица, присутствие дательного падежа обязательно: *«Ну, вот и хорошо, что ванну пристроил, – одобрительно сказал Азazelло, – ему **надо** брать ванны, – и крикнул: – Вон!»* (М. Булгаков).

Необходимость в лингвистике определяется как обусловленность ситуации теми или иными обстоятельствами, которые с точки зрения субъекта модальной оценки требуют «непременного превращения потенциального в актуальное» [3: 142].

Категория необходимости обычно рассматривается в связи с категорией долженствования. Соотношение этих двух категорий по-разному характеризуется в современной литературе. Одни ученые не дифференцируют эти категории, рассматривая одну категорию — категорию долженствования (Т.В. Булыгина, В.Ю. Вольмут, И.М. Кобозева, А.Д. Лариохина). Другие анализируют категорию необходимости, не выделяя категорию долженствования (А.Л. Крючков). Третьи рассматривают долженствование как самостоятельную категорию в ряду с категорией необходимости (С.Н. Туровская). Так, С.Н. Туровская счита-

ет, что «речь должна идти о четырех концептах, относящихся к действиям и поступкам: необходимости как вынужденности, долженствовании как норме (обязанности), долженствовании как идеале и необходимости как нужде, надобности» [2: 9]. И, наконец, большая группа ученых, не дифференцируя категорию долженствования и необходимости, рассматривает одно поле необходимости, в границах которого анализируются явления, относимые к категории долженствования (Г.А. Золотова, А.В. Ломов, И.Г. Милославский, С.Н. Цейтлин, К. Чвани). Так, И.Г. Милославский, считает, что конструкции с *должен* являются способом выражения одного из значений необходимости, а именно необходимости «совершения действия без какой бы то ни было дифференциации причин, обуславливающих такую необходимость» [1: 210-211].

Значение необходимости шире, чем значение долженствования. Долженствование относится к необходимости как частное к общему. Общим признаком, лежащим в основе необходимости и долженствования, лежит признание обязательности, «необходимости» связи явлений.

Необходимость может существовать независимо от субъекта модальной оценки — алетическая (объективная, неконтролируемая) необходимость и может быть предопределена нормой, установленной человеком, — деонтическая (субъективная, контролируемая) необходимость.

Жизнь человека и мир вокруг него контролируются как обществом, понятиями долга и нормы, так и его собственными интересами, его внутренними потребностями и желаниями, поэтому в сфере деонтической необходимости выделяются: необходимость-долженствование, предписательная необходимость, и необходимость-надобность, необходимость-потребность, утилитарная необходимость. Специализированное средство выражения необходимости-долженствования — слово *должен*, необходимости-надобности — слово *надо*.

Необходимость-долженствование и необходимость-надобность не абсолютные категории. Человек вынужден соблюдать общеприня-

тые законы, нормы, подчиняться волеизъявлению других людей. Однако система норм потому и существует, что есть опасность ее нарушить. Поэтому необходимость, актуализированная как долженствование, относительна. Необходимость же надобность относительна по своей природе, поскольку она всегда связана с потребностями человека. Таким образом, граница между долгом человека и его внутренней потребностью очень зыбка. Все зависит от человека, от того, как он воспринимает окружающий мир. Социальная норма может восприниматься им как внутренняя потребность, а внутренняя потребность может осознаваться им как проявление долга.

Возможность коррелирующего употребления *должен* и *надо* обусловлена именно цементирующей категориальной семантикой деонтической необходимости, на базе которой акцентируется то значение долженствования, то значением надобности: *На выходе из беседки Алексей Александрович, так же как всегда, говорил со встречавшимися, и Анна **должна** была, как всегда, отвечать и говорить; но она была сама не своя и как во сне шла под руку с мужем* (Л. Толстой). *Да кстати и я переоденусь. Только **надо** сначала пойти помыться, а то я, кажется, с весны не мылся* (А. Чехов).

О зыбкости границ между выражением долженствования и надобности свидетельствуют примеры, где *надо* выражает долженствование, а слово *должен* может рассматриваться как выражение надобности: *Солдаты отняли его у меня, когда вводили сюда, — сказал Левий и добавил мрачно: мне его верните, мне его **надо** отдать хозяину, я его украл* (М. Булгаков). *Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я **должен** сказать еще несколько слов* (М. Лермонтов).

Итак, коррелирующее употребление слов *должен* и *надо* возможно при выражении необходимости в предложениях, где в роли субъекта волюнтаривности выступает одушевленное лицо, и субъект волюнтаривности совпадает с субъектом денотативной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милославский И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М., 1987.

2. Туровкая С.Н. О семантической зоне модальности необходимости в русском языке // Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. Труды по русской и славянской филологии. Tartu. 1998.

3. Цейтлин С.Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

ОСЬМАК Наталья Андреевна (*Санкт-Петербург, Россия*)

Невский институт языка и культуры
natalia.osmak@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕЧЕВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию основных принципов речевой лексикографии для обозначения нового направления в рамках дескриптивной лексикографии, представляющего русскую повседневную разговорную речь.

В последнее время в лингвистике на различных уровнях ведутся исследования, посвященные функционированию в речи языковых единиц. Не последнее место в этой дискуссии отводится лексической, а также лексикографической проблематике, которую затрагивают работы Ю.Д. Апресяна [см. 1; 2], Л.П. Крысина [см. 6; 7] и мн. др.

Особый интерес для исследования представляют те изменения, которые происходят в лексике: многие единицы современного лексикона, активно употребляющиеся в живой речи (максимально изменчивая, подвижная система), знакомые всем говорящим и признаваемые более или менее нормативными, не находят еще пока никакого отражения в языке (относительно стабильная система). Однако русская повседневная разговорная речь только начинает привлекать внимание лексикографов как возможный объект описания, что, в свою очередь, делает необходимым введение термина речевая лексикография (далее — РЛ), а также ее (РЛ) теоретическое обоснование.

Объектом описания традиционных словарей является слово. Однако для комплексного представления русской повседневной разговорной речи такой подход является недостаточным, так как неохваченными окажутся речевые единицы других уровней, которые и создают речевое богатство русского языка. При этом отказываться от описания речи в лексикографическом русле не стоит, поскольку оно является одним из наиболее оптимальных способов представления

языкового и речевого материала, ведь, как писал Ю.Н. Караулов, «любые данные о языке (а значит, и речи. — Н. О.) могут быть представлены в лексикографической форме» [3: 13].

В современной лингвистике существует появившееся в Казанском университете во второй половине 80-х годов направление *лингвография*, объектом описания которой является язык, различные языковые единицы [5: 8]. Результатом работы лингвиста в этом случае становится не словарь, а так называемый *лингварий* — «справочник, представляющий пользователю упорядоченную совокупность языковых единиц (слов, морфем, словосочетаний и т. п.) и их характеристики» [5: 11]. С учетом такой «предыстории» термин *речевая лексикография* целесообразно ввести для обозначения направления лингвистических исследований, занимающихся описанием современной повседневной разговорной речи (во всем разнообразии ее функциональных единиц) и представляющих результаты такого описания в произведениях словарного или справочного типа. Источниками материала для работ в русле РЛ становятся собрания записей (корпусы) устной спонтанной речи максимальной степени естественности, так как именно она является отражением повседневного речевого поведения носителя языка.

Специфика РЛ связана, в первую очередь, с нетрадиционностью (для существующей лексикографической практики) материала, который она представляет.

По существующей в коллоквиалистике классификации выделяются неречевые, условно-речевые и речевые функциональные единицы спонтанной речи.

К неречевым относятся паралингвистические элементы звуковой цепи, такие как покашливание, смех, усмешки, вздохи, которые часто сопровождают речь говорящего, а также звуковое заполнение пауз хезитации (*э-э, м-м*).

К условно-речевым единицам относятся дискурсивы, хезитативы различной структуры (в том числе слова-паразиты), обрывы, оговорки. Все они не имеют определенного денотата и являются маркерами порождения высказывания.

Под речевыми понимаются вербальные единицы, обладающие обязательными признаками слова — фонетической, морфологической, лексико-семантической целостностью [см. подробнее 8: 173-177], т. е. собственно лексические единицы.

Характерные особенности каждого класса функциональных единиц спонтанной речи, в свою очередь, обуславливают различия и специфику словарей, содержащих их описание.

В то же время есть ряд общих положений, которые справедливы для лексикографического описания как речевых, так и условно-речевых функциональных единиц.

Во-первых, все работы в этом ключе должны следовать принципу дифференциальности, т. е. рассматривать только те единицы, употребление которых в речи хоть чем-то отличается от данных языка.

Во-вторых, основная задача РЛ — отражение тех значений единицы, которые зафиксированы в конкретном ее употреблении носителем языка. В этом подобный подход, который можно считать ключевым для РЛ, с одной стороны, перекликается с лексико-грамматическими исследованиями, получившими название теории языка, основанной на употреблении [см. 13]. Для этого направления характерны следующие признаки:

- 1) наблюдения основаны на значительном, тщательно обобщенном материале;
- 2) данный материал представляет собой не сконструированные автором примеры, а материал живой разговорной речи, зафиксированный лингвистами со всеми ее особенностями;
- 3) материал подвергается статистической обработке, а выводы основаны не только на качественном, но и количественном анализе [13].

С другой стороны, обоснование такого подхода можно найти в современных теориях прагматики, предполагающих зависимость слова от контекста [см. 10; 11]. Так, Д. Лич под прагматикой понимал учение о ситуативном значении слова [см. 12]. Позднее И. Кечкеш, описывая процесс коммуникации с точки зрения и говорящего, и слушающего, утверждал, что результатом этого процесса являются

высказывания, имеющие актуальное коммуникативное значение [4]. Иными словами, речевая лексикография заимствует из теории прагматики представление о том, что слова сами по себе не обладают значениями. Значение слова — не что иное, как его функция в конкретном высказывании [см. 9; 11: 492].

В то же время речевая лексикография, рассматривая значения слов в их конкретном употреблении, акцентирует свое внимание именно на их лексикографическом представлении, оставляя другие аспекты прагматики в стороне. Таким образом, можно сказать, что в словарях, созданных или создаваемых в рамках речевой лексикографии, словники составляют конкретные употребления единиц спонтанной речи.

В зависимости от класса описываемых единиц работа лексикографа может осуществляться различными способами, которые приведут, соответственно, к различным результатам. Это разнообразие и позволит, в конечном итоге, создать уникальную информационно-исследовательскую лексикографическую систему «Язык мегаполиса», включающую в себя мультимедийные словари, описывающие современную русскую повседневную коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 10–29.
2. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
3. Караулов Ю.Н. Методология лингвистического исследования и Машинный фонд русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 13–25.
4. Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ (Варна, 2007). http://www.mapryal.org/congressXI/Materials/plenary_napravleniya/Kechkesh.pdf (2013).
5. Компьютерная лингвография / К.Р. Галиуллин, Д.Р. Валиахметова, Н.А. Обносова, В.Н. Виноградова, С.Л. Наумова, Н.А. Чашковская / Науч. ред. Н.К. Замов, К.Р. Галиуллин. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1995. 120 с.
6. Крысин Л.П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. № 2 (16), 2008. С. 110–118.
7. Крысин Л.П. Инструкция по разработке «Толкового словаря русской разговорной речи» // Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. С. 16–40.
8. Куканова В.В. Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009 (машинопись). 328 с.

9. Bara B.G., Tirassa M.A mentalist framework for linguistic and extralinguistic communication // Proceedings of the 3rd European Conference on Cognitive Science (ECCS'99). Certosa di Pontignano, Siena, Italy, 27th – 30th October, 1999. Roma, 1999. P. 1–7.

10. Barsalou L. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences, 22. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 577–609.

11. Evans V. Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction // Cognitive Linguistics. 17(4). 2006. P. 491–534.

12. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

13. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Harvard University Press, 2003. 388 p.

ПАЛОШИ Ильдик (*Будапешт, Венгрия*)

Университет имени Лоранда Этвёша
palosiildiko@gmail.com

СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВЗАИМНОСТИ ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья направлена на изучение семантического поля и синтагматического потенциала глаголов взаимного способа действия. Значение взаимности рассматривается как особая разновидность дистрибутивности.

0. Введение

Настоящая статья посвящена семантическому и синтаксическому анализам глаголов взаимного способа действия (в дальнейшем – СД) типа *переглядываться, переписываться, перешептываться, перекидываться, перебраниваться, переговариваться, пересмеиваться, перестреливаться, перемигиваться, перезваниваться, переругиваться, перестукиваться, перешучиваться, перекликаться* и т. д. Заметим, что данный термин взят из работы А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина [2: 22]. В лингвистической литературе встречаются еще термины «длительно-дистрибутивно-взаимный СД» [1: 299], «многократно-взаимно-дистрибутивный СД» [5: 601], «длительно-взаимный СД» [6: 196; 7: 92; 8: 166].

Как отражают некоторые из перечисленных выше терминов, значение взаимности тесно связано со значением дистрибутивности. По известному определению В.С. Храковского, дистрибутивный тип глагольной множественности характеризуется следующими семантическими признаками: 1) «множество повторяющихся ситуаций P_1, P_2, \dots

P_n осуществляется в один период времени T » [9: 23]; 2) «в каждой из повторяющихся ситуаций, входящих в множество, участвуют не полностью тождественные наборы актантов» [9: 24]. Наше исследование отчасти ориентируется на то, чтобы рассмотреть отношение между значениями взаимности и дистрибутивности на конкретных примерах. Помимо этого, мы попытаемся охарактеризовать структуру семантического поля и синтагматический потенциал глаголов взаимного СД.

1. Семантический анализ глаголов взаимного СД

Известно, что глаголы взаимного СД указывают на осуществление повторяющегося действия несколькими субъектами, поскольку происходит взаимный обмен действиями [5: 601]. В силу этого данные глаголы могут передавать мультисубъектные действия, иначе говоря, пользуясь терминами В.С. Храковского, данные глаголы относятся к субъективным дистрибутивам. Субъект взаимных действий может манифестироваться существительным в форме множественного числа именительного падежа, см. пример (1), существительным в форме творительного падежа единственного или множественного числа, см. пример (2), а также собирательным существительным в форме именительного падежа, см. пример (3).

(1) ***Люди** собираются какими-то группами, о чем-то шепчутся, как-то странно между собой **переглядываются*** (Войнович. Москва 2042).

(2) *...Лео, предвкушая это место, заранее начинал улыбаться, кивать головой, **переглядываться с собравшимися**, поощряя их обратить внимание на то, что сейчас последует* (Войнович. Москва 2042).

(3) ***Зал** начал оживленно **перешептываться*** (Слаповский. Заколдованный участок).

Несомненно, что в примерах (1), (2), (3) речь идет об однородных микродействиях (микроситуациях), составляющих одну целостную макроситуацию. Мультисубъектность, однако, очевидна только в примерах (1) и (2), в которых форма множественного числа и конструкция с предлогом *с* и творительным падежом указывает на множественность субъекта. В отличие от этих контекстов, в примере (3) мульти-

субъектность передается не формальными средствами, а семантикой субъекта.

Что касается временного параметра взаимных действий, мы согласны с тем, что взаимные действия осуществляются в один период времени с той оговоркой, что продолжительность периода неограниченная, т.е. микроситуации могут проходить и с длительными интервалами, как об этом свидетельствует пример (4).

(3) *Я его полюбила. Теперь мы **перезваниваемся*** (Спивакова. Не всё).

Мы считаем, что в большинстве случаев отдельные однородные микродействия распределяются во времени последовательно, т.е. можно говорить о сукцессивных ситуациях. В примере (4) ясно, что обмен действиями проходит поочередно, с некоторыми интервалами. Однако в зависимости от лексического значения глаголов временная граница между отдельными актами может размываться, временной интервал между микродействиями может приближаться к нулю, поскольку глаголы передают настолько быстрый обмен однородными действиями, что отдельные, последовательные, однократные или многократные акты могут восприниматься как единый процесс параллельных актов. Ср. пример (2). Из этого следует, что в зависимости от ситуативного контекста сема темпоральности может отойти на периферию семантического поля глаголов и стать иррелевантной. Глаголы взаимного СД в зависимости от своих видовых свойств могут передать неограниченную повторяемость действия (не микродействия), следовательно, они могут иметь широкую временную локализованность.

М.А. Шелякин считает, что широкая временная локализация входит в семантику этих глаголов, поскольку в своем семантическом определении подчеркивает наличие семы длительности в значении данных глаголов [8: 166]. По нашему мнению, вербальный и ситуативный контексты действительно могут способствовать появлению семы длительности в семантическом поле глаголов взаимного СД, но следует подчеркнуть, что она, подобно семе одновременности и последовательности, тоже оказывается периферийным и необязательным семантическим компонентом.

Для семантического анализа глаголов взаимного СД представляет интерес изучение семантики приставки *пере-* с использованием семантической сети. Данный подход был разработан М.А. Кронгаузом [3: 4-23], согласно которому семантическая сеть представляет собой выделенные значения, подзначения и закономерности их связывания. При помощи данного метода было выделено 54 значения глаголов с приставкой *пере-*. По результатам анализа глаголы взаимного СД передают значение 'контакт', которое толкуется следующим образом: «'X и Y (по очереди) с помощью действия V делают так, что поддерживают контакт друг с другом'» [4: 2]. Т.В. Мусиновой отмечается, что эти глаголы обозначают действие, осуществляемое в таких ситуациях, в рамках которых контакт либо запрещается, либо не предусматривается (см. глаголы типа *переглядываются*), либо он является невозможным из-за отдаленности X-а и Y-а (см. глаголы типа *переписываться*). Глагольная основа указывает на форму контакта [4: 2].

Несмотря на то, что результаты данного семантического анализа нам кажутся полностью приемлемыми, мы все-таки придерживаемся нашего оригинального представления о семантике глаголов взаимного СД и толкуем их значение следующим образом: 'определенное или неопределенное количество X-ов обменивается P / X и Y обмениваются P одновременно или последовательно'. В семантическое поле данных глаголов входят семы дистрибутивности, кратности, темпоральности (одновременности / последовательности) и длительности. Семы дистрибутивности и кратности занимают центральную позицию, в то время как темпоральность и длительность располагаются на периферии семантического поля.

2. Синтаксический анализ глаголов взаимного СД

Перейдем к описанию синтаксической парадигмы глаголов взаимного СД. Анализ попытаемся провести на основе ниже следующих модельных высказываний.

- (4) *Родители переглядываются.* $N_{n-pl}^1 V_{pl}$
- (5) **Отец переглядывается.*
- (6) *Отец и мать переглядываются.* $N_{n-sg}^1 V_{pl}$
- (7) *Отец переглядывается с матерью.* $N_{n-sg}^1 V_{sg} c N_{i-sg}^2$

- (8) *Отец переглядывается с детьми.* $N_{n-sg}^1 V_{sg} c N_{i-pl}^2$
- (9) *Отцы переглядываются с детьми.* $N_{n-pl}^1 V_{pl} c N_{i-pl}^2$
- (10) *Два сына переглядываются.* $N_{n-sg}^1 V_{pl}$
- (11) *Зал переглядывается (между собой).* $N_{n-sg}^1 V_{sg}$
- (12) ? *Зал переглядывается с детьми.*
- (13) ? *Зал переглядывается с отцом.*
- (14) ? *Отец переглядывается с залом.*
- (15) ? *Отцы переглядываются с залом.*

Выше проведенный анализ наводит нас на следующие мысли:

- глаголы взаимного СД могут иметь одно или два валентных места: N^1 – Субъект, N^2 – Симметричный субъект;

- в примерах (5), (7), (11) и (12) глагол является одновалентным. Валентность Субъект может быть заполнена индивидуативным существительным множественного числа (5) или собирательным существительным единственного числа (12). В первом случае глагол стоит в форме множественного числа, во втором случае – в форме единственного числа. Комбинация двух вариантов приводит к аномалии, ср. пример (6). Актант Субъект может быть выражен еще сочетанием однородных членов (7) и сочетанием существительного с числительным (11);

- в примерах (8)–(10) глагол является двухвалентным. Валентность Субъект может быть заполнена индивидуативным существительным как единственного, так и множественного числа. Однако реализация валентности Субъект собирательным существительным оказывается затруднительной, см. примеры (13) и (14). Валентность Симметричный субъект может быть заполнена индивидуативным существительным вне зависимости от формы категории числа. Ее заполнение собирательным существительным приводит к диффузным высказываниям, ср. примеры (15) и (16);

- актант Субъект может реализоваться собирательным существительным исключительно при одновалентном глаголе, ср. пример (12).

4. Итоги

Наш анализ позволяет прийти к выводу, что значение взаимности можно интерпретировать как особую разновидность дистрибутивного значения. Специфика значения взаимности заключается в указании на одновременный или последовательный обмен однородными действиями. Глаголы взаимного СД имеют сложную семантическую структуру: формант *пере-...-ся* можно считать четырехсемным семантическим модификатором. Синтаксический анализ показал, что данные глаголы характеризуются ограниченным синтагматическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. Москва: Наука, 1976. 288 с.
2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Ленинград: Просвещение, 1967. 190 с.
3. Кронгауз М. А. Исследование в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // Глагольная префиксация в русском языке. Москва: Русские словари, 1997. С. 4-28.
4. Мусинова Т.В. Семантическое описание русской глагольной приставки *пере-*: традиции и современный подход // Доклады международной конференции Диалог 2005. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Musinova%20TV/MusinovaTV.pdf>.
5. Русская грамматика. Т. I. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980. 783 с.
6. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин: Валгус, 1983. 215 с.
7. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского глагола. Москва: Русский язык, 2001. 287 с.
8. Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. Москва: УРСС, 2008. 268 с.
9. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. // Типология итеративных конструкций. Отв. ред. В.С. Храковский. Ленинград: Наука, 1989. С. 5-53.

ПАЛЬШИНА Дарья Андреевна (*Санкт-Петербург, Россия*)

Санкт-Петербургский государственный университет
ruslangdaria@yandex.ru

ОТ ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ – К ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ (о смысловых и функциональных трансформациях редуцированных форм частотных слов в устной повседневной речи)

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию некоторых редуцированных форм частотных слов, которые в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое значение и приобретают прагматическое. Таким образом прослеживаются этапы перехода редуцированных форм «из речи в язык».

Одной из отличительных черт устной повседневной речи является вариативность ее единиц, которая в наибольшей степени свойственна сверхчастотным словам, существующим в нашей речи как в своих идеальных фонетических обликах, так и в аллегрных (редуцированных) формах (АФ). К таким единицам относятся служебные части речи (**если, что, когда**), имена числительные (**шестьдесят, тысяча**), местоимения (**меня, тебе, сколько**), модальные и вводные слова (**как говорится, кажется, может быть**), некоторые сверхчастотные глаголы (**говорить, сказать**) и наречия (**сейчас, здесь**), реже существительные (**человек, жизнь, рубль**).

Работа с корпусным материалом (Звуковой и Национальный корпусы русского языка (ЗКРЯ и НКРЯ); в последнем случае использовались два подкорпуса: устный и основной, фиксирующий особенности произношения в письменных текстах) привела к убеждению, что редукция многих (в первую очередь сверхчастотных) форм устной речи является одним из путей пополнения русского лексикона. При передаче языка от поколения к поколению некоторые АФ могут стать «достоянием сознания и даже вытеснить старую идеальную форму» [7: 143]. Представляется, что на пути к такому «вытеснению» и получению лексикографической фиксации та или иная речевая единица должна пройти несколько этапов изменения: фонологического, семантического, прагматического и др.

Частота употребления единицы приводит к изменению ее звукового и письменного облика, а также к десемантизации, ослаблению

связи формы и содержания. В истории русского языка найдется немало примеров, подтверждающих такой процесс «вымывания» семантики и рождения нового слова: ишь ← вишь ← видишь; мол ← молвил; слышь ← слышишь; спасибо ← спаси, Бог; пожалуйста ← пожалуйста, сударь и др.

На современном этапе развития языка некоторые аллегривые формы сверхчастотных слов получают новый семантико-стилистический и прагматический статус, например АФ **щас** (сейчас), **здрасьте** (здравствуйте), **ваще** (вообще), **жысь** (жизнь).

Одной из наиболее частотных форм в нашей речи, по результатам анализа материалов ЗКРЯ, является АФ **щас** (90 % — аллегривые варианты **щас** и **ща**, 10 % — полная форма **сейчас**). Прослеживается процесс ее десемантизации, ср.:

1) — *Получается? — Щас покажем. Братья Козловы с готовностью засопели* [В. Крапивин. Белый щенок ищет хозяина (1962)];

2) *А он — службе верный: он те щас покажет, какая у него верность* [Г. Владимов. Верный Руслан (1963-1965)];

3) — *Я те щас поговорю, «сбесился», — сказал хозяин* [Г. Владимов. Верный Руслан (1963-1965)];

4) *А вот я тебя не боюсь! Я тебя щас!» — и красный суховатый кулак потянулся прямо к физиономии* [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)].

В примере (1) форма **щас** выступает в роли обычного наречия со значением времени. Далее в примерах (2), (3) и (4) ее связь с наречием ослабевает. Выражения *он те щас покажет*; *я те щас поговорю*; *я тебя щас* экспрессивны и вполне идиоматичны, по семантическому наполнению форма **щас** в этих конструкциях ближе к частице **вот** (ср.: **Вот** как дам тебе!), нежели к наречию. Особая интонация, с которой произносятся эти выражения, а также определенный порядок слов позволяют отнести их к так называемым *интонационным фразеологизмам* [6; 1] или к *синтаксическим фраземам* (см. список русских синтаксических фразем в [4: 50-52]). Но в данных выражениях, как представляется, более важную роль играет не интонация или порядок

следования компонентов, а употребление аллегрных форм (**тя/те** и **щас**).

В следующих примерах также наблюдается семантический разрыв АФ **щас** с наречием **сейчас**:

5) — [Марина, жен] *Я? Ха! Щас прям! Недостойны они этого!* [Разговор двух подруг (2006)];

6) — *В ЗАГС? Щас! — любил он повторять* [Е. Тихонова. Жениться надо на училках! (2004) // «Амурский Меридиан» (Хабаровск), 2004].

В контекстах (5) и (6) форма **щас** приобретает новое значение, которое можно определить как 'несогласие, отказ, «скептическая улыбочка»' (ср.: *Простая демонстрация волшебных свойств продукта с призывом купить все чаще порождает скептическую улыбочку: «щас!»* [В. Ляпоров. Евро за доллар (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.08.17]); с грамматической точки зрения **щас** выступает в функции междометия. Такое приобретение единицей нового значения, или *ре-семантизация*, наблюдается и у единиц **здрасьте**, **ваще** и **жись**.

В ситуации возмущения, удивления, недовольства, несогласия с собеседником и т. п. говорящий, скорее, будет использовать АФ **здрасьте** (как вариант — **здрасьте пожалуста**), нежели полную форму *здравствуйте*, см. контексты из ЗКРЯ:

• — *Вы не хотите ин... оформить инвалидность? — Так а(:) / кто / а кто мне её (...) да... даст? — **Здрасьте!** Тут по... по вашим болячкам / я тут почитала / у вас куча болячек* (ЗКРЯ);

• *а ты же старше Сашки / да ?*П на один год // *П ну **здрас** / на десять лет!* (ЗКРЯ);

• *так / заставка // вот заставка // а что ж это у меня получилось то ?*П чистый лист / **драсьте** пожалста!* (ЗКРЯ);

Спектр эмоций, начиная с восхищения, удивления и заканчивая негодованием, можно выразить с помощью АФ **ваще** (**воще**):

• — *Витька! Ты воще! — выхватывая бутылку, закричала женщина* [А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)];

• *Во бьет! Ну просто ваще-е-е!* [Объявления // «Трамвай», 1990].

Негативное отношение к жизни говорящий, скорее, выразит, употребив АФ **жись**:

- *Эх, и **жись** моя ты — горькая кручи-нушка-а-а...* [И. Шмелев. *Лето Господне (1927-1944)*];

- *Митька отхлебнул еще из канистры и закусил салом. — **Жись!*** [В. Шукшин. *Начальник (1960-1971)*].

Утратив значение, аллегривые формы могут употребляться в нашей речи и в функции заполнителя паузы хезитации, о чем свидетельствуют контексты с редупликацией АФ **щас**:

- *так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // **щас щас щас** // ну подожди (ЗКРЯ);*

- *что такое ? сейчас // *П **щас щас щас щас щас** / да да да да да да да да // *П **шмяк / шмяк / шмяк / шмяк** // так / **шмяк шмяк** // что у нас тут со **шмяком** получилось / хорошо всё (ЗКРЯ).*

Таким образом, процессы «вымывания» семантики, или, в другой терминологии, «обесцвечивания» («bleaching») слова [8: 605], а также его ресемантизации расширяют круг контекстов, в которых это слово может функционировать. Следовательно, изменяется и его частеречная принадлежность. Так, **вишь** когда-то стало частицей, **слышь** — вводным словом, **спасибо** — междометием и т.д. Из последних «новорожденных» единиц нашего словаря можно отметить местоименную форму **те**, превратившуюся в частицу, а также форму наречия **щас**, употребляющуюся как междометие. Аллегривая форма **грит (гыт)** может пополнить ряд кодифицированных ксенопоказателей. Исследователи давно ставят ее в один ряд с такими частицами, как **мол**, **дескать**, **де**, указывающими на цитаты из чужой речи, на субъективно окрашенную передачу чужой речи [3: 573-574; 5], ср.:

- — *Припасли, наработали. — Мы, **гыт**, голодны... — Дармоеды, сукины дети* [А. Веселый. *Россия, кровью умытая (1924-1932)*].

Аллегривая форма **слушь** вполне может претендовать на место в словаре с частеречной характеристикой *вводное слово*, наравне с давно кодифицированной единицей **слышь**:

• *И в ответ восторженному: «Федька-то а? Слушь, это у тебя откуда же?» — хитро прижмуривает глаз* [Е. Замятин. Рассказ о самом главном (1923)].

Иными словами, происходит процесс «прагматикализации» [2; 9: 288, 296], в ходе которого определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность, и имеющими форму самостоятельных высказываний» [9: 296]. Так, аллегрные единицы **здрасьте**, **щас** и **ваще** могут считаться «междометными прагматемами» [9: 297], которые отличаются от своих производящих форм тем, что приобретают новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость.

Многие АФ постепенно двигаются к полной лексикализации, преодолевают путь «из речи в язык», свидетельством чего является целый ряд факторов, таких как вариативность орфографического представления АФ (**ща**, **щас**, **счас**, **сичас**, **сечас**; **ваще** и **воще**), фонетизация (**жизнь** → **жизь** → **жись** → **жысь**), а также процессы де-, ресемантизации и прагматикализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипецкая М.В. Интонационные фразеологизмы со значением эмоционального отрицания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 24 с.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7-20.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
4. Копотев М.В. Принципы синтаксической идиоматизации. Helsinki University Press, 2008. 52 с.
5. Левонтина И.Б. Пересказывательность в русском языке [Электронный ресурс] // <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/44.htm>.
6. Светозарова Н.Д. Интонационные фразеологизмы со значением отрицания // Материалы 27-й межвузовской научно-методической конференции СПбГУ, Секция фонетики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1999. С. 34-37.
7. Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 141-146.
8. Bybee J. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // B. D. Joseph and J. Janda (eds.) The Handbook of Historical Linguistics. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602-623.
9. Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.

ПЕТРОВ Александр Владимирович (Симферополь, Россия)
Крымский федеральный университет имени Владимира Ивановича Вернадского
Таврическая академия
liza_nada@mail.ru

ПЕТРОВА Луиза Александровна
Крымский инженерно-педагогический университет
nlla@mail.ru

СЕМАНТИКА ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ МОДЕЛИ «СУЩ. ИМ. П. + СУЩ. ТВ. П.»

Аннотация. В статье анализируются удвоения модели «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.». Выявлено, что конструкции передают интенсивность признака, качества, свойства, однако более частотными являются тавтологические сочетания, совмещающие интенсивность и образность. Как показал фактический материал, образность имеет различную природу.

Рассмотрение тавтологических сочетаний имеет длительную историю развития в языкознании. Лингвисты исследуют удвоения с различных позиций: нормативных (К.С. Горбачевич, И.Б. Голуб, О.А. Никитина), лексикологических (И.А. Диневич, А.П. Евгеньева), фразеологических (В.Л. Архангельский, А.Г. Ломов, В.М. Мокиенко, Л.Н. Ройзензон), синтаксических (Н.А. Герасименко, Л.В. Лисоченко, Т.А. Тулина, Д.Н. Шмелёв, Н.Ю. Шведова), прагматических (М.Х. Газизова, Т.И. Стексова), лексикографических (А.М. Бушуй) и др.

Исследователи выделяют различные модели тавтологии (Н.Г. Гольцева, С.П. Степанская, Н.А. Янко-Триницкая). Модель «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.» типа *дурак дураком, свинья свиньёй* относится к одной из древнейших моделей (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня).

Так, А. Мейе писал, что «индоевропейское удвоение есть грамматический приём, используемый в глаголах, во-первых, для усиления смысла, во-вторых, для указания на полную его законченность, а в именах в качестве экспрессивного приёма» [5: 199]. Это положение применимо и к русскому языку: повторы встречаются во всех частях речи, имеют разное значение, несут дополнительный экспрессивный оттенок. И.Г. Галенко считает, что «удвоение слов в русском языке второй половины XVIII в. и в современном русском языке может выступать в качестве лексико-грамматического и экспрессивно-стилистического средства» [3: 45]. По мнению исследователя, соединения типа *копна копной, султан султаном* «возникли в результате

изоляции творительного способа или образа действия-состояния или признака, приписываемого предмету, от других падежей существительного и оформились в связи с развитием творительного предикативного» [3: 48]. «Анализируемые образования в русском языке второй половины XVIII в. стояли на грани между сложными словами и идиоматическими выражениями», что проявлялось и в колебании написания их через дефис или раздельно. Ср.: *О, только она одна в целом мире могла понять меня, а я шёл рядом с ней **болван-болваном!*** (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко); *Сын стоял **болван болваном**, разглядывая уменьшённое отражение окна в никелированном шаре кровати* (И. Грекова. Фазан).

По мнению Ж. Вейренка, в тавтологических сочетаниях стирается соотношение между поверхностной структурой и глубинной структурой, в результате чего «Т множителя в *пятью восемь* (← *восемь х пять*) и Т, называемый тавтологическим, в *дурак дураком* (← *дурак + дурак*) или *осёл ослом* (← *осёл + осёл*) – сложное сочетание, выражающее здесь включение знака в самоё себя (ср. *круглый дурак*, *круглый осёл*)» [2: 135]. На наш взгляд, рассматриваемые удвоения не являются однопорядковыми, поскольку единицы типа *осёл ослом* представляют собой включение образа в образ, за счёт чего повышается степень образности.

Н.А. Луценко образование тавтологических сочетаний связывает с идеей предикативности как «главной особенностью той “иной” (глубинной) грамматики, которая скрывается за “внешней” грамматикой» [4: 175].

В современном русском языке повторы с Тв. тавтологическим имеют статус устойчивых единств. В.Л. Архангельский относит данные единицы к фразеологическим сериям, поскольку в них наблюдается «закреплённость типовых фразеологических значений за грамматическими моделями определённых типов» [1: 7]. Анализируемые тавтологические сочетания учёный рассматривает в серии тавтологических фразеологических единиц, выражающих семантическую категорию интенсивности. Он полагает, что фразеологические серии представляют собою важный элемент русской фразеологической системы и связаны

с процессами фразообразования и с фразеологическим моделированием.

В результате моделирования с опорой на «Национальный корпус русского языка» мы выявили следующие единицы, не зафиксированные в словарях: *бандит бандитом, буря бурей, бык быком, гора горой, гроза грозой, дерево деревом, дуб дубом, волк волком, зверь зверем, кабан кабаном, кисель киселём, коза козой, копна копной, лапша лапшой, лиса лисой, лопух лопухом, медведь медведем, мёд мёдом, орёл орлом, река рекой, скелет скелетом, слон слоном, сокол соколом, стол столом, трава травой, тряпка тряпкой* и др. У многих единиц индекс частотности минимальный, повторы представлены единичными контекстами.

Только в Словаре М.И. Михельсона описано удвоение *свинья свиньей*: (усиленн.) – совсем (в полном смысле слова). Ср.: *Дома живет свинья свиньей, никого не принимает, своих мужиков обдирает.* (А.С. Пушкин. Дубровский).

Употребление исследуемых тавтологических единиц свидетельствует о том, что алогизм не случаен, он возводится языком в определённую систему. Внутри выделенной модели наблюдаются следующие вариации семантики удвоений:

1) конструкции передают интенсивность признака, качества, свойства: *У Элоизы был участок, вообще не годный для картошки. Глина глиной. Я яростно углубился в глину* (В. Ломов. Музей);

2) более частотными являются образования, характеризующиеся совмещением интенсивности и образности. При этом образность имеет различную природу:

а) удваиваемое существительное реализует образность, закреплённую в лексикографических источниках: *гроза грозой* (предмет сравнения – лицо): *Гроза грозой сошёл Светославич с крыльца; голова его кружится, очи горят* (А.Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времён Красного Солнца Владимира), ср. *гроза* ‘тот, кто внушает страх, наводит ужас’; *кисель киселём* (предмет сравнения – дорога): *...но всё равно дорога по осени – не разгонишься, разбитая,*

расквашенная, **кисель киселём** (Б.Н. Левин. Весёлый мудрец), ср. *кисель* 2 'перен. какая-л. вязкая, полужидкая масса';

б) в контексте субстантив изменяет закреплённый образ: *вода водой* (предмет сравнения – водка): — *Напрасно, вашескородие. — Пятую рюмку пью: вода водой. Дай штоф очищенной* (Г.И. Успенский. Народное гулянье во Всесвятском), ср. зафиксированное в словаре образное значение *вода* 'перен. пустые, бессодержательные фразы, многословие при бедности содержания'; *лапша лапшой* (предмет сравнения – лицо): *Странный у неё все-таки характер: то вроде бы вполне самостоятельный человек, а то лапша лапшой!* (Т. Моспан. Подиум), ср. отражённое в словаре образное значение *лапша* 2 'перен. Разг. Обрезки, обрывки бумаги, что-л. нарезанное, настриженное полосками';

в) удвоение приобретает образность в контексте: *малина малиной* (предмет сравнения – лицо): *Гляжу, а мать-то твоя, мошенница, за яблоню спрятавшись, красная вся, малина малиной, и знаки ему подаёт, а у самой — слёзы на глазах* (М. Горький. Детство); *копна копной* (предмет сравнения – лицо): *Пьяный Пустобаев, распустив веником бородищу и приоткрыв рот, сидел за столом копна копной, он смотрел в глаза батюшки, в три ручья лил слёзы умиления, утирался скатертью* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачёв);

г) тавтологические конструкции развивают многозначность, сочетая типы образности а) и в). Например, *туча тучей* употребляется в контекстах в соответствии с переносным значением субстантива *туча* 'множество, густая движущаяся масса'. Ср.: *А мимо их народ, много народа, как на Невском, спешат, перегоняют, бегут и бегут, хвосты длинные волокутся, и все с горы в озеро и там у озера оборачиваются голубями, — туча тучей стадо голубей* (А.М. Ремизов. Крестовые сёстры); *Гляжу, куда сядут. Туча тучей! Ежели, положим, из ружья выпалить, да ежели потом собрать... да ежели...* (А.П. Чехов. Брожение умов). В то же время удвоение употребляется и в значении 'о ком-л. сердитом, мрачном', актуализируется сема 'пасмурность': «*Смотри ты какой, на ногте можно пришибить, а какой пряткий, да*

и сердитый же, братцы вы мои — туча тучей!» (В. В. Верещагин. Наполеон I в России в картинах В.В. Верещагина).

В собранном материале в качестве предмета сравнения выступают не только живые существа (чаще всего люди), но и неживые объекты. Это свидетельствует об отсутствии ограничений, накладываемых тавтологическими сочетаниями на предмет сравнения. Образные–удвоения модели «сущ. И. п. + сущ. Тв. п.» должны быть причислены к самостоятельному разряду образных языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В.Л. Фразеологические серии в русской фразеологической системе // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Ростов : Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1965. С. 6–10.
2. Вейренк Ж. Синтаксический анализ творительного падежа // Исследования по славянскому языкознанию. М.: Наука, 1971. С. 129–139.
3. Галенко И.Г. Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов // Вопросы языкознания. Книга первая. Львов, 1955. С. 42–55.
4. Луценко Н.А. Предикативная природа слова // Лінгвістичні студії. Вип. 11. Ч. 1. Донецьк: ДонНУ, 2003. С. 166–177.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938. 510 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1981–1984.

ПИВНЁВА Лилия Васильевна (*Черкассы, Украина*)

Восточноевропейский университет экономики и менеджмента

l.v.pivneva@mail.ru

ФУНКЦИИ LSP ТУРИЗМА

Аннотация. В статье проанализированы взгляды ученых на функции LSP с точки зрения его сущности и природы; выделены наиболее характерные для LSP туризма украинского языка функции: коммуникативная, гносеологическая, номинативная, экспрессивная, кумулятивная, апеллятивная.

Начало XXI века в Украине ознаменовалось динамичным развитием сферы услуг по всем направлениям. Бум эволюции характерен и для туристической отрасли. С развитием туристической сферы и всех ее составляющих прогрессивно эволюционирует также и специальная лексика. Она быстро и гибко реагирует на потребности общества, и все новые реалии находят отражение в ней. Стремительный рост значимости туризма, а следовательно, появление повышенного интереса

не просто к профессиональному общению, а к общению эффективно-му, что ведет к конкретному результату и отражается в языке – это новый аспект для изучения. В украинском языке постоянно появляется большое количество специальных слов для обозначения изучаемых объектов, что, в свою очередь, вызывает рост актуальности исследования проблемы статуса языков для специальных целей (Language for Special Purposes). Выступая важнейшим средством вербализации специального знания в науке, технике, производстве, образовании и других отраслях, LSP, смысловым ядром которого является терминология, становится визитной карточкой и допуском в мир профессиональной коммуникации [4: 90].

Процесс становления того или иного языка для специальных целей достаточно продолжительный и измеряется довольно часто десятилетиями, а иногда и веками. Действительно, LSP различных сфер уходят своими корнями вглубь веков и черпают языковой массив еще из разного рода ремесел. Но научно-технический прогресс и социальные перипетии в обществе значительно ускоряют и даже несколько видоизменяют наиболее актуальные предметные области, на это сразу реагирует язык, обеспечивающий коммуникативные потребности говорящих и выполняющий ряд других функций. Весьма важным для осмысления сущности LSP стал вопрос об определении выполняемых им функций, что и стало **целью** нашего исследования. К тому же взгляды исследователей в определении этих функций и их классификации несколько расходятся.

Так, Б.Н. Головин утверждает, что «для профессиональных языков наиболее приемлемые гносеологическая, информационно-логическая или интеллектуально-коммуникативная функции» [2: 66], а Л.Н. Лобожева убеждена, что «особой функцией языка специалистов есть дефинитивная (обозначает специальное понятие), кроме того, к специфическим функциям относятся: функция компенсации (концентрирование профессионально-специального знания) и эвристическая (функция открытия нового знания)» [3: 69].

К числу важнейших для специальных подъязыков О.В. Фельде относит «функцию профессиональной коммуникации (быть средством

общения представителей одной специальности, профессии); номинативную (быть средством номинации новых понятий, возникающих в среде специалистов той или иной сферы общественной жизни); когнитивную (быть средством познания действительности); аккумулятивную (быть средством накопления научных знаний и практического опыта); аксиологическую (быть орудием овладения и оценки научных знаний и практического опыта); референции (быть средством отнесения специальных наименований к объектам действительности – референтам и денотатам); сигнификации (быть средством соединения специальных наименований в словосочетания и предложения); предикации (быть средством соединения специальных наименований в высказывания – словосочетания и предложения)» [6: 52].

Среди украинских термиологов популярен тезис, что «все профессиональные языки выполняют две основные функции: функцию обозначения, наименования узкопрофессиональных специальных понятий и систем понятий (предметов, признаков, действий, процессов); функцию особого наименования общеизвестных понятий, придает этому понятию повышенную выразительность, экспрессивность, эмоциональность» [1]. Очевидно, что реализация тех или иных функций зависит от многих факторов, включая и особенности анализируемой предметной области человеческого знания.

Учитывая мнения многих исследователей, рассмотрим и проанализируем функции LSP туризма. Общеизвестно, что LSP – это функциональная разновидность языка, целью которого является обеспечение адекватного и эффективного общения (коммуникации) специалистов конкретной отрасли. *Коммуникативная функция*, которая является общепризнанной в качестве одной из базовых, способствует согласованности потребностей и условий протекания непринужденного общения специалистов при непосредственном взаимодействии коммуникантов. Зачастую в непосредственном общении специалистов на первый план выходит активное употребление профессионализмов, и даже жаргонизмов. Например, *сидеть на билетах* – бронировать места на рейсе для конкретных туристов до получения официального подтверждения из отеля; *выписать вип* – оформить пропуск в VIP-зал; *апе-*

рейдить – улучшить условия проживания туриста до высшей категории номера (от англ. Upgrade – улучшать, совершенствовать, модернизировать) – «Пришлось апгрейдить господину Иванову номер до люкса, поскольку бандерлоги заняли все стандарты»; *клинить* – убирать комнату (от англ. Clean – чистота); *чекинить* – заселить гостя (от англ. Check in – прибытие).

Особую популярность и массовый характер во всем мире туризм как таковой приобрел в конце XX начале XXI века. Независимо от территориальной удаленности и национальных предпочтений, языком межкультурного, международного профессионального общения стал английский, что связано как с экстра-, так и интралингвистическими предпосылками. Он является гибким ориентиром, основой для освоения новых тенденций в туризме и в профессиональном языке, служащем средством коммуникации. Под влиянием времени и в связи с динамичным развитием туризма в области коммуникации туристической индустрии меняются определенные принципы, трансформируется сама парадигма общения, происходит переориентация основных понятий, процессов. Терминосистема туризма, которую в значительной степени формирует заимствованная лексика, имеет глобальный и интернациональный характер, что является залогом гармонизации межкультурного общения в общемировой системе туризма. Такая ситуация требует от специалиста не только соответствующих знаний и умений, которые приобретаются в процессе обучения и работы, но и скорости, гибкости в освоении новых тенденций и вместе с тем нового лексикона. Речь идет об ещё одной из основных функций LSP туризма – *гносеологической (когнитивной)*, которая является своеобразным средством познания окружающего мира, накопленного опыта человечества. Она непосредственно связана с функцией мышления, формирования и существования мысли. Например, существующие в украинском языке термины, являющиеся аналогами иностранных, часто заменяются на заимствованные, и причинами тому могут быть, например, архаизация, неприятие самого названия (не туристическая путевка, а *туристический ваучер*) или экономия языковых усилий, ведь используются готовые единицы чужого языка, например: *инсентив-туризм* (incentive

tourism), а не поощрительный туризм; *a ля карт* (a la carte menu), а не порционное меню; *гест хауз* (guest house), а не гостевой дом и т.д. Язык, будучи орудием познания, играет важнейшую роль в осуществлении его процессов и в осмыслении мира. Язык в таком случае – наиболее экономичное и доступное средство, позволяющее схематизировать человеческий опыт и соотносить его с действительностью в ходе её практического и теоретического освоения человеком [5: 58].

LSP туризма выполняет также *номинативную функцию*, так как результатом познания и осмысления вещей и явлений окружающей действительности является их репрезентация в языке. По сравнению с кодифицированным компонентом в этой части LSP номинативная функция смещена в сторону оценки и, как правило, совмещена с экспрессивной функцией. При этом единицы языка не только называют предмет, явление, действие, но и демонстрируют отношение к ним со стороны говорящего. Эта оценка может быть разной: положительной, пренебрежительной, шуточной и т.п. Например: *старик* – опытный турист; *зеленый* – турист-новичок; *пилотяга* – пилот, управляющий летательным аппаратом; *sheep* (букв. овца) – проводник без опыта работы; *walk in* (букв. – заходить) – неожиданный гость «с улицы» без предварительного бронирования места в гостинице. *Экспрессивная функция* LSP туризма, как правило, выполняется за счет метафорического переноса наименования с одного предмета на другой на основе ассоциации или внешнего сходства. С помощью нее коммуникант сознательно или спонтанно передает свое психическое отношение к происходящему. В нашем случае, такая функция выражает отношение специалиста к предмету речи; придает определенную тональность всему высказыванию. Например: *халыва* – система all inclusive, предусматривающая включение в стоимость путевки всех услуг; *дутик* – Duty Free – система беспошлинной торговли в аэропортах, на бортах самолетов, паромов и других транспортных средствах или в отдельных местах посещения иностранцев (как правило, сигареты, вино, парфюмерия и сувениры), *ночник* – ночной аудитор в гостинице; *пациент* – неадекватный турист, который сам не знает, чего хочет. Отметим, что и сам термин *турист* может иметь определенные коннотации вне отраслевого

языка специального общения. Иногда туристами называют мошенников, которые «нагревают руки» на представителях криминального мира, а также заключенных, имеющих небольшие сроки (от 0,5 до 2 лет), не идентифицирующих себя с воровской средой и старающихся держаться подальше от этого. Также туристами называют людей, имеющих такой физический изъян, как горб на спине. Если смотреть на тень такого человека, то кажется, что на спине рюкзак.

Кумулятивная функция LSP туризма, основываясь на межкультурном общении, выступает связывающим звеном между поколениями и является средством накопления, обработки и фиксации в языковых единицах информации о постигнутой человеком деятельности. Например: 1. Понятие «туризм» формировалось постепенно, его по-разному трактуют не только ученые, но и туристические организации. На этапе становления отрасли туризм понимался как передвижение и временное пребывание людей вне постоянного места жительства. Однако в процессе исторического развития содержание этого понятия постоянно подвергалось изменениям и дополнениям. Так, по определению, принятому в 1954 г. ООН, туризм – это активный отдых, влияющий на укрепление здоровья, физическое развитие человека, связанный с передвижением за пределами постоянного места жительства. В Манильской декларации по мировому туризму (1980) подчеркнуто, что туризм – один из видов активного отдыха, путешествия, которые осуществляют для познания тех или иных районов, новых стран и сочетают в некоторых странах с элементами спорта и т.д. 2. Содержание Гаагской декларации по туризму, принятой Межпарламентской конференцией по туризму, проведенной в Гааге (Нидерланды) в 1989 г., сводится к закреплению основных принципов, которые необходимо соблюдать всем участникам отношений в сфере туризма. Эти принципы актуальны и более двух десятилетий спустя – это один из многих примеров, который показывает возможность «накапливать» представленную информацию с целью использования не только для настоящего, но и будущих поколений всех стран.

Апеллятивная функция LSP туризма выполняет роль призыва, обращения к адресату и побуждения к восприятию речи адресанта.

Ярким примером реализации данной функции станут названия туристических предприятий: «Выбери тур», «Поехали с нами», «Полетели-поехали», или названия туров, которые предлагают потребителю украинские туристические операторы: «Вперед к победе – Шахтер!» (Коломыя), «Вперед – в Бразилию!», «Вперед! На Край Земли!», «Полный вперед, подняв паруса – Италия + Корсика», или заглавия информационных сообщений туристических предприятий «Бронируй тур в Чехию – получи мультивизу в подарок», «Бронируй тур – получи TravelSIM», «Бронируй тур в Грецию – получи СПА-процедуру в ПОДАРОК!» и т.д.

Достаточно ярко выражена *компрессионная функция* LSP туризма – функция, реализующая закон экономии речевых усилий специалиста. Например, активное использование универбации: *спецухи* ← специальные предложения; *наземка* ← комплекс туристических услуг на земле (трансфер, экскурсии – все, кроме перелета); *регулярка* ← перелет регулярным (не чартерным) рейсом; буквенной аббревиации: *TBT* – техника водного туризма; *ПКМ* ← профессионально-квалификационный модуль (например, «Бюро путешествий»); *BIE* ← (Bureau International des Expositions) – Бюро по международным выставкам; *FITE* ← (Federation Internationale de Tourisme Equestre) – Международная федерация конноспортивного туризма; *AIT* ← (Alliance International de Tourisme) – Международный туристический альянс; *IGC* ← (International Guides Club) – Международный клуб гидов; усечение (распространенное явление, отмечается высокой степенью производительности): *турики* ← туристы; *стюра* ← стюардесса; *катя* ← катамаран; *борик* ← аэропорт Борисполь; *шарик* ← аэропорт Шереметьево; *инфа* ← информация для туристов; *эмики* ← Эмираты; *тезики* ← партнеры компании Tez Tour; *кораллы* ← партнеры компании Coral Travel и т.д.

Эзотерическая функция LSP туризма заключается в кодировке содержания информации, в таких условиях «чужой» коммуникант устраняется из общения. Например, *пятерка идет* – выезжает гость из пятого номера; «*пеня*» – персональный номер бронирования (от аббревиатуры PNR). Таким образом, многообразие функций LSP туризма

определяется широтой сферы обслуживания в туристической индустрии.

LSP туризма представляет собой динамичные функционально-семиотические структуры, единицы которых отражают эволюцию профессиональных знаний, представлений и оценок. Актуальность исследования функциональных особенностей языков для специальных целей способствует углублению теоретических представлений о динамике форм существования национального языка, а также полному и адекватному описанию динамических моделей и законов образования терминосистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимер Н.О. Терміни як основа фахової мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2013_1/14.pdf.
2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
3. Лобожева Л.Н. Роль профессиональной лексики в обогащении словарного состава общеупотребительного языка (на материале экономической терминологии английского и русского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 204 с.
4. Петрашова Т.Г. Язык для специальных целей в контексте содержания понятий «национальный язык» и «литературный язык» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 90–93.
5. Троянова И.М. Когнитивная функция как одна из важнейших функций языка // Вестник ТГПУ. 2008. № 2. С. 56-58.
6. Фельде О.В. Языки для специальных целей в историко-лингвистическом аспекте // Вестник БГУ. 2013. № 10. С. 50-55.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (Владимир, Россия)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

**СИНКРЕТЕМЫ С УСТОЙЧИВЫМ КНИЖНЫМ АТРИБУТОМ
В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ XVII В.**

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)

Аннотация. Статья посвящена анализу словосочетаний с устойчивым книжным атрибутом (УКА) терминологического (*посадские люди, губной староста, съезжая изба, отказные книги, выводная куница, поголовные деньги*) и нетерминологического характера (*божия церковь, божие милосердие*) в памятниках деловой письменности Владимирского края XVII века.

Следует отметить, что при изучении устойчивых сочетаний слов в диахронии многие ученые используют те же термины, что и для современного фразеологического состава языка – *фразеологизм, фразеологический оборот, фразеологическая единица, фразема* (Н.Л. Антадзе, В.Л. Архангельский, В.В. Виноградов, Е.И. Зиновьева, М.М. Копыленко, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, Г.А. Селиванов, Н.А. Суворова, С.Г. Шулежкова, Н.И. Толстой и др.), однако для данных единиц употребляются и специальные терминологические определения, чем имплицитно указывается на их отличие от современных фразеологизмов. Приведем лишь некоторые примеры: *неизменные выражения* (В.О. Ключевский), *формулы* (А.С. Орлов), *шаблонные сочетания* (А.М. Пешковский), *традиционные устойчивые сочетания* (О.В. Творогов), *трафаретные выражения* (Л.Я. Костючук), *выражения/словесные формулы* (Д.С. Лихачев), *УСК – устойчивые словесные комплексы* (А.Г. Ломов), *традиционные словосочетания-штампы* (Т.Н. Кандаурова), *формулы-синтагмы/словесные формулы, построенные на метонимической основе* (В.В. Колесов), *коллокации* (Е.М. Верещагин), *«синсемические» комбинации слов, фигуры* (Р. Пиккио) и др. Следует отметить, что каждый из вышеприведенных терминов по-своему оправдан и, несомненно, имеет право на существование, однако все они, как правило, используются вне какой-либо терминологической системы.

В своих работах мы предлагаем обозначать минимальные устойчивые сочетания древнего текста термином **синкретемы**, находящемся в одном терминологическом ряду, во-первых, с указывающим на особенности древнерусской ментальности термином **синкретизм** (от греч. συυκρητισμός – ‘соединение, объединение, связывание’), во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней – *синтаксема, фразема, лексема, семема, морфема, фонема* и под. [9: 50-52]. Синкретемы отличаются от современных фразем с точки зрения семантики, реализуя **синкретичное значение**, отражающее древнюю концептуальную форму ментальности – **ментализацию** (В.В. Колесов [6: 405]). Синкретемы выражаются узуально закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами), представляющими собой минимальные лексические единицы древнего текста, отношения которых образуют, как мы полагаем, особую семасиологическую лексико-семантическую категорию – **синкретсемию** (подробнее см. [10]).

Древнее синкретичное значение основано на метонимии (а не на метафоре, как у большинства современных фразеологизмов), причем особенности метонимии как переноса по смежности [5: 13-14] определяют следующие частные дифференциальные признаки синкретем: а) регулярность метонимии – относительную лексико-семантическую **системность** данных единиц (в отличие от метафорической нерегулярности, индивидуальности и вторичности фразеологических единиц); б) построение метонимией **синтагмы** (а не парадигмы) – **синтагматический (линейный) характер** проявления особенностей структурно-семантических типов синкретем; в) разработка объема (а не содержания) понятия – преимущественную связь значения с **денотатом**, определяющую особенности семантики отдельных видов древних устойчивых единиц [9: 53-66] .

Рассмотрим один из наиболее частотных видов синкретем для делового текста – **словосочетания с устойчивым книжным атрибутом (УКА)** («прилагательное + существительное») на материале не-

достаточно изученных памятников письменности Владимирского края XVII в. [2: 54; 3: 16].

Семантика данного вида устойчивых сочетаний представлена, на наш взгляд, двумя разновидностями.

Первую разновидность с определенной долей условности можно соотнести с современными «ограничительными» (О.С. Ахманова [1: 172]), или «элизионными» (М.В. Никитин [7: 190], или терминологическими сочетаниями «прилагательное + существительное») (обзор основных классификаций см. в [13: 128-149]). Данные синкретемы называют денотат, обладающий признаком, выделяющим его из однородного ряда, превращающим его именно в этот денотат (объект, явление) в сопоставлении с денотатом «родовым». Эти лексико-семантические единицы, выполняя идентифицирующую функцию, являются базовыми для делового текста и формируют терминологическую систему, указывая на основные понятия административного-государственного устройства Московской Руси:

а) различные социальные слои общества (*посадские люди* – ‘торгово-промышленное население русских городов и части поселений городского типа’ [11: 313]; *пошлинные люди* – ‘так назывались лица, которые состояли при наместниках и собирали с городов и окружающих жителей разного рода пошлины [12 XXIVa: 825]; *беглые люди* – ‘зависимые крестьяне, незаконно покинувшие своего помещика (сбежавшие)’ [11: 23-24]);

б) официальные должности Московской Руси (*губной староста* – ‘представитель власти, действовавший на основе губной грамоты, которой дозволялось преследовать и судить дела о воровстве с поличным и др.’ [11: 120-121]; *губной дьяк и подьячий* – ‘лица, в обязанности которых лежало все письмоводство и делопроизводство губной избы’ [11: 120]; *таможенный голова (и кабацкий)* – ‘выборное должностное лицо ... для сбора таможенных пошлин, таможенный голова обыкновенно был и головою кабацкой, т.е. лицом, заведовавшим кабацкими сборами’ [12 IX: 67]; *квасные целовальники* – ‘должностные лица, наблюдавшие за производством и продажей кваса; при вступлении в должность приносили присягу и целовали крест’ [11: 420]);

в) государственные органы и присутственные места (*съезжая (приказная) изба* – ‘в Московской Руси присутственное место при воеводе, впоследствии полицейская расправа и пожарное депо в каждой части города’ [11: 189]);

г) жанры официальных документов (*отказная книга (грамота)* – ‘юридический акт об «отказе» (пожаловании, передаче в пользование) земельных угодий’ [11: 285]; *жалованная грамота* – ‘законодательный акт о правах, льготах и привилегиях’ [11: 162-163]);

д) виды пошлин и штрафов (*выводная куница* – ‘плата за невесту, выходящую в чужую вотчину, когда женщина переходила («выводилась») к мужу’ [4 II: 218]; *поголовные деньги* – ‘пошлина с привозимых товаров, сбор по числу голов, людей’ [4 III: 156]) и др.

Приведем примеры функционирования терминологических синкретем с УКА в документах XVII в.: «*отказные книги* писал Юрева Полског *губной дѣячок* Івашко Грибунинъ» [8: 16]; «...шуйские *съезжие избы* под#чеи Іван Свинынь <...> бояре смилуйтея пожалуйте нас велите стати к *посадцким людем* в Володимере» [8: 149]; «...и их *пошлинных людеи* и за присуд *судных дел* и за *выводную куницу* и за *новаженнаи убрус* вм#сте искони в#чна ... по *жаловалнаи по уставнаи грамоте*» [8: 150]; «...бьет челом холоп твои володимерска[й] *губной староста* Васка Сущев» [8: 152]; «... и т# их *б#лые люди* по их веленю приходят втаи по ночем в Шую на посад на пустые дворы...» [8: 153]; «...и на нас же сиротах ... на *таможенных и кабацких головах* и на *взерских и квасных целовалниках* ростовцы ж посадцкие и всякие сторонние люди перед воеводою исщют поклепными д#лы...» [8: 157]; «... и с того д#ла *пошлины* и *поголовные денги* заплатит мн# Терентью с Феодосьиными крстьяны...» [8: 242].

Встречающиеся лишь в единичных контекстах нетерминологические синкретемы с УКА второй разновидности выполняют оценочную/характеризующую функцию и с семантической точки зрения не отличаются от фольклорных постоянных эпитетов, поскольку указывают на денотат, имеющий «постоянный» признак, являющийся таким, каким он должен быть (в наших примерах – ‘принадлежащий/освященный Богом’). Например: «... і во *цркви бжиеі* в Дмитрее

Селунским и тѣмъ гсдрь татаровѣ храмъ бжеі сажгли» [8: 150-151]; «... до-
велось мне Стенке на немъ Леонтье Пупкове по рядной записи прида-
ного донять бжия блгословѣнне...» [8: 215]; «А в допросе онъ сказал
по ꙗговорной де записи бжия милосердердия образъ воскресения
...Хрство» [8: 216].

В заключение необходимо отметить, что дальнейшее изучение древних устойчивых единиц позволит более детально представить процесс становления и развития терминологической системы как основы делового функционального стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 295 с.
2. Барышева Ю.Н. Устойчивые сочетания как средство номинации (на материале памятников письменности Владимирского края) // Вестник МГОУ. 2012. № 5. С. 54-58.
3. Барышева Ю.Н. Функционирование устойчивых сочетаний с книжным атрибутом (на материале памятников письменности Владимирского края) // Вестник МГОУ. 2013. № 3. С. 16-19.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М., 1880-1882. Т. II. 1881. Т. III. 1882.
5. Колесов В.В. История русского языка. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
6. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1988. 168 с. (Библиотека филолога).
8. Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1984. 367 с.
9. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с. (Филологические исследования).
10. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19-48.
11. Российская государственность в терминах: IX – начало XX в. Словарь / Сост. А.Р. Андреев. М.: Изд-во «Крафт+», 2001. 456 с.
12. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. СПб., 1890-1907. Т. IX. 1893; Т. XXIVa. 1898.
13. Юдина Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М.: Ин-т языкознания РАН; Владимир: ВГПУ, 2006. 427 с.

ПИМЕНОВА Марина Владимировна

(Санкт-Петербург, Россия)

Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений

mvpimenova@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА: ТИПЫ КОНЦЕПТОВ

Язык отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными, функциональными и культурными факторами. «Язык – это средство передачи мысли и как таковой выступает главным образом в виде своеобразной «упаковки». Однако знания, используемые при его декодировании, отнюдь не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и многое другое. При этом ни один из типов знания не является более важным для процесса понимания, ни одному из них не отдается явное предпочтение» [1, с. 6]. Перед лингвистикой раскрывается перспектива открытия этапов в развитии культуры и языка определенного народа, т.е. картин мира разных эпох.

Не следует думать, что концептуальное исследование – это новое направление, возникшее в конце XX века на пустом месте.

К первым, зафиксированным в письменном виде, концептуальным исследованиям можно отнести работу Яски (автора труда, посвященного ассоциативным рядам слов, употребляемым в Ригведе), где приводится классификация предметов по отношению к трем частям тогдашней модели мира: земля, пространство между небом и землей, небо. «Примечательно отнесение к категории «воды» (100 слов) не только важнейших жидкостей (мед, молоко, вино и т.п.), но и ... всего «текучего», «изменчивого». Так, сюда включены «успех», «слава» (yaśas), а также прошедшее (bhūtam), «существование», «бывание» (bhuvanam) и «будущее» (bhaviṣyat)» [3, с. 9].

На современном этапе развития языкознания одной из первоочередных проблем может быть названа проблема определения общей для языка и культуры онтологической платформы. Для этого необходимо изучить языковые единицы как средство хранения и передачи

ментальности носителей языка, а также как средство, продуцирующее эту ментальность.

Постичь картину мира всегда непросто; в силу привычки мы не замечаем картину мира, отраженную в родном языке. Картину мира другой культуры можно увидеть через призму неродного языка. Мы замечаем особенности своей картины мира только тогда, когда сравниваем ее с чужой, иноязычной картиной мира.

Содержание культуры представлено различными областями: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа (труд), воспитание, экономика, армия, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа. Все эти области в языке реализуются в виде системы кодов культуры. *Код культуры* – это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир. При переносе характеристик из одного кода в другой в языке возникает метафора или метонимия. *Код культуры* – это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления).

Как указывает В.Н. Телия, культура – «это та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Из этого следует, что культура – это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [5, с. 18]. Сталкиваясь с различиями форм жизни в разных культурах, мы вынуждены постигать собственную самобытность, поэтому исследование картины мира представляет собой процесс познания мира и самопознания.

Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира. Категоризация есть процесс сжатия многообразия. Сами категории

формируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды. «При этом любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений» [6, с. 87]. В когнитивной лингвистике сохраняется интерес к метафоре, что объясняется возможностью осмысления основ мышления, процесса освоения мира, связи концепта и его реализацией в языке. Особое внимание уделяется универсальным (свойственным большинству языков) моделям метафор.

Приоритетными моделями метафор для носителей разных языков являются пространственная (ориентационная), временная и культурная. К числу **пространственной (ориентационной) модели** относятся следующие разновидности:

- вместилище (контейнер, емкость) (*хранить в сердце; таить в душе*);
- поверхность (*на уме; на памяти*);
- оппозиции «верх – низ», «передняя (фасадная) сторона – задняя сторона», «правый – левый», «близкий – далекий», «центр – периферия» (*высокие помыслы; низкие мысли; задним умом крепок; левые деньги «приработок»; недалекий «неумный»*);
- биологическая (*повышение роста; высокая/низкая всхожесть культур*);
- географическая (*горизонты науки; «Архипелаг ГУЛАГ»*);
- геометрическая (*пересеклись «встретились»; параллельно выдвинуть идею*);
- соматическая (телесная) (*коротышка; позвоночный столб*);
- физическая (*Пей из ковша, а мера душа; Мерить на свой на аршин*);
- химическая (*улетучиться из помещения «исчезнуть, уйти»*);
- кинестетическая (*он сечет/рубит/волокет в математике прост. «разбирается»; продираться сквозь слова*);
- социальная (*верхи/низы общества; высокая/низкая социальная ступень*);
- метеорологическая (*выпали осадки; тучи закрыли солнце*);

- зооморфная (*падёж скота; высокий/ низкий рост поголовья*);
- строительная (*возводить воздушные замки «мечтать»; подводить фундамент «обосновывать»*);
- военная (*мозговой штурм; пленить/ завоевать сердце*);
- транспортная (*Проехали!* восклицание со значением «прекратим это обсуждать»; *выдвинуть кандидатуру*);
- косметическая (*подводка для глаз*);
- кулинарная (*взбить тесто; тесто поднялось*);
- механическая (*дать на гора «выработать объем руды/ угля»*);
- производственная (*высокое/низкое качество продукции; высокие/низкие темпы производительности труда*);
- экономическая (*уровень цен; высокий/ низкий уровень жизни*).

Временная модель включает в себя такие разновидности метафор:

- космическое время (*ждать целую вечность*);
- календарное время (*весна/ осень жизни*);
- жизнь бога (*бессмертное творение; вечная душа*);
- жизнь живого организма – человека, животного, насекомого (*рождение любви*);
- время суток (*на закате жизни*);
- единицы времени (*мгновения любви*).

Самой обширной по видам и их разнообразию является **культурная модель** метафор. В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на физический мир и свой внутренний мир и его объекты антропоморфные, биоморфные и предметные характеристики. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системы культурных кодов, среди которых природный, растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный), галантерейный, игровой, математический, медицинский, музыкальный, этногра-

фический, экологический, экономический. Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления.

Антропоморфный код, в свою очередь, делится на индивидуальный и социальный субкоды. Кодам культуры в основной своей части свойственен **изоморфизм**, т.е. в каждой культуре наличествует весь перечисленный спектр кодов, однако не все элементы указанных кодов будут изофункциональны. Поиск специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении народа. Элементы кодов выступают как классификаторы и квантификаторы друг для друга, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотнесенность.

В связи с тем, что работа мышления определяется несколькими этапами: первоначально – развитие образов, и только после их появления – выработка понятий, все метафоры в языке (в основе которых всегда находится некий образ) можно оформить в виде ограниченного количества категорий. Метафоры и метонимия – одни из способов актуализации тех или иных признаков в языке.

Последнее десятилетие в когнитивной лингвистике исследователей при изучении языковых категорий интересуют конкретные принципы выделения концептов, их таксономия и установление иерархии концептов, которые обусловлены языковой категоризацией. Дж. Лакофф выдвинул гипотезу, что категории формируются когнитивными структурами, получившими название идеализированных когнитивных моделей (*idealized cognitive models*), под которыми понимаются особые когнитивные сущности, лежащие в основе языковых категорий. Дж. Лакофф выделяет четыре их типа: 1) пропозициональные модели, определяющие характер элементов категории, их свойства и от-

ношения между ними; 2) образ-схематические модели, отражающие основные образные представления, формирующие категориальные классы; 3) метафорические модели, позволяющие представить некоторую абстрактную область посредством отождествления ее с другой областью, обычно конкретной и доступной эмпирическому изучению; 4) метонимические модели, действующие совместно с тремя первыми типами идеализированных когнитивных моделей и обеспечивающие перенос характеристик одного элемента множества на всё множество [7].

В лингвистической литературе появились работы, где предлагаются различные классификации концептов. Одна из таких классификаций принадлежит В.И. Карасику: «содержательно все концепты можно противопоставить как **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. ...Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их автономический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конститутивного признака концепта. ... Непараметрические концепты можно разбить на **регулятивные** и **нерегулятивные**. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент... Класс нерегулятивных концептов весьма своеобразен. Предложенные в лингвистической литературе классификации ментальных единиц, относящихся к этому типу ... построены на основе лингвистического (частеречного в своей основе) и когнитивно-психологического критериев. ... Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить **лингвокультурный типаж**» [2, с. 30-33].

Можно представить трехчленную классификацию концептов, образующих концептуальную систему, способом актуализации которой, в свою очередь, выступает язык. Все концепты, так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трем понятийным

(категориальным) классам: I. **Базовые концепты**, к этому разряду можно отнести те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них: 1) космические концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты. II. **Концепты-дескрипторы**, которые квалифицируют базовые концепты; среди них: 1) дименсиональные концепты, под которыми понимаются различного рода измерения (*размер, объем, глубина, высота, вес* и др.), 2) качественные концепты, выражающие качество (*тепло – холод, целостность (холистичность) – партиитивность, твердость – мягкость*), 3) количественные концепты, выражающие количество (*один, много, мало, достаточно – недостаточно*). III. **Концепты-релятивы**, реализующие типы отношений, среди них: 1) концепты-оценки (*хорошо – плохо, правильно – неправильно, вредно – полезно, вкусно – невкусно*), 2) концепты-позиции (*против, вместе, между, впереди/позади (всех), рядом, вверху/внизу, близко/далеко, современный/несовременный*), 3) концепты-привативы (*свой/чужой, брать/отдавать, владеть/терять; включать/исключать*).

Класс **космических концептов** (*небо, земля, планета, солнце, звезда, луна, комета*) включает в себя субклассы: а) метеорологические концепты (*погода, осадки, туча, гроза, дождь, гром, снег*); б) биологические концепты (*человек, птица, зверь, насекомое, змея, рыба, растение, цветок, дерево, куст, трава, ягода, фрукты, овощи*), построенные на понятийных оппозициях «живое – неживое», «съедобное – несъедобное», «рукотворное – природное», «человек – нечеловек», пищевые (*ритуальная пища, повседневная еда, национальная кухня*), соматические (*тело/плоть, голова, сердце, печень*), перцептивные (*зрение, вкус, слух, в наивной картине мира предчувствие, уловление, нюх, чутье*) и др.), в) ландшафтные концепты (*поле, лес, луг, роща, чаща, бор, тайга, степь, гора, холм, озеро, море, река, океан, дорога*), г) предметные концепты, включая артефактные концепты (*строение, завод, фабрика, конвейер, механизм, инструмент, посуда*).

Класс **социальных концептов** образуют: а) концепты стран (*Россия, Германия, Франция, Китай, страна, общество, государст-*

во), б) концепты социального статуса (*элита, «верхи-низы», крестьянин, рабочий, богатырь, правитель (вождь, князь, царь, император, генсек, президент), богатый, бедный*), ремесленник (*гончар, плотник, кузнец*), интеллигент, ученый, раб), в) концепты национальности (*русский, немец, китаец, американец, француз*), г) концепты власти и управления (*демократия, диктатура, свобода, воля, кризис*), д) концепты интерперсональных отношений (*влияние, независимость, соборность, рабство, подчинение, власть, родство; мир, война*), е) моральные (этические) концепты (*честь, долг, обязанность, совесть, стыд, раскаяние; корысть, лесть, подлость, измена, верность*), ж) концепты занятий (*труд, ремесло, игра, образование, праздник, дело*), з) религиозные концепты (*Богоматерь, Бог, святой, икона*).

Класс **психических (духовных) концептов** формируют концепты внутреннего мира (*душа, дух*): а) концепты характера (*азартность, беспутность, терпение, благодушие, великодушие, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность*), б) концепты эмоций (*веселье, радость, счастье, злость, грусть, ликование, страдание, ревность, тоска, тревога*), в) ментальные концепты (*знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание*) (более подробный список этих концептов [4]).

Еще раз следует повторить, что границы между классами концептов размыты. Так, соматические концепты относятся к классу космических (биологических), при этом часть структур этих концептов представляет их в иерархии концептов внутреннего мира: *сердце* – реально существующий кровеносный орган, при этом *сердце* – воплощение характера (*доброе/злое сердце*), в наивной картине мира *сердце* – орган эмоционального переживания (*сердцем веселиться/радоваться/печалиться*). *Совесть* – концепт из класса социальных (моральных) и при этом – класса концептов внутреннего мира, в наивной картине мира *совесть* – воплощение конфессиональной принадлежности человека (*Менять веру, менять и совесть*) и его национальности (*Душа христианская, а совесть цыганская*).

Типы концептов. По признаку появления концепты национальной концептосферы можно подразделить на **исконные** и **заимство-**

ванные. *Исконные концепты* зародились в национальной концептосфере, *заимствованные* были в нее привнесены из других национальных концептосфер. Примером исконных русских концептов могут служить концепты *князь, богатырь, Русь, соловей-разбойник* и др. Заимствованными являются, например, концепты *идея, фантазия, император, президент* и т.д. Показателем заимствования обычно выступает заимствованное слово – репрезентант концепта. При переходе концепта из одной национальной концептосферы в другую переносятся, как правило, только понятийные его признаки; образные и ценностные признаки развиваются по аналогии со схожими исконными концептами. Так, в русской концептосфере концепт *идея* появился в начале XVIII в. с перенесенными из западноевропейских языков понятийными признаками «мысль», «замысел». Структура заимствованного концепта *идея* стала развиваться по аналогии со структурой исконно русского концепта *мысль*.

По признаку развития структуры концепты можно разделить на **развивающиеся** и **застывшие**. *Развивающиеся концепты* – активно используемые в национальной концептосфере, пополняющие свою структуру новыми признаками. Примером развивающегося концепта может служить концепт *сердце*, в XIX и XX веках у которого появились новые образные – артефактные – признаки «мотор» (*мотор барахлит «о сердце»*), «фотография» (*запечатлелось/проявилось в сердце*) и др. *Застывшими* считаются такие *концепты*, структуры которых перестали пополняться новыми признаками; обычно такое явление связано с исчезновением реалий, связанных с этим концептом, процессом перехода слова – репрезентанта концепта – из активного словарного запаса в пассивный (это так называемые архаизмы и историзмы). Примером застывших концептов могут служить *князь, богатырь, соловей-разбойник*.

По признаку постоянства базовой структуры концепты бывают **постоянными** (сохранившимися) и **трансформировавшимися**. *Сохранившиеся концепты* – такие, у которых понятийная и ценностная часть структуры концепта не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов. В качестве примера можно назвать

концепт *правитель*, понятийная и ценностная часть структуры которого была перенесена на концепты *князь, царь, император, президент*. Трансформировавшиеся концепты – те, которые были перенесены в связи с исчезновением референтной базы на новые реалии. Так, концепт *придворный этикет* был постепенно перенесен после революции 1917 года на реалии советского правительства, при этом структура исходного концепта была трансформирована (особенно его сценарная часть, где субъект, объект и обстоятельства действий видоизменились).

По признаку первичности концепты делятся на **первичные** (основные) и **производные**. *Основные концепты* – те, что появились раньше и послужили базой для развития *производных*. На последнее указывают производные слова – репрезентанты концепта. Концепт *мысль* – первичный (основной) концепт, *замысел, помысел, умысел, вымысел* – производные. Первоначально производные концепты входили как составные признаки основного концепта, позже они стали развиваться самостоятельно, однако их структура до сих пор не достигла той степени развития, которая существует у первичного концепта.

По признаку актуальности концепты делятся на **ведущие** и **второстепенные**. Ведущие концепты еще называют ключевыми. К ним относятся такие концепты, которые широко представлены в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе. Примерами могут послужить такие концепты, как *душа, сердце, ум, человек, природа, мир, земля, солнце, небо* и др. Второстепенные концепты находятся на периферии, они вторичны, менее актуальны, их репрезентанты менее частотны, например, концепты *чиновник, консультант, демонстрация* и др. В этой же классификации выделяются *постоянно актуальные, неактуальные и переменные* («плавающие») концепты. Постоянно актуальные есть ведущие (ключевые) концепты, неактуальные – второстепенные концепты, переменные («плавающие») – это периодически становящиеся актуальными и неактуальными концепты. Примером переменного концепта в русской концептосфере может служить *вера*. Первоначально этот концепт базировался на языческих

верованиях, позже – на христианских, в советское время база концепта *вера* была перенесена на политических лидеров (Ленин, Сталин), сейчас вновь актуально православие как основная часть структуры этого концепта. В зависимости от промежутка времени, когда концепт становится снова актуальным, концепт может стать трансформировавшимся. Переменные концепты могут менять имя, репрезентирующее концепт, и даже часть своей структуры. Так, в период войны на Кавказе в XIX веке в русской концептосфере был актуален концепт *аб-рек*. В последнее десятилетие этот концепт трансформировался и стал не менее актуальным под именем *чеченец*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 5-11.
2. Иная ментальность / Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. М.: Грозис, 2005. 352 с.
3. История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. М.: Наука, 1980. 258 с.
4. Пименова М.Вл. *Душа и дух: особенности концептуализации*. Кемерово: Графика, 2004. 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
6. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Academia, 2001. 320 с.
7. Lakoff J. *Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind*. Chicago: L.: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

ПОЛЕНОВА Галина Тихоновна (Таганрог, Россия)

Таганрогский институт имени Антона Павловича Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета
polenova@mail.ru

СЛОВО – СЛОВОФОРМА – ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются способы грамматического оформления именных и глагольных форм в кетском языке. На многочисленных примерах автор показывает специфику формообразования кетских слов, связь словоизменения и словообразования с классификацией референтов. Показано, что при описании кетского языка наиболее приемлем термин «словоформа».

Известно, что, несмотря на значимость слова для механизма языка, удовлетворительного определения его фактически не существ-

вует. По О.С. Ахмановой, **словоформа** и грамматическая форма слова – синонимы, а само слово получает у неё пространное определение [1: 116, 422, 427]. В.А. Плуноян признаёт **словоформу** «как минимальный достаточно автономный комплекс, состоящий из достаточно жёстко связанных между собой морфем ... именно такие объекты и подпадают в первую очередь под наивное понятие 'слова'» [3: 28]. Л.В. Щерба считал, что понятия «слово вообще» не существует [5: 9]. В.Г. Гак всесторонне описал слово в соответствующей статье Лингвистического энциклопедического словаря, признав за ним цельность, выделимость и свободную воспроизводимость в речи. **Словоформа**, по В.Г. Гаку, – это слово в определённой грамматической форме [2: 464-467].

Обратимся к материалу кетского языка. Во-первых, следует отметить тесную связь кетской, и шире енисейской, номинации с классификацией предметов и явлений в мировоззрении исконных охотников и рыболовов. Причём эта связь проявляется в показателях косвенных падежей. Имена существительные в основном падеже чётко различают лишь пол, например: *am* 'мать' – *op* 'отец'; *haŋ* 'самка' - *i²k* 'самец'; *hiy* 'мужчина' – *qim* 'женщина'; *hup* 'сын' - *hun* 'дочь' *boat* 'старик' – *boam* 'старуха' и т.п. К классу мужскому, или «классу существ с наибольшей активностью», относятся: наименования таких животных, как: *qoj* 'медведь', *qaj* 'лось', *s'el'* 'олень', *er' < ed'* 'соболь', *kun'* 'росомаха', *qyt'* 'волк', *tip'* 'собака'; рыб: *t'ot'* 'таймень', *qyr'* 'щука', *takt'* 'чир', *s'ul'* 'нельма'; птиц: *di?* 'орел', *qaŋ* 'коршун', *tiy* 'лебедь', *xuj* 'филин'; пресмыкающихся и червей: *tix* 'змея', *utix* 'червь', *uron* 'пиявка'; насекомых: *s'uj* 'комар' (насколько он активен, пришлось испытать на себе – Г.П.), *bys't* 'оса', *tyt'* 'мошка', *qyn't'* 'муравей'; деревьев: *oks'* 'дерево', *us'* 'береза', *haj* 'кедр', *ej* 'сосна'; космических явлений: *qip'* 'месяц'; явлений природы и времён года: *ekŋ* 'гром', *ul'es'* 'дождь', *us'es'* (> *us'* 'тёплый' + *es'* 'Бог, погода') 'тёплая погода'; предметов религиозного культа, богов, духов, мифологических шаманов и героев: *daŋol's* - деревянный идол, в котором живет душа умершего, *e's'*, 'бог'; *ul'gus* 'водяной', *Al'ba*, *Dox*, *Bal'na*; предметов материальной культуры: жерди для установки каркаса чума; жерди для установки тагана, сушил для сушки рыбы, для запруживания речек, где ловят рыбу; колья для привязывания лодок; об-

ручи для чума, бубна, берестяной посуды; крупные листы бересты для чума; отдельные детали крытой лодки и др.

К классу женскому, или классу существ со средней активностью, относятся: наименования женщин, животных: *saq* 'белка', *b'es* 'заяц', *kəaŋ* 'лиса', *kop* 'бурундук', *ut* 'мышь', *xaŋ* 'сука'; самок крупных животных (медведь, лось, олень), птиц: *dum* 'птичка', *ba* 'кулик', *kuŋ* 'ворона', *bən* 'утка'; насекомых: *elym* 'паук'; объектов растительного мира: *qo* 'сарана', *bol'ba* 'гриб'; космических тел и явлений: *i* 'солнце', *qo?* 'звезда'; частей тела и внутренних органов: *hu* 'сердце', *ej* 'язык', *tyl* 'пупок', *tam* 'женская грудь', *hut* 'хвост'; имена существительные: *qon'i* 'тень' и *ul'vej* 'душа' < *ul'bej*, *alal* 1) идол из дерева, 2) кормовая доска крытой лодки; *lom* 'поплавок к крючку самолова'; названия богинь, духов, мифологических женщин-шаманов: *Hos'edam* 'злая богиня севера', *Tomam* 'богиня юга', *Dotam* 'хозяйка гор', *Kolbasam* 'лесной дух', *s'enam* 'женщина-шаман'; названия семи кетских душ: *atpej*, *ul'bej*, *qoktij*, ¹*ij*, ¹*i'l*, *honol*, *kontor'il*; огня *bo?k*. Интересно, что глагол "гореть" означает в кетском языке "огонь ест": *bo?k a?q dəp* 'дрова горят', букв. 'огонь ест дрова', ср.: *dip* 'я ем это', *dup* 'он ест это', *dəp* 'она ест это'. Глагол полностью составлен из грамем.

К классу неодушевленному относятся наименования всех остальных предметов. Специальный показатель этого класса в глаголе: *b~v~m*. Его можно сопоставить с предикативным показателем притяжательных местоимений *-bi*: *abbi* 'мой', *ugbi* 'твой', *budabi* 'его', *budbi* 'ее' и т.д. До 90% кетских имен существительных относятся к классу неодушевленному, в то время как к одушевленному классу могут быть причислены только 10%.

Каждому именному классу соответствует свое вопросительное местоимение. Ср.: *bes's'a* 'кто' (жен. кл.), *bis'e/bis's'e* 'кто' (муж.кл.), *as'a* 'что' (неодуш. кл.), *ana* 'кто' (о человеке), *akus'/aks'* 'что' (о вещи).

Класс могут выражать разные глагольные словоформы с одним лексическим значением в зависимости от денотата, ср.: *dukin* 'он стоит' – *duol'in* 'он стоял'; *dakin* 'она стоит' – *daol'in* 'она стояла'; *ab qus' es'ka hapta* 'мой чум в лесу стоит'.

В системе кетского склонения выражена оппозиция мужской / немужской путем чередования в составе падежных показателей гласных соответственно *a/i*, ср.: *qajdaŋa* 'к лосю' – м. кл., *qajdiŋa* 'к лосю' – ж. кл., *qus'diŋa* 'к чуму' – вещн. кл.; *iti* 'зуб' – *iti*: > *it-di* 'зуба'.

Падежные показатели могут отрываться от имени и отстоять от него на одно или более слов. Они также употребляются самостоятельно в роли местоимения 3-го лица, ср.: *daŋal'* 'от него', *diŋal'* 'от нее'.

Числительное «один», имеющее две формы: *qus'* и *qok*, делит имена существительные на четыре класса. Ср.: I (*qus' ... diŋta*): *qus' tōk* 'один топор', *tōk-diŋta* 'на топоре'; II (*qus' ...-daŋta*): *qus' bōl'ba* 'один гриб', *bōl'ba-daŋta* 'на грибе'; III (*qok ...-daŋta*): *qok kulep* 'один горноста́й', *kulep-daŋta* 'на горностае'; IV (*qok ...-diŋta*): *qok ūta* 'одна крыса', *ūta...-diŋta* 'на крысе', ср. также *qok i:s'* 'одна рыба' (живая), *qus' i:s'* 'одна рыба' (сушеная, соленая и т.д.).

Ни у кетского имени, ни у глагола нет специальных показателей, которые сигнализировали бы их категориальную принадлежность. Личные формы кетского глагола могут принимать падежные аффиксы существительного. В то же время в позиции сказуемого лично-предикативными показателями оформляются инфинитивы, прилагательные, наречия места, имена существительные в местном падеже и местоимения в этом же падеже. Например: *at qus'kejdi* 'я в чуме' (*qus'* 'чум'; *-kej* - показатель местного падежа; *-di* - предикативный показатель); *kidagejdi* 'я в этом (чуме) – (*kida* – указательное местоимение; *-gej* – показатель местного падежа; *-di* – предикативный показатель); *at dijak* 'я иду' (глагол: *di* – личный показатель первого лица); *at axtadi* 'я хороший' (*axta* 'хороший'; *-di* – предикативный показатель 1-го лица) и т.п.

Суффикс *-em/-am* > *am* 'мать' является предикативным показателем, прежде всего имен прилагательных, согласуемых с субъектом вещного класса. Но ср. *at itpedam* 'я знаю', *u itkum* 'ты знаешь', *bu itelam* 'он знает', *bu daitlam* 'она знает'. Или: *s'es' todam* 'речка мелка', *aks' baŋt u:s'am* 'что у меня есть', *unam* 'скользко', *tik toram* 'снег мелкий', *at kainam* 'я беру'; *ad tet'nam* 'я вышла замуж'. Ср. также:

<i>at axtadi</i> 'я добр'	<i>at ditoot</i> 'я сплю'
<i>u axtaku</i> 'ты добр'	<i>u kutoot</i> 'ты спишь'
<i>bu axtadu</i> 'он добр'	<i>bu dutoot</i> 'он спит'
<i>bu axtada</i> 'она добрая'	<i>bu datoit</i> 'она спит'

Разница, как видим, только в позиции показателей в словоформе. В предикативной функции к форме инфинитива приращивается в конце аффикс *-s'i*, мн.ч. *-s'in*. Например: *kida aŋa ho:s' (ho:s'i)* 'эта веревка крученая' (*ho:* – 'плести'). Ср.: прилагательные: *tuoms'i* 'черный', *aets'i* 'грубый', *s'ul'ems'i* 'красный'. Таким образом, в кетском языке обнаруживается синкретизм имени и глагола.

Приведем еще ряд глаголов, которые нам представляются бывшими классными. У них отсутствуют современные личные показатели. Глагол «говорить»:

<i>mana</i> 'я (женщина) говорю'	<i>nima</i> 'я (мужчина) говорю'
<i>kuta</i> 'ты говоришь'	
<i>mana</i> 'она говорит'	<i>nima</i> 'он говорит'
<i>bada</i> 'он говорит' (как нам кажется, это более поздняя форма)	
<i>guma!</i> 'говори!'	

Форма императива совпадает с формой 2-го лица.

Сравним супплетивные глаголы, совсем не имеющие категории лица: *has'a* 'я режу' / *hal'a* 'я резал'; *s'i* 'я ем' / *sil'a* 'я ел', *diba* 'я ем' / *bil'a* 'я ел', в то же время: югск. *š'i:jdi* 'я ем', *š'i:jku* 'ты ешь', *š'i:jda* 'он ест', *š'ijdu* 'она ест'. Другие супплетивные глаголы: *ul'ba* 'вымокнет' – *ulimna* 'вымокло'; *kabi* 'скоблю' – *komni* 'скоблил'; *nami* 'отгребаю' – *nomli* 'отгреб'; *kaja* 'резнет' – *kona* 'резнул'; *ses'ta* 'сижусь'; *has'ti* 'буду кроить', *bo?q uksi:* 'огонь гаснет' – *il'i* 'погас'; *itpadam* 'я знаю'; *us'am* 'есть, имеется'; *de:s'i* 'я кричу' – *at ke:s'i* 'не реви!' (та же форма для 2-го лица). Интересен также глагол "становиться", ср.:

<i>dija</i> 'я стану'	<i>din'a</i> 'я стал'
<i>kuja</i> 'ты станешь'	<i>kun'a</i> 'ты стал'
<i>duja</i> 'он станет'	<i>dun'a</i> 'он стал'
<i>dəja</i> 'она станет'	<i>dən'a</i> 'она стала'

Эти примеры свидетельствуют о том, что классные показатели служили словообразовательным и словоизменительным целям. Клас-

сифицирующие форманты представляли собой звукосочетания CV / VC, в которых согласные указывали на класс денотата / референта, а гласные *a/o*, *u*, *i/e* являлись дейксисами широкого плана [4: 20-21].

Таким образом, традиционное представление о слове в приложении к кетскому языку не срабатывает. Можно говорить только о словоформе с определённым грамматическим и лексическим значением в каждой конкретной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Гак В.Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия., 1990. С. 464-467.
3. Плуныян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Едиториал, УРСС, 2003. 384 с.
4. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола. Таганрог: ТГПИ, 2002. 202 с.
5. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. ЛГУ, 1958. 182 с.

ПОЛЯКОВСКАЯ Юлия Владимировна (*Днепропетровск, Украина*)

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Pol-jul@yandex.ru

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОДИСКУРСА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. Автор анализирует функционирование имплицитности в идиодискурсе Ф.М. Достоевского. В данной статье указывается значимость имплицитности для понимания и восприятия творчества писателя. Произведен краткий анализ таких иплицитных средств, как ирония, умолчание, намек, фальшивая оценка, косвенный речевой акт, компрессия. Такие имплицитно-стилистические приемы рассматриваются как маркеры индивидуально-авторской манеры речи Ф.М. Достоевского и элементы идиодискурса.

Современная наука, проявляя большой интерес к когнитивным процессам человеческого мышления, делает акцент на взаимодействии существующих форм знаний – имплицитности и эксплицитности. К вопросам имплицитности в свое время обращалось немало исследователей, но диапазон области функционирования скрытых смыслов и новые подходы при работе с текстом позволяют расширить имеющиеся представления.

Е.В. Ермакова определяет имплицитность как: «феномен существования знания в усвоенной форме, без обязательного выведения его в сознательную форму» [8: 6]. В своих исследованиях автор подчеркивает важность психологических процессов осмысления имплицитности, которые являются необходимым условием восприятия художественных текстов [8].

Следует заметить, что категория имплицитности претерпела некоторые изменения со времен начала работы в этой сфере. Например, отечественный исследователь В.Х. Багдасарян говорил об имплицитности как о том, что не имеет словесного выражения, рассматривая ее в разных рамках текстовых образований [2: 25]. К.А. Долинин анализировал лакуны – аномалии в тексте, пропуски, нарушения языковых норм [4: 39]. То есть, раньше имплицитность рассматривалась более узко – на языковых или текстовых уровнях. Со временем имплицитность начали отождествлять с подтекстом, импликантом, импликацией, имплицитной информацией [10: 225]. Также современные исследователи (И.В. Иванкова, Е.В. Ермакова, С.С. Сермягина) больше обращаются к широкому пониманию имплицитности – как к скрытому, косвенному выражению смысла, предполагающему взаимодействие лингвистического и экстралингвистического фона речи.

С.С. Сермягина, обосновывая актуальность проблемы имплицитности, говорит о сложности вычленения минимального смыслового сегмента, задающего глубину интерпретации художественного текста [10: 226].

И.В. Иванкова подчеркивает, что хотя имплицитность – это универсальная категория, свойственная всем текстам, созданным на любом языке, но художественный дискурс является самым продуктивным материалом для исследований скрытых смыслов [7: 15]. Именно дискурс является когнитивным явлением, которое имеет дело с передачей знаний, активизирует интерпретационную деятельность писателя и ее механизмы. По определению Ю. Руднева, «Дискурс – такое измерение текста, взятого как цепь/комплекс высказываний (т.е. как процесс и результат речевого (коммуникативного) акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и парадигматические отношения между

образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста» [4: 43]. Н.Ф. Алефиренко рассматривает дискурс как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности [1: 30].

Для нас важно то, что структура дискурса – план выражения и план содержания – обычно асимметричны, что приводит к несоответствию ассоциативно-смыслового содержания слов в их первичном значении и порождает имплицитные смыслы. А.С. Земляная полагает, что автор использует такие имплицитные смыслы в идиодискурсе (конкретном проявлении дискурса писателя) для целенаправленного воздействия на читателя, выбирая особую форму языкового выражения [6: 84]. Таким образом, изучение имплицитности, как составляющей художественного произведения, подразумевает глубокий анализ мировоззрения автора и языковых средств, необходимых для этой цели.

Вслед за исследованиями В.В. Сигановой, мы считаем, что идиодискурс Ф.М. Достоевского богат подтекстом, к тому же можно отметить особую многосоставную структуру его произведений: обычное уголовное происшествие и любовное соперничество соотносятся с вечными законами бытия и глубокими философско-историческими вопросами. В.В. Сиганова подчеркивает, что идиодискурс Достоевского является дискурсом особого типа – художественно-религиозным, поведенческим [11: 2].

Близко знакомый с Библией, Достоевский стремился передать свои духовные убеждения с помощью творчества. Среди многообразия языковых средств, воплощаемых автором, красной нитью проходят имплицитные высказывания, так как писатель не говорит прямо о своих убеждениях, а «подталкивает» читателя к правильной мысли. Нами была предпринята попытка охарактеризовать основные приемы, которые демонстрируют механизмы образования имплицитности в идиодискурсе Ф.М. Достоевского. Это намек, умолчание, фальшивая оценка, косвенные речевые акты, компрессия, ирония.

Умолчание. Р.Г. Назиров, рассматривая фигуру умолчания, определяет ее как недомолвку, прерывание речи, оставление темы вследствие личных мотивов автора [9: 57].

Личное омерзение нарастало нестерпимо. Митя уже не помнил себя и вдруг выхватил медный пестик из кармана...

Бог, как сам Митя говорил потом, сторожил меня тогда: как раз в то самое время проснулся на одре своем больной Григорий Васильевич [5: 385].

В романе «Братья Карамазовы» автор прибегает к такому стилистическому средству в самых важных сюжетных моментах. Умолчание отражает повышенную эмоциональность и активизирует мыслительные процессы читателя: так как мысль прерывается, ее как-то необходимо реконструировать до конца. Обычно это позволяет сделать контекст, потому что целью автора является донесение мысли до читателя, а не «логическая неудача». Читателю не рассказывается, что дальше сделал Митя, но из последующего предложения становится понятно, что главному герою, возможно, удастся избежать беды.

– До свидания. Я впрочем про то, что ты притвориться умеешь, не скажу...да и тебе советую не показывать, – проговорил вдруг почему-то Иван.

– Очень понимаю-с. А коли вы этого не покажете, то и я-с всего нашего с вами разговору тогда у ворот не объявлю... [5: 617].

Ф.М. Достоевский использует скрытую тактику: читателю предлагается самому поразмышлять над диалогом и прийти к выводу – был ли сговор Ивана со Смердяковым. Фигура умолчания связана с ораторским искусством влияния, которое называется «держать паузу». На письме умолчание часто сопровождается многоточием.

– Я припоминаю теперь одно обстоятельство, о котором я было совсем и сам позабыл, но тогда оно было мне так неясно, а теперь... И Алеша с увлечением, видимо сам только что теперь внезапно попав на идею, припомнил, как в последнем свидании с Митей, вечером, у дерева, по дороге к монастырю, Митя, ударяя себя в грудь, "в верхнюю часть груди", несколько раз повторил ему, что у

него есть средство восстановить свою честь, что средство это здесь, вот тут, на его груди... [5: 687].

Обычно имплицитное значение восстанавливается из контекста – читателю уже известно о ладанке с деньгами, которая спрятана на груди Мити. Об этих деньгах, которые могли бы стать аргументом в пользу его невиновности, стает известно лишь после допроса. Долгое время писатель скрывает этот факт от читателя, стремясь «запутать» сюжет. Смысл коммуникации восстанавливается довольно просто – **...спрятана ладанка с деньгами, которые ему дала Катерина Ивановна.**

Ирония. Ироническое высказывание, являясь особой разновидностью косвенных речевых актов, также используется Ф.М. Достоевским для передачи непрямого сообщения читателю.

*Либерал сороковых и пятидесятих годов, вольнодумец и атеист, он, от скуки может быть, а, может быть для легкомысленной потехи, принял в этом деле чрезвычайное участие. Ему (Миусову) вдруг захотелось посмотреть на монастырь и на "святого". Так как все еще продолжались его давние споры с монастырем и все еще тянулась тяжба о поземельной границе их владений, о **каких-то правах рубки в лесу и рыбной ловле в речке и проч.,** то он и поспешил этим воспользоваться под предлогом того, что сам желал бы сговориться с отцом игуменом: нельзя ли как-нибудь покончить их споры полюбовно? Посетителя с такими **благими намерениями** конечно могли принять в монастыре внимательнее и предупредительнее, чем просто любопытствующего [5: 6].*

Можно заметить, что писатель использует иронию, чтобы охарактеризовать неприятного ему персонажа, наделенного негативными качествами в понимании автора. Миусов – европейский человек, стремившийся жить по-западному. Как известно, Ф.М. Достоевский не видел целесообразности в ориентировании на Европу, он считал, что спасение только в вере и духовности.

*Было, однако, странно; их по-настоящему должны бы были ждать и может быть с **некоторым даже почетом:** один недавно еще **тысячу рублей пожертвовал,** а другой был богатым по-*

мещиком и образованнейшим так-сказать человеком, от которого все они тут отчасти зависели по поводу ловель рыбы в реке, вследствие оборота, какой мог принять процесс [5: 8].

На лексико-грамматическом уровне ирония передается оценочными прилагательными, иногда глаголами действия. Но особый фон создается с помощью наречий – «отчасти», «даже», «так сказать».

Фальшивая оценка. Иногда писатель прибегает к очень специфическому способу изображения действительности: намеренно использует заведомо ложное обстоятельство.

Ставни заперты ли, Феня, да занавес бы опустить – вот так! – Она сама опустила тяжелые занавесы, – а то на огонь-то он как раз налетит. Мити, братца твоего, Алеша, сегодня боюсь. – Грушенька говорила громко, хотя и в тревоге, но и как будто в каком-то почти восторге.

– Почему так сегодня Митеньки боишься? – осведомился Ракитин, – кажется, с ним не пуглива, по твоей дудке пляшет [5: 339].

Грушенька говорит о своем страхе перед Митей, но из контекста читатель знает, что на самом деле Грушенька управляет влюбленным Митей, подчиняя его себе по первому слову. Здесь фальшивая оценка, возможно, используется героиней, чтобы подчеркнуть свою незащищенность и слабость, придать себе эффектность перед Алешей.

– Поэма моя называется "Великий Инквизитор", вещь нелепая, но мне хочется ее тебе сообщить [5: 249].

Иван называет нелепой свою поэму, над которой он размышлял долгое время и куда вложил все свои духовные убеждения, колебания. Поэму «Великий инквизитор» считают бунтом Ивана против Бога и искушением для Алеши. Давая такую характеристику поэме («нелепая»), Иван, наоборот, хочет привлечь внимание Алеши, не открывая до конца своих истинных намерений.

Намек. Когнитивная ценность намека, как и любого имплицитного средства, заключается в том, что читатель, приложив усилия для получения знания, лучше запомнит его и возможно использует в будущем. Намек базируется на использовании некоторого элемента ситуации, с помощью которого можно восстановить всю ситуацию в целом.

Видишь... в Чермашню еду... – как-то вдруг вырвалось у Ивана Федоровича, опять как вчера, так само собою слетело, да еще с каким-то нервным смешком. Долго он это вспоминал потом.

– Значит, правду говорят люди, что с умным человеком и поговорить любопытно, – твердо ответил Смердяков, проникновенно глянув на Ивана Федоровича [5: 278].

В этом примере намек, соединенный с умолчанием, несет в себе одну из главных интриг романа «Братья Карамазовы»: дал ли Иван разрешение Смердякову на убийство или все это простой разговор перед отъездом. Непонимание намека не приводит читателя к неудаче, а формирует альтернативное семантическое пространство на глубинном уровне, тогда как поверхностное чтение остается доступным.

Косвенные речевые акты. Косвенным речевым актом можно назвать всякий коммуникативный акт, действительная цель и смысл которого не выражена явно. Ф.М. Достоевский часто использует неопределенность в диалогах героев.

– Придет весточка, вскочу – полечу, только вы меня здесь и видели. Для того и разрядилась, чтоб готовой сидеть.

– А куда полетишь?

– Много знать будешь, скоро состаришься [5: 350].

Причина использования данного косвенного речевого акта – нежелание Грушеньки прямо отвечать на вопрос, уход от неприятного ей разговора.

Компрессия. Прием компрессии не очень распространен в идиодискурсе Ф.М. Достоевского, наоборот, автор склонен к декомпрессии, уточнению деталей. Но найденные примеры позволяют сказать, что компрессия была использована в минуты сильного волнения персонажей. Компрессия передает более емкое определение и усиливает влияние на читателя.

– Ее нужно плетью, на эшафоте, чрез палача, при народе!... [5: 152].

– Смердяков, сходи в шкаф, на второй полке, вот ключи, живет [5: 118].

Таким образом, можем сделать вывод, что исследование имплицитных форм, функционирующих в идиодискурсе Ф.М. Достоевского, очень важно для интерпретации творчества писателя. Понимание скрытых смыслов позволит более точно раскрыть подтекст, а также избежать произвольного толкования произведений, нередко встречающегося в работах современных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте // Гуманитарные исследования. Язык. Коммуникации. М. 2011. № 2(38). С. 28-33.
2. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ). Ереван, 1983. 112 с.
3. Габдуллина В.И. Авторский дискурс Ф.М. Достоевского: проблемы изучения // Учебное пособие. Алтайская государственная педагогическая академия. 2010. 137с.
4. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопр. языкознания. 1983. № 6. С. 37-47.
5. Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы» Л.: Наука. 1976. 742 с.
6. Земляная А.С. Имплицитность как компонент идиостиля Дж. Остин. С. 82-88.
7. Иванкова И.В. Реализация категории имплицитности в современном русском художественном тексте (на фоне немецкого языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 2007. 23 с.
8. Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов. 2010. 45 с.
9. Назиров Р.Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: сб. статей. Уфа: Гилем. 1998. С. 57-71.
10. Сермягина С.С. Импликация и художественный текст // Язык. История. Культура. Вып. 5. Кемерово. 2003. С. 223-227.
11. Сиганова В.В. Опыт реализации лингвориторического подхода при анализе идиодискурса литературной личности писателя-классика // European researcher. 2012. Т. (21). № 5-2. С. 1-4.

**ПРОКОФЬЕВА Александра Викторовна,
ДРОНОВА Галина Евгеньевна,
НОВИКОВА Ирина Николаевна** (*Магнитогорск, Россия*)

Магнитогорский государственный
технический университет имени Григория Ивановича Носова

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ВЫРАЖЕНИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ КАК БАЗОВОЙ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ В ПЕСЕННО-ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В.С. ВЫСОЦКОГО

Аннотация: Статья посвящена текстообразующему потенциалу фразеологических единиц. Рассматривается вопрос о роли фразеологизмов в передаче разных типов информации в бардовском тексте. Материалом для исследования служат стихопесни известного российского барда В. Высоцкого.

Внимание лингвистов неоднократно привлекал вопрос о роли и функциях фразеологических единиц (далее ФЕ)^{*} в поэтическом тексте (Е.А. Малиновский [1971], И.М. Подгаецкая [1971], А.С. Начисчионе [1975], Н.Н. Данченко [1977], М.А. Бакина [1982, 1995], И.Ю. Третьякова [1993], А.С. Хрусталёв [1999], О.Н. Фомина [2000] и др.).

Однако большая часть исследований функций ФЕ посвящена их изобразительно-выразительным возможностям, окказиональным преобразованиям, а также особенностям перевода. Актуальными остаются проблемы изучения текстовых свойств фразеологизмов, раскрытия их лингвокультурологического потенциала.

Бардовская поэзия представляет в этом отношении особый интерес, так как является сложным синкретическим образованием, к которому вполне применимо замечание Л.И. Тимофеева об анализе русского народного или античного стиха, высказанное еще в 1938 г.: «Мы имеем дело не с музыкальностью в порядке метафоры или аналогии, а с действительной музыкой, с реальным напевом, являющимся структурным элементом стиха» [9: 236].

В произведениях известного талантливойого российского барда и актёра В. Высоцкого ярко выражено органичное соединение языкового, музыкального и исполнительского начала; в них в полной мере, говоря

* Авторы статьи придерживаются широкого подхода к объекту фразеологии.

словами Ю.М. Лотмана, «обнажаются особенности индивидуальной трактовки исполнителя» [6: 115].

Немаловажной чертой идиостиля поэта является насыщенность его стихопесен ФЕ, которые служат отправной точкой для раскрытия замысла и формирования текстового поля тематической целостности.

Заметим, что при анализе языковой стороны бардовских произведений с позиции лингвистики текста необходимо акцентировать внимание на специфике воплощения в бардовском тексте основных текстовых категорий и степени участия в данном процессе ФЕ.

Проанализировав около 3500 примеров функционирования ФЕ в 631-м песенно-поэтическом произведении В. Высоцкого, А.В. Прокофьева выявила около 1000 случаев участия ФЕ в формировании композиционно-тематического целого текста [8: с. 5].

Одной из существенных категорий текста И. Р. Гальперин называет информативность. Термины «содержательно-фактуальная» (СФИ), «содержательно-концептуальная» (СКИ) и «содержательно-подтекстная информация» (СПИ), введенные им в обиход, ныне широко известны и активно используются учеными. Всестороннее раскрытие замысла автора невозможно без декодирования содержательно-подтекстной информации, или подтекста, который, в свою очередь, проявляется в результате анализа контекста и знания затекста.

ФЕ обладает немалыми возможностями для передачи разных типов информации в поэтическом тексте. Такие приемы трансформации, как двойная актуализация ФЕ, а также ее буквализация способствуют передаче СФИ. В то же время, если для раскрытия замысла в контексте совмещаются буквальная и узуальная семантика ФЕ, то ее прямое прочтение передает фактуальную информацию, а заключенная в ней мораль – концептуальную. Подобное явление мы наблюдаем во многих песнях В. Высоцкого, например, в «Песенке про козла отпущения» [1973], где на сюжетном уровне обыгрывается ФЕ-пословица **С волками жить – по-волчьи выть**. В зачине она мотивирует замысел, далее, служа отправной точкой для раскрытия темы, передаёт фактуальную информацию (серенький козлик действительно живёт с волками), а в концовке формулирует концептуальную установку текста:

Он с волками жил – и по-волчьи взвыл – / и рычит теперь по-медвежьему [3: т.1, 353].

Для точного декодирования СПИ, в передаче которой у В. Высоцкого нередко принимает участие ФЕ, знание затекстовой информации бывает просто необходимым. Под *затекстом* мы понимаем «некий объем знаний, лингвистических и экстралингвистических, который должен быть у реципиента для адекватного восприятия текста» [2:18]. Так, ФЕ **вокруг да около**, употребленная В. Высоцким в сильной позиции текста – рефрене, является средством создания подтекста, который будет декодирован при условии, если читатель или слушатель владеет затекстовой информацией: *Да нет, живу не возле «Сокола»... / В Париж пока что не проник. / Да что вы все **вокруг да около** – Да спрашивайте напрямик!* [3: т. 1, 256].

Семантика ФЕ **ходить вокруг да около** – обозначает ‘говорить обиняками, не касаясь сути дела’ [10: 509]. Л. Осипова в своей книге «По Москве В. Высоцкого и его литературных героев» [1997] отмечает, что возле метро «Сокол» располагались кооперативные застройки членов Союза писателей, и дотошные журналисты, задавая назойливый вопрос о месте жительства В. Высоцкого, на самом деле хотели узнать, не является ли он членом этого Союза.

По-иному декодируется СПИ, заключенная во ФЕ-крылатом выражении (КВ) **Еще не вечер**, если иметь в виду, что песня была написана как своеобразный аллегорический комментарий к конфликту, произошедшему в «Театре на Таганке», а под образом капитана, неоднократно произносящего данную фразу, подразумевается главный режиссер театра Ю. Любимов. Аналогично, ФЕ-КВ **Как хороши, как свежи были розы**, трансформированная В. Высоцким в **Как хороши, как свежи были маки**, содержит «микротему дурмана» [7: 123] и в качестве средства затекстовой ретроспекции выражает СПИ, связанную с трагическими фактами автобиографии самого поэта. Во всех вышеназванных примерах мы имеем дело с СПИ, связанной со знанием затекста.

А вот в шутовском стихотворении «В белье плотной вязки...» [1979] затекст помогает нам правильно считать фактуальную инфор-

мацию, которую передаёт ФЕ *тянуть на себя одеяло*, претерпевшая дефралогию: *Не тяни ж ты, Наденька, / На себя одеяло / В новогоднюю ночь!* [3: т. 2, 138].

Наряду с другими лексико-фразеологическими средствами поэт использует эту ФЕ для описания реального события, когда в одну из новогодних ночей в доме В. Высоцкого произошли перебои с отоплением [3: т. 2, 494].

Так как многие свои песни В. Высоцкий писал для спектаклей и кинофильмов, для точной раскодировки текста и определения роли ФЕ в передаче разных видов информации необходимо знание экстралингвистических факторов, обусловленных содержанием этого фильма или спектакля; в противном случае информация может оказаться неполной. Например, номинативная ФЕ-КВ *маленький человек* функционирует в составе заголовка первой песни «Баллада о *маленьком человеке*» из к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли» [1973]. Проспективно характеризуя главного героя по его социальному статусу, эта единица является ядром концептуальной информации всего цикла песен. Именно бытие маленького человека, и не только мистера Мак-Кинли, описывается в сценарии и в песнях: маленький человек гибнет в перестрелке (песня «Прерванный полёт»). Скромный учитель Кокильон, игрок футбольной команды «Медведи», избиратель, уличный певец – всё это маленькие люди; маленький человек завидует манекенам и мечтает об оружии, маленькие люди с маленьким оружием в руках («мальчики с пальчиками на спусковом крючке») могут стать причиной больших войн....

Говоря о контексте по отношению к ФЕ, Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых справедливо замечают, что «анализ ФЕ в аспекте коммуникативной лингвистики должен осуществляться в рамках глобального контекста, который включает «в себя все условия коммуникации и интерпретации, получающие свое выражение на вербальном и на невербальном уровнях» [1: 184].

Помещение ключевого компонента ФЕ в определенный контекст также способствует появлению подтекста: *Эх, был бы зал – / Я б речь*

сказал: / «Товарищи родные! / Зачем **пенять** – Ведь вы меня / Кормили и поили!...» [«Вот раньше жизнь!..», 1964, 3: т. 1, 58].

Глагол **пенять** означает 'укорять кого-нибудь, сетовать на кого-нибудь, что-нибудь' [8: 488]. На первый взгляд, герой употребляет этот глагол в его свободном значении, однако следующая фраза «Ведь вы меня / Кормили и поили», которой незадачливый вор пытается оправдаться, имеет причинную семантику: герой апеллирует к обществу, которое, по его мнению, и взрастило его, а потому является виновным в случившемся. Приведенный контекст воспроизводит в сознании читателя ФЕ-пословицу **На зеркало неча пенять, коли рожа крива!**, которая вводит в текст эпизод предполагаемого выступления вора на Народном суде и употребляется в значении 'не стоит укорять кого-либо за свои недостатки, если причина их кроется в тебе самом'. Употребляя ФЕ в имплицитном виде, герой, учитывая строгость обстановки, лишь намекает присутствующим на тот факт, что сам он и его поступки являются следствием попустительства общества, его трусости и пассивности («Мне каждый деньги отдавал / Без слез, угроз и крови... / Огромное спасибо вам / За все на добром слове!»). То есть он, герой, – всего лишь зеркальное отображение общественных нравов.

Немаловажным является тот факт, что в поэтическом тексте глобальный контекст может совпадать с фразеологическим контекстом, т.е. глобальная ситуация, запрограммированная в стихотворении, детерминирована ФЕ, которую автор сознательно сделал фразеологической доминантой. Таковы, к примеру, стихотворения В. Высоцкого «Чужая колея», «Маски», «Козел отпущения», «Упрямо я стремлюсь ко дну», «Песня об обиженном времени», «Чеширский кот», «И вкусы и запросы мои – странны» и др., где ФЕ и компоненты, дистантно расположенные по всему поэтическому тексту и определяемые Д.О. Добровольским и Ю.Н. Карауловым как квазисимволы [4: 14], участвуют в передаче авторского замысла, а актуализаторы их значения присутствуют во всех блоках поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): Монография. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2000. 220 с.
2. Андреева С.Л. Библиейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во Моск. гос. пед. ун-та, 1998. 243 с.
3. Высоцкий В.С. Полное собрание сочинений в 2-х т. / Под ред. А.Е. Крылова. Екатеринбург: ТОО «У-Фактория», 1997.
4. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 5-15.
5. Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого: Дисс. канд. ... филол. наук. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. 200 с.
6. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и Тартусско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10-263.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН.; Российский фонд культуры; М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
8. Прокофьева А.В. Textoобразующие функции фразеологических единиц в поэзии В.С. Высоцкого. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2002. 19 с.
9. Тимофеев Л.И. Стих и проза: популярный очерк теории литературы. М.: Сов. писатель, 1938. 273 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1987. 543 с.

ПЬЕЦУХ Оксана Ивановна (*Черкассы, Украина*)

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого
e-mail: oxy.pj@mail.ru

МЕТАФОРА ПОЛИТИКИ КАК ВОЙНЫ В ДИСКУРСЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей формирования и функционирования метафоры политики как войны в политическом дискурсе парламентских дебатов в Великобритании. Проанализированы факторы, влияющие на появление этой метафорической модели в британских парламентских дебатах.

Повышенное внимание современной лингвистики к когнитивно-дискурсивным аспектам языковых явлений обусловило новые научные исследования, в частности, по мнению Н.Д. Арутюновой, в лингвистике фокус изучения метафоры перешел в сферу анализа речи и сфер, связанных с мышлением, когницией и сознанием [1; 2]. Исследования метафор в первую очередь связывают с их функционированием в раз-

ных типах дискурсов. Р. Хюльсе утверждает, что метафоры являются составными частями дискурса, любой дискурс содержит характерные для него метафоры, т.е. определенную комбинацию метафор и особый способ их использования [7: 25]. Детальное изучение особенностей реализации метафорических репрезентаций в политическом дискурсе парламентских дебатов в Великобритании углубляет понимание того, как политические процессы оказывают влияние на выбор языковых средств.

Исследованиям разных аспектов метафор посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. Особенности метафоры как основной операции сознания проанализированы в работах Н. Д. Арутюновой, М. Джонсона, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Б. Рудзкой-Остин, Е.А. Селивановой, В.Н. Телии, М. Тернера и др. На современном этапе развития лингвистики исследованию метафоры в сфере политики, ее особенностям и функциям посвящены работы таких исследователей, как В. Кеннеди, И.М. Кобозева, А.Н. Баранов, С.Н. Муране, А. Мусолфф, Й. Цинкен, Л.Н. Синельникова и др.

Метафора является наиболее производительным креативным средством обогащения языка и проявляется в использовании знаков одной концептуальной сферы на обозначение другой [6: 388; 8: 204]. Метафора рассматривается как познавательный процесс, который выражает и формулирует новые понятия, а также как культурный процесс, посредством которого происходят изменения языка [5: 363]. Метафоры отражают культурные, политические и социальные процессы и явления, происходящие в обществе.

Для каждого этапа развития общества характерна своя система концептуальных политических метафор, связанная с национальными традициями, культурными ценностями и коммуникативной ситуацией в стране [3]. Несмотря на разнообразие метафорических репрезентаций на каждом этапе развития общества, выделяется ряд базовых метафор, существующих в разных политических дискурсах. К таким устойчивым метафорическим репрезентациям относится метафора политики как войны. «Война является одной из наиболее значимых сфер опытного знания человечества, и военная метафора явно относится к

числу базовых, что подтверждается высокой степенью детализации тезауруса, а также высокой продуктивностью этой метафорической модели в политическом дискурсе» [4].

В политическом дискурсе парламентских дебатов в Великобритании эта метафора получила широкое распространение как в период пребывания при власти консервативной партии, так и лейбористской.

Формирование метафоры политики как войны, которое происходит в результате интеграции донорского домена ВОЙНА и реципиентного домена ПОЛИТИКА, приводит к аналогизации политических процессов и явлений с военными действиями. Политики проводят агрессивную политическую войну, пытаются получить победу в предвыборной гонке в парламент, а получив поддержку избирателей, “воюют” с существующими политическими, экономическими и социальными проблемами.

К примеру, в британском парламенте подчеркивается значение дипломатии в Совете Безопасности ООН, но при этом ее роль не заключается в “подрывании” международных договоренностей. Глагол *to undermine*, который в военно-морском деле функционирует для обозначения одного из средств уничтожения врага, получает в политической сфере метафорическое значение “to prevent doing smth” и соответствует терму предиката способа действия в пропозициональной структуре домена ПОЛИТИКА: *Diplomacy has a role--that is right. However, it does not have a role in **undermining** or cutting away the simple, straightforward demands of the Security Council. Getting those resolutions is fine* (28 November 1990).

Лексему *to attack* заимствовано в сферу политики из военной сферы для подчеркивания решительности правительственных мер в борьбе с организованной преступностью. В военной сфере этот глагол используется в значении “take aggressive military action against (a place or enemy forces) with weapons or armed force” [9] и получает в сфере политики новое метафорическое значение “take a forceful attempt to get rid of smth”. В пропозициональной структуре реципиентного домена ПОЛИТИКА эта лексема коррелирует с глаголом интенсификации действия: *I say to those people, "Beware of a party which has never support-*

*ed the Government's attacks on criminals, vandals and all such people." People should beware of that, not of a Government who have done so much **to attack crime** (20 March 1997).*

Активная предвыборная борьба зачастую ассоциируется с проведением военных действий. Глагол *to fight*, который в прямом значении обозначает процесс борьбы с использованием оружия ("to take part in a violent struggle involving the use of weapons" [9]), в домене ПОЛИТИКА получает новое метафорическое значение "to endeavour vigorously to get voters' support and win an election" и соответствует предикату действия в пропозициональной структуре домена ПОЛИТИКА: *The lady whom I have the honour to propose as Speaker of this august House, the right hon. Member for West Bromwich, West (Miss Boothroyd), **fought** a unique election campaign, wearing a green rosette (8 May 1997).*

Набор на государственную службу новых служащих сравнивается с набором новых рекрутов на войну. Существительное *recruit*, которое в прямом значении используется для обозначения новичков, призванных на военную службу ("a person newly enlisted in the armed forces"), при заимствовании в реципиентный домен получает новое контекстуальное значение "a newly hired employer of a department". Эта лексема соответствует терму объекта в структуре пропозиции домена ПОЛИТИКА: *To ask the Secretary of State what progress has been made in attracting new **recruits** for the positions in the department (20 March 1997).*

Исследования метафорической репрезентации политики как войны в политическом дискурсе парламентских дебатов в Великобритании продемонстрировали универсальный характер формирования такой метафоры, поскольку влияние на ее появление оказывают типичные для политической жизни процессы и явления. К ним относятся, в частности, предвыборная борьба и последующая активная работа по устранению проблем во внешне- и внутривнутриполитической сфере государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 296 – 297.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5 – 32.

3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с
4. Баранов А.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Институт русского языка РАН, 1991. 193 с.
5. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 358 – 387.
6. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2010. 844 с.
7. Hulsse R. Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität. Berlin, 2002. 192 S.
8. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / Ed. By A. Ortony. Cambridge: The Cambridge Univ. Press, 1993. P. 202 – 251.
9. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://oxforddictionaries.com/>

РОГОВНЕВА Юлия Васильевна (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени Михаила Васильевича Ломоносова,
Государственный институт русского языка имени Александра Сергеевича Пушкина
Vinnipuh61@yandex.ru

**О ВЛИЯНИИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ НА РЕГИСТРОВУЮ
ХАРАКТЕРИСТИКУ МОДЕЛИ**

Аннотация. В статье анализируется влияние распространителей модели (предикативного ядра) предложения на ее принадлежность к коммуникативному регистру, доказывается возможность распространителей изменять регистровую принадлежность модели.

Любой текст представляет собой структуру, состоящую из 4 уровней, или ступеней [1]:

Уровень А – предикативное ядро предложения, его модель.

Уровень В – регистровая характеристика модели.

Уровень С – тактика автора.

Уровень D – стратегия автора.

Согласно этой модели, регистровая характеристика предложения, входящего в состав текста, определяется на уровне В, однако закладывается еще на уровне А – уровне модели предложения, поскольку в каждой модели «заложена регистровая предрасположенность, способность той или иной модели к функционированию в определенном или разных регистрах» [1: 445]. В данном случае учитываются потенциальные регистровые возможности только модели предложения.

Однако в состав предложения могут входить и распространители предикативного ядра, роль которых в формировании регистровой характеристики целой конструкции не оговаривается.

Анализ репродуктивно-описательных текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения, позволяет сделать вывод о том, что роль распространителей модели оказывается не менее важной для определения регистровой принадлежности всего предложения. Это утверждение доказывается на конкретных примерах. Так, говорящий, описывая человека, которого он видит перед собой, может использовать следующие предложения:

1. *На ней черный пиджак.*
2. *На ней мужской пиджак.*
3. *На ней красивый пиджак.*

В основе этих предложений лежит одна модель *На ней пиджак*, представляющая собой сопряжение субъектной синтаксемы (личное местоимение с предлогом в форме предложного падежа), обозначающей лицо, и предикатной синтаксемы (существительное в форме именительного падежа). Типовое значение модели *На ней пиджак* – отчуждаемое (непостоянное) качество человека.

Модель *На ней пиджак* предрасположена к функционированию в репродуктивном регистре. В ее состав входит предметная синтаксема – предметное существительное в функции предиката и синтаксема-местоимение, указывающая на конкретное лицо. Таким образом, говорящий обозначает некое внешнее наблюдаемое качество лица, находясь при этом в хронотопе описываемого, T_2 событийное = T_3 говорящего (по терминологии Г.А. Золотовой [1]).

При этом в состав каждого из этих предложений входит распространитель – прилагательное в атрибутивной функции, которое характеризует предикат-существительное. Таким образом, эти предложения различаются только распространителями. А регистровая отнесенность синтаксемы-распространителя способна влиять на регистровую характеристику целой конструкции.

Так, из трех анализируемых предложений только предложение *На ней черный пиджак (1)* является каноническим репродуктивным. К

его модели добавляется распространитель-прилагательное *черный*, которое относится к типу сенсорно-воспринимаемых (в данном случае наблюдаемых) признаков. Именно эти признаки составляют основу репродуктивного регистра. Таким образом, модель предложения и ее распространитель относятся к репродуктивному регистру, прилагательное-атрибут не выделяется из регистравого плана модели.

Предложение *На ней мужской пиджак (2)*, дополняется распространителем – прилагательным *мужской*, которое относится к типу прилагательных, обозначающих информативные признаки. Выводит ли этот информативный признак все предложение из репродуктивного регистра в информативный? Когда говорящий характеризует одежду по принадлежности к полу, учитывает ли он только наблюдаемые признаки или фиксирует результаты многократного наблюдения и знания? Вопрос о регистравой принадлежности конструкций с информативными признаками еще нуждается в исследовании, однако очевидно, что эти конструкции выходят за пределы канонического репродуктивного регистра.

Предложение *На ней красивый пиджак (3)* распространяется прилагательным *красивый*, которое относится к типу оценочных признаков. Здесь выражается точка зрения говорящего, а не наблюдаемое в данный момент. Конструкции с оценочными признаками формируют информативный, генеритивный или реактивный (в диалогических текстах) регистры. В данном перед нами информативное предложение, поскольку речь идет об одном конкретном лице.

Таким образом, распространитель модели может не выделяться из регистравого плана модели (предложение 1), а может создавать другой регистравый план, влияя на регистравую характеристику всей модели (предложения 2, 3). Одна и та же модель предложения может функционировать в разных регистрах, и эта регистравая характеристика определяется не только составом модели, но и распространяющими эту модель синтаксемами. С другой стороны, употребляя в предложении прилагательные *черный*, *мужской* и *красивый*, говорящий выбирает определенную тактику построения предложения и всего текста в

целом. Только от воли говорящего зависит, как он характеризует объект, который видит в данный момент.

Очевидно, что система коммуникативных регистров – это не просто набор языковых средств для отображения явлений действительности, но и некий способ видения этой действительности, существующий в сознании говорящего. Вместе с тем наши примеры показывают, что в четырехступенчатой модели анализа текста нужно учитывать и допредикативный уровень – уровень лексического наполнения будущих моделей, потому что уже на этом уровне закладывается стратегия автора и выбирается определенная тактика. И именно на этом уровне закладывается регистровая предрасположенность будущих моделей. Говорящий из всех предлагаемых ему языковой системой средств выбирает те, которые, по его мнению, способны описать наблюдаемый им объект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Изд. МГУ, 1998. 528 с.

**РЫБАКОВ Михаил Анатольевич,
ТРУБЕЕВА Екатерина Васильевна** (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов
rybakov_ma@pfur.ru
marcolfus@yahoo.com

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА ПАДЕЖА

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным проблемам морфологического и синтаксического статуса падежной словоформы существительного и прилагательного в синтаксической структуре предложения и именной группы. Указанные проблемы рассматриваются на материале русского языка с учётом некоторых типологических данных.

Грамматическая категория падежа не случайно оказывается предметом различных лингвистических дискуссий – она относится и к синтаксическому, и к морфологическому уровням, а на каждом из них имеет свои формальные и семантические характеристики.

Формальные характеристики морфологического уровня включают такие признаки данной категории, как место падежного показателя в

словоформе по отношению к корню и другим аффиксам, агглютинативный или фузионный характер падежного морфа. Морфологическая семантика падежа заключается в его соотношении с другими категориями той же именной словоформы.

Формально-синтаксические характеристики падежной синтагматики включают место словоформы в линейном порядке слов и в синтаксическом дереве предложения. Семантико-синтаксические характеристики связаны с вопросом о типе синтаксических отношений некоторой словоформы, имеющей падеж, с синтаксической вершиной и зависимыми словоформами.

Проф. А.Б. Копелиович в работе «Синтагматика падежной грамматики» доказывает положение о том, что падеж для всех именных частей речи является управляемой категорией [1]. Такая постановка вопроса заставляет задуматься над определением целого ряда основных синтаксических понятий и рассмотреть проблему как на материале русского языка, так и в типологической перспективе.

Как отмечает В.А. Плунгян, «важное отличие управления от согласования состоит в том, что падежная граммема управляемого существительного навязывается именно управляющей лексемой в целом, а не индивидуальной грамматической характеристикой какой-либо её отдельной словоформы» [3: 155]. Именно это отличие позволяет отграничить управляемый падеж существительного и личного местоимения от согласуемого падежа прилагательного и равных ему определительных, указательных и неопределённых местоимений и порядковых числительных. Необходимость выделения согласуемого падежа отмечалась И.А. Мельчуком [2: 344] и В.А. Плунгяном [3: 198].

В предложении *Он купил медный самовар* семантическим объектом действия оказывается именно самовар, а не его признак, но при этом синтаксическим дополнением является не словоформа *самовар*, а именная группа *медный самовар*, следовательно, управляемый морфологический падеж имеет только имя существительное, а управляемый синтаксический падеж – именная группа в целом, на что указывал Я.Г. Тестелец: «падеж обозначает синтаксическую роль не су-

ществительного, а фразовой категории – именной группы, которую возглавляет существительное» [4: 375].

Аналогичную мысль другими словами высказывает А.Б. Копелиович: «...выбор падежной формы относится к компетенции расширенного контекста» [1: 123]. Принадлежность падежа на синтаксическом уровне именной группе в целом подтверждается типологическими свидетельствами. Во-первых, типично агглютинативные языки вообще не допускают наличие падежного показателя в имени прилагательном и, соответственно, не имеют падежного согласования, тогда как управляемый падеж имеется в каждом языке, где существует эта категория. Во-вторых, для агглютинативных языков вполне нормально оформление одним падежным показателем целой сочинённой именной группы [4: 376].

Аппозитивная синтаксическая связь представляет собой иной случай, который А.Б. Копелиович рассматривает как параллельное управление. Действительно, в примерах *диван-кровать*, *вагон-весы* не согласуются другие именные категории, как этого следовало бы ожидать при обычном согласовании, но, кроме того, оба имени называют объект (точнее, двойной объект или разные сущности одного объекта), что позволяет предполагать их самостоятельную семантическую связь с глаголом.

Более сложный случай представляют собой присказуемые имена прилагательные, как, например, в предложении *Душа родилась крылатой*. Для объяснения таких случаев возможны две модели:

1) именная группа имеет нулевую субстантивную вершину и падеж прилагательного в таком случае согласуемый;

2) именная группа состоит только из прилагательного, синтаксический падеж характеризует группу, морфологический падеж является в данном случае управляемым.

Первая модель хороша тем, что не отличается от стандартной, но плоха тем, что нулевая вершина избыточна семантически и не представима в явном виде – **Душа родилась крылатой душой*.

Вторая модель представляется бесспорной в синтаксическом аспекте, так как падеж – свойство фразовой категории; более естествен-

ной в морфологическом аспекте, так как нет существительного, контролирующего согласование; и вполне оправданной – в семантическом, поскольку выбор формы определяется семантикой глагольной лексемы и конструкции предиката.

Ещё сложнее для анализа следующий пример, приведённый А.Б. Копелиовичем: *Я впервые видела эту девочку счастливой* [1: 128]. Здесь сложно говорить о разнопадежной именной группе, управляемой глаголом, просто потому, что между словоформами *девочку* и *счастливой* нет синтаксической связи – перед нами две самостоятельных именных группы, каждая из которых управляется непосредственно глаголом и выполняет функции разных членов предложения: *девочку* – дополнение, *счастливой* – обстоятельство образа действия (видел как? в каком виде). В подтверждение этой трактовки достаточно указать на то, что данное высказывание не синонимично высказыванию *Я впервые видела эту счастливую девочку* или *?Я впервые видела эту девочку, счастливую*. Обстоятельственная функция выражена в анализируемом примере формой творительного падежа, типичного для обстоятельств. Эта падежная форма не может быть дополнением глагола, и хотя есть формальная возможность считать её управляемой приименной формой (существительное может управлять другим существительным в творительном падеже – *погрузка краном*) и в этом случае видеть здесь одну именную группу, трактовка этой формы как обстоятельства представляется более оправданной в семантическом отношении.

В итоге можно предложить следующую модель падежной синтагматики прилагательного и аналогичных ему классов слов: прилагательное может иметь управляемый падеж в тех случаях, когда выступает в роли именной части сказуемого или обстоятельства. Прилагательное как зависимый компонент (определение) внутри именной группы имеет согласуемый морфологический падеж (реляционный в синтаксическом отношении). Синтаксический управляемый падеж имеет не прилагательное и даже не существительное, а именная группа как целостная синтаксическая единица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копелиович А.Б. Синтагматика граммемы падежа // Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Владимир: ВлГУ, 2011. С. 120–132.
2. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. М.; Вена: «Языки славянской культуры»; Wiener Slawistischer Almanach, 1998. 544 с.
3. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 670 с.
4. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.

САМСОНОВА Анна Анатольевна (*Ярославль, Россия*)

Ярославский государственный педагогический университет
имени Константина Дмитриевича Ушинского
Anyta-Samsonova@yandex.ru

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассмотрены синтаксические средства современной судебной речи (вставные и вводные конструкции), при сближении функций которых возникает экспрессия.

Современная судебная речь использует эмоциональные возможности для выражения субъективного оценочного отношения к обсуждаемой ситуации. Под эмоциональностью в данной работе мы будем понимать способность синтаксических единиц проявлять эмоциональное отношение к объекту речи. Ведущим средством достижения эмоциональности служат вставные и вводные конструкции. Рассмотрим их на материале нашего исследования — записях судебной речи современных прокуроров и адвокатов.

Вводные и вставные конструкции используются для выражения добавочных замечаний, пояснений, уточнений и т.д. [4: 182]. Их использование предполагает воздействие на человека, представляет собой реакцию на услышанное, поэтому они часто несут в себе эмоциональность.

В речи вставные конструкции выделяются из состава предложения интонационно. По содержанию эти конструкции разнообразны: вставные конструкции 1) могут заключать в себе название или описание какого-либо предмета, лица, упомянутого в предложении; 2) выражают причину действия, события, явления, описываемого в предложе-

нии; 3) выражают значение следствия; 4) содержат добавочное сообщение (например, количественную характеристику) [4: 188-189]. Ср.: 1) *Таким образом, всякие доводы о незаконности и несправедливости соучредителей ОА «Медведь» (и в первую очередь Шемберга и его матери Шуваровой) по отношению к Миронову являются по существу спекуляциями;* 2) *Моя подзащитная Астафьева Е. И. обвинялась следствием по ст. 199 ч. 2 УК РФ (она намеренно отказалась от уплаты налогов);* 3) *Я хочу этим подчеркнуть, что в этого молодого человека было вложено все хорошее и что он не потерянный человек для общества (Поэтому ни одна из потерпевших не сказала, что кто-то из ребят оскорбил, сказал что-то грубое. Это тоже говорит о воспитании);* 4) *После того, как Миронов безуспешно пытался проникнуть на территорию подстанции через забор (трижды) и через ворота (дважды), он изменил тактику.* Также вставные конструкции в современной судебной речи служат для выражения эмоциональной оценки высказывания: *Энеева (спасибо ей!) сказала, что, вероятно «должны быть полигоны для таких работ: конечно, не Третьяковка, не Русский музей, но их можно выставлять, например, в Царицыне».*

Следует отметить, что вставные конструкции могут оформляться как вопросительные и восклицательные предложения. Например: *На следующий день следователь производит осмотр этих вещей и назначает биологическую экспертизу (и каковы ее результаты!).* Таким образом, такие конструкции выражают экспрессию. Такую же функцию выполняют неполные предложения, в которых пропущено сказуемое, легко восполняемое из контекста: *Слава Богу, тогда у власти хватило ума (ума ли?) не сажать их в тюрьму.* Встречаются и такие предложения, где актуализируется второе из однородных подлежащих: *Вот те условия, при которых запрет (но не уголовное наказание!) будет расцениваться, как правомерный.* Особое место занимают предложения, в которых заключение однородных членов в скобки придает членам предложения характер присоединения: *В начале семидесятых в делах дважды осужденного (и дважды реабилитированного, конечно, спустя много лет) ленинградского коллекционе-*

ра Георгия Михайлова, к уничтожению были приговорены, в частности, работы М. Шемякина, О. Рабина, Е. Рухина.

В судебной речи вводные конструкции выражают чувства говорящего и его отношение к высказываемому: *Термином «законность» обозначен один из основных принципов уголовного судопроизводства и, к сожалению, один из самых спорных; употребляются с целью привлечения внимания собеседника, чтобы внушить ему определенное отношение к сообщаемому: Убийцей, предположим, могло быть лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией; выражают экспрессивность: По правде сказать, пожар особой сложности не представлял, поэтому был ликвидирован в течение 7 – 10 минут.* Но вводные конструкции чаще, чем вставные конструкции, выражают оценку реальности сообщаемого: *Профессора, как известно, люди рассеянные, забывчивые.*

В судебной речи употребляются вводные конструкции, указывающие 1) на источник высказывания; 2) на последовательность высказывания и на связь мыслей; 3) на приемы и способы оформления мыслей; 4) на меру того, о чем говорится; 5) показывают степень обычности того, о чем говорится [4: 184-188]. Ср.: 1) *В то же время, по словам Андреева, и он, и его подруга составили завещание в пользу этого ребенка;* 2) *Нет таких цитат в современной еврейской прессе, как не было, впрочем, и в прежней;* 3) *Но не эти, «кровавого XX века» уподобления, как выясняется буквально в следующей фразе статьи, интересуют автора;* 4) *У защиты, по крайней мере, нет никаких оснований полагать, что эти деньги были криминальными;* 5) *Как всегда в этих случаях, в прошлом любовницы оказалось что-то неопределенное: не то мимолетные романы, не то неосторожность.*

В судебной речи заметна тенденция сближения функций вводных и вставных конструкций: вставные конструкции приобретают субъективно-модальные значения.

Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен

субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Е.М. Вольф выделила следующие свойства оценочного предиката: эмотивность, оценка эмоциональная и рациональная, экспрессивность, аффективность, интенсификация. Как показали наблюдения, отмеченные свойства характерны и для высказываний, организующих вставные конструкции [3: 37-46]. Эмотивный компонент характеризует прежде всего глаголы, которые указывают на отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств последнего: *Он никогда не заявлял о каких-либо своих претензиях материального плана на имущество (его вообще не радовало общение с Савельевой)*. В первую очередь эмоциональной является непосредственная реакция на объект, выраженная междометием, аффективными словами. Эмоциональная оценка бывает экспрессивной: *Ишкабулов подтвердил, что умысел на изнасилование и убийство возник до того (Поразительно!), как они пришли в подвал дома*. Рациональная оценка предполагает оценочное суждение и способы выражения, учитывающие этот характер оценки, в первую очередь аксиологические предикаты: *Факты совершения убийства и поджога (Я считаю их бесспорно доказанными) оговаривались выше*. Экспрессивность выражается интонационной структурой и соответственно восклицательной формой предложения: *Шемберг же воспользовался (какие грамотные действия!) правом на необходимую оборону*. Под аффективностью понимается то обстоятельство, что структура, в которую входит оценочное выражение, не столько описывает положение вещей, сколько подчеркивает, что субъект высказывания заинтересованно относится к событию, о котором идет речь: *Миронов (конечно, потрясающе) по образованию был юристом и поэтому прекрасно понимал, что его действия являются неправомерными и чрезвычайно опасными прежде всего для него самого*. Интенсификацию можно рассматривать как движение по оценочной шкале: *Смирнов пришел к Миронову (он ненавидел его всей душой), и у них после недолгого разговора завязалась драка*.

Таким образом, эмоциональность в синтаксисе современной судебной речи достигается с помощью сближения функций вставных и вводных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. 180 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высш. шк., 1991. 432 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис: учебник. М.: Академия, 2010. 247 с.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О ВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются основные временные значения причастий. Кроме традиционно выделяемых значений настоящего и прошедшего времени (абсолютное время), а также значений совпадения и предшествования по отношению ко времени проявления предикативного признака (относительное время) выделяются также значения следования, частичной одновременности и временные отношения недифференцированного типа.

Временное значение причастных конструкций обычно связывается с морфологической категорией времени причастия. Исследователи неоднократно отмечали двойственность временного значения причастий: время причастия может быть «самостоятельным», в терминологии А.М. Пешковского [10: 127], или выражать отношение к моменту речи (абсолютная ориентация), а также «несамостоятельным» [10: 127], т.е. проявлять относительную временную ориентацию на время глагольного действия. Многие современные лингвисты разделяют эту точку зрения. Наряду с ней существует и другая: для причастия характерно только относительное время [11: 144, 3: 216 и др.].

В.В. Виноградов отмечал, что в причастных формах «категория времени тесно связана с категорией вида и до некоторой степени подчинена ей» [1: 224].

Вместе с тем отмечается «ущербность» временной парадигмы причастий, так как они не имеют формы будущего времени, а слова «будущий, грядущий и под. являются именами прилагательными и выражают значение будущего времени лексически» [14]. Однако некоторые ученые высказывают мнение о возможности образования в языке причастий будущего времени типа *прочтущий, увидящий*. Указанные формы признаются возможными в разговорной речи. Кроме того, отмечается, что частотность употребления форм причастий будущего времени растёт [2; 5: 36 и др.]. И.В. Замятина полагает, что хотя данные причастия выходят за пределы языковой нормы, однако увеличение частотности их употребления может служить фактом того, что «у действительных причастий, возможно, начинают развиваться формы будущего времени, таким образом, выстраивается система временных форм причастия, параллельная глагольной» [6]. Вместе с тем, на наш взгляд, ненормативность причастий будущего времени не позволяет в настоящий момент рассматривать их как факт литературного языка.

Таким образом, причастия, не имея форм будущего времени, должны выражать значения одновременности и предшествования, чаще всего эти темпоральные значения проявляются по отношению к действию, выраженному сказуемым.

Формы причастий настоящего и прошедшего времени несовершенного вида (НСВ) обычно обозначают одновременность по отношению к действию, выражаемому глаголом в форме прошедшего времени: *День становился все более ясным, облака уходили, гонимые ветром* (М. Горький).

Если в предикативной части употребляется глагол СВ, то действия по времени проявления совпадают лишь частично: *Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно воруящих у него лес* (А. Пушкин). Время действия глагола *наехал* охватывает лишь часть времени действия причастия *ворующих*, следовательно временное значение причастий в подобных случаях можно квалифицировать как частичную одновременность со временем сказуемого.

Если глагол стоит в форме настоящего или будущего времени, то формы причастий НСВ настоящего времени обладают значением

одновременности, а формы причастий НСВ прошедшего времени – значением предшествования действию, выраженному глаголом. И.В. Одинцова полагает, что глаголы-сказуемые настоящего времени «являются знаком отнесения высказывания к моменту речи» [9: 82], поэтому причастие при них, как правило, соотносится с моментом речи и обозначает признак, реализующийся одновременно с моментом речи (причастия настоящего времени) или до момента речи (причастия прошедшего времени): *...я, небогатый художник, и он, богатый аристократ, и бедный помещик, пропывающий всё, что выработывает, в кабаке, – мы руководствуемся одними правилами экономии (А. Герцен); ...В нашем селе служит дьякон, поступивший поначалу служить в уголовный розыск, деливший барыши с конокрадами и ворами (И. Соколов-Микитов)*. Таким образом, причастие в подобных случаях проявляет как относительную временную ориентацию (на время глагола-сказуемого), так и дополнительную абсолютную ориентацию (на момент речи).

В.В. Виноградов отмечал, что действительные причастия настоящего времени обычно выражают одновременность с действием глагола, но могут выражать и «расширенное значение настоящего времени (т.е. значение неопределенно длящегося промежутка времени)» [1: 211]: *В озере водятся юркие крепыши-окуни с белой на брюшке чешуей, темнеющей к спине до черноты, и нежная серебристая плотва (С. Никитин)*. При этом указывается на вневременность названной формы: «...причастия на *-щий* сами по себе ни на прошедшее, ни на будущее время указывать не могут, они обозначают лишь наличный процессуальный признак. Соотносительно с причастиями на *-вший* их значение кажется значением настоящего, т.е. непрошедшего, времени» [1: 211].

По нашим наблюдениям, значение постоянного, не приуроченного к определенному времени признака в некоторых случаях может появляться и у причастий прошедшего времени НСВ, для которых, как отмечалось, обычно характерно значение одновременности с глаголами прошедшего времени. В тех случаях, когда причастие обозначает признак, который не может быть во временном отношении ограничен

конкретными рамками, причастие имеет значение постоянного признака, а временное соотношение между причастием и предикативной основой имеет формальный характер и независимо от вида глагола-сказуемого выражает частичное совпадение во времени полупредикативного и предикативного признаков, так как полупредикативный признак продолжается «неопределенно длящийся промежуток времени»: *Обоз стоял на большом мосту, тянувшемся через широкую реку* (А. Чехов). Причастия прошедшего времени легко могут быть заменены на причастия настоящего времени НСВ, то есть в подобных случаях можно говорить о «нейтрализации временных форм» [9: 80], которая заключается в том, что выбор временной формы не имеет семантической значимости для содержания высказывания: *Молодая женщина шла из собственного своего села, отстоявшего (*отстоящего) не более версты от деревеньки, куда она направляла свой путь...* (И. Тургенев).

Независимо от временных и видовых значений глагола причастия совершенного вида (СВ) обычно обозначают действие, которое предшествует действию глагола: *Тонкая вертикальная морщинка, перерезавшая переносицу, появившаяся тогда, в октябре, когда пропал мастер, бесследно пропала* (М. Булгаков).

Традиционно считается, что причастия не способны передавать значение *следования* по отношению к действию глагола-сказуемого. Однако данное временное соотношение может возникать между причастием и сказуемым только при использовании в составе причастной конструкции лексико-грамматических показателей темпоральности (ЛГПТ): *...год спустя после Макара Ивановича явился на свет я, затем через год моя сестра, а затем уже лет через десять или одиннадцать спустя – болезненный мальчик, младший брат мой, умерший через несколько месяцев* (Ф. Достоевский); *Но рядом не было более Михаила Дмитриевича Скобелева, впоследствии столь расчетливо преданного им* (Б. Васильев); *...он вспомнил и записал в постепенно улучшающихся, уклоняющихся от прежнего вида редакциях наиболее определившееся и памятное – «Рождественскую звезду», «Зимнюю ночь» и довольно много других стихотворений близкого*

рода, впоследствии забытых, затерявшихся и потом никем не найденных (Б. Пастернак). В собранных нами примерах значение следования в конструкциях без ЛГПТ не наблюдалось, причём в каждом из рассмотренных случаев причастная конструкция находилась в позиции обособления. Видимо, следует согласиться с мнением М.М. Кабаковой о том, что «значение следования характерно именно для обособленных причастий... Это ограничение можно понимать как свидетельство расширения темпоральных возможностей причастия в полупредикативной функции...» [7: 72].

Причастия в составе обособленных конструкций, как уже отмечалось, могут иметь не только относительную временную ориентацию, но и абсолютную, то есть ориентировать свое временное значение на момент речи: *Взявшись хлопотать об издании Повестей И.П. Белкина, предлагаемых ныне публике, мы желали к оным присовокупить хотя бы краткое жизнеописание покойного автора... (А. Пушкин)*. К факторам, способствующим возникновению абсолютной временной ориентации причастных форм, можно отнести разнородность модально-временного плана причастной конструкции и сказуемого: *...пусть у меня будет меньше пятерок, но одно хорошее [платье], сшитое для меня специально (Г. Щербакова); И те, которые говорят это, делают совершенно то же, что делал бы человек, не имеющий понятия о том, что есть круг... (Л. Толстой)*, наличие в причастной конструкции ЛГПТ, ориентирующих её на момент речи (*теперь, сейчас, ныне, до сих пор* и др.): *Каждый день, переживаемый теперь мной, год в моем развитии (М. Пришвин); Потом, кстати, мы вместе написали популярную книгу о раскольниках, до сих пор так и не опубликованную (Н. Нестерова)* (см. подробнее: 13: 136-140).

Замечено, что различные причастия в разной мере способны проявлять свое временное значение. На ослабление связи страдательного причастия с глаголом обратил внимание Н.Н. Прокопович, отмечая, что «претерпевает значительные изменения и искони присущее причастию собственное время, обозначающее предшествование или одновременность по отношению к времени *verbum finitum*» [12: 176]: *Густой, черный дым большими клубами шел из-под длинных ка-*

мышовых крыш, приплюснутых к земле, и лениво поднимался вверх (А. Чехов); Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов (А. Чехов); Здесь город, отступая от полых вод, выгибался глубокой излучиной, и сейчас она была четко обозначена полосой огней, завершенной огромным клубом голубоватого снега (С. Никитин).

В связи с этим причастия часто подвергаются процессу адъективации. Г.В. Донченко указывает, что процесс адъективации причастий наиболее интенсивно протекает в страдательных причастиях прошедшего времени, «в которых глагольность находится в процессе разрушения. Этому в основном способствует недостаточная яркость временных значений в страдательных причастиях прошедшего времени» [4: 308]: *И, словно пытаясь смыть глупую, смущенную улыбку, усердно мочил лицо и голову ручейной водой (С. Никитин).* Адъективации способны подвергаться также и другие типы причастий, утрачивая при этом свое временное значение (*блестящие возможности, уважаемый человек* и т.д.) [См.: 8, 6 и др.]. При адъективации временное значение причастия подобно прилагательному (см. подробнее: 13: 151-163).

Таким образом, временное значение причастных конструкций обычно определяется как значение одновременности или предшествования по отношению к глаголу-сказуемому. Значение следования может возникать при включении в состав обособленной причастной конструкции ЛГПТ со значением следования (*впоследствии, потом, через несколько лет* и т.д.) и наблюдается при обособленном употреблении причастной конструкции. При ряде условий причастия способны реализовывать и свою номинативную временную семантику, то есть причастия настоящего времени ощущаются как обнаруживающие одновременность с моментом речи, причастия прошедшего времени – предшествование. Иными словами, причастие способно обнаруживать абсолютную ориентацию. В некоторых случаях причастие обладает значением постоянного признака, который не может быть ограничен конкретными временными рамками, в связи с этим могут возникать временные отношения частичной одновременности или недифференцированного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание 2-е. М.: Высшая школа, 1972.
2. Гловинская М.Я. Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка // Русский язык. Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Труды и материалы). М.: МАКС Пресс, 2007. С. 180.
3. Голанов И.Г. Морфология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1965.
4. Донченко Г.В. Из наблюдений над причастиями настоящего времени // Проблемы учебника русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1980.
5. Замятина И.В. Грамматика русского причастия.: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 2010.
6. Замятина И.В. Грамматика русского причастия.: Дис ...докт. филол. наук. М., 2010. // <http://www.dissercat.com/content/grammatika-russkogo-prichastiya#ixzz2DMOrCe1X>
7. Кабакова М.М. О темпоральных возможностях причастий в полупредикативной функции // Современный русский синтаксис: предложение и его членение. Владимир: ВГПУ, 1994. С. 65-76.
8. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. М., 1971.
9. Одинцова И.В. Русское причастие в функциональном аспекте (употребление временных форм действительного причастия несовершенного вида) // Рябова А.И., Одинцова И.В., Кулькова Р.А. Структурные и семантические типы осложнения русского предложения. М.: Издательство Московского университета, 1990.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
11. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Учпедгиз, 1958; Т. III. М.: Просвещение, 1968.
12. Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Высшая школа, 1974.
13. Сафронова Н.А. Категория относительного синтаксического времени в предложениях с обособленными конструкциями: Дисс. ...канд. филол. наук, Владимир, 2013.
14. Сидоренко Е.Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка (части речи и контаминанты). В 5 ч. – Ч. 3. Глагол. Наречие. Безлично-предикативные слова / Русский язык в странах СНГ // www.russia-sng.iphil.ru/index.php

САФЬЯННИКОВА Галина Евгеньевна (*Саранск, Россия*)

Мордовский государственный педагогический институт
имени Макара Евсевьевича Евсевьева
safyannikova23@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (на материале «Наказа императрицы Екатерины II, данного комиссии о сочинении проекта нового Уложения»)

Аннотация. В статье рассматриваются структурные и стилистические трансформации фразеологических единиц в деловых текстах XVIII века (на материале «Наказа» императрицы Екатерины II).

Одной из характерных особенностей текстов второй половины XVIII века является активное использование фразеологизмов. Фразеологические единицы часто оказываются в поле зрения авторов, поскольку они способствуют созданию яркого и неповторимого образа. Перестройка лексико-фразеологической системы русского языка в предпушкинскую и пушкинскую эпохи происходит за счет расширения границ лексики и фразеологии живой народной речи, оформления и закрепления различных стилистических пластов в пределах контекста, многообразия и широты их использования, поэтому выявление фразеологизмов в текстах XVIII столетия интересно с точки зрения тех языковых процессов, которые привели к утверждению норм литературного языка.

Одним из письменных памятников XVIII века, на материале которого можно проследить эти процессы, является «Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения» [1]. Текст «Наказа» характеризуется активным использованием фразеологических единиц. При определении фразеологизма, разграничении самостоятельных фразеологических единиц и их вариантов мы придерживаемся точки зрения А.И. Федорова, считающего, что «замена одного слова-компонента в составе фразеологизма другим, хотя и синонимичным, изменяет характер образного представления (внутренней формы), которое мотивирует предметное содержание» [3: 23]. От такой замены может измениться и стилистическая окраска фразеологизма, и его оценочность. Следовательно, замена компонента синонимичным создает другую фразеологическую единицу, синонимичную

первой. Введение понятия «фразеологический вариант» оправдано лишь по отношению к фразеологизмам с различными грамматическими или фонетическими формами одного и того же слова, с синонимичными служебными словами, что, естественно, не изменяет внутренней формы.

С точки зрения изменений, произошедших с течением времени в структуре, семантике, стилистике фразеологизмов, выявленных в анализируемом тексте, мы выделили несколько групп фразеологизмов: фразеологизмы, не претерпевшие изменений; фразеологизмы, претерпевшие структурные изменения; фразеологизмы, претерпевшие изменения в семантике; фразеологизмы, претерпевшие изменения в стилистической окраске и словосочетания, послужившие основой для образования фразеологизмов.

Остановимся подробно на группе фразеологизмов, претерпевших различного рода изменения. От замены компонента фразеологизма словом-синонимом или даже определенной формой того же компонента может измениться стилистическая окраска фразеологизма, его оценочность. Изменится внутренняя форма устойчивого словосочетания, мотивирующая его предметное содержание. Таким образом, фразеологизмы могут приобретать различную стилистическую окраску в зависимости от цели автора.

Недреманное око – о бдительном, неусыпном надзоре, наблюдении (ирон.) [4: 138] // *...надлежитъ еще сверъх того не дремлющимъ окомъ смотрѣть...*

Фразеологизм в приведенном контексте не имеет оттенка иронии. Наоборот, это устойчивое сочетание приобретает высокое значение, которое в целом мотивируется замыслом императрицы: она писала свой труд с целью прослыть правительницей просвещенного государства, где стоящие у власти лица заботятся о своих гражданах. Очевидно, что в таком контексте стилистическая окраска окказионального фразеологизма отличается от окраски исходного.

Внутри этой группы можно выделить подгруппу фразеологизмов, перешедших в современном языке в разряд устаревших, например: **братъ (взять) в рассуждение** – обращать внимание на что-либо, учи-

тивать что-либо (устар.) [4: 61] // *...надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона...*

Предать (предавать) забвенію – считая маловажным, забывать что-либо (устар., книжн.) [4: 231] // *...которые возобновляютъ...забвенію преданные законы.*

Ходить по делу (делам) – заниматься ведением дел в судах, присутственных местах и т. п.; быть поверенным (устар.) [4: 471] // *...неженатый и бездѣтный не можетъ быть ни хожатымъ за дѣломъ, и въ деревенскомъ судѣ сидѣть не можетъ.*

Среди устойчивых сочетаний «Наказа» выделяется группа оборотов, не зафиксированных в словарях, хотя семантика их носит фразеологический характер.

Народные мстители – о партизанах, ведущих народную войну против захватчиков (высок.) [4: 455] // *Въ нѣкоторыхъ государствахъ король, будучи возведенъ на престолъ для того, чтобы законы во всѣхъ державы его странахъ были исполняемы, по установленію закона государственнаго во всякомъ правительствѣ сажаетъ чиновнаго челоуѣка ради гоненія преступленій именемъ самаго короля: отъ чего званіе доносителей въ тѣхъ земляхъ неизвѣстно: а ежели когда на сего народнаго мстителя подозрѣваютъ, что онъ употребляетъ во зло должность ему порученную, тогда принудятъ его объявить имя своего донощика.*

Народный мститель, упоминаемый в тексте «Наказа», никак не мог быть партизаном, так как само понятие появилось почти на полвека позже написания этого документа, о чем говорит «Этимологический словарь русского языка» М.Р. Фасмера: «Партизан – участник народной войны, добровольно взявшийся за оружие, но не входящий в состав регулярной армии, ведущий борьбу с иноземными захватчиками или (в условиях гражданской войны) с внутренней контрреволюцией. В русском языке слово «партизан» известно с начала XVIII в., но в XVIII в. оно употреблялось со значением «приверженец», «сторонник определенной партии, группировки». Значение «участник народной войны с захватчиками», видимо, с 1812 г. Ср. в письме Кутузова жене от 30 октября 1812 г.: «чрез Фигнера, здешний партизан» [2: 8].

Очевидно, что это выражение, употребленное Екатериной II по отношению к чиновнику, который заботится о благе народа, бытовало в XVIII веке с иным значением, нежели сейчас. Вероятно, так называли всякого, кто старался что-то сделать для благополучия людей, защитить их от недругов, а впоследствии, со времен Отечественной войны 1812 г., так стали называть партизан – добровольцев, защищающих родину и своих соотечественников.

Вторая половина XVIII века – один из важнейших периодов развития языка русской нации, поэтому глубокое и всестороннее изучение основных процессов и тенденций в языке этого времени необходимо для правильного понимания истории русского литературного языка нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наказ императрицы Екатерины II, данного комиссии о сочинении проекта нового Уложения // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.runivers.ru>.

2. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. Т. 3 / М. Р. Фасмер. М. : Прогресс, 1986. 672 с.

3. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск : Наука, 1973. 172 с.

4. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др.; Под ред. и послесл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524, [4] с.

СЕЛЕМЕНЕВА Ольга Александровна (Елец, Россия)

Елецкий государственный университет имени Ивана Алексеевича Бунина
ol.selemeneva2011@yandex.ru

ТИПОВАЯ ПРОПОЗИЦИЯ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ»: СОДЕРЖАНИЕ И СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье автор обращается к анализу типовой пропозиции «состояние природы» в лингвокогнитивном аспекте. Типовая пропозиция рассматривается в качестве особого концептуального типа, средствами репрезентации которого в русском языке являются структурные схемы предложений.

На современном этапе исторического развития лингвистической науки когнитивные исследования стали её неотъемлемой частью. Но как и во всякой новой науке, переживающей период становления и интенсивного развития, в когнитивной лингвистике наблюдаются противоречивые подходы в определении основных понятий, продолжает на-

рабатываться терминологическая база, осваиваются новые методы и методики анализа ментальных единиц через данные языка.

Один из дискуссионных вопросов когнитивной лингвистики связан с возможностью единиц синтаксического уровня языка репрезентировать ментальные образы (или концепты). На наш взгляд, решение этого вопроса связано не только с выделением и описанием перечня синтаксических единиц, способных представлять ментальные образы в языке, но и с определением типа тех концептов, которые способны вербализовываться именно средствами синтаксиса.

Известно, что каждое предложение как основная единица синтаксической подсистемы содержит информацию о различных внеязыковых ситуациях. Психологи отмечают, что многократное восприятие каких-то однотипных реальных ситуаций приводит к возникновению в сознании говорящего «синтаксического динамического стереотипа», а в результате постоянного повторения этого процесса образуется целая система таких «стереотипов» [4: 191–192].

За мыслительным образом номинируемой предложением внеязыковой ситуации закреплён термин «пропозиция». Пропозицию лингвисты описывали много раз и под разными именами: глубинная структура, денотативная структура, типовое значение, смысл и др. (работы Н.Д. Арутюновой, М.В. Всеволодовой, В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, С.И. Кокориной, О.И. Москальской, З.Л. Новоженовой, Н.Ю. Шведовой и др.). Неоднозначность интерпретации понятия связана не только с произошедшей «транспортировкой» термина из области классической формальной логики в область лингвистики, но и с имеющейся разницей в понимании природы пропозиции: семантической, логической, речемыслительной и т.д. Несмотря на спорность трактовок пропозиции, можно всё же указать на то общее, что подмечают все лингвисты: во-первых, связь пропозиции с ситуацией с одной стороны и со знаком-предложением с другой, а во-вторых, универсальный характер пропозиции.

Исследователи, работающие в области когнитивного синтаксиса, предлагают рассматривать пропозицию как особый тип концепта. Например, типологизируя концепты, Н.Н. Болдырев выделяет наряду с

конкретно-чувственным образом, представлением, схемой, понятием, прототипом, фреймом, сценарием (скриптом), гештальтом и такой тип концепта, как пропозиция [1: 36–38]. З.Д. Попова изучает «синтаксические концепты», под которыми понимает типовые пропозиции, зафиксированные структурными схемами простых предложений [3]. Таким особым концептам, способным фиксироваться синтаксическими знаками, посвящены работы ряда исследователей: В.И. Казариной, А.Р. Рюковой, Е.В. Тарасенко, В.А. Фёдорова, Л.А. Фурс и некоторых других.

Полагаем, что те пропозиции, которые представляют собой мыслительные образы совокупности однотипных реальных ситуаций внеязыковой действительности, возникшие в результате категоризирующей и классифицирующей деятельности человеческого сознания, направленной на установление отношений между сущностями внеязыковой действительности, вполне могут быть рассмотрены как особые концептуальные типы.

Анализируемая нами типовая пропозиция «состояние природы» и есть яркий пример единицы концептуализированного знания. Содержание этой типовой пропозиции складывается совокупностью специфических признаков: 'стихийность', 'перцептивность', 'локализованность', 'временность', 'итеративность', 'фазовость', 'интенсивность', 'каузативность', 'пациентивность', 'свечение', 'колористичность', 'звучность', 'покрытие', 'наполнение', 'движение', 'температура', 'насыщение', 'распространение', 'антропоморфность', 'зооморфность', 'эмоциональность', 'объектность', 'видоизменение', 'директивность', 'оптативность', ранжированных по индексу яркости и распределённых по ядерной и периферийной (ближней, дальней и крайней) зонам поля концепта. Граница между зонами полевой структуры проводится по линии наибольших спадов частотности реализаций признака.

Типовая пропозиция «состояние природы» является дискретной, то есть распадается на целый ряд типовых микропозиций и выступает по отношению к ним как типовая макропозиция. Например, типовые микропозиции «состояние, проявляемое наличием/отсутствием света»; «состояние, проявляемое наличием/отсутствием покрытия ка-

кими-либо объектами»; «состояние, проявляемое изменением структуры природных объектов»; «состояние, проявляемое изменением температуры»; «состояние, проявляемое наличием/отсутствием звуков», «состояние, проявляемое распространением вейний/запахов» и др. Подобный подход к типовой пропозиции рождён спорадически встречающимися в научной литературе по проблемам лингвокогнитологии идеями о существовании в национальной концептосфере комплексных многоуровневых образований, или композитивных концептов, определить границы которых «представляется возможным лишь через описание совокупности частных структурообразующих концептов, находящихся друг с другом в отношениях дополнительности (гроза – это молния + гром + осадки + состояние атмосферы + ветер)» [5: 206].

В русском языке типовая пропозиция «состояние природы» вербализуется совокупностью структурных схем. Вопрос о знаковой природе синтаксических единиц сложный. Это вопрос о возможности хранения в памяти человека определённых «готовых» структур и воспроизведения их в нужный момент. И здесь мы исходим из того, что «говорящий (или пишущий) не творит всё, что он говорит (или пишет), каждый раз заново, а пользуется какими-то элементами, уже знакомыми ему (и его собеседнику или читателю), содержащимися в его памяти, черпает их оттуда и даже комбинирует каждый раз по каким-то уже имеющимся шаблонам» [2: 61]. Вот эти «шаблоны» были названы структурными схемами простых предложений. С учётом разницы подходов к дефинированию структурной схемы, определяем данный феномен как языковой знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция, а означающим – словоформы, образующие структурную схему (субъектив, предикатив, объективы).

В основу классификации структурных схем простых предложений, репрезентирующих типовую пропозицию «состояние природы», мы положили принцип специализации, трактуемый как предназначенность или непредназначенность какой-либо структурной схемы для представления некоей конкретной типовой пропозиции. Так, специализированными средствами представления типовой пропозиции «со-

стояние природы» в русском языке считаем структурные схемы безличных предложений: «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «покрывает что (В.п.) чем» и другие (общее количество – восемь). Например: *Вокруг было сумрачно и тихо* (Губарев. Королевство кривых зеркал) («где есть каково»); *В воздухе холодало с каждым днем* (Иванов. Вечный зов) («где самопроисходит») и подобные примеры.

Помимо специализированных структурных схем, для вербализации типовой пропозиции «стояние природы» могут использоваться и неспециализированные структурные схемы. Их было выделено одиннадцать: «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что погружается в какое состояние», «где нет какого состояния», «что есть покрыто чем» и др. Например: *Над городом – марево зноя* (Толстой. Петр Первый) («где есть какое состояние»); *Ночью не было мороза* (Пришвин. Лесная капель) («где нет какого состояния») и подобные примеры. Эти неспециализированные структурные схемы предназначены в русском языке для вербализации таких типовых пропозиций, как «бытие объекта», «инобытие объекта», «бытие признака объекта», «небытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «наполнение объекта», «покрытие объекта». Их использование для представления типовой пропозиции «стояние природы» становится возможным за счёт специфического лексического наполнения компонентов схем.

Предложенная нами модель полевого структурирования признаков типовой пропозиции «стояние природы» может быть приложима и к ряду других типовых пропозиций, вербализованных синтаксически знаками: «воздействие агенса на объект», «бытие объекта», «небытие объекта» и др. Подобная стратификация, выявление «перекрещивающихся» признаков разных типовых пропозиций будет способствовать не только аргументации использования структурных схем одних типовых пропозиций для репрезентации других, но и исследованию языковой картины мира в лингвокультурологическом аспекте, исследованию специфики национального членения мироздания и социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 123 с.
2. Кузнецов П.С. О языке и речи // Вестник Московского университета. Серия VII: Филология, журналистика. 1961. № 4. С. 59–65.
3. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. 210 с.
4. Ушакова Т.Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы: Психофизиологические механизмы внутренней речи. М.: Наука, 1979. 248 с.
5. Фисенко О.С. Концепт *гроза* в научном сознании носителей русского языка // Лингвоконцептология. Выпуск 2. Воронеж, 2009. С. 182–208.

СЕЛИВАНОВА Елена Александровна (*Черкассы, Украина*)

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого
oselivanova@ukr.net

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (МЕСТОИМЕНИЕ КАК ЯДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ)

Аннотация. Статья посвящена характеристике функционально-семантической категории генерализации, служащей концептом интеграции в функционально-семантическое поле вариантных смыслов всеобщего, общего для класса конкретных, дистрибутивного общего, неточного общего, неопределенного общего, ограниченного общего и общего отрицания. Ядерным средством репрезентации данного поля являются местоимения.

В связи с выдвиганием на передний план современных лингвистических исследований когнитологического анализа интерес к функциональному изучению языка, в особенности, к его структурной разновидности, направленной на семантическую категоризацию языковой системы и ее речевой среды, стал несколько затухать. Выплеснувшись в 70–80-х годах XX века во множество работ, обосновывающих общие закономерности функционального подхода к изучению языковых явлений (А. Мартине, Дж. Лайонз, С. Дик, А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, В.А. Звегинцев, Н.А. Слюсарева и др.), а также характеризующих конкретные языковые категории и разноуровневые средства их выражения, функционализм сформировался как «целостное методологическое направление с собственной онтологической концепцией объекта, собственными гносеологическими принципами его исследования и собственной спецификой проведения лингвистического анализа» [5: 29].

Методология функционализма, ориентированная на «язык в действии» [4: 5], получила новое преломление в соединении с когнитивной научной парадигмой, ибо процессы функционирования языка обеспечиваются не только его категориальной иерархией, но прежде всего когнитивными операциями, опосредующими и регулируемыми механизмы порождения и восприятия речи, получения, хранения и обработки языковых и неязыковых знаний.

Функциональная лингвистика, детально разработавшая систему функционально-семантических категорий и полей, можно сказать, подготовила почву для лингвокогнитивных исследований, ибо в качестве интегрирующего стержня категории и поля рассматривался некий инвариантный смысл как результат когнитивного членения концептуальной системы этносознания, репрезентируемый в языковых категориях и средствах, а также в речевой среде. Когнитивная парадигма, в свою очередь, обусловила новый виток функционалистских разработок, задействующих достижения когнитивной лингвистики для концептуального моделирования динамического аспекта языка в плане изучения совокупности ментальных операций, сопутствующих функционированию языковых средств одного категориального содержания и опосредующих коммуникативную ситуацию.

Одной из интереснейших в данном отношении когнитивных операций, находящих свое выражение в ряде разноуровневых средств языка и создающих в речи особое речемыслительное поле, является обобщение или генерализация (лат. *generalizatio*). Логики называют генерализацией «мыслительную операцию, переход от мысли об индивидуальном, заключенной в понятии, суждении, норме, гипотезе, вопросе и т.п., к мысли об общем, от ряда фактов, ситуаций, событий к их отождествлению в каких-то свойствах с последующим образованием множеств, соответствующих этим свойствам» [3: 124].

Когнитивная природа обобщения множественна: с одной стороны, обобщение возникает как логический вывод (гипотеза) из ряда истинных предпосылок, с другой стороны, это движение мысли от познания частного к общему, а от него – к другим частным того же рода; процесс обобщения связан с абстрагированием, анализом, синтезом, сравне-

нием, с различными индуктивными процедурами. За пределами формальной логики возможны и иные способы обобщения .

Применительно к языковым моделям и их динамике обобщение реализуется как противоположность конкретике референта, понятия или ситуации на уровне сигнификата [1: 5-40]. Генерализация в языке имеет статус функционально-семантической категории, организующей свои разноуровневые средства в функционально-семантическое поле. Необходимо отметить, что данная категория на материале восточнославянских языков практически не изучена, нет комплексных исследований средств ее выражения. Рассмотрение ее в английском языке ограничено анализом функций артикля. Н.А. Слюсарева отмечает, что «языковая категория генерализации представляет собой воплощение весьма важной, точнее, одной из сущностных категорий – общего и всеобщего. Как и большинство категорий логико-ориентированного аспекта синтаксиса, она опирается прежде всего на словарные единицы, а также на использование их в особых синтаксических структурах – экзистенции, характеристики, референции и т. п. с использованием базового глагола бытия» [10: 184].

В русистике содержатся некоторые фрагменты анализа обобщенности. В работах Т.П. Ломтева рассматривалась обобщенность наряду с определенностью-неопределенностью в числе грамматических категорий предложения на качественно новом уровне грамматикализации [6: 180]. В книге «Русские местоимения» М.А. Шелякин описал особую группу местоимений-кванторов, слов с обобщенной семантикой [11], в традиционной грамматике отнесенных к определительным прономинативам (кванторы – логические эквиваленты слов «все», «каждый» и т. п. (квантор общности); операторы, формализующие в исчислении предикатов логические свойства этих выражений). Референциальная и семантическая природа подобных слов, их анафорические и дейктические свойства в различных языках охарактеризованы в работах Е.В. Падучевой, Е.М. Вольф, Л.Н. Засориной, О.Н. Селиверстовой, М.И. Откупщиковой и др.

Примечательно, что многие семантические разряды местоимений могли бы стать доминантой неграмматикализованного функцио-

нально-семантического поля. Думается, такая близость к грамматическим категориям обусловлена особым положением прономинативов в морфологической подсистеме языка как единиц второго уровня, располагающегося под уровнем назывных (А.К. Васильева, Ю.А. Маслов). Эта бинарность выдерживается не во всех случаях, однако уже в самом существовании местоимений лежит некое самое общее обобщение не только кореферентного плана (предметов, лиц, признаков, обстоятельств, количества), но и косигнификативного [8: 18] (ситуаций, событий, фрагментов мира). На когнитивном уровне кванторные местоимения отражают наиболее инвариантный концепт, фреймовая структура которого может иметь неограниченные возможности заполнения.

Как всякая функционально-семантическая категория генерализация содержит систему оппозитивных вариантных смыслов, проявляющихся в процессе функционирования: всеобщее – общее для класса конкретных – дистрибутивное общее – неточное общее – неопределенное общее – ограниченное общее – общее отрицание. Синкретизм средств генерализации проявляется в возможности, наряду с обобщением, передавать семантику темпоральности, локативности, определенности/неопределенности, отрицания, персональности и т. п., представляя тем самым зоны пересечения с другими функционально-семантическими категориями и полями.

Категорию генерализации выражают разноуровневые средства: единицы лексической подсистемы (гиперонимы, лексемы с семой 'общий', отчасти категория собирательности); словообразовательной (периферийная мотивация с элементом «и другие, в том числе»); морфологической (кванторные местоимения и местоименные наречия, местоименные комплексы, обобщенные значения лица); синтаксической (обобщенно-личные предложения, синтаксические конструкции различных типов).

При моделировании функционально-семантического поля генерализации необходимо учитывать вариантные смыслы обобщения, синкретизм кванторов и уровневую гетерогенность. По структурно-семантическим признакам поле обобщения квалифицируется как по-

лицентрическое (слабо центрированное), не образующее единой гомогенной системы форм, рассеянной (диффузной) структуры со слабой выраженностью границ между центром и периферией [2: 105].

Думается, наиболее приемлемыми в качестве центральной зоны поля, обладающими наибольшей специализированностью (Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс), наиболее полной эксплицитной реализацией обобщения (А.В. Бондарко), являются местоименные кванторы: *весь, всякий, каждый, любой, везде, всегда, всюду, повсюду, всяк, всячески*. Реализация смыслового инварианта генерализации зависит от типа antecedента прономинатива. Исходя из дифференциации замещения на эндофору и экзофору, наличия глубинной имплицитной анафоры (А.Е. Кибрик), установление вербального или невербального коррелята местоимения определяет типы обобщения: всеобщее – *Утро всегда обещает... – говорит Монс, – ... Так же, как «утро» Монса, гавань обещает всегда* (А. Грин); общее для класса конкретных – *Скорее зажигайте все, что горит: зажигайте ваше судно* (А. Грин); дистрибутивное общее – *Дочерей звали: Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася. Каждой из них в семье было отведено ампула* (А. Куприн); неточное общее – *Эти пестрые ковры солнечных фей, мечущийся трепет которых, не прекращая ни на мновение ткать ослепительный арабеск, достиг неустовой быстроты – были везде вокруг, под ногами, над головой* (А. Грин); неопределенное общее – *Стерс любил игру в карты, я – тоже, а так как почти каждый вечер к нему кто-нибудь приходил...* (А. Грин); ограниченное общее – *Вся большая и полутемная передняя была загромождена необычными предметами и одеянием* (М. Булгаков); общее отрицание – *Никто не придет к нему... Никто не думает и не знает о нем* (Л. Андреев); дистрибутивное общее отрицание – *Никто из нас не знал его*.

Богатство смыслового содержания antecedента в художественном тексте может породить некие промежуточные варианты обобщения: *Но лишь кондукторша рванула веревку и трамвай тронулся, кот поступил как всякий, кого изгоняют из трамвая, но которому ехать-то надо* (М. Булгаков) – общее для класса конкретных, ограниченное общее.

Содержание обобщения в тексте интегративно и итеративно: наряду с центральными компонентами, оно передается средствами периферии и взаимно семантически согласуется: *Делам такого рода обычна мысль, что все, даже посторонние, знают секрет, бывают поглощены фасом, но никто не хочет признать значение профиля* (А. Грин). Многие синтаксические комплексы содержат специфические знаки генерализации: *какой (кто, как, когда) бы то ни было; кто (когда, куда...) ни; и подобные; и многие другие, и так далее; вообще; в общем; обычно; как правило; бывает* и т. п.

В тексте нередко соплагаются высказывания или сверхфразовые единства конкретного и общего содержания: *Зная свойство слуг всячески раздувать сплетню, а также в ожидании наживы присочинять небылицы, которыми надеются угодить, я ограничился тем, что принял пока к сведению веселые планы Геза* (А. Грин). Такое соположение может служить фоном образного сравнения: *Казалось с девушкой произойдет то же, чему обычно подвергается платье, если его – чистое, отглаженное, спокойно висящее на вешалке, – срывают торопливой рукой* (А. Грин).

На прагматическом уровне обобщение может приобретать характер художественной типизации, парадоксальность создания которой заключается в максимальной конкретике образа, помещенного в систему целого всеобщего. Ю. Манн, анализируя поэтику Н.В. Гоголя, справедливо считал его мастером художественного обобщения. Ученый описал механизм генерализации, целью которой является возведение конкретного предмета в общенациональный ранг: «Описательная функция дополняется здесь другой – обобщающей» [7: 274-275]: *Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; Мужчины здесь, как и везде, были двух родов...* (Н. Гоголь).

В художественном тексте категория генерализации становится текстообразующей, интегрирующей; а ее средства – полифункциональными на основе взаимодействия обобщения с другими текстовыми категориями: связностью, информативностью, континуумом, антро-

поцентричностью и т. д. Концептуальное содержание обобщения в тексте устанавливается за счет фоновых знаний читателя, его опыта, культурной и коммуникативной компетенции. Создавая ассоциативное поле, автор может апеллировать к наиболее общим концептам читателя, декодирующего художественный образ: *Но он (остров) был прекрасен, словно драгоценная вещь, если положить ее на синий бархат и смотреть снаружи: так и хочется взять* (А. Грин). Сущность подобной когнитивной операции охарактеризовал Ю. Манн: «Мы, наверное, более легко, беспрепятственно охватываем сознанием подобный текст, так как эти сигналы обволакивают изображаемое особой атмосферой субъективно близкого, знакомого. В то же время, создавая такую атмосферу, эти знаки выполняют ассоциативно-побудительную функцию, так как они заставляют читателя дополнять "изображаемое" и "показанное" личным субъективным настроением» [7: 276].

Ассоциативно-побудительная функция средств генерализации в тексте опосредует создание авторского концепта, нередко размытого, нечеткого, апеллирующего скорее к подсознанию. Так, в романе А. Грина «Бегущая по волнам» концепт несбывшегося, но реального, как воплощение мечты, сформирован на фоне множественных средств генерализации и постепенно возведен в ранг художественного образа: *Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас... .*

Концепт художественного произведения уже сам по себе есть обобщение авторских идей, поэтому цельность и завершенность текста достигается путем формирования в сознании автора и читателя наиболее общего смысла как высшего коммуникативного проявления тенденции генерализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика. Проблемы референции. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 5-40.

2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.

3. Горский Д.П. и др. Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991. 208 с.

4. Кубрякова Е.С. Введение // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М: Наука, 1991. 240 с.

5. Лещак О.В. Методологические основы функциональных исследований языковой деятельности (на материале славянских языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1997. 32 с.
6. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 198 с.
7. Манн Ю. Поэтика Гоголя. М.: Наука, 1988.
8. Откупщикова М.И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. 87 с.
9. Селиванова Е.А. Мир сознания в языке. Монография. Черкассы: Ю. Чабаненко, 2012. 488 с.
10. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986. 213 с.
11. Шелякин М.А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление): Материалы по спецкурсу. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1986. 120 с.

СЕЛЮНИНА Ольга Анатольевна (*Биробиджан, Россия*)

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
birnaukaruss@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИЯ *МЕЖДУ ТЕМ* В РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена случаям функционирования скрепы *между тем* в полипредикативных конструкциях на правах выразителя вторичных синтаксических отношений.

Русский язык изобилует различными полифункциональными единицами, совмещающими связующую функцию с другими функциями, например оценочной, субъективно-модальной и под. К таким единицам относится и местоименно-предложное сочетание *между тем*. Оно выполняет связующую функцию как в тексте, так и в пределах предложения – сложного и (реже) простого, и может быть квалифицировано как скрепа. Частеречная же характеристика этого образования обычно вызывает затруднения, вероятно из-за его полифункциональности. В целом же определение частеречной принадлежности *между тем* затрагивает три класса слов – наречия, союзы, модальные слова.

Так, в специальных словарях служебных слов *между тем* чаще всего определяется как наречие времени (см., например, [2: 189], в котором *между тем* рассматривается исключительно как наречие). Достаточно часто оно квалифицируется как союз [1: 280; 5: 260]. И нако-

нец, гораздо реже авторы специальных словарей определяют *между тем* как вводно-модальное слово [3: 212].

Было замечено, что местоименно-предложное сочетание *между тем* способно употребляться совместно с сочинительными союзами *а*, *и*, *но*. Особенно частотно употребление *между тем* с союзом *а*. Построения с сочетанием *а между тем* были исследованы Е.В. Скорлуповской [4].

Однако ранее не изучались случаи функционирования *между тем* совместно с другими аналитическими средствами связи, в частности с союзным словом *который*. Например: *Сегодня мы действительно наблюдаем очень большое число выпускников с высшим образованием и дефицит рабочих, спрос на которых между тем очень велик* (<http://5uglov.ru/hottheme/2026/>); *Сегодня речь пойдет о двух абсолютно разных иконах, названия которых, между тем, часто путают* (http://nik191-1.ucoz.ru/publ/istorija_sobytija_i_ljudi/istorija_iskusstva/10-9-2).

Объектом исследования в данной статье являются бипредикативные построения, во второй части которых одновременно функционируют союзное слово *который* и местоименно-предложное сочетание *между тем*.

Цель статьи – исследовать значение и функцию *между тем* в этих построениях.

Построения, состоящие из двух предикативных единиц, связанных при помощи союзного слова *который*, ориентированного на субстантив главной части, не требующий распространения придаточной частью, обычно определяют как сложноподчиненные предложения с придаточной распространительно-определятельной. Союзное слово в этих предложениях оформляет связь предикативных частей, но не выражает отношений, что делает предложения открытыми для семантического осложнения. Семантическое осложнение может возникать благодаря лексическому наполнению предложения. Еще более очевидным оно становится благодаря служебным элементам с релятивной функцией, содержащимся во второй части предложения. Релятив *между тем*, на наш взгляд, вполне способен выступать в этой роли.

В анализируемых построениях обнаруживается три варианта *между тем*.

Во-первых, в 79% случаев ***между тем*** оформляет уступительно-противительные отношения. Например: *Как мы помним, первый «Шрек» завершился счастливым превращением принцессы Фионы в уродину, которую, между тем, Шрек считает красоткой* (<http://www.cinema.vrn.ru/reviews/shrek2.shtml>); *Так, неподалеку от Ра-тушной площади на перекрестке улиц Лай и Нунне вы найдете скромную и весьма неприметную статую косули, которая, между тем, дала городу первое название* (<http://www.7ya.ru/article/Tallin-2014-tyru-v-Estoniu-4-gorodskie-legendy>); *Речь пойдет о сузубо мужской проблеме, которая, между тем, затрагивает интересы и прекрасной половины человечества!* (http://www.nashaclinica.ru/new_tech/prostatit_lechenie).

Так, ситуация превращения принцессы Фионы в уродину должна вызвать как следствие ситуацию отрицательного отношения Шрека к ее внешним данным, однако ожидаемое следствие отсутствует. Ср.: ***Несмотря на то что первый «Шрек» завершился счастливым превращением принцессы Фионы в уродину, Шрек считает ее красоткой.***

Уступительный оттенок значения *между тем* поддерживается лексическим наполнением построений, содержащим противопоставленную и даже антонимичную лексику, ср.: *уродина – красотка, сузубо мужская проблема – интересы прекрасной половины человечества.*

Во-вторых, ***между тем*** может сохранять временное значение, свойственное наречию, например: *Сопровождавшим Кеннеди-младшего и его супругу спортсменам – олимпийскому чемпиону-десятиборцу Раферу Джонсону и известному футболисту Рузвельту Грееру – не сразу удалось схватить преступника, жертвами которого между тем стали еще три человека* (С. Хворостухина и др. Громкие убийства).

Между тем в этих случаях можно заменить наречным сочетанием ***тем временем***. Ср.: *[Им] не сразу удалось схватить преступника, жертвами которого тем временем стали еще три человека.*

При наличии **между тем** предполагается, что действия происходят в одном временном плане и в течение некоторого периода.

Помимо временного значения, **между тем** имеет присоединительное значение: оно подчеркивает дополнительный характер второй части полипредикативного построения.

Такие примеры в нашей картотеке составляют 5%.

В-третьих, **между тем** может утрачивать временное значение наречия. Подобно вводному элементу, **между тем** выделяет вторую часть построения, характеризуя ее как дополнительную. Например: *Все, что Урин умел делать в Музтеатре, он должен суметь делать в Большом, у которого между тем красивые планы на несколько сезонов вперед* (<http://archives.colta.ru/docs/27229>); *Хранение слив – задача не из простых. Как правило, этот сладкий и капризный плод предпочитают перерабатывать на повидло или компот, но, если быть объективным, любой продукт переработки этого плода в разы уступает по вкусу свежей сливе, которую между тем можно сохранить до глубокой зимы в первозданном виде!* (<http://www.caravan.kz/article/1950>).

В подобных случаях **между тем** оформляет присоединительные отношения. Такие примеры в нашей картотеке составляют 16%.

Таким образом, **между тем** в бипредикативных построениях с союзным словом **который** устанавливает вторичные отношения (уступительно-противительные или присоединительные) между придаточной и главной частями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель, 2004. 814 с.
2. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель, 2002. 432 с.
3. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель, 2003. 416 с.
4. Скорлуповская Е.В. Значение и функция МЕЖДУ ТЕМ в сложносочиненном предложении современного русского языка // Синтаксис сложного предложения. Калинин: Изд-во КГУ, 1978. С. 86 – 92.
5. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. 750 с.

СИДОРОВА Марина Юрьевна (*Москва, Россия*)

Московский государственный университет имени Михаила Васильевича Ломоносова
sidorovadoma@mail.ru

СИСТЕМА КОММУНИКАТИВНЫХ РЕГИСТРОВ И ТИПОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ

Аннотация. В докладе обсуждается следующий шаг в развитии коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой – дополнение системы коммуникативных регистров типологией коммуникативных ситуаций. Типология коммуникативных ситуаций позволяет объяснить специфику использования языковых средств того или иного коммуникативного регистра в зависимости от субъектных, пространственных и темпоральных параметров ситуации.

Коммуникативные регистры в системе функционально-коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой исходно дифференцировались на базе комплекса критериев, обеспечивавших языковую реальность и исследовательскую продуктивность понятия «регистр»: коммуникативная интенция говорящего (сообщение, побуждение, эмоционально-оценочная реакция); уровень обобщения; способ познания мира (сенсорный или ментальный); пространственно-временная позиция говорящего относительно сообщаемого, т.е. денотативной ситуации. Этот набор параметров позволяет рассматривать коммуникативные регистры (монологические – репродуктивный, информативный, генеритивный – и диалогические – волюнтивный и реактивный) во всех трех ипостасях языка, по Л.В. Щербе. Каждый регистр выступает и как модель речевой деятельности, и как коммуникативный тип текста, и как способ группировки единиц в языковом сознании. Осознавая, что он работает с текстом репродуктивного регистра, лингвист-исследователь, переводчик, преподаватель, журналист – любой человек, имеющий дело с языком, может целенаправленно обеспечивать соответствие используемых языковых средств допредикативного и предикативного уровня именно тем требованиям, которые предъявляются к репродуктивному регистру и отличают его от остальных. Список таких регистрово обусловленных и межрегистровых средств и требований уже достаточно ясен.

Задача сегодняшнего дня – дифференциация коммуникативных ситуаций, в которых используются тексты того или иного регистра, и

определение особенностей функционирования в них свойственных данному регистру номинативных и грамматических ресурсов языка.

Например, известно, что конструкции с глаголами типа *чернеть*, *белеть* в значении «быть видным и черным, белым и т.п.» *За рекой чернел лес*, *Ее плечи белели сквозь прозрачные рукава* являются принадлежностью репродуктивного регистра, тогда как безглагольные конструкции типа *За рекой лес* функционируют и в репродуктивном регистре (ситуация наблюдения), и в информативном (сообщение об известном), а конструкции с каузаторами и авторизаторами типа *Прозрачные рукава платья позволяют видеть плечи* относятся к информативному регистру. Ср. также *По плотине сновали бобры* – только репродуктивный регистр, *Река кишела бобрами* – репродуктивный или информативный; *В реке водились бобры* – только информативный. Безглагольные предложения, усиливающие динамику действия, типа *Татьяна в лес*, *медведь за ней*, и предложения с глагольными междометиями и инфинитивами типа *Старушка – цап за узелок*. *А царица – хохотать* – принадлежность репродуктивного регистра. В информативном регистре действие ускоряется другими способами. Предложение *Он варит кофе* в зависимости от распространителей может понижаться в ранге обобщения (*Он сейчас на кухне варит кофе* – репродуктивный регистр) или повышаться (*Он хорошо варит кофе* – информативный) – пример Г.А. Битехтиной [1]. Примеры можно множить, что подтверждает: нами достаточно хорошо изучено распределение языковых средств допредикативного и предикативного уровня между регистрами. Но в каком случае в пределах репродуктивного регистра говорящий выбирает конструкцию *За рекой лес*, а в каком – *За рекой чернеет лес*? С какого из доступных ему для описания внешности человека предложений носитель русского языка начнет описание хорошо знакомого ему человека, сидящего рядом и занимающегося каким-то делом, или фотографии знаменитости? Чем, с точки зрения выбора языковых средств, будет отличаться описание по памяти хорошо знакомого места и единожды посещенного? И чем оба этих описания будут отличаться от описания локуса, не вспоминаемого, а наблюдаемого? Одинаково ли востребованы в реальных текстах репродуктивного

регистра конструкции *На столе цветы* и *Цветы на столе*, над сопоставлением которых любят размышлять грамматисты?

Чтобы ответить на эти вопросы, требуется, как уже было сказано, дифференцировать коммуникативные ситуации, в которых может функционировать каждый регистр. Наиболее просто начать с репродуктивного, вовлекая в анализ помимо позиции говорящего, еще и позицию слушающего. Тогда выясняется, что классическое определение репродуктивного текста как текста, в котором говорящий описывает то или повествует о том, чему он реально или в воображении является/являлся свидетелем, в актуальном хронотопе и в перцептивной модусной рамке (*Я вижу/слышу/видел/слышал* и т.п., *что...*) [2], охватывает несколько типов ситуаций. Они различаются по взаимному расположению в пространстве говорящего, слушающего и денотативной ситуации. Их дифференциация связана с и поддерживается развитием средств коммуникации.

Макротип А. Фикциональная денотативная ситуация (художественная литература). Отправитель и получатель текста, разделенные пространством и временем, не имеющие общего «здесь» и «сейчас» ни друг с другом, ни с персонажами произведения, заключают конвенцию о том, что некоторую (во многих случаях – основную) часть словесного текста произведения писатель будет создавать, а читатель – воспринимать как описывающую события, персонажей и т.п. в актуальном хронотопе. Автор словно держит кинокамеру, позволяя читателю увидеть мир, который на самом деле создает, а не отображает, и дейксис воображаемых, условных миров основывается на способности автора пригласить в них читателя на разные пространственно-временные позиции [3]. Проблеме фикциональности как неотъемлемого качества художественной литературы и следствиям из фикциональности для языка художественной литературы посвящено достаточно много исследовательских работ. Собственно функционально-коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой строилась на материале художественных текстов.

Макротип Б. Реальная денотативная ситуация. Здесь выделяются 4 типа коммуникативных ситуаций.

Тип 1. Денотативная ситуация, отправитель и получатель текста находятся в общем хронотопе «внутри» коммуникативной ситуации.

Тип 2. Отправитель текста находится вне денотативной ситуации, получатель – в ней.

Тип 3. Отправитель текста находится в денотативной ситуации, получатель – вне ее.

Тип 4. И отправитель, и получатель текста – вне денотативной ситуации. Например, описание места или события по памяти или составление словесного портрета преступника.

Макротип В. В основе текста лежит реальная денотативная ситуация, опосредованная изобразительным искусством, фотографией, видеозаписью и под., например, при описании фотографии знаменитости или в «сочинении по картине» (если ставится задача не сочинять историю, а описывать то, что находится перед глазами). Здесь опять же играют роль позиции отправителя и получателя текста относительно друг друга, реальной денотативной ситуации и опосредующей ее «картинки» или видеоряда. Так, в СМИ и социальных сетях в интернете подписи под фотографиями типа «Колонна российских БМП движется к украинской границе» или «Вертолеты сели где-то неподалеку», выполненные средствами репродуктивного регистра, но описывающие совсем не ту денотативную ситуацию, которую представляет фотография, и тем не менее совмещающиеся с ней в сознании недостаточно квалифицированного читателя, играют роль эффективного манипулятивного приема. Текст репродуктивного регистра, подкрепленный изображением, дает меньше оснований для упреков в необъективности, чем текст информативного регистра (оценки, мнения, обобщения), и поэтому с его помощью легко сконструировать для адресата любую реальность.

Нашей исследовательской группой собрано уже достаточное количество текстового материала, чтобы можно было сформулировать некоторые закономерности использования средств репродуктивного регистра и его взаимодействия с информативным в разных типах коммуникативных ситуаций макротипов Б и В. Некоторые из них вполне очевидны. Так, например, легко создать ситуацию, в которой носитель

русского языка, имея перед собой соответствующий визуальный объект, использует предложение *На столе цветы* (достаточно попросить описать картину или фотографию вазы с цветами, стоящей на столе). Для того чтобы было продуцировано предложение *Цветы на столе*, нужно не предъявлять визуальный объект, а задавать вопрос: *Где цветы?* Другие наблюдения менее очевидны. В описаниях по памяти станции метро «Университет» участники эксперимента (студенты разных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова) активно использовали конструкции типа *Белые стены. Серый мрамор*, почти игнорируя субстантивно-адъективную модель *Стены белые, Мрамор серый*. И та, и другая конструкции принадлежат репродуктивному регистру, тем не менее в таких описаниях, как показывает диссертационное исследование Ю.В. Роговневой, которое готовится сейчас к защите, предметная рематическая доминанта побеждает качественную.

Не менее интересно для изучения регистровое взаимодействие в разных типах коммуникативных ситуаций. Так, количество и виды вкраплений информативного регистра в репродуктивный текст, который участники наших экспериментов продуцировали по заданию описать соседа по парте, фотографию знаменитости (актуальное наблюдение) или станцию метро (по памяти), существенно отличались.

Результаты экспериментов заставили нас дополнить типологию коммуникативных ситуаций, в которых используется репродуктивный регистр, еще рядом критериев, связанных со степенью знакомства субъекта речи с описываемым объектом, естественностью коммуникативной интенции (текст создается по собственной воле говорящего в реальной коммуникативной ситуации или в сконструированной ситуации по заданию, сформулированному экспериментатором), степенью спонтанности/подготовленности речи, спецификой денотативной ситуации (прежде всего категориальной – лицо, предмет, локус).

ЛИТЕРАТУРА

1. Битехтина Г.А. Семантико-синтаксические разряды определительных наречий в современном русском языке и условия их функционирования. Дисс. ... канд. филол.наук. М., 1979 (рукопись).
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

СИМВОЛИЗАЦИЯ ОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье описываются процессы синтагматического и парадигматического взаимодействия семантики имени собственного, инициируемые контекстным употреблением в поэтическом дискурсе. На примере текста одного стихотворения Б.А. Чичибабина описывается символизация прецедентного онима Тарас.

А.А. Потебня, отвечая на вопрос, что такое «значение» слова, предполагал: «Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела... Без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук» [6: 19]. Сегодня же языкознание значительно расширило сферу своих научных интересов. Используя, прежде всего, методологию гуманитарных дисциплин, лингвистика развила ряд новых направлений, характерной особенностью которых стало комплексное описание языковых данных. Именно к такому описанию мы хотим обратиться, избрав в качестве иллюстративного материала стихотворение известного современного поэта Б.А. Чичибабина «Тарас» [10], и показать процесс актуализации коннотаций имени собственного. Многомерное пространство художественного текста независимо от его объема способно актуализировать у слова его семантические перспективы. Говоря о семантических перспективах, мы имеем в виду потенциальную способность лексемы развивать свою семантическую структуру.

Сегодня не вызывает сомнения мысль о возможности существования у имени собственного определённых коннотаций. Их появление связывают с рядом экстралингвистических причин. К тому же термин коннотация охватывает широкий круг семантических, эмоционально-оценочных, стилистических и других компонентов, дополняющих основное предметно-понятийное содержание языковой единицы и возникающих из взаимодействия исходных значений слов и предложений с фоновыми знаниями говорящих под влиянием контекста и ситуации. В

коннотации выделяются несколько типов компонентов: оценочный или эмоционально-оценочный (эмоционально-экспрессивный, эмотивный), параметрический (компонент интенсивности, указывает на предельную меру признака предмета), стилевой (указывает на традицию употребления слова в одной из сфер общения), культурный (соотносится со знанием образа жизни, традиций и обычаев, мировоззрения народа), образный (характерен для слов в переносном значении, является носителем определенного представления об обозначаемом), гонорифический компонент (связан с этикой взаимоотношений, указывает на иерархическую позицию говорящего по отношению к адресату речи или третьему лицу) [4: 155-157].

Коннотативный компонент имени собственного является факультативным для его семантической структуры, поскольку характерен лишь для тех из них, которые развили дополнительные оттенки значения, связанные, прежде всего, с известным для круга носителей языка референтом этого имени, т.е. коннотация возможна лишь у прецедентного имени. Е.С. Отин пишет: «В языке художественной литературы и публицистики, в народно-разговорной речи, территориальных диалектах и жаргонах встречается своеобразный прием вторичной («иносказательной») номинации посредством собственных имен (онимов) с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью «переносно» именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством нарицательных имен существительных (апеллятивов). При этом такие слова продолжают оставаться онимами, не теряют своей способности соотноситься с другими собственными именами, воспринимаются в одном ряду с ними» [5: 5]. Именно так происходит и с именами, имеющими определенное культурное значение среди носителей национального языка.

Имя **Тарас** для представителей украинского языкового сообщества является прецедентным именем, при употреблении которого «в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [2: 172, 198].

Вынеся его в заглавие стихотворения, Б. Чичибабин тем самым проспективно определяет возможные проблемы, которые найдут отражение в тексте стихотворения. Уже в первой строфе автор актуализирует наиболее значимое для него значение, связанное с гением украинского народа Т.Г. Шевченко. Автор избрал для себя жизнь и творчество поэта в качестве наивысшего мерила: *Я призванье наше меряю Тарасом, Справедливей меры в мире не нашел.* Уже здесь возникает ассоциат *Тарас* → *мера*. Чтобы не было сомнений, о каком именно Тарасе говорит автор, далее он называет и фамилию: ... *Только самый кровный был один Шевченко — Мне огонь и посох, образ и пример.* Не отграничивая себя от достижений мировой культуры, изучая и используя опыт классиков западной литературы (*Из тюрьмы Лубянской, из тенет застенка Возносили дух мой Гете и Бодлер*), Б. Чичибабин подчеркивает значимость для себя именно Т. Шевченко. Именно он для писателя – *самый кровный*, т.е. ‘близкий по крови, по национальному родству’. Для убедительного доказательства близости двух авторов Б.Чичибабин использует в ряду ассоциатов с именем Шевченко субстантивы, обладающие символическим значением.

Обращаясь к лексеме **огонь**, вербализующей один из первоэлементов бытия, поэт актуализирует в тексте как один из универсальных его символических смыслов ‘середина, центр’, так и значение ‘чистый’ (‘очищенный огнем’). Как отмечает В.В. Жайворонок, огонь дает свет и тепло, два главных источника жизни, что делает его объектом культа у всех народов, символом Божьей силы [1: 105]. Ассоциативные эксперименты, проведенные группой российских исследователей среди представителей славянских лингвокультур, выявили реакции, свидетельствующие о сохранении в когнитивной базе современных носителей русского, украинского, белорусского и болгарского языков именно таких значений, связанных с мифологическими представлениями древних славян [9: 176-178]. К тому же огонь, по наблюдениям М.М. Маковского, в отличие от воды, считался язычниками мужским началом [3: 240-243]. Контекстную актуализацию этого значения, на наш взгляд, поддерживает и лексема **посох**, которая, кроме символического значения ‘сверхъестественной силы, связанной с энергией де-

рева, фаллоса, змеи, руки (указующего перста)' и 'власти над земным миром' [8], символизирует и мужское начало [7].

Первая пара контекстных ассоциатов **огонь** и **посох** инициирует, по нашему мнению, процессы символизации прецедентного имени Тарас Шевченко. Следующая пара **образ** и **пример** эксплицирует механизмы реализации данных процессов, а именно возникновение у онома образно-переносного значения, обусловленного реальной жизнью Кобзаря, основные события которой далее описывает автор стихотворения. Реальные факты из жизни Шевченко наполняют символический компонент значения имени собственного и актуализируют его для читателя. Вынеся в сильную позицию начала стихотворения (заглавие и первые две строфы) имя собственное и ассоциаты-символы, автор тем самым заостряет внимание читателя и не отпускает до финальной строфы. Здесь Б. Чичибабин снова актуализирует символическое значение имени, используя образы, связанные с образом-символом огня – первоэлементом бытия, дающим свет и тепло: ***Светом** его сердца вся земля повита, **Жаром** его мысли мир весь озарен...*

Таким образом, художественное мышление поэта, основываясь на мифологической символике некоторых лексем, актуализируемой в тексте, способствует возникновению у прецедентного имени среди дифференциальных признаков и национально-культурных коннотаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. К.: Довіра, 2006. 705 с.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
3. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
4. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
5. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: ООО «Юго-Восток» Лтд, 2004. 412 с.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
7. Словарь символов. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/>
671
8. Тресиддер Д. Словарь символов. М., 1999. 193 с.
9. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004. 800 с.
10. Чичибабин Б. Тарас. Режим доступа: <http://chichibabin.ru/stihi/22.htm>

СМИРНОВА Мария Алексеевна (Ярославль, Россия)

Ярославский государственный педагогический университет
имени Константина Дмитриевича Ушинского
ifsmeet@gmail.com

МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
С ОПИСАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫМИ ОБОРОТАМИ
В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена выразительным возможностям описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах. Описываются модально-оценочные значения данных конструкций в письмах А.П. Чехова, В.Т. Шаламова, Б.Л. Пастернака. Рассматриваются продуктивные значения и способы их выражения, которые наряду с другими особенностями отражают специфику письма.

Специфику описательного глагольно-именного оборота (ОГИО) как расчлененной единицы номинации составляет выражение модальности.

Основное модальное значение (реальности / ирреальности) определяется формами времени и наклонения глагольного компонента. Реальная модальность связана с формами изъявительного наклонения: *Вера в искренность, в критичность Вашего мнения, и вместе с тем вера в себя — вот что **дает** мне **разрешение** попытаться выговориться перед человеком, который давно является для меня образцом творческой жизни, образцом поэтических исканий* (В.Т. Шаламов – Б.Л. Пастернаку 28 марта 1953, Томтор). Ирреальная модальность связана с формами сослагательного и повелительного наклонения: *Если мы, следуя доброму примеру «Русских ведомостей», затеяли бы другой «Сборник», то это **не принесло бы никакой пользы**...* (А.П. Чехов – В.М. Соболевскому 7 октября 1891, Москва); *Если бы я застрелился, то **доставил бы** этим **большое удовольствие** девяти десятым своих друзей и почитателей* (А.П. Чехов – М.П. Чеховой 14 января 1891, Петербург); *Простите за длинное письмо и **не вменяйте** человеку **в вину**, что он первый раз в жизни дерзнул побаловать себя таким наслаждением, как письмо к Григоровичу* (А.П. Чехов – Д.В. Григоровичу 28 марта 1886, Москва); *Когда Вы будете гулять с кем-нибудь или будете сидеть в Обще-*

стве и с Вами случится то, о чем мы говорили, то **не предавайтесь отчаянию**, а приезжайте к нам, и мы со всего размаха бросимся Вам в объятия (А.П. Чехов – Л.С. Мизиновой 17 мая 1891, Алексин).

Частные модальные значения зависят от семантики именного компонента и его синтагматических свойств [2: 590].

Одним из самых продуктивных модальных значений, переплетенных с оценкой, является неодобрение. Семантика оценки, осознаваемая в оппозиции «одобрение / неодобрение», признается сопутствующей, недифференцированной, отвлеченной [4: 118].

Значение неодобрения изначально представлено в семантике именного компонента ОГИО.

Девербативы и деадъективы выражают в большинстве случаев отрицательную оценку поведения человека, его действий, поступков: *Если бы даже двадцать Пастернаков, Маяковских и Цветаевых творили беззаконие, расшатывая свои собственные устои и расковыывая враждебные им силы дилетантизма, все равно эта Ваша связь с жизнью, а не их пример, давно должен был подсказать Вам, что Вы себя и Ваши опыты должны подчинять дисциплине более даже суровой, чем школа жизни, такая строгая в наши дни* (Б.Л. Пастернак – В.Т. Шаламову 9 июля 1952); *Я понимаю, что строгий мастер растет и живет, отрицая и уничтожая самого себя, но я помню, знаю и другое. Ведь я знаю людей, которые жили, выжили благодаря Вашим стихам, благодаря тому ощущению мира, которое сообщалось Вашими стихами — именно теми, которые **преданы** сейчас **сожжению*** (В.Т. Шаламов – Б.Л. Пастернаку 24-XII-52, Кюбюма).

Особый интерес представляют конструкции, в которых абстрактное имя лишено оценочного значения. В контексте именной компонент приобретает неодобрительную коннотацию с помощью атрибутивного распространителя: *Наши поедут в Италию. Зовут с собой. Поехать сейчас туда значило бы **совершить грязный поступок**: с такой душой – и Италия, с такой сухою тряпкой* (Б.Л. Пастернак – А.Л. Штиху 4/17 июля 1912, Марбург); *Ты думаешь, я не умею быть*

читателем написанного мною?! Да, но как сообщить тебе и эти ощущения, **не впадая в дурную бесконечность?** (Б.Л. Пастернак – С.П. Боброву 12 июня 1913, Молоди); Ты знаешь, уже верно месяц, как я ничего не делаю, не посещаю семинариев. **Никогда я не вел еще такого бессодержательного существования** (Б.Л. Пастернак – А.Л. Штиху 6/19 июля 1912, Марбурге).

Структурным компонентом составного именного сказуемого является ОГИО *произвести впечатление*, выражающий модально-оценочное значение, аналогичное связкам *казаться, показаться, представляться, считаться*, которые указывают на состояние, признак предмета в чем-либо представлении, причем этот признак является постоянным для предмета, а не случайным, как результат воздействия этого предмета на субъект. Именная часть сказуемого (существительное или другое субстантивное слово в родительном падеже, прилагательное в винительном падеже) содержит психологическую (интеллектуальную, эмоциональную) или этическую оценку конкретного субъекта или ситуации в целом. Обозначается отклонение от соответствующих норм-стереотипов в положительную (а) или отрицательную (б) стороны [1: 102].

Например: а) *Ковалевский **произвел** на Вас **хорошее, здоровое впечатление?*** (А.П. Чехов – А.С. Суворину 24 ноября (6 декабря) 1897, Ницца); *Миша, видевший их в Ярославле, говорил, что они **производят очень хорошее впечатление*** (А.П. Чехов – А.С. Суворину 13 мая 1897, Мелихово); б) *Странное впечатление производит в доме смерть прислуги* (А.П. Чехов – А.С. Суворину 6 августа 1891, Богимово); *Ваше здоровье **произвело** на меня какое-то **неопределенное впечатление*** (А.П. Чехов – Ф.О. Шехтелю 13 апреля 1896, Мелихово).

В сочетании с прилагательным ОГИО *произвести впечатление* характеризует ситуацию: *Последние дни Николая, его страдания и похороны **произвели** на меня и на всю семью **удручающее впечатление*** (А.П. Чехов – Н.А. Лейкину 13 августа 1889, Сумы); конкретный предмет: *Вообще и по внешности, и по внутреннему содержанию, и по духу посылка **произвела** на меня **самое отрадное впечатление***

(А.П. Чехов – И.И. Горбунову-Посадову 4 сентября 1891, Москва); лицо: *Его ученик, Кассирер, произвел своей речью на меня столь сильное впечатление, что для меня стало несомненным, куда мне набежать будущим летом, когда Когена в Марбурге не будет* (Б.Л. Пастернак – родителям 23 июня/5 июля 1912, Марбург); абстрактное понятие: *В эту осень мне многих пришлось похоронить, и я даже как-то оравнодушел к чужой смерти, но Ваше семейное горе произвело на меня тяжелое впечатление* (А.П. Чехов – Н.М. Линтваревой 14 декабря 1891, Москва).

Одобрение поведения субъекта или события выражается прилагательными *хороший, здоровый, благоприятный, сильный*, которые часто подчеркиваются наречиями степени *столь, очень*, местоимением *самый*, которые усиливают оценочность и эмоциональность высказывания.

ОГИО *произвести впечатление* относится к связкам, в которых «значение подлинности восприятия признака допускает сомнение, т.е. имеет элемент мнимости, кажимости» [3: 151]. Превращение данного оборота в связку отражает тенденцию к аналитизму русского языка.

Таким образом, способность ОГИО вносить дополнительные коннотативные смыслы в высказывание посредством реализации синтагматических свойств свидетельствует о расширении номинативных возможностей ОГИО, доказывает целесообразность расчлененного наименования действия или состояния. Способность ОГИО выражать модальные значения в эпистолярных текстах подчеркивает специфику письма как явления, близкого к устной речи, соединяющего в себе книжность и разговорность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лагузова Е.Н. Модально-оценочные значения высказываний с описательными глагольно-именными оборотами // Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой. Монография / под ред. П.А. Леканта. М.: МНОГУ, 2006. С. 101–109.
2. Лагузова Е.Н. Модально-оценочная семантика высказываний с описательными глагольно-именными оборотами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 590–592.
3. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 215 с.
4. Лекант П.А. Речевая реализация модального значения неодобрения // Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: 2002. С. 117–124.

СОКОЛОВА Анастасия Андреевна (Брно, Чехия)

Университет имени Масарика
sokolova@kerio.ped.muni.cz

О ПРИЧИНАХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ СЛАВЯНСКОГО ПЕРФЕКТА

Аннотация. Статья посвящена причинам грамматикализации славянского перфекта. В статье рассматриваются перфектные формы славянского и неславянского языкового ареала.

Под грамматикализацией обычно понимается переход единиц неморфологического характера в морфологические либо же возникновение грамматических (морфологических) категорий.

А. Эрхарт, говоря о механизмах грамматикализации, выделяет три фазы, главной из которых является вторая: «1. Утрата самостоятельности (появление связи с другой лексической единицей), часто сопровождающаяся упрощением семантического содержания. 2. Генерализация, т.е. обобщение и упрочение связей: семемы конкретных категорий должны быть реализованы конкретными граммами. 3. Полная формализация: морфема обозначает только синтаксические отношения» [1: 83]. Далее учёный поясняет свою теорию на примере категории падежа: «Грамматичность категории падежа заключается, прежде всего, в том, что в таких языках, как чешский, латинский и под., каждая лексема категории „имя“ должна быть соединена с грамматической морфемой категории падежа» [1: 84].

Что касается грамматической категории времени, основной семантической составляющей временных (темпоральных) граммем является либо «настоящность/актуальность» (+ *présens*: – *non-présens*), либо «прошедшесть» (+ *préteritum*: – *non-préteritum*). Первое противопоставление было характерно для старших этапов развития индоевропейских языков, напр., для староиндийского. Система времён старогерманских языков основана на противопоставлении прошедших и не прошедших времён, позже эта система расширилась за счёт новых темпоральных форм, состоящих из пассивного (страдательного) при-

частиа и форм вспомогательного глагола *быть* или *иметь*: *ich bin gegangen, ich habe gelobt* (нем.), *I have gone* (англ.), *je suis allé, j'ai loué* (фр.).

Интересные наблюдения представляет Г. Курцова, которая пишет о грамматикализации в балканских языках: «В отличие от того, что мы будем наблюдать в области претеритов, описательные инфинитивы и футурумы в балканских языках используются без конкуренции форм простых. Простая форма инфинитива встречается только в устойчивых грамматикализованных или фразеологических сочетаниях» [3: 83]. По мнению Г. Курцовой, в грамматикализации описательных перфектных и пассивных форм играет роль не только тип вспомогательного глагола (*быть, иметь*), но и тип причастия (активное/действительное, пассивное/страдательное) и форма причастия (несогласованная, согласованная с субъектом или объектом).

Старославянский перфект отличался от пассивной конструкции только выбором причастия: в обоих случаях был глагол *быти*, который присоединялся к причастию на *-l-* (собственно перфектная форма), к причастию на *-n-/-t-* (пассивная конструкция, страдательный залог), причём в обеих конструкциях причастия согласовывались в роде и числе с подлежащим. Обратим внимание на подобные конструкции в современном чешском языке, где перфектная форма используется как единственная форма прошедшего времени (*Tento film jsem již viděl, Tuto knihu už jsem přečetl*), конструкции с причастием на *-n-/-t-* считаются в чешском языке пассивными (описательно-пассивными), например: *Byl jsem probouzen*. Особое внимание обращают на себя конструкции с причастием на *-n-/-t-* и глаголом *mít*: с одной стороны, конструкции, характерные для разговорного чешского языка *Mám tento film již shlédnutý, Mám tu knihu už přečtenou*, с другой – *Mám doporučeno léčit se v lázních, Mám vymalováno*, которые выражают итоговое (результативное) состояние, вытекающее из предыдущего действия [2: 530].

По мнению проф. Лампрехта, первоначальным значением конструкции *форма наст.вр. глагола быти+причастие на -л-* (либо отглагольное прилагательное) была предрасположенность к действию, а уже потом появилось т.н. результативное значение, которое часто счи-

тается основным значением перфектной формы в старших славянских языках. Что касается старочешского языка, то изменение значения происходило так: *datъ jesmь* „*jsem davatel, štědrý*“ > „*jsem ten, kdo dať*“ [4: 195].

Так, В.В. Колесов, сравнивая перфект в славянских и других родственных языках, говорит о форме на -л-, что «по происхождению -л-имена – это имена *agentis*, следы которых сохранились в таких прилагательных, как *весель, голь, дряхль, миль, нагль, топль* и т.д.» [5: 422]. Благодаря этому славянский перфект указывал не только на результат/результативность действия в прошлом, но и отсылал к лицу (ср. толкование перфектных форм, предлагаемое Р. Вечеркой: *пришьль есмь* – „я пришел, и я здесь“).

Грамматикализация перфектных форм, по нашему мнению, была возможна по нескольким причинам: во-первых, аналитическая перфектная форма выражала (кроме прочего) род имен (*несль, несла, несло*), во-вторых, у простых аористных и имперфектных форм наблюдалась омонимия форм 2 и 3 л. ед. ч., в-третьих, грамматикализация перфектных форм была связана с развитием категории вида в славянских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Erhart A. Úvod do jazykovědy. Brno: Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, 2001. 200 s.
2. Karlík P., Nekula M., Rusínová Z. Příkladní mluvnice češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2012. 800 s.
3. Kurzová H. Gramatikalizační procesy v balkánských jazycích. / Studia Balkanica Bohemo-Slovaca 4. (Příspěvky přednesené na 4. balkanistickém sympoziu v Brně ve dnech 25. a 26. května 1994). / Red. Ivan Dorovský. MU: Brno, 1995. S. 76-89.
4. Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J. Historická mluvnice češtiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1986. 423 s.
5. Колесов В.В. История русского языка: учебное пособие. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; М.: Академия, 2005. 672 с.

БЕЗОБЪЕКТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье содержатся наблюдения над современным употреблением видовой пары **доставлять – доставить** в разговорной речи. Традиционно указанный глагол имеет обязательные объектные распространители, но может использоваться в особом, абсолютном значении, не нуждаясь в объекте.

Известно, что язык интернет-общения, как вариант разговорной речи, зафиксированной в печатной форме, является своего рода катализатором изменений, происходящих в кодифицированном литературном языке. Разговорная речь, не будучи кодифицированной, тем не менее создает и закрепляет особые случаи употребления тех или иных языковых единиц. К таковым, безусловно, можно отнести и безобъектное употребление переходных глаголов.

Нормы разговорной речи определяются экстралингвистическими факторами. Предшествующий общению жизненный опыт собеседников, известность темы и «предситуации» (ср.: современное *‘быть в теме’*), спонтанность общения, стремление к лаконичности выражения мысли способствуют особому употреблению языковых единиц, характерному только для разговорной речи. Указанная специфика приводит, в том числе, к изменениям в структуре синтаксической модели, превращая обязательное распространение какого-то компонента в факультативное, а иногда и полностью устраняя необходимое по нормам письменного литературного языка «окружение».

Рассмотрим случаи, когда переходный по своей природе глагол утрачивает прямое дополнение.

В самом широком смысле все переходные глаголы «сильно управляют винительным падежом: колоть дрова, белить потолок, читать книгу, любить детей» [5, § 1456]. Непереходные глаголы – это «все глаголы, которые не управляют винительным (родительным) падежом. В большинстве случаев это глаголы, действие которых замкну-

то в сфере субъекта, не направлено на объект: белеет парус; птица сидит на ветке» [Там же, § 1457].

Согласно толковым словарям русского языка глагол **доставить (доставлять)** имеет следующие значения:

1) привезти, принести и т. д. к месту назначения. Доставить пассажиров. Доставить груз. Маленький речной пароходик должен был доставить нас в Астрахань. Гл. Успенский, На Кавказе. Мужики отвели под школу землю и обязались доставить из города на своих лошадях весь строительный материал. Чехов, Моя жизнь. || Привезти или привести кого-л. куда-л. в сопровождении охраны, конвоя; препроводить. Через двое суток Кононов доставил пленного в штаб. В. Кожевников, У нас на Севере. Никифор три года где-то пропадал, пока не доставили его в волость из Хвалынска как «бесписьменного». Рыбаков, Екатерина Воронина. || Вручить, передать кому-л. Доставить приказ о наступлении {Баклушин:} Не можете ли вы доставить письмо? А. Островский, Не было ни гроша, да вдруг алтын; 2) дать, предоставить. Доставить возможность путешествия. Доставить случай познакомиться. – Расчет, умеренность и трудолюбие: --- вот что --- доставит мне покой и независимость! Пушкин, Пиковая дама. Республика доставит флоту все, что ему нужно: и нефть, и снаряды, и пищевое довольствие. А.Н. Толстой, Восемнадцатый год; 3) Причинить, вызвать. Доставить много хлопот. Я доставил им {папуасам} в третий раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку. Миклухо-Маклай, Путешествия. Немало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. Арсеньев, Дерсу Узала [4];

2) отправлять, препровождать к месту назначения; 2) давать возможность почувствовать, пережить, испытать что-л.; причинять, устраивать [3];

3) кого-что. Привезти, принести и т.п. к месту назначения. Д. пассажиров. Д. груз. Д. посылку в срок. Д. телеграмму на дом. // Привезти или привести кого-л. куда-л. в сопровождении охраны, конвоя; препроводить. Солдаты доставили пленного в часть; 2) что. Дать, предоставить, обеспечить. Д. возможность путешествия. Д. случай познакомиться. Д. покой и независимость. Доставил случай убедиться в его

правоте; 3) что. Причинить, вызвать. Д. много хлопот. Спектакль доставил истинное удовольствие. Поход доставил немало трудностей. <Доставлять, -яю, -яешь; нсв. Доставляться, -яется; страд. Доставление, -я; ср. Д. корреспонденции. Д. удобств. Д. неприятностей. Доставка, -и; ж. (1 зн.). Д. газет и писем. Заплатить за доставку. Телеграмма с доставкой на дом [1], похожие значения находим в других словарях.

Как видим, во всех значениях глагол является переходным. Обратим внимание на значение 'причинить, вызвать, испытать что-л.'. Примеры современного употребления наглядно демонстрируют, что в языке интернет-общения он используется в указанном значении без необходимого распространителя.

Богатый материал для наблюдений дают многочисленные форумы и блоги: *Доставило, что даже забрав документы, он продолжал регулировать движение, о чем-то перетирая с провинившимся водителем; По мне, так он бешено, люто доставляет; Но, конечно, зрелище возбужденной биомассы, прямо скажем, доставляет. Даже не верится, что это Киев; Вот и октябрь наступил, очередная годовщина ВОСР – Великой Октябрьской Социалистической Революции, аббревиатура прямо скажем доставляет...; Весьма доставила фраза «Я доставил себе еще полгига оперативы» (из ЖЖ), ахаха, наша тех. поддержка вообще доставляет, сегодня друг звонил, так его 2 раза с другим пользователем соединили, и они друг другу рассказывали, что у них с инетом); Грустный драм, доставляет, когда грустно и т. д.*

Указанное значение уже зафиксировано в словаре молодежного сленга, **доставлять/доставить** употребляется в значении 'доставлять удовольствие' [6]. Ссылка на словарь дана с ресурса gramota.ru.

При анализе материала встретился интересный пример обыгрывания значений анализируемых глаголов: *ПР (Почта России – О.С.) она всегда доставляет. И тут только один выход — скандал и звать начальника, иначе ваша посылочка так и уедет обратно* («Дневник наивного землянина», личное слабопериодическое издание Ольги Кноблех):

Схожее значение имеет глагол **вставлять**: *Меня от нее вставляет*, название песни «Вставляет нереально»: «вызывает ощущение блаженства», «доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие».

В то же время действует и противоположная тенденция – переход глагольного действия на объект: например, *уснуть ребёнка* ('уложить'), *уйти кого-то* ('уволить') и некоторые другие. Прямое дополнение уточняет смысл, придавая выражению экспрессивный оттенок.

Разговорная речь имеет то преимущество (а написание блогов, комментариев – «комментов» – в отзывах, форумах имеют установку на разговорную речь), что в зависимости от лексического значения глагола-сказуемого и подчиненного ему компонента, от ситуации речи, от коммуникативной установки высказывания исчезает потребность в реализации переходности, прямое дополнение при глаголе-сказуемом оказывается ненужным, избыточным. Глагол в этом случае как бы вбирает в свое семантическое поле значение дополнения.

Это явление находится в полном соответствии с тенденциями языковых изменений в современном языке, описанными Н.С. Валгиной. В частности, лингвист указывает на ослабление формальных синтаксических связей, вследствие чего возрастает роль контекста, повышается роль имплицитных выразителей связи, что приводит к словесной сжатости синтаксических единиц, к их смысловой емкости.

Описываемое употребление является примером «синтаксической редукции», понимаемой как «отсечение необходимого грамматического звена в синтаксической структуре. Результат – сокращение словесных компонентов». Примеры Н.С. Валгиной: *Фирма гарантирует (что? кому?)*; *Тема волнует (чем? кого?)*; *Теннисисты радуют (кого? чем?)*; *Высокое звание обязывает (к чему?)* [2].

Отметим, что указанные явления широко представлены в сети Интернет, их употребление носит не случайный характер, поэтому можно говорить о причислении анализируемой видовой пары к интернет-узусу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб-

ное пособие. М.: Логос, 2001. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-009.htm>

3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info/>

4. Малый академический словарь русского языка, МАС. Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: РАН, Институт лингвистических исследований, 1999. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-16960.htm>

5. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/1455-1489.html§1456>

6. Словарь молодежного сленга. [Эл. ресурс]. URL: <http://teenslang.su/about.html>

СТОЙКОВА Татьяна Александровна (*Рига, Латвия*)

Вентспилсская высшая школа
stoikova@lanet.lv

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩИХ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

(на материале русского, болгарского и латышского языков)

Аннотация. Статья посвящена проблеме концептуализации внутреннего мира человеку в эквивалентных фразеологизмах русского, болгарского, латышского языков на основе универсальной макрометафорической модели «*Эмоции человека – это психофизиологические состояния его организма*». Фразеологизации по данной модели подчинены отбор и сочетаемость слов в составе прототипических языковых единиц, из которых развились фразеологизмы.

Общеизвестно, что ФЕ исторически «возникают и развиваются в языке путем переосмысления конкретных словосочетаний и конкретных предложений» [3: 7], т.е. восходят к прототипическим свободным словосочетаниям и предложениям. В контексте фразеологической концептуализации действительности значение фразеологизма (в дальнейшем – ФЕ) мыслится как двухуровневое, состоящее из глубинного (концептуального) и поверхностного (семантического) уровней [1: 363-364], и может описываться посредством макрометафорических моделей.

В данной статье рассматриваются ФЕ близкородственных языков – русского и болгарского – и генетически им родственного латышского

[5; 6; 8] с общим значением 'испытывать какие-либо эмоции, чувства, переживания'. Значения анализируемых ФЕ формируются на основе концептуальной макророметифорической модели, которую можно представить следующим образом: «*Эмоции человека – психофизиологические состояния его организма (сердца / души, крови)*».

Ключевыми словами в прототипических языковых единицах оказываются рус. *сердце / душа, кровь*; болг. *сърце / душа, кръв*; лтш. *sirds, asinis*. В наивно-языковой модели человека *сердце* и *душа* являются органами чувств; *кровь* считается «носителем сильных эмоций», страстей, жизненных сил [7: 22, 30]. Отбор глаголов, сочетающихся с ключевыми словами в прототипических единицах, как правило предложениях, имеет большое значение: *болит, кипит, разрывается, обливается, холодеет* и др. глаголы, а также их болгарские и латышские эквиваленты, называют процессы, которые, с точки зрения обыденного сознания, происходят при переживании человеком тех или иных эмоционально-психических состояний и являются частью этих состояний. Что касается парадигматического аспекта – а именно варьирования компонентов *сердце / душа* в славянских языках – то, по-видимому, первично сформировались ФЕ с компонентом *сердце*, а затем, по аналогии, развились ФЕ с компонентом *душа*. Возможно, причина в том, что для древнего сознания работа материального органа – сердца – была физически ощутима, в отличие от работы нематериальной души. Для балтийского, латышского, языка подобное варьирование нехарактерно.

Проживание человеком какой-либо эмоции, чувства неразрывно связано с изменениями в его сердечной деятельности и кровообращении. Физиологические реакции как компонент психоэмоциональных состояний – явления универсальные, и их объяснение составляет содержание научной картины мира. Эмпирические ненаучные наблюдения носителей разных языков за проявлениями эмоций человека совпали (что объясняется тождественностью проявлений и точностью наблюдений) и закрепились в разных языковых картинах мира одинаковым образом – в эквивалентных, часто абсолютно синонимичных, языковых единицах. Образное переосмысление тождественных прототи-

пических языковых единиц на базе общей концептуальной макрометафорической модели и переноса их значений из сферы физических ощущений, физиологических состояний и процессов в эмоционально-психическую сферу легло в основу образования фразеологизмов. Рассматриваемые ниже русские, болгарские и латышские ФЕ оказались эквивалентными и по структуре, и по составу компонентов, и по образному основанию, т.е. по внутренней форме. Данные фразеологизмы, отражая обиходно-эмпирический опыт и представления разных народов о физиологической стороне эмоций, возникли, по-видимому, значительно раньше, чем появилось точное научное объяснение «физиологической» подоплёки их значений. Однако лингвокультурологическая интерпретация ФЕ подразумевает исследование культурной коннотации ФЕ как части его семантики. «Средостением культурной коннотации» является образное основание ФЕ [4: 214], из которого она и извлекается. Образное основание – феномен глубинного, концептуального уровня ФЕ – мотивируется значением прототипических языковых единиц. В культурной коннотации, наряду с другими сферами, выделяется «научно-познавательная», т.е. «знания и представления, которые связаны с фразеологизмом» [2: 148]. В нашем дальнейшем анализе культурная коннотация транслирует то универсальное в знаниях и представлениях, что объясняет отбор и сочетаемость слов-компонентов в межъязыковых эквивалентных ФЕ.

Известно, что от переживаемого страха, ужаса человек цепенеет, происходит отток крови от рук и ног: они становятся ватными, холодеют; ср. эквивалентные ФЕ, передающие состояние очень сильного страха или ужаса: рус. *кровь стынет / леденеет, холодеет в жилах* = болг. *кръвта ми застива / замръзва / се смразява в жилите* = лтш. *asinis sastingst / stindzināt dzīslās*. Состояния страха, тревоги, беспокойства связаны с нарушением ритма сердца: рус. *с замиранием сердца* = лтш. *ar sirds drebēšanu* ('испытывая сильное волнение, беспокойство, тревогу'); рус. *сердце замирает*; лтш. *sirds dreb / trīc* (сердце дрожит, трепещет).

Страдания и связанные с ними негативные эмоции тревоги, беспокойства, тоски и др. неизбежно вызывают нарушение кровообраще-

ния – сужение кровеносных сосудов во всем теле, что приводит к недостаточному питанию кислородом и сердца, и всего организма. Недостаток кислорода провоцирует тупую боль в области сердца; ср. ФЕ со значением ‘испытывать душевную боль’: рус. *сердце / душа болит* = болг. *боли ме сърцето / душата* = лтш. *sirds sāp*. (Здесь и в следующих примерах образы эквивалентных ФЕ сформировались на основе сходства между переживаниями физической и душевной боли.) От недостатка питания возможны болезненные судороги сердечной мышцы: ср. рус. *сердце сжимается* = лтш. *sirds sažņaudzas* (сердце сжимается) / *sažņaugt sirdi* (сжимает сердце) ‘испытывать глубокие болезненные переживания’. На фоне неожиданного обрушившегося удара судьбы, горя, страданий сужение сосудов происходит внезапно – в сердце возникает острая боль, сопоставимая с болью от ранения острым предметом: ср. болг. *сърцето ми се прободе* (сердце пронзено), а также рус. *нож в сердце*. Сужение кровеносных сосудов, как результат душевных страданий, заставляет сердце, перекачивающее кровь, с усилиями преодолевать препятствия: ср. рус. ФЕ, *сердце / душа надрывается, надрывать сердце / душу* (‘испытывать душевные страдания, чувство тоски, жалости’).

Недостаток кислорода может ощущаться как давление, тяжесть в области груди и сердца. Тяжесть эмоционального состояния, подавленность уподобляются физической тяжести через стереотипное (свойственное и славянской, и балтийской лингвокультурам) образное сопоставление с *камнем*, актуализирующее сему ‘тяжелый’: ср. рус. *камень на сердце / на душе* = болг. *камък ляга / легне на сърцето / на душата ми*. Ср. также рус. *с тяжелым сердцем* (‘в подавленном состоянии, в тревоге’). Восстановление работы сердца и кровообращения нейтрализует чувство физической тяжести, а вместе с ним отступает эмоциональная подавленность: *отлегло от сердца / на душе* = лтш. *atvieglot / atvieglināt sirdi*; рус. *камень с сердца / души свалился* = болг. *(тежък) камък (ми) пада / падна от сърцето / душата* = лтш. *novējas (kā) aktens no sirds* (‘испытывать чувство неожиданного облегчения после тяжелых переживаний, тревог, волнений’).

Сужение кровеносных сосудов и снижение «насосной» функции сердца может привести к разрыву сердца (сердечной мышцы), т.е. к инфаркту, который в обыденных народных представлениях так и называется – *разрыв сердца*; ср. рус. *сердце / душа разрывается (на части)* = болг. *сърцето / душата ми се къса / раскъсва* = лтш. *sirds plīst* ('испытывать глубокую печаль, тоску, скорбь, страдания'). В определенной фазе инфаркта возникает накопление и застой крови в некоторых участках сердца; ср. рус. *сердце кровью обливается* = болг. *сърцето ми се облива / се обля с кръв*; болг. *кръв капе от сърцето ми* = лтш. *sirds asiņo* (сердце кровоточит) 'чувствовать невыносимую душевную боль, тоску, сострадания'.

Крайнее возбуждение, исступление, гнев, ярость нередко сопровождаемые потерей самоконтроля, проявляются в мгновенном расширении кровеносных сосудов головы и приливом крови к голове, к лицу, к глазам: рус. *кровь бросилась / кинулась, ударила в голову* = болг. *качва ми се кръвта в главата* = лтш. *asinis sakāpj / saskrien galvā*; а также болг. *кръв ми е в очите* (кровь в глазах) 'испытывать сильную неприязнь, ненависть к кому-либо'. Ср. также рус. *кровь бросилась / кинулась в лицо* = лтш. *asinis sakāpj / saskrien vaigos* (кровь прилила к щекам) 'испытывать чувство смущения, стыда, досады, гнева'.

Чувства полноты жизненных сил, радости бытия, воодушевления, окрыленности любовью и т.д. физиологически обусловлены тем, что сердце в два-три раза быстрее перекачивает кровь, т.е. организм получает больше питания, больше кислорода, а значит и больше энергии: ср. рус. *кровь кипит / играет / бродит / горит* = болг. *кръвта ми играе / ври* = лтш. *asinis vārās dzīslās* (кровь кипит в жилах); ср. также рус. *горячая кровь* = лтш. *karstas asinis* и др.

Коротко резюмируя, отметим, что исследование фразеологической концептуализации мира в эквивалентных ФЕ близкородственных и генетически родственных языков на этапе выявления универсального типологического и, напротив, специфического в их структуре и семантике предполагает рассмотрение парадигматики и синтагматики прототипических языковых единиц, из которых развились данные ФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зыкова И. Музыка как источник фразеологической концептуализации мира (на материале английского и русского языков) // *Frazeologické štúdie VI. Hudobné motívy vo frazeológii* / Ed. M. Dobříková. Bratislava: Univerzita Komenského, 2014. С. 362-373.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. Москва: URSS, 2013. 456 с.
3. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А.И. Молоткова. Санкт-Петербург: «Вариант», 1994. С. 5-21.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: «Языки русской культуры», 1996.
5. Фразеологичен речник на българския език. Том първи: А – Н. Том втори: О – Я. София: Издателство на българската академия на науките, 1975.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Санкт-Петербург: «Вариант», 1994.
7. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
8. Laua A., Ezeriņa A., Veinberga S. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Rīga. 2000.

СУШКОВА Ирина Михайловна (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет
ira.sushkova2013@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается лексико-грамматический вариант семантической структуры посессивных предложений – конструкции, выражающие принадлежность. Анализируется лексическое наполнение данных конструкций с целью определения соотношения структурной организации предложения и выражаемого им типа посессивного отношения.

Проблема взаимодействия грамматики и лексики в предложении занимает большое место в работах ведущих современных синтаксистов. Рассмотрим особенности лексического наполнения предложений со значением принадлежности.

В соответствии с предложенной В.Ю. Копровым методикой поаспектного анализа семантики и функционирования предложения [1], анализ семантико-структурного устройства предложения производится на трёх иерархически связанных уровнях: типового значения (ТЗ), инвариантной семантической структуры (ИСС) и варианта семантической структуры (ВСС). В ТЗ предложений получает свою наиболее обобщённую языковую реализацию структура отражённых сознанием

предметных ситуаций. Внутри ТЗ разграничиваются ИСС на основе принадлежности признакового компонента предложения к той или иной части речи. На уровне лексико-грамматических вариантов семантической структуры предложения (ВСС) проявляется взаимодействие синтаксических и лексических единиц – «лексического наполнения» синтаксических структур.

Рассматриваемые нами конструкции принадлежности (двуактантные вербальные активные предложения) имеют ТЗ «отношения между двумя предметами», ИСС «субъект – посессивность – объект», ВСС «объект – принадлежность – субъект». Этот тип конструкций обозначается структурной схемой $N_1 - V_{act} - N_3$, где представлены три элемента посессивной ситуации: посессор (N_3), предмет принадлежности (N_1) и предикат со значением посессивности (V_{act}). В глагольной позиции здесь употребляется только один глагол, в чистом виде передающий значение принадлежности – *принадлежать* (класс «отношение», лексико-грамматический разряд (ЛГР) принадлежности): *Защипка принадлежала Степану* (Ю. Герт).

Особое внимание мы уделяем выявлению типовых комбинаций пар именных элементов конструкций, что обусловлено принципиальной важностью учёта особенностей лексического наполнения для определения соотношения структурной организации предложения и выражаемого им типа посессивного отношения.

При реализации основного значения, передаваемого данными конструкциями – собственно принадлежности – посессор (объектный компонент синтаксической структуры), как правило, относится к ЛГР антропонимов; объект посессивности (субъектный компонент синтаксической структуры) выражен именем конкретно-предметной семантики и отмечен признаками 'неодушевленность' и 'отторжимость' (ЛГР конкретных неодушевлённых существительных): *Судя по всему, эта дачка принадлежит Луканову* (Г. Куликова).

Однако если в качестве посессора выступает имя деятеля (автора), а в качестве объекта принадлежности – результаты его деятельности, обозначаемые конкретными существительными, то рассматриваемая конструкция реализует значение 'продукт деятельности – дея-

тель': *Исторические катаклизмы приковывали к себе настороженное внимание поэта. Ему принадлежат эти строки...* (из газ.).

Помимо конкретных неодушевлённых существительных, в качестве объекта принадлежности при одушевлённом субъекте в предложениях рассматриваемого типа выступают существительные следующих ЛГР:

1) ЛГР неконкретных существительных, среди которых выделяются следующие подтипы:

а) имена, обозначающие опредмеченные качества, свойства, внутренние состояния, разного рода психические манифестации человека: *Баритон принадлежал не кому иному, как почётному гостю сегодняшнего вечера Аркадию Аполлоновичу Семплеярову...* (М. Булгаков);

б) имена, обозначающие объекты внутреннего мира человека: *Эта правда принадлежит только нам: тебе и мне* (А. Данилова);

в) имена, обозначающие различные абстрактные сущности, функционально связанные с человеком: *Аня – наёмная служащая, дело принадлежит нам с Мариной...* (Д. Донцова);

г) отглагольные существительные, обозначающие действия и результаты действий человека: *Подглядывая за подопечными Головачёва, я иногда чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Разумеется, он мог принадлежать кому-нибудь из персонала* (А. Геласимов).

2) ЛГР антропонимов: *Сын уезжал с легким сердцем, он давно не принадлежал матери, а теперь вообще перестанет принадлежать кому бы то ни было* (В. Платова). Такие предложения передают родственные, профессиональные отношения, а также отношение моральной зависимости одного человека от другого.

3) ЛГР зоонимов: *А английский мопс Хуч вообще-то принадлежит ближайшему приятелю, полковнику Дегтярёву* (Д. Донцова). В подобных случаях выражается отношение собственно принадлежности.

4) ЛГР «части тела»: *Мясистый нос, грубые, навсегда обветренные щёки могли принадлежать и добряку и чёрствому чело-*

веку (Д. Гранин). В такого рода предложениях выражается отношение между человеком и его «физическими составляющими» (частями тела и внутренними органами).

Существует мнение, что отношение принадлежности подчёркивает неравенство посессора и объекта принадлежности, поэтому данная конструкция приемлема, когда в роли объекта выступает предмет (имя, более низкое по рангу), и неприемлема, когда объектом является лицо. Другим условием употребления этой конструкции считается обособленность посессора от объекта, поэтому в ней не встречаются названия объектов неотторжимой принадлежности – частей тела и элементов внутреннего мира человека [4: 117]. Однако приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что в некоторых случаях в роли объекта принадлежности могут выступать названия объектов личной сферы человека (наименования частей тела, лиц, связанных с посессором родственными или иными социальными отношениями и т.п.) и наименования различных абстрактных понятий, являющиеся объектами принадлежности метафорически. В подобных высказываниях проявляется тенденция представлять человека как «обладателя» элементов внутреннего и внешнего микромира (подробнее об этом [3: 119]).

В роли посессора, выраженного в рассматриваемой конструкции объектной формой, могут выступать существительные следующих ЛГР:

1) ЛГР антропонимов: *Мюру и Мерлизу до революции принадлежал самый роскошный и модный универсальный магазин в Москве* (В. Панова);

2) ЛГР зоонимов: *Тоненький непрезентабельный серый мех, больше всего смахивающий на кроличий, при жизни принадлежал шиншилле* (Д. Донцова);

3) ЛГР неконкретных существительных, среди которых особое место занимают существительные, называющие совокупность предметов как одно целое: *Пауки принадлежат к отряду членистоногих класса паукообразных* (из газ.). Здесь выражается такая разновидность партитивных отношений, как классификационные отношения, т.е. обозначение принадлежности объекта к виду, роду, классу. Как

видно из приведённого примера, в таких случаях в русском языке часто используется вариант конструкции с предлогом *к*. Как писал М. Кубик, «употребление глагола в переносном значении, вызывающее изменение в его семантике, нередко также влияет на способ синтаксического оформления сочетающихся с глаголом компонентов... вследствие употребления глаголов в переносном значении может измениться и качество распространителей глагола» [2: 150];

4) ЛГР конкретных неодушевлённых существительных: *Главный пакет акций "Зенита" принадлежит Промстройбанку* (из газ.). В данном случае позицию посессора занимают имена со значением коллективного владельца, а объект обозначает коллективную собственность.

Анализ лексического наполнения синтаксических структур рассмотренных предложений позволяет дифференцировать выражаемые ими значения принадлежности, различные оттенки которых являются результатом комбинаций номинативной семантики актантов нескольких категориальных видов. Передаваемое ими содержание далеко не исчерпывается семантикой собственно принадлежности. Данная конструкция является структурой с относительно свободным составом лексики при выраженной тенденции к заполнению структуры лексикой определённых ЛГР. Таким образом, в зависимости от лексико-грамматических разрядов имён, занимающих позиции субъектного и объектного компонентов, данная конструкция способна реализовывать различные типы посессивного отношения.

Проблема выявления лексико-семантических вариантов инвариантных семантических структур – одна из актуальных проблем семантического синтаксиса. Её решение будет способствовать раскрытию природы парадигматических изменений семантической модели в процессе реализации речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. 328 с.

2. Кубик М. Модели двусоставных глагольных предложений в русском языке в сопоставлении с чешским. Прага, 1977. 266 с.

3. Сушкова И.М. Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности (на материале русского и английского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 185 с.

4. Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 100-118.

СЫВОРОТКИН Михаил Михайлович (*Муром, Россия*)

Муромский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
oid@mivigu.ru

ТОПОНИМИКА МУРОМСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются названия населенных пунктов Муромского края с точки зрения происхождения и даются объяснения их языковой принадлежности.

История любого народа сохраняется в его языке, культуре, традициях. Кроме того, об этом многое могут сказать данные топонимики и гидронимии.

В этой статье объектом нашего исследования будут названия населённых пунктов Муромского края как составная часть той информации, которую можно узнать о людях, проживавших прежде и живущих сейчас на исследуемой территории.

Само понятие «Муромский край» мы воспринимаем в более широком плане, чем границы современного Муромского района Владимирской области, т.к. на протяжении столетий они не были постоянными.

По свидетельству археологов, историков, лингвистов самыми древними поселенцами на данной территории были финно-угры, в частности народность МУРОМА, которая занимала земли по лево - и правобережью р. Оки в нижнем её течении. Однако мнения учёных расходятся в отношении как культурной принадлежности древней МУРОМЫ, так и языка, на котором она говорила.

Мы попытаемся дать историко-этимологический анализ многих населённых пунктов этой территории, сохранившихся до наших дней, и на его основе определить их языковую принадлежность.

Естественно, что наиболее древний топонимический пласт составляют названия, связанные с автохтонным, муромским, населением. Как пишет Попов А.И., «основанием для отнесения мурома к финно-угорской общности стало единственное оставшееся от языка племени слово – его название... Топо- и гидронимика региона позволяют отнести мурому к поволжско-финскому племени, по языку близкому к мордве, но отличающемуся заметным своеобразием (6, 101,102). По мнению Голубевой Л.А., «наиболее распространённым типом поселения мурома являлось селище... Располагаются селища обычно на высоком плато коренного берега небольших рек, в пойме которых имеются заливные луга» [2: 83]. Очень подробную информацию о роде деятельности древней МУРОМЫ находим у Смирнова А.И., который писал: «Как показывает материал могильников и городищ, мордовские племена, живя в своих лесах, не были изолированы от окружающего мира. У них нередки вещи иноземного происхождения. Там встречаются восточные монеты, восточная утварь, вещи, характерные для соседних племён... Близкий материал характеризует и МУРОМУ того времени. Значительный ряд археологических памятников даёт полное представление о производительных силах, социальных отношениях и о культуре. Ряд селищ, исследованных за последнее время близ Мурома, свидетельствует о сильно возросшем значении земледелия. На этих поселениях, помимо чисто хозяйственного инвентаря, находят материал, характеризующий кузнецов-литейщиков... В области политической организации мурома точно так же, по-видимому, была объединена в союз племён. Косвенным показателем является наличие большого числа неукреплённых посёлков-заимок. Этот факт свидетельствует об ослаблении опасности набегов соседей, об относительной безопасности жизни. А такую обстановку в тех условиях мог создать только союз родственных племён» (8, 669-670). Учитывая эти факты, надо полагать, что селища и заимки были весьма

немногочисленными как по своему количеству, так и по находившемуся в них населению.

Все населённые пункты, сохранившиеся в Муромском крае до наших дней, можно условно разделить на несколько пластов, в зависимости от времени их возникновения и исторических событий, которые происходили на этой территории.

Естественно, наиболее древний пласт – это те топонимы, которые можно по историко-языковым фактам идентифицировать с коренным муромским населением. Сюда следует отнести такие названия:

с. Варезж. Аналогичный топоним встречается в Вачском районе Нижегородской области. Автор Нижегородского областного словаря Н. В. Морохин даёт такое объяснение: «Вероятно, патроним. От финно-угорского (муромского!) имени Вараш, имеющего аналоги в марийской и мордовской ономастике. Местные предания объясняют название формой залива Оки у села, напоминающего варежку, а также тем, что этот залив был местом дневной обеденной остановки бурлаков, где они варили обед» [5: 70]. Несомненно, что местные предания – это явление народной этимологии более позднего времени. В современных мордовских языках мы находим: «варш, 1. козодой – насекомоядная птица, похожая на ласточку; 2. ворона» [4: 93]; а также «варя, 1. дыра, отверстие; 2. нора» [13: 110]. Возможно, что своими корнями топоним уходит в далёкое прошлое, когда первобытные люди жили в многочисленных пещерах (норах), вырытых в крутых окских берегах.

Выселок Елотинский. Предположительно, из эрзянского ёло «прут, хлыст» [13: 182] с последующей русификацией.

с. Ивакино//Иватино. Может иметь в своей основе мокшанский корень ивака «двоюродная сестра или тётка (со стороны матери, старшая по возрасту)» [4: 199]

с. Картынь. В современных мордовских языках широко употребляется слово карда//кардо в значении «хлев, конюшня» [4: 230; 13: 236]. Сюда же можно отнести и с. Колдино, образованное от эрзянского калда «загон, стойло (отгороженное место для скота)» [13: 227] и

мокшанского калда/з «хлев» [4: 219]. Аналогичные названия широко распространены на территории современной Мордовии и соседних регионов с компактным проживанием мордовского населения.

с. Илькино. Надо полагать, что в основе лежит мордовский корень ил от эрзянского илев «прут, хворостина» [13: 207] и мокшанского илина «лозняк – ивовый кустарник» [4: 203], возможно, с добавлением второго корня ки «путь, дорога, направление» [4: 253-254; 13: 258].

с. Кичигино. Можно предположить два варианта возникновения этого названия: от эрзянского кича «чиж (небольшая певчая птица)» [13: 269] или мокшанского кичега «ива» [4: 260]. Второй вариант надо считать более убедительным.

с. Лехтово. Предположительно, от эрзянского «леха, 1. глубокие борозды – проходы (в коноплянике, при выборке поскони); 2. уст. полоса (земли, посева)» [13: 340] и мокшанского «леха – часть загона» [4: 334].

с. Ковардицы. Возможен вариант образования от мокшанского ковардамс «повернуться, изменить своё положение» [4: 263], хотя семантическая связь остаётся непрозрачной.

с. Муська//Муськов. Название могло образоваться из мордовских языков: муськемс «стирать, полоскать бельё» [13: 394] или муськомс «стирать, выстирать» [4: 394].

с. Пестенькино. Возможны два варианта происхождения топонима: либо от эрзянского пестерькай «хвощ полевой» [13: 473], либо от эрзянского пистень «силлок (петля для ловли птиц и мелких животных)» [13: 482]. Второй вариант следует считать более предпочтительным.

с. Саксино. В мордовских языках известны два слова, от которых могло произойти это название: сёксь «осень» [13: 583] и сёксе «осень» [4: 623] или сокс «лыжа» [4: 650; 13: 600].

с. Санчугово. Название может происходить от мокшанского сенч «диалектное название утки – кряквы» [4: 619].

с. Суволока. Вероятно, в основе лежит эрзянское слово сув «туман, пелена, завеса», сувакадомс «окутаться туманом» [13: 622].

с. Чадаево//Чаадаево. Предположительно, от эрзянского корня чады «разлив, половодье» [13: 736].

Недалеко от села Борисоглебское известно место под названием Шалава Бугор (микротопоним). По нашему мнению, слово шалава происходит из мордовских языков салава, что значит «секретно, тайно, скрытно» [4: 595; 13: 564]. Вероятно этот «бугор» известен с древних времён как место каких – то «таинственных деяний», связанных с языческими культами.

с. Шишлово//Шишелово. Название может иметь тюркскую основу шеш. У В. И. Даля находим: «шишь островерхая куча, ворохъ, насыпь, постройка» (3, т. 4, 1444 – 1445). М. Фасмер даёт такое объяснение: «шиш – островерхая кладь, копна сена» (12, т. 4, 444 – 445). В башкирском языке шеш имеет несколько значений: «1. вертел (для приготовления шашлыка); 2. опухоль, нарыв, отёк» (1,658). В татарском языке шеш употребляется в таких значениях: «1.опухоль, нарыв, шишка; 2. стожар (шест в середине стога); 3. вертел» (11, 58). Возможен вариант заимствования русским языком из тюркских через посредство финно-угорских языков, т.к. слова с корнем шеш активно употребляются в русских диалектах Мордовии и Нижегородской области.

с. Юромка. В основе может лежать мордовский корень: мокшанское юром «род, племя, родня» и эрзянское юр «корень, основа, источник» [4; 913; 13; 794].

Вполне естественно, что с приходом на эту территорию славянского населения, указанные и подобные исконные топонимы подверглись «обрусению», приобретая уже русские компоненты: - к-; -ово; -ино и др.

Среди топонимов Муромского края можно выделить небольшую группу названий, связанных с историческим прошлым нашей страны. Сюда можно отнести: с. Борисоглебское. Название имеет в основе два имени: Борис и Глеб. «Борис (? – 1015), князь ростовский, сын князя Владимира 1. Убит сторонниками Святополка 1. Вместе с братом Глебом объявлен русской православной церковью святым» [9: 159]. «Глеб (? – 1015), князь муромский (XI в.), сын князя Владимира 1. Убит по приказу Святополка 1. Вместе с братом Борисом канонизирован русской православной церковью» [9: 311]. с. Булатниково. В названии лежит корень булат «из персидского пулад – сталь» [9: 176]. История

возникновения может быть связана с временами Золотой Орды, как одного из мест, где изготовлялось оружие для русских воинов. с. Карачарово. Одно из древнейших поселений в Муромском крае, неоднократно воспетое в легендах, былинах и преданиях, связанных с Ильёй Муромцем. По всей вероятности, тюркского происхождения: кар «чёрный» и чар «четыре». Но в этом случае получается бессмысленная этимология. Известна напечатанная «версия» происхождения названия Карачарово исследователя Савельева И. Е. в одном из муромских сборников. Суть её состоит в том, что в XI-XII веках по окраинам Черниговского княжества (куда входила и территория Мурома) половцами было построено как минимум 7 крепостей по границам княжества на расстоянии 130-150 километров друг от друга. Такие названия были под Владимиром и Москвой, в Смоленской области и других местах. Часть из них сохранилась (около Мурома и Москвы), большая часть утратилась. В переводе с половецкого языка кара «крепость», а Карачарово переводится как «крепость на четыре стороны» [7: 145-152]. С этой версией можно согласиться. с. Битюково. Название происходит от слова битюг. Словарь русского языка даёт такое толкование: «битюг 1. «порода сильных ломовых лошадей»; 2. разг. «о мужчине крепкого, плотного телосложения (обычно высокого роста)». Даль: битюк и битюг. – От названия реки Битюг в Воронежской области, где была выведена эта порода лошадей» (10, т. 1, 591).

Особое место занимают более поздние русские названия: с. Мордвиново и с. Черемисино (черемисы «названия марийцев до 1918 года»). Они указывают на происхождение местного населения этих сёл.

Но основную массу названий исследуемой территории составляют собственно русские топонимы более позднего происхождения (начиная с XV века), когда славянские пришельцы стали преобладающим элементом. Это топонимы, образованные от: а) русских имён: Александровка, Андреевка, Антоново, Афанасово, Глебовка, Дмитриевка, Дмитриевская Слобода, Ивань, Игнатьево, Екатерининский хутор, Климово, Макарово, Максимовка, Михалёво, Мишино, Михайлово, Петроково, Степаньково, Федорково, Юрьево и др.; б) от названий жи-

вотных и птиц: Барановка, Орлово, Соболево и др.; в) от мест расположения: Выселок, Высоково, Лесниково, Новосёлки, Подболотня и др.; г) от названий деревьев: Берёзовка, Дуброва и др. Ряд населённых пунктов имеет в названии увеличительные суффиксы, что придаёт им эмоционально-экспрессивную направленность, например: Иванищи, Межищи, Прудищи, Селищи, Столбищи и т.п.

На основании проведённого лингво-исторического анализа можно сделать следующие выводы:

а) подавляющее большинство топонимов исследуемой зоны имеет русское происхождение с суффиксами: -ов; -ово, -ино, -ка, -ищи; вероятность их возникновения с конца XV начала XVI века, особенно во второй его половине, т.е. после взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 году (они проходили через Муром);

б) небольшая группа топонимов (Борисоглебское, Булатниково, Карачарово и др.) связана с историческими событиями Муромского края;

в) особую группу составляют наиболее древние топонимы, происхождение которых связано с исконными жителями данной территории; большая их часть поддаётся расшифровке, указывая на мордовские языки, что может свидетельствовать (в совокупности с другими фактами) о том, что автохтонное население говорило именно на них или близких диалектах;

г) практически не выявлено названий населённых пунктов края с неясным (тёмным) происхождением, в частности, указывающим на особый (муромский) язык, а это может свидетельствовать в пользу того факта, что исконное муромское население в своей основе имело именно эрзянский язык или один из его диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирско-русский словарь. М.: ГИС, 1958. 804 с.
2. Голубева Л.А. Поволжские финны (Мурома) // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. с. 81- 92.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль; под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Цитадель, 1998. 4 т.
4. Мокшанско-русский словарь : 41000 слов = Мокшень-рузонь валкс : 410000 валхт / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова; НИИЯЛИиЭ при Пр-ве РМ. М. : Рус. яз.: Дигора, 1998. 920 с.
5. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: Кит-издат, 1997. 216 с.

6. Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в топонимику. Л.: Наука, 1973. 136 с.
7. Савельев И.Е. Топонимические изыскания. Карачарово (Версия) // Муромский сборник. Муром, 1993. С.145-152.
8. Смирнов А.П. Финно-угорские племена северо-востока // в кн. Очерки истории СССР. М., Изд-во АН СССР, 1958. С.137-151.
9. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 1600 с.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус.яз., 1991. Т.1: А-Б. 1991. 864 с.
11. Русско-татарский словарь: около 47000 слов / Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев и др.; под ред. Ф.А. Ганиева. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 736 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1964-1973. 4 т.
13. Эрзянско-русский словарь: коло 27000 слов / НИИЯЛИиЭ при Пр-ве РМ; под ред. Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, В.М. Мосина. М.: Рус. яз.: Дигора, 1993. 803 с.

СЫЧУГОВА Лия Павловна (*Киров, Россия*)

Вятский государственный гуманитарный университет
sychugoval@bk.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗНО-ПОНЯТИЙНОЙ ПРИРОДЫ КОНЦЕПТА РИТМ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Метод анализа синтагматических и парадигматических отношений повышает информативность слова-концепта как когнитивной единицы на примере искусствоведческого термина *ритм*. Роль указателей выполняют когнитивные признаки, проявляющиеся на уровне синтагматических и парадигматических отношений, что позволяет понять уровень осознания человеком фрагмента картины мира искусства.

Современная лингвистика связывает исследования структуры языка и структуры знания, т. е. формальные и содержательные аспекты. Метод анализа синтагматических и парадигматических отношений повышает информативность слова-концепта как когнитивной единицы.

Концепт *ритм* рассмотрен как составляющий компонент языковой картины искусствоведения. Поиск когнитивной информации концепта *ритм* проведён на основе Толково-сочетаемого словаря живописи [2: 152-156], Словаря искусства [3: 333-337], Когнитивного словаря архитектуры [4: 224-227].

В **понятийной** составляющей концепта *ритм* актуализируется сема *чередования, повторяемости, упорядоченности*, что проявляется и в этимологии слова – греч. *rhythmos* обозначает *размеренность, такт*. Развёрнутые дефиниции словарей дополняют содержательный состав концепта *ритм*, даны названия имён предметов в составе ритмического ряда: «В изобразительном искусстве чередование линий, фигур, цветовых пятен, объёмов – один из главных законов пластических искусств. В архитектуре повторяемость элементов архитектурного сооружения, упорядоченность их расположения в пространстве» [3: 333].

Представим ряд словосочетаний, называющих ряд предметов в составе ритмических элементов: *какой-л. ритм какого-л. (-ой, -ого; -их) произведения: скульптурной группы, картины...; линий, мазков, объёмов, (цветовых...) плоскостей, (композиционного...) построения, цветовых пятен, фигур, (пластических...) форм...; (протянутых...) рук, складок...; башен, блоков, венцов, галерей, закомар, кронштейнов, лоджий, окон, фасадов, фронтонов...; расстановки (каких-л. колонн...)...* Расширяется характеристика концепта по содержанию в следующих словосочетаниях: *колористический (цветовой), композиционный, орнаментальный, пластический...* и по направленности движения: *вертикальный, волнообразный, горизонтальный, лучевой, многопланный... ритм.*

Взаимосвязь концепта *ритм* представлена в системе других концептов в словарных статьях Когнитивных словарей, а также в таблицах «Средства выразительности в изобразительных искусствах» [2: 443], «Создание архитектурных форм: средства выразительности и гармонии» [3: 292].

Словообразовательная парадигма концепта *ритм* → *ритм-И'ЧЕСК-ий* свидетельствует о её непродуктивности.

Понятийная составляющая концепта *ритм* приобретает дополнительные смыслы в текстах. Например, в приведённом фрагменте прослеживаются семы: *движение, напряжение, соразмерность, гармония*: «Красота в архитектуре не сводится к украшению фасада, к архитектурной декорации... Восприятие архитектуры строится

на упорядоченной ритмической повторяемости пространственных элементов. Архитектурный ритм имеет в своей основе зрительную иллюзию «скрытого движения» и придаёт внутреннее динамическое напряжение архитектурной форме. Точно найденное соотношение элементов между собой и с целым создаёт эффект масштабной соразмерности и гармонической соразмерности...» [1: 130].

Образная составляющая концепта *ритм*. Человек воспринимает мир на предметно-образной, чувственной основе, затем закрепляет в сознании содержание воспринятого фрагмента мира посредством языковых знаков или иных условных обозначений. В искусстве индивидуум тоже представляет образ, личностно прочувствованный художественный образ. Наиболее ярко концепт раскрывается в концептуальных метафорах. Когнитивный образ *ритма* как некоей субстанции, которой человек оперирует как средством выразительности, осмысливается в следующих предикативных сочетаниях. *Ритм является одним из средств (организации архитектурной формы, воздействия на восприятие, создания композиционного единства, напряжённости...); характеризуется определёнными функциями; служит основой (для воплощения художественной идеи...; способствует (появлению какого-л. чувства, созданию какой-л. среды...)...*

Особенности работы художника, архитектора, мастера с *ритмом* как выразительным средством, выявляют следующие словосочетания: *вести (в какую-л. композицию...), изменить, использовать, образовать, подметить (в природе...), подчинить (идеи какого-л. сооружения...), показать, породить, построить, почувствовать, приобрести, противопоставить (какому-л. другому ритму), рассмотреть, сменить, создать... какой-л. ритм; восхищаться, отличаться...; объединить (какие-л. объёмы...), подчеркнуть что-л., придать (динамику, какое-л. свойство...), связать (какие-л. архитектурные объёмы...), создать (какое-л. ощущение...)... каким-л. ритмом; достигнуть (согласованности, цельности частей какой-л. композиции...)... благодаря какому-л. ритму; измениться, расположить (какие-л. колонны...)... в каком-л. ритме. О действиях художника говорят и пассивные формы: *ритм выверен, выражен (ясно, ярко...); достигнут**

(каким-л. приёмом...); найден; образован (чередованием каких-л. предметов, изменением интервалов...); получен (в результате изменения величины элементов...); построен (на каком-л. движении...)...

Самая частотная метафора представляет ритм как живую субстанцию. Назовём социальные признаки: какой-л. ритм господствует, осваивает (какое-л. пространство...); подчиняет, позволяет (представить какое-л. действие...); уступить (место...)... какому-л. ритму;

ментальные признаки: логика, магия... какого-л. ритма;

витальные признаки: какой-л. ритм нарастает; развивается (по горизонтали...); рождается (в какой-л. группе...);

деятельностные признаки: какой-л. ритм определяет (какую-л. композицию, какое-л. ощущение...); объединяет (какие-л. фигуры, формы...); придаёт (слаженность, стройность...); принимает (какую-л. форму...); проявляется каким-л. образом; раскрывает (какую-л. художественную идею, какое-л. содержание, какое-л. чувство...); связывает (какие-л. архитектурные объёмы, персонажи...); создаёт (какую-л. форму движения...);

признаки речи: ритм акцентирует что-л.; выступает (на основе каких-л. закономерностей...); выявляет (какую-л. мысль...); напоминает (какой-л. ритм труб и струн органа...);

признаки психического состояния человека: напряжённый, радостный, расслабляющий, спокойный, тревожный... ритм.

Представим признаки связи концепта с неживым миром: с миром звуков: звучный, музыкальный...;

признаки сопоставления с характером движения, чередования предметов: волнообразный, динамичный, дробный, медленный, плавный, повторяющийся, подвижный, прерывистый, размеренный, стремительный, текучий... ритм.

Ценностная составляющая концепта проявилась в словосочетаниях со словами оценки ритма как средства выразительности: богатство, изящество...; гибкость, музыкальность, плавность, подвиж-

ность, размеренность, сдержанность, чёткость, ясность... какого-л. ритма.

Таким образом, система парадигматических и синтагматических отношений представляет собой ценный дидактический материал для изучения синтаксиса, анализ отношений повысил степень информативности слова-концепта *ритм* в языковой картине мира искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутнов А.Э. Мир архитектуры. М., 1985. 235 с.
2. Сычугова Л.П. Живопись на уроках русского языка. Киров: ВятГГУ, 1998. 193 с.
3. Сычугова Л.П. Словарь искусства. Киров: ВятГГУ, 2008. 452 с.
4. Сычугова Л.П. Когнитивный словарь архитектуры. Киров: ВятГГУ. 293 с.

ТАРЛАНОВ Замир Курбанович (*Петрозаводск, Россия*)

Северный (г. Петрозаводск) филиал Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
savtar@sampo.ru

СЛУЧАЙНОСТЬ И СКРЫТАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В ВЫБОРЕ ВАРИАНТОВ В ЯЗЫКОВОМ РАЗВИТИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 15-04-00023/15 - "Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля".

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о месте и роли случайности и закономерности в процессе зарождения, смены и утверждения речевых фактов. На основе анализа данных критико-публицистического стиля языка пушкинского периода демонстрируется мнимость обычно постулируемой конкуренции при объяснении языковых изменений и доказываемая строгая обусловленность их действующими в языке системными закономерностями.

Языкознание с середины 80-х годов XX столетия отмечено неуклонным затуханием интереса к проблемам истории и исторического развития языков. Эта общая мировая тенденция не обошла и отечественную науку вопреки даже тому, что историзм, историко-культурный взгляд на языковые феномены и процессы всегда были для нее определяющими [11: 11–13]. Языкознание оказалось почти односторонне ориентированным на проблемы философии, культуры, познавательной деятельности, межкультурных коммуникаций. При этом коренные собственно лингвистические задачи отошли в сторону, хотя нерешен-

ных проблем, в том числе и исторического плана, осталось много. К таким в русском языкознании и относится, в частности, проблема становления критико-публицистического стиля русского литературного языка, которое активно проходило в первой трети XIX в., и роль в этом процессе системообразующих и внесистемных факторов.

Обратимся для примера к слову **осуд** в следующей фразе из текста критической статьи Н.И.Надеждина: *Случай сделал меня известным князю, сохранившему от времен екатерининских барскую пышность и барское меценатство к ученой братии, которое, не в осуд нашему просвещению, началось ныне выходить из моды* [7: 68].

Субстантив **осуд** в рассматриваемое время в литературном языке, в отличие от диалектного языка, представлял собой некий неологизм, вызванный к жизни насущными коммуникативно-выразительными потребностями, а также интересами демократизации литературного языка.

Что касается диалектного языка, то для него он был вполне органичен, и это подтверждается показаниями Словаря В.И.Даля, в котором он представлен в разном оформлении: *осуд* (м.р.), *осуда* (ж.р.), *обсуд* (м.р.). Параллельно существовало и слово традиционно-книжного стиля *осуждение*, см. [4: 623].

Одна из самых актуальных проблем языковой ситуации первой четверти XIX в., связанных с удовлетворением общественных потребностей в новых языковых средствах, в том числе и для критико-публицистического стиля, состояла в поиске путей создания новых слов для обозначения новых, прежде всего отвлеченных, понятий, см. [12, 13, 14]. В этом же контексте должны быть осмыслены, например, и пары слов типа **мысление** (отрасли человеческого *мысления*) [9: 203] и **мышление**, **отломки** (как *отломки* разных сосудов) [1: 134] и **обломки**, **отчина** (*поселился в отчине своей селе Горюхине*) [6: 127] и **вотчина**, **охлаждение** (*кончилось ... утомлением, охлаждением, усыплением*) [8: 167] и **охлаждение**, **подпора** (*надеяться как на подпору свою*) [3: 59] и **опора**, **претыкание** (*это камень претыкания*) [5: 130] и **преткновение**, **пробуд** (*возвестил России пробуд своего гения*) [10: 51] и **пробуждение**, **разлагание** (этот химический прибор для

разлагания истории называется исторической критикой) [2: 199] и **разложение, руссизм** (*руссизм поэмы Пушкина*) [9: 203] и **русскость** и др.

Абстрактные слова типа **осуд** в русском языке с древнейших времен чаще всего образовывались, как известно, на базе прилагательных и глаголов путем «опредмечивания», обобщения соответствующих признаков и действий, мыслимых как существующие объективно, отдельно от их носителей и деятелей, ср.: *ясный – ясность; новый – новость, новизна; естественный – естественность; ходить – ходьба, читать – чтение, объяснять (объяснить) – объяснение* и т.д.

Известно также, что подобные отаффиктивные и отглагольные существительные могут образовываться принципиально по-разному: например, путем аффиксации и безаффиксно, ср.: *принимать – прием, занимать – заем, откупить – откуп, ходить – хождение, просить – просьба, выходить – выход, явный – явь, новый – новь, новость, новизна, высокий – высь, высота* и т.д.

Такие образования трудно подвести под какую-либо строгую однонаправленно-последовательную закономерность. Они подчинены разнонаправленным закономерностям, диалектически действующим в языковой системе.

Хотя языковой системой предусмотрены оба варианта образования новых слов (и безаффиксный, и аффиксальный) на альтернативной основе, но, тем не менее, вполне можно объяснить, почему один из вариантов становится нормой, а другой застывает на уровне окказионализма или принадлежности периферийного пространства языка определенного времени.

Почему в нашем случае новообразование **осуд** не могло стать нормой литературного языка и выиграть в выразительной привлекательности в сопоставлении со словом *осуждение*?

Причин тому много, среди которых отметим следующие:

1. Главная из причин, по которым новообразование **осуд** (как и ж. р. *осуда*) не могло утвердиться в качестве литературной нормы, со-

стояла в том, что ему не доставало необходимой грамматической объемности и синтагматической гибкости.

Отглагольные существительные, образованные подобным способом, обычно возвышаются, поднимаются над категорией вида глагола, вбирая в себя семантику как совершенного, так и несовершенного видов, ср.: *Осуждение* (семантически, следовательно, и словообразовательно связано и с *осудить*, и с *осуждать*), *прием* (*принять* и *принимать*), *пробуждение* (*пробудить* и *пробуждать*), *отзыв* (*отзывать* и *отзывать*) и т.д.

Субстантив же *осуд* лишен семантического диапазона слов, образующихся по данной модели, будучи связан с производящей глагольной основой только совершенного вида.

2. Вторая причина скорее техническая и сочетаемостная, чем словообразовательная, – новообразование оказывается омонимически (паронимически) сближенным не только с разговорным императивом *осудь* (*осуди*), но и с другими его значениями, см. [4: 623].

3. Оно лишено также необходимой выразительности и грамматической гибкости (ср. формы числа и склонение).

По всем этим параметрам субстантив *осуждение* и его аналоги не только идеально соответствуют всем требованиям именных, глагольных, словообразовательных и стилистических подсистем русского языка, но и характеризуются своими высокими выразительными и эвфоническими качествами.

Это значит, что слова *осуд* и *осуждение*, как и другие слова, аналогичные им по принципиальным моментам, не могут находиться в ситуации конкурентной борьбы вопреки тому, что нередко пишут, имея в виду подобные факты: языковым феноменам чужда конкуренция – конкурируют между собой языковые вкусы говорящих и общества. Побеждает в смысле приобретения статуса нормы то слово, те серии языковых фактов, которые больше соответствует языковой системе и соотносённому с ним этноязыковому чутью, актуальному этноязыковому сознанию, эстетическим представлениям говорящих.

И в целом языковая интуиция по логике существования естественного языка соотносительна с языковой системой и порождает ре-

чевые события, не противоречащие этой системе. Однако системой определяемые потенции речетворчества даны как бы пунктирно, в общем виде и в широком диапазоне.

Системно заданное широкое поле речетворчества, породившее функциональные варианты, корректируется нормой, опирающейся на этноязыковое чутье с его установкой на удовлетворение общественно востребованных потребностей. Это и есть собственно процесс нормирования, кодификации языковых средств. Насколько значительны шансы тех или иных окказионализмов стать принадлежностью узуса и национальной литературной нормы, в значительной степени зависит и от глубины, точности и тонкости языкового чутья, интуиции их создателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгарин Ф.В. Разбор поэмы «Полтава», соч. А.С.Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 132–142.
2. Булгарин Ф.В. Правда о 1812-м годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб., 2008. С. 199–203.
3. Греч Н.И. «Денница», альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 58–61.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 623.
5. Из журнала «Галатеея». «Полтава», поэма А.Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 130–132.
6. Из «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”». Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П. // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 127–128.
7. Надеждин Н.И. «Борис Годунов». Соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 67–82.
8. Надеждин Н.И. Летописи отечественной литературы. Отчет за 1831 год // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 166–168.
9. Полевой Н. А. «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 201–230..
10. «О литературе русской». Речь, произнесенная в Атенее марсельском, в заседании 26-го июня 1830-го года князем Елимом Мещерским. Статья II // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 49–51.
11. Тарланов З.К. Традиции и перспективы русской исторической филологии на рубеже XXI века // Русская историческая филология. Проблемы и перспективы. Доклады Всероссийской научной конференции памяти Н.А.Мещерского / Отв. ред. Л.В.Савельева. Петрозаводск: КГПУ, «Периодика», 2001. С. 8–22.
12. Тарланов З.К. Относительные прилагательные и абстрактные субстантивы в русском литературном языке XIX века // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 49. С. 98–103.

13. Тарланов З.К. Абстрактные субстантивы в их отношении к норме (к истории русского литературного языка Пушкинского периода) // Слово. Словарь. Словесность. Коммуникация. Текст. Синтаксис (К 90-летию со дня рождения С.Г.Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена. 13 – 15 ноября 2013 г. СПб.: «САГА», 2013. С. 49–54.

14. Тарланов З.К. Заметки о русском литературном языке пушкинской поры // Русская речь. 2013. № 5. С. 68–73.

ТЕМИРОВА Джаннет Алибулатовна (Москва, Россия)

Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
djeka0890@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА – SINGLISH (на материале английских сообщений корпуса SMS NUS)

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности употребления лексики в асинхронной передаче информации (SMS-сообщения). Статья содержит анализ лингвистических особенностей английских SMS-сообщений. В проведенном исследовании SMS-сленг англоязычного общения был структурно разделен на два вида: сокращения и графоны.

Одной из наиболее актуальных разновидностей коммуникативной ситуации на сегодняшний день является обмен текстовыми сообщениями/SMS. **SMS** (англ. *Short Message Service* — служба коротких сообщений) — технология, позволяющая осуществлять приём и передачу коротких текстовых сообщений сотовым телефоном [1].

Служба SMS получила широкое распространение с появлением первой GSM сети, а первые текстовые сообщения были отправлены в начале 1990-х.

Популярность SMS-сообщений обусловлена рядом причин:

1) с помощью SMS-сообщений можно мгновенно обмениваться информацией без выхода в Интернет;

2) у данного вида связи очень низкая цена;

3) в случае, если у коммуникантов нет возможности говорить по телефону, они могут просто отправить сообщение, которое адресат прочтет в любое удобное для него время [2].

С целью уместить в одном сообщении как можно больше информации, которую необходимо донести до получателя, в сообщениях

стали использоваться простые сокращения. Сегодня «телефонный» диалект значительно изменился, появилось много новых слов, правил, появился SMS-сленг.

Сленг – элементы разговорного варианта той или иной профессиональной социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилистическую функцию) [3].

Как и любое другое изобретение, SMS-переписка внесла в нашу жизнь свои изменения. И в первую очередь они коснулись языка, явления по своей природе гибкого, моментально реагирующего на новшества. Профессор лингвистики Дэвид Кристалл из Университета Уэльса (город Бангор) считает, что появление нового языкового стиля и форм слов в связи с развитием Интернета и сотовых коммуникаций следует воспринимать с воодушевлением и даже восторгом. «Пророки смерти языка появлялись каждый раз, как только новая технология начинала влиять на язык» [4]. Ученый считает, что SMS-сленг является «величайшей возможностью для развития английского языка со времен изобретения печатной машины в средние века» [4].

Для SMS-текста, как и для любого языкового явления, является характерным ряд отличительных признаков. А.И. Шилоносков выделил в своем исследовании следующие лингвистические особенности SMS-сообщений:

1) несоблюдение орфографических принципов, т.е. очень часто английские SMS-сообщения напоминают искаженную транскрипцию, что доказывает тесную связь орфографии с фонетикой. Это означает, что основополагающим признаком орфографии является фонетический принцип, при котором важным является не его орфографически верное написание, а произношение слова;

2) несоблюдение правил пунктуации. Наиболее регулярным здесь является отсутствие запятой. Как отмечает А.И. Шилоносков в своем исследовании, запятая не разделяет простые предложения в

составе сложного. Отсутствие точки в конце предложения также встречается в отдельных случаях [5].

Одной из основных проблем, связанных с изучением новых форм текста (электронная почта, чат, форумы, и в частности смс), является нехватка справочных корпусов. Однако существуют проекты, направленные на создание корпусов смс, которые работают над расширением набора данных SMS-сообщений, чтобы изучить его язык, сеть и другие характеристики.

Одним из таких проектов является общедоступный корпус SMS-сообщений, разработанный исследователями Тао Чен (Tao Chen) и Мин-Йен Кан (Min-Yen Kan), работающими в Школе вычислительной техники при Национальном университете Сингапура. Важной частью их работы является сбор сообщений в общедоступный корпус, как объекта для сравнительного исследования учёных. По состоянию на декабрь 2014 года корпус насчитывал 45 062 SMS-сообщений на английском языке и 31 205 китайских SMS-сообщений.

Проанализировав англоязычные сообщения, нам удалось выделить часто встречающееся сокращение местоимения «you» в форме «u (ü):

*- Jos ask if **u** wana meet up?*

*- Aiyo... **U** always c our ex one... I dunno abt mei, she haven reply...
First time **u** reply so fast... Y so lucky not workin huh, got bao by ur
sugardad ah...gee..*

*- Can **ü** call me at 10:10 to make sure dat i've woken up...*

Вместе с тем, нельзя не сказать об особом и весьма важном месте, занимаемом пунктуацией в СМС-текстах. Очень важное место среди пунктуационных знаков занимает многоточие. Оно служит для выражения паузы, начала или завершения фразы, а также выступает в качестве «пробела»:

*- No break time one... How... I come out n get my stuff fr **ü**?*

*- How i noe... Did **ü** specify da domain as nusstu... **Ü** still in sch...*

*- Leave it wif me lar... **Ü** wan to carry meh so heavy... Is da num
98321561 familiar to **ü**?*

Как известно таким типом коммуникации, как SMS-сообщения, чаще пользуется молодежь – носители особенного языка, для которых характерно использование сленга.

Проанализированные сообщения (всего 470 сообщений) корпуса SMS NUS позволили выделить часто встречающиеся английские слова, относящиеся к сленгу:

- Wana (want to) – в 48 сообщениях из 470:

- *Hey gals...U all **wanna** meet 4 dinner at nite?*

- *I noe la... U **wana** pei bf oso rite... K lor, other days den...*

- *Yun ah.now ü wkg where?btw if ü go nus sc. Ü **wana** specialise in wad?*

- Thx (thanks) – в 22 сообщениях:

- *Ok... **Thx**... Gd nite 2 ü too...*

- ***Thx** 4 sending me home...*

- *Yup no more already... **Thx** 4 printing n handing it up.*

- Neva (never) – в 55 сообщениях:

- *He **neva** grumble but i sad lor... Hee... Buy tmr lor aft lunch. But we still meetin 4 lunch tmr a not. **Neva** hear fr them lei. Ü got a lot of work ar?*

- ***Neva** mind it's ok..*

- *In sch but **neva** mind u eat 1st lor..*

- Tmr (tomorrow) – в 31 сообщении:

- *All e best 4 ur driving **tmr** :-)*

- *He neva grumble but i sad lor... Hee... Buy **tmr** lor aft lunch. But we still meetin 4 lunch tmr a not. Neva hear fr them lei. Ü got a lot of work ar?*

- ***Tmr** then ü brin lar... Aiya later i come n c lar... Mayb ü neva set properly ü got da help sheet wif ü...*

Также проанализировав сообщения данного корпуса, мы структурно разделили SMS-сленг на два вида: сокращения и графоны.

Сокращения же используются, чтобы удалить ненужные части слов, сохраняя при этом их смысл. Часто устраняются гласные, однако полную форму слова можно легко восстановить. В сокращениях могут удаляться произносимые буквы. Например, слово think во многих сообщениях передавалось как thk:

- Sun ah... **Thk** mayb can if dun have anythin on... **Thk** have to book e lesson... E pilates is at orchard mrt u noe hor...
- **Thk** shld b can... Ya, i wana go 4 lessons... Haha, can go for one whole stretch...
- Hmmm... Guess we can go 4 kb n power yoga... Haha, dunno we can tahan power yoga anot... **Thk** got lo oso, forgot liao...

Графоны - слова, в которых используются символы: цифры, знаки препинания.

В SMS-тексте у многих символов появляются так называемые «дублиеры» в виде цифр, т.е. английские буквы и их сочетания могут быть заменены цифрами схожими по звучанию. На примере английских сообщений данного корпуса можно показать, как предлог «for» очень часто был заменен цифрой «4 (four)», произношение которой практически идентично произношению данного предлога. По тому же принципу предлог «to» может быть заменен цифрой «2 (two)»:

- *Thk some of em find wtc too far... Weiyi not goin... E rest i dunno yet... R ur goin **4** dinner den i might b able to join...*
- *Yupz... I've oredi booked slots **4** my weekends liao...*
- *My fri ah... Okie lor, goin 4 my drivin den go shoppin after tt...*
- *Do u noe how **2** send files between 2 computers?*

Проведенный анализ показал, что в SMS-сообщениях все чаще используются сокращенные формы слов, среди которых можно выделить сокращения и графоны. Что касается пунктуации, важное место здесь занимает многоточие, которое служит для выражения паузы, начала или завершения фразы.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://ru.wikipedia.org>
2. Grinter, R.E. and Eldridge. M. 2006. Chatting with Teenagers: Considering the Place of Chat Technologies in Teen Life. ACM Transactions on Computer-Human Interaction, Vol. 13, No. 4, December, 423–447.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966
4. Crystal, D. Language development via the Internet [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.bangor.ac.uk>
5. Шилоносков, А.И. Графические особенности СМС-текста [Электронный ресурс]/ А.И. Шилоносков. - Электронные текстовые данные. - Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2009>

ТЕРЯХИНА Елена Николаевна (*Владимир, Россия*)
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
comets.elena@gmail.com

РЕДУПЛИКАЦИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
(на материале произведений В.А. Солоухина и текстов СМИ
Владимирской области)

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)

Аннотация. Статья посвящена одному из переходных явлений в области русской фразеологии, а именно словам-повторам – *редупликации*. Представлена классификация редупликантов, использующихся в произведениях известного владимирского писателя В.А. Солоухина (1924-1997) и текстах средств массовой информации (СМИ), распространенных на территории Владимирской области.

Дискуссионным вопросом отечественной лингвистики на современном этапе ее развития остается проблема *редупликации* как одного из переходных языковых явлений русской фразеологии. По мнению одних ученых, образование слов путем редупликации является самостоятельным способом (Г.Б. Антрушина, О.Ю. Крючкова, Ф.Р. Минлос [1; 5]), по мнению других – входит в состав словосложения (О.Д. Мешкова, Е.В. Федяева [7]). Как отмечают исследователи, «в зарубежном языкознании сложилось мнение, что редупликация является самостоятельным способом словообразования, тогда как российские ученые спорят о том, возможно ли выделение удвоения основы в самостоятельный тип» [2: 54].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (автор статьи – В.А. Виноградов) дается следующая дефиниция обсуждаемого понятия: «*Редупликация* ... – это фонеморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная Р.) или целого корня (полная Р.). Предельный случай Р. – **повтор**, то есть удвоение всего слова (ср. рус. *еле-еле, белый-белый*), образование таких форм смыкается со *словосложением*. При Р. гласный звук корня может повторяться, но может появляться и другой гласный ...» [3: 408].

По мнению Г.Б. Антрушиной, редупликация – «словообразовательный процесс, главной моделью которого является удвоение осно-

вы без фонетических изменений, либо с изменением корневой гласной. Представление о русской редупликации зачастую ограничивается примерами лексемных повторов типа *большой-большой, синий-синий, ходишь-ходишь* – предельные, смыкающиеся с повтором, случаи редупликации» [1: 12].

А.М. Зарипова дает следующее определение указанному языковому явлению: «редупликация – феномен языковой игры, проявляющийся в традиционных детских стихах и приобретающий в конкретных языках национально-культурную специфику ...» [4: 22].

Следует отметить, что разные языки мира отличаются друг от друга по частотности и роли слов-повторов в речи. Названный феномен анализировал выдающийся лингвист Эдвард Сепир, который писал: «Нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения редупликации, иными словами, повторения всего или части корневого элемента. Этот процесс обычно используется с самоочевидным символизмом для обозначения таких понятий, как распределение, множественность, повторность, обычность действия, увеличение в объеме, повышенная интенсивность, длительность» [6: 82]. В разговорном языке, как отметил Сепир, повторы распространены гораздо больше, чем в книжном или деловом, чем объясняется их частотность в текстах средств массовой информации (СМИ).

Слова-повторы (или *редупликаты*) классифицируются на следующие структурные группы:

1) точные (или дословные): *едва-едва*, (например, «Они, бывает, и со своими территориями **едва-едва** справляются» [АиФ, 2014.05.21]); *тихо-тихо*, например, «Каждый прикинул про себя этот срок, наложил его на свои годы, и стало как-то **тихо-тихо** за столом и в доме» [В.А. Солоухин. Смех за левым плечом]; *только-только* (например, «**Только-только** зазеленела травка на обочинах тротуаров, а ее заставил сжаться холодный забияка-ветер» [АиФ, 2014.05.14];

2) повторы, при которых изменяется склонение или же добавляются связки (предлоги, приставки, суффиксы): *точь-в-точь* (например, «Голубовато-зеленая поверхность бугорков густо покрыта мелкими

крапинками – **точь-в-точь** как у астрофитумов! [Владимирские ведомости, 2014.02.06]; дурак дураком (например, «Этот Ходов – он же **дурак дураком был**» [Комсомольская правда, 2014.08.31]»); **видимоневидимо** (например, «А вот выходцев из других стран **видимоневидимо**: китайцы, узбеки, кавказцы, таджики...» [Комсомольская правда, 2012.01.20]);

3) повторы с заменой одной гласной или согласной буквы: **тарыбары**, например, «Пока придешь, пока **тарыбары**, глядишь, обеденный перерыв» [В.А. Солоухин. Последняя ступень];

4) повторы, образуемые по принципу синонимичного сочетания гласных/согласных (аллитерация) или превалирующего слога: **там и сям** (например, «Каждая травинка, каждый упавший на землю лист, каждая соломинка, каждая паутинка, протянутая **там и сям**, - все обсыпано сахарной пудрой» [В.А. Солоухин. Третья охота («Рыжик настоящий»]; **то да се**, (например, «Значит, приезжает человек в Москву. **То да се...** Дела, какие надо, сделает» [Криминальная хроника, 2003.06.10]; с **бухты-барахты** (например, «Люди тоже думают, не с **бухты-барахты** начали строить эту дамбу» [Фонд «Общественное мнение», 2003]; **шиворот-навыворот** (например, «Что за оригинальная компания? Положительно все теперь **шиворот навыворот!**» [Комсомольская правда, 2012.03.26];

К четвертой группе также относятся устойчивые синонимичные присловья, например, **подобру-поздорову**, **долго ли**, **коротко**, **серединка на половинку**, или пословицы, возникшие из повтора (**на чужой роток не накинешь платок**). В выражении **целиком и полностью**, как заметил К.И. Чуковский, из-за аллитерационной связки слова усиливают смысл друг друга [8: 180].

Рассмотрев редупликацию как особое языковое явление, следует обобщить его свойства, среди которых отмечается превалирующая употребляемость в разговорной речи, основанность на повторе как главном образующем новые единицы принципе, использование в большей степени для выражения экспрессии разного рода, оттенков значения, что отражается в художественных и публицистических текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2001. 288 с.
2. Арсентьева Е.Ф., Валиуллина Р.Б. Редупликация в современном английском и русском языках // Филология и культура. 2013. №1. С. 12-16.
3. Виноградов В.А. Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 408.
4. Зарипова А.М. Лингвокультурологический анализ редупликации в традиционных детских стихах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 2008. 22 с.
5. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. 184 с.
6. Сэпир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 26-202.
7. Федяева Е.В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества // Известия РГПУ им. А. Герцена. 2008. № 33 (73). С. 469-472.
8. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей / Сост. и коммент. Е. Чуковской, П. Крючкова. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. 606 с.

ТРОФИМОВИЧ Тамара Григорьевна
(*Минск, Беларусь*)

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
t.trof@mail.ru

НАДПИСЬ НА КРЕСТЕ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ 1161 ГОДА: ОПЫТ ИСТОРИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению стилистических особенностей известного памятника древнерусской письменности – надписи на кресте Евфросинии Полоцкой. Выявление и анализ структурно-композиционных и языковых черт осуществляются с применением современных приемов историко-лингвистических исследований. Автор доказывает, что текст надписи выполнен в традициях древнерусской деловой письменности.

Термин «историческая стилистика» впервые появляется в работе Г.О. Винокура «О задачах истории языка» (1941). С тех пор принято вычленять это особое направление исторического языкознания, которое продолжает оставаться актуальным и в настоящее время. Исследовательские усилия в наши дни по-прежнему направлены на выявление стилистических особенностей памятников письменности различных жанров, различной временной и территориальной принадлеж-

ности. Стиль при этом понимается как совокупность структурно-композиционных и языковых черт текстов определенного жанра [2: 2].

Выполненные работы по исторической стилистике русского и белорусского языков однозначно указывают на существенную значимость структурно-композиционных черт памятников письменности в определении их стилистической специфики. Исследования О.В. Бараковой, С.С. Волкова, В.Я. Дерягина, Е.И. Зиновьевой, А.П. Майорова, О.В. Зуевой, О.А. Климкович и др., посвященные анализу русских памятников письменности, а также работы Н.В. Полещук по изучению старобелорусских памятников, свидетельствуют о том, что оформился некий порядок выявления структурно-композиционных особенностей древних текстов [7]. Как показывает практика историко-стилистических исследований, такой подход и такой порядок изучения продуктивны.

Известно, что одними из наиболее древних письменных памятников в истории русского языка являются надписи или граффити. К середине XI века относятся надписи на стенах соборов, на колоколах, крестах, на печатях, монетах, украшениях [4: 16]. Сохранившиеся надписи не одинаковы по объему: они могут состоять из одного слова, как, например, надпись на сосуде Гнездовского кургана, или представлять собой текст различного объема. В историческом языкознании наиболее известными являются надпись на Тьмутараканском камне 1068 года и надпись на чаре Владимира Давыдовича 1139 года.

Особое место среди надписей как памятников древнерусской письменности занимает надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года. Надпись была помещена на напрестольном шестиконечном кресте размером 51 сантиметр. Деревянный в основе крест был окован со всех сторон серебряными, золочеными и золотыми пластинами, украшенными эмалью, жемчугом и драгоценными камнями. Крест изготовил мастер Лазарь Богша по заказу полоцкой княжны Евфросиньи Георгиевны и пожертвован ею в Спасский монастырь в Полоцке [5: 41]. Известно, что крест был утрачен во время Великой Отечественной войны, а в 1997 году брестским ювелиром Николаем Кузьмичом была изготовлена полноразмерная его копия.

Надпись на кресте образует довольно пространный текст, который представляет несомненный интерес, в том числе и в аспекте исторической стилистики. Анализ структурно-композиционных особенностей текста надписи позволяет утверждать, что перед нами не что иное, как пример древнерусской деловой письменности.

Ранее уже отмечалось, что в практике историко-стилистических исследований применяется особый порядок структурно-композиционного анализа памятников письменности. Он включает прочтение документа, определение предназначения текста, деление текста на части (клаузы), выявление общей схемы построения документа и возможных отступлений от этой схемы, а также выделение в каждой части формул (трафаретных выражений) – конструкций, представленных словосочетаниями или предложениями, которым свойственны относительно устойчивая синтаксическая структура, постоянный словарный состав, повторяемость и воспроизводимость) [2; 7].

Текст анализируемой надписи начинается с традиционного указания на время создания акта (*Въ лето 6669*), изложения обстоятельств происходившего (*покладаеть офросинья чьстьныи крестъ въ монастыри своемъ въ церкви стго спаса*) и краткого описания самого креста (*чьстьное древо бесценно есть, а кованье его злото и серебро и камень и жьнчюгъ въ 100 гривнь*). (По техническим причинам текстовые примеры мы приводим в упрощенной орфографии). По сути, приведенные части надписи можно считать тем, что в историко-стилистических исследованиях называется *datum* (место и время создания акта) и *narration* (изложение обстоятельств дела). Укажем, что автор надписи использует для именованя описываемого предмета словосочетания *чьстьныи крест* и *чьстьное древо*, где *древ*о может означать не только материал, из которого изготовлено изделие, но быть синонимом к слову *крест* [8, в. 4: 353].

Основная часть текста надписи представляет собой императивную конструкцию, содержащую распоряжение о том, как должен храниться и использоваться крест. Автор говорит о том, что крест не должен выноситься из монастыря никогда, его нельзя продавать или отдавать; если же кто-то решит поступить по-другому, он будет наказан.

Типичными являются построения с частицей *да* (*да не изнесетъ ся из манастиря; да не буди ему помощникъ чьстьныи крестъ; да будетъ проклять святою животворящею троицею*), а также факты использования формы *буди* (*и буди ему часть съ иудюю; а буди ему клятва*).

Из истории форм повелительного наклонения известно, что формы 3 лица единственного числа обычно включается в систему исходных форм русского языка XI в., однако указывается, что их «нельзя назвать побудительными в собственном смысле этого слова: в них выражено пожелание, долженствование и т.п., но не побуждение к действию» [6: 137]. Установлено также, что формы с частицей *да* использовались в древнерусском языке по образцу старославянских текстов, что они представляют собой сочетание формы настоящего (будущего) времени с указанной частицей и выражают предписание как один из видов побуждения, связывая выраженное побуждение с планом будущего [1: 314-315].

Действительно, восходящие к праславянскому оптативу формы как нельзя лучше выражают мысли автора надписи о том, что происходящее в настоящем обращено в будущее: созданный крест обладает нравственной и материальной ценностью и должен служить монастырю, которому он пожалован. На связь настоящего с будущим напрямую указывает фраза: *аще кто преслушаетъ, изнесетъ и от манастиря, да нем будетъ ему помощникъ чьстьныи крест ни въ съвекъ, ни въ будущи.*

Для основной части анализируемого текста характерно своеобразное противопоставление: перечисляется то, чего нельзя делать с крестом, затем указывается на то, что будет с тем, кто нарушил запрет (*и буди ему часть с иудюю, иже преда христа; а буди ему клятва*). При этом довольно пространные рассуждения о неизбежных наказаниях завершаются позитивным утверждением: *си офросинья же раба Христова, стяжавшая крестъ сии, приметъ вечную жизнь*. В приведенной фразе использовано действительное причастие прошедшего времени от глагола *стяжати*, одним из значений которого в древнерусском языке было *'дать средства на изготовление, сооружение*

чего-либо' [8, в. 28: 231]. Иллюстративные примеры в «Словаре русского языка XI – XVII» включают и приведенную цитату из анализируемой надписи.

Завершается надпись фразой, которая образует особую клаузу. Это обращение к Богу с просьбой о помощи: *господи, помози рабу своему Лазорю, нареченому Богши, съделавъшему кръсть сии цръкви святаго спаса и Офросиньи*. Очевидно, что эта часть текста может быть рассмотрена как *invocatio* (посвящение, обращение к богу) и *subscriptio* (подпись).

Следует обратить внимание не только на композиционно-содержательные особенности текста надписи, но и на общую характеристику ее стиля. Надпись сориентирована на образцы книжно-литературной письменности. Об этом свидетельствует частое упоминание христианских символов и образов: животворящая троица, святые отцы, седьмой собор святых отцов, Иуда. Эмоциональный тон надписи тоже выдержан в основном в традициях религиозных христианских текстов: Господь видит благие дела, их нужно совершать, стремясь к вечной жизни.

С современной точки зрения из общего тона христианского текста несколько выбиваются две фразы из основной части: *да будетъ проклять святою животворящею троицею и а буди ему клятва*. Неужели автор имел в виду проклятие как пожелание чего-то плохого? Безусловно, нет. Слова *проклятие* и *клятва*, известные древнерусскому языку периода первых письменных памятников, имели много значений, основное из которых может быть определено как 'осуждение, отлучение от церкви, анафема' [8, в. 20: 153]. Следовательно, тон христианского текста автор надписи не нарушал, не желая никому ничего негативного.

Подведем итоги предпринятого нами анализа текста надписи. Есть все основания считать, что перед нами образец древнерусской деловой письменности, содержащий книжные элементы. В тексте достаточно отчетливо выделяются композиционные части, которые характерны для деловой письменности: *datum* (место и время создания акта), *narration* (изложение обстоятельств дела), *invocatio* (посвящение,

обращение к богу) и *subscriptio* (подпись). Назначение надписи (констатация факта пожалования креста и распоряжение о том, где и как должен использоваться крест) тоже позволяет сближать ее с текстами делового содержания. Выбор языковых средств, структура конструкций свидетельствуют в пользу тесной связи написанного с традициями деловой письменности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. 360 с.
2. Дерягин В.Я. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов // ВЯ. 1980. № 4. С. 97 – 107.
3. Зуева О.В. Стиль эпистолярных текстов XI – XVII веков и его место в истории русского литературного языка. Минск, 2009. 25 с.
4. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990. 400 с.
5. Иванов В.В., Сумникова Т.А., Панкратова Н.П. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1990. 497 с.
6. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. 437 с.
7. Полещук Н.В. О деловом стиле старобелорусского языка // *Meninis tekstas: Suvokimas. Analis. Interpretacija*. Nr. 5. Vilnius, 2006. S. 324–330.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Гл. ред. Г.А. Богатова. М., 1975-2000. Вып. 1-24.

ТРУШКИНА Юлия Ивановна (*Саранск, Россия*)

Мордовский государственный педагогический институт
имени Макара Евсевьевича Евсевьева
tyi_80@mail.ru

СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАДУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»)

Аннотация. Градосема (сема меры, степени проявления признака) наблюдается у многих суффиксов, участвующих в словообразовании имен существительных. Большинство суффиксов придают именам существительным уменьшительное значение, совмещая значение размера и оценочной характеристики.

К словообразовательным средствам выражения градуальной семантики в русском языке относятся суффиксы и префиксы (приставки). Градуальное значение присуще тем суффиксам и приставкам, которые обладают семой меры, степени проявления признака.

В русском языке существуют суффиксы, которые, не меняя общего значения производящего слова, придают производным словам

гранд-оттенки. Градосема (сема меры, степени проявления признака) наблюдается у многих суффиксов, участвующих в словообразовании имен существительных.

Большинство суффиксов придают производным именам существительным уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение.

Уменьшительно-ласкательное значение именам существительным придают следующие суффиксы:

-ец: *Штабс-ротмистр Поцелуев... такой славный! усы, **братец**, такие!; Нет, матушка, другого рода **товарец**: скажите, у вас умирали крестьяне?;*

-к(а): *У вас, матушка, хорошая **деревенька**. Сколько в ней душ?; И весьма часто, сидя на диване, вдруг, совершенно неизвестно из каких причин, один, оставивши свою трубку, а другая работа, если только она держалась на ту пору в руках, они напечатлевали друг друга такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную **сигарку**;*

-ек/-ик: *Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или **кусочек** яблочка, или конфетку, или **орешек** и говорил трогательно-нежным голосом, выразившим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой **ротик**, я тебе положу этот **кусочек**»;*

-ок: *А **блинков**? – сказала хозяйка (им. п. **блинок**);*

-онок: *Засим это странное явление, этот съездившийся старичишка проводил его со двора, после чего велел ворота тот же час запереть, потом обошел кладовые, с тем чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на всех углах, колотя деревянными лопатками в пустой **бочонок**, наместо чугунной доски...; Вот **волчонок**;*

-очк(а): *Бессонница. Все поясница болит, и нога, что повыше **косточки**, так вот и ломит; Он заглянул в **щелочку** двери, из которой она было высунула голову;*

-ц: *У вас, матушка, **блинцы** очень вкусны, – сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие; «Чей ты?» – говорит капитан-*

исправник, вернувши тебе при сей верной оказии кое-какое крепкое слово;

Уменьшительно-уничижительное значение именам существительным придают суффиксы:

-ушк(а): *Дружбу заведут, кажется, навек; но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке; Да у ней деревушка не маленька;*

-ишк: *Нет, матушка, – отвечал Чичиков, усмехнувшись, – чай, не заседатель, а так ездим по своим делишкам; В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно;*

-ешк(а): *«Славная бабешка!» – сказал он [Чичиков], открывши табакерку и понюхавши табаку;*

-енк(а)/-онк(а): *Однако ж мужички на вид дюжие, избенки крепкие; Издали тащилась еще колясочка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней с изолированными хомутами и веревочной упряжью.*

В современном русском языке существуют суффиксы, которые производным именам существительным придают иной гранд-оттенок – увеличительное значение. К таким суффиксам относится суффикс *-ищ*. Например: *Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете: машиница такая, что в эту комнату не войдет; нет, это не мечта! А в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади; хотел бы я знать, где бы вы в другом месте нашли такую мечту!*

Формулируя высказывание, говорящий для обозначения усиленной степени проявления признака использует не один суффикс, а два: так, суффикс *-к(а)* с уменьшительным значением может присоединяться к образованиям, уже содержащим суффикс *-ин(а)* с увеличительным значением. Например: *Барин, подай сиротинке*. Присоединяясь к уже мотивированным именам существительным, суффикс *-к(а)* обозначает усиленную степень ласкательности.

Многие имена существительные с указанными суффиксами имеют в словаре пометы «разговорное», «просторечное», «устаревшее», «шутливое», «уменьшительное», «фамильярное».

Таким образом, суффиксы придают значению производного имени существительного гранд-оттенки – значение большей или меньшей степени проявления признака. Суффиксы *-ец, -к(а), -ек/-ик, -ок, -онок, -очк(а), -ц; -ушк(а), -ишк, -ешк(а), -енк(а)/-онк(а)* в современном русском языке придают именам существительным уменьшительное значение, совмещая значение размера и оценочной характеристики (значение ласкательности или уничижительности). Суффикс *-ищ* несет в себе значение увеличительности. Наиболее продуктивными являются производные имена существительные с суффиксами *-к(а), -ек/-ик*. Отметим, что все указанные суффиксы функционируют при образовании имен существительных от имен существительных, изменяя только оттенки производных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. М. : Правда, 1984. 320 с.
2. Белоглазова Е.В. Градуальная функция разноуровневых средств русского языка: учебное пособие. Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2006. 82 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972. 614 с.
4. Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: учебное пособие. М. : Высшая школа, 2010. 280 с.

УСТЮГОВА Людмила Михайловна (*Ужгород, Украина*)

Ужгородский национальный университет
ustyugova_l_m@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В РОМАНЕ М. САЛТЫКОВА- ЩЕДРИНА «ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА»

Аннотация. Страдательные причастия, представленные в романе М. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина», отличаются не только сравнительно высокой частотностью своего использования (более 1300 единиц), но и функционально-стилистическим разнообразием (атрибутивное и предикативное употребление, явления адъективации и субстантивации), что даёт возможность на их примере рассмотреть некоторые тенденции к грамматической стандартизации, характерной для русского литературного языка второй половины XIX в.

Роман "Пошехонская старина", опубликованный в 1887 – 1889 годах, является последним творением М.Е. Салтыкова-Щедрина. Это

многоплановое произведение, совмещающее в себе три слоя: "хронику", или "житие" (повесть о детстве), историко-бытовую панораму (картины жизни в помещичьей усадьбе при крепостном праве) и публицистику (обличение духа крепостничества в идеологии и политике России 80-х годов XIX века) [2: 2-3]. Сюжетная многоплановость предопределяет и языковую многоплановость данного романа, в котором наряду с книжным языком широко отражена разговорная речь, причём речь представителей разных социальных слоёв. В этом романе сравнительно широко употребляются страдательные причастия, для которых характерен широкий диапазон синтаксических функций – «от чисто атрибутивных до чисто предикативных» [3]. Между этими полюсами находится 3 подгруппы причастных конструкций, приобретающих в тексте большую или меньшую степень предикативности. В настоящей статье мы предприняли попытку рассмотреть функционально-стилистические особенности страдательных причастий прошедшего времени, зафиксированных в романе М. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».

В таблице 1 приведены результаты количественного анализа страдательных причастий с учётом их основных функций, времени, краткой / полной формы (для причастий в предикативной функции) и частотности употребления. Числа в позиции до косой линии обозначают количество словоформ причастий, а после косой линии – количество их словоупотреблений в тексте:

Таблица 1. Сравнение количества страдательных причастий в атрибутивной и предикативной функциях

Функции Время	Атрибутивная		Предикативная			
	Настоящее время	Прошедшее время	Настоящее время		Прошедшее время	
			краткие	полные	краткие	полные
Всего:	57 / 101	377 / 592	9 / 14	4 / 5	257 / 483	96 / 117
Частотность	1,8	1,6	1,6	1,3	1,9	1,2
Общий итог	434 / 693 (1,6)		13 / 19 (1,5)		353 / 600 (1,7)	
			366 / 619 (1,7)			
	800 / 1312 (1,6)					

Материалы таблицы 1 показывают, что всего в тексте анализируемого романа представлено 800 словоформ страдательных причас-

тий, частотность употребления которых в среднем равна 1,6. Это свидетельствует о лексическом разнообразии причастий в данном романе. И в атрибутивной, и в предикативной функциях явно преобладают словоформы прошедшего времени, составляющие соответственно 87% (377 словоформ) и 96 % (353 словоформы). С точки зрения функций в тексте наблюдается незначительное преобладание атрибутивных словоформ – соответственно 54% (357 словоформ) и 46% (357 словоформ). В подгруппе предикативных причастий краткие словоформы составляют 72% (257 словоформ).

Анализируя особенности употребления страдательных причастий в тексте романа «Пошехонская старина», мы ориентировались на классификацию «Русской корпусной грамматики» [3], расположив наши примеры с учётом степени их предикативности. Поскольку нами использовался электронный вариант текста романа без фиксированного обозначения страниц, при паспортизации примеров 1-й цифрой (цифрами) обозначается номер главы, а через дефис – номер страницы.

1. В нашем материале наибольшую подгруппу составляют причастия, для которых характерно применное **рестриктивное употребление**. Этим причастиям в наименьшей степени присуще предикативное начало. В анализируемом романе такие причастия образуют различные группы – (1) одиночные и с зависимыми словами, (2) разные варианты однородных членов предложения, (3) синтаксические ряды с согласованными и несогласованными определениями и т.д. Например: (1, 2) ***Сквозь запыленные и захватанные стекла окон с трудом можно было разобрать, что делается на площади. 29-731; Ни рощи, ни сада при усадьбе нет; ничего, кроме миниатюрного круга, посыпанного песком и обсаженного старыми липами... 28-674;*** (3) ***...дети же постоянно теснились: днем – в небольшой классной комнате, а ночью – в общей детской, тоже маленькой, с низким потолком и в зимнее время вдобавок жарко натопленной. 2-63.***

По отношению к модифицируемому имени рестриктивные причастия употребляются в препозиции (*К сожалению, они оказались правы и в наказание **отняли** у священника **найденную в сапогах сумму.***

9-239; ...по завершению дополнительного следствия, **привезенной из полка капитанской кисе** последовал скорый и немилостивый конец 8-219) и постпозиции (...[дети] бегают по длинной **террасе, выстроенной вдоль всей лицевой стороны дома**. 4-11) и т.д.

2. Для 2-й подгруппы приименных причастий характерно **нерестриktivное** (аппозитивное) употребление, при котором наблюдается передача какой-либо фоновой, побочной информации. Между содержанием причастной и главной клауз часто устанавливаются дополнительные смысловые отношения – причинные (**Охваченная одной и той же мыслью, матушка все дела запустила**. 25-550), уступительные (**Но старый слуга, даже окутанный облаком агонии, почувял приближение барыни и коснеющим языком пробормотал: – Молотьба... 25-553**), образа действия (...**теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осиянные светом, и громко вопияли против прирожденной несправедливости**, 5-142) и т.д.

Следует отметить, что обстоятельственные оттенки значения наиболее отчётливо проявляются в тех случаях, когда причастия оказываются в одном синтаксическом ряду с обстоятельствами, выраженными деепричастиями, наречиями и др. Ср.: **Посмотрите, как дети беззаботно и весело резвятся, всецело погруженные в свои насущные радости и даже не подозревая, что в окружающем их мире гнездится какое-то злое начало, которое подтачивает миллионы существований** 6-143. В данном примере причастный оборот, находясь в одном синтаксическом ряду с деепричастным оборотом, имеет отчётливо выраженное значение обстоятельства образа действия.

3. В 3-ю подгруппу мы включили атрибутивные по своей природе структуры, располагающиеся между адвербиалами и определениями. Это депиктивы, или депиктивные вторичные предикаты. Такие конструкции содержат два предикативных элемента – главный предикат и депиктив, который, входя с главным элементом в одну клаузу, не инкорпорируется с ним и не образует сложный предикат. Кроме того, имея контролер, т.е. относясь к одному из партиципантов главного предиката, депиктивы не являются синтаксическими определениями своих контролеров (См. [1: 140-143], [3] и др.). В нашем материале мы

выделили небольшое количество примеров с депиктивами. Ср.: *...письмо складывается на манер узелка и <...> отправляется по назначению, незапечатанное. 4-107; Стоит будто он [Сатир] в ангельском образе, окутанный светлым облаком... 23-530.*

4. Депиктивные конструкции во многом схожи с комплементативными структурами, в которых причастия заполняют семантическую валентность глаголов восприятия или мыслительной деятельности (считать, полагать, предполагать и т.д.). Например: *Детские комнаты <...> нередко оставались по несколько дней неметенными... 2-65; Только недальнозорким умам эти точки кажутся беспочвенными и оторванными от действительности... 6-145.* В анализируемом тексте в таких конструкциях причастия употребляются не только в творительном падеже, но и довольно часто – в именительном: *...она [Матрёнка] бродила задумчивая, сосредоточенная. 22-505; Милочка вышла из трактира недовольная, измученная. 29-733; Тетенька <...> сидела сосредоточенная, готовясь к наступающему празднику. 10-271.*

5. В заключение отметим, что в романе «Пошехонская старина» причастия довольно часто употребляются предикативно, т.е. входят в состав сказуемого. В этой функции представлены не только краткие формы страдательных причастий, но и полные. Ср.: *Лицо его [Клюкви-на], сухое, подернутое желтизной, <...> глаза мутные, слезящиеся... 13-355; Само собой разумеется, названия эти вымышленные. Сн.-41; Дом был обширный, но построенный на старинный лад и обезображенный множеством пристроек... 27-575.* Характерно, что в анализируемом тексте причастия в форме именительного падежа встречаются чаще, чем в творительного: *Он [мелкопоместный крестьянин] <...> в общей массе измученных людей был самым измученным. 1-46.*

Как указывалось выше, в подгруппе предикативных причастий 72% (257 словоформ) составляют краткие словоформы. Например: *Даже матушка прифрантилась; на ней надет коричневый казимировский капот, обшитый домашними кружевами; на голову накинута тюлевая вышитая косынка. 7-165 В комнатах натоплено, <...>*

ставни закрыты, 13-352; И накурено же у него табачищем в камерке – не продохнешь! даже Трезорка чихает, – говорили они, – а нагажено, напакощено – страсть! 11-281. Следует отметить, что из 456 зафиксированных нами примеров предикативного употребления кратких причастий 48% (221 пример) составляют сказуемые без связок. В роли связки используется глагол *быть* в форме прошедшего времени (...на другой же день в «Уголок» **был послан нарочный** с приказанием приготовить что нужно для принятия хозяек. 7-174; **Минуты**, когда ворота малиновецкой усадьбы заперлись перед ними навсегда, **были сочтены**. 7-182) и изредка – будущего: ...в будущем веке **она** [Аннушка] **будет сторицею вознаграждена** за свои временные страдания. 18-444; *Подходит к косцам* [Арсений Потапыч], с удовольствием видит, что к концу вечера и **луг будет совсем выкошен**. 28-682.

Ввиду ограниченного объёма статьи, мы коснулись только некоторых особенностей функционирования причастий в романе «Пошехонская старина». Наиболее ярким признаком, отличающим употребление страдательных причастий в анализируемом тексте от современной нормы, является преобладание форм именительного падежа в тех случаях, где сейчас чаще употребляется творительный падеж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выдрин А.П., Ландер Ю.А. Рецензия: Secondary predication and adverbial modification. The typology of depictive / Ed. By N.P. Himmelmann, E. Schultze-Berndt. Oxford; New York: Oxford university press, 2005. xxvi+ 474 p. // Вопросы языкознания. 2007. №1. С. 140-143.
2. Макашин С.О «Пошехонской старине» // Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М.: Худ. лит-ра, 1975. С. 2-40. // Электронный ресурс. Режим доступа <http://lib.aldebaran.ru>
3. Русская корпусная грамматика // Электронный ресурс. Режим доступа <http://rusgram.ru>
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М.: Худ. лит-ра, 1975. 819 с. // Электронный ресурс. Режим доступа <http://lib.aldebaran.ru>

УШАКОВА Алина Павловна (Ярославль, Россия)

Ярославский государственный педагогический университет
имени Константина Дмитриевича Ушинского
alliyha@mail.ru

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются эллиптические предложения, которые, являясь средством синтаксической компрессии, в заголовках газетных статей реализуют различные значения в видоизмененных структурах.

В современном русском языке происходят активные процессы, следствием которых является изменение условий функционирования языка, построения текста, системы языка [4: 31]. Большое значение при этом имеет широкое распространение предложений сжатой структуры, среди которых распространены эллиптические.

Под эллиптическими предложениями нами понимаются конструкции неполные по структуре, но полные по семантике, отсутствующий член в которых не требует восполнения из контекста, при обязательном наличии второстепенных членов пропущено может быть сказуемое или сказуемое и подлежащее одновременно.

Употребление в заголовках газет эллиптических предложений является информационной синтаксической компрессией, то есть «сжатием плана означающего при сохранении плана означаемого» [3: 181]. Синтаксическая компрессия предусматривает пропуск «логических звеньев высказывания», при эллипсисе – пропуск сказуемого [3: 181].

Лингвисты выделяют традиционную схему построения эллиптического предложения: «подлежащее + обстоятельство» или «подлежащее + дополнение». В языке газеты данная модель претерпевает изменения, причем структура не зависит от семантики предложения в целом.

П.А. Лекант и другие лингвисты выделяют несколько групп эллиптических предложений: эллиптические предложения со значением речи-мысли, перемещения в пространстве, интенсивного физического действия.

В языке газеты особо распространены эллиптические предложения, второстепенный член в которых представлен дополнением, вы-

раженным существительным в предложном падеже с предлогом *о* (*об*): 1) *Елена Яковлева – об уходе из театра и ссорах с мужем* (АиФ, 2012, №32); существительным в дательном падеже без предлога: 2) *Валерий Золотухин – друзьям и близким: «Когда меня не станет, мою Ирину не оставляйте»* (КП, 2013, №17). Дополнения должны относиться к глаголу речи-мысли, реализуя свое объектное значение, однако эллиптические предложения не предполагают наличия определительных слов [9: 243].

Продуктивны предложения, субъект действия в которых не назван, их структура состоит только из субъектной синтаксемы в предложном падеже с объектным значением. Например: *О пикниках и пляжах* (РГ, 2013, №70). *О Сколково без науки* (РГ, 2013, 62).

Среди эллиптических предложений в языке газеты также распространены и конструкции со значением движения, перемещения в пространстве. Предложения с семантикой направления движения содержат подлежащее и директив, представленный различными падежами, чаще всего с предлогом: *Мария – на север* (РГ, 2013, №67), *Все – в кассу* (РГ, 2013, №60), *Муж – в спортзал, жена – в курилку* (РГ, 2012, №97).

Распространены конструкции с побудительной интонацией, в которых «обстоятельство направления движения нередко является единственным их компонентом» и [10: 176] и представляет собой директив. Например: *Страна – по углам!* (РГ, 2013, №9), *Всем в рейд!* (РГ, 2012, №66), *Машину к самолету!* (РГ, 2012, №71), *Универсы – на ковер!* (АиФ, 2012, №45), *К барьеру!* (АиФ, 2012, №31).

Среди эллиптических предложений, содержащих в своем составе только второстепенные члены, особое распространение получили такие модели, как: *От столицы до Коми* (АиФ, 2013, №14), *Из Сибири в Сибирь* (АиФ, 2013, №14), *Через смирение к звездам* (РГ, 2013, №69) и другие. Предложения данного типа содержат в своем составе дименсив и директив. В языке газеты употребляются конструкции типа: *От шинели до Шанели* (АиФ, 2012, №46). В них реализуется значение движения не в пространстве, а во времени, то есть предложения имеют значение временного отрезка, в течение которого происходит изме-

нение, перемещение. Структура данного предложения состоит из двух темпоративов в родительном падеже с предлогами *от* и *до*.

На различие в семантике приведенных предложений указывают значения знаменательных слов, например: *Коми* – географическое название, *Шанель* – французская компания, а также предлогов *от* и *до*. Предлог *до* имеет значение предела. Русская грамматика указывает, что данный предлог обозначает предел не только пространственный, но и временной. В первом случае в сочетании с существительным *Коми* реализуется значение пространственного предела, во втором – временного. Предлог *от* имеет семантику отправной точки перемещения, как временной, так и пространственной. Значение, которое приобретает предложение, устанавливается не только «на основании значений знаменательных слов, но и на основании отношения предложно-падежной формы к предложению в целом» [10: 250].

При рассмотрении эллиптических предложений со значением движения, мы увидели немало отклонений от привычной модели, вследствие чего выделяем такие значения: 1) значение адресованности, предназначенности; 2) значение цели; 3) значение изменения социального положения, статуса; 4) значение изменения состояния субъекта.

В эллиптических предложениях со значением адресованности, предназначения продуктивна схема «кому – что», они имеют структуру предложений с семантикой лозунга-призыва, однако данное значение не реализуют. В соответствии со схемой в препозиции находится второстепенный член, в постпозиции – подлежащее: *Добровольцам – гарантии* (АиФ, 2012, №44), *Женщинам – поздняя пенсия* (АиФ, 2012, №44), *Миру – жир* (АиФ, 2013, №9). Второстепенный член (*добровольцам, женщинам, миру*) выражен существительным в дательном падеже без предлога и имеет значение «потенциального субъекта, которому предикативный признак приписывается в модальности пожелания или необходимости, неизбежности» [5: 120].

Семантика предназначенности, адресованности реализуется в предложениях, типа: *Весне дорогу* (АиФ, 2013, №14), *Улицам – двойное имя* (АиФ, 2012, №38), *Велосипедисту – место* (АиФ, 2012, №29).

Предложения строятся по модели: «адресат в дательном падеже + объектная синтаксема в винительном падеже». Адресатом в предложённых конструкциях являются существительные, обозначающее лицо (*велосипедист*), конкретный предмет (*улица*), а также абстрактные существительные (*весна*).

Эллиптические предложения со значением цели в языке газеты обычно строятся по следующей модели: подлежащее + финитив. Чаще всего финитив употребляется в форме родительного падежа с предлогами *ради, для*. Например: *Всё ради выборов, Фонари – для спокойствия граждан* (РГ, 2012, №97), *Деньги для инноваций* (РГ, 2013, №54). Встречаются эллиптические предложения, в которых второстепенный член со значением цели выражен финитивом в родительном падеже с предлогом *на*: *Деньги на учителя* (РГ, 2012, №95), *Деньги на старость* (РГ, 2012, №22). Предлог *на* употребляется для указания цели. Предложения *В Россию за практикой* (РГ, 2012, №89), *В Россию на заработки* (РГ, 2012, №12) также имеют семантику цели. Предложения состоят из директива в винительном падеже с предлогом *в* (*в Россию*) и финитива в творительном падеже с предлогом *за* (*за практикой*) или финитива в винительном падеже с предлогом *на* (*на заработки*). Синтаксема со значением цели занимает постпозицию.

Варианты предложений с семантикой изменения социального положения и состояния субъекта имеют одинаковую структуру с эллиптическими предложениями с семантикой движения. Это предложения типа: *От маразма к цинизму* (АиФ, 2013, №16), *Через смирение к звездам* (РГ, 2013, №69), (изменение состояния), *Из замов – в директора* (РГ, 2012, №97), *Из тюрьмы – в миллионеры* (РГ, 2012, №83) (социальное изменение).

Определение пропущенного глагола в эллиптическом предложении не вызывает трудностей, потому что сказуемое значение накладывается на синтаксему, использованную в роли второстепенного члена. Схемы эллиптических предложений однотипны, предложения одной модели могут реализовывать различные значения в зависимости от семантики второстепенного члена. Трудность составляет разли-

чие семантики эллиптических предложений, содержащих одинаковые синтаксемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1991.
3. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
4. Земская Е.А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века // Русская речь. 1998. №7.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2006.
6. Лагузова Е.Н. Заголовки-лозунги в форме эллиптических предложений // Проблемы интенсивного обучения неродным языкам: материалы международной научно-практической конференции «Герценовские чтения. СПб.: Образование, 1996. С. 71–73.
7. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 2004.
8. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010.
9. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1980.
10. Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. М.: Флинта, 2006.

ИСТОЧНИКИ

1. Газета «Аргументы и факты» (АиФ), 2012–2013 г.г.
2. Газета «Комсомольская правда» (КП), 2012–2013 г.г.
3. «Российская газета» (РГ), 2012–2013 г.г.

ФЕДОСОВ Виктор Александрович (Владимир, Россия)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
fedosovva@mail.ru

СЛОВО В РЕЧИ

Аннотация. Слово и речь – основные понятия языкознания. Определение этих единиц составило в языкознании огромную литературу, см., в частности: [1]. Как соотносятся эти понятия друг с другом при употреблении языка – при говорении и слушании (при порождении и восприятии речи)? Рассматривается этот вопрос в статье в том виде, как он понимается «рядовыми» говорящими – в русском народном языкознании, как он выражается в русских пословицах о языке и речи [2].

1. Порождая речь, говорящий начинает с того, что – ищет, вспоминает слово, которое подходит для данного предмета речи. Поиск слова идет непросто: *Не доищется слова; Не находить слов; Слов не хватает.* Найденное слово – произносится. Работа языка как органа

речи в пословицах сравнивается с работой языка как органа по переворачиванию пищи: *Язык ворочается: говорить хочется; Язык слово ворочает; Слово молвит, словно жвачку жуёт*. Порождая речь, говорящий имеет дело со словами.

2. Родившись, слово выходит наружу: *Прожуй слово, да и молви; Разжевав слово, да выплюнь*. На этом этапе тоже не всегда всё заканчивается удачно: *Глотать слова*. Материал, из которого состоит слово, совсем не тот, из которого состоит пища. Слово нельзя вернуть назад: *Слово скажешь – не воротишь; Слово выпустишь, так и крючком не втащишь; И дорого дал бы за словечко, да не выкупишь*. Сказанное слово сравнивается с птицей, с конем – оно так же быстро улетает прочь. Но коня, птицу можно поймать и удержать, слово же – нельзя: *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь; Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь*. Чаще всего слово сравнивается с плевком, который нельзя вернуть: *Плюнешь – не проглотишь, молвишь – не воротишь*. Слово сравнивается также и с пулей: *Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймаешь*. Сравнивается слово и с ветром: *За ветром в поле не угоняешься – за всяким словом не повертаешься*. Но слово удерживается потому, что оно находится в памяти, что, сказав данное слово, говорящий еще раз его запоминает.

3. За первым словом **порождается второе слово**, за вторым – третье и т.д.: *Слово слово родит, третье само бежит; Слово за словом*. Слова соединяются друг с другом при активном участии говорящего: *Слово к слову приставляет, словно клетки городит; Слово к слову что на лопате подает*. Говорящий иногда не справляется со своей задачей: *Не может (не умеет) связать двух слов; Растопырит слово, что вилы, и молчит*. Слова могут не согласовываться друг с другом – по форме (*Слово за слово цепляет; У него слово слову костью подаёт*), – по значению (*Плетение слов*), по форме и значению вместе (*Набор слов*).

4. Лад – согласованность слов друг с другом: *Не болтай наугад, клади слово в лад*. **Склад** – результат соединения слов вместе по форме и значению. Если нет оформленности и осмысленности, то нет

и склада: *Слов много, а складу нет; Красно говорит, а складу (толку) мало.* Между ладом и складом имеется обусловленность: *Что не складно, то не ладно; Ни в склад, ни в лад.* Есть и несоответствие: *Не складно, да ладно.* Лад - это предварительное согласование слов в речи, а склад – окончательное согласование. Последовательность в образовании речи такова: *Из слов склад, из складов речь; Сложить песню (сказку),* - т.е. имеет место следующая последовательность: слово > лад > склад > речь.

5. Воспринимается речь так же, как и порождается, – пословно: *От слова к слову.* Узнаются слова в речи по форме и значению: *Ловить на слове; Придаться к слову.* Одни слова тесно связаны друг с другом (*Из песни слова не выкинешь*), другие слабо: *Не всякое слово в строку.* Народ мало утверждает в пословицах о том, как слово «входит» в уши, как оно после этого узнается; более подробно он говорит о том, как слово «сходит» с языка и как его перед этим надо «искать». Порождение речи – более сложный (и важный) процесс, чем восприятие речи. Восприятие речи в целом происходит так же, как и порождение речи: слово > лад > склад > речь.

Итак, на тему «Слово в речи» в народном языкознании утверждается: 1) из слов строится речь; 2) сначала появляется одно слово; 3) за первым словом следует второе слово, затем – третье и т.д.; 4) слова согласуются друг с другом – создают лад; согласуются по форме и по смыслу – образуют склад; речь порождается в последовательности: слово > лад > склад > речь; 5) воспринимается речь в этой же последовательности – начиная со слова.

В научной лингвистике существует мнение, что воспринимается речь в обратном порядке, нежели порождается: порождается речь в порядке: слово > речь, а распознается в порядке: речь > слово. Однако слушатель, как и говорящий, сначала имеет дело с одним словом, затем – с другим и т.д., следуя за говорящим. Слушатель не ждет, когда говорящий закончит свое дело, а делает свое дело сразу – вместе с говорящим. Ср. порождающую грамматику [4], в которой характеристика предложения дается с точки зрения его порождения (в соответствии с народным языкознанием). Однако предложение в порождаю-

щей грамматике берется для анализа заранее заданным, заранее порожденным (что не соответствует народному языкознанию). Несмотря на то, что порождающая грамматика и вносит элемент «движения» (становления, развития) в предложение, в целом же предложение остается «неподвижным». Слово и речь (предложение) остаются в порождающей грамматике от начала и до конца независимыми. Народное же языкознание – это диалектика, это восхождение от абстрактного к конкретному. Вначале (при порождении речи) слово и речь представляют собой одно и то же понятие, в соответствующих пословицах слово и речь заменяют друг друга: *Владеть словом (речью); Твои бы речи (слова) да Богу в уши; Дар слова (речи)* и др. К завершению речи (восприятие речи) слово и речь дифференцируются, конкретизируются: речь – это высказывание (предложение), а слово – это отдельное слово (собственно слово), выделяемое из высказывания: *Великое слово – «спасибо»; Русское «ура» грянет – врагу жарко станет* и др. [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
2. Федосов В.А. Русское народное языкознание: представление говорящих о порождении и распознавании речи. *Studia Slavica Savariensia*, 1. Szombathely (Венгрия), 1994. С. 137 -142.
3. Федосов В.А. Слово «слово» в русском языке. *Slavica*, XXVII. Debrecen (Венгрия), 1995. С. 57-63.
4. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. Перев. с англ. // Новое в лингвистике. Вып. 4. Москва, 1965.

ФИЛИЧЕВА Оксана Сергеевна,
ПАРАСТАЕВА Светлана Георгиевна (Москва, Россия)
Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
okslet1@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ УБЕЖДЕНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ ОБОСОБЛЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению обособленных синтаксических конструкций как средств аргументации в научно-технических текстах и их влияния на формирование научных убеждений.

Такие важные для науки понятия, как истина и знание предполагают необходимость познания мира, объективность и доказательность теорий, уважение к научным фактам и точности при формулировании научных постулатов. Научный дискурс учитывает характеристики участников общения и коммуникативные ситуации при построении текстов. Научный текст отличается диалогичностью, т.е. наличие связи с прямыми или косвенными ссылками на научный контекст, обращение к адресату и вовлечение его в дискуссию. В научном споре участникам важнее всего верифицировать свой собственный текст. В научном споре трудно достичь положительного решения или окончательного переубеждения участников диспута. Преимуществом данного вида научного взаимодействия признается выражение различных точек зрения, выявление скрытых смысловых контекстов и предоставление большей творческой свободы в достижении истины для всего научного сообщества.

Аргументация в научном дискурсе представляет собой особый вид речевой коммуникации, нацеленной на доказательство, обоснование, разъяснение, подтверждение или опровержение при помощи теоретических или эмпирических данных некоего научного положения, теории гипотезы и т.п. Поскольку для научного общения истина и достоверное знание являются высшими ценностями и конечными целями, которые стремится достичь исследователь, то зачастую именно аргументативный текст, объясняющий и подтверждающий точку зрения автора, призван разрешить спорные вопросы научного сообщества.

В ходе обсуждения научных положений автор доказательного текста пользуется традиционной композиционной структурой аргументационного высказывания. Цель создания научного дискурса заключается в решении теоретической или прикладной проблемы. Диалогичность научного повествования реализуется в ходе обсуждения спорных положений или технических заданий. Предмет рассуждения способствует созданию прямой референции и создает предпосылки для изменения суждений и мнений у слушающих.

Цель любого аргументированного текста – изменить систему научных взглядов реципиента и сделать его своим сторонником. Обоснование теоретических положений – трудоемкая операция, которую не следует сводить только к наличию неких умозаключений или осуществлению опытной проверки. Обоснование и доказательства состоят из ряда процедур, касающихся как самого постулата, так и той теории, составным звеном которой оно является. Структура аргументативных высказывания единообразна для различных типов дискурса: политического, научного, юридического, религиозного и т.д. Как правило, убеждение адресата начинается с положения, требующего обоснования. Данный тезис задает тон всему последующему обсуждению, т.е. является тематическим ядром дискурса. В поддержку изложенного тезиса приводятся аргументы или примеры, иллюстрирующие и доказывающие заявленное положение, т.е. минимизирующие и нивелирующие возникающие сомнения адресата в отношении истинности предложенного тезиса. На основе отдельно взятого явления ученые способны вывести обобщение, предоставляющее в дальнейшем объяснение схожим случаям. Тем не менее, научные положения и законы невозможно обосновать лишь ссылками на опытные данные. Для твердых убеждений в качестве персуазивных средств будут выступать аналитические рассуждения, исходящие из истинных посылок. Смысловые составляющие данных рассуждений усиливают доказательность тезисов и аргументов адресата.

В качестве аргументационных усилителей участники научного дискурса используют в тексте специальные синтаксические средства,

которые помогают выразить его предметную и эмоционально-оценочную стороны. Еще одна функция данных комплексов – функция композиционной связности текста. Возможно, менее изученными, именно в роли средств аргументации, выступают обособленные конструкции. Нами были изучены случаи употребления выше упомянутых синтаксических конструкций как особых средств доказательного текста научного дискурса на примере статей сотрудников и студентов Московского государственного университета путей сообщения. В ходе исследования было установлено, что:

1) обособленные конструкции помогают формировать предложения-тезисы:

«Добавки, **воздействуя на цемент**, вызывают ускорение или замедление схватывания, воздухововлечение, водопонижение, пластификацию, повышают прочность бетона, его морозо- и сульфатостойкость и т.п.» [1];

«... при использовании лазерно-голографических методов объект должен сохранять свое положение в пространстве, **исключающее его смещение как целого между моментами регистрации**» [2];

2) обособленные синтаксические конструкции встречаются в функции доказательных утверждений:

«Кроме того, указанным методом не диагностируется наличие в образце структурных неоднородностей — свищей, пор и трещин, **оказывающих преимущественное влияние на результаты измерений**» [2];

3) при помощи обособленных синтаксических средств выстраивается обращение или ссылка на опытные данные:

«Как видно из результатов, **приведенных в табл. 2**, вводимая добавки снижает водоцементное соотношение от 0,35 до 0,224 для получения нормальной консистенции растворной смеси» [1];

«На рис. 1 показано результирующее поле нормальных перемещений, **характерное для момента прохождения фронтом флага половины толщины образца**» [2].

Таким образом, обособленные синтаксические конструкции можно охарактеризовать как действенные средства научной

аргументации, поскольку они усиливают доказательный аспект текстов научно-технической тематики. Это достигается путем уточнения, пояснения, обобщения смыслового агента аргумента, который они сопровождают. Как результат, усиливается доказательная сторона высказывания и, в конечном итоге, увеличивается вероятность убеждения адресата в истинности предложенных положений и приобщения к системе ценностей адресанта. А значит, у адресанта появляется возможность изменить точку зрения и научные убеждения адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликаев Р.С. Язык науки в современной лингвистике. Нальчик, 1999.
2. Гриненко Г.В. Аргументация и коммуникация // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 58-89.
3. Ивин А.А. Основы теории аргументации: Учебник. М.: Гуманит. изд. Центр Владос, 1987.
4. Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... д-ра филол.наук. М., 2011.
5. Митрофанова О.Д. Язык научно-техниче, Snoeck Henkemans F. 2002. Argumentation: analysis, evaluation, presentation. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates
7. Walton D., Reed C., Macagno F. 2008. Argumentation schemes. Cambridge: Cambridge University Press.

ИСТОЧНИКИ

1. Добщиц Л.М., Варвянский Р.И. Влияние пластифицирующей добавки «Макромер П11» на строительные свойства строительных растворов. Сборник трудов «Инженерные сооружения на транспорте». Выпуск 5. М.: МИИТ ИПСС, 2013. С. 9-12.
2. Кондращенко В.И., Кендюк А.В., Кесарийский А.Г., Коломиец Ю.В. К обоснованию применения методов лазерной интерферометрии для определения водонепроницаемости цементосодержащих материалов. Сборник трудов «Инженерные сооружения на транспорте». Выпуск 5. М.: МИИТ ИПСС, 2013. С. 30-33.

ХАРЛАМОВА Марина Александровна (Омск, Россия)

Омский государственный университет имени Федора Михайловича Достоевского
khr-spb@mail.ru

ЗЕМЛЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Аннотация. Концепт 'ЗЕМЛЯ' является одним из культурно значимых в языковом сознании диалектоносителей. Исторически сложившиеся значения лексемы земля – основного репрезентанта концепта в народной речи – не все сохраняют свою актуальность. Целью статьи является определение семантической доминанты концепта и выявление его символической составляющей в языковом сознании современного носителя традиционной языковой культуры.

Концепт ЗЕМЛЯ является одним из культурно значимых в языковом сознании русских и диалектоносителей в частности.

Современные словари отмечают множество значений, присущих данному понятию: 'почва', 'планета', 'страна', 'поверхность', 'территория, находящаяся в чье-либо собственности' [8: 1095; 4: 199; 9: 254]. Именно на основе анализа словарных дефиниций имени концепта, характеризующих пространственные и территориальные границы, выявляется понятийная составляющая исследуемого концепта в русской языковой картине мира. Однако национально специфические черты этого фрагмента картины мира возможно объёмно представить (во всех содержательных формах – образе, символе и понятии [3: 22, 24-31]), лишь обратившись к языковому сознанию носителей народной речевой культуры.

Слово *земля* восходит к праславянскому **ziemja*, производному с суффиксом -j- от **zem-* 'земля, низ, пол', имеющего индоевропейские соответствия в лит. *žėmas* 'низкий', лтш. *zems* – то же, авест., др.-перс. *zam-* ж. 'земля', греч. *χαμηλός* 'низкий', греч. *χαμαί* 'на земле'. <..> Ср.: также др.-русск. *земь*, соврем. *наземь*, *обземь* и под. Диал. *зень*, *назень* из *наземь* (в результате ассимиляции) [10: 93]. Кроме того, М. Фасмер указывает на образ, который ассоциируется со словом *земля* – это *мать-земля*, и приводит этимологически родственные латинские и греческие параллели: лат. *humus*, фриг. *ζεμέλω* 'мать-земля' [10: 93]. Вероятно, именно этот образ лёг в основу современного символического осмысления концепта в русской языковой картине мира, сохранившегося с момента образования.

В народной речи эта символическая составляющая до сих пор актуальна: земля предстаёт как начало (символ плодородия – она родит то, что кормит человека) и конец жизни человека и всего живого. Традиционно *земля* всегда воспринималась на Руси как *кормилица*, и до сих пор в сознании сельских жителей сохраняется эта семантика:

Зимля есь/ Агарот// Фсё фсё я панимношку фсиво сажу в-агароди// Капусту свёклу маркофку лук памидоры картошку// Вот/ щас у-миня агароччик малин'кий// В-бал'шом сын садит для-сибя фсё// И клубники нимношка ись у-миня пасажына/ малины нимношка// Юрги ись/ аблипишка мальн'ка пасажына но на-её ишо ягот тока

паивляюца/ ишо ф-прошлам гаду нимношка была// (д. Иванов Мыс, Тевризский р-н, Городицкая (Савич) А. В., 81 г., 4 кл., старож., 2006).

Земля не просто сравнивается с матерью как с источником новой жизни, но и отождествляется с человеком и жизненным циклом человека: *В значении стихийном (огонь, воздух, вода, земля): всякое твердое, нежидкое тело, четвертая стихия, и в этом знач. самое тело человека именуется землею. Земля еси, в землю отъидеши* [1: 678].

В сознании диалектоносителей земля издавна ассоциировалась со смертью. Так, в Словаре русских народных говоров приводятся контексты, где земля выступает символом смерти: *Земля выступила на лице* (у кого-либо) ('о приближении смерти у тяжелобольного'). *Если земля выступила на лице – умрет* (если больной потемнел, почернел). Костром., 1920. <...> *Землёй подернуться* – 'приобрести темный цвет лица, почернеть', «что бывает у людей старых и служит признаком того, что смерть не за горами» [6: 256]. (Ср.: такой же смысловой оттенок есть и у производного от *села* – *селище: Старинный курган, могильник*. Юрьев. Влад., 1851 [5: 135]. Параллель со смертью отмечается в значении слова *край*: 'конец, гибель, смерть'. Каргоп. Олон., 1846 [7: 162-163]). В русском разговорном языке есть прилагательное *землистый* – 'серый цвет (о лице)'. Ср.: В.И. Даль толкует *землянистый, землистый* как 'похожий на землю' [1: 679]. Это значение, вероятно, самое позднее, оно возникло на основе символического (конец жизни человека на земле).

В исследуемых говорах, как и в целом в народных говорах, значение 'почва' является главным на современном этапе развития семантики слова *земля*, ведь именно плодородие земли всегда было и остается источником жизни для сельского населения, при этом земля – это всегда своё пространство: *В-Расии жили/ там зимли мала была/ ани сюда ф-Сибирь пирийжжали//* (с. Чёкрушево, Тарский р-н, Савельева А.С., 89 л., старож., 2007); *Нынчи землю пиримиряли// Ну ни-знаю как/ тожы ни-хатела садить ну/ куда землю?// Зарастать сарником будит// Лишний трут//* (д. Иванов Мыс, Тевризский р-н, Шитова (Воробьева) Е. И., 68 л., 8 кл., старож., 2006); *Ну фрукты-жа/ ова-*

щи сажали/ ну где лук там капуста памидоры агурцы// Малин'кий// Пастроили а зимли нет рядом// (с.Паново, Крутинский р-н, Валентина Васильевна, 67 л., 7 кл., старож., 2006).

Земля как 'почва' сыграла немаловажную роль в процессе переселения разных этнических групп на территорию Среднего Прииртышья:

Ани приехали сразу на-Украину / а земли ни-хватало людям ну и-давай паедим Сибирь пасмотрим // Паехали хадаки как-йих называли / пасматрели / ну гаварят жыть можна но холодногато / там-жэ нету зимы / ну и паехали деды наши сюда / у-маепо деда было пять сыновей / трое дочерей / он был кузнецом / зимля выдильялась фсигда на-сынавей на-диўчат ни-выдильялась // Вот-пять сыновей / у-нево ужэ пять хиктар было зимли там / ну и-вот работал он с-этай зимлэй // (д.Воскресенка, Калачинский р-н, Кадермас А.И., муж., 66 лет, грамот., рус.- чеш., 2005).

Выявляя коренные свойства русской ментальности, В.В. Колесов подчеркивает, что главным для русского человека является «не факт или идея, а конкретное дело», причём «всякое дело ... окрашено нравственно» и вся деятельность человека оценивается с позиции "хорошо – плохо"» [3: 32-33].

ТРУД – ценность и одновременно мерило всех вещей для диалектоносителей. Трудовые будни – важная составляющая жизни и деятельности сельчан, главным компонентом которого является земля. Диалектоносители постоянно подчеркивают, что живы и здоровы только благодаря ежедневному труду (делу), а именно возделыванию земли: *Тяпками // Тяпали / агривали / тяпками // Мы эат у-миня агарот был бал'шой и-там на-задах агарот двацать сотах / там зимля мяхка была / пищяна / и-вот //* (с. Ложниково, Тарский р-н, Квашнина (Соловьева) З.Ф., 72 г., 4,5 кл., старож., 2008). Отсюда можно провести параллель между концептами ЗЕМЛЯ и ЗДОРОВЬЕ:

Травами тол'ко живу/ как забалела ужэ давно печень у-миня балит// <...> Ну-патом вут этот календул у-миня в-агароди растёт/ сушу и пью ево// Я календул сабираю/ сабираю дарожник/ мать/мачиху/ сабираю/ патом/ адуванчик/ ат-печени// (р.ц. Крутин-

ское, Крутинский р-н, Сухомозова (Ерёменко) Н.Д., 78 лет, 7 кл., старож., 2007).

В языковом сознании сельских жителей Среднего Прииртышья *земля* (и особенно дериваты с корнем *зем(л)*- *землянка*, *землянушка*, *земляной*) объективирует связь с концептом 'ДОМ', который тоже входит в своё пространство:

Ну/ начинали жыть зимлянки делали пласты пахали/ зимлянки эти делали/ в-зимлянках жыли// Ну патом ужэ и домик зделали// (р.ц. Горьковское, Горьковский р-н, жен., 84 г., 4 кл., новосел., 2006); *Майкофская / пять чиловек ф-симье / я самая старша // Як звали / Надя / Зина / Уаля / Катя // Зимлянка була у-нас / я фсю жысь пра жыла в-зимлянках //* (р.ц. Русская Поляна, Русско-Полянский р-н, Степанюк (Майковская) М.А., 73 г., 8 кл., рус.-укр., 2003).

Для обозначения 'территориальной единицы' и 'места жительства' в речи диалектоносителей практически не используется слово *земля*, а активно употребляются лексемы *родина* и *деревня*, объективирующие концепт 'РОДИНА':

Как-там/ родина тянит// (с.Паново, Крутинский р-н, Кармакулин П. М., 80 л., 4 кл., старож., 2006); *Да/ куда деваця/ куда деваця// Пра жыли типерь фсю жыз'нь в-деревни так куда деваця//* (с.Паново, Крутинский р-н, Маслова М. А., 72 г., неграмот., старож., 2006).

Таким образом, народная "речемысль" (А.А. Потебня) позволяет говорить о значимости концепта 'ЗЕМЛЯ' и пересечении его с концептами 'ЗДОРОВЬЕ', 'ДОМ', 'РОДИНА', 'ТРУД', релевантными для сельских жителей Омского Прииртышья и объективирующими своё пространство. Языковое сознание носителей традиционной культуры не только хранит со-значения репрезентантов анализируемого концепта, но и демонстрирует важное свойство народной ментальности – её этическую направленность. В центре мировосприятия сельских жителей находится константа ЗЕМЛЯ, семантической доминантой которой традиционно остается символическая составляющая 'земля-кормилица', 'земля-мать', а главным значением для ЗЕМЛИ на данном этапе развития концепта является 'почва'.

«Поскольку значений в слове может быть множество и все они представлены в определенном контексте, то *единство* слова во времени и пространстве «держит» именно концепт как проявление *концептума*, формально представленный на письме "словом"» [2: 120].

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т.1. М.: Рус. яз., 1989. 699 с.
2. Колесов В.В. Концептология: Конспект лекций, читанных в сентябре–декабре 2010 года. СПб.: СПбГУ. РИО. Филолог. ф-т, 2012. 168 с.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. 240 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
5. Словарь русских народных говоров: в 46 т. / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Вып.37. СПб.: Наука, 2003.
6. Словарь русских народных говоров: в 46 т. / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 11. Л.: Наука, 1976.
7. Словарь русских народных говоров: в 46 т. / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 15. Л.: Наука, 1979.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. 1562 с.
9. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения/ Под ред. Г.Н. Складчиковой. Институт лингвистических исследований. РАН. СПб.: Изд-во "Фолио-Пресс", 1998. 700 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1987. 672 с.

ХЛУПИНА Мария Александровна (Москва, Россия)

Автономная некоммерческая организация
«Национальный центр образования»
maria-mariae@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ЗАЧИНОВ И КОНЦОВОК ПИСЕМ С.Д. ДОВЛАТОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ И ЭГОЦЕНТРИЗМА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются нестандартные зачины и концовки писем С.Д. Довлатова, отражающие креативность и эгоцентризм языковой личности писателя. В нетипичной синтагматике, использовании макаронической речи, обыгрывании Довлатовым своей фамилии проявляются творческий характер языковой личности и стремление писателя к самопрезентации.

Языковая личность писателя, по классификации В.П. Нерознака, является *нестандартной* – «отклоняется от установленных языковых образцов», т.е. от «усреднённой литературно обработанной нормы

языка» [1: 114]. Отклонение от стандартов (в сторону обогащения языка) характеризует языковую личность мастера слова как *творческую (креативную)*.

Большинство обращений С.Д. Довлатова к адресатам писем являются традиционными по форме (обращение к друзьям – *дорогой + имя*; к подругам – *милая + имя*). Однако мы выделили семь нестандартных обращений, в которых проявляется креативность писателя (в письмах к отцу, И. Ефимову и Л. Штерн). Кроме того, выбор необычных зачинов и концовок писем характеризует Довлатова как *эгоцентрическую* языковую личность, чертой которой является стремление к самопрезентации. (Об эгоцентрической и социоцентрической языковой личности см.: [2: 18].)

Письма к отцу начинаются обращением по имени (*Дорогой Донат!*). Выбор такой формы можно было бы назвать нестандартным, но он объясняется тем, что родители Довлатова были в разводе и общение отца с сыном было близко к дружескому. Отметим, что подавляющее большинство писем к отцу начинается именно этой формой, а следовательно, она является типичной. К числу креативных относится обращение *Дорогой Донатец. Здравствуй, мой уважаемый шпак!* [3: 15], в котором используется не только необычная форма имени, образованная с помощью суффикса *-ец*, имеющего уменьшительно-ласкательное значение, но и оксюморонное обращение *уважаемый шпак*. *Уважаемый* – “Достойный уважения – употр. как вежливо-официальная форма обращения к другому лицу” [4, URL]. *Шпак* – “(разг. фам. пренебр. устар.). Штатский человек, не военный” [4, URL]. Значение лексемы с пейоративной оценкой *шпак*, казалось бы, исключает возможность уважения. Однако в письме Довлатова *шпак* означает обращение военнослужащего к штатскому человеку, а слово *уважаемый* используется, вероятно, для смягчения резкости обращения, как показатель шутки. Другим обращением, отличающимся от стандартного, является *Дорогой Шерлок Холмс!* [3: 48]. Причину выбора данной формы из текстов довлатовских писем установить невозможно; письма отца Довлатова нам недоступны.

Обращения в письмах к И. Ефимову являются традиционными (*Дорогой Игорь!*), за исключением двух случаев употребления креативной номинации *Дорогой Ингемар!* [5, URL]. Использование шведского имени является средством языковой игры, указывая на скандинавское происхождение имени Игорь. Актуализируются фоновые знания адресата.

В письмах к Л. Штерн типично обращение *милая Люда!* Нестандартными являются три обращения, в которых отсутствует имя адресата:

1. *Здравствуй, моя железная и бескомпромиссная пожирательница перцовки!* [6: 79] – в контексте положительнооценочные книжные лексемы *железная* и *бескомпромиссная* иронически снижаются в синтагматической связи со словосочетанием *пожирательница перцовки*, состоящим из просторечной и разговорной лексемы. *Железный* – “перен. Непреклонный, твёрдый (книжн.)” [4, URL].

2. *Папайа, бараккуда* [так у Довлатова. – Л. Штерн], *авокадо, здравствуй!* [6: 209]. «Непонятно, почему он назвал рыбу барракуду бараккудой, но суть не в этом. ...Я написала ему о своей встрече с хемингуэевскими рыбаками» [6: 210]. Как видим, причина выбора нестандартного обращения непонятна даже адресату, но всё же в комментарии указана тема письма, вызвавшего ироническую реакцию Довлатова.

3. *Прожигателям жизни, салют!* [6: 215] – обращение можно объяснить тем, что письмо было отправлено советским гражданином Довлатовым эмигрантке Л. Штерн; предполагаем, что её письма вызвали у него впечатление лёгкости американской жизни. *Прожигатель жизни* (разг.) – “человек, к-рый ведет беспорядочный и праздный образ жизни, прожигает жизнь” [7: 608].

Концовки эпистолярных текстов Довлатова обладают высокой степенью креативности. Типичными подписями были инициал имени + фамилия (*С. Довлатов* или *Ваш С. Довлатов*), инициалы имени и фамилии (*С.Д.* или *Твой С.Д.*), инициал имени (*С.* или *Ваш С. / Твой С.*), полное имя (*Сергей / Твой Сергей*) или уменьшительно-

ласкательная форма (*Серя* – в письмах к отцу, его жене и дочке – сводной сестре Довлатова), фамилия (*Довлатов*).

Фамилия Довлатов может иронически обыгрываться автором, превращаясь в фамилию *Довлатян* (актуализируются знания адресатов об армянских корнях писателя) или *Далметов*: *Ваш рыцарь Довлатян* (письмо к Н. Кузнецовой) [3: 300]; в письмах к Т. Зибуновой: (оксюморонная концовка) *Твой повелитель и он же лакей Довлатян; Целую тебя. Твой многострадальный Довлатян; Любящий вас отец Далметов* [8, URL] – лексема *отец* в подписи указывает на семейную роль писателя и его чувства к Т. Зибуновой и дочери. Ср. с письмами к Е. Довлатовой и дочери, которые эмигрировали раньше Довлатова: *Обнимаю вас. Мучаюсь и жду! Изнемогающий папа Серёжа* [3: 191]; *Обнимаю вас, любимые и родные. До скорой встречи. Ваш папа* [3: 198]. Предшествующие подписям слова свидетельствуют о тоске писателя по родным и надежде на скорую встречу (*мучаюсь, жду, изнемогающий, до скорой встречи*). Обращение *любимые и родные* передаёт тёплое отношение Довлатова к адресатам. В обоих контекстах присутствует слово *обнимаю*, которое встречается в большом количестве писем Довлатова. Ср. в письмах к И. Ефимову: *Обнимаю всех, в особенности женщин*; проникнутая юмором концовка *Обнимаю всех дам и кошек*; передающая раздражение Довлатова по отношению к третьим лицам (не к адресату, что подчёркнуто в противопоставлении) *Я всем вокруг себя недоволен. Вас же обнимаю*. Ср. также с концовкой, отражающей противоположные чувства: *Всех ненавижу. Любящий вас С. Довлатов* [5, URL].

Ссора с адресатом, возмущённое состояние Довлатова отражались на концовках писем. Концовка письма к Т. Зибуновой передаёт обиду писателя: *Ничему уже не удивляющийся Довлатов. P.S. Это моя посл<едняя> записка. С.* (письмо к Т. Зибуновой, апрель 1976 г.; переписка продолжалась до 1990 г.) [8, URL]. Письмо, отправленное И. Ефимову незадолго до разрыва дружеских отношений с ним, подписано «псевдонимом» – именем главного редактора американской русскоязычной газеты А. Седых, врага Довлатова: *От души желаю Вам всяческих удач. А. Седых*. Концовке письма предшествует метатекст,

объясняющий причину нестандартной подписи: *Дов-в вынужден прибегнуть к такой странной форме обращения к Вам, поскольку предыдущее его письмо Вы вернули ему, не распечатав, что, вообще говоря, является открытым хамством. По этой же причине Дов-в вынужден подписаться не своей фамилией, а, скажем, псевдонимом «А. Седых», дабы Вы, сразу же заглянув в конец, не отбросили это письмо с криком: «Рака! Рака!»* [5, URL].

В концовках писем к А. Арьеву, дружба Довлатова с которым, насколько нам известно, не омрачалась ссорами, проявляется языковая игра (иронически искажается слово *друг* → *дрык*, используется лексема *дщерь* (церк.-книжн., ритор. устар., теперь ирон.) [4, URL]): *Обнимаю тебя, дорогой, никогда не сердись на меня (теперь уж поздно), мы тебя вспоминаем и любим. Аню [жену А. Арьева. – М.Х.] – соответственно. Дочке поклон. Твой **дрык**. С. Довлатов* [3: 366]; *Ане и дщери — привет и сдержанные объятия. Сдержанные – поскольку я старик и парх. С. Довлатов* [3: 368].

Концовки эмигрантских писем могут представлять собой макароническую речь, вызванную влиянием английского языка: ***Синсирели энд вери трали йорс*** [искренне и глубоко преданный вам. – И. Ефимов] *С. Довлатов* (письмо к М. Ефимовой) [5, URL]; *Женщинам и детям – киссиз, киссиз, киссиз! Твой С.* (письмо к Н. Сагаловскому) [3: 243]; *Обнимаю тебя, детей и женщин. Твой **фрэнд и братр** С.* (письмо к Н. Сагаловскому) [3: 245].

Таким образом, в зачинах и концовках писем С.Д. Довлатов, с одной стороны, следовал традиции – придерживался привычного построения письма, в котором присутствуют обращение, основная часть и концовка, включающая пожелания, формулы вежливости и подпись; с другой стороны, писатель в целях самопрезентации использовал нестандартные зачины и концовки, в чём ярко проявилась не только *креативность* языковой личности, но и тенденция к самопрезентации, свойственная Довлатову как *эгоцентрической* языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сборник научных трудов / отв. ред. В.П. Нерознак. М.: МГЛУ, 1996. С. 112–116.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 390 с.
3. Довлатов С.Д. Жизнь и мнения. Избранная переписка. СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. 384 с.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/3/192-0.html>.
5. Довлатов С.Д., Ефимов И.М. Эпистолярный роман. М.: Захаров, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/efimov-1.html>.
6. Штерн Л. Довлатов – добрый мой приятель. СПб.: Азбука-классика, 2005. 352 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1991. 917 с.
8. Довлатов С.Д. Письма к Т. Зибуновой [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sergeidovlatov.com/books/zibunova_2.html.

ЧЕБЫШЕВ Филипп Анатольевич (*Киров, Россия*)

Вятский государственный гуманитарный университет
feliswork@yandex.ru

СЕМАНТИКА ОЖИДАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация. В статье дается обзор работ, посвященных семантике ожидания и ее отражению в русском языке. Намечаются перспективы изучения данного языкового явления.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы представить анализ научной литературы, посвященной характеристике семантики ожидания и её отражению в языке.

Работы, посвященные данной теме, весьма немногочисленны. Ср.: Апресян 1995, Арутюнова 2000, Ванова, Фирсов 2013, Донгак 2001, Миронова 2013; Сазонова, Умеренкова 2007; Самойлова 2003, Туровская 2003, Шатуновский 1996 и другие. Наиболее значимой из указанных работ является диссертационное исследование М.Н. Самойловой, выполненное на материале английского языка.

В диссертации М.Н. Самойловой «Контексты функционирования и семантика средств выражения надежды, уверенности и ожидания

позитивного в английском языке» представлен широкий обзор семантики ожидания. В работе исследуется семантика глаголов hope, expect, believe, suppose, think, производные от этих глаголов, глагольно-именные конструкции и эпистемические словосочетания. Приведём далее несколько выдержек из данной диссертации.

Согласно автору, «контекстно-связанные средства выражения надежды, уверенности, позитивного ожидания не характеризуются комплексной гомогенностью интегральных и дифференциальных значений глагола hope. Глагол expect выражает контекстно-свободно лишь значение ожидания, предвосхищения, предвидения, антиципации и при этом как с положительным, так и с отрицательным исходом» [8: 7].

Вслед за научной работой Б. Рассела «Исследование значения и истины» М.Н. Самойлова утверждает, что можно выделить различные степени ожидания. Само чувство ожидания может быть разным ввиду характера ожидаемого события. Также с ним напрямую связано чувство уверенности, которое может колебаться в зависимости от достоверности или недостоверности информации [8: 35].

Специально семантика ожидания описывается в статьях С.Н. Туровской, А. Валовой и А. Фирсова, С.Б. Донгак.

С.Н. Туровская в работе «Высказывания с *должен* в контексте когнитивной деятельности: семантика ожидания» исследует смысл модальных высказываний с предикативом *должен*. Ср.: (1) *Софья Дмитриевна знала, что сын должен скоро приехать, – третий день ждала телеграммы, с волнением думая, как поедет его встречать на станцию в автомобиле* (В. Набоков)». Здесь семантика ожидания, согласно С.Н. Туровской, основана на убеждениях субъекта в прошлом, а именно на воспоминаниях. Автор считает, что «ожидания, как и другие когнитивные схемы, существуют прежде всего во времени и пространстве. Ожидание тесно связано с субъектом и его убеждениями. Убеждения могут быть различной степени отрефлектированности: от 'убеждений в убеждениях' до 'бессознательных' убеждений. Убеждения могут быть различной длительности – вплоть до 'вечных' (бессознательные убеждения)» [9: 247-251].

В статье А. Вановой и А. Фирсова «Апелляция к чувству ожидания в массовых коммуникациях» ожидание рассматривается как нечто неопределённое, обусловленное нейтральным эмоциональным состоянием человека. Ср.: «Человек, как правило, ждёт чего-то хорошего (и тогда ожидание переходит в состояние радости) или чего-то плохого (если оно наступает, когда испытывают досаду, горе, печаль или отчаяние). Однако, в случае негативного развития событий, человек, который ожидал плохого или допускал любой сценарий развития ситуации, не испытывает чувства неожиданности. Поэтому ожидание может выполнять функцию психологической подготовки к какому-то важному событию» [3: 47].

С.Б. Донгак в работе «Языковая игра и обманутое ожидание» выводит собственную теорию. По мнению автора, «теория обманутого ожидания справедлива не только для комических ситуаций. Так, например, каждый может вспомнить случаи, когда напряженное ожидание превращается в ничто, вызывая лишь чувство облегчения и расслабления, а может, даже разочарования, не имеющего ничего общего с комическим. В окружающем человека мире присутствуют элементы единообразия, которые типизируют его поведение, т.е. подчиняют нормам, выработанным и принятым в сообществе (действует т.н. механизм стереотипизации). Обманутое ожидание связано с нарушением всякого рода стереотипов, представлений о “нормальном” положении дел» [5: 82].

В другой своей работе, «Обманутое ожидание как стилистическая проблема (к постановке вопроса)», С.Б. Донгак отмечает, что данное явление получило наибольшее распространение именно в средствах массовой информации. В новостных статьях эффект обманутого ожидания возникает благодаря использованию нехарактерных для описания такой ситуации лексических средств и неожиданному появлению в конце текста лексем или словосочетаний, опровергающих гипотезы читателя [4: 113-114].

Феномен обманутого ожидания описывается также в статье Д.А. Мироновой «Трансформированные прецедентные высказывания в онлайн-газетах: приём обманутого ожидания», в ней отражены особен-

ности обманутого ожидания в контексте информационного пространства онлайн-газет.

Наиболее сильно воздействующими на читателя приёмами автор считает те, что обусловлены «желанием автора опровергнуть существующее прецедентное высказывание, то есть прием контрадикции. В особенности это относится к высказываниям, которые имеют декларативный характер, и их цель заключается не просто в именовании, а в утверждении того, что представителями лингвокультурного сообщества воспринимается как непреложная истина» [6: 227].

С точки зрения психолингвистики обманутое ожидание характеризуют Т.Ю. Сазонова и А.В. Умеренкова. В статье данных авторов, отмечается, что теория «*обманутого ожидания*» впервые возникла в контексте проблемы комического и является объектом внимания философов и психологов, что ситуация «обманутого ожидания» часто встречается в разных условиях общения, когда суть высказывания оказывается совершенно неожиданной и весьма далекой от прогнозируемого.

Авторы обращают внимание на то, что «способность к вероятностному прогнозированию кроется в определенной организации памяти, сохраняющей информацию о событиях в прошлом опыте данного индивида, о последовательности этих событий, о том, как часто имела место та или иная цепь событий в прошлом опыте. В вероятностно организованной среде, коей является наша действительность, память может обеспечить только вероятностное прогнозирование предстоящих событий. Так, способность вероятностного прогнозирования предполагает наличие определенной интуиции в выборе из числа альтернативных сообщений наиболее подходящего для данного контекста» [7: 30].

Ряд наблюдений частного характера, касающихся интересующего нас языкового явления, содержится в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, И.Б. Шатуновского.

В книге Ю.Д. Апресяна «Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка» приводятся несколько примеров семантики ожидания в русском языке.

Автор утверждает, что «использование модальностей типа 'мнение', 'ожидание', 'предположение' и т. п. позволяет описать очень тонкие семантические различия, обычно не замечаемые толковыми словарями, ср. Он принес всего 10 книг = 'Знай, что он принес 10 книг, Я полагаю, что ты понимаешь, что это мало'; Он принес только 10 книг = 'Знай, что он принес 10 книг, не думай, что больше'; Даже Джон пришел = 'Другие пришли; Джо пришел; Я ожидал, что Джон не придет» [1: 34].

Н.Д. Арутюнова в статье «Феномен молчания» утверждает, что «условие обманутого ожидания в равной мере характерно для прагматики отрицательных предложений и для употребления глагола *молчать*: *Я ждал ответа, но он не отвечал (молчал)*; *Все ждали, что он скажет, но он ничего не говорил (молчал)*; ср.: *Она смотрела на него и, по-видимому, ждала, что он предложит ей пойти в сад, но он молчал (Чехов)*». По мнению автора, «обманутое ожидание возникает тогда, когда нарушается рутинный или прогнозируемый ход событий. Однако оно не имплицитно подразумевает ненормативности создавшегося положения дел: *Я ждал его звонка, но он не позвонил*» [2: 421].

И.Б. Шатуновский в своей работе «*Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика)*» отмечает, что глаголы «ждать» и «ожидать» содержат в себе предикат об информации, описывающей будущее положение вещей. Они, по мнению автора, являются наиболее нейтральными и семантически простыми при выражении мнения субъекта о будущем.

Ср.: '*Я ожидаю, что значительных результатов не будет*', доказывая близкую семантику глагола «ожидать» и глаголов «думать», «предполагать». И.Б. Шатуновский также говорит о том, что у глаголов «ждать», «ожидать» есть одна синтаксическая особенность – сочетание с предикатом, выраженным полными номинализациями; он приводит пример из произведения «Дети Арбата» А. Рыбакова, наглядно демонстрирующий это явление: «– *За что вы здесь сидите? Такого вопроса Саша никак не ожидал*» [11: 276-280].

Таким образом, семантика ожидания получила отражение в лингвистических исследованиях. Однако проблему нельзя считать исчер-

панной. Перспективы её углублённой характеристики могут быть связаны с более глубоким изучением и описанием того, как данный широкий смысл отражается в разновидностях общенародного языка.

В качестве объекта характеристики могут быть рассмотрены различные стилевые разновидности литературного языка, диалектный материал, паремиологические единицы, а также язык художественной литературы [10: 113-123].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Изд-во «Языки русской культуры». 2000. С. 447-436.
3. Ванова А., Фирсов А. Апелляция к чувству ожидания в массовых коммуникациях // Рекламодатель: теория и практика. №3. 2013. С.47-52.
4. Донгак С.Б. Обманутое ожидание как стилистическая проблема (к постановке вопроса) // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. Выпуск 3 (11), 2001. с.110-117.
5. Донгак С.Б. Языковая игра и обманутое ожидание // Критика и семиотика. Вып. 3/4. 2001. С.78-84.
6. Миронова Д.А. Трансформированные прецедентные высказывания в онлайн-газетах: приём обманутого ожидания // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 225-229.
7. Сазонова Т.Ю., Умеренкова А.В. (Курск) Эффект обманутого ожидания: лингво-когнитивное моделирование // Вопросы психолингвистики. № 5, 2007 © Институт языкознания РАН, 2007. с.30-33.
8. Самойлова М.Н. Контексты функционирования и семантика средств выражения надежды, уверенности и ожидания позитивного в английском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск, 2003.
9. Туровская С.Н. Высказывания с «должен» в контексте когнитивной деятельности: семантика ожидания // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. №8. Тарту. 2003. С. 244-259.
10. Чебышев Ф.А. Семантика ожидания и средства её выражения в русском языке (на материале романов В. Головачёва) // Проблемы современной русской словесности. Киров, 2014. С. 113-123.
11. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

ЧЕРНОВА Любовь Афанасьевна (*Коломна, Россия*)
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛОМ «КАЗАТЬСЯ»

Аннотация. Статья посвящена выявлению механизма взаимодействия субъекта и объекта в вариативных синтаксических конструкциях с одним и тем же глаголом «казаться». Основанием для выделения указанных вариантных конструкций являются разные лексико-семантические значения глагола «казаться», формирующие две различные схемы, выражающие общее синтаксико-семантическое значение – психическое состояние субъекта, воспринимающего информацию из окружающего мира под воздействием извне. Одно из значений программирует участие глагола «казаться» в схеме «бытие признака объекта», другое – участие в схеме «субъект претерпевает психическое состояние». Каждое из значений глагола «казаться» предполагает характерную грамматическую форму его функционирования, каждая из схем – свою организацию взаимоотношения субъекта и объекта, что дает представление о способах реализации того или иного участка синтаксической семантики.

Смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы на коммуникативно-прагматическую позволило обосновать теоретическую и практическую значимость функционального описания синтаксиса, устройства и функционирования всех его единиц, благодаря чему было положено начало семантико-функциональному направлению в синтаксисе. В его русле осуществляется изучение подсистемы субъектно-объектных отношений, а также моделирование синтаксических структур в терминах теории синтаксических концептов, отражающих связи и отношения реальной действительности [1].

Предметом нашего описания являются вариантные конструкции с глаголом «казаться» в плане выражения ими общего грамматического значения, содержания и функционирования в художественной речи.

Согласно толковому словарю, глагол «казаться» имеет два лексических значения: 1. Казаться кем, чем. Иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление. К. умным. К. старше своих лет; 2. Казаться (безл.). То же, что представляться. Мне казалось, что он прав [2].

Конструкции, в которых может употребляться глагол «казаться», представляют ситуации с выражением психического состояния субъек-

та, воспринимающего информацию из окружающего мира как бы не по своей воле, а под воздействием извне.

В соответствии с двумя разными значениями глагола «казаться» он включается в состав конструкций двух разных схем: в первом значении – в схему «бытие признака объекта», во втором значении – в схему «субъект претерпевает психическое состояние». В обеих схемах глагол «казаться» предполагает наличие наблюдателя, чья точка зрения устанавливает отношения между объектами и их признаками. Таким наблюдателем выступает субъект психического восприятия, чья концептосфера «обрабатывает» сведения о фактах, событиях, явлениях и дает им оценку.

Схема «бытие признака объекта» реализуется при участии глагола «казаться» в любой форме рода и числа прошедшего времени – в зависимости от рода и числа наблюдаемого объекта, а также в любой форме числа 3-го лица настоящего времени. Например: Дом казался пустым; Комната казалась пустой; Здание казалось пустым; Улицы казались пустыми; Дом кажется пустым; Дома кажутся пустыми.

В качестве объекта состояния в схеме «бытие признака объекта» выступают номинации лиц, предметов, явлений, событий, фактов – обычно субстантивные слова в функции подлежащего. Например: Девушка казалась грустной; Жилище казалось ухоженным; Слежка казалась необходимой; Праздник казался несвоевременным; Беда казалась неустранимой.

В качестве признака объекта используются, как правило, адъективные единицы. При этом субъект – наблюдатель, чье сознание оценивает реалии, приписывая им признаки, либо представлен словоформой дательного падежа, либо находится за пределами самой синтаксической конструкции, т.е. в контексте, либо конкретно не обозначен. Например: Улицы казались нам широкими; Счастье казалось близким.

Схема «субъект претерпевает состояние» реализуется при участии глагола «казаться» либо в форме единственного числа среднего рода прошедшего времени («казалось»), либо в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени без возможности парадиг-

матических изменений. Например: Ей казалось, что ее жизнь будет неизменна в этом маленьком городке; Мне кажется, что жить в этом маленьком городке скучно.

В качестве объекта состояния и его признака в схеме «субъект претерпевает состояние» выступает формальное подлежащее – придаточное изъяснительное с союзом «что»; в качестве субъекта состояния – словоформа дательного падежа, которая в данной схеме является облигаторной. При ее отсутствии она выявляется в контексте или в ситуации, что свидетельствует о неполноте такого предложения в той части, где помещен глагол «казаться». При отсутствии языковой единицы, называющей субъекта состояния, и союза «что» конструкции с глаголами «казалось», «кажется» квалифицируются как простые предложения, осложненные вводным словом. Например: Казалось, зима будет длиться бесконечно; Кажется, зверь обитает где-то рядом.

Обе схемы с глаголом «казаться» включаются в художественную речь, где глагол «казаться» выражает восприятие субъектом наблюдаемой картины. Так, в рассказе А.П.Чехова «Невеста» с помощью глагола «казаться» в схеме «бытие признака объекта» характеризуется психологическое состояние главной героини Нади Шуминой, решающей свою судьбу в пользу образования, совершенствования личности в момент осознания ею собственной духовной зрелости (3). При этом в поле ее зрительного, слухового, обонятельного, психологического мироощущения оказываются окружающие ее реальные предметы, лица, факты, получая оценку в ее концептосфере. Так, например, объектом размышления чеховской героини неоднократно является ее мать, образ жизни которой в сознании дочери получает как позитивную, так и негативную оценку (мать казалась молодой; она кажется молодой; мать казалась старше, некрасивее, меньше ростом).

Позитивная психологическая оценка матери Надеи в примерах из рассказа А.П.Чехова формируется в условиях ориентации восприятия на освещение, на местоположение, на внутреннее эмоциональное расположение. Например: *В доме Шуминых только кончилась все-нощная, которую заказывала бабушка Марья Михайловна, и теперь Наде ... видно было, как в доме накрывали на стол для закуски, как в*

своем пышном шелковом платье суежилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; – А я вот сижу и смотрю отсюда на маму, – сказала Надя. – Она кажется отсюда такой молодой.

Маркерами данного психологического восприятия объекта субъектом выступают предложно-падежная и наречные словоформы с обстоятельственным значением времени, причины, места (при вечернем освещении, почему-то, отсюда).

Негативная психологическая оценка матери Надеи в примерах из этого же рассказа репрезентируется при ориентации восприятия на временные, световые и погодные условия. Например: *Мать с волосами, заплетенными в одну косу, с робкой улыбкой, в эту бурную ночь казалась старше, некрасивее, меньше ростом.* Маркером данного психологического восприятия объекта субъектом выступает предложно-падежная словоформа с временным обстоятельственным значением (в эту бурную ночь).

Позитивный характер оценки наблюдаемого объекта связан с тем, что героиня видит в своей матери на определенном этапе общения с нею что-то особенное, интересное, привлекательное. Негативная оценка того же объекта связана с новым его восприятием: дочь впервые ощущает непонимание ее со стороны матери. Еще недавно она считала мать необыкновенной; все, что мать говорила, она слушала и воспринимала с гордостью, а теперь почувствовала в матери обыкновенную, несчастную женщину, которая не способна понять дочь.

Модель «субъект претерпевает состояние» функционирует в условиях, где психическое состояние субъекта констатируется в одной части предложения (основной), а воспринимаемый субъектом объект и характеризующий его признак передаются описательно, всем составом изъяснительного придаточного предложения. Например: *Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой с маринованными вишнями. И почему-то ка-*

залось, что так теперь будет всю жизнь, без перемен, без конца.

В приведенном предложении характеризуется психическое восприятие героиней повседневной, однообразно текущей жизни в маленьком городке, где естественным ее продолжением было только замужество. Ощущение замкнутости здешнего мирка пришло к Наде неожиданно, в одно майское утро, когда она почувствовала, что ее не радует предстоящая свадьба, о которой она когда-то мечтала, что ее манят дальние дороги, другие пространства, где она могла бы сама решать свою судьбу. Грамматическим центром организации воспринимаемого субъектом объекта здесь выступает глагол «будет», форма которого содержит сему перемещения сложившейся ситуации в будущее как неотвратимого явления. Его смысловыми маркерами и держательными компонентами объекта являются предложно-падежные словоформы с временным обстоятельственным значением (всю жизнь, без перемен, без конца).

См. другой пример: ***И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то...в романе, в старом, оборванном, давно уже заброшенном.***

В данном примере характеризуется психологическое восприятие героиней любовного признания жениха, которого она уже не любила и свадьба с которым неотвратимо приближалась. Надя ощущает пошлость ситуации, критическую необходимость прервать ее. Грамматическим центром организации воспринимаемого субъектом объекта выступают глаголы «слышала» с имплицитной семой временной неопределенности и «читала» с имплицитной семой неопределенной пространственной и временной ориентации. Смысловыми маркерами их ситуативных значений являются наречные словоформы (уже давно, очень давно, где-то). Объединение указанных глаголов в один ряд создает эффект повторяемости ситуации, которая не представляет ценности для испытываемого субъекта.

Таким образом, обладая общей грамматической семантикой, конструкции, включающие глагол «казаться», в зависимости от значения этого глагола, представляют две различные схемы («бытие при-

знака предмета» и «субъект претерпевает состояние»), по-разному отражающие соотношение субъекта и объекта в составе предложения, соотношение структуры предложения и структуры ситуации.

При реализации схемы «бытие признака субъекта» модель ситуации восприятия представляется следующим образом: субъект – падежной формой дательного падежа, объект восприятия – существительным в именительном падеже, признак объекта – сочетанием глагола-связки «казаться» с именным компонентом в форме творительного падежа или эквивалентной форме.

Структура предложения, реализующая схему «бытие признака субъекта», представлена следующими основными компонентами: словоформа именительного падежа – подлежащим, словоформа дательного падежа – дополнением, сочетание глагола-связки с именной словоформой или эквивалентной ей – сказуемым.

При реализации схемы «субъект претерпевает состояние» модель ситуации восприятия представлена следующим образом: субъект – падежной словоформой дательного падежа, его состояние – полнозначным глаголом «казалось», объект восприятия – придаточным изъяснительным предложением с союзом «что», содержащим грамматический центр со смысловыми маркерами (объект восприятия и его признак).

Структура предложения, реализующая схему «субъект претерпевает состояние», представлена следующими основными компонентами: словоформа дательного падежа – дополнением, глагол «казалось» – сказуемым главного предложения, словоформы, образующие предикативную основу придаточного предложения, и их смысловые маркеры – второстепенные члены предложения (обычно обстоятельственные).

ЛИТЕРАТУРА

1. Копров В.Ю., Козюра Т.Н., Лебедева А.Л., Дедова О.М., Сушкова И.М. Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: субъектно-объектные отношения / под ред. В.Ю.Копрова. Воронеж: Изд-во НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 263 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и выражений / РАН. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., доп. М.: АТЕМП, 2004. 944с.
3. Чехов А.П. Невеста. / А.П.Чехов. Дом с мезонином. Повести и рассказы. М.: Худ. лит., 1983. 302 с.

ЧЕРНОВА Снежанна Валерьевна (*Москва, Россия*)

Linguistic Centre Modern Generation

Snezhana85@yandex.ru

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Многие десятилетия внимание различных гуманитарных дисциплин привлекала проблема дискурса, его определения, структуры и функционирования. Понятие дискурс является многозначным, имеющим большое множество интерпретаций в современных исследованиях. В данной работе предлагается следующее понимание дискурса: «коммуникативное поведение, выраженное вербально (текст), опирающееся на этнокультурные и групповые пресуппозиции, проявляющиеся в определенной сфере общения в соответствии с присущими этой сфере нормами общения» [2: 28].

В современном мире мировоззрение и мировосприятие ряда социальных групп населения формирует медиадискурс. С интенциональных позиций его можно разделить на три основных типа: информационный (интенция информирования), публицистический (интенция убеждения/ воздействия) и развлекательный (интенция развлечения) [4: 43].

Актуальность исследования развлекательного дискурса очень велика. Главная особенность современности – это резкое увеличение игрового компонента в жизни. Важнейшей характеристикой игровой деятельности и общения в свою очередь является категория развлекательности.

Термин «развлечение» встречается уже в работах Аристотеля. Древнегреческий философ считал развлечения одним из признаков счастья [5: 158]. В настоящее время под развлечением мы понимаем времяпрепровождение, доставляющее удовольствие. Согласно этимологическому словарю Крылова данный термин – это словообразовательная калька XVIII века с французского языка *divertissement* (*di-* — раз-, *-vert-* — -влеч-, *-issement* — -ение). Отметим, что французское слово было также заимствовано русским языком с более

узким значением, определяя различные номера, дополняющие главное выступление. При изучении словарей русских синонимов можно выделить около тридцати различных синонимов слова «развлечение», среди которых «амюзант», «веселье», «забава», «плезир», «потеха», «рекреация», «удовольствие» и т.д. Встречаются наиболее эмоционально маркированные синонимы, такие как «отвяз», «погулюшки», «развлекаловка», «расколбас», «хиханьки-хахоньки» и т.д. Виды развлечений поистине многообразны – интеллектуальные, спортивные, театральные, физические и т.д.

При изучении учебной литературы нам встретился такой термин, как «досуговый дискурс» [3: 70]. Представляется важным разграничить такие понятия как «развлечение» и «досуг». Мы понимаем досуг как «свободное время, когда вы не заняты работой или важными делами». В связи с этим главное отличие досуга от развлечения состоит в том, что досуг может быть пассивным состоянием восстановления психологического здоровья после тяжелого труда, в то время как развлечения – это всегда деятельное времяпрепровождение, имеющее своей целью получение удовольствия. Неслучайно можно встретить упоминание о «развлекательном досуге» – совокупности видов деятельности, ориентированных на удовлетворение духовных и социальных потребностей людей в свободное время и связанных преимущественно с активным отдыхом и развлечениями.

Под развлекательным дискурсом мы понимаем совокупность тематически и функционально обусловленных текстов со значением развлекательности, направленных на воздействие на духовную, социальную и эмоциональную стороны слушателей (зрителей).

Применительно в формате общения развлекательный дискурс можно разделить на обиходный (личный) и институциональный. Обиходный развлекательный дискурс представляет собой спонтанное общение, в ходе которого не придается значение формальной стороне речи. Данный тип дискурса является непубличной коммуникацией, в которой важное место занимают эмоциональность и развлекательность. Функционирование второго типа дискурса обеспечивается рядом социальных институтов, таких как театр, цирк,

кино, телевидение и т.д. Существуют определенные коммуникативные стратегии развлекательности в зависимости от сферы функционирования дискурса.

У развлекательного дискурса есть культурная специфика. Развлечения той или иной страны поистине уникальны и многообразны, во многом определены принятыми в обществе ценностями и нормами, традициями и обычаями. Так, например, отправившись в японский театр Но, зритель наверняка услышит архаичный язык пьесы под аккомпанемент мужского хора и не увидит декораций на сцене. Представление будет прерываться непродолжительными комическими миниатюрами из жизни простых людей. Актеры театра за все представление сделают лишь несколько шагов по сцене, но из реплик напева хора зритель должен понимать, что персонаж проделал долгий путь. Однообразные движения актеров будут призваны пробудить воображение аудитории. Репертуар театра составляет несколько пьес, традиционно показываемых из года в год. В противопоставление традициям японского театра можно привести пример концепции африканского театра. Зачастую отсутствие письменного текста пьесы в африканском театре делает театральное представление уникальным. Спектакли не повторяются, представляя собой оригинальные, происходящие лишь сегодня и сейчас действия. Язык представления может оказаться региональным диалектом.

«Цивилизация развлечений» берет свое начало от артистов Античности. Скоморохи или мастера смехотворства, по-видимому, были в Византии преемниками греко-римских мимов и гистрионов. Это были бродячие актеры, музыканты, фокусники, певцы и т.д., которые обходили группами города, селения, увеселяли народ своим искусством и этим зарабатывали себе пропитание. Из Римской империи мимы и гистрионы (скоморохи) появились на Западе, где они получили название шпильманов (в германских странах) и жонглеров (во Франции). Таким образом, к древним профессиональным развлекателям Античности и Средневековья можно отнести скоморохов, авлетов, гистрионов, мимов, шпильманов и т.д. [1].

К профессиональным развлекателям современности можно отнести клоунов, шутов, певцов, иллюзионистов, актеров, ведущих и т.д. Развлекательная речь представителей данных специальностей наряду со всеми особенностями и различиями имеет схожую черту – наличие в ней юмора. Использование шуток – это лучший способ подавления враждебных настроений, действенный механизм снятия усталости и напряжения. Это безопасная зона общения, так как то, «что сделалось смешным, не может быть опасным» (Вольтер).

В развлекательном дискурсе также нет жесткости в регламентации отношений, участники общения могут меняться ролями, а результат общения может стать непрогнозируемым. Целью развлекательного дискурса в этом отношении служит разрушение любых сложившихся стереотипов и представлений, если они препятствуют достижению положительного эмоционального заряда.

Ведущую роль в развлекательном дискурсе играют стратегии сенсационности и эпатажа. Участники общения испытывают высокую степень психологического раскрепощения, высвобождая свои мысли и расширяя границы воображения. Важно отметить, что в развлекательном дискурсе исключается резкая критика выдвигаемых идей и социальное осуждение в угоду достижения удовольствия от общения.

Дискурсивными нормами развлекательного дискурса являются редукция информации, ее бульваризация и завышенная эмоциональность. Неслучайно русский писатель и критик Александр Геннис называет развлекательный дискурс «лесопилкой эмоций» [4: 43].

Дальнейшую перспективу исследования мы видим в изучении форматов, модусов и текстового воплощения развлекательного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин А.А. Русские скоморохи // http://www.pseudology.org/History/BelkinAA_Skomorohi.pdf
2. Зубкова Я.В. Конституциональные признаки академического дискурса // Филологические науки. 2009. № 5 (39). С. 28-32.
3. Карпова Т.Б. Досуговый дискурс Рунета // Вестник пермского университета. 2010. № 2 (8). С. 70-76.
4. Клушина Н.И. Интенциональная конфигурация медийного пространства // Политическая лингвистика. 2013. №2 (44). С. 40-45.

5. Константинов А. От Рима до дискотеки: свободное время и развлечения с точки зрения истории и социологии// Онлайн журнал. 2010. № 30-31. С. 158-159.

ШЕВЕРИНОВА Ольга Валерьевна (*Витебск, Беларусь*)

Витебский государственный университет имени Петра Мироновича Машерова
olsheverinova@yandex.ru

СИНКРЕТИЗМ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на примере произведений В.П. Астафьева)

Аннотация. В статье рассматривается явление семантического синкретизма прецедентных имен, функционирующих в художественном дискурсе. В качестве основных видов синкретизма анализируемых единиц в произведениях В.П. Астафьева определяются метонимические и метафорические переносы, в результате которых прецедентные онимы расширяют объем семантической составляющей прагмакомпонента посредством реализации ими переносных значений.

Функционирование прецедентных имен в художественном дискурсе опосредовано индивидуальной авторской картиной мира, особенностями сюжета и концептуальным осмыслением системы образов. Являясь составной частью когнитивной базы отдельного индивида и конкретного лингвокультурного сообщества, прецедентные имена ретранслируют в текстовом пространстве, в первую очередь, уникальный денотат и его образ, сложившийся и закрепленный в сознании носителей языка, репрезентируя особый культурный код, насыщая идейно-проблемное содержание художественных произведений и усиливая их образность.

Помимо ретрансляции такого образа, прецедентные имена, помещенные автором в соответствующий художественный контекст, способны усиливать свои предметно-образные связи и наполнять содержание прагматического компонента новыми смыслами. В результате этого наблюдается расширение семантического объема прецедентных онимов и появление у данных единиц коннотативных приращений, приводящих к возникновению семантического синкретизма прецедентных имен.

В качестве примера проанализируем функционирование прецедентных имен в произведениях В.П. Астафьева, чье творчество на-

полнено, по мнению многих критиков, смысловой насыщенностью и многомерностью.

На фоне непосредственного употребления прецедентных единиц в их первичном значении, т.е. для именованя личностей, оставивших след в культурном и историческом наследии народа, в художественных текстах автора выявляются случаи метафорического и метонимического использования анализируемых онимов, что позволяет автору смоделировать образную ткань произведений.

Особенностью такого функционирования языкового знака, как отмечает М.В. Пименова, является одновременная связь с двумя/несколькими денотатами и сигнификатами, что свидетельствует о явлении семантического синкретизма, представляющего собой проявление формально-содержательной языковой асимметрии [4: 132].

Самым продуктивным способом реализации семантического синкретизма в произведениях В.П. Астафьева являются метонимические преобразования. В 5 выделенных нами социально-культурных сферах-источниках прецедентных имен («Литература», «История», «Искусство», «Религия», «Наука») метонимические переносы отмечены в 3-х – «Литература», «История», «Искусство». В большинстве случаев они основаны на переносе имени деятеля на продукт его деятельности. Такому типу семантических трансформаций подвергаются в текстах автора имена, представляющие, как правило, сферы-источники «Литература: писатели, поэты», «Искусство: композиторы» и входящие в универсальный или национальный культурный фонд человечества. Так, имя автора переносится на его творчество, подтверждая тем самым неразделенность сложившегося в сознании инварианта «создатель = его творение»: 1. *А Васконян, читавший **Данте** в лучших переводах, **Верхарна** и **Бодлера** – без перевода, знавший **Пушкина**, **Тютчева**, **Лермонтова**, тихой, юношеской почтительностью проникшийся к **Баратынскому**, смотрел на ребят с любопытством: неужели они восприняли все это словесное варево всерьез? – и уяснил наконец: да, всерьез* [Ошибка! Источник ссылки не найден.: 287]. 2. *«Ах, мати божья!» – вздохнул Герцев и напрягся слухом: исполняется как будто и не **Калинников**? **Григ**, пожалуй? Кажется, вступление к*

единственному фортепьянному концерту – Аллегро-молто-модерато или как там? Тр-р-рам-пам! Та-ра-ра-рам-пам! Что же это все-таки? **Григ** или **Калинников**?» [1: 335].

Спорадически автор прибегает и к таким видам переноса, как: руководитель → подчиненная структурная единица: **Манштейн** двумя танковыми корпусами и несколькими полевыми дивизиями, подчинив их себе на ходу, показал Мехлису, что редактировать газету <...> и воевать с фашистами – две большие разницы [4: 333], либо лицо-персонаж → результат деятельности автора: **Дмитрия Николаевича** я полюбила и бросила еще в школьном возрасте! [3: 152]. В данном случае одна из героинь В.П. Астафьева рассказывает про свои увлечения классической литературой. Называя Рудина, героя одноименного романа И.С. Тургенева, по имени и отчеству, она подразумевает и роман, и его автора, а используемая структурная модель именованная призвана выразить почтение и уважение великому писателю, несмотря на то, что пристрастия в чтении ее изменились.

На метафорические преобразования приходится наименьшая часть употреблений прецедентных имен в анализируемых произведениях. При этом наиболее часто метафоризируются имена литературных персонажей, что, на наш взгляд, может быть обусловлено максимальной типизированностью созданных образов: **Ишь, Лиса Патрикеевна**, всегда бы такой был ласковый да хороший [2: 48]. Основным способом образования метафоры является использование эпитетов с прецедентным именем, например, *российский, современный, в белых перчатках* и т. д. С помощью этого приема автор обозначает героев своих произведений, которые не из прошлого, а современники с абсолютно иными манерами поведения и аксиологическими взглядами: *1. Театр же, сдавши бутафорскую рухлядь в общее пользование, отряхнув с себя вековой прах, зажил естественной жизнью, в нем почти не стало грима, стираются окаменелые условности, снимаются занавесы, убираются декорации, и вот уж **принц Датский** дует современные песни под гитару; **Отелло** душит Дездемону в белых перчатках; *работяги с шагающего экскаватора в слюнявой истории, повествующей о страданиях современной Магдалины, ра-**

ботающей кассиром в поселковом магазине, бродят в сапогах по залу и кричат на сцену: «Пижоны!» [1: 336]. 2. Берег Тетеркин, оборонял российский Санчо Панса своего рыцаря до конца [Ошибка! Источник ссылки не найден.: 541].

Таким образом, явление семантического синкретизма прецедентных имен, функционирующих в текстовом художественном пространстве, связывается с индивидуальной авторской картиной мира, особенностями сюжета и концептуальным осмыслением системы образов. В качестве основных видов синкретизма анализируемых единиц выступают метонимические и метафорические переносы, в результате которых прецедентные онимы расширяют объем семантической составляющей прагмакомпонента посредством реализации ими переносных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В.П. Царь-рыба: повествование в рассказах. М.: Дет. лит., 2008. 429 с.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. – Т. 4: Последний поклон: Повесть в рассказах: Кн. 1-2. 464 с.
3. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. – Т. 5: Последний поклон: Повесть в рассказах: Кн. 3. 384 с.
4. Астафьев В.П. Прокляты и убиты: роман. М.: Эксмо, 2009. 800 с.
5. Пименова М.В. Семантическая деривация и синкретизм // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Т. 154, кн. 5, 2012. С. 132-136.

ШЕЙКО Елена Владимировна (*Ростов-на-Дону, Россия*)

Южный федеральный университет
evsheyko@sfedu.ru, elenashejko@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОПОДЧИНЕНИЯ ПРИДАТОЧНЫХ ЧАСТЕЙ В ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о способности опорных глаголов изъяяснительных сложноподчиненных предложений присоединять две и более придаточные части, выявляются условия, при которых возможно однородное соподчинение, называются случаи присоединения разных типов изъяяснительных СПП.

Вопрос о статусе, границах, классификации изъяяснительных сложноподчиненных предложений (ИСПП) до сих пор остается нерешенным в современной лингвистике. Анализируя данные конструкции,

С.Г. Ильенко отмечает, что они обладают антропоцентричностью, т.к. в качестве опорных в них выступают «такие лексемы, которые фиксируют духовно-психическую и речевую деятельность человека, а следовательно, позволяют представить факты и события окружающей действительности антропоцентрически окрашенными, т.е. пропущенными через чувство, мысль, речь субъекта» [2: 3-4].

М.И. Черемисина замечает также, что особый характер главной и придаточной частей проявляется в том, что главная часть изъяснительных конструкций передает отношение субъекта речи к содержанию придаточной, оценку выраженного в нем факта, комментирование его, придаточные же – его референтное значение, объект этой оценки [3].

Оценочное, комментаторное значение главной части определяется тем, что в качестве опорного слова в изъяснительных сложных предложениях выступают чаще всего глаголы, которые имеют не только денотативное значение (то есть значение определенного действия, факта, пропозиции), но и содержат в качестве обязательного компонента своего значения разнообразные субъективные оценки со стороны автора речи, распространяющиеся на пропозицию, выраженную в придаточной части. При этом денотативное значение опорного слова в ряде случаев затушевывается, в какой-то мере погашается, отодвигается на второй план, а опорное слово фиксирует оценку, реакцию говорящего на факт, ситуацию, выраженные придаточной частью [1: 22].

По своей структуре и значению изъяснительные конструкции разнообразны. Но все их объединяет то, что они указывают на психический акт, произведенный определенным лицом и направленный на событие, обозначенное в придаточной части, на оценку этого события.

Интересны в этом плане конструкции, где в качестве придаточных выступают два и более предложений. В этом случае свободно присоединяются к опорному слову придаточные одной разновидности, например,

- собственно-изъяснительные: *...она (Ольга Ивановна) в отместку **напишет** ему (Рябовскому) теперь, **что** он каждый год пишет все одно и то же и (**что**. – Е.Ш.) каждый день говорит одно и*

то же, **что** он застыл и **что** из него не выйдет ничего, кроме того, что уже вышло... (А. Чехов. Попрыгунья);

- изъяснительно-определительные придаточные предложения: Он (Николай Терентьевич) **заговорил о том, о чем не следовало упоминать ни в шутку, ни всерьез, о чем полагалось молчать** (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

- изъяснительно-восклицательные придаточные предложения: И он (Михаил Аверьяныч) **рассказывает, как жилось прежде здорово, весело и интересно, какая была в России умная интеллигенция и как высоко она ставила понятия о чести и дружбе** (А. Чехов. Палата № 6);

- изъяснительно-вопросительные придаточные предложения: До полночи **вразумлял** его (Прохора) Иннокентий Филатыч, **как надо плыть неведомой рекой, что надо высматривать, с кем сводить знакомство** (В. Шишков. Угрюм-река);

- изъяснительно-побудительные придаточные предложения: Потом она (Ольга Ивановна) начинала **умолять** его (Рябовского), **чтобы он любил ее, не бросал, чтобы пожалел ее, бедную и несчастную** (А. Чехов. Попрыгунья).

В результате анализа таких предложений было обнаружено, что опорные слова могут присоединять или только союзные придаточные, или только релятивные. Так, собственно-изъяснительные однородные придаточные предложения прикрепляются к опорным словам при помощи союзов **что** или **как**, а изъяснительно-вопросительные придаточные допускают соподчинение при помощи различных союзных слов, при этом в глаголе актуализируется одна сема – сема поиска информации, а релятивы **где, куда, какой, чей, что** и другие выражают лишь разное направление этого поиска: ...Он (Прохор) **быстро прикидывал** в уме, **что** еще ему скажет прокурор и **как** выкрутить из этой петли свою голову (В. Шишков. Угрюм-река).

Кроме того, вопросительные придаточные могут одновременно присоединяться к опорному слову при помощи релятивов и союзной частицы **ли**: Она (Нина) часто **раздумывает** над тем, **когда** вернется муж и **вернется ли** он (В. Шишков. Угрюм-река).

Объясняется это тем, что оба этих типа изъяснительных придаточных требуют наличия и реализации в опорном глаголе одной и той же семы – семы поиска информации.

И невозможна одновременная сочетаемость союзных и релятивных придаточных, так как сема проецируемого отображения предмета действительности и сема поиска информации одновременно актуализироваться не могут: мы или ищем ответ на вопрос, или воспринимаем, осмысливаем факт, данный нам в восприятии (в настоящем или прошлом). Эти действия могут быть только последовательными, но не одновременными, хотя в литературе нам встретился подобный пример: *Пронзительный звон взрывает видение. Я вскакиваю, и, шаря по тумбочке, пытаюсь заглушить привезенный из России будильник; я все еще сплю и не сразу могу вспомнить, что нахожусь в своей спальне и где расположено окно, а где дверь* (В. Лобас. Желтые короли). Но это предложение воспринимается нами скорее как предложение с эллиптической структурой, в которой пропущен второй предикат (напр.: *никак не соображу*).

Однако среди союзных придаточных возможно одновременное подчинение разных типов изъяснительных предложений, например, собственно-изъяснительных и изъяснительно-побудительных: *Художники пугались, шарахались, кричали, что она (Ван дер Белен) взбесилась, чтоб она немедленно катилась к чертовой матери, что на нее сейчас спустят собак, милицию вызовут* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

Такое соподчинение допускают глаголы **говорить, сказать, сообщить, кричать** и другие, у которых дифференциальной является сема сообщения, произнесения, а сема побуждения к действию потенциальная, сопровождающая дифференциальную. Следовательно, возможно одновременное сосуществование дифференциальной семы сообщения и потенциальной побуждения к действию, но не наоборот. Для глаголов **требовать, приказывать, просить** и других, у которых сема побуждения к действию является дифференциальной, такое соподчинение невозможно, так как в их семантической структуре вообще отсутствует сема проецируемого отображения предмета, факта дейст-

вительности, требующая сочетаемости с собственно-изъяснительными придаточными.

Кроме того, одновременно присоединяться к опорному глаголу могут собственно-изъяснительные и изъяснительно-ирреальные придаточные предложения: *Смотритель, кастелянша и фельдшер грабили больных, а про старого доктора... рассказывали, будто он занимался тайною продажей больничного спирта и что завел себе из сиделок и больных женщин целый гарем* (А. Чехов. Палата № 6).

Однако ирреальное придаточное актуализирует в глаголе сему недоверности, неуточненности сведений, и поэтому содержание второго придаточного тоже воспринимается как нереальное. Значит, в таких предложениях у глагола актуализируется только одна сема – сема недоверности информации, а союз **что** выступает эквивалентом союза **будто**.

Таким образом, одновременное подчинение возможно либо для союзных придаточных, либо для релятивных. Причем придаточные предложения должны реализовать либо только одну какую-либо сему в опорном глаголе, или же семы, согласующие семантику глагола и придаточного, должны быть совместимы (например, дифференциальная сема словесного сообщения и потенциальная сема побуждения к действию).

Все разновидности изъяснительных придаточных предложений могут согласовывать свою семантику как с дифференциальными семами опорного слова, так и с потенциальными. И запреты на сочетаемость глаголов с той или иной разновидностью изъяснительных придаточных предложений связаны лишь с семантикой опорных глаголов, с отсутствием в их семантической структуре соответствующих сем или же с их занятостью (при реализации сочетаемости с другими разновидностями изъяснительных придаточных). Отсюда и невозможность однородного соподчинения союзных и релятивных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова Г.Ф. Семантика и функции изъяснительных сложноподчиненных предложений в диалогической речи // Синтаксические отношения в сложном предложении. Калинин: КПГИ, 1989. С. 22-27.
2. Ильенко С.Г., Левина И.Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. Предисловие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 440 с.
3. Черемисина М.И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением *то* // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск: ИГУ, 1982. С. 10 – 20.

ШЕПЕЛЬ Юрий Александрович (*Днепропетровск, Украина*)

Днепропетровский национальный университет
имени Олеса Гончара
123zub@ua.fm

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ И ИЗОМОРФИЗМ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ (антропоцентрический подход)

Аннотация. В статье поднимаются вопросы антропоцентрического, когнитивного подхода к решению семантического наполнения словообразовательных рядов на примере прилагательных современного русского языка. В рамках этого подхода словообразовательные единицы определяются как такие, что имеют не одну, а две основные функции: они трактуются не только как единицы, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире, но и как порождающие концептуальный и языковой мир знания.

Антропоцентрическая, психологическая и когнитивная линии развития науки о языке, ясное осознание большой объяснительной силы и научной перспективы, которые стоят за функциональным подходом к анализу языковых единиц, моделей и явлений языка, привели учёных разных научных интересов к критическому переосмыслению многих лингвистических проблем, которые казались уже окончательно решёнными.

Сказанное в полной мере относится и к словообразованию. В настоящее время под влиянием идей и подходов, разработанных и разрабатываемых в рамках когнитивной лингвистики, изменился взгляд на центральный объект словообразования — производное слово. В работах когнитивного направления оно стало рассматриваться как единица хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания

(Е.С. Кубрякова). Когнитивное направление в лингвистике предложило новые подходы к анализу словообразовательных единиц, иначе, чем в традиционном ключе, описывая и структурируя комплексные единицы словообразовательной системы. В рамках этих подходов словообразовательные единицы определяются нами как имеющие не одну, а две основные функции: они трактуются не только как единицы, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире, но и как порождающие концептуальный и языковой мир знания. На наш взгляд, и типы, и гнезда, и словообразовательные ряды являются единицами хранения и упорядочивания информации, связанной с познавательной деятельностью человека, и это важнейшее их функциональное свойство предопределяет возможность единого к ним аналитического подхода.

Словообразование представляет собой функционирующую систему, способную самоорганизовываться в результате взаимодействия закономерных явлений внеязыкового и внутриязыкового характера.

Функционально-когнитивный подход к описанию словообразования помогает обнаружить такие свойства словаря, которые уже изначально предопределяют поведение лексических единиц в речевой коммуникации.

Опора на когнитивность способствует выявлению имплицитно и эксплицитно выраженных семантических компонентов в смысловой структуре изолированных слов и целых блоков лексем, связанных с глобальным концептом. Такой подход позволяет дать функционально-семантическую классификацию лексической системы языка с учетом тех знаний, которые зафиксированы в словарных единицах.

Какими бы сложными ни казались правила описания формального аспекта производных слов, наиболее трудными и не поддающимися строгой регламентации являются правила, отражающие семантические аспекты взаимодействия производящих баз и аффиксов и семантические свойства конечного результата этого взаимодействия — производного слова. Эта неопределённость детерминируется тем, что закономерности, диктующие наличие этих правил, отражают неоднородность и многоплановость самой категории значения, которое пред-

ставляется как единство категориальных, грамматических, лексических и т.д. значений.

Если с формальной точки зрения словообразовательный ряд (далее — СР) мы классифицируем как конечное множество словообразовательных структур, характеризующееся тождеством последнего деривационного шага, то с семантической точки зрения его можно рассматривать как иерархически упорядоченный класс производных слов, объединенных тождеством лексико-грамматической принадлежности производных и словообразовательного форманта.

В статье для наглядного представления словообразовательной структуры и шагов деривации мною используются **R=слова аппликативной порождающей модели С. К. Шаумяна — П. А. Соболевой** (далее — АПМ), которые представляют собой наборы лексико-грамматических категорий, абстрагированных от морфемного воплощения, представленных генотипическим языком. При интерпретации R=слов отображаются живые словообразовательные связи языка, а не морфемный состав слова или история его образования (ср. у В. С. Перебийнос, Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловской). Слово в АПМ интерпретируется не только как синтаксическая, но и как аналитическая словоформа (*буду читать* – R_1O), а также как сочетание служебного и полнозначного слов (*под горой* → *подгорный*, *меж галактиками* → *межгалактический* $R_3R_4R_2O$). Такая интерпретация предполагает, что связки, предлоги, аналитические служебные элементы приравниваются к аффиксальным [3:18]. **R=структурой** называем любую совокупность R=слов, сопоставляющихся L=структурам. Например, L=структуре на *=льн(ый)* соответствует совокупность пяти R=слов: R_3R_1O , $R_3R_3R_2O$, $R_3R_1R_3O$, $R_3R_3R_2O$, $R_3R_1R_2O$. Поскольку между L=словами и R=структурами устанавливаются одно-многочленные соответствия [см.: 2 : 22-23], в настоящем исследовании используем термин **подструктура** в случаях, когда (1) одна R=структура включает в себя часть R=слов другой структуры – вторая в этом случае есть подструктурой первой. Например, R=структура, соответствующая L=структуре *не=*, состоит из R=слов: $R_3R_3R_2O$ *негигиенический*, *негармонический*; R_3R_3O *незаурядный*, *неучтивый*, *нетрезвый*, *нетруд-*

ный, нетвёрдый и является подструктурой по отношению к R=структуре, сопоставляющейся L=структурам *а=, ир=, небез=, вне=, при=, суб=, меж(ду)=*; (2) только часть слов входит в R=структуру, а не все R=слова. Например, слова $R_3R_3R_1R_1O$ (*постпосевной*) и $R_3R_3R_2R_2O$ (*последниковый*) представляют подструктуру по отношению к R=структуре, соответствующей L=структуре *пост=*. Одна и та же совокупность R=слов под одним углом зрения может рассматриваться как структура, а под другим, – как подструктура. Поэтому параллельно с терминами L=структура и R=структура в работе также используются термины **структура** и **подструктура**.

Формантной частью мы называем компонент в структуре деривата, который отражает формальную операцию, используемую в акте создания деривата, и является проекцией данной операции в виде того или иного «следа». Так как формальные операции в каждом языке могут быть исчислены, словообразовательные модели устанавливаются в зависимости от используемых на последнем шаге деривации формальных операций и их отражения в виде тех или иных морфемных последовательностей.

CP — языковая сущность, что обуславливает правомерность исследования его семантической структуры по аналогии с семантической структурой слова. Семантическая структура слова формируется за счёт словообразовательного значения деривата, но описание последнего строится применительно к конкретному слову. Это значит, что дефиниция, характеризующая семантическую структуру слова, представляет собой описание его лексического значения как конкретного и индивидуального представителя своего словообразовательного ряда, как носителя словообразовательного значения в его конкретном облике.

В предлагаемом нами аспекте термины «семантическая структура слова» и «семантическая структура ряда» (равно как и гнезда) коррелируют. Последняя осмысливается нами не как механическая сумма значений всех слов того или иного словообразовательного ряда, а как совокупность вариантов ряда, находящихся в определённом отношении к его семантической структуре.

Подобно слову, которое может быть определено как совокупность внутренне взаимосвязанных и формально тождественных ЛСВ, словообразовательный ряд может быть описан в терминах единиц более низкого по отношению к нему порядка. В нашем исследовании такой единицей является **структурно-семантический вариант ряда**, или **семантический подряд**. Тип отношений, связывающих структурно-семантический вариант ряда (подряд) и словообразовательный ряд (также, как ЛСВ и слово, структурно-семантический вариант гнезда и гнездо) рассматривается как отношение включения: *структурно-семантический подряд =>словообразовательный ряд* (ср. ЛСВ =>слово, ССВ =>СГ). Определение понятия «совокупной семантики словообразовательного ряда» выделяется из его соотношения с понятием **семантический объём ряда**. Термин «семантический объём ряда» обозначает количество значений всех составляющих тот или иной ряд производных слов того или иного словообразовательного типа. Порядок вхождения словообразовательных значений производных слов словообразовательного ряда в его семантическую структуру нерелевантен для семантического объёма, но значим для «совокупной» семантики.

Семантическое различие между прилагательными разных и одних и тех же рядов в большей мере заключается не столько в их мотивированности / немотивированности, сколько в самом характере признакового значения, его качественности. Прилагательные аналитически выражают те признаки, которые содержатся в значении(ях) поясняемых ими существительных и других частей речи.

Поднимая вопрос о семантической структуре СР, в статье мы попытаемся показать, как содержательные характеристики производных прилагательных, составляющих СР, коррелируют со словообразовательной структурой, что, собственно, предопределяет отнесение производных разных словообразовательных рядов к одному или к разным семантическим полям.

Значительное количество однокорневых слов, принадлежащих к разным СР и вступающих в синонимические и паронимические отношения, являются многозначными словами.

Между многозначными словами возможны смысловые связи по одному из значений, т.е. отдельные ЛСВ полисемичных слов могут вступать в синонимические связи [1]. Когда отдельные значения полисемичных слов вступают в синонимические отношения, другие обнаруживают паронимические связи. Паронимические отношения отдельных значений полисемичных слов можно проиллюстрировать на примере прилагательных, относящихся к СР на *=ическ(ий)*, *=ичн(ый)*. Эти прилагательные в русском языке, как правило, представлены коррелятивными парами типа *академический – академичный*, *автоматический – автоматичный*, *аллегорический – аллегоричный*, *анархический – анархичный*, *антипатический – антипатичный*, *апокрифический – апокрифичный*, *ароматический – ароматичный*, *артистический – артистичный*, *астматический – астматичный*, *атавистический – атавистичный*, *демократический – демократичный* и др. (всего 54 пары). Сложные отношения между парами прилагательных на *=ическ(ий)*, *=ичн(ый)* создаются полисемантизмом многих прилагательных ряда на *=ически(ий)*, которые, развивая качественные значения, синонимизируются с прилагательными СР на *=ичн(ый)*. Например, в МАСе слово *методичный* объясняется как «то же, что и *методический* во втором значении», то есть с прилагательным *методичный* прилагательное *методический* совпадает в качественном значении. Аналогичные отношения имеют место у пар *антагонистический – антагонистичный*, *демократический – демократичный*, *драматический – драматичный*, *лирический – лиричный*, *мелодический – мелодичный*, *метафизический – метафизичный*, *мифический – мифичный*, *мистический – мистичный*, *патриотический – патриотичный*, *прозаический – прозаичный*, *поэтический – поэтичный*, *психологический – психологичный*, *ритмический – ритмичный*, *полемический – полемичный*, *иронический – ироничный*, *симптоматический – симптома-тичный*, *статический – статичный*, *схематический – схематичный*, *трагический – трагичный*, *феерический – фееричный*, *цинический – циничный*, *флегматический – флегматичный*, *романтический – романтичный*, *фантастический – фантастичный*.

Для дифференциации словообразовательной паронимии и синонимии мною используется идея о логическом отношении омосемичных единиц при синонимии: полное совпадение и включение (=абсолютные синонимы), пересечение (=частичные синонимы), полное несовпадение (=разные слова).

Различаются лексические и словообразовательные синонимы и паронимы.

Паронимы лексические — это слова разных словообразовательных гнезд, образуемые от омонимичных корней или одного корня. Лексические значения компонентов паронимической пары обязательно разграничены, ср.: *земляной* – *земной*, *обидный* – *обидчивый*, *цветной* – *цветовой*, *просительный* – *просительский*, *разборочный* – *разборчивый*, *спасательный* – *спасательский*, *непроницаемый* – *непроницательный*.

Частичные синонимы ∨ паронимы — это близкие по значению однокорневые слова, располагаемые в одном словообразовательном гнезде, но в разных СР. Для частичной паронимии ∨ синонимии характерна синонимия ступеней деривации, ср.: *покупательный* – *покупательский* $R_3R_1R_1O$ – $R_3R_2R_1R_1O$, *малахитный* – *малахитовый* R_3R_2O , *раскольнический* – *раскольничий* $R_3R_2R_1R_1O$, *насильный* – *насильственный* R_3R_2O / $R_3R_2R_3R_2O$, *мелодический* – *мелодичный* R_3R_2O , *прозаический* – *прозаичный* R_3R_2O , *сладкий* – *сладостный* R_3O / $R_3R_2R_3O$ и др.

Для синонимов, образуемых на одном и том же шаге деривации, характерна синонимия аффиксов, ср.: *нераздельный* – *неразделимый*, *романтический* – *романтичный*, *ремесленнический* – *ремесленный*, *наследный* – *наследственный*, *дарёный* – *даровой*, *гневливый* – *гневный*. Отдельную тему для изучения представляют словарные «паронимические пары», характеризующиеся наличием полисемичного параллелизма в словах с лексической полисемией.

Частичная синонимия ∨ паронимия чаще всего сохраняется на уровне ЛСВ многозначных слов. Сохранение семантических связей между ЛСВ даёт возможность лексикографам идентично толковать пары слов, приводимые в словаре О. В. Вишняковой [12] как паронимы.

Довольно часто такие пары слов рассматриваются как *словообразовательные варианты*. Различение словообразовательных синонимов и вариантов — специальный вопрос, требующий дальнейшего специального исследования с позиции семантической структуры словообразовательных гнезд и пересечения словообразовательных рядов. Не меньший интерес могут представлять синонимы ∨ паронимы, образуемые на базе одного / нескольких значений омонимичных слов типа *публицистический*_{1,2} и *публицистичный*₁.

Попытку осмыслить паронимию и показать паронимы в их связях с другими языковыми единицами, определить свойственные им признаки предприняли украинские лингвисты Д.Г. Гринчишин и А.А. Сербенская [13]. В основу анализа учёные положили понятие «семантического поля». В словаре авторами различаются полные и неполные паронимы. В частности, отмечается, что «способность полностью расходиться в значениях проявляют *полные* паронимы (их ещё называют настоящими, абсолютными или максимальными). Однако в определенные паронимические отношения могут вступать также и близкие в звуковом отношении слова (чаще всего однокорневые), у которых процесс размежевания по значению полностью не завершился: в отдельных значениях они расходятся, в других – сближаются, вступая далее в синонимические связи. Это — *неполные* паронимы» [13: 4]. Авторы словаря неполные паронимы относят к частичным синонимам.

Основой выделения паронимов среди однокорневых разноаффиксальных образований является семантическая оппозиция слов одной части речи, образованных от одного корня.

В сфере имён прилагательных среди лексических паронимов широко представлены суффиксальные образования: *хваткий // хватский, старательный // старательский, разборочный // разборчивый, обличительный // обличительский, опытный // опытный, наёмный // наёмный, мучительный // мучительский, наблюдательный // наблюдательский, просветительный // просветительский, неорганический // неорганичный, ароматический // ароматичный* и др.

Паронимия, на мой взгляд, является следствием словообразовательных процессов и пересечения семантических полей однокорневых разноаффиксальных производных СР. Для слов-паронимов характерно несовпадение (почти полное) сфер лексической сочетаемости, что исключает употребление одной паронимической лексемы вместо другой в одном и том же контексте. При возможном совпадении лексической сочетаемости паронимов некоторых пар (ср.: *реальный взгляд // реалистическое искусство*) наблюдается несовпадение сфер содержательного отождествления, что также исключает взаимозаменяемость лексем одной и той же паронимической пары.

Однокорневые слова становятся паронимами, когда приобретают наибольшую самостоятельность, наибольшую дифференцированность в своём лексическом значении, ср.: *солярный // соляровый, командированный // командировочный, склочнический // склочный, эстетный // эстетский, строительный // строительский, просительный // просительский, прожигательный // прожигательский, луковичный // луковый, непроницаемый // непроницательный, поручительный // поручительский, отходный // отходчивый, проповеднический // проповедничий, подрядный // подрядческий, гусачий // гусячий, мучительный // мучительский, наёмничий // наёмный, опытнический // опытный, старательный // старательский, спасательный // спасательский, обличительный // обличительский, разборочный // разборчивый* и др. Поэтому невозможно отнести к абсолютным паронимам все однокорневые слова, в которых одно слово указывает на признак, а другое — на часть этого же признака в ином качестве и количестве типа *мучной – мучнистый, волосатый – волосастый, носатый – носастый* и др.

Для разграничения паронимов и синонимов необходимо найти признаки, определяющие каждое из этих двух лингвистических явлений в системе однокорневых образований. Тем общим, что создаёт предпосылки для смешения однокорневых разноаффиксальных слов в процессе их употребления, являются:

на семантическом уровне — близость Понтий пары (или большого количества) слов;

на морфологическом уровне — общность корневой морфемы и принадлежность к одной части речи;

на фонетическом уровне — сходство звуковых оболочек слов.

Отсюда, с лексической точки зрения синонимы — однокорневые слова в том случае, если они выражают одно понятие, имеют значение одного объёма, одинаковую лексическую валентность, принадлежат к одной и той же части речи, стилистически разноплановы. Паронимы — если они выражают разные понятия, дифференцирующий элемент значения указывает на неполное совпадение смысловых объёмов членов ряда, что превращает их в отдельные лексические единицы и проявляется в специфике их сочетаемости с другими словами при функционировании их в языке.

При выявлении объёмов значения однокорневых образований обнаруживается разрыв в семантическом содержании как у синонимов, так и у паронимов. Однако для синонимов характерны незначительный семантический сдвиг и, в большинстве случаев, стилистическая разноплановость. Для паронимов разрыв в семантическом содержании является более существенным.

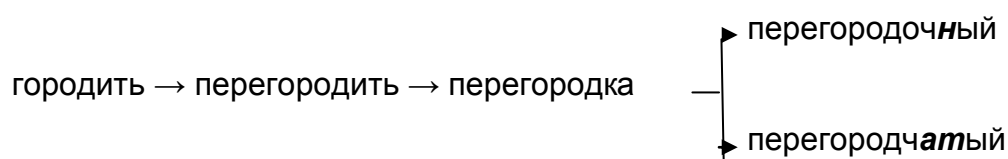
Так как речь идет об однокорневых словах разных СР, то в основу разграничения таких образований, как синонимы и паронимы, должен быть положен принцип общности и различия.

Однокорневые синонимы и паронимы имеют общий смысловой центр. Они семантически сопряжены, как было показано выше, через семантическую мотивированность и вершину словообразовательного гнезда. Но у двух слов, составляющих паронимическую пару, различна предметно-логическая основа, что вызывает их разную лексическую сочетаемость. Проверкой разрыва в семантике двух, как минимум, производных слов от моносемичных корней может служить подбор синонимов к каждому из них [4]. Так, в парах прилагательных *главный // заглавный, незаменимый // незаменный, неслышимый // неслышный, гнилой // гнилостный, дождевой // дождливый, духовный // духовой, дымный // дымовой, дарёный // даровой, грозный // грозовой, громкий // громовой, водный // водяной, шумный // шумовой, шелковистый // шёлковый, каменистый // каменный, лобный // лобовой, зернистый //*

зерновой, горделивый // гордый, гневливый // гневный замена одного компонента другим — признак паронимической аттракции, или семантического синкретизма, на основе близости звучания элементов каждой пары и подсознательной ассоциации говорящего, который устанавливает семантическую параллель между разными по значению словами. Такое непреднамеренное смешение основывается на том, что смысловая сторона компонентов таких пар однокорневых слов подвержена психологическому перенесению прямого значения на переносное. Синонимическое выравнивание слов по аналогии оказывается функциональным проявлением паронимии.

Среди общего числа лексических паронимов, входящих в адъективные словообразовательные ряды, наиболее пополняемой в современном русском языке последних десятилетий является группа суффиксальных прилагательных. В образовании их принимают участие такие суффиксы, как *=н/=лив=*, *uj/=ск=(=еск)*, *uj/=ов/=ев=*, *=uj/=н=*, *=чат/=очн=*, *=ат/=аст=*. Однако наиболее продуктивными являются ряды прилагательных на *=ическ(ий)/=ичн(ый)*, *=еск(ий)/=н(ый)*.

К словообразовательным паронимам относим слова, располагаемые в пределах одного словообразовательного гнезда, но разных словообразовательных рядов и различающиеся лексическим значением, ср. пару *перегородочный // перегородчатый*:

Словообразовательная паронимия появляется 1) как следствие словообразовательных отношений, устанавливаемых между разными значениями полисемичных слов (*кондукторный – кондукторский*); 2) в результате развития V появления словообразовательной омонимии на нулевом шаге или $n + 1$ шаге деривации (*коренной – корневой, клеточный – клетчатый*); 3) за счет направления актов деривации в разных ветвях одного словообразовательного гнезда, ср. *пес > псарня > псарный* и *пес > псарь > псарский*; 4) за счет разной степени проявления признаков (*водный – водяной, болотистый – болотный*); 5) в

связи с сохранением семантической связи с устаревшими словами (*ниточный* – *нитяный*).

Исходя из факта существования морфологического варьирования слова в языке, словообразовательные синонимы понимаются мною как модификации количества и материального состава словообразовательных морфем, не нарушающие тождества слова. Основными признаками словообразовательных синонимов являются а) тождество корневой морфемы и б) семантическая близость, находящая отражение в синонимии словообразовательного форманта и одинаковой синтаксической функции производного, ср.: *зубатый* и *зубастый*, *сверхмодный* и *супермодный*, *архимодный*. Появление и развитие полной или частичной лексико-словообразовательной синонимии наблюдается обычно в той группе однокорневых паронимически связанных слов разных словообразовательных рядов, которые входят в одно гнездо и образуются или на одном и том же деривационном шаге, или на разных шагах деривации, ср.: *мелодия* > *мелодичный*, *мелодический* R_3R_2O , *мистика* > *мистический*, *мистичный* R_3R_2O , *хватать* (*хватить*) > *охватить* / *обхватить* > *охваченный* / *обхваченный* $R_3R_1R_1O$, *чеканить* > *чеканка* > *чеканочный* / *чеканный* $R_3R_1R_1O$; *наследовать* > *наследный* и *наследовать* > *наследство* > *наследственный* R_3R_1O / $R_3R_2R_1O$, *сладкий* > *сладостный* R_3O / $R_3R_2R_3O$, *шелк* > *шёлковый* и *шёлк* > *шёлковый* > *шелковистый* R_3R_2O / $R_3R_3R_2O$ и др. Следствием словообразовательной синонимии является формантная избирательность производящих внутри словообразовательного гнезда, то есть образование слов по одной и той же словообразовательной модели.

Среди словообразовательных синонимов одного словообразовательного гнезда, но разных СР выделяются (1) производные одного и того же шага деривации (назовём их **одношаговыми равнопроизводными**), ср.: *безотлучный* – *неотлучный* (R_3R_1O), и (2) производные разных шагов деривации (назовём их **межшаговыми равнопроизводными**), ср.: *боевой* – *боевитый* $R_3R_2R_1O$ – $R_3R_3R_2R_1O$ и др.

Равнопроизводные прилагательные-синонимы подразделяются на две группы: корневые, ср. *отчетливы* – *четкий* R_3O ; и аффиксальные, ср.: R_3R_1O *безвозвратный* – *невозвратный*, *безутешный* –

неутешный, безотлучный – неотлучный; R₃R₂O гармоничный – гармонический, мелодичный – мелодический, басистый – басовитый; R₃R₃O безопасный – неопасный (опасный).

Разнопроизводные словообразовательные синонимы-прилагательные в структурном отношении также характеризуются, как и равнопроизводные, неравнозначностью и подразделяются на две группы: 1) одно моноформично — другое полиформично, ср. *великий R₃O – величавый R₃R₂R₃O ∨ R₃R₃O, бестактный R₃R₂O – нетактный R₃R₃R₂O ∨ R₃R₂O, бесталаный R₃R₂O – неталантливый R₃R₃R₂O ∨ R₃R₂O*; 2) оба синонима полиморфичны, ср.: *антинаучный R₃R₂O ∨ R₃R₃R₂O – ненаучный R₃R₂O ∨ R₃R₃R₂O; безызвестный – неизвестный; невооруженный R₃R₃R₁R₂O ∨ R₃R₁R₂O – безоружный R₃R₂O ∨ R₃R₁R₂O*.

Прилагательные-синонимы одного словообразовательного гнезда и разных СР характеризуются в основном гетерогенность R=структуры. Гомогенные R=структуры можно наблюдать в группе отадекватных производных со значением негации и противопоставления (*неспокойный – беспокойный, безвозбранный – невозбранный*) и количественным значением (*подслеповатый – подслепой, святой – священный*).

Смысловые различия между словообразовательными синонимами большей частью характеризуются либо количественным признаком, либо наличием негации. Количественный признак для ряда производных прилагательных русского языка может усложняться эмоционально-оценочной коннотацией, ср.: *здоровый – здоровенный (прост.)*.

Подводя итог вышеописанному, отметим следующее.

Чтобы ответить на вопрос, существует ли связь между тождеством аффикса и сходством семантической структуры ряда, необходимо изучить **аналоги**, то есть словообразовательные ряды, имеющие тождественные ЛСВ ряда. СР слов являются составляющими более крупных образований – аллигатур [8; 9; 10; 11]. Поэтому лексико-семантический вариант ряда описывается в виде дефиниции какого-либо слова, в котором она реализуется. СР распадаются на составляющие, что включают слова, реализующие одно из значений соответ-

ствующего аффикса. Например, суффикс =н= актуализирует шесть общих значений – наличия, включения, отношения, состояния, подобия, свойства, ср.: *кирпичный дом, кирпичный завод, кирпичный цвет; ружейный завод, ружейный приклад, ружейный выстрел; сахарный завод, сахарный мешок, сахарный тростник, сахарный бисквит, сахарная пудра, сахарные деньги, сахарное производство, сахарные уста, сахарный поцелуй* и т.д. Отсюда, ряд на =н(ый) распадается на шесть подрядов. Подряды соединяются словами, в которых суффикс актуализирует все значения. Поэтому суммарный ряд будет представлять собой совокупность подрядов, объединенных многозначными словами. Это даёт возможность установить критерий определения границы ряда(ов): ***если в совокупности слов, обладающих общим структурным сегментом, отсутствуют связующие элементы, то эта совокупность распадается на несколько суммарных рядов слов (=лексико-семантических вариантов рядов слов).***

Лексико-семантический вариант ряда образуют слова, которые реализуют одно из значений соответствующего аффикса. Ср. общее, инвариантное значение суффикса =ов= «принадлежащий тому, что названо мотивирующим словом» и реализуемые в производных словообразовательного ряда значения «принадлежащий...» (*кучеров дом*), «находящийся в определенных отношениях с тем / чем, кто / что назван(о) мотивирующим словом» (*инженеров отец*), «являющийся частью...» (*отцова шея*); «осуществляемое тем, кто назван мотивирующим словом» (*мальчиково бегство*). При этом в определенных словосочетаниях каждое из приведенных нами прилагательных может выступать в любом из названных значений.

Явление семантической вариантности является одним из универсальных свойств живого языка, обусловленное широкими потенциальными возможностями языковой системы и наблюдается на разных уровнях языка — можно проследить на уровне словообразовательного ряда как макроединицы языка. Семантическое варьирование рядов проходит по линии основ, тогда как стабильной, устойчивой, инвариантной остаётся семантика форманта.

Варьирование СР — один из способов существования этой словообразовательной единицы. Отмеченные нами в исследовании типы варьирования отнюдь не исчерпывают всего многообразия варьирования словообразовательного ряда. Это еще раз подтверждает всю сложность проблемы варьирования словообразовательного ряда и открывает перспективы дальнейших исследований в этой области.

Теория «поля» является одной из сторон системного анализа языковых фактов и помогает проследить за динамикой семантического развития производной лексики.

СР представляет собой словообразовательное поле (по П. А. Соболевой — лингвистическое поле [5; 6; 7]), инвариантом которого является множество словообразовательных структур и деривационный шаг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев. Штиинца, 1973. 372 с.
2. Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. М. Наука. 1967. С. 92 – 103.
3. Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц (количественные и качественные характеристики). Львов. Вища шк., 1988. 161 с.
4. Русская грамматика : в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980. 783 с.
5. Соболева П.А. Моделирование словообразования // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 165 – 212.
6. Соболева П.А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов // Проблемы структурной лингвистики 1976. М.: Наука, 1978. С. 5 – 34.
7. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М.: Наука, 1980. 294 с.
8. Шепель Ю.А. Моделирование словообразовательных рядов слов. Днепропетровск: Наука и образование, 2000. 319 с.
9. Шепель Ю.А. Словообразовательный ряд : принципы построения и анализа. Днепропетровск. Наука и образование, 2001. 116 с.
10. Шепель Ю.А. Семантическая структура словообразовательных рядов и словообразовательное (лингвистическое) поле // Нова філологія. Збірник наукових праць. Запоріжжя. ЗНУ, 2008. № 32. С. 296 – 300.
11. Шепель Ю. А. К вопросу об определении направления производности при построении словообразовательных рядов // Вісник Харківського національного університету ім. В. Каразіна : романо-германська філологія, 2001. № 536. С.13 – 20.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

12. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М. Рус. яз. 1984. 352 с.
13. Грінчишин Д. Г., Сербенська О. А.. Словник паронімів української мови. К. Рад. школа, 1986. 222 с.

ШЕТЭЛЯ Виктор Мечиславович (*Москва, Россия /
Варшава, Польша*)

Московский педагогический государственный университет
szetela@mail.ru

ПОЛЬСКАЯ АНТРОПОНИМИКА В АМЕРИКАНСКОМ КИНО (польские фамилии в иноязычном исполнении)

Аннотация. В статье рассматривается проблема способов употребления в титрах и сценариях американских фильмов польских антропонимов. Миграция за океан в 80-90-х гг. польской интеллигенции, в том числе и известных работников кинематографа, нашедших место в американской киноиндустрии, послужила популяризации польских имен в мире. В статье рассматривается проблема того, как польские фамилии в специфическом польском написании и произношении адаптировались в англо-американском контексте.

В связи с миграционными процессами, которые происходили в польском обществе в 80-90-х гг. прошедшего столетия, в сценариях и титрах фильмов голливудской продукции, попавших затем на экраны России и Польши, можно было отметить наличие польских фамилий.

Переселение представителей польской интеллигенции за океан, известных польских режиссеров, авторов, сценаристов отразилось в какой-то мере на темах заокеанского кино.

Нельзя сказать, что польские фамилии прямо заполнили экран, но при просмотре американских фильмов польская антропонимика нет-нет да и проявляется.

Проявляется она при упоминании фамилии режиссеров, сценаристов и польских актеров, а также, например, при вводе в сценарии персонажа с польской фамилией, что находит отражение, например, в титрах американских фильмов, программах, в анонсах на эти фильмы.

Признанные в мире польские художники кинематографа были приняты на работу в американской индустрии, что до какой-то степени «ополячило» американские картины в последующий период 80-90-х гг. и, по сути, обозначило явление первой заметной волны славянской творческой миграции нашего времени на американскую творческую площадку.

После польской миграции последовала миграция мастеров других славяноязычных стран, что по-разному отразилось в американской культуре.

По давним традициям, существующим в странах с латиноязычной письменностью, польские антропонимы в иностранных изданиях передаются по общепринятым правилам, т.е. фамилии пишутся так, как принято их писать в местах, откуда родом носитель данной фамилии.

В орфографии польских антропонимов, как известно, отражается вся система знаков польского алфавита.

Буквы польского алфавита в своей основе, как известно, латинские, имеют ряд особенностей, отражающей орфоэпические признаки польского языка.

Вспомним, хотя бы о существующих в польском языке букв с точками, запятыми («кресками»), «хвостиками». Вспомним о носовых гласных *ą*, *ę*, которые произносятся по-особому, или же вспомним о произношении сочетания букв *rz*, которые после глухой согласной произносятся как [ʂ], прочтений *sz*, *cz*, *ch*, *ł*, *ó* и т.д.

Ряд фамилии сохраняют в англо-американском тексте так, как их принято записывать в Польше.

Напр.: *David Drzewiecki* (х/ф «Сеть», программа «СТС», 8 сент. 03 г. в 21.00); *Anna Florek* (х/ф «Полет захватчика», программа «Россия», 24 апр. 03 г. в 23.45); *Anna Jacyszyn* (х/ф «Первые 9 ½ недели», М-1, 17 июля 04 г. в 2.50); *Alain Jakubowicz* (х/ф «Команда», М 1, 11 марта 04 г. в 20.55); *Alain Jakubowicz* (в титрах х/ф «Невидимый горизонт», REN TV 10 марта 04 г. в 1.30); *Janisz* и *Zaremba* (в титрах фамилии актеров в х/ф «Богатенький Ричи», СТС, 4 апр. 03 г.); *Gutowski* (в титрах х/ф «Беглецы», НТВ, 31 мая 03 г.); *Tom Karnowski* (в титрах х/ф «Солдат Апокалипсиса», 22 марта 04 г.); *Olek Krupa* (х/ф «Черная радуга», М-1, 15 апр. 04 г. в 21.05); *Marcin Laskowski* (в титрах авторов х/ф «Детективы-2», М-1, 7 апр. 04 г.); *Robert Misirowski* (х/ф «Наблюдатели», СТС, 23 июня 03 г. в 21.00); *Bob Zembicki* (х/ф «Крик-2», СТС, 2 марта 04 г.) и др.

Сопутствующие фамилиям имена, как видим, подвергаются более быстрой «американизации». Еще один яркий пример: *John Paragon* (х/ф «Няньки», СТС, 28 июля 03 г. в 21.00). Фамилия представляет

собой по своей форме прозвище. Слово *ragapon* обозначает «кассовый чек».

Фамилии с указанными выше орфографически-орфоэпическими признаками также могут подвергаться в любой иноязычной среде деформации.

Примеры деформации можно встретить даже в среде носителей русского языка – языка близкородственного по отношению к польскому языку. Скажем, интересным в этом плане являлся «ляп» московского спортивного комментатора на последнем чемпионате мира по футболу во время матча с участием польской сборной.

Комментатор упорно называл польского футболиста **Баком**, хотя на футболке спортсмена виднелась его фамилия с носовой гласной и фамилия **Ва́к** должна была произноситься как [Бонк]. После перерыва комментатор в извиняющихся тонах пояснил, что, по-видимому, польское **а** читается несколько иначе, чем в русском языке.

Основным вопросом настоящей статьи является вопрос о том, как польская орфография и орфоэпия реализуются на романо-германской (американской) языковой почве.

«Прочтение» американца польского слова по местным, может быть даже диалектным тexasским или другим нормам, деформирует звуковое оформление польского антропонима.

Даже если в написании фамилии долго сохраняется привычный строй польского языка, то на уровне орфоэпии «польскость» в фамилии чаще всего не сохраняется. Это могут быть незначительные изменения, которые не создают трудности в идентификации слова.

Такой случай представляет собой фамилия **Szalinski** персонажа художественного фильма «Дорогая, я уменьшил детей» (фильм показан по СТС 9 марта 04 г. в 16.00 – 17.00). В этом фильме ведется даже между персонажами фильма разговор на тему странности фамилии, что нам передает закадровый голос: « – Szalinski! Откуда такая дурацкая фамилия?» и ответ: « – От моего отца». Сценка много говорит о восприятии американцами фамилии, ее необычности и инородности в американской языковой среде.

Фамилия персонажа и актера, исполняющего эту роль, обозначена в титрах. Фамилию произносят неоднократно по ходу действий, и повторяется она закадровым голосом переводчиком. Этот факт также может вызвать интерес, поскольку можно наблюдать несоответствие того, что произносится персонажем, и как звучание фамилии передается российским переводчиком.

По вполне естественным причинам закадровый голос польского переводчика для польского зрителя, в отличие от голоса русского переводчика для российского зрителя, будет отличаться гиперправильностью, т.е. польский закадровый голос будет исправлять все неточности американского произношения и где-то даже исправлять замыслы сценариста.

В случае со словом **Szalinski** отметим, что с точки зрения польского языка слово-антропоним написано и произнесено неправильно, что и видно по написанию. Слово потеряло нужную по нормам польского языка черточку («креску»), которая обычно обозначает мягкость произношения [ń]. В фильме должно было быть – Szaliński.

Подобная потеря ń имеет место и в фамилии **Buchinski** – один из актеров фильма «Этот ужасный кот» (показан по СТС 6 мая 03 г. в 21.00). Должно было быть **Buchiński**.

Потерю точки над **z** отметим в американизированной фамилии Sally **Poniewaz** (х/ф «Женская логика», программа М-1, 1 сент. 04 г.). Фамилия образована от *ponieważ* в значении «потому что», позволяющая предположить, что ее носители принадлежат к старой польской миграции на американском континенте.

Вероятно, польский мигрант обладал своей собственной труднопроизносимой для американцев фамилией, которая была заменена произвещем от часто повторяющегося им самим слова *ponieważ*. Наследница фамилии Sally является носителем фамилии, язык-источник которого достаточно легко определяется.

Отметим и другие факты деформации, напр.: антропоним *Peter Przygooda* (фильм «Париж. Техас», 24 августа 08 г. в 22.15). История фамилии аналогична предыдущей, но слово *przygoda* – “приключение” могла оказаться трудной для произношения, поэтому по этой причине

в польское слово добавилось **o** как в английском слове *good*. Можно только гадать, как произносился префикс *przu*.

Антропоним *Victor Slezak* («Мост округа Медисон», 1-ая программа, 12 февраля 05 г.) от **Ślęzak**. Можно предположить, что предки ее носителя являются давними выходцами из Силезии (Śląsk), на что указывает и силезская форма слова **Ślęzak**. Современная литературная форма – **Ślązak**, а по-силезски – **Ślęzak**. Заметная потеря мягкости *S* и носовых гласных.

Антропоним **Tomasoski** («Детективы-2», 1-ая программа, 7 апр. 04 г.). Данный вариант фамилии, на наш взгляд, точно отражает произношение ее американцем. Заметная потеря **z** в сочетании букв **sz** и потеря **w** опростила произношение этой фамилии, которая должна записываться как *Tomaszowski*.

В фамилии режиссера *Marek Kanievska* («Там, где деньги», М-1, 18 апр. 04 г., 18.00) имеется грамматическая ошибка – несогласование мужского имени с фамилией в женском роде, кроме того *V* вместо *W*.

Фамилия *Lori Slomka* («Тропой обреченных», Столица, 24 марта 04 г., 1.05) является «говорящей», поскольку **Slomka** значит «соломка», но здесь вместо *ł* имеется *l*. Должно быть **Ślomka**.

Отметим случай перевода фамилии **Szkolnik** (Школьник) на **Schoolnik** (документация не сохранилась).

Можно предположить, что чаще всего только через поколение имеет место закрепление «неправильной» нормы (по меркам польского языка), но «правильной» по англо-американской языковой норме.

Такой основной вывод можно сделать по материалам, собранным полевым способом непосредственно во время демонстрации фильма по российскому ТВ. Примеры употребления польских антропонимов можно отметить в программах и анонсах на эти фильмы.

Интерес представляет собой также произношение польских фамилии не только персонажами американского кино, а и, как отмечалось раньше, закадровым голосом русского переводчика.

Данная попытка понаблюдать за закадровым голосом не всегда может увенчаться успехом из-за быстроты происходящего на экране, тем не менее некоторые факты удалось отметить.

Напр.: фамилия **Warzowa** (х/ф “Drave”, REN TV 22 апр. 05 г. в 20.00), по-польски произносимая [vaʒova] в значении «вареная» потеряла это значение, поскольку в закадровом произношении прозвучала как [varsova]. Это произношение не поясняет мотивы, по которым было образовано слово.

Всякие изменения в произношении польского слова-антропонима отражаются в его написании и сопряжены с возможной утратой его прямого значения. Тем самым теряется мотив образования антропонима, на что указывают выше приводимые примеры: **Bąk, Paragon, Ponieważ, Przygoda, Słomka. Szkolnik, Ślęzak, Warzowa.**

ШМЫКАЛОВА Ирина Александровна
(Нижний Новгород, Россия)

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
МБОУ школа № 33 с углубленным изучением отдельных предметов
Нижегородского района г. Нижнего Новгорода
slovesnost@rambler.ru

ТЕКСТОВАЯ ПАРАДИГМА ПРЕДЛОГА *ПО ПРИЧИНЕ*: ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Аннотация. В статье выявляются условия функционирования и динамика речевой конкуренции членов текстовой парадигмы предлога *по причине*: *по причине этого – по причине этого (этой) N₂ – по этой причине.*

В последние десятилетия особую актуальность приобретает изучение поведенческих особенностей производных предлогов, проявляющихся в речи и обусловленных определенными конситуативными условиями. Эти поведенческие особенности объединяются понятием «текстовая парадигма предлога» [1: 8, 20], под которым понимается совокупность вариантов предложных конструкций, объединенных каким-то инвариантным признаком (признаками). Текстовая парадигматика предлога находит выражение в синонимических и антонимических отношениях разных типов: 1) варьируются предлоги, которые являются лексическими синонимами: **близ дома, около дома, возле дома**; 2) варьируются морфологические формы как «предложного», так и «именного» компонента сочетания: *(туфли) в тон пла-*

тья – в тон платью; работать близко к дому – близко от дома – близко с домом; 3) одно и то же значение может быть выражено целым рядом синонимических предложных единиц: *за пределами чего – вне пределов чего* [2: 19]. В данной статье мы рассмотрим парадигматический ряд *по причине этого – по причине этого (этой) N₂ – по этой причине*, инвариантным структурным признаком которого является базовая единица *по причине/причина*, сочетающаяся с анафорическим указательным местоимением, а инвариантным семантическим признаком – выражение отношений причинной обусловленности. Целью исследования будет выявление условий и динамики речевой конкуренции членов указанной парадигмы. Источником используемого здесь фактического материала послужили тексты, представленные в базе данных основного Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [3].

На базе отсубстантивного предлога *по причине* образуется два варианта связочных конструкций с анафорическим указательным местоимением: *по причине этого (этой) N₂* и *по причине этого*, где анафорическое местоимение является субстантивированным. Данные конструкции выражают причинно-следственные отношения в рамках простого и сложного предложений, а также между самостоятельными предложениями текста или сверхфразовыми единствами. Во всех случаях анафорическое местоимение *этот* отсылает к предикатному антецеденту и замещает сочетание слов, предикативную основу или предложение/сверхфразовое единство, которыми обозначается ситуация, послужившая причиной или поводом для другой.

Предложное сочетание *по причине этого (этой) N₂* встречается во всех указанных выше условиях: *Некоторые братья подверглись скорби на месте жительства своего, и по причине этой скорби вознамерились оставить это место (епископ Игнатий (Брянчанинов) «Отечник», 1863); Она дух – подобно ангелам, имеет ум, духовное чувство, свободную волю, но, как тварь, ограничена и по существу своему и по свойствам своим; по причине этой ограниченности имеет и свою степень тонкости... (епископ Игнатий (Брянчанинов) «Слово о человеке», 1862); В монастыре аввы Лота случилось*

искушение с некоторым братом. Брат, по причине этого искушения, был выслан из монастыря (епископ Игнатий (Брянчанинов) «Отечник», 1863).

Анализ данных НКРЯ свидетельствует о снижении активности варианта *по причине этого (этой) N₂*. Если во 2 пол. XIX в. он употреблялся во всех указанных выше условиях, то в настоящее время, как правило, служит для связи самостоятельных предложений в составе текста и используется редко (см. таблицу ниже):

	1750-1800	1801-1850	1851-1900	1901-1950	1951-2000	2001-2011
простое предложение	0	0	3	0	1	0
сложное предложение	0	0	3	0	0	0
между предложениями в тексте	0	0	5	2	3	3

Возможно, низкая активность предложно-падежного сочетания *по причине этого (этой) N₂* связана с необходимостью подбора существительного для номинализации предшествующей части текста, а также с ярко выраженной книжной окраской, не всегда уместной.

Теперь рассмотрим функционирование предложного сочетания *по причине этого*. Выделяя это связочное средство, мы исходили из аналогии с парадигмой *в связи с – в связи с этим (этой) N₅ – в связи с этим – в этой связи*. Ср.: *по причине – по причине этого (этой) N₂ – по причине этого – по этой причине*. Действительно, оборот *по причине этого* существует в языковом сознании говорящих, но используется, как показывают примеры, не в качестве средства логической связи, а как прецедентный текст переводного характера: *Хозяйственное воздействие на природу все растет, и соломинка когда-то переломит хвост верблюду. «Не может дюжина червей бесконечно изгрызть одно и то же яблоко».* Тут следует то возражение, что *post hoc не значит propter hoc (после этого не значит по причине этого)* (М. Соколов «Основные вопросы натурфилософии» // «Известия», 2009). В качестве реально функционирующей логической

связки предложное сочетание *по причине этого* встретилось в базе данных НКРЯ только один раз в структуре сложного предложения, и то в тексте 2 пол. XIX в.: *Если будешь одержим телесною болезнию: то не малодушествуй по причине этого* (епископ Игнатий (Брянчанинов) «Отечник», 1863). В простом предложении и на границе двух предложений в тексте нами не обнаружено употреблений сочетания *по причине этого*, хотя теоретически оно могло быть использовано в данных синтаксических условиях. Объяснить практически отсутствующее употребление оборота *по причине этого* в качестве средства логической связи можно действием конкуренции с распространенной текстовой связкой *в связи с этим*, также способной выражать причинно-следственные отношения. Полагаем, что вариант *в связи с этим* оказался доминирующим в силу своей более широкой семантики и стилистической нейтральности.

Наиболее активным компонентом рассматриваемой текстовой парадигмы является субстантивный оборот *по этой причине*, употребляющийся в синтаксических конструкциях разного типа: *Он безоговорочно верил, как и большинство его сверстников, советской пропаганде и по этой причине жил как все* (Н. Крыщук «Грустный человек» // «Звезда», 2002); *К своей цели я шел постепенно: не было никаких резких скачков, и по этой причине я не мог ощутить звездного удара от собственной популярности* (Н. Трубач «Я живу в раю» // «Мир&Дом», 2003); *В Интернете актуально главным образом «новое», то, что может служить информационным поводом. По этой причине в сети рано или поздно оказывается почти всё...* (А. Краевский «Журналы и поклонники» // «Октябрь», 2003).

Статистический анализ числа употреблений сочетания *по этой причине* в разных синтаксических конструкциях показывает неравномерное увеличение использования данного оборота. Так, в период 1901-1950 гг. происходит общий спад употребления выражения *по этой причине*, а начиная со 2 пол. XX в. наблюдается резкий рост использования этого оборота в позиции между предложениями текста, при том что в структуре простого предложения его употребление воз-

растает незначительно, а в структуре сложного даже несколько уменьшается (см. таблицу ниже):

	1750-1800	1801-1850	1851-1900	1901-1950	1951-2000	2001-2011
простое предложение	0	1	9	7	24	30
сложное предложение	0	8	28	9	53	40
между предложениями в тексте	1	11	83	46	186	269

Как показал анализ примеров НКРЯ, носители языка в целом предпочитают использовать субстантивно-определительный оборот *по этой причине*, а не предложно-падежное сочетание *по причине этого (этой) N₂*. Вот количественная характеристика общего употребления этих конкурирующих конструкций (соответственно): а) в простом предложении: 71 уп. против 4 уп.; б) в сложном предложении: 138 уп. против 3 уп.; в) между предложениями в тексте: 596 уп. против 13 уп.

Можно предположить, что широкое употребление выражения *по этой причине* связано с тем, что оно не требует поиска средств номинализации каузирующей ситуации «справа». По аналогии с парадигмой *в этой связи – в связи с этим*, конкурирующим эквивалентом выражения *по этой причине* теоретически мог бы стать оборот *по причине этого*. Абсолютная синонимия этих связочных оборотов обуславливает гипотетическую возможность их взаимозамены в любом контексте. Однако, как уже было сказано, оборот *по причине этого* не получил речевой поддержки и фактически является «мертвым» членом парадигмы связочных выражений на базе предлога *по причине*.

По нашему мнению, параллельное употребление в речи предложных сочетаний *по причине этого (этой) N₂ / по причине этого* и именного выражения *по этой причине* поддерживает «свежесть» внутренней формы предлога *по причине*, возникшего на базе предложно-падежной формы существительного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 1. Первые результаты. Понятие парадигмы предлога //

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. №5. С. 7–35.

2. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2. Синонимия, антонимия предложных единиц предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 2. С. 18–37.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

ЮДИНА Наталья Владимировна (*Владимир, Россия*)

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Владимирский филиал)
dr.yudina@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЯЗЫКОВОЙ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа более 300 словосочетаний, построенных по модели «*языковой* + имя существительное», извлеченных из печатных средств массовой информации (2000-2015 гг.) и из Национального корпуса русского языка, делается вывод о некоторых тенденциях в функционировании указанных комбинаций слов и расширении синтагматических возможностей лексики *языковой* в современном речевом дискурсе XXI века.

Светлой памяти Августа Борисовича Копелиовича посвящается...

2015 год уйдет в историю развития кафедры русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых как год диаметрально противоположных настроений и мироощущений: 25 января ушел из жизни Август Борисович Копелиович, доктор филологических наук, профессор, организатор и идейный вдохновитель традиционной для кафедры научной конференции «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект», и в сентябре же этого года исполнится юбилейных двадцать лет с тех пор, как кафедра русского языка распахнула свои двери ищущим разнообразные «синтагматические смыслы» исследователям и уже в одиннадцатый раз проводит международную научную конференцию «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект».

В настоящей статье, посвященной светлой памяти Августа Борисовича Копелиовича, представлена попытка систематизировать и опи-

сать некоторые синтагматические особенности одного из самых релевантных для лингвистов прилагательного – лексемы *языковой*. Взяв за основу следующий тезис Л.В. Щербы, сформулированный в статье «О творяком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»: «... при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [7: 24], поставим перед собой цель установить: имеют ли возможность самые традиционные и консервативные лексемы получать в современной дискурсивной практике XXI века новое «синтагматическое дыхание» или их удел воспроизводиться в готовом, стандартизированном словосочетании, подробно описанном в ряде лексикографических источников? (подробнее о синтагматических особенностях имен прилагательных в современном русском языке см. [8]).

Несмотря на свою ярко выраженную частотность, прилагательное *языковой* по-разному представлено в словарях русского языка. Анализ современных лексикографических источников позволяет выявить следующие закономерности. Так, можно наблюдать:

а) полное отсутствие упоминания о прилагательном *языковой* в лексикографическом источнике (ср., например: «Словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина [5]);

б) «намек» на существование прилагательного *языковой* в финальном упоминании анализируемой лексемы после всех значений существительного *язык* (ср.: прил. *языковой*, -ая, -ое (ко 2 и 3 знач.) [3: 917]);

в) существование отдельной, но очень схематичной статьи типа «ЯЗЫКОВО́Й, -áя, -óе. Прил. к язык (в 3 и 4 знач.). *Языковые явления. Языковое чутье. Языковое родство*» [<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encus.htm>], предложенной, например, в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [4] или в «Толковом словаре русского

языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (ср.: «ЯЗЫКОВО'Й, а́я, о́е. Прил. к язык в 3 и 4 знач. *Языковое чутье. Языковой факт. Языковые явления. Языковая система*» [<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3d5401.htm>] [6]);

г) появление полноценной лексикографической статьи, представленной, к примеру, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой. Ср.: «ЯЗЫКОВОЙ – англ. *linguistic, language (attr.)*. Прил. к язык. *Языковая география*. То же, что *лингвистическая география* (см. *лингвистический*). *Языковой контакт* – англ. *languages in contact*. Соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках. *Языковое мышление*. То же, что мышление вербальное. *Языковая общность* – англ. *linguistic community*. 1) Общие черты, свойственные разным языкам вследствие общего происхождения, контактов или других каких-л. причин. 2) Группа языков, объединенных по происхождению, близостью занимаемых территорий и т.п. *Языковое сознание* – см. *сознание языковое*. *Языковой стиль*. То же, что *стиль языка* (см. *стиль*). *Языковое творчество* – англ. *linguistic creativity*, нем. *Schöpfung*, исп. *creaciön*. Представление о языковом изменении как о результате деятельности отдельного индивида или самопроизвольного развития языковой системы, внешних по отношению к коллективу, пользующемуся этим языком. *Языковая форма внутренняя* – англ. *inner form of a language*, фр. *forme intérieure d'une langue*, нем. *innere Sprachform*, исп. *forma interior del lenguaje*. То же, что форма (в 5 знач.). *Языковое чутьё* – см. *чутьё языковое* [http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm].

Представленное лексикографическое разночтение подходов и интереса к прилагательному *языковой* дает основание для обеспечения необходимого более глубокого и всестороннего изучения анализируемой лексемы и ее синтагматического поведения в русском языке XXI века.

В процессе работы над настоящей статьей нами были собраны более 300 словосочетаний с прилагательным *языковой*, извлеченных из печатных средств массовой информации (в частности, из «Российской газеты» (2000-2015 гг.)) и из Национального корпуса русского языка. Интересно отметить, что прилагательное *языковой* обладает широкой палитрой субстантивных распространителей, зарегистрированных и – чаще – не зарегистрированных в существующих лексикографических источниках. Обратим внимание на некоторые тенденции в функционировании указанной лексики.

1) Среди наиболее частотных из встретившихся нам словосочетаний с прилагательным *языковой* подавляющее большинство единиц связано с описанным во всех словарях значением существительного *язык* как «системы словесного выражения мыслей, обладающей определенным звуковым и грамматическим строем и служащей средством общения в человеческом обществе». Сюда относятся:

а) традиционные лингвистические термины типа *языковая единица / группа / система / культура / политика* и др. Ср. в этой связи: *Собираетесь пополнить свою «лингвистическую коллекцию» романской языковой группой?* (rg.ru/2013/02/01/kitay.html); *...обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры* (rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html); *Верховная рада Украины отменила закон «Об основах государственной языковой политики»* (rg.ru/2014/02/26/rusky.html); *Уметь продемонстрировать знание языковой системы, проявляющееся в навыках употребления языковых единиц и структурных отношений...* (rg.ru/2009/12/25/yazyk-dok.html)).

Среди единиц этого типа особого внимания заслуживают частотные сочетания с прилагательным *языковой*, которые можно квалифицировать как лингвистические термины, появившиеся в языковом обиходе сравнительно недавно (ср.: *языковой дискурс, языковая картина мира, языковая компетенция* и др.). Ср.: *XII Международная научно-практическая конференция «Языковой дискурс в социальной практике» открылась утром 6 апреля в Тверском государственном уни-*

верситете (rg.ru/2012/04/06/reg-cfo/lingva-anons.html); В таком движении популярных и частотных слов прослеживаются серьезные изменения **языковой картины мира** (rg.ru/2011/05/23/lingua.html); В современном мире **языковая компетенция** – одна из важнейших составляющих карьеры (rg.ru/2013/06/28/yazik.html);

б) нелингвистические термины, появление и широкое распространение которых обусловлено современными реалиями внеязыковой действительности (ср. примеры типа **языковой интерфейс**, **языковой портфель**, **языковая инспекция** и др.). Ср.: Для управления обрабатываемыми компонентами системы извне должен быть представлен интерфейс пользователя и языковой интерфейс (НКРЯ, дата обращения – 15.08.2014); Совместно с европейскими коллегами участвую в реализации проекта «**Европейский языковой портфель**» – подборка методических материалов... (rg.ru/2004/09/01/obrazovanie.html); **Языковая инспекция** Эстонии провела проверку и обнаружила, что в большинстве русскоязычных СМИ в слове «Таллинн» регулярно допускаются ошибки (rg.ru/2004/11/10/tallinn.html); В Петербурге открылся первый центр языкового тестирования... (rg.ru/2012/07/30/reg-szfo/test-anons.html);

в) метафорические сочетания типа **языковой гнет**, **языковая паника**, **языковые страсти** и др. Ср.: Но русское население чувствует себя униженным, чувствует постоянный **языковой гнет** (rg.ru/2008/09/10/konkurs.html); **Значит ли это, что в педагогических кругах языковую панику** считают преждевременной, а цифры Госкомстата устаревшими? (rg.ru/Anons/arc_2003/0122/3.shtm); **Вот где языковые страсти** кипят: на румынском говорить или молдавском, зачем русский учить... (rg.ru/2011/09/20/pedagogi.html);

г) близки к метафорическим сочетаниям окказиональные единицы (ср.: интересные, единожды зарегистрированные в средствах массовой информации такие единицы, как **языковой дизайн**, **языковой кураж**, **языковой шлейф** и др.). См.: ...что, поддавшись на его звенящие парадоксальной смелостью и безумием диалоги, расслышали в них не больше, чем **языковой дизайн** советского образа жизни (rg.ru/2008/05/28/sharmanka.html); К сожалению, у нас этот **языковой**

кураж утерян (rg.ru/2012/05/15/yazik.html); **Шлейф**, конечно, *небольшой языковой* будет тянуться, но это уже совсем не та «война», которую ведут учителя с неадаптированными детьми (rg.ru/2008/06/25/yazik.html);

д) элементы проявления языковой игры. К примеру, в предложении *Не языковой барьер, а языковой мост...* (rg.ru/2009/08/06/kitayuaroniya.html) можно наблюдать лексическое противопоставление двух существительных – *мост* и *барьер*, что может быть квалифицировано как некая реализация элементов языковой игры. В предложении *В этой дружной языковой семье русский остается, пожалуй, самым обделенным* (rg.ru/2008/09/05/russkiy.html) предметом языковой игры является появление при прилагательном *языковой* существительного *семейка* вместо известного и традиционного термина *языковая семья*.

Более того, особо следует обратить внимание на элементы языковой игры, связанные с нарушением орфографической нормы. Ср.: *Каннский корреспондент «РГ» считает, что фильм у режиссера-хулигана получился абсолютно киноманский – с языковой черезполосицей...* (rg.ru/sujet/3726). Намеренно неверное написание существительного *черезполосица через З связано с пародией на апеллируемый автором текст статьи, в анонсе которой написано следующее: *Фильм об этом называется *Inglourious Basterds*, и такую демонстративную безграмотность переводить надо тоже безграмотно – что-то вроде "Безславные ублюдки". Или "ублютки". Или как кому взбрыкнет. ... Потому что придумана сплошная языковая чересполосица: с французского перескакивают на английский с заездом в немецкий и с включениями итальянской мовы – это придает всему привкус абсурда и поддерживает идею стилевой чересполосицы, ставшей ноу-хау этого фильма* [<http://www.rg.ru/2009/05/21/tarantino.html>].

2) Справедливо будет отметить тот факт, что в современном дискурсе ряд словосочетаний с прилагательным *языковой* так или иначе начинает иметь несколько политизированный характер, употребляясь в политическом дискурсе и становясь предметом оживлен-

ных политических дискуссий. Ср., напр.: *Детская болезнь любой демократии – языковой национализм* (rg.ru/Anons/arc_2002/0606/4.shtml).

При этом достаточно часто такие словосочетания (целиком или их отдельные компоненты) оформляются с помощью кавычек, что свидетельствует о включении в текст слова или словосочетания в необычном для них значении [www.gramota.ru/spravka/rules/?rub=kav]. Такой пунктуационной тенденции употребления анализируемых единиц ранее замечено не было. При этом закавыченным может быть:

а) само прилагательное *языковой* (ср.: *И хотя чиновники Нацсовета со всех площадок опровергают наличие «языковой» и антироссийской подоплеки в своих действиях...* (rg.ru/2008/11/05/ukraine-tv.html); **«Языковое» противостояние только увеличится** (rg.ru/2012/11/21/rada-poln.html); *Россия возмущена «языковыми» решениями новых властей Киева...* (rg.ru/2014/02/25/yazik.html);

б) существительное, ставшее его субстантивным распространителем (ср., напр.: *Но и слов тоже больше, особенно если все дальше и дальше углубляться в языковой «лес»...* (rg.ru/2005/09/23/koroleva.html));

в) всё словосочетание (ср.: *Чтобы беспрепятственно принять многострадальный, но важный «языковой закон», парламентское большинство пошло на хитрость...* (rg.ru/2012/07/04/rada.html); *Этому пока стараются противостоять оставшиеся в живых после «языковой инквизиции» 10 русских гимназий* (rg.ru/2011/07/07/estonia.html); *А бизнесмены, лоббирующие массовую миграцию, сразу горячо выступают против «языковой дискриминации»* (rg.ru/2012/11/15/zakon.html).

3) Одной из особенностей употребления прилагательного *языковой* в современном русском языке является его использование как производного от существительного *язык* со значением «разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками». Таким образом, в некоторых случаях происходит подмена прилагательным *языковой* термина *речевой*, и это, как нам кажется, может впоследствии стать определенной тенденцией. Ср.: *Или другой при-*

мер языковой «болезни» – популярное «вау» (rg.ru/2007/03/23/issledovateli.html); Но что «не все в порядке» – очевидно: уровень языковой культуры наших публичных фигур весьма и весьма невысок – за редкими исключениями (rg.ru/2007/03/29/reg-chernoz/zagorovskaya.html); По этому поводу вопрос: влияет ли речь больших чиновников на языковую моду? (rg.ru/2012/05/15/yazik.html); А во-вторых, стандартизация не страхует нас от языкового оскудения, с которым мы так часто сейчас встречаемся (rg.ru/2014/12/02/yazik-poln.html).

Таким образом, анализ современной дискурсивной практики и печатных средств массовой информации XXI века позволил выявить яркие синтагматические возможности функционирования прилагательного *языковой*, расширяющего вслед за требованиями современного человека свои синтагматические способности и демонстрирующего свое современное «лингвистическое поведение», подтверждая следующие тезисы отечественных лингвистов: мысль Л.В. Щербы о том, что «мы постоянно делаем новые сочетания» [7: 24], мнение А.Б. Копелиовича о том, что «согласование по смыслу как модель отношений между определяющими и определяемыми словами ...имеет достаточно длительную историю в русском языке» [1: 74], и позицию С.И. Ожегова, свидетельствующую о том, что «развитие производства, техники значительно расширило возможности сочетаемости слов... В этой области заложены самые широкие возможности обогащения словарного состава» [2: 35]. В этой связи вполне очевидным представляется тезис о том, что синтагматические возможности прилагательного *языковой* так же, как и ряда других частотных и регулярных лексем, будут продолжать расширяться, что обусловлено как интралингвистическими, так и экстралингвистическими особенностями функционирования лексических единиц в русском языке XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копелиович А.Б. Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду: материалы для спецкурса. Изд. 2-е испр. Владимир: ВГПУ, 1997.
2. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974.
3. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

4. СРЯ 1999 – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. 797 с.

5. СССРЯ 2002 – Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Изд-во АСТ, Изд-во Астрель, 2002.

6. ТСРЯ 1940 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4: С –Ящурный. / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1502 стб.

7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004.

8. Юдина Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М.-Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006.

ЮДКИН-РИПУН Игорь Николаевич (*Киев, Украина*)

Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины
iyudkin@yandex.ru

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ЕДИНИЦЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА И СЦЕНИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Аннотация. Повествовательная перспектива определяет аспектуальные ситуации в сегментах прозаического текста, существенно отличные от присутствующих им в изоляции. В частности, преобладающее значение обретает акциональная составляющая, сопоставимая с эпизодами драмы.

Контекст категориальных ситуаций – одного из краеугольных понятий функциональной грамматики – налагает особые условия их проявления и истолкования: так, в пословицах, по А.В. Бондарко, «при временной обобщенности различия в грамматических значениях ... переходят в область коннотации» [1: 461]. В развернутых художественных текстах А.В. Бондарко находит «особый тип перцептивности», обуславливающий в лирике «образно-поэтическое актуальное настоящее», являющееся «производным от первичного прототипа – актуального настоящего в разговорной речи» [1: 277-278]. В лирическом тексте прототипическая ситуация наблюдательности определяет ведущую роль созерцания: автор текста собирает впечатления, претерпевает описываемые события, испытывает воздействие происходящего. В центре внимания не действие автора, пусть и участвующего в событиях, а претерпеваемые их последствия, что открывает возможно-

сти преобразования текста в страдательный залог. В драме персонажи, от имени которых авторизуется речь, находятся в прототипической ситуации принятия решения, они постоянно ищут ответа на вопрос «что делать», а потому любая ситуация так или иначе предполагает императив как вывод.

Привлечение понятий прототипа и коннотаций предполагает обращение к проблеме синкретизма и раскрытия внутренних возможностей слова через интерпретации. В частности, определяющая роль текстовой целостности для смысла единиц повествования позволяет проявляющиеся тут коннотации сопоставить с тем классом синкретизма, по М. В. Пименовой, в котором «“амальгамы” представлены в выделяющихся по характеру коммуникативной функции нерасчлененных когнитивно-прагматических значениях» [5: 34]. Этому соответствует «денотативно - сигнификативная синкретсемия, при которой синкретичное значение связано одновременно с двумя сигнификатами и двумя денотатами» [5: 40] – многозначность, раскрываемая в перспективе контекста, в отличие, в частности, от обычных тропов. Ведущая роль прагматики в данном случае соответствует роли перспективы повествования как интерпретационного фактора, в зависимости от которого выявляется то или иное значение.

Особенно сложны вопросы аспектологии в художественной прозе, особенно в чисто повествовательных ее разделах, где возникает проблема соотношения состояния и действия. Смысл описываемых в сегменте прозаического текста явлений зависит от позиции в целостном повествовании, представляемой референцией относительно контекста, и от пресуппозиции, проявляющейся, в частности, в авторизации сегмента, его идентификации как высказывания персонажа или автора повествования. Позиционная обусловленность смысла влечет за собой выявление скрытых коннотаций, открывающих возможность, по М. В. Всеволодовой, «синонимических перефразировок, представляющих каждый раз одну и ту же картину в разных ракурсах» [2: 275]. В частности, статичные описания состояний (например, пейзажи) как представления аспектуальных ситуаций наблюдаемости, представляются в ракурсе действия как акциональные ситуации, будучи взяты в

перспективе развертывания сюжета. Определение ситуации значительно зависит от того, в чьи уста вкладываются высказывания, поскольку, как отметила С.Г. Ильенко, «понятие предикативности мыслилось как сложное единство категорий времени, модальности и лица, при этом [...] персонализация должна рассматриваться в качестве цементирующей основы», как «аспект позиции говорящего» [3: 155-156].

Эта двойная, позиционная и персональная обусловленность истолкования ситуации прозаического сегмента актуализирует проблему воспроизводимости, а следовательно, и кодификации ситуаций, возведения их к парадигме и сведения к репродукции. Если смысл текстового сегмента определяется перспективой повествования и авторизацией, то возможность воспроизведения этих условий является предпосылкой устойчивости соответствующей ситуации и возможности ее интерпретации. Здесь представляется уместным обратиться к опыту этюдного метода в театре Е.Б. Вахтанговым была разработана система этюдов – по данным Б.М. Сушкевича, «было около пятисот названий возможных одноактных инсценировок» [6: 10]. Вероятно, допустимо подобие этюдов и сегментов художественной прозы. Приведем примеры.

1. *Давно не помнили горожане такого пекла в конце июня. Деревья начали вянуть. На лугах за рекой стояла мгла. Говорят – горел хлеб. От сухости по ночам трещали стены. В учреждениях служащие пили воду, вялые, как вываренное мясо* (А. Н. Толстой. Голубые города). Контекст – канун катастрофы (убийства) в захолустье, где находится герой. В сегменте доминирует аспект наблюдательности. Авторизация отрывка ограничивается дважды (не помнили и говорят), так что рассказчик подменяется неопределенно-личным свидетелем. Рассказчик как бы чувствует необходимость подкрепить свое повествование сторонними свидетельствами, представляемыми подобием хора античной драмы. Но еще существеннее, что описание состояния, представленное в аспекте статичности, в контексте целого оказывается моментом подготовки невероятных событий. Оно оказывается теми обстоятельствами разыгрываемого перед публикой персонажами спектакля, которыми провоцируется поступок. Мотив ПЕКЛО с явными

адскими, inferнальными ассоциациями раскрывается в коннотациях ГАРЬ, МГЛА, ТРЕСК, ВЯЛОСТЬ (последний варьируется дважды). Поэтому характеристика состояния обнаруживает акциональный аспект.

2. *Он шел по темным, сырым переулкам, похожим на норы, в которые никогда не проникает свет ... в каждом из мрачных, высоких домов с узкими окнами чудилась тайна»; «В конце коридора показалась женская фигура. Она медленно приближалась ... И вдруг в фигуре, на которую он смотрел как на чужую, Готовцев узнал Елену Николаевну* (В.В. Вересаев. Паутина). Контекст – подготовка перелома в отношениях между супругами, в открытии оснований душевной близости. Ходьба по улице (мужа) и по коридору (жены) указывает на соответствие обоих эпизодов. Уже само соотнесение мотивов ТАЙНА – ЧУЖОЕ – УЗНАВАНИЕ свидетельствует, что описательный эпизод прогулки по итальянскому городу не является просто накоплением впечатлений. Смысл такого странствия состоит в преобразении внутреннего мира героя, в обретении умения по-новому видеть людей. Авторизация описания внешне выглядит от рассказчика, однако фактически в форме несобственно-прямой речи передается переживание самого героя. Именно ему, а не стороннему наблюдателю, чудится тайна, и ему заметно отсутствие света.

3. *Алибаев не мог не узнать Клару. Узнали ее еще двое из арестованных. Оба они переглянулись друг с другом. Посмотрели на Алибаева, но тот отвел глаза. У него все заглохло внутри – не от испуга, а от жалости* (Л.Н. Сейфуллина. Каин - Кабак). Контекст – после сцены появления нищего в солдатской форме у стоящих на улице арестованного атамана и конвоиров (события относятся к 1920-м гг.), в котором опознают переодетую любовницу атамана. Эпизод демонстрирует, по Ю.С. Маслову, «скачок в новое состояние», знаменуя «возникновение новой ситуации» [1: 415] именно с учетом такого контекста, поэтому мы имеем дело с аспектуальной ситуацией начальности (иначе речь шла бы только об однократности действия). Она осложнена целым набором коннотаций, начиная с двойного отрицания, которым вводится сам акт узнавания. Еще сложнее авторизация слов о ХОЛОДЕ и ЖАЛОСТИ главного персонажа – они обретают

исповедальный тон и представляются несобственно-прямой речью, принадлежащей самому герою.

В том, что отмеченные аспектуальные ситуации обусловлены позицией и авторизацией, легко убедиться, варьируя контекст приведенных примеров: вне повествовательной канвы описание летней жары становится примером ситуации длительности, прогулка по улицам и коридорам демонстрирует аспект процессуальности, игра взглядов – однократность. Пресуппозиция, раскрываемая повествовательной перспективой, создает условия переосмысления значений словесного материала. Особенно важно, что цельность приведенных «прозаических стрóf» обеспечивается единством действия, определяемого целями и намерениями, интенцией, понятными только из всего контекста повести. Единицы прозаического текста представляют преимущественно акциональные ситуации, что и позволяет сопоставлять их с драматическими этюдами.

Таким образом, методы функциональной грамматики как экспериментального исследования текста перекликаются с практикой инсценизации, также основанной на преобразованиях текста. В конечном счете основу выявления скрытых смыслов составляет сама речевая стихия, раскрывающая свои возможности через усилия ее интерпретаторов. Таков смысл высказывания Г. де Мопассана: *«У слов есть душа [...] она появляется при соприкосновении слова с другими словами, вспыхивает и освещает некоторые книги неведомым светом, но нелегко высечь из слова этот огонь»* [4: 232].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 С.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд. Московского университета, 2000. 504 С.
3. Ильенко С.Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука, 1975. С. 154-159
4. Мопассан Ги. де Гюстав Флобер (II). Пер. М.П. Столярова. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. 11. М.: Правда, 1958. С. 199 – 247
5. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19 – 48.
6. Сушкевич Б.М. Семь моментов работы над ролью. Л.: Изд. Гос. Академического Театра Драмы, 1935. 30 С.

Содержание

От редакционной коллегии	3
Абакумова О.Б. Выражение оценки в пословицах (на материале русских пословиц о правде).....	5
Абрамова И.Ю. Концепт «движение» в творчестве С.К. Никитина (на примере рассказа «Горькая ягода»).....	11
Акимова В.В. Семантические изменения лексики портретных описаний в условиях контекста (на примере рассказа К.А. Коровина «А.Я. Головин»)....	18
Алиев Т.А. О некоторых типах трансформации лингвистических терминов латинского происхождения в русском языке.....	21
Анастасьева О.А. Афоризм в синергетическом аспекте (на материале английского языка).....	24
Арискина О.Л. Языковая личность В.П. Светова и А.А. Барсова: анализ лингвокогнитивного уровня.....	28
Асылбекова Ш.С. Синтаксические сигналы несобственно-прямой речи в текстах рассказов А.П. Чехова и их переводах на казахский язык.....	31
Бабанов А.В. Пересечения функционально-семантических полей и синтагматика префиксальных глаголов.....	34
Бекасова Е.Н. О генетическом «расслоении» словообразовательных гнезд в современном русском языке.....	38
Белова А.Д. Посты политиков в социальных медиа как составляющая политического дискурса (на материале английского языка).....	42
Белоусова Т.П. Антропоморфная метафора в языке биоэтики.....	47
Березовская-Савчук Н.А. Дистрибуція як інтегральна синтагматична характеристика предикатів.....	52
Бессонова Л.Е., Сегал Н.А. Семантический синкретизм языковых единиц с пространственной семантикой в политическом тексте.....	57
Блинова О.А. Несобственно-прямая речь в англоязычной синтагматической прозе XVIII в. (на материале романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна).....	61
Богрова К.М., Малахов А.С. К вопросу о составлении словаря языка писателя (на материале произведений В.А. Солоухина).....	65
Бувалец Е.В. Морфосинтаксический статус двойных субстантивных конструкций (на материале поэтического текста).....	70
Буденис О.Г. Комплексная парадигма отыменных пространственных предложных сочетаний с базовым компонентом <i>граница</i>	74
Важенина В.П. On the effective communication strategies of British politeness (the Linguistic Aspects).....	78
Валентинова О.И. А.С. Пушкин и крах средневекового слова.....	81
Варюшенкова Е.Н. Обособленный инфинитив, примыкающий к существительному-подлежащему.....	85
Веденеева М.А. Выражения пространственного значения в приставочно-суффиксальных и сложносуффиксальных именах существительных.....	89
Величко А.В. Изменения в системе средств выражения отрицания. Прагматический аспект.....	95
Владимирова Т.Е. Экзистенциальная картина мира и бытия.....	99

Вязовик Т.П. Сегментированные сложноподчиненные предложения с семантикой обусловленности, включающие неоднословное местоимение «вот зачем».....	103
Глинка Е.В. Категория одушевлённости: грамматическое представление и скрытое выражение.....	107
Головина Л.И. Комплексное изучение словообразовательных гнезд с исходными именами прилагательными.....	111
Голубева В.К. Синкретичные наречия как средство создания смысловой объемности поэтического текста.....	116
Гончаренко А.В. Лингвогеографические особенности языка послания Владимира-Суздальского епископа Симона к киевскому монаху Поликарпу.....	120
Гришаева Л.И. Макросинтаксическая организация текста и порождение новых смыслов в дискурсе.....	124
Данилина Н.И. Взаимодействие синтагматического и парадигматического критериев в оценке системного статуса морфем греко-латинского происхождения.....	134
Джангобекова Т.А. Функции инфинитива в «Истории о Великом князе Московском» А. Курбского.....	140
Емельянова Е.С. Синтагматика терминов в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы.....	146
Жень Цзя. Особенности описания лексем с семантикой оценки в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.....	150
Загнитко А.А. Когнитивная глубина предложения: уровни, категории, аспекты.....	154
Земляник Т.В. Семантический синкретизм сферы «автор – адресат» в письмах Б. Пастернака.....	159
Исакова А.А. Когнитивная модель жанра мини-рецензии.....	163
Йонаш Эржебет Ч. Генеалогические термины и синкретизм перевода в прозе Людмилы Улицкой (на материале рассказа «Старые фотографии»).....	168
Калинина А.А. Семантика запрета и способы ее представления: прямой и обратный.....	174
Калинина Л.В., Трушков М.А. О причинах появления сочетаний "типичный + имя собственное" в современной речи.....	179
Канафьева А.В. Партикулярные риторические компоненты в высказывании.....	184
Качан О.Г. Способы и средства выражения синтаксического значения функционального назначения с оттенком естественного результата в современном белорусском литературном языке.....	190
Кизиль М.А. Английские метафорические термины Интернет-сферы.....	195
Киынова Ж.К. Традиционные формулы-синтагмы в портретных описаниях.....	198
Клемёнова Е.Н. «Смысл» – как много в этом слове... (размышления о теории смысла).....	202
Козлова А.Ю. Притяжательные прилагательные в разных списках Толковой Палеи.....	207
Козловская Е.С. Композиционные особенности защитительных текстов эпохи судебной реформы Александра II.....	212
Копелиович А.Б. Теорема индоевропейского рода.....	216
Коренева Ю.В. Житийный лингвоконцепт “покаяние”: особенности синтагматики.....	228

Королёв И.Р. Украинское, русское и литовское речевое поведение в кооперативной коммуникативной ситуации «приветствие».....	233
Королёва Н.В. Латиноязычная анаграмма как криптографический прием.....	240
Коростова С.В., Жилкайдарова О.В. Эмотивно-оценочные глаголы как репрезентанты категории эмотивности в художественном тексте (на материале произведений А.П. Чехова).....	245
Коч Н.В. К вопросу о дихотомической структуре концепта.....	250
Кошкарлова Н.Н. Жанрово-стилистическое разнообразие политического дискурса.....	257
Крапицкая Н.А. Совмещение значений английских посессивных прилагательных.....	260
Красина Е.А. Асимметричный дуализм предложения и высказывания.....	263
Кручинкина Н.Д. Синтагматика разноуровневых единиц языка.....	268
Крыжко Е.А. Понятие дискурса и дискурсивного анализа в лингвистике.....	271
Куц Э.А. Аксиологические особенности предубежденного дискурса политиков.....	276
Ланская О.В. Концепт «дом» как отражение души человека (по роману Л.Н. Толстого «Война и мир»).....	280
Лекант П.А. Парадигматика и синтагматика имён времени.....	285
Литвин И.Н. Мотивация русских отсубстантивных наречий меры и степени.....	294
Лызлов А.И. Повтор как элемент семантики некоторых компаративных паремий английского языка.....	299
Максимова Ю.А. Метафорическая модель «деятельность партии/народа – действие стихий неживой природы» (на материале работы Л.Д. Троцкого «История русской революции»).....	304
Манохина Ю.Е. Синтагматика имен существительных с семантикой собирательности (на материале украинского языка).....	308
Маркова Т.Д. Перфект как реализация скрытой функционально-семантической категории эвиденциальности в славяно-русских Прологах XIV-XVII веков.....	313
Маслова В.А. Синкретизм языкового, религиозного и культурного смыслов в поэтической молитве.....	317
Матусевич А.А. К вопросу об изменении семантики и сочетаемости слов в условиях интернет-коммуникации (на материале сайта «ВКонтакте»).....	322
Медведев Е.Ю. Механизм реконструкции системы ценностей человека через его высказывания.....	326
Мелехова Л.А., Сергиевская Л.А. Коннотации бессоюзного сложного предложения.....	331
Мельникова Е.А. Функционирование оценочного прилагательного <i>прекрасный</i> в романе Г. Газданова «Ночные дороги».....	335
Милованова М.С. Парадигматика и синтагматика смыслов (семантика <i>противительности</i>).....	340
Михайлова Л.П. Формальное варьирование в пределах экстенциальной лексической макросистемы.....	345
Монина Т.С. Синтагматика как поле вербализации национальной концептосферы.....	348
Мордкович Ж.В. Семантика падежной парадигмы как проявление интерпретационной матрицы пространства-времени.....	352

Моровов Д.В. Реализация императивности как текстовой категории в современной русскоязычной Интернет-публицистике.....	355
Муратова Е.Ю. Семантический синкретизм языкового знака в поэтическом тексте.....	358
Николина Н.А. Голофрастические образования в современной русской речи.....	364
Никулкина О.Г. Особенности употребления некоторых имен-символов в текстах авторских сказок.....	370
Одинцова И.В. Коррелирующее употребление слов <i>должен</i> и <i>надо</i> при выражении необходимости.....	374
Осьмак Н.А. Основные принципы речевой лексикографии.....	379
Палоши И. Способы глагольного действия как средства выражения взаимности действия.....	383
Пальшина Д.А. От десемантизации — к прагматикализации (о смысловых и функциональных трансформациях редуцированных форм частотных слов в устной повседневной речи).....	389
Петров А.В., Петрова Л.А. Семантика тавтологических сочетаний модели «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.».....	394
Пивнёва Л.В. Функции LSP туризма.....	398
Пименова М.Вас. Синкретемы с устойчивым книжным атрибутом в памятниках деловой письменности Владимирского края XVII в.	406
Пименова М.Вл. Концептуальный анализ языка: типы концептов.....	411
Поленова Г.Т. Слово – словоформа – грамматическая форма в кетском языке.....	421
Поляковская Ю.В. Имплицитность как элемент идиодискурса Ф.М. Достоевского.....	426
Прокофьева А.В., Дронова Г.Е., Новикова И.Н. Роль фразеологических единиц в выражении информативности как базовой текстовой категории в песенно-поэтических текстах В.С. Высоцкого.....	434
Пьецух О.И. Метафора политики как войны в дискурсе парламентских дебатов в Великобритании.....	439
Роговнева Ю.В. О влиянии распространителей на регистровую характеристику модели.....	443
Рыбаков М.А., Трубеева Е.В. Морфологическая и синтаксическая синтагматика падежа.....	446
Самсонова А.А. Экспрессивные возможности современной судебной речи..	450
Сафронова Н.А. О временном значении причастных конструкций.....	454
Сафьянникова Г.Е. Механизмы формирования фразеологического значения (на материале «Наказа императрицы Екатерины II, данного комиссии о сочинении проекта нового Уложения»).....	461
Селеменева О.А. Типовая пропозиция «состояние природы»: содержание и средства реализации в русском языке.....	464
Селиванова Е.А. Функционально-семантическая категория генерализации в русском языке (местоимение как ядерный компонент).....	469
Селюнина О.А. Значение и функция <i>между тем</i> в распространительно-определятельном предложении.....	476
Сидорова М.Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций.....	480
Синица И.А. Символизация онимов в поэтическом дискурсе.....	485

Смирнова М.А. Модально-оценочные значения высказываний с описательными глагольно-именными оборотами в эпистолярных текстах конца XIX – первой половины XX вв.....	489
Соколова А.А. О причинах грамматикализации славянского перфекта.....	493
Соколова О.И. Безобъектное употребление переходных глаголов в разговорной речи.....	496
Стойкова Т.А. Синтагматика и парадигматика некоторых фразеологизмов, концептуализирующих внутренний мир человека (на материале русского, болгарского и латышского языков).....	500
Сушкова И.М. Лексическое наполнение предложений со значением принадлежности.....	505
Сывороткин М.М. Топонимика Муромского края: история и этимология.....	510
Сычугова Л.П. Определение образно-понятийной природы концепта <i>ритм</i> на основе анализа синтагматических отношений.....	517
Тарланов З.К. Случайность и скрытая закономерность в выборе вариантов в языковом развитии.....	521
Темирова Д.А. Особенности лексики варианта английского языка – <i>singlish</i> (на материале английских сообщений корпуса SMS NUS).....	526
Теряхина Е.Н. Редупликация в разговорной речи (на материале произведений В.А. Солоухина и текстов СМИ Владимирской области).....	531
Трофимович Т.Г. Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года: опыт историко-стилистического анализа.....	534
Трушкина Ю.И. Суффиксальный способ выражения градуальной семантики в именах существительных в современном русском языке (на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»).....	539
Устюгова Л.М. Функционально-стилистические особенности страдательных причастий в романе М. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».....	542
Ушакова А.П. Эллиптические предложения и особенности их употребления в заголовках газетных статей.....	548
Федосов В.А. Слово в речи.....	552
Филичева О.С., Парастаева С.Г. Формирование убеждения в научном дискурсе посредством обособленных конструкций.....	556
Харламова М.А. Земля в языковой картине мира сельских жителей Среднего Прииртышья.....	559
Хлупина М.А. Специфика зачинов и концовок писем С.Д. Довлатова как отражение креативности и эгоцентризма языковой личности.....	564
Чебышев Ф.А. Семантика ожидания как объект лингвистической характеристики.....	569
Чернова Л.А. Субъектно-объектные отношения в конструкциях с глаголом «казаться».....	575
Чернова С.В. Развлекательный дискурс: понятие и основные характеристики.....	581
Шеверинова О.В. Синкретизм прецедентных имен в художественном дискурсе (на примере произведений В.П. Астафьева).....	585
Шейко Е.В. Особенности соподчинения придаточных частей в изъяснительных сложноподчиненных предложениях.....	588
Шепель Ю.А. Морфологическая асимметрия и изоморфизм адъективных словообразовательных рядов (антропоцентрический подход).....	593

Шетэля В.М. Польская антропонимика в американском кино (польские фамилии в иноязычном исполнении).....	608
Шмыкалова И.А. Текстовая парадигма предлога <i>по причине</i> : динамика функционирования в различных синтаксических конструкциях.....	613
Юдина Н.В. К вопросу о синтагматических особенностях прилагательного <i>языковой</i> в современном русском языке.....	618
Юдкин-Рипун И.Н. Категориальная ситуация в единице повествовательного текста и сценический этюд.....	626

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Материалы XI Международной научной конференции

Материалы приводятся в авторской редакции

Ответственный редактор – проф. М.Вас. Пименова
Компьютерная верстка, макет – доц. К.М. Богрова

Подписано в печать _____2015

Формат 84x108^{1/32}

Усл. печ. л. _____

Уч. изд. л. _____5,0

Заказ № - _____

Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФКУ «ЦхиСО УМВД Росси по Владимирской области»

600020, г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, д. 88-Д, тел. (4922) 322-161